

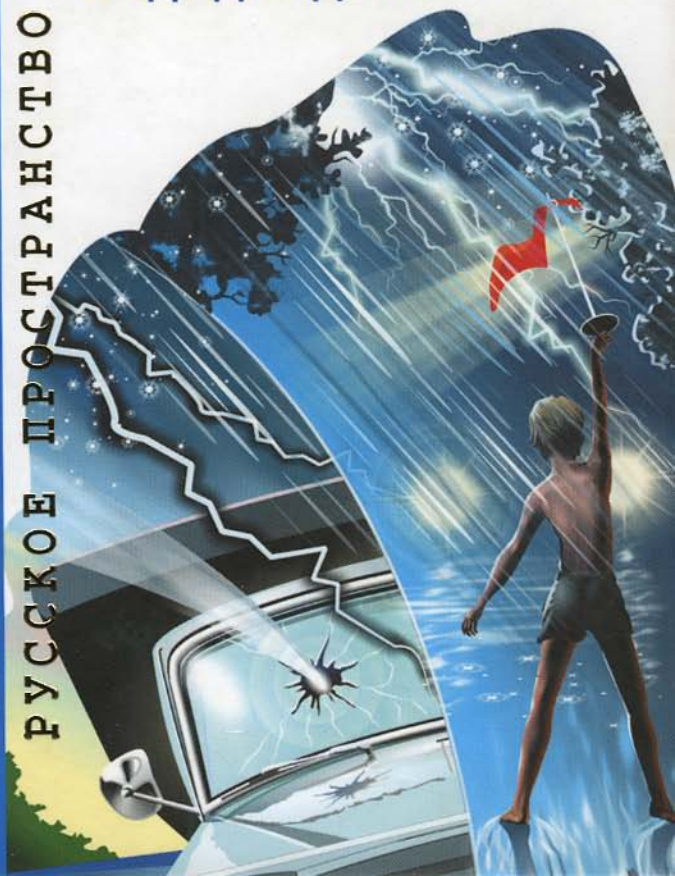
Владислав

КРАПИВИН

ЗВЕЗДЫ
ПОД ДОЖДЕМ

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ:

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Владислав
КРАПІВИН

Владислав
КРАПИВИН

ЛЕТЧИК ДЛЯ ОСОВЫХ ПОРУЧЕНИЙ
ДЫРЧАТАЯ ЛУНА
ЛУЖАЙКИ, ГДЕ ПЛЯШУТ СКВОРЕЧНИКИ
ПОРТФЕЛЬ КАПИТАНА РУМБА
ГОЛУВЯТНЯ НА ЖЕЛТОЙ ПОЛЯНЕ
В НОЧЬ БОЛЬШОГО ПРИЛИВА
СКАЗКИ О РЫБАКАХ И РЫВКАХ
СИНИЙ ТРЕУГОЛЬНИК
МАЛЬЧИК СО ШПАГОЙ
ДАВНО ЗАКОНЧИЛАСЬ ОСАДА...
ЗВЕЗДЫ ПОД ДОЖДЕМ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Владислав
КРАПИВИН

ЗВЕЗДЫ
ПОД ДОЖДЕМ

Москва

ЭКМО

2005

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
К 78

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2005 году

ЗВЕЗДЫ ПОД ДОЖДЕМ

К 78 **Крапивин В.П.**
Звезды под дождем: Роман, повести. — М.: Изд-во
Эксмо, 2005. — 608 с. — (Отцы-основатели: Русское про-
странство).

ISBN 5-699-13778-5

В сборник «Звезды под дождем» вошла одноименная лирическая по-
весть, а также наиболее известные произведения, раскрывающие одну из
основных тем в творчестве Крапивина — школьных и внутрисемейных кон-
фликтов мира детства и мира взрослых, обремененных властью над детьми.

УДК 82-312.9
ББК 84 (2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-13778-5

© Крапивин В.П., 2005
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2005

Дождь шел давно.

Отражения фонарей растекались по черному асфальту, как яичные желтки по сковороде.

Деревья, дома, газетные киоски и гипсовые горнисты у входа в маленький сквер привыкли к такой погоде. Они уже вымокли как только могли, и теперь им было все равно. И каждый продолжал заниматься своим делом: деревья качали ветками, заборы держали на себе сырые афиши о приезде Московского цирка, дома хлопали парадными дверями и светили разноцветными окнами, а горнисты держали у губ свои фанфары и готовились затрубить, если что-нибудь случится.

Только газетные киоски ничего не делали. Они уже были закрыты и тоскливо глядели темными стеклами.

А трамваям дождь нравился. Вымытые вагончики так сверкали красными боками, словно их только что выпустили с завода. Они бегали по городу особенно резво, звонили весело-весело и на каждом стыке проводов рассыпали изумрудные влажные искры. Это были даже не искры, а лоскутки зеленого пламени. Они сыпались на мокрые крыши трамваев, на блестящий асфальт и шипели.

К маленькому скверу, который охраняли гипсовые горнисты, подкатил трамвай из трех вагонов. Пассажиров было немного, и кондукторша хвостового вагона дремала, опустив подбородок на грудь. Это была опытная кондукторша и, даже задремав, сохраняла строгий вид. Со стороны казалось, что она просто рассматривает висящую на груди сумку со сверкающим запором и голубыми катушками билетов.

Она проснулась, как только в вагон вошел мальчик.

— Бери-ка билет! Ну, живенько!

Мальчик сунул руку в карман куртки. Потом пошарил в карманах брюк. Он не нашел трех копеек и молча повернулся, чтобы уйти.

— А ну постой...

Кондукторша уже совсем прогнала дремоту. Она глянула вслед мальчику и поняла, что он долго шел под дождем. Волосы его слиплись в длинные пряди, а на шее склеились в тонкую косичку. Капли скатывались по косичке за воротник разбухшей от дождя куртки. В ботинках, конечно, хлюпало.

— А ну постой! — прикрикнула кондукторша. — Гордый какой... Куда едешь-то на ночь глядя?

— До цирка, — сказал мальчик и обернулся. Ему было все равно. Он даже не помнил точно, идет ли этот трамвай до цирка.

Кондукторша, ворча, оторвала билет:

— Возьми. А то пойдет контролер...

Мальчик взял билет мокрыми пальцами. Он не сказал спасибо: наверно, забыл. А может быть, не хотел. Он стоял и, прищурившись, смотрел, как за окном плещется дождь. Мальчик не боялся дождя и в трамвай сел только для того, чтобы дальше уехать от дома.

Куда? Хоть куда. Его гнала обида.

Вагон дернулся и пошел.

Кондукторша снова опустила на грудь подбородок. И снова стало казаться, что она рассматривает сумку с голубыми роликами билетов.

Трамвайные лампочки горели дрожащим светом. Во время дождя лампочки всегда светят слабее. А по мокрым стеклам пролетали разноцветные пятна — от зеленых и красных букв на горящих вывесках магазинов. Это было красиво. Но мальчик совсем не думал о разноцветных пятнах. Он смотрел, все так же прищурившись и опустив уголки губ. И думал совсем о другом.

Потом ему захотелось сесть. Он почувствовал, что устал. Человек быстро устает, если у него обида. Она оттягивает плечи в сто раз сильнее, чем тяжелая намочшая куртка. Куртку, в конце концов, можно снять и выжать. А что делать с обидой?

Мальчик решил ехать. Просто сидеть и просто ехать, пока идет трамвай. А что будет потом, он и сам не знал. В вагоне было много свободных мест, но мальчик не хотел садиться рядом со взрослыми. Они будут сердито поджимать губы, хмуриться и отодвигаться от промокнувшего насквозь мальчишки.

На одной из скамеек устроилась у окна девчонка.

Мальчик видел светлые завитки на ее затылке, маленькие косы с растрепанными концами и откинутый серый капюшон, усыпанный темными крапинками дождя.

Мальчик шагнул к скамейке и мельком глянул на девчонку. Она оторвалась от окна, чтобы тоже взглянуть на незванного мокрого соседа. И от неожиданности мальчик чуть не сказал «здравствуй».

Это была знакомая девчонка.

Правда, не очень знакомая. Мальчик ее знал, а она его, наверно, не знала.

Осенью, зимой и весной он встречал ее почти каждый день.

Он учился в двадцать первой школе, а она, видимо, в тридцать второй. И, наверно, тоже в шестом классе. По крайней мере, уроки у них всегда кончались в одно время. Домой мальчик шел по Садовой, а девочка — по Чехова. На Первомайской они попадались навстречу друг другу.

Мальчик сначала не обращал внимания. Обыкновенная девчонка. И запомнил ее он только потому, что у нее была черная меховая шапка, похожая на свернувшуюся кошку. И было немножко смешно смотреть, как большая шапка напозала на лоб, когда девочка спешила. А она почти всегда спешила: ходила быстро, чуть наклонялась вперед и нетерпеливо глядела на подруг. И куда торопилась? Из-под шапки маленькими соломенными кольцами выбивались волосы и перепутывались с длинным черным мехом. В общем, самая обыкновенная девчонка. Мальчик просто привык видеть ее по дороге из школы. Так же, как привык видеть, например, милиционера в стеклянной будке на углу или часы на здании сельхозтехникума. А может быть, и не так... По крайней мере, когда сняли часы, он не чувствовал никакого беспо-

койства, а когда целую неделю не встречал на Первомайской эту девчонку, шевелилась какая-то тревога. А когда встретил снова, почему-то стало весело. И тогда он разозлился, покраснел и украдкой глянул на Серегу Дерябина, который вышагивал рядом. И решил с тех пор на девчонку ни разу больше не смотреть. Больно ему надо тарашить глаза на встречаемых девчонок!

Но человеческий характер устроен очень глупо. Только что-нибудь решишь — сразу же хочется сделать наоборот.

А однажды в конце марта, когда была уже настоящая весна, вдруг юго-западный тяжелый ветер забил небо серыми облаками, и начал падать липкий снег. Падал и падал, гнул тополя, затягивал черные лужи, цеплялся за провода. Сам просился в ладони, которые ловко лепят скрипучие шарики-снежки.

— Полундр-ра! — процедил Серега, когда шли из школы. — Прямо по курсу противник!

Противник в черной шапке шел навстречу. Он, как всегда, торопился и о коварных дерябинских планах не догадывался.

Серега нагнулся за снегом. Нагнулся и мальчик. Взять да и засадить по мохнатой шапке! Тогда узнает... А Дерябин уже щурит левый глаз и отводит назад руку со снежком. Рука у него была точная, глаз тоже точный. И как это получилось? Мальчик вмиг распрямился и, будто случайно, закрыл девчонку.

А потом, повернув к Сереге заляпанное снегом лицо, сказал сквозь зубы:

— Глядеть надо!

Ничего не ответил раздосадованный и смущенный Дерябин. Разве он мог догадаться?..

Пришло лето, и мальчик перестал ее встречать. И забыл. Но сейчас он сразу узнал ее, хотя не было шапки, похожей на лохматую кошку.

Мальчик сел рядом. Он садился осторожно и все-таки зацепил ногой зонт, который лежал на коленях у девочки. Нахмурился, отвернулся и неловко мазнул ее мокрым рукавом по плачу.

— Не бойся, он непромокаемый, — сказала девочка, потому что мальчик суетливо прижал свой локоть и отодвинулся на самый краешек.

— Никто и не боится, — пробормотал он и стал рассматривать пол трамвая.

Пол был покрыт решеткой из тонких реек. К рейкам прилипли намокшие билетки.

— Плохо, когда без зонта, — негромко сказала девочка.

В ее словах не было девчоночьей жалости. Было только скуповатое сочувствие. И мальчик, подумав, ответил:

— Чего ж хорошего...

— А дождь все хлещет.

Это было уже лишнее. Видно, ей просто хотелось поговорить. И, кроме того, дождь не хлестал. Он сыпал частые капли. Мальчик так и сказал:

— Ой, «хлещет»... Не сочиняй.

— Это я сочиняю? — обиделась она. — Ну и пусть. На небе ни облачка, на улице сухо. И ты совсем сухой.

— Тебе хорошо, — сердито усмехнулся мальчик. — В плаще да еще под зонтом. Как под крышей.

— Мне хорошо, — сразу согласилась девочка и почему-то вздохнула. Потом сказала: — Зонтик не мой. Мамин. Она впереди сидит, вон там... А ты почему без зонтика?

— У меня нет зонта, — отчетливо произнес мальчик. — А если бы он был, я сейчас сидел бы дома. В том-то и дело.

Он с удовольствием увидел, что девочка удивилась.

— Без зонта ходишь под дождем, а с зонтом... дома?

— Да, — сказал мальчик. Сжал губы и прищурился. — Что, непонятно?

— Ты вообще какой-то... — немного обиженно сказала она.

— Какой? — хмуро спросил он и добавил: — Что я, виноват? Раз так получилось...

— Как?

Это слово девочка произнесла очень равнодушно. Будто просто из вежливости. Но мальчик видел, что ей интересно. Он перестал сердито щуриться.

Все-таки это была немного знакомая девчонка и разговаривала с ним, как со знакомым. И однажды он спас ее от прямого попадания снежком. А снежок был крепкий. Правда, она ничего не знала, но это, подумал мальчик, даже лучше. А рассказать про свою неудачу хотелось. Ведь даже са-

мым сильным и гордым людям хочется иногда поделиться с кем-нибудь своей горечью. От этого делается легче.

— Понимаешь... — вздохнул мальчик и пошевелил раскисшим ботинком. — Понимаешь, — повторил он уже решительнее, — я сделал открытие.

Он хотел сказать «изобретение», но получилось не так. Слово «открытие» само прыгнуло с языка. И, может быть, мальчик был прав.

Для него это и в самом деле было открытием. Оно случилось три дня назад. Тогда еще не было дождя, а было яркое солнце. Мальчик стоял на крыше сарая и держал над собой зонт.

— Прыгай! — кричали внизу мальчишки.

Мальчик не прыгал.

— Забоюсь, — сказал самый маленький и толстый из приятелей и презрительно оттопырил губу.

Мальчик молчал.

С земли сарай казался очень обыкновенным: старым и невысоким. До нижней кромки пологой крыши всего три метра. Обыкновенным был и мальчик. Невысокий, тонкорукый, с выгоревшими волосами, по которым уже скучали ножницы. Загорелый, как и все мальчишки в августе. В майке, которая выбилась из-под ремня. Конечно, он не очень походил на героя. Но ведь и трусом до сих пор, кажется, не был.

А сейчас стоит и не прыгает.

— Забраться да как дать ему! — предложила тощая белобрысая девчонка, одна из тех девчонок, которые всегда вместе с мальчишками участвуют во всех опасных делах. — Тебе говорят! Прыгай давай! Или съезжай на брюхе! А других не задерживай.

Мальчик не отвечал.

В небе двигались облака. Большие, круглые, как желтые аэростаты. И сарай, который казался с земли очень обыкновенным, плыл навстречу облакам, будто поднятый в небо корабль.

А двор напоминал поверхность планеты, увиденную с космической высоты. Островки пыльной травы, пересыпанной седыми шариками одуванчиков, были похожи на зеле-

ный архипелаг, а дождевая вода в бочке у сарая, словно круглое озеро в отвесных берегах, светилось голубой синевою.

Мальчик любил всему на свете давать имена и названия. Они всегда придумывались сразу. Зеркальце воды в бочке он назвал Озером Синего Света, а пятна травы Архипелагом Неизведанных Лесов...

— Да прыгай же! — Это изо всех сил крикнула белобрысая девчонка.

Мальчик наконец спохватился: да, пора.

И поднял зонт.

Черный зонт был похож на купол цирка, уменьшенный в сотни раз. Только под куполом всегда сверкали лампы, а здесь было темно. Лишь одиноко светилось крошечное отверстие. Как прокол иголки. Микроскопическая капля неба горела в нем, словно синяя звезда на темном небосводе.

— Синий Сириус, — шепотом сказал мальчик, и в нем шевельнулось предчувствие близкой радости.

Он опустил зонт совсем низко, так что волосы на макушке коснулись шуршащего полотна. Теперь мальчик видел только землю, а вместо неба везде была черная материя, насквозь прогретая солнцем и почему-то пахнущая клеем. Лишь в звездном проколе по-прежнему горела яркая синева. Потом в него попало солнце. Звезда вспыхнула ослепительным огнем и рассыпалась на тонкие лучи и радужные кольца.

— Вспышка сверхновой, — прошептал мальчик.

— Ха, он, кажется, шепчет «господи, спаси!» — съязвила внизу тощая девчонка и отвернулась в знак негодования.

— Какой толк, что он знает наизусть звездную карту? — пожал плечами самый старший и рассудительный из мальчишек. — Он не может прыгнуть с высоты трех метров. Видали мы таких космонавтов!

— Что? — спросил с крыши мальчик. Он понял наконец: они решили, что он боится!

Мальчик неторопливо закрыл зонт: его нужно было теперь беречь.

— Я и так могу!

Он прыгнул без всякого зонта-парашюта! Перелетел через поленницу и упал руками и коленями на траву — прямо на самый большой остров Архипелага Неизведанных Лесов...

— Подумаешь... — сказала тощая белобрысая девчонка. Когда нечего сказать, девчонки всегда говорят «подумаешь».

Самый толстый и самый маленький из приятелей закурил свою большую губу.

— Думаешь, другие не могут? — спросил он. И, пыхтя, стал карабкаться по шаткой поленнице на крышу.

Мальчик не ответил. Раскрыл зонт и снова поймал отверстие солнца. На матерчатом небе заиграла звезда. Мальчик подмигнул ей и тихо засмеялся.

Так родилось открытие.

Он не мог все это рассказать девочке. Было бы долго и непонятно. Он только объяснил:

— Я хотел сделать планетарий. Маленький планетарий, складной. Надо на зонт нанести все созвездия. Понимаешь? Раскрыл зонт — и над тобой звезды. Надо только на месте звезд сделать иголкой проколы. И можно будет днем узнавать, где какие звезды, хоть их и не видно. Только нужно заранее высчитать, как установить зонт...

— А ты знаешь все звезды? — удивленно спросила девочка. — И высчитал, да?

— Да. Я проверял ночью.

Ночь пахла травами, речным туманом и остывающим асфальтом тротуаров.

Мальчик сошел с крыльца. Три этажа погасших окон тускло блестели. От нагретых за день стен веяло теплом. Дом был похож на большой пароход, приплывший из жарких стран и уснувший у знакомого причала. А старый сарай в глубине двора выступал, как большая темная скала.

Мальчик пересек двор и взобрался на сарай.

Сейчас все было не так. Травяные пятна-острова исчезли в темноте. Дождевая вода в бочке совсем не напоминала маленького озера. Она была черной, и в ней неподвижно висели две звезды. Словно кто-то прорыл земной шар насквозь, и сейчас из этого круглого колодца на мальчика смотрели звезды южного неба.

Под майкой у мальчика стучал будильник. Стучал испу-

ганно, как сердце спрятанной за пазуху птицы. Он не понимал, зачем его стащили с уютной тумбочки, сунули между майкой и голым животом и понесли неизвестно куда. Маленький комнатный будильник не догадывался, что ему придется стать астрономическим хронометром.

Мальчик вытащил его и поставил рядом на доски. Оказавшись на свободе, будильник сразу успокоился, застучал деловито и совсем по-домашнему.

Потянуло сыростью. Это простуло на минуту не сильный, но прохладный ветер. Мальчик поежился, подтянул колени к подбородку и обхватил их руками. Светящиеся стрелки показывали, что до полуночи еще десять минут.

Мальчик стал смотреть в небо.

Оно казалось таким бесконечным, что было страшно дышать.

В черной глубине влажно сияли звезды. Мальчик хорошо знал карту северного неба. Он мог даже по памяти нарисовать ее. Но, конечно, он помнил только главные, яркие звезды. Те, из которых складываются ломкие контуры созвездий. А сейчас, будто стараясь помочь мальчику, небо опрокинуло на него все запасы звездного искристого света.

Чем дольше он смотрел, тем больше звезд проступало в бесконечной черноте. За самыми близкими и горячими светились другие — не такие яркие, но зато их было больше. А за ними мерцала целая россыпь далеких искр. Но это не все. Приглядевшись, мальчик увидел, что небо сплошь усеяно тончайшей звездной пылью. Эта пыль сгушалась в туманную полосу Млечного Пути и светлые островки других галактик.

Мальчик растерялся. Он не мог запомнить столько! Этого не было на карте!

Это нельзя было нарисовать...

Но потом он заставил себя успокоиться. Он подумал, что ему нужны только главные звезды. Вот те, из которых сложены Медведица, Кассиопея, Персей. По крайней мере, для начала... Это благодаря им ночное небо кажется знакомым. Они как большие деревья, по которым находят дорогу в густом мелколесье; как главные острова, по которым моряки узнают очертания архипелагов.

Он думал так, но продолжал отыскивать глазами все новые и новые искры. В каждой из них светилась, дрожала тайна.

Лениво шевелился ветер, сырой и зябкий. Казалось, что космический холод тяжелыми каплями просачивается в теплый воздух Земли и растворяется в нем влажной свежестью. Мальчик вздрагивал. Но холодное дыхание неба для него было все равно что для морехода ветер, зовущий в дорогу. Резкий трезвон безжалостно распорол тишину. Мальчик вздрогнул и пяткой прижал кнопку звонка. Будильник опрокинулся и обиженно замолчал. Пришла полночь.

Мальчик отыскал в небе Полярную звезду и взглядом провел от нее точную линию на север — до темного горизонта. Потом на юг, на восток и на запад.

Мальчик запоминал.

Конечно, он не был силен в астрономии, но кое-что знал и рассуждал просто. Небо вращается вокруг Полярной звезды и за двадцать четыре часа делает полный оборот. Так кажется с Земли. Значит, за час звезды проходят двадцать четвертую часть круга. И можно определить, где они находятся в любое время дня и ночи, только для начала надо знать, как они стоят в полночь. Теперь мальчик знал и это.

Созвездия были у него в плену.

— Я все проверил и высчитал, — сказал мальчик.

— А дальше? — спросила девочка.

— А дальше... все. Ведь зонта у меня нет.

Зонт был. Тот самый, с которым он хотел прыгать с крыши. Валялся он за шкафом, потому что и отец и мать мальчика в непогоду надевали плащи. И мальчик считал его своим.

Глупо все получилось. Из-за этой сушеной скуки — Вероники Павловны. Все вечера она сидела дома, а сегодня, в такой дождь, заявила, что пойдет к друзьям своего мужа. У нее, видите ли, там дела. Муж оставил у этих друзей какие-то свои бумаги, и она должна их взять. Это важные материалы. Они имеют отношение к его неоконченной диссертации.

— А может быть, завтра, Вероника Павловна? — осторожно спросил отец.

— О нет, нет! — сказала она.

У нее был маленький подбородок, серые губы и скорбные глаза с нарисованной вокруг синевой. И еще большие цыганские серьги — золоченые полумесяцы. Зачем она, такая интеллигентная особа, таскает в ушах это средневековое, мальчик никак не мог понять.

Он спросил об этом у отца.

— Не твое дело. Нечего хихикать над старшими! — рассердился отец.

Вероника Павловна была женой папиного брата. Брат умер три года назад, а супруга его ежегодно приезжала к ним в гости. Каждый раз она жила в гостях по две недели. Днем она скучала в комнатах одна, а по вечерам заводила разговоры о муже, который так и не написал до конца диссертацию об исследовании каких-то ископаемых рукописей. Не успел. Но все-таки он был кандидатом наук, и Вероника Павловна этим весьма гордилась.

Мама и отец почему-то перед ней робели. Может быть, потому, что они не были кандидатами наук и ничего не понимали в исследовании новгородских грамот, написанных на бересте?

Смешно!

Веронику Павловну считали близкой родственницей, но звали по имени и отчеству. Только мальчик никак ее не звал.

— Почему ты с ней не разговариваешь? — спросил отец.

— О чем?

— Ты вот порассуждай! — пригрозил отец. — Разболтался совсем. Возьмусь я за тебя...

— Ой, — тихонько сказал мальчик.

Такая была у него привычка. Он сам ее не любил. И ребята иногда дразнили: ойкаешь, как девчонка. Но отвыкнуть мальчик не мог. Он по-разному говорил свое «ой»: то с насмешкой, то с удивлением, то с равнодушным зевком, то еще как-нибудь. Иногда громко, иногда шепотом. А на этот раз совсем тихонько сказал. И отец не слышал.

А с Вероникой Павловной мальчик все равно не разговаривал. И она не обращала на него внимания.

Но сегодня ей понадобился зонт. А мальчик сидел у окна и протыкал зонт иголками. Материя была плотной, и после

каждого прокола оставалось ровное круглое отверстие. От толстой иголки — побольше, от тонкой — поменьше. Ведь и звезды на небе разные.

Но не всем интересны звезды.

— Это вандализм, — сухо произнесла Вероника Павловна, — так обращаться со старинными вещами!

Зонт был не старинный, а просто старый. Кроме того, было непонятно, что такое вандализм. Но мать и отец взглянули на мальчика так, словно он уничтожил целый сундук ценностей.

— Вы подумайте... Одна, две, три... Он сделал восемь дыр, — аккуратно подсчитала Вероника Павловна.

Созвездие Большой Медведицы было для нее просто дырами!

— Семь, — сказал мальчик. — Одна была раньше.

— Ты поговори! — вскинулся отец. И поспешно обратился к Веронике Павловне: — У меня есть изоляционная лента. Я сделаю заплатки и подклею изнутри.

Вероника Павловна оскорбленно поджала губы: вдове кандидата наук предлагали зонт с заплатками!

— У наших с Дмитрием детей такой поступок не остался бы безнаказанным.

У нее не было детей.

— Это само собой, — заверил отец.

Качая тусклыми серьгами, Вероника Павловна покинула комнату.

— Только и знаешь, что позорить перед людьми! — с непонятным отчаянием произнесла мать.

— «Перед людьми»... — сказал мальчик.

У него были длинные прямые ресницы. Когда мальчик смотрел без обиды, широко и весело, ресницы торчали вверх. Но когда прищурился, глаза его словно ошетинились.

Отец, маленький, сердитый и потому какой-то колючий, неумело застучал кулаком по столу:

— Ты порассуждай! Ты пощурься у меня! Ты как смеешь!

— Тише, — умоляюще сказала мама.

— Если бы вам жалко было зонта, — чувствуя закипающие слезы, сказал мальчик, — а то вам ведь не жалко. Вы для нее стараетесь... Бойтесь, что ли?

— Молокосос! — тонким голосом закричал отец. — Щенок! Вон!

Нет, мальчик ничего не крикнул в ответ и не хлопнул дверью. Он тихо вышел на лестницу, лег животом на перила и стал смотреть вниз, в узкий черный пролет. Дом был старый, и на лестнице пахло сырой штукатуркой и керосином. Обида царапала горло, и в глазах становилось горячо. Тогда мальчик медленно спустился и вышел под дождь.

Он ничего не имел против того, чтобы простудиться насмерть. Ну, не совсем насмерть, а так, до воспаления легких. Тогда бы все узнали... Но дождь оказался добрым. Он совсем не хотел губить мальчишку. Принял его под теплые струи и постарался растворить обиду. Обида не растворялась, от нее оставался едкий и мутный осадок. Но мальчик был благодарен дождю. Теперь они оказались вдвоем против тех, кто укрывался под зонтами. Правда, таких прохожих было немного, большинство предпочитало плащи. Но мальчик думал о зонтах и видел только их.

Мальчик долго шел по блестящим от воды улицам и ни разу не спрятался в подъезд или под навес книжного киоска. А потом сел в трамвай, чтобы уехать далеко от дома. Здесь-то он и встретил девочку.

— Зонта у меня нет, — сказал мальчик. — А так все очень просто было бы. Надо нанести звезды на зонт, как на карту северного неба, и все в порядке. Потом только поставишь его как надо, и сразу ясно, где какое созвездие!

Он оживился. Обида немного притихла, и снова начинала звенеть в нем радостная струнка. Ведь можно отобрать зонт, но отобрать открытие нельзя.

— Я объясню, как это надо делать, — говорил мальчик. — Главное, запомнить, где Полярная звезда. Это легко. Надо только знать, где север, а потом...

— Ох, подожди, — перебила девочка. — Я же совсем бестолковая! Ты сначала нарисуй, а потом объясняй. По нарисованному.

— Как... нарисуй?

— На зонте, — просто сказала она. — Вот. — Вынула кусочек мела, который есть в кармане у каждой девчонки, что-

бы чертить на асфальте «классы». — Не обязательно же иголкой. Можно и мелом звезды отметить. Да? Мне такой зонтик знаешь как пригодится!

И как он сам не догадался? Мелом даже лучше! Ведь проколы ночью не увидишь, а меловые точки можно рассмотреть при самом слабом отблеске света. Значит, и пасмурными ночами он сможет отыскать в небе звезды!

Девочка открыла зонтик.

— Ты правда помнишь все созвездия?

Мальчик снисходительно промолчал.

— Рисуй, — сказала она.

Но рисовать не пришлось. Мальчик даже не успел взять мел. Мать девочки нависла над ними, высокая и неумолимая, в коричневом плаще с торчащим капюшоном, как инквизитор — грозный и страшный судья.

— Татьяна! Я так и знала. Тебя ни на минуту нельзя оставить одну! Пошли, мы сейчас выходим. Нужно зайти в гастроном. — На мальчика она не взглянула. А девочка взглянула. И, уходя, нарочно громко сказала ему:

— До свиданья.

— До свиданья, — резко ответил мальчик и отвернулся. Ему показалось, что он опять краснеет. А что он такого сделал? Хотел научить девочку узнавать, где какие светят звезды, если их даже не видно на небе...

Мальчик придвинулся к окну. Что-то острое надавило ему бок. Поморщившись, он сунул руку в карман куртки и нашупал кусочек мела.

На конечной остановке, у цирка, мальчик вышел из трамвая. Светлый цирковой купол был похож на громадный серебристый зонтик. А под его карнизом сияли длинные, как стеклянные ленты, окна, и в них мелькало что-то цветное, стремительное. Там под защитой серебряного зонтика искрилось и звенело пестрое веселье. Наружу выплескивалась музыка, но сразу утихала, будто прибитая к земле тяжелыми каплями. Сильно пахло сырными досками. Над входом в цирк ощеривали красные пасти громадные фанерные львы дрессировщицы Бугримовой. Львы отсырели и были совсем не страшные, облинялые и грустные, как бродячие коты. Мальчик пожалел их.

Было тоскливо стоять так и прислушиваться к чужому празднику. Мальчик вернулся к остановке и сел на «четверку», идущую от вокзала в Городок Metallургов.

Молодая добродушная кондукторша посмотрела, зевнула и ничего не сказала. Пусть едет человек. Места хватает.

В вагоне было почти пусто. Лишь похрапывал, привалившись к окну, какой-то дядька в надвинутой на глаза кепке да на передней скамейке сидел капитан.

Это был красивый капитан. Он сидел прямо, положив ногу на ногу. Когда вагон встряхивало, носок сапога покачивался и по нему бегало отражение лампочки. Было удивительно, что в такую погоду сапоги капитана оставались сухими и блестящими. Все остальное тоже было блестящим: коричневая португеза, пуговицы, козырек фуражки и даже выбритый подбородок. И звезды на зеленом погоне горели желтыми искрами. Вместе они были похожи на среднюю часть созвездия Ориона.

На коленях у капитана лежал потемневший от сырости плащ, а поверх плаща — зонтик. Большой черный зонтик с выгнутой ручкой. Мальчик смотрел на зонтик и не мог решиться сказать капитану. А что сказать, он знал. Он не мог и не хотел больше один владеть своей удивительной выдумкой. Одному ему она не нужна. Всякое открытие, даже самое крошечное, должно радовать других — это мальчик чувствовал. Но он боялся, что не сможет рассказать как надо.

— Товарищ капитан... — сказал мальчик. — Разрешите обратиться, товарищ капитан.

Капитан поднял глаза. Если он и удивился, то мальчик этого не заметил. Лицо у капитана было невозмутимым. Наверно, так полагалось.

— Валяй, — разрешил он. — Обращайся.

— Хотите, я нарисую на вашем зонте звезды? — спросил мальчик и коротко вздохнул.

— Что за звезды?

— Как на небе, — сказал мальчик. — Это чтобы определять...

У капитана шевельнулась левая бровь.

— Ты подожди. Непонятно. Ты докладывай по порядку. На каком небе, с какой целью?

— Хорошо, — согласился мальчик. — Я объясню. Вот в чем дело. Если открыть зонт и нарисовать на нем изнутри звезды, точно как на карте неба, то получится маленький планетарий. Это я сам придумал, — не удержался он.

— Зачем? — спросил капитан.

— Ну... я не знаю... Это само придумалось. — Мальчик неловко улыбнулся и шевельнул плечами.

— Я не о том, — пояснил капитан. — Какая задача у твоего планетария? У каждой вещи должна быть задача. — Он говорил негромко, и каждое слово было похоже на сдержанный зевок. И выбритый подбородок почти не шевелился.

— Ну... какая задача. Вот какая. Можно определять днем, где какие звезды. Или ночью, если тучи, тоже можно. Надо только правильно держать зонт над собой... Направить на Полярную звезду, а потом...

— Хорошо. А зачем?

— Зачем на Полярную? Потому что она в небе всегда на одном месте. Она будто ось. Ведь с Земли кажется, что все звезды вращаются вокруг нее.

Неужели капитан не знал про это?

— Не в том дело, — чуть поморщился капитан. — Зачем знать, где какие звезды? Для ориентировки? Это же несерьезно — зонт. Есть более точные методы. Или для другого? Для чего?

Действительно, для чего? Какая польза? Мальчик не знал. Он был рад своему открытию и совсем не думал, какая от него польза. И вообще, что такое польза?.. Знакомые звезды, которым можно подмигнуть как друзьям, — это польза? Или это просто так?

А знать, в какой стороне Персей, Возничий, Лев, Андромеда, знать это, если даже в небе нет ни одной звезды, это нужно кому-нибудь?

Или это никому не нужно?..

— Не знаю... — сказал мальчик и перестал смотреть на капитана. — Я думал... если запустят, например, корабль на Луну или на Марс и будут передавать: сегодня он в таком созвездии, а завтра в другом... а в небе тучи, ничего не видно, тогда зонт открыл, направил как надо, и сразу видно, где какие созвездия, и можно знать, где летит ракета...

— Лишь бы долетела, — сказал капитан. — А проследят локаторы.

Сонный дядька у окна зашевелился и сдвинул вверх козырек.

— Чего, опять ракету али спутник запустили? М-м?

— Сиди уж! — сонно прикрикнула кондукторша. — Да остановку не проспи.

Трамвай затормозил, и капитан легко поднялся. Высокий, прямой. Набросил на плечи зеленый плащ.

— Не положено разрисовывать зонты, — сказал он и шагнул к выходу. А зонт спрятал под плащом. Наверно, капитанам не положено ходить с зонтами и он взял его не для себя, а вез кому-то другому.

— Не положено, — с усмешкой проговорил мальчик.

Неудача его не испугала. Радость открытия, приглушенная раньше обидой, снова пробивалась в нем, как теплый ключик. Мальчик ждал: вдруг встретится человек, которому нужны будут звезды.

Двое поднялись в вагон и остались на задней площадке, хотя почти все скамейки были пустыми.

Один был молодой и высокий, в коротком светлом плаще. Лицо его словно состояло из больших очков с толстыми стеклами и крутого лба, над которыми копной курчавились темные волосы, пересыпанные дождевыми брызгами. Вторым выглядел гораздо старше и обыкновеннее: лицо пожилого и уставшего за день человека, черная сатиновая спешковка, серая кепка. И зонт, который он сунул под мышку.

Если мальчик не знал чьих-нибудь настоящих имен, он придумывал свои. Придумывал сразу. Это получалось само собой.

«Шахматист», — подумал мальчик про первого. А второму — так показалось мальчику — очень подходило имя Мастер.

Они разговоривали. Вернее, говорил Мастер, а Шахматист только слушал — вежливо, но, кажется, без особого интереса.

— Я ему как человеку практически говорю: «Ты что же это, Архимед несчастный, где глаза у тебя, на каком месте? Тут какой допуск разрешается? Ноль-ноль три! А у тебя ноль один». А он мне: «Идите, — говорит, — и жалуйтесь на-

чальнику цеха. И придирайтесь понапрасну, — говорит, — я не позволю...»

— Понапрасну, значит? — усмехнулся очкастый.

— Понапрасну, говорит... Ну, тут уж я дипломатию отбросил. «К начальнику, — говорю, — я не пойду, я и сам для тебя начальник, а чтоб ты это практически усвоил, я сейчас возьму вот этот шланг, пополам сложу и тебе пониже поясицы ка-ак...»

Он слегка развернул руку с зонтом, чтобы показать, как собирался проучить зловредного спорщика, но показать не смог: зонт обо что-то ударился, и сзади послышался короткий вдох, вернее, не вдох, а звук, с которым при неожиданной боли втягивают сквозь зубы воздух.

— Виноват!.. — Он сказал это очень торопливо, раньше, чем успел обернуться. А обернувшись, увидел мальчика.

Мальчик прижимал к ушибленному колену ладонь.

Целую секунду лицо Мастера было растерянным и добрым. Потом Мастер нахмурился:

— Ну вот... Вроде не тесно, мог бы и подальше стать. Зашиб?.. Экий же ты мокрый!

Под сердитостью он хотел скрыть испуг за мальчика и, может быть, смущение от того, что так поспешно бросил свое «виноват». Ведь перед мальчишками не принято извиняться.

— Не тому, кому надо, попало, — излишне весело проговорил Шахматист. — Не разглядели, Виктор Семенович.

Мальчик разогнулся.

— Я сам виноват... Стою тут... — сказал он, глядя в лицо Мастеру. И в этом взгляде уже была невысказанная просьба.

— Ладно... Сам...

— Правда сам... — почти жалобно повторил мальчик. — Я задумался.

— Задумчивость в трамвае — свойство природы глубокой и поэтической, — произнес Шахматист уже без улыбки. Наоборот, подчеркнуто серьезно. — А нога заживет... Ну, и как дальше развивались события, Виктор Семенович? Вы остановились на шланге...

— Дяденька, послушайте, — негромко и быстро сказал мальчик, — давайте я вам на зонте нарисую созвездия. Как в

планетарии. Развернете зонт — и сразу видно, где какое созвездие, если даже на небе тучи. Или днем. Только надо направить ручку зонтика на то место в небе, где Полярная звезда, а потом повернуть... — Он говорил теперь все сразу, не дожидаясь вопросов, чувствуя, что надо первыми же словами объяснить свое желание.

Ведь он дарит людям созвездия!

Мальчик нарочно говорил теперь не «звезды», а созвездия». Это избавляло его от лишних объяснений. Сразу было ясно, что речь идет о небе. И, боясь, что не дослушают, он торопился, глотая слова, повторял их и снова торопился объяснить все скорее и понятнее.

И вдруг умолк. Он внезапно понял, что сказал все. И его не перебили. Он молчал и растерянно ждал ответа.

— Дела-а, — сказал Мастер. — Ты это сам, что ли, изобрел?

— Ну да... А что? Это легко... Зато будут звезды. — Последние слова мальчик произнес упавшим голосом. Он подумал, что Мастер сейчас тоже спросит: «А зачем?» И, опустив глаза, стал смотреть на его забрызганные тупоносые сапоги.

— Любопытно, — проговорил Шахматист.

Мастер подумал и спросил:

— Это практически выходит что-то вроде небесной схемы?

— Ну да, вроде карты! — обрадовался мальчик. — Только лучше. Как походный планетарий. И можно узнать, где какое созвездие в небе, будто увидеть его сквозь тучи...

— Постой, постой. — Мастер сильно потер подбородок желтым от курева пальцем. — Что-то не совсем понятно. Вообще-то понятно, да не совсем... Про Полярную звезду, например. Это как тут разобраться?

— Виктор Семенович, я так понимаю, — вмешался Шахматист, и очки его оживленно заблестели. — Оригинально придумано, хотя принцип довольно простой: небесный свод мысленно делится на двадцать четыре части. В сутках, как известно, двадцать четыре часа...

— Это-то известно... — усмехнулся Мастер.

— Значит, — продолжал Шахматист, — за это время небо над нами делает полный оборот. Так?

— Так! — радостно откликнулся мальчик. — Я это и хотел...

— Подожди. Значит, и зонт с созвездиями надо поворачивать над головой в зависимости от времени. Только надо заранее рассчитать...

— Я рассчитал, честное слово! — Мальчик теперь с надеждой глядел на оживленного Шахматиста. — Я проверял. И по карте, и по небу.. Все будет правильно. Я же все объясню. И как Полярную звезду находить для начала...

— Нет, это действительно любопытно, — снова сказал Шахматист.

— Да... А не любопытно тебе, что моя Марья Павловна скажет, когда увидит такое дело?

— А, ну что вы, Виктор Семенович! Что она скажет... Ей понравится. — И Шахматист, потеряв на секунду солидность, подмигнул мальчику.

Мастер этого не видел. Он держал перед собой на ладонях зонт, поворачивал его, разглядывал и все еще не решался. Словно этот зонтик был живой и хозяин боялся, что мальчик его обидит.

— Чем рисовать-то будешь?

— Мелом. Не бойтесь, я осторожно.

— Ну и как ты это планируешь? — спросил Мастер. — Все звезды до единой отмечать?

— Ну что вы! Все разве запомнишь! Я только самые крупные, чтобы отметить созвездия.

— Тогда уж и названия пиши, — вздохнул Мастер. — А то какой прок? Я, кроме Большой Медведицы, отродясь ни одного созвездия не знал. Даже Малую Медведицу... Напишешь?

— Есть написать названия! — весело отчеканил мальчик.

Он уже шарил в намокшем кармане, нащупывая мел.

— Дела-а, — снова протянул Мастер и неожиданно улыбнулся, приоткрыв крупные желтые зубы. — Пойдет Марья Павловна на рынок, заглядится на какого-нибудь там Сириуса — и практически в лужу носом. Будет история. Ну, ладно, рисуй. Ехать нам далеко. — И он открыл зонт.

Зонт был не черный.

Он казался черным при неярком свете лампочки, свер-

нутый и намокший. А теперь все увидели, что он коричневый, с серыми зубцами.

Разве бывает коричневое небо с серыми зубцами?

Мальчик молча сунул в карман мелок.

— Тьфу ты, будь она неладна! — Мастер стукнул открытым зонтом о затоптанный мокрыми подошвами пол. — Ручки, понимаешь, одинаковые, — объяснил он Шахматисту. — Который раз путаем. Это Клавдии зонт, нашей нормировщицы.

— Жаль, — сказал Шахматист...

Устало дребезжал трамвай. Сонно мигала на площадке желтая лампочка.

Дремали в вагоне редкие пассажиры. И только дождь за окнами плескался весело и неумолимо.

Трамвай номер семь шел от Городка Metallургов к центру. Долгое время никто не входил в вагон, ехали только те, кто сел на первой остановке.

Потом появился малыш. В коротеньком пальтишке, в резиновых сапогах. Широкие голенища хлопали малыша по ногам: сапоги были слишком большие.

«Мамкины», — подумал мальчик.

Малыш забрался на переднюю площадку. В одной руке он держал бидон для молока, другой тащил за собою открытый зонт.

Маленький зеленый бидон вел себя спокойно. Только один раз он зацепился дном за ступеньку и недовольно звякнул крышкой, но это было не страшно: крышка держалась на тесемке и нигде никогда не могла потеряться отдельно от своей посуды.

А тяжелый зонт сопротивлялся. Он широко растопырил прутья с натянутым черным полотном и не хотел пролезать в дверь. И разве мог малыш справиться с ним — таким большим и упрямым — одной рукой?

Трамвай тронулся. Малыш вздрогнул от толчка. Потом рассердился и дернул зонт изо всех сил.

— Сломаешь, — сказал мальчик. — Ну что ты делаешь, в самом деле...

Он шагнул на площадку и перехватил ручку зонта.

— Закрывать же надо. — И закрыл. Зонт съезжился и стал послушным.

Малыш глянул из-под сломанного козырька старой школьной фуражки, виновато моргнул и объяснил:

— Он туго закрывается.

— «Туго»... Посылают таких козьяков на ночь глядя куда-то!.. Зачем едешь? — строго спросил мальчик. Рядом с этим первоклассником, а может быть, даже дошколенком он был сейчас большим и сильным.

— За сметаной, — робко сказал малыш и снова поднял глаза.

Испуганные и широко открытые, они казались в тени козырька очень темными и большими. Малыш не знал: может быть, нельзя ему вечером, да еще под дождем, ездить в дежурный магазин за сметаной, и, может быть, этот большой хмурый мальчишка имеет полное право его допрашивать. Вот возьмет и скажет сейчас: «А ну пойдем, разберемся в милиции!» Или еще что-нибудь страшное скажет...

— Хочешь, я нарисую на твоём зонте ночные звезды? — сказал мальчик.

Он и сам не понимал, зачем это надо. Ведь малыш не знает, как движутся звезды. Но слова сорвались сами по себе, неожиданно. Наверно, они сидели на кончике языка и готовы были спрыгнуть при виде любого подходящего зонтика.

Глаза малыша стали еще темнее и шире.

— Ночные звезды? — переспросил малыш и сдвинул коротенькие брови.

— Ну да, звезды, — повторил мальчик и подумал, что сейчас нарисует созвездия малышу. Может быть, хоть здесь повезет.

— Зонт будет как маленькое небо, понимаешь? — объяснил он. — Кругом тучи, а над тобой звезды. Как на настоящем небе. Хочешь?

— Маленькое небо? — чуть нараспев повторил малыш.

— Ну конечно! Давай...

Не надо было спешить. Поспешность испугала малыша.

— Нет! — громко сказал он и прижал зонт к себе. — Не надо. Не трогай!

Две женщины, сидевшие неподалеку, услышали, навер-

но, испуганный голос малыша — разом обернулись. Кто обижает ребенка?

— Ты совсем глупый, — устало проговорил мальчик. — Будто я тебя граблю... Я хотел, чтобы у тебя был зонт, каких ны у кого нет. Да ну тебя...

Он ушел с площадки и сел на пустую скамью.

Трамвай дребезжал и катил вдоль темного парка. За окном не было фонарей, и оно казалось непрозрачным. В стекле, как в черном зеркале, мальчик разглядел себя.

А за собой он увидел малыша.

Малыш подошел незаметно. За железным стуком колес не было слышно хлопанья резиновых голенищ. Он подошел и теперь стоял у скамейки, маленький и какой-то виноватый.

— А ты... много звезд нарисуешь?

— Много, — обрадованно сказал мальчик и обернулся. — Садись. Я тебе все объясню.

И малыш сел рядом.

Мальчик открыл зонт, уткнул его острый конец в спинку переднего сиденья, а ручку положил себе на плечо. Теперь перед ним была черная внутренность маленького купола.

— Смотри. — Мальчик ткнул мелом в тугое полотно. — Вот здесь, где палка, в самой середине неба, всегда на одном месте стоит Полярная звезда.

— Всегда? — переспросил малыш и снова сдвинул коротенькие светлые брови.

— Всегда.

— А днем? — хитро улыбнулся малыш.

— И днем. Только при солнце звезд не видать.

Малыш замигал.

— Смотри, — продолжал мальчик. — Вот здесь семь звезд. Будто ковшик. Это Большая Медведица...

— Медведица?

— Да. — Мальчик нетерпеливо поморщился. — Ты что, никогда не слышал?

Малыш склонил к плечу голову.

— Это звезды? — он показал пальцем на меловые точки.

— Ну... да, — осторожно сказал мальчик.

— Нет. — Малыш энергично замотал головой. — Такие не надо. Нарисуй с лучиками.

— С какими лучиками?

— Вот с такими! — И малыш нарисовал в воздухе пятиконечную звезду. — Большие.

Мальчик опустил руку с мелом и отвернулся к окну.

— Такие не бывают.

— Нарисуй, — тихо попросил малыш.

— Большие, все не влезут, — не оборачиваясь, ответил мальчик.

— Ну все равно. Немного влезут.

— Они будут ненастоящие.

— Сам обещал... — с трудом проговорил малыш.

Мальчик наконец взглянул на него. Тень козырька теперь не падала на лицо малыша, и в темных влажных глазах плавали отражения трамвайных лампочек.

Словно искорки обиды.

Мальчик вздохнул. Он знал, что такое обида.

— Ладно, — сказал он.

Погромыхивал, дребезжал, звенел полупустой вечерний трамвай. Останавливался и бежал дальше. Входили и выходили пассажиры. А на скамейке, где сидели двое мальчишек — маленький и постарше, — тихо совершалось чудо: черный зонт превращался в сказочное небо.

Мальчик рисовал большие белые звезды: пятиконечные, восьмиконечные, десятиконечные. Они складывались в созвездия, каких не знал ни один астроном. Малыш сидел, приткнувшись к плечу мальчика, и не шевелился. Рот у него был приоткрыт, и нижняя губа повисла маленьким розовым полумесяцем. Не отрывая взгляда от звезд, малыш вынул из сапог ноги в коричневых чулках, поставил пятки на скамейку и обнял колени. Так было удобнее. А покинутые сапоги качались, толкали друг друга. И широкие голенища с красной подкладкой были похожи на большие, удивленно открытые рты. Сапоги не могли понять, что там происходит.

На самом краю сиденья нетерпеливо звякал забытый бидон. Вагон потряхивало, и казалось, что кто-то маленький и любопытный прыгает в бидоне, подбивает головой крышку и хочет выглянуть: в чем там дело?

Мальчик рисовал быстро и умело. Сначала это было не-

легко: мел плохо приставал к влажному полотну. Но мальчик приспособился. Рисовал контуры, а потом легкими частыми штрихами плотно закрашивал звезду.

— Слушай, — вдруг спохватился он. Только сейчас спохватился. — А дома тебе не влетит?

— Нет! Не влетит.

Глаза малыша сияли. Разве могло влететь за такую красоту!

— А ты можешь еще луну? — радостным шепотом спросил он. — Вот здесь...

— Круглую или месяц?

— Круглую... и месяц. Можно?

— Ну нет, — отрубил мальчик. — Так уж совсем не бывает.

— Ну, тогда круглую.

Мальчик нарисовал большое белое полнолуние, и матерчатое небо стало еще удивительнее.

— И ракету, — попросил малыш.

Ракета получилась похожей на морковь, с пушистым хвостиком ботвы, но малыш был доволен. Он поднял над собой зонт и завертел ручку. Ракета помчалась по краю маленького неба, а звезды и луна закружились в сказочном хороводе...

— Ой! — сказал мальчик. — Эх ты! — и схватил за руку малыша. Небо остановилось. — Ты знаешь, где мы едем? Где твой магазин?

Небо качнулось.

Малыш прыгнул в сапоги. Глаза его были теперь совсем круглые, и рот сделался похожим на букву «о».

— Не вздумай реветь, — сказал мальчик.

Ну что с ним было делать, с этим малышом? Нельзя же так — подарить человеку звезды, а потом его бросить.

— Ладно, никуда не денется твоя сметана.

И они поехали назад, отыскивали магазин, купили сметану и снова пошли на остановку — ждать трамвая. Ждали долго, стояли под одним зонтом. Капли дождя стали реже и крупнее. Они дробно колотили по зонту.

Лучи фонарей отражались от мокрого асфальта и высвечивали под зонтом колючие белые звезды и луну.

Мальчик сошел с тротуара, чтобы взглянуть, не показались ли за деревьями огоньки трамвая.

— Куда ты? Стой под нашим небом, — беспокоенно сказал малыш.

А когда уже подходил трамвай, он спохватился:

— Я забыл бросить три копейки!

Он забыл опустить в кассу три копейки и оторвать билет, когда ехал в трамвае. И никто не напомнил — трамвай был без кондуктора.

— Ерунда, — успокоил мальчик. — Сейчас поедешь и бросишь два раза. Это ведь все равно.

— Это ведь все равно, конечно, — повторил малыш.

Мальчик помог ему взобраться на площадку вагона. Помог и пошел с остановки.

Малыш хотел махнуть ему рукой. Но как? В одной руке был зонт, в другой — посуда со сметаной. И он просто смотрел вслед большому доброму мальчишке, который подарил ему такое удивительное небо.

Проводив малыша, мальчик вернулся в магазин. Когда мальчик первый раз уходил отсюда, ему показалось, что у порога блеснула трехкопеечная монета. Он почему-то постеснялся поднять ее при малыше. А три копейки были нужны: ехать зайцем больше не хотелось, противно. И мальчик вернулся.

Монетки у порога не было. Мальчик хотел выйти на улицу, но там в это время рванул ветер и дождь приударил так, что асфальт будто закипел.

Это было слишком даже для промокшего насквозь мальчишки. Он остановился в тамбуре — в проходе, решил переждать неожиданный дождевой шквал. Прислонился к узкой стенке, чтобы не мешать людям, которые торопливо забегали в магазин, спасаясь от потоков.

Лишь один человек не спешил. Это была довольно грузная тетя в прозрачном плаще с капюшоном. Она вошла, наполнив собой тамбур, и остановилась, шумно дыша. В руке у нее была тугая кошелка, сплетенная из цветных пластмассовых полосок. Они весело блестели в свете тамбурного плафона. Сверху из кошелки торчали, как зеленые фазаньи хвосты, пучки лука.

Спешили мимо люди, задевали эти хвосты, кошелка дернулась, и мокрые перья лука мазнули мальчишка по штанам.

Владелица кошелки повернула к мальчику большое набрякшее лицо. У нее были красные, как у гусыни, глазки.

— Это еще зачем? — Она выбросила слова такой скороговоркой, что получилось непонятно: «Эт-ще-зчем?» — Эт-ще-зчем? — повторила она и машинально сжала в круглом кулаке плетеные ручки кошелки. — Чево тут надо? Чево стоишь-то?

— Какое ваше дело? — сказал мальчик.

— Знаем мы вас таких! — задохнулась хозяйка пестрой кошелки. — Стрельцов по чужим карманам!

Злость, захлестнувшая мальчишка, была холодной и прозрачной, как снеговая вода. Он не крикнул и не ошетирил глаза.

Он помолчал секунду и отчетливо сказал, глядя прямо в гусиные глаза:

— Слониха. Мешочница.

Сорвался и выскочил из магазина. Он услышал за собой захлебывающийся крик, оборванный хлопком двери. И побежал, не оглядываясь и отчаянно размахивая руками. Бежал он не потому, что боялся, а потому, что в горле закипали слезы. Однако и сейчас дождю удалось успокоить мальчишка. А потом дождь и сам успокоился, стал опять несильным и ровным.

Мальчик бежал все тише и наконец остановился на углу улиц Чехова и Павлика Морозова. Здесь была остановка трамвая. Мальчик решил поехать домой. Без билета так без билета. Он знал, что дома беспокоятся и ждут и будет сегодня еще много неприятностей, но думал об этом устало и равнодушно.

Он стоял и ждал.

Проходили разные трамваи: старые, расхлябанные, и новые, с автоматическими дверцами и серебрястыми звонками. Но нужного номера все не было.

Сыпались, сыпались крупные круглые капли...

И вдруг они перестали сыпаться. Плясали на асфальте, шелкали по листьям, но не падали на мальчишка.

Он поднял голову. Два темных зубчатых круга сошлись над ним и закрыли от дождя.

Вот еще! Он хотел уйти из-под зонтов и уже сердито качнулся вперед, но его остановил голос:

— Ты же промок до костей.

Это был голос девушки. И мальчику показалось, что в словах ее скользнула усмешка. Он сунул в сырые карманы кулаки и резко повернулся.

Сзади стояли двое. Это они держали зонты. Мужчина и девушка. Лица их были почти неразличимы. Свет фонаря только чуть касался волос девушки, выбивавшихся из-под косынки. А мужчина весь был в тени. Высокий, в темном костюме, молчаливый.

— Ты же промок до нитки, — повторила девушка.

— В самом деле? — ядовито сказал мальчик. — А я думал, что я абсолютно сухой.

Она усмехнулась:

— Тебе показалось. А на самом деле ты абсолютно мокрый. Как цыпленок, упавший в лужу.

Надо было сразу бросить в ответ что-нибудь едкое и злое. Но мальчика опередил мужчина.

— Леночка, перестань, — сказал он хриловатым низким голосом.

И мальчик подумал, что у этого человека, наверно, твердое, но немного усталое лицо с резкими прямыми морщинами.

— Перестань, пожалуйста, — сказал мужчина. — Если ты и с кавалерами своими так разговариваешь, я им, честное слово, сочувствую.

— Кавалер! — фыркнула она.

Мальчик медленным, но решительным шагом ушел из-под зонтов.

— Зря ты ходишь под дождем, — сказал ему в спину незнакомец.

— Я не виноват, что идет дождь, — ответил мальчик.

— Пожалуй... Но сейчас ты мокнешь зря. Или кому-нибудь назло?

— А хотя бы! — сказал мальчик.

— Дело хозяйское, — вздохнул мужчина.

— Конечно, — сказал мальчик.

— Папа, не тронь его, — вмешалась девушка. — Он укусит.

Очевидно, у нее был нетерпимый характер.

А трамвай все не показывался...

Промокшая насквозь куртка мальчика стала плотной и

блестящей, как клеенка. Дождь часто и звонко шелкал по ней водяной картечью.

— Я долго не был в родных краях и отвык от дождей, — заговорил отец девушки. — Возможно, я ошибаюсь, но, по-моему, стоять так и мокнуть — неприятное занятие.

«Долго нет трамвая, — подумал мальчик. — Придется идти домой пешком».

И он пошел.

— Подожди, — услышал он все такой же спокойный и глуховатый голос. — Возьми зонт. В самом деле. Нам хватит одного. Можешь даже не возвращать.

«Хочет показать, какой он добрый», — подумал мальчик. И сказал:

— Мне не нужен зонт. По крайней мере для того, чтобы прятаться под ним.

Последние слова сами слетели с языка. Но жалеть мальчик не стал. Сказав это, он ждал ответа. Но мужчина и девушка молчали. Может быть, они удивились?

Тогда он спросил в упор:

— Думаете, зонты нужны, только чтобы прятаться под ними от дождя?

— Нет, почему, — сказал мужчина вполне серьезно, — мы так не думаем. С зонтом, например, очень удобно прыгать с крыши... Или выдергивать из него спицы...

— А если ручка выгнутая, можно кого-нибудь цеплять за ноги, — так же серьезно добавила девушка. — Это очень удобно.

И оба засмеялись негромко и как-то очень необидно. Мальчик почувствовал, что необидно. Однако ему хватало и старых обид и неудач.

— Вы смеетесь, — бросил он. — Вам даже не жалко зон-та. Для того чтобы меня не мочило, вам не жалко...

— Вот нисколечко, — поддакнула Лена.

— А для другого все равно бы пожалели...

— Чем ты лучше других? — удивился отец девушки.

— Я не о том, — хмуро сказал мальчик. — я о деле другом, а не о человеке... Ну, давайте я вам нарисую звезды! Хотите?

Он совершенно этого не ожидал. Они хотели. Они сразу поняли, в чем дело.

Сначала мальчик решил, что его просто жалеют.

— Вон идет ваш трамвай, — сказал он. Мальчик испытывал судьбу. Он был уверен, что сейчас девушка с отцом поспешат в вагон, где сухо и где светят яркие лампы.

— Не последний, — ответил мужчина.

— Пойдем к киоску, — предложила девушка. — Там светло... А ты правда знаешь все созвездия?

«Девчонка!» — подумал мальчик. Или нет, не подумал, а, кажется, шепотом сказал, потому что ее отец возразил:

— Ну что ты. Она уже почти невеста.

— Папа!

— Ну что «папа»? Я же сказал «почти».

В пустом закрытом киоске сияла яркая лампочка, и сквозь стеклянные стенки глупо тарасились на прохожих пластмассовые куклы-голыши.

Здесь мальчик разглядел своих новых знакомых. У мужчины действительно было твердое лицо с резкими морщинами и крупными складками у рта. Немного, чуть-чуть знакомое лицо. А девушка была похожа на их отрядную вожатую Люсю, которая уехала во Владивосток.

Мальчик прислонил зонт к стенке. Девушка и ее отец стали за спиной и держали другой зонтик так, чтобы дождь не падал на мальчика.

Мальчик вынул мел.

— Не надо, — остановил его мужчина и протянул складной нож. — Мел сотрется. И не видно на просвет. Здесь есть шило, делай проколы...

Наплывали с железным гулом, уходили и стихали в темноте улиц яркие трамваи. Шуршал, звенел, плескался вокруг дождь. И эти звоны и шорохи были веселыми, как неумелая, но радостная песенка.

Мальчик острым шилом, сверкающим, как тонкий луч, прокалывал в черном небе звезды.

Иногда рядом останавливались прохожие, чтобы подивиться на трех сумасшедших, дырявящих почти новый зонт.

Иногда за спиной отец девушки шепотом называл созвездия:

— Орион... ага... так... Кассиопея...

— Теперь ты возьмешь этот зонт с собой? — тоже шепотом спросила девушка.

— Да, — сказал мужчина.

Их слова были непонятны, но спрашивать мальчик не решился. Он только сказал, продолжая работать шилом:

— Мел все-таки лучше. А так, видите, зонт дырявый.

— Не беда, — ответил мужчина. — Там, куда я еду, не бывает дождей.

«Наверно, это в пустыне», — решил мальчик. И, чтобы проверить догадку, спросил:

— Это на юге?

— Что верно, то верно. Южнее некуда.

«Там нет дождей, — радостно подумал мальчик. — Знает, он берет зонт только ради моих звезд». И ему стало весело. И вспомнилось все хорошее, что было в этот вечер. Оказывается, было и хорошее: немного знакомая девчонка, смешной малыш в сапогах... И эти двое...

Но тут снова появилась беспокойная мысль.

— Ведь на юге очень темные ночи. Вы же не увидите проколы. Небо не будет сквозь них просвечивать!

— Будет, — ответил мужчина. — Там, куда я собираюсь, будут очень светлые ночи.

«Странно», — подумал мальчик, но дальше спрашивать постеснялся. И не хотелось казаться любопытным при насмешливой, острой на язык Лене.

— Я объясню сейчас, — сказал он, потому что кончил уже свою работу. — Все это просто. Надо палку зонта направить на Полярную звезду...

— Ладно уж, — тихо сказал отец девушки. — Объяснять не надо. Я и сам разбираюсь в этой механике.

Мальчик смущенно замолчал. Он не поверил и решил, что этот человек просто ничего не понял.

— Это легко, — нерешительно сказал мальчик. — Главное — запомнить, где Полярная звезда...

— Я знаю, — повторил этот странный человек. — Я знаю, малыш. Не в этом дело. Ты, кстати, многого не учел.

— Что не учел? — встревоженно спросил мальчик. Он даже забыл обидеться на «малыша».

— Небо — штука сложная. Видишь ли, положение звезд

меняется и в зависимости от времени года, а не только от времени суток. И соотношения у тебя не очень точны. Да и запомнишь ли ты с точностью, где должна быть в небе Полярная звезда?.. Мало знать карту, надо знать небо.

— Значит, все зря... — упавшим голосом сказал мальчик. — Зачем вы тогда...

— Не зря, — ответил незнакомец. — Ты молодец все-таки. И ошибки твои для меня не беда... К тому же там все равно не будет Полярной звезды.

— Где это «там»? — удивленно произнес мальчик.

И человек сказал:

— В Антарктиде.

Мальчик молчал. Это ведь не просто — сказать что-нибудь, когда встретишь т а к о г о человека. Уплывающего в Антарктиду. На другой край земли. Где другие звезды. Где Южный крест. И люди не могут увидеть Полярную звезду.

— Вы... не смеетесь? — прошептал мальчик.

— Нет, — сказал человек, уплывающий в Антарктиду. — Конечно, может быть, это смешно: везти с собой дырявый зонт. Но там... понимаешь, это будет приятно — вдруг развернуть его и увидеть наши северные созвездия. Честное слово. Они все-таки очень похожи на настоящие.

— У тебя точная рука, — заметила девушка.

Мальчик не сразу решился спросить о главном.

— Вы только не сердитесь, — попросил он. — Ладно? Знаете что... Вы можете сказать вашу фамилию?

— Допрос с пристрастием, — чуточку улыбнулся мужчина. — Ну что ж...

И ответил.

— Ой... — прошептал мальчик. И, конечно, в этом «ой» не было теперь ни насмешки, ни обиды. Было только удивление и растерянная улыбка. Мальчик помнил эту фамилию.

Нет, он не знал точно, где и когда ее слышал. И все-таки помнил. В памяти мальчика имя этого человека сливалось с тем, что он очень любил: с книгами о дальних архипелагах, с непонятными и звучными названиями морских ветров, с загадками звезд и Земли. Оно, как слово из полузабытой, но хорошей песни, заставило вспомнить многое. Ведь можно

вспомнить и ярко представить даже то, что никогда не видел. Можно, если только очень хочешь, увидеть: серебристые эскадрильи летучих рыб над пологими волнами экватора; туманные ущелья фиордов, где эхо многократно повторяет беспокойные выкрики сирен; и мерцающий сумрак глубин, прорезанный широким лучом батисферы; и заиндевелый таке-лаж ледоколов и теплоходов, идущих к той земле, где ледяные утесы медленно отделяются от берега и с нарастающим грохотом сползают в зеленый океан...

— Я понимаю... Вы капитан, — тихонько сказал мальчик. Он не хотел говорить громко, словно боялся расплескать радость этой удивительной и немного таинственной встречи. — Вы капитан...

— Ну что ж, — спокойно ответил незнакомец. — Да, пожалуй. В своем деле капитан.

— Вы видели пингинов? — спросил мальчик и тут же отчаянно смутился: это был совершенно детский вопрос, достойный не шестиклассника, а малыша, которому он рисовал сказочные звезды.

Капитан улыбнулся:

— Я передам им от тебя привет. Они будут довольны. Или вот что: лучше я привезу тебе пару пингвинят. Идет?

Мальчик не обиделся на шутку. Он представил двух смешных пингвинных детенышей, важно ковыляющих на красных лапах, и засмеялся. Засмеялся и Капитан. И девушка...

За квартал от остановки, у темного поворота, забренчал, засветился окнами и рассыпал зеленые обрывки пламени трамвай. Тот самый, пятнадцатый, с зеленым и красным огоньками. Его и ждал Капитан.

«Еще минута, — подумал мальчик. — Ну, может быть, две, если трамвай задержится у светофора».

Трамвай не задержался.

Радость мальчика не погасла. Она стала чуть глуше, с легкой тенью печали. Таким делается свет, когда в комнате на яркую лампу надевают зеленый абажур.

— Вот и все, — глядя на Капитана, шепотом сказал мальчик. Он хотел сказать: «Вот и ваш трамвай», но это было слишком длинно.

— Да, — ответил Капитан, и мальчик почувствовал, что

на левом плече куртка на секунду стала тяжелее: Капитан коснулся его плеча ладонью.

— Хочешь, я привезу тебе... ну, скажем, черный камень с того берега? Настоящий антарктический камень. Край там сувенирами не богат.

Это уже не было шуткой.

— Конечно! — звонко сказал мальчик.

— А не забудешь? Я вернусь через полгода.

— Я? — сказал мальчик. — Забуду?!

— Тогда слушай адрес...

— Не надо! — почти испугался мальчик.

Он не хотел так просто узнать адрес. Через полгода он сам найдет Капитана. Так будет лучше. А найти он сумеет. Разве можно не отыскать *такого человека*?!

Подошел трамвай, и, зашипев, разъехались двери.

— Вот увидите, я найду вас, — торопливо сказал мальчик.

— Я знаю. Спасибо за звезды.

Капитан пропустил вперед девушку и сам поднялся на подножку.

— Слушай, возьми! — вдруг закричала девушка и протянула через плечо отца зонт, который был без созвездий. — Возьми! Мы все равно живем рядом с остановкой.

— Возьми, — кивнул Капитан.

— Зачем? Все равно я уже как мокрый цыпленок. — Мальчик сказал это и вдруг испугался, что девушка подумает, будто он до сих пор не забыл ее насмешку. — Дождь совсем теплый, — объяснил он поскорее. — Пустяки.

Дверь угрожающе зашипела, готовая сдвинуть створки.

— Как тебя зовут? — крикнул Капитан.

— Славка, — сказал мальчик и зашагал домой по блестящему асфальту.

А дождь сыпал на него крупные капли, и каждая капля несла в себе искорку света. Словно оттуда, сверху, они захватили с собой по крошечной звезде, которыми в безоблачную ночь, как пылью, усеяно небо.

Славка шел, смеялся и ловил звездные капли губами.

ВАЛЬКИНЫ ДРУЗЬЯ И ПАРУСА

НАЧАЛО. БАРАБАНЩИКИ

Барабанщики шли встречать солнце...

Об этом надо рассказать сейчас. После будет некогда. Речь пойдет о зимних синих рассветах, о песчаном городе с цветными стеклами, о двухмачтовой марсельной шхуне, о предательстве и дружбе и о том, как трудно держать в руке огонь.

А о барабанщиках придется вспомнить всего один раз. Тогда уже не будет времени, чтобы все объяснять. Лучше рассказать о них сразу.

Итак, барабанщики шли встречать солнце. Валька шел за ними.

Он шагал по колени в траве, холодной и жесткой. Пробирался по кустам. Трава и кусты были сплошь в росе. С листьев, будто с маленьких ладоней, скатывались тысячи тяжелых капель. Валька вздрагивал, ежился, но шагал и шагал, прикрывая локтем лицо от хлестких веток.

Он не знал дороги и боялся отстать.

Валькина рубашка и тонкие полотняные штаны уже насквозь пропитались росой. Тапочки раскисли и стали скользкими. Ноги горели от царапин. Кровь проступала мелкими каплями, и они висели на царапинах, словно бусинки на нитках.

Путь к реке лежал через вырубку с невысокой березовой порослью и широкие поляны. Среди кустов, над травами, Валька видел впереди барабанщиков.

Они двигались редкой растянутой цепью. Шли без разговоров и переключки, размашистым легким шагом. Пере-

скакивали через пни и ямы, огибали черные шапки кустарников. Шли прямо туда, где разгорались разноцветные полосы рассвета.

В этом быстром и молчаливом движении была торжественность и непонятная тревога. Словно солнце могло не взойти, если барабанщики опоздают.

Но они никогда не опаздывали к восходу.

Каждый год в начале каждой смены наступало утро, когда сводный отряд барабанщиков поднимался еще до рассвета. В окнах ползли серые сумерки и гасли звезды. Несколько человек откидывали одеяла. Это были опытные барабанщики — они приезжали в лагерь не первый раз. Они бесшумно и безжалостно будили новичков. Потом пробирались в дачу к малышам и выносили на руках барабанщиков октябрятских отрядов — вместе с барабанами и одеждой. Стояла тишина, только барабаны, цепляясь за косяки, негромко и встревоженно гудели.

Мальшей приводили в чувство на крыльце:

— Тихо ты... Стой и не хнычь. Сам ведь вчера просился. Будешь ты стоять наконец? Ребята, волоките его назад...

— Не-е...

— Если «не», надевай штаны. А ботинки где?

Потом они строились за оградой. Барабанщики-сигналисты, барабанщики знаменосной группы, барабанщики отрядов.

— Все готовы?

— Готовы!

— На левом фланге не спят?

— Проснулись!

— Внимание, отряд... К востоку лицом... цепью... пошли!

Так было всегда. С тех пор, как появился в этих лесах пионерский лагерь «Рассветный». А появился он давно — первые барабанщики его уже выросли. Никто теперь не помнил, откуда повелось встречать солнце веселой барабанной дробью. Но обычай этот стал законом, который не могли отменить самые суровые начальники и самые непреклонные врачи.

Валька не был барабанщиком. Он не мог им быть. Но когда он узнал про их строгий и немного таинственный обы-

чай, что-то шевельнулось у него в душе. Какое-то беспокойное чувство, похожее на зависть. Но нет, не зависть. Скорее острая грусть от того, что не может пойти вместе с ними.

Барабанщики, встречающие рассвет...

Валька понимал, что сводный отряд недоступен для него, но беспокойство не проходило. И в три часа утра Валька проснулся от ясной тревоги, что он может опоздать. Он увидел, как с кровати скользнул барабанщик третьего отряда Генка Соловьев, и вспомнил все.

Небо на восходе разгоралось. Разноцветные полосы тонких облаков растворились в ровном пламени рассвета.

Дальние кусты уже не казались черными. Загоралась роса.

Барабанщики пошли медленнее. Цепь разорвалась, и каждый шел сам по себе. Многие первый раз видели июньский восход.

Вальке стало труднее прятаться. Ему пришлось обойти стороной громадную поляну, чтобы незамеченным добраться до прибрежной полосы кустов. Но он обогнал ребят и первый вышел к реке.

За рекой, по темному гребню леса, уже растекалось жидкое золото — предвестник очень близкого солнца. А реки не было видно под косматой шубой тумана.

Барабанщики по одному выходили на берег.

Валька отошел и скрылся в густом переплетении веток. Снова посыпалась роса, но он уже привык и даже не вздрагивал.

Барабанщики встали редкой ломаной линией у края обрыва. Левофланговый оказался в десяти шагах от Вальки. Маленький, один из тех, кого будили уже на крыльце. В наспех зашнурованных ботинках и в рубашке с косо застегнутым воротом. У него было напряженное серьезное лицо с пухлыми, но плотно сжатыми губами. А коротенькие светлые волосы смешно топорщились. Он мог бы показаться кому-нибудь забавным из-за своей слишком усердной серьезности. Но не Вальке. Валька понимал.

Малыш стоял с низко наклоненной головой и опущенными руками. В каждой руке — палочка. Так же стояли и

другие. Девятнадцать неподвижных, молчаливых барабанщиков. О чем они думали? Почему вдруг перед самым восходом подкралась грустная минута? Или так полагалось? Валька не успел понять.

Рра-рах! — отчетливо сказал на правом фланге барабан. Маленький левофланговый вскинул голову и торопливо поднял палочки.

Дзамм... Та-та... — откликнулись еще два барабана.

Дд-дам, да-дах... — ответил еще один. У каждого был свой голос.

Барабанщики стояли теперь с поднятыми головами, будто прислушивались: не откликнется ли кто-нибудь с того берега? То один, то другой посылал короткую и требовательную дробь. Это был им одним понятный разговор.

Та-та-та-та... — осторожно выбил и маленький Валькин сосед.

Барабанные сигналы становились все длиннее и чаще, сливались, крепили, и Валька вдруг уловил в этом беспорядочном треске и гуденье твердый и увлекающий ритм. Ровно, негромко и уже непрерывно рокотали барабаны новичков. Четкими и размеренными ударами разбивали этот рокот старшие отрядные барабанщики. А два сигналиста то коротко, то раскатисто, с разными перерывами выговаривали что-то непонятное, но праздничное.

Вальке показалось, что с барабанов сыплются и прыгают по берегу тысячи веселых желтых горошин.

Он забыл, что надо прятаться, и стоял теперь среди веток, открытый по грудь. Но его не видели. Все смотрели вперед, за реку, за леса, и левофланговый малыш смотрел туда же. А палочки его ровно плясали на белой коже нового барабана.

Уже научился, с неожиданной ласковостью подумал Валька.

Яркий свет прошел волной по лицу маленького барабанщика. Заблестел веселыми точками в сощурившихся глазах и даже на кончиках ресниц зажег крошечные искры.

Валька взглянул на горизонт. Там стремительно вставало солнце. Чистое, не тронутое красным налетом.

Туман, не ожидавший такого быстрого восхода, испуган-

но взвихрился длинными спиралями и начал рваться на куски. Желтым стеклом засветилась чистая вода. Барабаны торжественно взревели, разбудили наконец дальше многоступенчатое эхо и разом оборвали грохот.

Несколько долгих секунд стояла тишина. Потом она разлетелась от криков и смеха. Это был обычный беспорядочный шум, как на школьном дворе после длинного урока. Но смеялись и переговаривались, все еще глядя на солнце.

Только сейчас Валька заметил, что среди барабанщиков есть несколько девчонок. И был один человек без барабана. Повыше остальных ребят, смуглый, темноволосый, в зеленой рубашке. Похожий на кубинца. Валька узнал его: это был один из вожатых. Другие вожатые и воспитатели звали его Сашей, а все ребята называли его немного странно — Сандро. И это имя ему как-то очень подходило.

— Сандро, — вежливо сказала тонкая длинноногая девчонка, — как ты думаешь, зачем Петька Бревнов стучает меня барабаном по голове?

— Ябеда! — откликнулся коренастый Петька и деловито объяснил: — Я хотел узнать, что гудит сильнее.

Девчонка погналась за ним, и они помчались в сторону Валькиных кустов. Валька присел.

— Ну, дикие!.. — неодобрительно произнес маленький барабанщик. Он стоял на колене, отложив барабан, и перешнуровывал ботинок.

Петька и девчонка сделали круг и снова проскочили, чуть не сбив малыша.

— Вы, страусы! — крикнул он и сердито вскочил.

И зацепил пяткой барабан.

Барабан стал на ребро. Качнулся. И нехотя покатился к обрыву.

Он упал бы в воду у самого берега, но на пути встретил маленький выступ и прыгнул с него, как с трамплина.

Валька вовсе ни о чем не думал. Он увидел растерянные глаза обернувшегося мальчишки и понял: тот сейчас прыгнет. И прыгнул сам.

Он точно рассчитал: угодил в одинокий куст черемухи, росший на середине откоса. Исцарапался, но замедлил скорость и съехал к воде на лавине из песка и комьев глины.

Вода оказалась совсем не холодной. Течение легко обняло Вальку, повернуло, и он увидел барабан. Недалеко, метрах в десяти. Барабан сиял красными мокрыми боками и легкомысленно приплясывал на маленьких волнах, которые кругами разошлись от Вальки.

Валька догнал его, ухватил за ляжку и стал выгребать к песчаной полосе ниже по течению. Он плыл и видел, как вниз сыплются ребята. Их криков он не понимал и думал совсем о другом: о том, что берег, оказывается, весь в черных сотах стрижиных гнезд.

Потом он вышел на песок, вытряс воду из барабана и стал смотреть на подбегавших ребят.

— Это наш Валька Бегунов, — выдохнул запыхавшийся Генка Соловьев. — Вот это да!

— Откуда ты, Валька Бегунов? — спросил Сандро, и в голосе его почудилась усмешка.

— Оттуда... из лагеря, — тихо сказал Валька и стал смотреть на барабан.

— Ясно, — произнес так же тихо Сандро. — А зачем тебя в воду понесло? Барабан бы и так прибило к берегу.

Валька глянул назад и сразу понял, что прыжок его оказался ненужным и смешным. Здесь был изгиб реки, и течение выбрасывало на песок все, что плыло у правого берега.

Валька повернулся и пожал плечами. Что он мог сказать?

— Ладно, пошли наверх, — бросил Сандро.

— А знаете, он ведь из-за этого типа в воду сиганул, — неторопливо сказал серьезный худощавый паренек, один из самых старших. Он показал на маленького виноватого барабанщика: — Из-за него, точно. Этот уже сам лыжи наворотил, да я ухватил его за шиворот.

Малыш тяжело засопел и начал теревить на рубашке эмалевую звездочку.

— Нечего теперь пыхтеть, — сказали ему.

— Он-то здесь при чем? — с досадой бросил Валька. Сел на твердый песок и стал снимать тапочки.

Песок был гораздо холоднее воды.

— Быстро наверх! — повторил Сандро. — Костер придет, разжигать, сушить тебя. Куда с тобой, с таким моченым...

— Вот еще, — хмуро возразил Валька. — Я и был такой. От росы.

— Постой... — Сандро приподнял одну бровь. — А вообще-то, друг милый, ты здесь как оказался?

— Так...

Сандро глянул понимающе.

— Смотался из лагеря, чтобы порыбачить?

«Точно, — обрадовался Валька. — Скажу, что рыбачил. Нет, про удочки спросят. А пускай. Скажу — уплыли».

— Угадал я? — спросил Сандро.

— Я не рыбачил, — сказал Валька. — Я за вами шел.

Просто так.

Барабанщики стояли кругом и разглядывали Вальку с молчаливым сочувствием.

— Зачем? — спросил кто-то.

— Ну... так. Посмотреть, — сказал Валька.

— Чудак! — усмехнулся Сандро. — Прятался-то зачем?

Ну, шел бы и шел. С нами.

Валька промолчал. Но все смотрели на него выжидающе.

— Я же не знал, — глядя в песок, сказал Валька. — У вас же свое дело. А я кто...

— А кто ты? — спросила длинноногая девчонка и наклонила голову.

— Кто... Никто. Даже не пионер...

— А почему? — спросил Сандро. — Не дорос, что ли?

— Дорос. Я болел, когда всех принимали.

— А потом?

— Что? — не понял Валька.

— Разве потом не могли принять?

— Не знаю... Никто не говорил.

— А ты сам? — спросил Сандро. Он смотрел на Вальку почти равнодушно. Однако за этим равнодушием скрывался какой-то цепкий интерес.

Валька его чувствовал, но не понимал. Это еще больше смущало его.

— Сам? Не знаю... — неловко сказал он.

— Что ты не знаешь? — с неожиданной досадой бросил Сандро. — Не знаю, не знаю!.. Откуда вы такие беретесь, незнающие?..

Валька поднял глаза.

— Я думал, так нельзя, — сказал он. — Разве можно просить об этом самому?

— А-а... — протянул Сандро.

Валька смотрел на него и чего-то ждал.

— Ясное дело, — сказал Сандро. — А может быть, тебя в лагере принять в пионеры?.. Чтобы ты ходил, не прячась за кустами.

— В лагере? А можно?

— А чего ж... Если отряд решит, то, наверное, можно...

— А вы? — тихо произнес Валька.

— Что — мы?

— Вы, отряд... — не то спросил, не то просто сказал Валька. И снова опустил голову. Он понял, что краснеет, как девчонка. Ведь проснувшаяся в нем надежда была просто смешной.

Сандро молчал. Барабанщики тоже молчали.

— Ну, знаешь... — сказал Сандро немного растерянно. — Нельзя же так сразу.

— Да я понимаю, — прошептал Валька.

— Нельзя так, — уже уверенней повторил Сандро. — Мы же всего пять дней в лагере. — И добавил уже с усмешкой: — Откуда мы знаем, что за человек Валька Бегунов!

— Да, — сказала длинноногая девчонка и склонила набок голову. — Действительно. Какой ты человек?

Валька пожал плечами.

— Обыкновенный человек, — вдруг сказал Генка Соловьев. — Как все. Мы с ним в одной палате, кровати рядом. Он мне сатурновскую батарейку для фонарика дал.

— Подумаешь, батарейку дал! — сказала девчонка.

— А еще в тетрадке что-то все время рисует, — серьезно добавил Соловьев.

— Не в тетрадке, а в альбоме, — хмуро поправил Валька. — И не все время.

— Ну в альбоме, — согласился Генка. — Я один раз хотел посмотреть, а он как двинет подушкой...

Валька глянул на него исподлобья:

— Сам же под руку полез.

— Ага, — сказал Генка.

Длинноногая девчонка прищурилась и потребовала:

— Пусть расскажет биографию.

Это была, конечно, шутка. Но никто, совсем никто почему-то не засмеялся. Все стояли и молчали, будто это было всерьез.

— Ребята, — сказал Валька, — ну, я... в пятый класс перешел. Вот...

— Маму и папу слушаешь? — с тонкой улыбкой спросила девчонка и опять наклонила голову.

Сандро быстро обернулся.

— Катерина, — ласково сказал он, — я понял теперь, почему Бревнов бил тебя барабаном.

Потом снова посмотрел на Вальку.

Может быть, он что-то решал?

Может быть, он думал, будет ли плохой человек подниматься до зари, чтобы взглянуть, как барабанщики встречают солнце?

— Сандро, — позвал кто-то за спиной у Вальки. — Мы ведь правда отряд...

— Джаз-оркестр, а не отряд, — сказал Сандро. — Даже сомкнутым строем стоять не умеете.

Тогда все заговорили разом. Об одном и том же:

— Кому он нужен, этот сомкнутый строй!

— В нем локтями не двинешь!

— А ты сам-то его любил, когда был барабанщиком?

— Мы кто? Гвардейцы ее величества?

При этом неожиданном и непонятном споре они забыли о Вальке и кольцом обступили Сандро.

И вдруг замолчали. Разом. Словно встревоженные чем-то.

Валька услышал в кустах пеструю разноголосицу птиц.

Барабанщики поворачивались к Вальке. Он стоял на том же месте, мокрый, исцарапанный, с раскисшими тапочками в опущенных руках. Капли падали с тапочек и оставляли на твердом песке следы, похожие на крошечные лунные кратеры.

— Однако... — проговорил Сандро.

Валька резко поднял голову. «Я пойду», — хотел сказать он. Они стояли широким полукольцом — барабанщики-сигналисты, барабанщики отрядов, барабанщики знаменосной группы. Самый маленький, с эмалевой звездочкой на рубашке, смотрел на Вальку широченными серыми глазами.

— Три человека пусть займутся костром, — сказал Сандро. И негромко спросил у Вальки: — Обещание знаешь?

Валька вздрогнул, вытянулся. Проглотил комок и кивнул.

В половине девятого лагерь выстроился на утреннюю линейку. Председатель совета дружины — неторопливый очкастый Серега Лавров — остановился перед старшей вожатой.

— Отряды к подъему флага готовы. Настроение бодрое, — сообщил он. — Происшествий нет. На рассвете сводный отряд барабанщиков принял в пионеры Вальку Бегунова. Рапорт сдан.

Вожатая смотрела на него удивленно и вопросительно, готовясь что-то сказать. Но Лавров, невозмутимо блестя очками, уже опустил поднятую для салюта руку.

— Не Вальку, а Валью, — сказала вожатая. — Рапорт принят. Вольно.

РАССВЕТ. АНДРЮШКА

Валька проснулся от боли. Во сне он прижал щекой палец и стянул с него бинт.

Боль была не такая, как вчера. Она теперь не жгла, а словно разъедала. Валька осторожно коснулся пальца подбородком. Почувствовал влажный лоскуток лопнувшей кожи и поморщился. Он торопливо нащупал на подушке трубочку бинта и, чуть дыша, протолкнул в нее палец. Боль стала успокаиваться, но еще давала себя знать мягкими затихающими толчками.

Валька передохнул и повернулся на спину.

Окна были темными. Сквозь просветы в ледяных узорах Валька видел звезды. Каждая звезда висела в середине холодного туманного пятнышка.

«Часов семь, — подумал Валька, — или полвосьмого».

Он сосчитал до трех, сбросил одеяло и прошлепал к столу. Нашупал кнопку грибка. От неожиданного света окна сделались блестящими и непрозрачными, как черная клеенка. Только по краям зеленовато искрились морозные разводы.

За тонкой стенкой зашевелился отец.

— Валька, ты уже? Спал бы...

Валька взглянул на будильник.

— Скоро восемь. Папа, я на колонку...

Это была его обязанность. Вернее, привычка. Он каждое утро приносил два ведра воды. Правда, наливал их не доверху: ведра были большущие и, кроме того, тащить их приходилось в растопыренных руках, чтобы ледяная вода не плескалась в валенки. Когда Валька добирался до крыльца, руки и плечи у него просто стонали. Но он все равно любил эти водяные прогулки.

Вальке нравились неяркие зимние рассветы. Снег и небо в это время были очень синими, а дома казались черными, и в них светились квадраты разноцветных теплых окон.

Стараясь не грохнуть ведрами, Валька выбрался в сени. Синее утро уже просачивалось в щели. Валька вздохнул и закашлялся: резкий холодный воздух оцарапал легкие. В сенях вкусно пахло зимой: снегом, смазанными лыжами и мерзлым выстиранным бельем, которое было развешено под потолком.

Валька отбросил крючок и толкнул дверь. Он увидел синеватый снег, черные ветви над забором, а левее — темные громады новых домов. В сумерках казалось, что дома стоят не за дорогой, а прямо перед Валькой. Они сливались с забором. Окна горели редко: было воскресное утро и во многих квартирах еще спали.

А Вальке спать совсем не хотелось! Он поставил ведра на крыльцо и двумя пинками сбросил их в снег. Тра-тара-ра! Бах!

Нынче солнце встает очень рано,
Нынче день будет длинный и ясный.
Ты послушай — гремят барабаны,
А они не проснутся напрасно!

Солнце в декабре встает совсем не рано. Просто Валька чувствовал: будет хороший денек.

Над крышами больших домов небо начинало светлеть, и антенны телевизоров прорисовывались в нем черными штрихами. Они были похожи на модели планеров, еще не обтянутые бумагой.

— Только попробуйте улететь! — сказал им Валька. Подхватил ведро и вышел за калитку.

Колонка находилась в конце квартала. Она торчала у синей снежной дороги и была похожа на озябшего карлика с фантастически длинным носом и в матросском берете с помпоном. Обычно карлик скучал в одиночестве: почти во всех соседних домах был водопровод.

Но сегодня рядом с колонкой Валька увидел закутанного человечка. Малыш повесил на кран ведро и копошился у рычага.

— Андрюшка, — сказал Валька.

Валенки малыша скользнули по выпуклой наледи, которая окружала колонку. Он выпустил рычаг, покачнулся и встал прямо.

— Не работает, — объяснил он. — Видишь, Валька, я нажимаю, а вода не бежит.

Валька лег животом на рычаг. Лязгнуло железо, и на этом дело кончилось.

— Вот видишь, — озабоченно повторил Андрюшка.

— Подожди, — сказал Валька.

Колонка начала мелко вздрагивать. Отозвалась булькающим кашлем. Потом в ней захрипело, заклокотало, и вдруг упругая струя грянула по ведерному дну.

Полведра набралось в три секунды. Валька выпрямился, и рычаг скакнул вверх. Колонка обиженно фыркнула, погудела и успокоилась. Валька сказал:

— Такой у нее характер.

Андрюшка взглянул на колонку с уважением и потянулся к ведру.

— Подожди, сниму, — сказал Валька. — Утащишь столько?

Андрюшка приподнял ведро.

— Я больше могу.

— Хватит, — решил Валька. — Тебе же на третий этаж тащить. — И спохватился: — Андрей! А ведь у вас же водопровод!

— Да... водопровод, — как-то нерешительно сказал Андрюшка. — Он только булькает, а из крана пузыри идут. А умываться ведь надо. И чай кипятить. Много надо.

— А кроме тебя, никого нет, чтобы воды принести?

— Есть... А я ведь тоже есть.

— Ну еще бы. Ты, конечно, есть... Да оставь ты пока ведро!

Андрюшка послушно опустил ведро и выжидательно глянул на Вальку. В меховой шубенке и большой лохматой шапке он казался полным и неуклюжим. Но Валька-то знал, что в теплую одежду закутан узкоплечий, худенький первоклассник.

Валька стал наполнять свои ведра. Он наливал воду почти доверху. Что же было делать? Не тащить же при Андрюшке по полведра...

— Пойдем, — сказал он.

— Куда?

— Ну, не кудахтай. Сам же говорил: умываться надо, чай кипятить. Вот и будете кипятить.

— Ну, Валька... — без всякой радости проговорил Андрюшка. — Не надо. Я сам.

— Ты сам, а я тоже сам. Хуже тебе, что ли?

Андрюшка две секунды размышлял. И вдруг обрадовался:

— Правда, пойдем! Ты и я. — Он словно о чем-то вспомнил или что-то задумал. Но было еще не очень светло, и Валька не разглядел его лица.

От колонки до Андрюшкиного дома столько же, сколько до Валькиного. Но ведра-то были почти полные. Руки просто чуть не оторвались. Левое ведро зацепилось кромкой за штанину, и вода ледяным языком скользнула за голенище валенка. Валька зашипел от досады и холода.

— Что? — спросил Андрюшка, не оглядываясь. Он усердно тащил свое ведро впереди.

— Ногу промочил, — буркнул Валька.

— Я тоже, — утешил Андрюшка.

Пока Валька по одному втаскивал ведра на третий этаж, Андрюшка терпеливо ждал у двери. Дождался и толкнул дверь плечом:

— Мама, я пришел! И еще Валька пришел!

Вальке стало неловко: будто в гости напросился.

Раньше он приходил сюда только два раза, и тогда никого, кроме Андрюшки, в квартире не было. А его родителей Валька видел лишь издали, на улице.

Он поставил ведра в маленьком, ярко освещенном коридоре и подумал, что хорошо бы теперь сбежать. Но без ведер не сбежишь.

— Валька пришел! — вновь жизнерадостно сообщил Андрюшка.

— Не труби ты, — прошептал Валька. Из комнаты шагнул Андрюшкин отец. У него были лохматые брови, большой лоб с залысинами и широкий, какой-то удивительно добрый подбородок. Человек этот сказал смеющимся голосом:

— Хороший день начинается с хороших гостей. Здравствуй, Валентин. — Он протянул большую ладонь.

Валька зубами сдернул застывшую варежку и неловко подал руку.

— А это что? — Андрюшкин отец увидел ведра.

— Вода, — тихо сказал Валька. И подумал, что все получилось глупо. Обошлись бы и без его помощи.

— Ага... — протянул отец. — Ну конечно... — И спохватился: — Пошли в комнату! Светлана, смотри...

— У меня валенки мокрые, — попробовал сопротивляться Валька. — Я лучше...

Договаривать не стоило, потому что он уже стоял в комнате. И внимательными Андрюшкиными глазами на него смотрела совсем молодая Андрюшкина мама.

— Наконец-то! — сказала она. — А то мы каждый день слышим разговоры о таинственном Вальке и никак не можем на него посмотреть.

— Какие разговоры? — слегка обалдело начал Валька и умолк. Сообразил, что следовало бы для начала сказать «здравствуйте». Но теперь здороваться было уже смешно.

Его выручил Андрюшкин отец.

— Разговоры все одни, — весело объяснил он. — Валька сказал, Валька обещал, надо у Вальки спросить... Приворожил ты нашего доброго молодца, как Марья-царевна. Кстати, чего он там возится?

Валька выглянул в коридор. «Добрый молодец» сидел на

полу и тянул с ноги промокший чулок. Чулок тянулся медленно и потому казался бесконечным.

— Тебя отец зовет, — мрачно сказал Валька. Андрюшка пружинисто поднялся. Снятый наполовину чулок потянулся за ним к двери и оставил на полу длинную сырую полосу.

— Ты что же это? — упрекнул отец. — Пригласил человека и бросил.

Андрюшка устроился на стуле.

— Валька, ты садись, — попросил он. — Ну, Валька... Ты разденься и садись. Я сейчас.

Он снова потянул чулок, но теперь почти не спуская с Вальки глаз. Только изредка и быстро поглядывал на отца и мать. Слово спрашивал: «Ну, как вам нравится мой Валька?» Потом деловито сказал:

— Мы с ребятами будем крепость строить. Валька, ты нарисуйшь? Надо план.

— Да ладно... дома, — ответил Валька и глянул украдкой под ноги: слишком ли заметные следы оставляют валенки?

— Рисуйшь ты очень неплохо, — серьезно заметила Андрюшкина мама. Валька насторожился.

— Андрей наш вообще заявляет, что ты настоящий художник, — объяснил отец. — Видишь, и рисунок твой вывесил на самом видном месте. Хороший портрет.

Валька взглянул на стену и охнул про себя.

На розовой штукатурке, над маленькой Андрюшкиной кроватью, висел альбомный листок. Он был закрыт стеклом и окантован полосками синей бумаги. Будто эскиз или граюра настоящего художника. На листке был Андрюшка.

А живой Андрюшка сидел на стуле и с удовольствием поглядывал то на Вальку, то на свой портрет.

«Обор-р-рмот, — подумал Валька. — Устроил тут выставку!»

Если бы он знал про такое дело, ни за что бы не отдал рисунок.

Валька снова бросил взгляд на листок. Да, а нарисовано было, пожалуй, неплохо. Валька теперь это видел. Ведь он смотрел на свою работу свежими глазами, словно посторонний человек. Потому что рисовал Андрюшку он очень давно — четыре месяца назад. В августе.

АВГУСТ. ПЕСЧАНЫЙ ГОРОД

Август начинался плохо. Валька приехал из лагеря и за-тосковал.

Лагерь был большой, в нем отдыхали ребята из разных городов области. Теперь они разъехались кто куда. Несколько человек из отряда жили где-то на другом конце, на незнакомых Вальке улицах.

Чтобы не бередить душу, Валька срезал с рукава синий треугольник с вышитыми барабанными палочками.

Он решил навестить своих одноклассников, ребят из бывшего четвертого «А». Зашел к одному — тот с родителями на юге. Постучался к другому — тот на даче. Третий читал какую-то книжку про полет на Венеру. Поднял на Вальку непонимающие глаза, поморгал и сказал с вежливым зевком:

— А, Бегунов! Привет. Ты теперь не в нашей школе будешь?

— В новой, — чуть виновато объяснил Валька. — Она ближе. Я не хотел, а родители перевели.

— Все равно, — лениво сказал бывший одноклассник и опять зевнул. — От нашего класса ничего уже не осталось. Половина — по новым школам, половина — по другим классам...

— Ну, пока, — вздохнул Валька.

— Ага... Пока.

Одиночество — как болезнь.

Конечно, Валька не сидел целыми днями с постным лицом и не вздыхал, как паровоз. В кино ходил, книжки читал, на соседний пруд бегал, потому что август стоял на редкость жаркий.

Валька выходил во двор, прыгал через забор и шел бродить среди новых домов. Эти пятиэтажные корпуса с трех сторон обступили старый деревянный квартал. Когда Валька уезжал в лагерь, почти все они были пустые. А сейчас в них жили.

Во дворах и на соседнем пустыре еще не были убраны кучи битого кирпича, обрезки труб и расколотые бетонные блоки. Незнакомые ребяташки целыми днями что-то строили из обломков.

Самым старшим из этих строителей было лет по шесть или семь. Других ребят, повзрослее, Валька ни разу не встретил, а лезть в малышовые игры было неудобно.

Валька уходил на заросший бугор за пустырем, ложился в траву и смотрел на дома. Они были ярко-розовые, зеленые, светло-коричневые — расчерченные белыми клетками и разноцветными полосами. Пестрые, прямо сказочный город.

Шумела трава, а вдалеке ровно и неумолимо, как барабанщики, били пневматические молотки.

Валька привык быть здесь один. Два раза он даже принес сюда альбом. И он очень удивился, когда его потревожили. Нарочно потревожили. Он лежал в траве, когда услышал шелестящие шаги и увидел перед собой маленькие пыльные сандалеты. Валька поднял голову.

Над ним стоял Андрюшка.

Валька уже тогда его знал. Не очень хорошо, а так, по имени. Потому что Андрюшка жил в доме, который заселили еще весной. Но никогда никаких дел с Андрюшкой Валька не имел, даже не разговаривал. Какие у них могут быть дела и разговоры!

— Валька, — сказал Андрюшка, — помоги нам утащить доску.

У него были светло-коричневые, какие-то золотистые глаза. Смотрел он прямо и доверчиво, будто все так и нужно. Будто Валька сию секунду вскочит и неизвестно зачем куда-то что-то потащит.

— Какую доску? — нелюбезно спросил он.

— Обыкновенную тяжелую доску, — терпеливо объяснил Андрюшка и развел маленькие ладони. — Вот такую широкую. Мы ее под кирпичами раскопали, но она сырая и тяжелая.

— Вы раскопали, а я должен тащить ее, сырую и тяжелую, — уточнил Валька. — Так?

— Ты с одного конца, а мы с другого, — сказал Андрюшка. Видно, не понял он Валькиного ехидства и смотрел все так же — открыто и доверительно. Только нетерпеливо шевельнулись плечи. — Ну, Валька, встань... Ну пожалуйста.

Ровно и напряженно стучали пневматические молотки. На руках у Андрюшки были длинные белые царапины.

Валька встал.

— Зачем вам доска?

— Для парохода.

Пароход был устроен просто: низенькие борта из фанерных обломков, помятый обрезок водосточной трубы посередине, длинная палка с перекладиной — мачта. Не хватало только палубы и руля.

Доску положили внутри бортов на кирпичные подставки. Она прогибалась и покачивалась, будто настоящая палуба расшатанного парусника. Велосипедное колесо для штурвала принес Павлик — удивительно тихий семилетний мальчик.

— А вечером будут сигнальные огни, — тихонько сообщил Андрюшка. Он словно делился с Валькой секретом в благодарность за помощь. — У нас батарейка есть и две лампочки.

— Сигнальные огни бывают цветные, — заметил Валька. — С одной стороны зеленый, с другой — красный.

— Цветных нет, — со вздохом сказал Павлик.

— Где их возьмешь, цветные-то... — мрачно произнесла коротко остриженная девчонка Ирка.

— Может быть, выкрасить лампочки? — задумчиво спросил Андрюшка и с ожиданием стал смотреть на Вальку.

Если бы они строили какую-нибудь ерунду и если бы Валька был чем-нибудь занят... Но они строили корабль. А Валька все равно томился от безделья и одиночества. Он сказал:

— Пойдем.

Он привел Андрюшку домой и выволок из-под кровати картонную коробку. Стекла в коробке тревожно и тонко задребезжали.

— Ох... — шепотом сказал Андрюшка. Солнце вместе с ним заглянуло в коробку, и разноцветные пятна разлетелись по потолку, словно большие бабочки.

Стекла были разные: маленькие, как прозрачные леденцы, и большие, с Валькину ладонь.

— Это твои? — изумленно спросил Андрюшка. — Тебе их кто дал?

— Сам собрал, — небрежно сказал Валька. — Когда еще маленький был.

Он врал. Он собирал их в прошлом году. Из этих стекол он хотел сложить картину, вроде тех, которые давным-давно делал Ломоносов. Валька прочитал о стеклянной ломоносовской мозаике в какой-то книжке, и его фантазия разыгралась. Но стеклянные осколки не держались в пластилиновом переплете, и Валькина затея рассыпалась. А стекла Валька пожалел, не выбросил...

Андрюшка стоял перед коробкой на коленях. У него было очень серьезное лицо. Словно он увидел не цветные стеклышки, а разбитую и рассыпанную в коробку радугу. Валька выбрал ему две стеклянные пластинки — рубиновую и ярко-зеленую.

— Вот вам для сигналов. Хватит?

— Хватит...

Валька ногой задвинул коробку под кровать.

— Пойдем.

Андрюшка послушно поднялся. У дверей он оглянулся, но разноцветные бабочки уже улетели с потолка...

Три вечера подряд в большом дворе светились сигнальные огни парохода и кипела шумная морская жизнь. Валька иногда садился в сторонке на расколотую бетонную балку и слушал, как Андрюшка отдает команды. Команды были смешные, а голос вовсе не капитанский, но экипаж судна подчинялся.

Валька не понимал, почему капитаном выбрали Андрюшку. Почему именно его, а не задиристого Тольку Сажина, или не громкоголосого Юрку, или, в конце концов, не Ирку-скандалистку. Андрюшка редко бегал, не суетился и никогда не кричал. И если даже случалось что-то очень важное, он не подпрыгивал и не орал, а рассказывал неторопливо и негромко. Не всем сразу, а кому-то одному.

Почему же его сделали капитаном? Из-за костюма, что ли?

Андрюшка носил тогда матросский белый костюмчик с голубым воротником и алым якорем на кармашке. А под матроску он, несмотря на жару, натягивал еще настоящую тельняшку. Тельняшка была не очень широкая, но длинная. Внизу она выползала из коротких штанов большими полосатыми языками. Андрюшке приходилось каждую минуту за-

талкивать их обратно, и он тратил на них уйму времени. Но и в этом случае не терял спокойствия.

Когда пароход шел к дальним берегам, Андрюшка стоял на палубе, чуть расставив ноги и обняв себя за плечи. Он покачивался на упругой доске и негромко ронял краткие распоряжения.

Валька таким и нарисовал его. Только уже не на палубе.

Он изобразил Андрюшку над его владениями. Владения лежали у маленьких стоптанных сандалет и назывались Песчаным городом.

Правильнее было бы сказать: «Песочный город», но это звучало бы плохо. Будто песочный торт или песочное печенье.

И назвали его Песчаным.

Город появился после того, как был израсходован запас батареек для сигнальных фонарей и пропала корабельная мачта. Кто-то унес ее, чтобы сделать антенну для телевизора.

Утром к Вальке пришел Андрюшка. Нерешительно встал у открытой двери.

— Ты чего? — спросил Валька. Андрюшка помолчал и негромко сказал от порога:

— Здравствуй, Валька... Знаешь что, Валька? Те твои стекла тебе зачем?

Валька посмотрел на него с интересом:

— А тебе?

Андрюшка тербил выползший язык тельняшки.

— Там песок привезли... Ночью дождик был, песок теперь мокрый. Можно город построить, — задумчиво сказал он. — С разноцветными стеклами был бы хороший город.

Стекла Вальке были ни к чему. Просто он привык, что они есть. Такие прозрачные, яркие, как разноцветные огоньки. Стало немного жаль.

— Мы поиграем и отдадим, — вдруг пообещал Андрюшка. — Мы не потеряем.

— «Отдадим»... — проворчал Валька. — Не смейся... Тащи их из-под кровати.

От радости Андрюшка потерял выдержку. Подскочил к Валькиной кровати и поспешно брякнулся на пол — колени и локти словно деревяшки стукнули о половицы. Он вытянул коробку, и разноцветные бабочки взлетели к потолку.

— Можно все взять? — шепотом спросил Андрюшка. Золотистые глаза его сияли.

— Можно.

У калитки Андрюшку ждала вся компания: Павлик, Юрка, Толька Сажин, Ирка-скандалистка и два пятилетних малыша.

Андрюшка сошел с крыльца и оглянулся на Вальку: «Пойдешь?»

Валька немного подумал и пошел.

Конечно, он шагал в стороне от шумной ватаги, и никто не мог сказать, что ему, Вальке Бегуну, захотелось повозиться в песке с дошколятами и первоклассниками.

Взрослых не было видно в Андрюшкином дворе. Валька оглянулся и вместе со всеми подошел к песочной груде. Она была насыпана у стены, в тени, и песок еще не высох после ночного дождя.

— Это наша Желтая гора, — доверительно прошептал Вальке маленький тихий Павлик. — На ней будет город.

— Надо сперва начертить улицы, — сказал Толька Сажин и сосредоточенно сдвинул брови, похожие на черные кляксы.

— Надо сперва хоть один дом построить, — заметила Ирка.

— Какой? — сухо спросил Сажин.

— Хоть какой, — глядя в небо, сказала Ирка.

— Ин-те-ресно... — произнес Толька и поднял левую бровь-кляксу. — Кто это будет строить дом, если никто не знает, где будет улица?

— Интересно, кто это видел улицы без домов? — въедливо произнесла Ирка и сжала губы.

— Увидишь, — пообещал Сажин и прищурился.

— Да ну? — сказала Ирка.

— Ну вы! — встревоженно начал Андрюшка. — Хва... — и не кончил.

Они сшиблись, как всадники на полном скаку, и, сцепившись, рухнули на песок.

Они коротко и зло сопели.

Они вздымали локтями песочные фонтаны и взбрыкивали худыми ногами.

— Вот бешеные, — горестно прошептал Павлик и отступил на два шага.

Стриженный толстощекий Юрка страшно округлил глаза и заорал:

— Прекратить!!

Все это случилось в несколько секунд. Валька даже не успел ухватить и раскидать рассвирепевших архитекторов. Они сами отлетели друг от друга, как резиновые куклы.

Они сидели в двух метрах друг от друга и дышали часто-часто. Ирка прижимала языком разбитую нижнюю губу. Толик осторожно трогал царапину, которая тянулась от уха до подбородка.

— Заработала? — деловито спросил Толька. — Еще хочешь?

— А ты? — коротко осведомилась Ирка. — Бамбес. — Она хотела сказать «балбес», но мешала губа.

— Кончили? — тихо спросил Андрюшка. Они взглянули на него и разом вздохнули.

Андрюшка отвернулся и объяснил Вальке:

— Каждый день так. Иногда два раза в день.

— Разве так строят города? — с досадой сказал Валька. — Надо же план.

Он разорвал коробку из-под стекол и карандашным огрызком на куске картона изобразил старинный многобашенный город. Бросил картонку Андрюшке и отошел подальше.

Он опять устроился на треснувшем бетонном блоке, уже теплом от солнца.

А на Желтой горе шла работа.

Вырастали круглые башни. Ощетинивались зубцами стены. Поднимались купола главного дворца.

Ирка-скандалистка и Толька Сажин выводили арку больших крепостных ворот. Они трудились рядышком, щека к щеке. Толькина царапина припухла и порозовела, а Иркина губа вздулась и повисла, как оторванная подошва. К ней прилипли песчинки. А ворота с башнями по сторонам получились неплохие.

Андрюшка сидел на корточках в самой середине города. Он мостил цветными осколками центральную площадь. Он

не просто так покрывал ее кусочками стекла, а, кажется, хотел выложить какой-то узор. Но узор, видимо, не получался. Андрюшка хмурился и покусывал губу.

Валька мог бы подойти и помочь, но чувствовал, что Андрюшка не обрадуется. Валька знал, как это плохо, если за спиной появляется непрошенный советчик или зритель.

Андрюшка встал, шагнул, как Гулливер, через городскую стену и в раздумье стал смотреть на город.

Он стоял, обняв себя за плечи и наклонив голову. Матросский воротник на правом плече вздыбился до уха. Лицо у Андрюшки было очень сосредоточенное и немного обиженное: «Не получается почему-то...»

Валька взглянул и почти машинально попробовал пальцем острие карандаша: «Хорош? Годится?»

На куске картона он осторожно вывел контур маленького острого подбородка. Потом легко прочертил две скобки — получилась нижняя губа приоткрытого Андрюшкиного рта. Верхнюю губу Валька наметил одной тонкой черточкой. Он знал: лишние штрихи никогда не усиливают сходства. Главное — точность.

Андрюшка стоял не шевелясь. Будто догадывался, что это очень нужно Вальке. А Валька уже несколькими линиями набросал отросшую Андрюшкину челку и провел короткие черточки бровей. Нос у Андрюшки совсем простой: Валька поставил над верхней губой маленькую скобку — и все.

Самое трудное — это, конечно, глаза. Особенно когда их почти не видно в тени ресниц. Валька, чуть дыша, вывел тонкие полумесяцы опущенных век. Аккуратно прочертил уголки глаз. Несколькоми точками отметил ресницы. А потом волосяными штрихами прорисовал окруженные светлыми ободками зрачки — так осторожно, словно он был хирург и проводил острием по живому глазу. Он не мог ошибаться. Ведь у него не было резинки.

И, может быть, хорошо, что ее не было. Осторожность помогла Вальке. Он отложил карандаш, взглянул на Андрюшку, потом на рисунок и увидел: похож. Как ни смотри, а похож.

Сходство редко удавалось Вальке, и теперь он очень обрадовался.

Нужно было обязательно закончить рисунок. Карандашик заплясал на картоне. Валька рисовал Андрюшку в полный рост. Тонкая шея, сбитый воротник матроски, мятые штаны, клочок тельняшки, маленькие ладони на узких плечах, сандалета с отскочившим ремешком на правой ноге. Левая нога почти до колена была закрыта крепостной башней.

На остроконечной башне рубиновым светом горел маленький стеклянный осколок...

Взрослые все чаще проходили недалеко от песочной кучи. С любопытством поглядывали на растущий город, а заодно и на Вальку. Валька встал, сунул картон под рубашку и зашагал домой. Андрюшка посмотрел вслед, но окликнуть, видимо, не решился.

Дома Валька взял резинку и убрал из рисунка все лишнее. Торопливые короткие штрихи заменил точными легкими линиями, и портрет сделался гораздо лучше. Выразительнее.

Валька осторожно перенес его на папиросную бумагу, а с нее — на альбомный лист. Потом достал черную тушь и обвел карандашные линии тонким пером. Особенно долго он колдовал над лицом Андрюшки, боясь изменить даже самую крошечную черточку.

Кажется, вышло как надо.

Маленький тонкий Андрюшка в задумчивости стоял над Песчаным городом. Впрочем, город получился не очень хорошо. Контур крепостных зубцов и башен был слишком ломаным и небрежным. «Если прорисовать ворота и бойницы, будет лучше», — подумал Валька. Но сделать ничего не успел. Взглянул на часы и охнул: было время обеда, а он еще не сбежал за хлебом...

Уже после двух часов, когда мама и отец снова ушли на работу, Валька взял альбом. Но распахнулись двери, и без стука шагнул в комнату Андрюшка.

— Валька... Кто-то разломал наш город.

Он сказал это тихо, почти виновато. Но глаза у него были совсем не робкие. Потемневшие. Какие-то требовательные глаза...

Город лежал в развалинах. И площадь, недавно блестящая стеклянными узорами, была перепахана и полусасыпана песком. А по песку, по склонам Желтой горы, как следы чудовищного змея-хищника, вились узорчатые отпечатки велосипедных шин.

Все ребята были уже здесь. Горластый Юрка теперь стоял, крепко сжав губы, и колотил себя по колену смятой тубетейкой. Два пятилетних малыша — Витька и Борис — одинаково приоткрыли рты и смотрели на развалины опасно и удивленно.

Андрюшка опустился на корточки и начал молча выбирать из песка цветные осколки. Потом спросил:

— Валька, теперь тебе их обратно отдать?

— Ну что ты! — торопливо сказал Валька. — Зачем они...

Маленький Павлик неслышно подошел к Вальке и объяснил:

— Нас позвали обедать, и мы все пошли. А кто-то приехал и все сломал... Почему?

Валька не знал почему. Он отвел глаза и посмотрел на Ирку. Ирка-скандалистка молча плакала. Так плачут упрямые мальчишки, когда какая-нибудь беда все-таки доведет их до слез. Иркины слезы падали на утрамбованный подошвами песок и оставляли следы, похожие на крошечные лунные кратеры. Валька машинально подумал, что когда-то уже видел такие следы капельных ударов.

Он услышал мягкий шорох тормоза, оглянулся и увидел велосипедиста.

Вернее, сначала увидел лишь колеса. У Вальки хорошие глаза. Он издали разглядел узор на передней шине. «Он», — подумал Валька.

Тогда он посмотрел на хозяина велосипеда.

Это была знакомая личность. Витька Волощук, с непонятным и ласковым прозвищем Козлик. В прошлом году он учился в той же школе, что и Валька, только не в четвертом классе, а в пятом.

— Это он, — чуть слышно сказал за спиной Павлик.

Витька, улыбаясь, смотрел на Вальку:

— Привет, Бегунец! Ты разве тут живешь?

— Это он, — злым шепотом сказала Ирка. Валька быстро

оглянулся. Строители Песчаного города стояли позади почти ровной шеренгой. Они смотрели на Вальку с напряженным ожиданием. Валька знал, чего они ждут.

Руки у него противно ослабли: Валька не умел драться. Не встречал он еще в жизни таких врагов, с которыми надо сходитья один на один и драться всерьез. Были, конечно, короткие стычки, были общие свалки, в которых больше шума, чем дела, но там не требовалось ни умения, ни особой смелости.

— А я, понимаешь, уже две недели здесь живу, а знакомых не вижу. Тоска — как на кладбище! — весело продолжал Козлик. Он смеялся. Он был рад, что встретил Вальку. Хотя не очень хороший знакомый, но все-таки из одной школы. Козлик прыгнул с седла и положил велосипед.

Валька криво улыбнулся и стал подходить к Витьке. Позади он услышал шаги: кто-то двинулся следом. Андрюшка?

— Привет... — сказал Валька Козлику.

Шаги оборвались — Андрюшка отстал.

— Что, новая машина? — Валька кивнул на велосипед.

— Отец вчера купил, — охотно объяснил Козлик. — Еле-еле я его сагитировал.

У него было круглое белобровое лицо и коротенькие светлые волосы. Они торчали косичками, как частые рожки. Может, поэтому он — Козлик?

Переднее колесо велосипеда медленно вертелось, и по спицам прыгали солнечные искры.

За спиной у Вальки было молчанье.

— Ну как ездит? — проговорил Валька.

— Люкс! Как по воздуху!

— А по песку? — хриловато спросил Валька. — Тоже как по воздуху?

— Тянет и по песку. Один раз только забуксовало, там, на ихней куче. Прямо на ихних домиках. Ладно хоть шины на стеклах не пропорол.

— Ты, — медленно сказал Валька, — гад...

Козлик очень удивился. Он даже не рассердился сначала. Он подумал, что Валька шутит. А когда увидел, что шутки никакой нет, попросил:

— Повтори!

И выпрямился. И стал выше Вальки на полголовы. У него были голубые колючие глазки и длинные мясистые руки. И повторять было незачем.

Валька размахнулся и неумело, из-за плеча, ударил кулаком по Витькиному носу.

— Ух ты... — изумленно сказал Козлик. Он уже развернулся для ответного удара, но вдруг заморгал, поднес к лицу ладонь и зажмурился. Из носа густыми струйками текла очень темная кровь.

Козлик басовито заревел. Это было неожиданно и непонятно. Валька даже испугался.

— В чем дело? — спросил кто-то негромко и резко. Рядом с Витькой встал невысокий сухошавый капитан милиции.

«Ну все», — уныло подумал Валька.

— В чем дело? — повторил милиционер.

И вдруг взорвались тонкие ребячьи голоса. словно гомон потревоженных воробьев. И можно было в этом шуме разобрать, что во всем виноват бандит и разрушитель Витька Козлик, а Валька ни в чем ни капельки не виноват. А можно было и ничего не разобрать. Но капитан понял. Он посмотрел на Витьку, поморщился и, сдерживаясь, приказал:

— Марш домой! Сию же ми-ну-ту... Там поговорим. — Он повернулся и зашагал прочь. Цок-цок-цок — шелкали по асфальту каблучки.

Витька Козлик, не глядя на Вальку, потащил к подъезду велосипед.

— Это отец его. Он ему покажет, — задумчиво, но без сочувствия сказал Павлик.

— Так ему и надо, — беспощадно заключила Ирка.

У Вальки противно вздрагивали локти. Однако дело закончилось как надо. Можно было уходить...

Он вернулся домой и с удивлением продолжал вспоминать о своей случайной доблести. А минут через десять снова пришел Андрюшка.

— Та картинка, где город... — начал он. — Ты унес. Разве она тебе нужна?

— Нет. А тебе?

— Может быть, мы снова построим.

— Возьми. Там, на столе.

Андрюшка шагнул к столу и странно затих там.

— Это я? — Он смотрел на раскрытый альбом, который Валька забыл убрать.

— Мало ли кто... — проворчал Валька.

Андрюшка навалился на стол грудью.

— Правда, я... — сказал он шепотом. — Ну и ну...

Он долго смотрел на рисунок. Потом выпрямился и выцарапал из тесного кармана штанишек складной ножик-малютку.

— Давай меняться, Валька. Давай, а? Он хороший, только кончик обломанный. Но его подточить можно. Я сам могу подточить.

Он держал на ладошке свое сокровище с коричневой ручкой из пластмассы и смотрел на Вальку почти умоляюще.

Что-то случилось с Валькой: он засмеялся и осторожно вырвал из альбома листок. Взял ножик и опустил в карман Андрюшкиной матроски. Протянул рисунок:

— Возьми ты его, если надо... Меняльщик. Догадался тоже... Я же еще могу сделать.

Конечно, он снова мог перевести Андрюшкин портрет в альбом с картона и папиросной бумаги. Но теперь, когда рядом был живой Андрюшка, рисунок не казался Вальке удачным. Так себе...

Андрюшка свернул листок в аккуратную трубку:

— Я, Валька, пошел.

— Подожди, я с тобой. А то Козлик повстречается да навешает тебе блинов.

— Тю! Навешает... Я скажу, что ты ему тогда еще не так навешаешь.

«Гм», — самокритично подумал Валька.

— Его теперь никто бояться не будет, — добавил Андрюшка. — И вообще...

Что такое «вообще», Валька понял через два дня. Он случайно услышал, как совершенно незнакомая маленькая девочка кричала какому-то большому парню:

— Только приди еще, ходуля! Валька Бегунов тебе ка-ак д-даст!

«Поздравляю вас, товарищ Бегунов», — ехидно подумал Валька. И вдруг он встревожился: а что, если Андрюшка нач-

нет всем рассказывать не только о Вальке-защитнике, но и о Вальке-художнике? И рисунком начнет хвастаться? Этого еще не хватало!

Но ничего такого не случилось. Валька решил, что Андрюшка потерял или забросил рисунок.

А оказывается, что он не потерял и не забросил. Вывесил Валькино произведение на стенку и радуется.

Валька натянул шапку.

— Надо мне идти. До свиданья.

— Постой, постой. — Андрюшкин отец взял его за локоть. — Ты давай раздевайся. У нас уже чай готов.

— Разве у вас починили водопровод?

— Водопровод? Да его и незачем чинить. Все в порядке. Временами только давление ослабевает, но это пустяк. На минуту.

— Ну да, на минуту... — угрюмо сказал Андрюшка.

Отец покосился на него и с усмешкой объяснил:

— У этого товарища свои соображения. Ты думаешь, он зачем с ведром на улицу отправился? Чтобы показать, какой он большой и самостоятельный. Мало того. Случилась вещь вообще небывалая: уже два вечера подряд он моет посуду. А зачем ему это надо? Для авторитета? Ничего подобного. Дело в том, что этот товарищ желает иметь коньки на ботинках. А его бесчувственные родители коньки покупать не спешат, потому что боятся отпускать его одного на каток...

Андрюшка сполз со стула и полез под кровать за тапочками. Из-под кровати он сказал:

— Мы бы с Юркой Померанцевым вместе ходили.

— Ох уж этот Юрка Померанцев! — со вздохом произнесла мама и обратилась к Вальке: — Жаль, что ты не катаешься на коньках.

Она, оказывается, знала и это!

Андрюшка выбрался с тапочками в руках. Валька заметил у него на ресницах маленькие прозрачные капли.

«Скверное дело», — подумал он.

— Ну ладно, — торопливо заговорил отец. — Как-нибудь решим. До зарплаты о коньках все равно думать нечего.

— Все-таки я пойду, — сказал Валька. — Дома, наверно, ждут. У нас-то в самом деле нет водопровода.

Андрюшка поморгал, стряхивая капли, виновато улыбнулся и попросил:

— Ты, Валька, не забудь про крепость.

— Не забуду, — сказал Валька. Он осторожно просовывал в отсыревшую варежку руку с забинтованным пальцем.

— Порезал? — сочувственно спросил Андрюшка.

— Обжег. Да так, чепуха, — отмахнулся Валька.

УТРО. ПАРУСА

После завтрака мама спросила мимоходом:

— Надеюсь, ты не забыл?

Валька сделал невинные глаза:

— О чем?

— О парикмахерской, радость моя, — сказала она. — Просто поразительная у тебя память.

Валька поскреб в затылке.

— Я не забыл. Но разве парикмахерские открыты по воскресеньям?

— Не валяй дурака, — последовал ответ. Мама стояла перед зеркалом и примеряла новый жакет с серебряными пуговицами и нашивками. Она работала бухгалтером в управлении железной дороги, и ей полагалась форма.

— Ты похожа на капитана дальнего плавания! В самом деле.

— Очень приятно, — сказала мама. — А ты похож на дикобраза.

— «Дикобраз» пишется с двумя «о»? — спросил Валька. — Или с одним?

— Валентин...

Валька вздохнул.

— Поразительная вещь! — возмутилась мама. — Человеку одиннадцать с половиной лет, а он боится стрижки, как младенец.

Валька обиделся:

— «Бойтся!» Времени жалко. На лыжах покататься хотел. Такой денек...

— Успеешь. Денек твой впереди.

— Папа, заступись, — попросил Валька. Отец выглянул из-за газеты.

— Еще чего! Чтобы и меня погнали в парикмахерскую? — Он осторожно погладил свою аккуратную лысину.

— Вот так всегда, — вздохнул Валька. — Нет чтобы поддержать, как мужчина мужчину.

— Иди, иди, мужчина, — сказала мама. — А то сама постригу.

И Валька пошел. На улице он сразу понял, что упирался зря: в такую погоду прогуляться по городу — одно удовольствие. Утро было искристо-розовым. Мороз поскрипывал, как тугое яблоко в крепких ладонях мальчишки.

Настроение у Вальки было солнечное. День начинался совсем не плохо: морозные звезды в окне, черные антенны-планеры на больших домах, Андрюшка и его родители, которые, оказывается, считают Вальку своим человеком...

Валька шагал и насвистывал, хотя при морозе это довольно трудно.

На автобусной остановке галдели и веселились малыши. Человек тридцать. Наверно, первый класс. Тут же была их учительница, совсем молодая, похожая на Валькину сестру Ларису, которая училась на геолога в Ленинграде. Учительница наводила порядок:

— Иванов! И-ва-нов! Зачем ты полез в снег?! Сейчас подойдет автобус, сию же минуту становитесь в пары!.. Андреев! Коля Андреев! Кому я говорю!.. Никто не смеет выходить на дорогу — там машины!.. Малеева и Ковальчук никуда не поедут, а немедленно пойдут домой, если не перестанут толкаться. Никуда не отходите... А где Новоселов? Новоселов Игорь!

Новоселова Игоря не было. Едва наметившиеся пары опять рассыпались.

— Ребята, кто его последний раз видел? Тише, отвечайте по порядку! Ой, да замолчите же вы!

— Шичас прыдет, — пробубнила толстая девчонка, до носа закутанная шарфом. — Он шкоро...

— Вон он идет! Вера Павловна, вот он!

— Ура, Новосел!

Валька оглянулся, охнул и остановился. Если бы он был девчонкой, то, наверное, завизжал бы от восторга. Новоселов был просто великолепен! Рыжая ушанка сидела на его голове удивительно лихо — боком. Она сползла ему на левую бровь, а с правой стороны открывала лоб. Одно ухо шапки торчало в сторону, как у веселого щенка, и пружинисто подпрыгивало. Шарф распустился и лежал на плечах широким зеленым кольцом. Тонкая шея Новоселова торчала из растегнутого мохнатого воротника, словно из грачиного гнезда. На круглом лице его было написано блаженство. Осторожно нес он перед собой распечатанное эскимо. Через каждые два шага Новоселов радостно жмурился и розовым языком касался шоколадного бока. Он держал мороженое голыми пальцами, а пришитые к рукавам варежки раскачивались на тесемках, как маятники.

Вот схватить бы сейчас карандаш, встать бы с альбомом в тень, за выступ дома... Вот был бы рисунок! Даже название придумалось сразу: «Нарушитель».

«Ну ладно, — подумал Валька. — Я его запомню, а дома сяду за рисунок».

А у Веры Павловны Новоселов радости не вызвал. Наоборот.

— Это что же такое?! В такой мороз! Кто тебе разрешил? Новоселов, перестань сейчас же! Где ты был? Я кому говорю!

Но броневой очередь запрещений и вопросов не задела Новоселова. Он приближался все так же медленно и молча. Остановился.

— Где ты его ухитрился купить? — отчаянным голосом спросила Вера Павловна.

Новоселов махнул в сторону гастронома:

— Тама... — Один глаз его был в тени шапки, а другой, синий и блестящий, преданно смотрел на учительницу.

— Не смей есть мороженое! Ангину хочешь получить?

— Не бросать же теперь уж, — рассудительно заметил Новоселов и нахально откусил почти полпорции.

В толпе заныли:

— Новосел, обжора...

— Дай лизнуть...

Новоселов щедрым жестом, не глядя, протянул эскимо. Оно прошло по рукам, как эстафетная палочка.

— Вера Павловна, вам оштавить? — пробубнила закутанная девчонка.

— Оставьте меня в покое, мучители, — скорбно сказала Вера Павловна.

Валька засмеялся и зашагал вдоль чугунной заиндевшей решетки газона.

Парикмахерская находилась на улице Павлика Морозова. Последний раз Валька был здесь в середине октября. Моросил серый дождик, а к зеркальной витрине парикмахерской прилипли желтые березовые листья. На громадном стекле витрины белели надписи: «Мужской и женский зал. Стрижка, перманент, окраска волос, бороды и усов. Маникюр». Кроме того, там был изображен лупоглазый красавец с аккуратным пробором.

Но вот что значит не стричься два месяца! Оказалось, что за это время парикмахерская исчезла.

Не было синей вывески. Пропали белые надписи. Над знакомой дверью блестели незнакомые слова, составленные из трубочатых стеклянных букв:

МОЛОДЕЖНОЕ КАФЕ «БРИГАНТИНА»

А в витрине Валька увидел натянутый на раму холст, на котором был изображен масляными красками грузный трехмачтовый парусник. Очевидно, художник считал, что это и есть бригантина.

Валька не успел даже удивиться и подосадовать, что парикмахерской нет на старом месте. Парусник сразу привлек его. Не красотой привлек. Наоборот. Это была какая-то баржа, к которой добавили мачты с раздутыми, как пузыри, парусами. Видимо, художник разбирался в парусах, как Валька в кибернетике.

Оставалось пожать плечами и пойти на поиски другой парикмахерской.

А Валька стоял.

Все-таки картина чем-то привлекала. Было в ней среди разных нелепостей что-то верное и хорошее.

Что?

Не мог Валька понять.

Художник знал какой-то секрет, а Валька не знал.

Он зажмурился, подождал несколько секунд и широко распахнул ресницы. Нет, не помогло. Трехмачтовый парусник берег свою маленькую тайну.

Валька отвел глаза и тихонько плюнул с досады. Его прозрачное отражение в стекле тоже плюнуло и сморщилось. Валька глянул на него сердито. И тут заметил еще одно отражение — девушку в вязаной шапочке и в пальто с воротником, похожим на меховой калач.

Шапка и пальто были незнакомыми, а лицо — знакомым. Оно смотрело из стекла на Вальку весело и слегка удивленно.

— Ой, здравствуйте! — сказал он и обернулся.

— Здравствуй, — сказала она. — А я иду и вижу: кто-то знакомый на себя любит.

Валька немного смутился.

— Я не на себя. Вот на него. — Он кивнул на парусник.

— Нравится?

— М-м... — Валька сморщил нос и помотал головой.

— Почему? А по-моему, ничего.

— Неправильно нарисовано, — сказал Валька. — Смотрите, написано: «Бригантина». Разве бывают трехмачтовые бригантины?

— Честное слово, не слыхала, — призналась она.

— Они всегда двухмачтовые, — объяснил Валька. — Бригантина — значит шхуна-бриг. На фок-мачте прямые паруса, на гроте — гафельный. И топсель. А стакселя! Они так никогда не раздуваются. Они же крепятся на штагах, а штаги...

Валька замолчал, потому что увидел: она смеется. Смеется и поднимает руку, словно хочет защититься от него вязаной варежкой.

— Бегунов, пощади! Я же ни капельки не понимаю...

Валька на секунду растерялся. Чтобы как-то закончить разговор, он пробормотал:

— В общем, это, наверно, трехмачтовый барк, — и расмеялся. В самом деле, получилось смешно.

Она сказала:

— Верю вам, капитан. Но... тебе в какую сторону?

— Хотя в какую. Мне одинаково.

— Я живу на Пушкинской.

— По пути, — соврал Валька. Почему-то ему не хотелось прощаться. Но о чем говорить, он тоже не знал и шагал, молча глядя под ноги.

— Кажется, подорвала я свой авторитет, да? Учительница географии — и не знает, какие паруса на бригантине. Стыдно.

— Что вы... — неловко утешил Валька. — Это же необязательно. Паруса — это раньше было...

— Ну, не скажи, — возразила она.

Они свернули на улицу Качалова. Навстречу потянул ветер. Не сильный, но обжигающий лицо. В нем были миллионы игольчатых невидимых льдинок.

— Ой, я подниму воротник, — услышал Валька. — Подержи, пожалуйста, сумку.

Сумка была совсем не зимняя. Из белой клеенки с крупными черными кольцами. С такими летом ходят на пляж. Какой-то увесистый груз распирал клеенку острыми углами.

— Вот и все. Давай ее...

— Я сам буду нести, — сказал Валька.

— Она ведь тяжелая.

— Ну и что?.. И не тяжелая нисколько.

— Есть еще «лыцари» на Украине, — улыбнулась она. — Впрочем, неудачное сравнение. На Украину здесь не похоже, верно?

— А вы были на Украине?

— Только в Крыму. На раскопках в Херсонесе. Когда училась.

— Я думал, вы там жили, — сказал Валька.

— Почему? Разве я похожа на украинку?

Валька замялся:

— Нет... Не знаю. Только имя.

— А-а... Это дедушка виноват. Интересный был дедушка. Гоголя любил ужасно. Папу в честь Гоголя Николаем назвал,

а когда я появилась, стал просить: пусть будет Оксана. Вот и получилась Оксана Николаевна Галина. Деду на радость, ученикам на горе.

— Не на горе, — сказал Валька.

Дальше целый квартал они шагали молча. У Вальки мерзли пальцы, и он часто перехватывал сумку из руки в руку.

— Понесем по очереди, — предложила Оксана Николаевна.

— Нет, я сам.

— Все-таки она тяжелая. Там две пары коньков с ботинками.

— Разве каток уже открыт? — удивился Валька. — Ведь рано.

— Я не с катка. Я от товарища, — сказала она. — Это мой бывший одноклассник. Знаменит тем, что великолепно точит коньки. Раньше мы к нему даже в очередь записывались. Важничал он ужасно. Объявлял часы приема.

Валька засмеялся:

— А сейчас?

— Сейчас у него всего два заказчика: я и Сережа, мой брат.

— Брат? — почему-то удивился Валька.

— Да, братишка, — сказала она. — Мой оруженосец. Мы с ним вместе на каток ходим.

— Наверно, большой уже... — полувопросительно заметил Валька.

— Да нет... То есть конечно. В четвертом классе. Кстати, в нашей школе учится.

Они опять замолчали. Хруп-хруп, хруп-хруп — скрипели на снежном тротуаре подошвы.

— Оксана Николаевна, — осторожно заговорил Валька, — а тот вопрос... не решился?

— Какой вопрос, Бегунов?

— Про классного руководителя. Вы у нас не будете?

— Ну что ты! У меня уже давно шестой «А».

— У-у, — сказал Валька.

— Вы разве не знали?

— Ничего мы не знали... А в шестом «А» все жулики.

Они, говорят, у нас пять кило цветного лома свистнули, — сказал Валька. — Вы с ними наплачетесь.

— Ну, Бегунов! — воскликнула она и начала смеяться. Смех вырывался из-под воротника клубочками пара.

Валька не улыбнулся.

— А чем у вас в классе плохая жизнь? — спросила Оксана Николаевна уже спокойно. — Вами же сама Анна Борисовна занимается.

— Она занимается, — сказал Валька.

— А что?

— Ничего, — вздохнул Валька. — Занимается...

— Она очень опытный педагог.

— Ага, — сказал Валька.

— Вы, по-моему, просто не хотите ее понять.

— Наверно, — сказал Валька и отвернулся. Они проходили мимо большого магазина. За широкими окнами продавщицы развешивали гирлянды елочных шаров. В одной из витрин девушка в синем халатике прилаживала ватную бороду молодому симпатичному манекену: превращала его в Деда Мороза. Манекен терпел и натянуто улыбался.

— Бегунов... Да, послушай. Я ведь даже не знаю, как тебя зовут. Вернее, не помню. В школе всегда почему-то по фамилиям. Нехорошо.

— Валька, Валентин... ну, или Валя. — Он поморщился.

Оксана Николаевна улыбнулась.

— «Валя» не звучит, да?

— Меня все Валькой зовут. Лучше.

— Ты любишь рисовать, да?

Валька быстро сказал:

— Откуда вы знаете?

— Ну... ты так рассматривал картину... Говорил о ней...

Валька пожал плечами.

— Я просто хотела узнать, как ты относишься к урокам рисования. У вас ведь новый учитель.

— Чер... — Валька чуть не сказал «Чертежник». Так все звали нового учителя, потому что в старших классах он вел черчение. — Юрий Ефимович. Он недавно.

— Ведь он должен быть вашим классным руководителем.

— Хорошо! — оживился Валька.

— Постой. Разве Анна Борисовна вам не говорила?

— Не говорила.

— Странно... Может быть, он не согласился...

Валька насторожился:

— Почему?

— Видишь ли, честно говоря, он педагог молодой. Он хороший художник, но в школе недавно. А вами даже Анна Борисовна недовольна.

«Далась ей Анна Борисовна!» — подумал Валька.

— Чем она недовольна? — буркнул он.

— Ну, вам лучше знать... В общем, я, кажется, зря тебе сказала.

— Думаете, я болтать буду? — обиделся Валька. — Никому я ничего не скажу.

— Хоть огнем жги? — улыбнулась она.

Боль резко толкнулась в палец.

— Кто меня будет жечь огнем? — хмуро сказал Валька.

— Да, пока наоборот. У тебя от мороза нос побелел. Сами кончик.

Валька отогревал правую руку в кармане. Он не стал ее вытаскивать, а поднял левую — вместе с сумкой — и начал оттирать нос кулаком. Сумка тяжело раскачивалась и толкала Вальку в грудь. Он рассердился и стал тереть сильнее.

Оксана Николаевна твердо сказала:

— Сейчас пойдем к нам. Будем пить чай и греться. С Сергеем познакомлю.

«И зайду!» — весело решил Валька. Он вдруг подумал, что никогда не видел, как живут учителя.

Оксана Николаевна жила в зеленом крупнопанельном доме на углу Пушкинской.

Они поднялись на третий этаж.

— Подожди, я возьму ключ.

Она позвонила в соседнюю квартиру. Маленькая, словно игрушечная, старушка моментально открыла дверь и почачала головой.

— Нет? — спросила Оксана Николаевна.

— Нет, Ксаночка. Не был. Заходи.

— Спасибо. Я попозже. — Она отвернулась к Вальке и огорченно объяснила: — Безобразие. Сережка не оставил ключ. Старая история.

— Может, он во дворе? — сказал Валька. — Там ребята в хоккей играют.

— Не играет он в хоккей. Такой тихоня... И растяпа, как видишь. Наверняка пошел к приятелю с марками возиться. Теперь не дождешься.

Старушка вздохнула и бесшумно закрыла дверь.

— А второго ключа нет? — спросил Валька.

— Второй ключ мама случайно увезла. Она уехала к бабушке в Кунцево... Ну, пусть он придет! Я ему устрою!

Валька всегда чувствовал себя скверно, если при нем ругали кого-нибудь. Чтобы изменить разговор, он поспешно спросил:

— Кунцево — это где?

— Под Москвой. То есть уже в Москве, район такой. Не слышал?

Валька покачал головой.

— Я там в школе училась, — успокаиваясь, объяснила Оксана Николаевна. — Мы все тогда считали, что Кунцево — знаменитое место. Из-за Багрицкого. Ты читал его «Смерть пионерки»?

— Нет.

— Да ну? Отличная поэма.

— Не люблю я стихи, — честно сказал Валька.

— Ну и напрасно... А что любишь? Про шпионов?

Можно было промолчать. Но тогда она подумала бы, что Валька в самом деле больше всего любит читать про шпионов.

Он тихо сказал:

— Про корабли. Про море...

— У Багрицкого очень много про море. Замечательные стихи. Он ведь одессит... Но «Смерть пионерки» мне больше всего нравится.

Чуть прищурившись и глядя мимо Вальки, она вдруг негромко сказала:

Над больничным садом,
Над водой озер
Двигутся отряды
На вечерний сбор.

Заслоняют свет они
(Даль черным-черна),
Пионеры Кунцева,
Пионеры Сетуни,
Пионеры фабрики Ногина.

Та-та, та-та, та-та! Тра-та-та! — отдалось в Вальке. Было что-то очень знакомое в этом ударном ритме.

— А еще? — вырвалось у него.

Рухнула плотина —
И выходят в бой
Блузы из сатина
В синьке грозовой.
Трубы. Трубы. Трубы
Подымают вой.

Валька стоял и молчал. Будто слушал шаги уходящего отряда.

— Вот так, Валька, — сказала Оксана Николаевна. — Ну а что будем делать?

— Не знаю...

— Ты уж извини. Так получилось... Звала в гости, а получилось вот что. Пойду к соседке. Буду сидеть и жаловаться на современных детей. Она это любит ужасно.

— Тогда и я пойду, — сказал Валька и протянул сумку. — До свиданья.

— До свиданья. Но ты потом заходи... А Сережке вместо катка будет сегодня мытье посуды.

«Почти как у Андрюшки», — подумал Валька. И остановился.

— Оксана Николаевна, — нерешительно сказал он, — вот вы на каток... и ваш брат... часто ходите?

— Ходим, — сказала она. — Ну, не очень часто, а когда время есть. По воскресеньям — обязательно.

Валька переминался с ноги на ногу.

— Хочешь с нами? — вдруг спросила она. — В самом деле, давай. С Сережкой познакомишься...

— Да нет, — сказал Валька. — Я на коньках не привык. Я на лыжах... Есть один мальчик. Один мой... знакомый.

— Твой товарищ?

— Ну... да, товарищ. Только он в первом классе. Ему ко-

ньки хотели купить, а потом забоялись одного на каток пускать...

Оксана Николаевна смотрела на него очень внимательно. Валька почувствовал себя так, будто ему велели: «Бегунов, дай дневник! Я напишу, чтобы родители пришли в школу».

Он сказал:

— Ему очень хочется на коньках кататься. Он даже ревел потихоньку.

Все так же глядя на Вальку, Оксана Николаевна ответила:

— Понятно. Знаешь, нельзя, чтобы человек ревел. Даже потихоньку. Ты меня с ним обязательно познакомь.

— Спасибо, — сказал Валька и почувствовал, что сегодня у него весь день будет хорошее настроение. — Я познакомлю. Спасибо. До свиданья!

Валька вернулся к бригадине. Надо было идти стричься, но он вернулся к витрине с нарисованным парусником, потому что тот берег в себе какую-то загадку.

«Надо смотреть внимательней», — сказал себе Валька. Но сосредоточиться не мог. Потому что думал сразу и о парусах, и о малыше Новоселове, который так и просился в альбом, и об Оксане Николаевне. Здорово получилось: шел с учительницей, а говорил о таких вещах, о которых обычно говорят с мальчишками. Словно Валька и не ученик ее, а просто хороший знакомый. Или младший брат. Как ее Сережка...

Этому Сережке, конечно, совсем неважно, что его сестра учительница, и он зовет ее просто Оксана и швыряет в нее снежки, когда они вместе идут на каток, и дурачится с ней. Так же, как Валька с Ларисой, когда она приезжает на каникулы.

Лариса поет Вальке хорошие песни о людях, идущих через тайгу, о кострах и звездах. Песни негромкие и чуть-чуть печальные, но смелые. А Сережке сестра, наверно, читает стихи. Хорошие стихи. Сразу запоминаются.

Рухнула плотина —
И выходят в бой
Блузы из сатина
В синьке грозовой.

— В синьке грозовой... — сказал Валька, пристально глядя на картину, и увидел вдруг, что за парусником, на горизонте, встает грозовая синева. На море и на небо легла тревожная тень совсем недалекого шторма.

Соединение слов и краски сделало удивительную вещь. Вальке показалось, что картина качнулась ему навстречу.

Он увидел, что написана она вовсе даже не плохо.

Просто художник не знал, какие бывают бригантины, и выбрал парусную развалину, старое пиратское корыто. И он здорово изобразил неуклюжесть и скрипучесть этого корыта, шероховатость облупившихся бортов и тяжелую силу вздувшейся парусины.

Но еще лучше получились волны. Невысокие, пологие, они шли от горизонта прямо на Вальку. Это была зыбь, широкие водяные складки. Одной стороной они отражали еще светлое небо, а другой, обращенной к горизонту, — темноту шторма. Темнота была пробита неяркими бликами крутой и мелкой ряби, покрывавшей волны. В этом чередовании светлых и сумрачных полос заключалась главная загадка картины: казалось, что волны движутся, обгоняя и раскачивая неторопливую парусную громаду.

И Валька понял, что ему отчаянно хочется взяться за карандаш или кисть. Нарисовать корабль на оживших волнах. Свой корабль. Стремительный и легкий, настоящую бригантину. Это было желание радостное, как ожидание праздника. И Валька знал, что оно уже не исчезнет.

Оно не исчезло.

День был длинный, искристый, шумный. И весь этот день Вальку не покидала беспокойная, самая главная радость. Иногда он даже забывал, откуда эта радость, но где-нибудь на лыжном спуске вдруг снова, мгновенно и ярко, вспоминалось: а волны! А бригантина! И снег был ослепительно чистый, как громадный лист альбома, открытого для удивительных рисунков.

А потом пришел вечер с огнями, синевой и зеленоватым тонким месяцем среди черных антенн. Валька последний раз съехал с бугра и обессиленно бухнулся в снег.

Сашка Бестужев не сумел затормозить и налетел на него. Свалился, потерял очки и рукавицу.

— Не мог ты брякнуться в стороне? — спросил он, шаря в снегу. — Бесишься, как перед каникулами...

— Весело...

Сашка вытянул из снега очки, сунул их в карман, успокоился и произнес:

— Нечего радоваться. Завтра понедельник, а не воскресенье.

— Подумаешь, понедельник, — отмахнулся Валька и хотел промолчать, но не смог. — Вот если бы ты новую комету открыл, ты бы радовался?

— А-а... — сказал понимающий Сашка и больше не спрашивал. Наверно, стал думать о своей комете.

А Валька пошел домой, кое-как разделся и, будто подрубленный, грохнулся в кровать.

Но он уснул не сразу.

Сначала он просто закрыл глаза и вызвал свои корабли. Он устроил смотр всему флоту.

Ближе всех от берега шли маленькие парусники: одно-мачтовые шлюпы, полуторамачтовые йолы и кечи. Чуть подалее скользили легкие шхуны. Потом — бригантины и бриги, большие трехмачтовые шхуны и баркентины. А далеко-далеко, почти у самого горизонта, громадные, как облака, двигались трех-, четырех- и пятимачтовые барки и фрегаты.

Обгоняя эскадру за эскадрой, проносились узкие клипера с невесомыми грудами удивительно белых парусов...

И вдруг из этого бесшумного хоровода вырвался и пошел прямо на Вальку двухмачтовый парусник с высоко вскинутым бушпритом. Круто накренившись, он почти чертил волны длинным гиком грот-мачты.

«Вот она, моя бригантина», — подумал Валька. Но это была марсельная шхуна, потому что кроме прямых парусов она несла на фок-мачте косою гафельный парус.

Пологие волны шли к берегу, чередуя полосы света и тени. Сны уже наслаивались друг на друга, как прозрачные рисунки. Сквозь корабли Валька вдруг увидел маленького Игоря Новоселова, который держал целый букет эскимо и сосредоточенно думал, с какого начать.

«Не получил еще ангину?» — спросил Валька.

Новоселов заулыбался и протянул ему все порции. Но Валька не успел отказаться от щедрого подарка. Заснул.

ПАРУСА. ВАЛЬКИНЫ АЛЬБОМЫ

В среду после пятого урока Зинка Лагутина сказала:

— Бегунов, а я что-то знаю... — и хихикнула.

— Что ты знаешь? — поинтересовался Валька. Не терпел он Зинкину привычку загадочно хихикать и делать из пустяков тайны.

— Знаю, — сказала Зинка. — Ты сегодня опять сбежишь с репетиции.

— А Волга? — мстительно спросил Валька. Она захлопала глазами.

— Что Волга?

— Впадает в Каспийское море? А дважды два — четыре? А колеса — круглые?

Зинка подумала и сказала:

— Не остроумно.

Валька сердито давил коленом и старался застегнуть набитый портфель.

— Анна Борисовна говорила, что, если кто-нибудь на хор не будет ходить, она у того родителей вызовет, — сообщила Зинка.

— Она это каждый день говорит, — сквозь зубы ответил Валька и приналег на портфель. Зинка опять хихикнула.

— Она говорит, что сама будет следить, чтобы никто не убежал с репетиции.

— Убегают из тюрьмы, — сказал Валька и шелкнул замком.

Зинка взглянула как-то сразу удивленно и хитро. И быстро проговорила:

— Ой, Бегунов, ой, какой ты...

— Какой?

Но Зинка уже шла к своей парте и, не обернувшись, покрутила над плечом растопыренной ладонью: такой, мол, странный...

Валька молча подхватил портфель. Зинка сказала:

— Я на хор, наверно, тоже не пойду. Лучше в кино. «Выстрел в тумане». Смотрел?

— Смотрел, — соврал Валька. — Дрянь.

Он вышел в коридор и зорко глянул по сторонам: нет ли завуча? Оставаться на репетицию и разучивать песенки о зимних каникулах совершенно не хотелось. Дома Вальку ждала «Легенда океана».

Он решил назвать так свой парусник. Шхуну, которую хотел нарисовать среди бегущих волн и рваных облаков — предвестников шторма. Шхуну, а не бригантину. Марсельская шхуна лучше бригантин. Ее нижний парус на фок-мачте не заслоняет легкого и тугого переплетения снастей, и от этого все паруса кажутся приподнятыми и невесомыми. И судно выглядит стройнее.

Валька три дня думал о паруснике и не брался за карандаш. Боялся спугнуть свою «Легенду». Он знал, что так бывает: сядешь за рисунок раньше времени — и первая неудача прогонит радость.

Но сегодня Валька почувствовал: пора. Валька помчался в раздевалку.

И там он увидел Андрюшку.

Андрюшка, уже одетый, стоял у окна и скучал. Заметил Вальку и сдержанно заулыбался.

«Ждал, — понял Валька. — Целый лишний урок ждал».

Они вышли на улицу. Был теплый бессолнечный день, и на тротуары косо падал снег. Это с далекой Атлантики пришел на Урал влажный ветер, прогнал холод и принес мягкие снегопады.

— Мы уже сделали крепость, — сообщил Андрюшка. — Почти совсем.

— Угу... — сказал Валька.

— Только ты пять зубцов нарисовал на башне, а получилось четыре.

— Можно и четыре, — сказал Валька. Он думал о том, следует ли рисовать шхуну с поставленным форбрамселем. Если близится шторм, брамсель должен убирать. Но без него парусник будет выглядеть гораздо хуже. Исчезнет его стремительность, его наполненность ветром.

«Оставлю», — решил Валька.

В конце концов, если упущено время и шторм подошел вплотную, верхний парус не убрать даже при желании. Пока не сорвет его ветер...

— Валька... — сказал Андрюшка. — Знаешь что, Валька? Нарисуй мне костюм...

— Ага...

— Ну Валька! Ты же не слышишь.

— Какой костюм? — Валька поморщился.

— На елку. Для утренника. Пиратский...

— Че-го?

— Пиратский костюм, — тихо повторил Андрюшка. — Как в «Острове сокровищ». Морской.

— Зачем?

— Ну для елки же, — с нажимом повторил Андрюшка.

— Да нет, зачем пиратский? Андрюшка... — И чуть-чуть Валька не брякнул: «Какой из тебя пират? Как ястреб из цыпленка». Но не сказал. Только губу прикусил, чтобы не поползла улыбка. Он представил шуплого Андрюшку в широченных сапогах с раструбами, в камзоле с отворотами, в тяжелых ремнях с громадными пряжками. И пара пистолетов за поясом. И, пожалуй, черная повязка на левый глаз... Кар-рамба!

А что! Смешно, но здорово!

— Все одинаковые костюмы делают, — сказал Андрюшка. — Я сперва хотел космонавтом нарядиться, а космонавтов будет двадцать семь! А больше никак не знаю. Балериной, что ли?.. Мама сказала, что, если ты нарисуешь, она костюм сделает. А без картинки не может.

— Нарисую, — согласился Валька. — Только завтра.

— Завтра я приду. А сегодня ты занят?

— Сегодня я чертовски занят, — серьезно сказал Валька.

Он с порога метнул в угол портфель и шагнул к столу, печатая каблуками мокрые следы. Как тугая струна, пело в Вальке радостное нетерпение. Хорошо, что на столе всегда стоят отточенные карандаши. Хорошо, что стол покрыт новым листом зеленой бумаги — еще без клякс, царапин и надписей. Первый набросок можно сделать прямо здесь.

Забыв снять пальто, Валька склонился над столом. Дотянулся до карандаша. Подумал секунду и острым грифелем вычертил гибкую линию форштевня. Мысленно он тут же продолжил рисунок до бушприта, легкого, словно вскинутое для атаки копые. А над бушпритом — три узких парусных треугольника: бом-кливер, кливер и стаксель...

...Знания о парусах приходили к Вальке постепенно и незаметно. Отовсюду. Из книжек, где были краткие морские словари. Из журналов, где нет-нет да и мелькнет снимок учебного барка или экспедиционной шхуны. Из фильмов, где снятые на киноленту модели в точности похожи на большие фрегаты.

Все люди читают эти книги и журналы. И фильмы смотрят. Но тут же забывают сложные названия ветров, снастей и парусов. Ведь главное — приключения.

А Валька не забывал. Он никогда не видел ни моря, ни парусов, но он любил их, как другие любят музыку, стихи или цветы. И умение отличить барк от фрегата или бриг от бригантины приносило Вальке радость. Такая же радость, наверное, бывает у скрипача, если послушен и легок смычок...

Валька радовался и сейчас: знал, что рисунок даст ему много хороших минут.

Он не будет торопиться. Сначала легкими линиями наметит корпус шхуны, а потом займется волнами. Сейчас ему уже не хотелось изображать мерное движение зыби. Он вздыбит позади судна лохматый гребень, раскачает море гривастыми валами, с которых срываются хлесткие клочья пены. И по темным волнам раскидает блики от пробившегося луча.

И потом уже, над беспокойным этим морем, построит Валька легкие силуэты мачт с кружевом снастей и стремительной парусиной фор-марселя. С узкими, как клинки, треугольниками кливеров.

Валька зажмурился и увидел свою «Легенду» отчетливо, словно на фотографии. Рисуи, как с натуры.

Но Валька отложил карандаш.

Чего-то не хватало в увиденной картине. Была у этой шхуны какая-то одинокость. Слишком много волн — и слишком маленький кораблик. Летит под ветром куда-то...

Куда? Кто его ждет?

«Никто», — подумал Валька и понял, что нужен человек. Человек, который ждет.

И берег, и волны, которые взлетают у прибрежных камней.

Но какого человека нарисовать на берегу? Взрослых рисовать он почти не умел, да и не интересуют взрослых парусные корабли. Валька рисует мальчишку. Немного помладше, чем он сам. Мальчишку, который сидит на причальной тумбе и смотрит, как возникает из тумана и волн летящий силуэт парусника.

Возникает и проходит мимо. Как Летучий голландец. Может быть, последний парусник на свете. Почти сказочный. Но настоящий...

Валька медленно стянул пальто. Он опять не спешил брать за карандаш — боялся спугнуть новую мысль.

«Только надо найти мальчишку», — сказал себе Валька.

Он открыл тумбочку письменного стола и оттуда, из-под старых учебников, вытащил свой альбом.

Это был не тот альбом, который Валька носил на уроки рисования. В том, в школьном, были изображены кособокие, старательно растушеванные кувшины, чучела уток, гипсовые завитки и уходящие вдаль рельсы (последний рисунок назывался перспектива). Под рисунками стояли отметки: четыре, четыре с минусом, очень редко пятерка, иногда тройка.

Рисовать кувшины и перспективы Вальке было лень. Кому они нужны? Учителя по рисованию (а они часто менялись) не говорили ему одобрительных слов. И никто, почти никто не знал, что Валька может на самом деле. Потому что почти никто не видел его второго альбома.

В нем Валька рисовал то, что любил: парусные корабли, фантастические города и своих приятелей-малышей. Корабли и города он рисовал давно, а ребят начал позднее, но они занимали много страниц.

Валька сам не ожидал, что так получится.

В августе, когда зачастил к нему Андрюшка, Валька не думал, что это всерьез и надолго. Но проходили дни, и почти каждый из них начинался с Андрюшкиного появления. Иногда он приводил всю компанию. Шумная компания в Валькиной комнате вежливо притихала и смотрела на хозяина с

почтением. «Валька, ты сможешь кирпичи притащить? Мы будем печку складывать», — говорил Андрюшка и смотрел уверенно и спокойно. Он никогда не сомневался, что Валька поможет. «Ты не знаешь, где взять во-от такой циркуль? Нам надо круг на земле начертить, мы будем цирк строить. Валька, нарисуй нам ракету. Мы ее из бочки будем делать».

Чаще всего они просили именно нарисовать. Потом по Валькиным рисункам они возводили свои сооружения: мосты через канаву, звездолеты, крепости и поезда. Не всегда это получалось, не хватало времени и материалов, и где-нибудь в середине дня Андрюшка появлялся снова. Исцарапанный, перемазанный, но спокойный и деловитый. Валька, а если крылья сделать не из досок, а из картона?..

Но однажды Андрюшка не появился. Прошел день, потом второй, и Валька почувствовал ревнивое беспокойство. Он прихватил альбом, будто идет порисовать на улице, и отправился к ним во двор. Вся компания дружно скакала по асфальту на одной ножке — играла в «классы». Почему вдруг в августе они вспомнили эту весеннюю игру?

Вальку малыши встретили радостными криками, но прыгать не перестали.

И тут он отчетливо понял, что они, в конце концов, без него обойдутся, а он без них не может.

С тех пор Валька стал приходить к ним с альбомом. Это было очень удобно: они занимаются своим делом, а он рисует.

Иногда Валька бросал карандаш, чтобы помочь малышам в каком-нибудь трудном деле, но они не часто обращались за этим. Они очень уважали Валькину работу. И если он просил их постоять и не двигаться, они послушно замирали в самых неудобных позах.

...Валька листал альбом. Среди набросков и законченных рисунков он хотел найти что-нибудь подходящее для новой работы, для Легенды океана. Какого-нибудь мальчишку, который сидит так, как сидят на берегу. Но очень скоро он понял, что это бесполезно. Каждый рисунок мог быть хорош сам по себе, но не годился, чтобы его использовали для другого.

Вот «Гладиаторы»: Толька Сажин вскочил на перевернутую бочку и отбивается деревянным мечом от наседающих

мальчишек. Черные брови сведены к переносице, а волосы над лбом встали торчком, как гребень у бойцового петуха. Кажется, похоже получилось...

«Космонавты»... Все та же бочка, превращенная теперь в ракету. Четверо сидят в ней, а пятилетний Борька стоит в стороне и надулся: ему поручили руководить запуском с Земли.

«Первый снег»... Деревья и палисадники уже в пушистых оторочках, но на земле снега еще очень мало, и двое мальчишек скребут лыжами по замерзшим комкам. Это он Андрюшку и Павлика рисовал.

«Ирка и месяц»... Тонкая березка, узкий светлый месяц над ней и притихшая Иринка. Стоит, запрокинув голову. В ботах, в капюшоне. Конец октября...

И еще рисунки. Летние, осенние, зимние...

Постепенно Валька перестал стесняться своей дружбы с Андрюшкиной компанией. А вот рисунки эти не показывал никому. Наверное, так же прячут свои первые стихи начинающие поэты и так же какая-нибудь девчонка никому не показывает записку с приглашением в кино, полученную от мальчишки из соседнего класса... У каждого бывает своя тайна, и каждый имеет на нее право.

Валька слишком много любви вкладывал в свои рисунки и боялся, что кто-то скользнет скучным или насмешливым взглядом и спросит: зачем ты возишься с этой мелкотой? Неужели охота? А может быть, не спросит, но подумает.

Показать бы тому, кто обязательно поймет. Но кому? Учителя по рисованию менялись в школе буквально через каждые две недели, и ни один из них Вальке не нравился. Кроме последнего.

Недавно в классе появился Чертежник. Чертежником его прозвали старшеклассники, к которым он пришел немого раньше. Звали его Юрий Ефимович.

Он был высокий, русоволосый и очень молодой. Чуть сутулился, но иногда вдруг резко выпрямлялся, и тогда Вальке казалось, что на боку у него висит невидимая шпага. Говорил Юрий Ефимович, слегка запинаясь на звуке «р», и у него получалось временами вместо «рисовать, ребята» — «р-лисовать, р-лебята». Но это даже нравилось Вальке, так же как

нравился его спокойный голос и какая-то особая точность и цепкость движений.

На первый урок Чертежник пришел с глобусом и сказал:

— Давайте попытаемся изобразить эту штуку... Только обратите внимание, что глобус — это не просто шар на подставке. Это модель Земли. Планеты. С морями, горами и пустынями... Не знаю, как вам, а мне глобус всегда напоминает о приключениях и о космосе... Короче говоря, я не буду возражать, если вы нарисуете его летящим среди комет, облаков, спутников или в окружении какой-нибудь... ну, скажем, тайны.

Класс загудел.

— Думайте, — сказал Чертежник.

Валька нарисовал тогда громадный земной шар, который восходит из-за морского горизонта. А по морю, навстречу ему, скользит высокая трехмачтовая каравелла.

Море не получилось у Вальки, да и весь рисунок был поспешным и неудачным. Но Чертежник взглянул и тихонько сказал:

— Интересно...

«Может, показать ему все?» — подумал тогда Валька. Но было страшновато. И он решил посоветоваться сначала с Сашкой.

В старших классах Сашку, наверно, будут звать декабристом. Но пятиклассники о декабристах знали не очень много и звали Сашку просто Стужей. Фамилия у него — Бестужев.

Сашка — человек непростой. Иногда казалось, что у него до крайности веселый нрав, а иногда он становился задумчив или раздражителен. Кроме того, Сашка отличался рассудительностью в речах и небрежностью в одежде. Круглые очки у него всегда сидели «наперекосяк», руки пестрели чернильными веснушками, одна штанина казалась короче другой, а пуговицы на рубашке были перепутаны. Время от времени Сашкины родители спохватывались, отмывали его, обряжали в новый костюм какого-нибудь рижского фасона и приводили в порядок прическу. Сашка появлялся в школе — тонкий, изящный, похожий на юного скрипача. Но, верный

своим привычкам, через несколько дней он приводил себя в обычный вид, а родителей в уныние.

Валька не обращал внимания на Бестужева. А их близкое знакомство началось с короткой и сдержанной ссоры. Случилось это в начале октября, в парке, куда пятый класс ходил на экскурсию.

Бестужев был не виноват. Виноват был скорее сам Валька. Когда все разбрелись по усыпанным листьями лужайкам, Валька повесил портфель на ветку. Не хотелось таскать лишнюю тяжесть. В портфеле среди учебников лежал заветный альбом. Валька принес его, потому что надеялся порисовать в укромном уголке. Укромных уголков не оказалось, и Валька отправился бродить по сухим шелестящим тропинкам.

А ветка в это время сгибалась и сгибалась.

Когда он вернулся к березе, портфель с отскочившим замком валялся в траве, а рядом стоял Сашка Бестужев и внимательно разглядывал Валькины рисунки.

И хотя пугаться было нечего, Валька в первую секунду испугался. От неожиданности. Потом разозлился и почувствовал жгучую обиду. Что же это такое, в самом деле! На всякий замок, что ли, портфель запереть? Он шагнул к Бестужеву и очень невежливо рванул альбом. Сашка вздрогнул, и очки у него перекошились сильнее обычного. Опустившись на колени, Валька стал заталкивать альбом в портфель. Он ощущал противную дрожь, словно только что подвергся страшной опасности. Сашка неловко топтался у него за спиной. Наконец он сказал:

— Этот альбом валялся рядом с портфелем. Он все равно был открыт. Ветер перелистывал у него страницы.

— Какой любопытный ветер! — язвительно заметил Валька.

— В конце концов, тут не написано, что это твой альбом.

— Может быть, написано, что он твой? — спросил Валька и выпрямился.

Такой надписи не было, и Сашка нерешительно пожал плечами. Потом сказал:

— У тебя нервы слабые.

— Зато кулак крепкий, — с вызовом ответил Валька и понял, что брякнул глупость: во-первых, кулак не был креп-

ким, во-вторых, драться сейчас было просто смешно и бесполезно.

Он поднял портфель и, не оглядываясь, пошел к парковым воротам.

Впрочем, на следующий день он уже почти не думал об этом случае. Вспомнил только тогда, когда поймал Сашкин взгляд. Взгляд был внимательный и немного виноватый. Валька отвернулся.

Когда Валька возвращался из школы, Бестужев догнал его. С минуту он молчал и шел, отставая на полшага. Потом сказал:

— Зря ты злишься.

— Я не злюсь, — сказал Валька. Он в самом деле не злился. Чего теперь злиться? Главное, чтобы этот очкастый, худой и почти незнакомый одноклассник не болтал всем про альбом. Но он, кажется, не болтун. — Я не злюсь, — повторил Валька. — Я только вчера разозлился. Думаешь, приятно, когда кто-то... — Он сбился. Хотел сказать «сует свой нос не в свое дело», но побоялся новой ссоры.

— ...когда кто-то любопытный лезет куда не надо, — добавил Сашка. — Я знаю. Понимаешь, я удержаться не мог. Если бы обыкновенный альбом, а то такие рисунки замечательные...

Он сказал «замечательные» так просто, что Валька сначала даже не почувствовал похвалы. И только через секунду понял, что услышал оценку. Причем отличную оценку. До сих пор почти никто не говорил Вальке, хорошо или плохо он рисует. Разве что Андрюшка и его друзья. Но им все казалось хорошо. Иногда, правда, родители видели его наброски парусников или рыцарских замков. Но, похвалив, они обычно спрашивали, выучил ли Валька уроки. Потому что карандашами сын забавляется еще с дошкольного возраста, к этому привыкли, а к тому, что он временами двойки хватает, привыкнуть трудно...

А Сашка взял и сказал «замечательно». И сразу видно, что искренне сказал.

Валька молчал. Ему и приятно было, и неловко.

— Я не люблю показывать, что рисую, — наконец прого-

ворил он. — Начинают сразу спрашивать: это как, это зачем, а это что? Ну, в общем, плохо это как-то. Не знаю...

— Я понимаю, — откликнулся Бестужев. — Ну ладно, ты не беспокойся, Бегунов. Я будто ничего и не видел. И не скажу никому никогда.

Это «никому никогда» он произнес так просто и твердо, что Валька понял: отрезано.

Валька покусал губу, покраснел и спросил:

— А тебе... вот тогда, в альбоме, что больше понравилось?

— Да все, — сказал Сашка.

На следующий день они пошли домой вместе, хотя не договаривались заранее.

— Раньше я переулками ходил, — сказал Бестужев, — но эта дорога, пожалуй, ближе.

Они жили в квартале друг от друга.

Кроме этих возвращений из школы, они редко бывали вместе. Даже на переменах разговаривали нечасто. Но когда Валька остался на дополнительные занятия по немецкому, Бестужев целый час сидел в коридоре на подоконнике, ждал. А до дому идти было пятнадцать минут.

У Сашки было очень симпатичное лицо: серьезное, тонкобровое, остроглазое. Очки его не портили. Они словно отделились от лица существовали. Когда Сашка начинал говорить о чем-нибудь серьезном, он очки снимал и, прищурившись, смотрел мимо собеседника. Словно разглядывал дальнюю мишень. Именно так он однажды сказал Вальке:

— Зайдем ко мне...

Они зашли, и Бестужев выложил перед Валькой какие-то блестящие стекла и картонные трубки.

— Вот. Завтра собирать начну, — сказал он, немного волнуясь.

— Что это?

— Да так... Вроде телескопа. Но ты никому об этом. Вдруг не получится.

Валька молча кивнул. Понял, что Сашка доверяет свою тайну в благодарность за альбом, который Валька уже показал ему.

Впрочем, он не очень верил, что Бестужев построит телескоп. Но Сашка построил.

Валька хорошо помнит, как впервые глянул в окуляр телескопа. В черном космосе среди бледных звездных точек висел светлый кружок планеты. С двух сторон от него, на линии экватора, горело по две колючих искры.

— Юпитер со спутниками, — сказал сзади Сашка.

Валька боялся вздохнуть. Юпитер медленно сползал к краю видимого кружка неба. Шумел далекий поезд, дребезжало стекло открытой форточки, и Вальке вдруг показалось, что это сдержанно гудят громадные моторы, вращающие Вселенную.

— Ну и сила... — выдохнул он.

Но Сашка, сняв очки, сказал:

— Юпитер... Это всем известная планета.

— Ты хочешь открыть неизвестную? — спросил Валька.

Бестужев помахал очками.

— С такой трубкой планету не открыть... Но знаешь, было много случаев, когда неизвестные кометы впервые замечали любители. И даже сверхновые звезды открывали. Это точно.

Валька не знал, что такое сверхновые звезды. Он поинтересовался:

— А как ты узнаешь, открытая это комета или еще не открытая?

— Как-нибудь, — ответил Бестужев. — Когда ты берешь карандаш, ты ведь знаешь, как его держать. Ну вот. И я кое-что знаю.

— Понятно... — сказал Валька.

— Ну, и еще... — попросил Сашка. — Этот разговор о кометах... между нами.

— Никому, хоть огнем жги, — поспешно пообещал тогда Валька.

Бестужев вдруг усмехнулся:

— А тебя жгли огнем?

— Что?

— Ну, вот ты говоришь: хоть огнем жги...

— Подумаешь... — немного обиделся Валька. И чего Сашка прицепился к слову? Сашка сказал:

— Может, слышал про Гая Муция Сцевола? Был такой в Древнем Риме, я читал. Только точно не помню. Кажется, его в плен захватили и начали пытками грозить. А он взял и положил руку в огонь. Печка там, что ли, топилась... Ну, враги сразу от него отступились.

— Ну и что? — сказал Валька.

— Я один раз попробовал палец над свечкой подержать. До десяти считал. Просто дым из ушей... А как он — всю руку?

— А Венеру видно в твой телескоп? — спросил Валька.

Палец болит до сих пор. До скольких удалось сосчитать, Валька не помнит. Сейчас даже вспоминать не хочется: надо же было такой глупостью заниматься. Один палец обжег, а казалось, что всей рукой держал огонь. Хорошо еще, что левая рука.

В правой — карандаш. Валька снова над листом.

ПАРУСА. АНДРЮШКА И ВЕТЕР

Сначала казалось, что рисовать будет легко. Все представлялось очень ярко: мальчик на круглой причальной тумбе, взлетевшая грива прибой и шхуна, идущая вдоль берега... И ветер, который дует с моря. Он дует не прямо в лицо мальчишке, а немного сбоку. Лохматит волосы и треплет рубашку.

Но когда Валька взял карандаш, все оказалось в тысячу раз труднее. Он извел уже с десятков листов, но так и не смог сделать нужного наброска.

Шхуна получалась неплохо. И рваные языки прибой над пирсом были такими, как он хотел. Но чувствовался в рисунке какой-то разноряд: парусник сам по себе, а мальчишка сам по себе. Не было между ними связи. Не было тайны и ожидания. Равнодушно как-то все выходило.

Наверно, потому, что не получался мальчишка.

Валька с ним замучился. Он привык рисовать ребят с натуры, а сейчас приходилось делать наброски «из головы». Фигурка мальчика на причальной тумбе получалась какой-то неестественной. То он выглядел слишком спокойным, то,

наоборот, каким-то испуганным, то просто походил на крибовокого уродца.

А надо было, чтобы он волновался, ждал и радовался, чтобы все это чувствовалось в том, как он сидит, в его повороте головы. Ведь лица у него не видно: он спиной к зрителю.

Не получалось.

До сих пор все было легче. Втайне Валька даже гордился своим умением рисовать. Тонкими четкими штрихами он мог точно и выразительно передать на бумаге то, что видел, а иногда и то, что придумал. Но сейчас надо было показать в рисунке не просто корабль и мальчишку. Надо было показать чувство. И умения не хватило.

Измученный и злой, забывший об уроках, Валька вспомнил, однако, что вот-вот придет Андрюшка, которому обещан эскиз маскарадного костюма. В Валькиных переживаниях Андрюшка не виноват, а костюм ему очень нужен.

Валька взял новый листок и за пять минут изобразил отчаянного пирата в испанской косынке, в сапогах с отворотами, в камзоле и с кортиком. Этот рисунок не требовал особого вдохновения.

Андрюшка словно только и ждал, когда Валька кончит. Он постучался и, сбросив у порога валенки, мохнатым шаром вкатился в комнату.

— Получай, — сказал Валька.

Андрюшка взял листок осторожно, как почетную грамоту. Несколько секунд он смотрел серьезно и внимательно, потом заулыбался.

— Годится? — спросил Валька.

Андрюшка кивнул, не отрывая глаз от рисунка.

Он стоял без шапки, и голова его с тонкой шеей и взъерошенными волосами четко рисовалась на фоне яркого окна.

— Андрюшка... — осторожно сказал Валька. — Ты бы снял свою шубу, а?

Андрюшка послушно скинул шубенку и повесил на ручку двери. Потом вопросительно глянул на Вальку. Валька спросил:

— Ты когда-нибудь слышал о Летучем голландце?

— Корабль такой... — нерешительно сказал Андрюшка.

— Ага... Ну ладно. Ты вообще видел парусные корабли?

— В кино.

— Андрей... — Валька посмотрел на него почти жалобно. — Ты мне поможешь, ладно? Мне надо нарисовать одну вещь... Понимаешь, тебе ничего не надо делать, только сесть на табуретку и подумать, будто на берегу моря сидишь. На такой чугунной тумбе...

— Я знаю, они кнехтами называются, — оживился Андрюшка.

— Точно! Сможешь? Будто ты сидишь и видишь, как у берега корабль идет. Красивый, парусный...

— Ладно, — сказал Андрюшка, — я посижу. А на море штурм?

— Почти.

Валька принес из кухни круглую табуретку и усадил Андрюшку у стены, спиной к себе.

Неизвестно, представил ли Андрюшка море и корабль. Может быть, он просто был благодарен Вальке за эскиз костюма. Но он старался. Он опустил одну ногу, а вторую поставил на сиденье и обнял колено. Потом чуть подался вперед, изобразил внимание.

В первый момент Вальке показалось, что все теперь как надо. Он схватился за карандаш и набросал уже на листе Андрюшкину голову, как вдруг заметил, что дальше рисовать не стоит. Андрюшка сидел в неудобной каменной позе, будто на шатком заборе.

— Ну что ты как деревянный...

Андрюшка шевельнулся и устроился поудобнее. Но теперь у него топорщилась куртка, а голова ушла в плечи. И вообще в своем лыжном костюме он казался сейчас толстым и неуклюжим.

— Какой-то мешок, только уши торчат, — не выдержал Валька.

Андрюшка виновато покрутил головой. Он, видимо, очень хотел помочь Вальке. Но как?

— Может, курточку снять? — спросил он.

— Точно... Хотя нет... Послушай, Андрюшка, у тебя ведь был летом моряцкий костюм. С воротником. Он сейчас тоже есть?

— Есть, — сказал Андрюшка не очень уверенно. — Только где? Надо в шкафу поискать... В нем будет хорошо, да?

— Еще бы! — сказал Валька. Он представил, как заплещет под ветром синий воротник. А ветер сделать нетрудно. Есть старый верный вентилятор, который служит семье Бегуновых много лет.

— Тогда я схожу, — предложил Андрюшка. Наверно, были у него свои дела, тоже важные и интересные, и в голосе его уже не слышалось прежней готовности. Но все-таки он оделся и снова сказал: — Я схожу. Я скоро.

Валька отыскал вентилятор. Разбуженный от зимней спячки, вентилятор загудел сонно и недовольно, а потом рассердился и раскрутил в комнате такой вихрь, что все Валькины листы взмыли со стола к потолку.

— Тебя бы на самолет вместо пропеллера, — сказал ему Валька.

Хлопнула дверь, и в коридоре послышалась возня. Это Андрюшка стягивал свои зимние доспехи.

Он шагнул в комнату будто прямо из июльского дня. Легонький, тонконогий и словно сразу же подросший. Видно, он и в самом деле подрос за осень: матроска стала коротка и выбивалась из-за пояса, а руки смешно торчали из синих с белыми полосками обшлагов.

— Вот... — стесненно сказал Андрюшка и поежился.

Валька понял его: отвыкший от лета, Андрюшка чувствовал себя неловко и зябко при холодном свете замерзших окон и при этом вихре, который гулял по комнате.

Валька выключил вентилятор и бодро сказал:

— Ну, ты отлично выглядишь! Давай садись. Я тебя долго мучить не буду. А ветер я сделал нарочно, чтобы как на море.

— Хороший ветер, — заметил Андрюшка и повеселел.

Он опять устроился на кнехте, а Валька послал на него шуршащий воздушный вихрь. Воротник рванулся и захлопал, как синий флаг.

Андрюшке не сиделось спокойно. Он ворочался, двигал локтями, крутил головой, не мог поставить как следует ноги. «Что ты крутишься, как флюгер!» — чуть не сказал Валька. Но не сказал, а схватил карандаш и легкими длинными

штрихами начал набрасывать Андрюшкину фигурку. Одну, вторую, третью. Скорей, скорей!

Это самое лучшее, что можно сделать. Пусть Андрюшка вертится, а он будет рисовать. Потом он выберет что нужно. Так же, как на киноленте выбирают лучший кадр для фотоснимка...

Первый набросок был совсем неудачный: голова вскинута, сам Андрюшка подался назад, локти растопырены, и колено торчит из-под руки острым углом. Остальные были лучше, но и они казались не очень хорошими. И Валькин карандаш метался по бумаге еще и еще.

Для Вальки время летело. А для Андрюшки оно, видимо, тянулось до ужаса медленно. И он не выдержал наконец:

— Валь, сколько уже на часах?

Было половина пятого. День за окнами начал синеть.

— В пять по телевизору мультик будет, — нерешительно высказался Андрюшка.

Валька устало распрямился:

— Ладно. Хватит. Беги смотреть телевизор.

— Получилось у тебя?

— Да. Спасибо, Андрюшка.

На самом деле он не был уверен, что получилось. Белый лист ватмана пестрел Андрюшкиными фигурками, но ни про одну из них Валька не мог сказать: «Это та».

Когда Андрюшка ушел, Валька взглянул на листок снова. Внимательней и спокойней.

И удивился.

Первый набросок вдруг показался ему удачнее всех. Именно здесь Андрюшка выглядел очень живым. Словно что-то увидел он над собой, вверху, и, чуть откинувшись, смотрит с удивлением.

«Шхуна!» — вдруг понял Валька. Шхуна подошла к самому берегу, и мачты ее кажутся Андрюшке высокими, как старые сосны.

Но парусники не подходят к берегу так близко при волне и ветре. Это же смертельно опасно!

И все-таки пусть подойдет. Пусть шхуна возникнет у самого берега, выйдет из влажного тумана и нависнет парусами над изумленным мальчишкой... А потом, накренившись вле-

во, уйдет вдоль берега в штормовую мглу. На то она и Легенда океана.

Пусть паруса и мачты займут почти весь рисунок и станут громадными. И не темными они будут, а светлыми, почти белыми на фоне рваных облаков и свинцовых волн.

Валька сгреб со стола все листы и вытащил альбом. Теперь можно было рисовать уже в альбоме.

А когда-нибудь позже Валька напишет акварелью большую картину.

ПАРУСА И ЖЕЛЕЗО. ВЕЧЕР

На альбомном листе рисунок получался просто здорово. Вернее, начал получаться. Все выходило так, как Вальке хотелось. И чтобы не спугнуть удачу, он решил не торопиться, закончить его потом. Завтра или послезавтра.

Валька взглянул на тонкие мачты, на мальчишку со вздыбленным воротником матроски, улыбнулся им как живым. И прикрыл альбом.

Было уже около восьми часов. Мама и отец давно пришли с работы, но Вальке не мешали. В соседней комнате они вели долгий разговор о том, что, получив зарплату, необходимо купить Вальке новое пальто, недорогое, но хорошее, потому что старое уже совсем...

— Не надо пальто. Купите лучше транзистор, — поддал голос Валька. Транзистор ему был абсолютно ни к чему, просто захотелось подурчиться.

— Еще не легче, — откликнулась мама, и после этого за дверью наступило молчание. Оно было негодующим и укоризненным.

— Хорошие такие транзисторы продаются, — жалобно сказал Валька.

— Совершенно не понимаю эту современную моду! — возмутился отец. — Таскать на животе громкоговорители и оглушать улицу разными твистами!

— Лучше бы вспомнил, на что похоже твое пальто, — вмешалась мама. — Ты в нем на беспризорника похож.

У других дети как дети. Вот Саша приходит — посмотреть приятно...

Пришел Сашка, и Валька захотел, чтобы родители выглянули из своей комнаты и посмотрели. Пальто на Бестужева сидело каким-то удивительно перекошенным образом, верхняя пуговица висела на ниточке, а шапка лихо съехала на левый бок. При этом Сашка сохранял невозмутимый вид.

Валька оглянулся на дверь. Родители понизили голоса и не показывались. Жаль. Но не звать же их, чтобы нарочно посмеяться над Сашкой.

Бестужев сел верхом на стул, поискал в кармане платок, не нашел и шапкой начал протирать запотевшие очки. Он был явно не в духе. Наверно, облачное небо помешало его астрономическим наблюдениям.

— Разденься, — сказал Валька.

— Не буду. Я сейчас пойду. Что по немецкому задано? Я не записал.

— Завтра нет немецкого. Завтра арифметика, русский, рисование...

— Да знаю я, он послезавтра. А когда готовить? Завтра опять металлолом собираем. Забыл?

— Какой еще металлолом? — недовольно сказал Валька.

— Обыкновенный. Такой же, какой в субботу собирали, когда ты не пришел.

— И не приду, — буркнул Валька. — Надоело уже до зелени в глазах. Одно и то же...

— Ну и дурак, — отрезал Бестужев. — Вот обскочет нас пятый «Б», кому лучше будет?

— А кому хуже?

— Нам хуже.

— Почему?

— Что ты из себя глупого балбеса изображаешь?

Валька подумал, что умных балбесов не бывает, но вслух повторил:

— Ну, скажи почему?

— Потому что соревнование, — устало сказал Сашка.

— Очень полезное соревнование. Консервные банки ищем. А на пустыре за Андрюшкиным домом старый башенный кран валяется. Разобрали и бросили. Он уже полгода

ржавеет. Уже в газете писали. А потом говорят: нужен металл.

— Нужен, — сказал Сашка.

Вот и поговори с ним. Валька даже разозлился:

— Ну и ройся в свалках, если нравится.

— Нравится. По крайней мере, весело. Не то что одному дома торчать.

— Кому что... — сказал Валька.

— Конечно. Только могут подумать, что кое-кто плюет на весь отряд.

— Отряд... — сказал Валька. Даже без насмешки. С грустью. — При чем здесь отряд? Просто пятый «А». Даже барабана нет...

— Вот горе-то!

— «Кто не придет на сбор, пусть без родителей в школу не является», — голосом Анны Борисовны произнес Валька.

Сашка промолчал. Что уж тут скажешь.

— А Равенков ходит как фельдмаршал. «Встать! Сесть! Смирно!» Думает, если в военное училище собрался, значит, уже полководец... Вот у нас в лагере был вожатый сводного отряда...

— И пятнадцать барабанов, — вставил Сашка.

— Девятнадцать, — сухо сказал Валька и в упор посмотрел на Бестужева. Сашка опустил глаза.

— Вожатый у нас так себе, — согласился он. — Только я не про него, а про ребят говорю. Они-то чем плохие?

— А я разве сказал — плохие?

— Не сказал. Только они идут железо таскать, а ты дома рисуешь.

— Рисую, — с вызовом сказал Валька. — Когда каток заливали, я не рисовал, а работал, хоть у меня и коньков-то нет. А ерундой заниматься мне неохота. Жестянки собирать. А кран лежит и ржавеет. Сколько в нем тонн? Пусть сперва его переплавят, а потом банки.

— Переплавят и кран, и наши банки. И, между прочим, парусные корабли сейчас тоже строят из железа. И даже десяти кранов на один корабль не хватит.

— Между прочим, не строят. Из железа не строят. Рань-

ше строили, уже давно. Были стальные барки. А сейчас баркентины с деревянными корпусами.

— Не верится что-то.

— То, что у кометы голова из ледяных глыб, тоже не верится. А я ведь не спорил, когда ты говорил.

Сашка молчал.

— Я тебе говорю не о кометах, а о тебе, — наконец возразил он. — А ты все виляешь.

— Не надо обо мне много говорить, — тихо сказал Валька и с тревогой почувствовал, что Сашка ему неприятен.

— Хорошо, — сказал Сашка тоже тихо и спокойно.

Валька выволок из угла портфель и вытряхнул на стол тетрадки и книги. Только так можно было достать из набитого портфеля дневник.

— Вот запиши, что задано...

— Спасибо, не надо.

Неужели Сашка обиделся? Впрочем, это его дело. Валька не виноват. Он сказал:

— Как хочешь.

— Поздно уже, — объяснил Сашка. — Не успею сделать.

Потом спишу у кого-нибудь.

— Ну смотри...

— Смотрю. — Сашка снова зевнул.

И Валька почувствовал, что за этим пустым разговором прячется и растет у них обида друг на друга. Надо было сказать что-нибудь хорошее. Может быть, смешное. Поскорее разогнать обиду. Но что сказать, Валька не знал. Потому что подъемный кран действительно ржавеет на пустыре, у баркентин деревянные корпуса, а Равенков строит из себя фельдмаршала. И, кроме того, у Сашки было такое лицо, что говорить хорошие слова не хотелось. Казалось, они отскочат от Бестужева, как ягоды рябины от гипсовой статуи (осенью в школьном сквере мальчишки стреляют ими из трубочек).

Сашка встал.

— Пойду.

— Я запру за тобой дверь.

Он вышел за Бестужевым в сени в одной рубашке, и холд сразу ухватил его в крепкие ладони.

Сашка замешкался у порога.

— Не копайся, — ворчливо сказал Валька. — Вон какой холодоюга.

— Придешь завтра? — вдруг спросил Сашка, словно не было долгого разговора.

— Железо собирать?

— Железо.

«Видно будет», — хотел сказать Валька. Или можно было ответить: «Завтра и поговорим». Но Вальке показалось, что Сашка заранее готов услышать этот ответ и снисходительно улыбается в темноте. А тут еще этот холод.

— Я сказал: не приду.

Сашка и в самом деле, кажется, улыбался. Он спросил уже с крыльца:

— А якоря у деревянных баркентин тоже деревянные?

— Отвяжись ты...

— Отвязаться — это пожалуйста.

Снег заскрипел под его ботинками. Валька хлопнул дверью.

В комнате он начал дрожать от запоздалого озноба. Так часто бывает: попадешь с мороза в тепло и начинаешь вибрировать, как стиральная машина.

— Бегаешь раздетый, а потом трясется, — сказала мама. — Попробуй только заикнуться завтра, что у тебя температура.

Валька сердито промолчал.

— Не трогай его, — сказал отец. — Он поссорился с Сашкой и теперь будет тихо рычать весь вечер. Вон как дверью ахнул. Я думал, потолок рухнет.

— Не рухнет. Мы не ссорились, а просто поспорили.

— Хорошо хоть, что так по-джентльменски. В наше время споры больше кулаками решались.

— Чему ты учишь ребенка! — сказала мама.

— В ваше время... — буркнул Валька. Представить, что они с Сашкой раздерутся, он просто не мог. Даже при самой смертельной ссоре они разговаривали бы тихо и спокойно.

А сейчас была ссора? Валька не мог понять. Может, и была, но он не чувствовал особого беспокойства. Завтра все равно они забудут этот спор, потому что придет новый день с новыми делами. Можно, в конце концов, сходить на сбор металлолома, раз уж Сашка так уцепился за это. Найдут они

какое-нибудь старое корыто и с победным грохотом поволочут по улицам... Все будет хорошо. Не может быть плохо, потому что наконец у Вальки начал получаться рисунок с марсельной шхуной. Когда у человека есть радость, она не оставляет места для глупых огорчений...

— А уроки ты сделал? — услышал Валька мамин ежевечерний вопрос.

— Почти, — уклончиво ответил он и сел писать упражнение по русскому.

АНТИЦИКЛОН. ДЕНЬ

Перед тем как уснуть, Валька услышал пронзительный голос ветра. Даже здесь, в тепле, чувствовалось, что ветер ледяной и резкий. Это примчался антициклон, который зимой вторгается на Урал из Арктики и свищет вдоль хребта.

Ветер не успокоился к утру. Жесткие струи воздуха хлестали вдоль улиц, гнали по асфальту змейки колючего снега. Заледенелые ветки мертво стучали друг о друга.

Валька бежал в школу, прикрывая лицо портфелем. Но когда он свернул к школе, портфель опустил. Ветер теперь дул в спину, а впереди в три ряда горели желтые квадраты школьных окон.

Валька любил эти окна. Любил за теплый свет в морозной синеве утра, за то, что они обещали шумный день, встречу с ребятами, с Сашкой. А если школьный день приносил огорчения, на завтра Валька забывал об этом, и окна школы снова казались ему приветливыми и радостными.

Сегодня Валька особенно спешил. Хотелось поскорей укрыться от злого ветра, окунуться в тепло и веселый шум школьных коридоров.

Он влетел с разбегу в вестибюль и наскочил на Петьку Лисовских. Большой, грузный Петро ухватил Вальку за воротник и голосом Анны Борисовны произнес:

— Бегунов! Бе-гу-нов! Мне надоело повторять, что по школе следует ходить спокойно. Кстати, почему ты опять не был на репетиции хора?

— Отчипысь, — сказал Валька.

Лисовских отпустил его и пригорюнился:

— Валь, ты мне подскажешь сегодня? Она меня обязательно вызовет разбор предложения делать, и я опять заплюхуюсь. А мне надо пару исправлять.

— Подскажу, только слушай как следует, а то прошлый раз я — одно, а ты — другое.

— Туговат я на ухо-то, — сокрушенно сказал Петро.

— Взял бы да и выучил этот несчастный разбор, — заметил Валька.

— Так я же лодырь, — печально произнес Петро. — Лодырь и неразвитый тип. Мне бы во второгодники...

Валька засмеялся и пошел раздеваться. Все время он искал глазами Сашку, но того не оказалось ни в коридоре, ни в классе. Бестужев пришел перед самым звонком. Мельком и равнодушно глянул на Вальку и заспешил к своей задней парте. Не будь вчерашнего спора, Валька не обратил бы на это внимания. Но сейчас он слегка встревожился.

Русский был первым уроком. Анна Борисовна медленно оглядела стоявших ребят и вздохнула.

— Садитесь. — Она всегда вздыхала в начале урока. — Кто дежурный? Подберите на полу бумагу. Неужели вам приятно начинать урок, когда столько мусора в классе?

Валька не был дежурным, но клочок бумаги валялся у его парты. Валька поднял бумажку и сунул в карман.

— Неужели нельзя было прибрать в классе до прихода учителя? — сказала Анна Борисовна. — Не класс, а мученье. Я, между прочим, с тобой разговариваю, Бегунов. Ты вообще последнее время разболтался что-то. Школьные мероприятия не для тебя: на хор ты не ходишь, правила поведения, видимо, тоже считаешь лишними. Убрать класс перед уроком для тебя тяжкий труд.

Валька встал. Объяснять, что не он сегодня дежурит, было как-то нехорошо: будто ябедничаешь на другого. К счастью, в дверь постучали, и в класс шагнул высокий молодецватый десятиклассник. Ребята встали.

— Интересно, почему Лисовских не считает нужным вставать, когда входит вожатый? — поинтересовалась Анна Борисовна.

— А я не пионер, — сообщил Петро.

— Но все равно — Валерий твой старший товарищ...

— Какой он мне товарищ, — сказал Петро. — Он нашей Галке товарищ, они каждый день вместе на каток бегают. А я ему не пара, двоечник и бездельник...

— Наконец-то ты это понял.

Вожатый Валерий Равенков молча ждал, когда кончится разговор. Потом повернулся к завучу:

— Извините, Анна Борисовна, я помешал. Только одно объявление. Вы, ребята, садитесь.

— Говори, говори, Валерий. — Голос Анны Борисовны заметно потеплел.

— На сегодня был назначен сбор металлолома. Из-за холодной погоды отменяется. Вместо этого члены редколлегии после уроков в пионерской комнате выпускают фотомонтаж. В семь часов вечера совет дружины: о подготовке встречи Нового года. У кого есть предложения и планы, приходите. Все, — отчеканил Равенков.

— А Галка с тобой на семь тридцать в кино собиралась, — ленивым голосом произнес Петро.

По классу пронеслись смешки.

Равенков медленно оглядел всех.

— Я хожу в кино и на каток с Галей Лисовских, — отчетливо сказал он. — Это знают все. Что здесь смешного?

Класс притих.

— Дикари, — усмехнулся Равенков.

Когда он скрылся за дверью, Анна Борисовна развернула журнал и объявила:

— А сейчас Лисовских пойдет к доске и напишет предложение...

К удивлению всех, Петро сделал разбор почти без ошибок. И без подсказок. Несколько раз, правда, он вопросительно смотрел на Вальку: «Так?» — «Так», — отвечал Валька глазами.

— Ну что же, — сказала Анна Борисовна. — Если бы всегда так, то жить еще можно. Тройку я тебе поставлю твердую... Пожалуй бы, четверку поставила, если бы ты раньше так не плавал.

Лисовских подумал и спросил:

— Вы мне за сегодня или за раньше отметку ставите?

Анна Борисовна глянула на него с подозрением:

— Может быть, ты недоволен? Может быть, поучишь меня, как ставить отметки? Или вообще хочешь сесть на мое место?

— Упаси господи, — серьезно сказал Петро.

Ребята засмеялись. Анна Борисовна подумала и тоже рассмеялась. Потом сказала:

— Распустились вы, голубчики. Ну ничего, скоро придет новый классный руководитель, он вас возьмет в узду.

— А он кто? — спросил Сережка Кольчик.

— Когда спрашиваешь, надо поднимать руку, — сказала Анна Борисовна.

Руку поднимать Кольчик не захотел, и вопрос остался без ответа.

День бежал быстро. Синева за окном сменилась солнечным блеском холодного дня. Антициклон выскоблил небо, и казалось, что солнце он начистил проволочной щеткой — так оно сияло.

Сашка на переменах не подходил. Было непонятно, дуется он или просто занят своими делами. Во время уроков несколько раз Валька оглянулся, но Бестужев смотрел в тетрадь и не ответил на его взгляд. «А, ерунда, — решил Валька. — Домой все равно пойдем вместе...»

После русского была история, потом арифметика. Валька не любил этот урок, но любил учителя Матвея Ивановича, пожилого и очень спокойного человека. Матвей Иванович всегда огорчался Валькиной неспособностью к арифметике, но ценил его за старание.

— Математик из тебя, Бегунов, как из меня поэт, — говорил он, разглядывая на доске Валькино решение примера. — Но четверку с минусом я тебе поставлю, учитывая твоё прилежание. Этого качества недостает очень многим, например Полянскому, который второй урок подряд читает под партой роман Дюма «Асканио» и думает, что я этого не знаю.

Володя Полянский вздрагивал и ронял книжку, класс хохотал, а Валька возвращался на место с четверкой и был доволен.

Рисование стояло четвертым уроком. Юрий Ефимович пришел в класс не сразу после звонка — задержался на три минуты. Он не принес ни вазы, ни кувшина, ни птичьего чучела. Встал у доски и, дождавшись тишины, сказал:

— Вот что, народ. Дайте волю фантазии. Нарисуйте, кому что хочется. Желательно что-нибудь новогоднее. Договорились?

Класс вразнобой ответил, что договорились, и зашелестил бумагой.

Валька не знал, что рисовать. Ничего новогоднего, кроме заснеженных еловых веток с поздравительной открытки, в голову не приходило. Может быть, сказку какую-нибудь? Каких-нибудь пингвинов и медвежат? Неинтересно...

Вспомнил первоклассник Новоселов с эскимо. Вот бы нарисовать, как он лопает мороженое и разглядывает в витрине елочные игрушки. Но это не для урока.

Так и не придумав, Валька потянул из портфеля альбом. Большой, стиснутый учебниками, альбом выползал неохотно. Валька сердито выдернул его и только сейчас увидел, что это не тот, не школьный. Это был альбом, где жили Валькины друзья и корабли. Валька перепутал вчера, когда собирал портфель.

Он с досадой затолкал все имущество в парту и обратился к соседке Светлане Левашовой:

— Дай листик...

Та заворчала и начала вырывать лист.

— Что у вас случилось? — Юрий Ефимович подошел и остановился рядом со Светланой. — Зачем ты бумагу терзаешь?

— Я попросил листок, — объяснил Валька.

Юрий Ефимович перевел на него взгляд.

— Между прочим, — негромко сказал он, — когда разговариваешь, следует встать.

Валька медленно поднялся, с удивлением отмечая, что Чертежник сегодня немного не такой, как всегда. Он в новом гладко-сером пиджаке, а под пиджаком вместо обычной клетчатой рубашки белая сорочка с новым галстуком. И лицо у него подчеркнуто неулыбчивое и твердое.

Раньше на уроках рисования ребята с учителями перего-

варивались, не вставая и не поднимая рук. Так было удобнее работать. Замечание Чертежника слегка обидело Вальку, и, встав, он отчетливо повторил:

— Я попросил лист бумаги, потому что мне не на чем рисовать.

— А твой альбом?

— Я оставил его дома.

Юрий Ефимович приподнял брови.

— Кому ты рассказываешь! Я отлично видел, как ты держал его в руках и спрятал в парту.

— Да нет же... — начал Валька.

— Что за фокусы! — Чертежник откинул крышку парты и вынул альбом.

Валька опомниться не успел, а он уже шагал к столу, на ходу перевортывая обложку.

И вмиг забыл Валька, что сам хотел показать ему рисунки. Он видел только, что холодный и раздраженный человек вламывается в его тайну.

— Это другой альбом! — почти крикнул Валька.

— Ну и что же? — спросил Юрий Ефимович, поворачиваясь лицом к классу и открывая первый лист. На первой странице был неинтересный и совсем случайный рисунок — портрет соседского кота Яшки. Но дальше...

Дальше было то, что Валька очень берег. Особенно на последней странице, где он еще не совсем закончил рисунок мальчика и шхуны.

От обиды стало горячо в горле и глазах. И Валька заговорил торопливо и отчаянно:

— Я ведь ваши картины не разглядываю без спросу! Отдавайте... Не имеете права!

Он не знал, пишет ли Чертежник картины. Но Юрий Ефимович вдруг резко задержал руку, так и не перевернув лист. И, видимо, почувствовал, что действительно не имеет права, чуть побледнел и положил альбом на край стола.

— Хорошо. Допустим... — сказал он («хор-лошо» — получилось у него). — Но ты тоже не имеешь права являться на урок без необходимых вещей. Работы на вырванных листках я не принимаю. Будь любезен, дай дневник, я напишу, чтобы родители проверяли твой портфель. А заодно поставлю двойку.

— Дневника нет, — с облегчением сказал Валька. Альбом был спасен, и все остальное казалось неважным.

— Тоже забыл? — поинтересовался Юрий Ефимович.

— Да.

На самом деле Валька не забыл, а оставил дневник дома специально, потому что не успел его заполнить.

— Поразительная рассеянность, — усмехнулся Юрий Ефимович.

— Можете проверить, — сказал Валька.

— Проверять я, очевидно, тоже не имею права. Но я могу написать твоим родителям записку... Впрочем, я боюсь, что из-за твоей забывчивости ты не вспомнишь о ней дома. Может быть, ее передаст кто-нибудь другой?

Он без особой уверенности обвел глазами класс. И тогда случилось непонятное. Просто дикое. Поднялся Сашка Бестужев и лениво сказал:

— Давайте я передам. Мне по пути...

И удивительно, что ничего не грохнуло, не сломалось. Так же солнце блестело на партах, так же смотрел с портрета Максим Горький. Прогудел самосвал за окном... Почему кругом так спокойно, когда совершается измена?

И сам Валька остался спокоен. Не дрогнул, по крайней мере. Только холодно как-то стало и тоскливо.

— Предатель, — тихонько сказал Валька.

Кое-кто услышал это слово. Юрий Ефимович, во всяком случае, услышал. Он перевел взгляд с Бестужева на Вальку и предложил:

— Ты, Бегунов, отправляйся в коридор. В классе тебе все равно делать нечего, — и сел писать записку.

Валька вышел, сел на подоконник и прижался плечом к холодному стеклу. Зачем Сашка это сделал? Неужели такой сильной была вчерашняя обида и Сашка захотел отомстить? Да разве так мстят! Это все равно что ножку из-за угла подставить, подлое такое дело!

Или Сашка подумал, что Валька побоится сам передать записку, и решил отучить его от трусости? Дурак он тогда, только и всего. Но нет, Сашка не дурак. И значит — предатель.

Если бы вчера Вальке сказали, что Бестужев предаст его, он бы засмеялся. Ни за что бы не поверил. Ну а если бы по-

верил, то, наверно, места бы не нашел себе от такого горя. Почему же сейчас он так спокоен? Может быть, потому, что все равно ничего уже не поделаешь?

Звонок резанул по ушам, но Валька не двинулся. Надо было подождать, когда Чертежник уйдет из класса. Подскочили двое ребят из шестого, чтобы выяснить, в каком настроении Петька Лисовских и поможет ли он им решить задачки по физике. Пятиклассник Лисовских был членом физического общества во Дворце пионеров.

Юрий Ефимович, не взглянув на Вальку, прошел в учительскую. Сразу же выскочил в коридор Бестужев:

— Валька, слушай...

Было просто удивительно, как у него после такого дела хватало наглости лезть с разговорами. Валька пожал плечами и повел к Петьке шестиклассников.

— Валька... — сказал за спиной Бестужев.

Может быть, в другой момент Вальку остановил бы этот Сашкин возглас. Но сейчас Валька его даже не услышал. С порога он увидел, как Зинка Лагутина листает его альбом, который учитель оставил на столе.

И тут словно взорвалась в Вальке бесшумная бомба. Он прыгнул к столу и размахнулся, чтобы выбить альбом из Зинкиных рук. Но ей, Лагутиной Зинке, видимо, не было дела до Валькиных переживаний. Она, как коза, отскочила к доске, показала язык и начала вертеть альбом над головой.

Было смешно и, пожалуй, бесполезно гоняться за Зинкой. Валька сдавленно сказал:

— Отдай.

Зинка продолжала улыбаться.

— Ну... — сказал Валька.

Класс, почуяв серьезное, затихал. Зинка вроде бы тоже поняла, что сейчас не до шуток. Но, наверно, какой-то вредный бес сидел в ней и мешал просто так расстаться со своей добычей. Зинка стрельнула глазами в сторону двери. Валька успел перехватить ее взгляд. Они бросились к выходу вместе, но Валька успел заслонить дверь, и Зинка прижалась к косяку.

— Врежь ты ей, Бегунов, — посоветовал Петька Лисовских.

Валька близко увидел Зинкины глаза — испуганные и

злые. Он рванул альбом. Зинка выпустила и прижалась к косяку.

Наверно, ничего бы не случилось, если бы Анна Борисовна вошла в класс минутой позже. Зинка успела бы прийти в себя, Валька спрятал бы альбом и успокоился. Но именно сейчас, когда Зинка затравленно моргала и готовилась заревать, Анна Борисовна возникла на пороге и пожелала узнать, что здесь происходит.

— Я тебя спрашиваю, Бегунов.

— Ничего не происходит, — сказал Валька, тяжело дыша. — Очень много любопытных для одного раза.

Он совсем не думал про Анну Борисовну, когда так говорил. Он думал о тех, кто интересовался его альбомом. Но ведь она этого не знала. И Валька увидел, как сжались ее губы.

Лагутина тихонько захныкала.

— Перестань, — сказала Анна Борисовна. — После уроков во всем разберемся. — И громко добавила: — После занятий никто не уходит домой. Кого не будет на классном собрании, тот завтра в школу без родителей пусть не является. Прошу это запомнить!

АНТИЦИКЛОН.

ВАЛЬКА, ДЕРЖИ ОГОНЬ!

На географии Валька сидел, ничего не слыша. Он был погружен в свои мысли. Впрочем, никаких особых мыслей не было. Просто свалившиеся разом несчастья придавили его какой-то сонливой усталостью. Валька разглядывал сучок на крышке парты и чувствовал, что все теперь очень плохо.

Свою фамилию он услышал, когда Светка толкнула его локтем.

— Бегунов, — повторила Оксана Николаевна, — ты что-то слишком уж задумался. Иди-ка отвечать.

Ужасно не хотелось вставать. Однако пришлось. Но идти к доске и рассказывать там про что-то было слишком уж тошно.

— Ты что, не выучил урок?

Валька пожал плечами. Он не помнил, выучил ли. Не все ли равно? По сравнению с Сашкиным предательством это было таким пустяком.

— Да что с тобой? — Оксана Николаевна смотрела обеспокоенно и удивленно.

— Со мной? — сказал Валька.

И тогда сзади раздался голос Сереги Кольчика:

— Пусть он сидит, Оксана Николаевна. Неприятности у него...

— Из-за одной дуры, — добавила Левашова и выразительно взглянула на Зинку.

— Ну и ну, — медленно сказала Оксана Николаевна. — Ладно, Бегунов, сиди... А ты, Кольчик, отвечать пойдешь? У тебя нет неприятностей?

— Только одна: не учил я ничего... — мрачно ответил Сережка, но все-таки пошел к доске.

На собрание, кроме Анны Борисовны, пришел Равенков. Он сел на заднюю парту и шепотом спросил у Кольчика:

— Что опять натворили?

— Кажется, буфет взорвали, — звонким своим голосом сказал Серега.

Анна Борисовна посмотрела на него долгим взглядом и постучала карандашом о стол. Потом сообщила:

— Школа у нас новая. И коллектив тоже новый. Вы прекрасно чувствуете и понимаете, что это создает свои трудности...

Светка рядом с Бегуновым шумно вздохнула.

— Кто-то вздыхает, — заметила Анна Борисовна. — Видимо, этим он хочет сказать, что я говорю известные вещи. Да, известные. Но я вынуждена их напоминать, раз вы забываете. У нас свои трудности. Не хватает нескольких преподавателей, до сих пор нет старшей вожатой. Вы учились без классного руководителя. Но это ничуть не значит, что можно распускаться и позволять себе что угодно. Тем более что вам повезло: у вас отличный вожатый, один из лучших активистов школы. Я не боюсь сказать это при нем...

Все шумно заборачивались, словно видели Равенкова первый раз.

— Ах, ах... — тихонько сказал Лисовских.

Равенков недовольно опустил глаза и забарабанил пальцами. Шум не утихал.

— Тихо... Тихо! — Анна Борисовна болезненно морщилась.

Валька слушал и не слушал. Все, что говорилось, было привычным. Привычные слова складывались в привычные предложения: «Вместо того чтобы больше заботиться об успеваемости... Без дисциплины не добиться... Думать о чести школы... Коллектив отвечает за каждого...» И вдруг он услышал про себя:

— А Бегунов позволяет себе такие дикие выходки. Я уж не говорю, что он полностью игнорирует распоряжения школьной администрации, абсолютно плюет на коллектив: на репетиции хора не является, на сборы тоже... Да еще заявить своему преподавателю, завучу школы: «Вы слишком любопытны!» Нет, Бегунов, это не любопытство. Это моя обязанность вмешиваться в подобные безобразия и добиваться, чтобы их не было! И будь уверен, что...

Мгновенно вся усталость, все равнодушие слетели с Вальки. Нужно было отстаивать справедливость! Он вскочил.

— Я не вам говорил, а ей! Она сама...

— Сядь! — Анна Борисовна хлопнула ладонью о стол. — Потрудись хоть сейчас вести себя прилично! Тебя еще спросят, как это она сама... Не хватает даже мужества признаться. Или ты думаешь, я ничего не видела и не слышала?

Валька медленно сел. Но класс уже гудел, и голоса в поддержку Бегунова ясно выделялись в общем шуме.

— Интересно вот что, — перекрывая шум, заговорила Анна Борисовна. — Бегунова защищают те, кто сам не в числе лучших: Лисовских, Кольчик, Воробьев... («Раньше она сказала бы еще: Бестужев», — подумал Валька. Но сейчас Сашка молчал.)

Маленький Витя Воробьев смешно сморщился: «С чего это я в худшие попал?»

— Да-да! И ты, Воробьев! Ты тоже последнее время распустился... И меня удивляет, почему молчат наши активисты?

— Можно, я скажу? — Эмма Викулова на передней парте вскинула руку.

— Очень хорошо. Скажи.

— Все мальчишки считают, что если они сильные, значит...

Мальчишки подняли гвалт.

Встал Равенков и резко потребовал:

— Тихо! Пять секунд на установку тишины. Раз...

Тишина повисла над партами, тяжелая, но непрочная.

— Непонятно, почему молчат пионеры, — сказал Равенков. — Почему молчит командир отряда Левашова. Она, кстати, соседка Бегунова по парте.

Светлана встала.

— Я в командиры не просилась. И в соседки к Бегунову не просилась. Пусть Бегунов сам говорит.

— Хорошо, пусть, — согласилась Анна Борисовна. — Говори, Бегунов.

Что говорить? Опять доказывать одно и то же?

— Я уже говорил.

— Мы пока ничего не слышали, кроме грубостей. Может быть, ты объяснишь свое поведение?

— Я вырвал свой альбом. И я не грубил, я про нее сказал.

— А ты не мог не вырывать, а сказать спокойно, чтобы она отдала.

— Будто она понимает! — крикнул Витька Воробьев. — Она как обезьяна!

— Она дразнилась!.. Сама виновата! — зашумели мальчишки.

— Ти-хо!

— Разрешите, я скажу, — попросил Володя Полянский. И, не дожидаясь ответа, вышел к столу.

Высокий, в отутюженном черном пиджачке, подтянутый и какой-то слишком взрослый. Вальке он не нравился.казалось, что Полянский считает себя умнее остальных и в класс ходит только по необходимости. Говорят, он занимался в драмкружке Дворца пионеров и даже по телевидению выступал. Может быть. Валька не знал.

— Бегунову трудно говорить. Не все умеют говорить,

когда волнуются, — сказал Полянский, поглядывая исподлобья на класс.

— Ты зато умеешь, — хихикнула Эмка Викулова.

— Я умею... Я хочу сказать про Бегунова. Получается, будто он какой-то преступник. И в том виноват и в этом. А тут все просто. Лагутина схватила его альбом. Она знала, что Бегунов не хочет, чтобы альбом смотрели, но схватила... Вот Викулова говорит, что ребята силой пользуются. Это неправда. Бегунов не сильный. И он не дрался, он просто альбом вырвал, чтобы она не смотрела. Даже Юрий Ефимович не стал смотреть, когда Бегунов сказал, а она...

— Постой, постой! — Анна Борисовна встревоженно взглянула на него, а потом на класс. — При чем здесь Юрий Ефимович?

— Сегодня же рисование было.

— Ну и что?

Володя почувствовал, что, кажется, сказал больше, чем нужно.

— Ну и вот... Бегунов попросил не смотреть альбом, и Юрий Ефимович не стал.

— И двойку поставил, — язвительно сообщила Викулова.

— Ябеда, — сказал Кольчик.

— Кто ябеда? Все равно Юрий Ефимович записку написал!

— Викулова, постой. Какую записку? В чем дело?

— Ну, простую записку. Потому что Бегунов как заорет: «Не имеете права!»

Анна Борисовна ладонями потерла щеки.

— Так... — тихо сказала она. — Я просила Юрия Ефимовича быть вашим классным руководителем. Сегодня утром он почти согласился. Хорошо же вы его встретили...

Хотелось есть, но возиться с печкой или плиткой не хотелось. Валька поставил на клеенку сковородку и стоя жевал холодную жареную картошку без хлеба. Все равно, лишь бы притупился голод.

Он не включал свет, хотя в кухне стало совсем темно. В окнах стояли сумерки. Ветер притих, но мороз остался.

В коридоре грохнула дверь, и через секунду с клубящимся холодом кто-то маленький ввалился в кухню.

— Валька! Ты дома, Валька?

Андрюшка.

— Ну что? — сказал Валька.

— Можно, я включу свет?

— Я сам. — Он дакнул кнопку выключателя. Андрюшкина шуба засияла блестками инея и начала окутываться паром.

Андрюшка стянул косматую шапку и сообщил:

— Мы сегодня штурм начинаем. Придешь?

— Какой штурм?

— Крепость будем брать. Я же рассказывал.

Счастливый он человек, этот Андрюшка. Будет штурмовать сегодня снежную крепость, нет у него других забот. Глаза блестят, и щеки розовые от мороза.

— В такой-то холод, — сказал Валька.

— Когда бегаешь, никакого холода нет, — возразил Андрюшка и немного опечалился. — Ты не придешь, да?

— Я не могу.

— Не можешь...

«Не до крепости мне», — хотел сказать Валька. Но сказал:

— Я правда не могу. Мне в школу еще надо. Я, может быть, завтра приду, Андрюшка.

— Ну хорошо. Завтра. — Он помолчал и добавил: — Часов на крепости нет. Плохо это.

— Ладно...

Он закрыл за Андрюшкой дверь. Дома было до тошноты тихо. Отец, как всегда, задержался в техникуме, у мамы — профсоюзное собрание.

Интересно, заходил ли с запиской Сашка? Если заходил, все равно никого не застал. После классного собрания Бестужев еще раз попробовал подойти к Вальке. Валька сказал:

— Пошел к черту.

На этот раз, кажется, Бестужев крепко разозлился...

Валька глянул на часы. До семи еще почти час. Совет дружины в семь. Равенков сказал: «Здесь мы ничего не решим. Не отряд, а базар какой-то. Сами хуже делаете. А ты, Бегунов, придешь сегодня на заседание совета. Ясно?» И он взглянул на Анну Борисовну.

«Правильное решение, — сказала она. — По крайней мере, там ребята, у которых есть чувство ответственности».

А у класса чувства ответственности нет. Собрание кончилось тем, что мальчишки переругались с девчонками, а про Вальку и про дисциплину говорить никто не хотел.

У Бегунова чувства ответственности тоже нет. Он оторвался от коллектива, нарушил школьную дисциплину, оскорбил нового классного руководителя, а потом завуча, вину свою не осознал и извиняться не захотел.

Часы на стене стучали сухо и отчетливо. Это были большие старинные ходики. Валька посмотрел на них, принес лист ватманской бумаги и достал тарелку, чтобы вычертить по ней циферблат крепостных часов. Тарелка выскользнула и грохнулась на пол.

Валька постоял, потом задвинул ногой под стол черепки, оделся и вышел из дому.

В чистом темно-синем небе светилась россыпь звезд. Среди этой россыпи дрожала золотая капля. Валька знал — это Юпитер. Совсем недавно он снова смотрел на него в Сашкин телескоп. Видел светлое зеркальце планеты и четыре точки спутников. Совсем недавно... Эх, Бестужев...

Школа работала в одну смену и по вечерам делалась непривычно пустой.

Лестница была полутемной и гулкой. Валька поднялся на второй этаж. Плафоны в длинном коридоре горели через один, и стоял полумрак. Только открытая дверь пионерской комнаты в конце коридора ярко светилась. Валька пошел туда, и справа, в черных стеклах, двигалось его темное отражение.

Часы показывали без двадцати семь.

В пионерской был только один мальчишка. Маленький, но с двумя нашивками. Видимо, четвероклассник. Он стоял у тумбочки с барабаном и шелкал по нему пальцем. После каждого шелчка над барабаном поднималось облачко пыли.

Когда Валька вошел, четвероклассник вздрогнул и обернулся.

«Знакомое лицо, — подумал Валька. — На кого он похож?»

— Ты на совет? — спросил мальчишка.

— Да, — сказал Валька и усмехнулся.

— Хорошо. А то меня дежурить тут оставили, пока все не соберутся. Скучно, — пожаловался четвероклассник.

Валька промолчал и сел в углу. Привычная обстановка пионерской комнаты успокоила его. «В самом деле, не съедят же», — подумал Валька.

Собирались ребята. Почти незнакомые. Пришел рослый семиклассник с ленивым лицом, толстая девчонка в очках, потом еще две девчонки — одна из шестого, другая из пятого «Б». Еще кто-то... Вальке было все равно. Знакомыми оказались только Олег Ракитин и Зинка. Олег раньше учился в Валькином классе, но потом перешел в параллельный, чтобы учить английский, а не немецкий язык: английским он с детства занимался.

Интересно, будет Лагутина жаловаться на Вальку или она пришла просто как член совета дружины?

Смотреть на нее не хотелось.

А Олегу Валька обрадовался. Олег ему всегда нравился. Ракитин сам подошел к Вальке и спросил:

— Зинка не просила помириться?

— Зинка Лагутина? С чего это она будет мириться?

— Ну ладно... — сказал Ракитин.

Валька помялся и спросил:

— Ты откуда про все знаешь?

— Володька Полянский сказал.

«Володька хороший, — подумал Валька. — Зря я на него косился».

Ровно в семь пришел Равенков. Мельком, без всякого выражения, взглянул на Вальку. Спросил у собравшихся:

— Почему так мало?

— Не всех предупредили...

— Анархия, — сказал он.

— По-моему, Равенков метит в старшие вожатые, — ни к кому не обращаясь, громко сказал Ракитин.

— Нет, — откликнулся Равенков. — У меня другие планы. Но если понадобится...

Ракитин обернулся к нему и что-то сказал по-английски.

— Очень остроумно, — сердито бросил Равенков.

Олег тихонько засвистел... Наконец появилась Анна Борисовна. Разом задвигались стулья, и оказалось, что все си-

дят у длинного блестящего стола. Лишь Валька остался в углу. Сидел нахохлившись и разглядывал стены с плакатами. Плакаты были знакомые и неинтересные.

— Мало народу, — сказала председатель совета дружины, высокая восьмиклассница с узким строгим лицом. — Будем все равно начинать?

— Что же делать, — откликнулась Анна Борисовна. — Начинайте. Вы на меня не смотрите, я у вас гостя.

Председательница стояла за столом и вертела в тонких пальцах авторучку.

— Значит, так... У нас два вопроса. Первый — это подготовка к Новому году, а второй — поведение... то есть разбор поведения... пятиклассника Бегунова... Он пришел?

— Пришел, — сказал Равенков.

Все заоглядывались на Вальку, а маленький четвероклассник посмотрел на него с удивлением, почти с испугом.

Валька устался в пол и сжал зубы.

— Ну хорошо... — Председательница вопросительно глянула на Анну Борисовну. — Ты, Бегунов, пока побудь в коридоре, у нас сначала первый вопрос.

Анна Борисовна досадливо поморщилась.

— Подожди, Короткова, — вполголоса заговорила она. — Какой первый вопрос, когда от половины классов нет представителей. Потом об этом.

— Ну, тогда сразу второй... Значит, так. В общем, дело в том, что этот Бегунов... В общем, пусть он сам расскажет. Выйди к столу.

Валька медленно встал.

— Что рассказывать?

— Ты сначала выйди сюда.

Валька подошел ближе.

— Что рассказывать? — повторил он и почувствовал злость. Он сам не ожидал, что будет злиться, и вот разозлился.

— Совет дружины хочет знать, что ты натворил, — твердо сказала председательница, и ее красивое лицо стало еще строже.

— Я думал, вы все знаете, раз позвали, — ответил Валька, глядя поверх голов.

— Мы знаем, — вмешался Равенков. — Но мы хотим услышать, как ты сам объяснишь это дело.

— Как оцениваешь свой поступок, — подсказала Анна Борисовна и взглянула на Вальку почти доброжелательно.

Вот и все. Теперь осталось сказать, что он был не прав, погорячился и очень об этом жалеет. И просит простить. И больше не будет. На это уйдет минута. Еще минуты три его поругают для порядка и отпустят домой. И сегодня он еще успеет начертить часы для крепости.

Для той крепости, которую штурмует сейчас маленький капитан Андрюшка. Андрюшка, который нарисован в Валькином альбоме — на берегу, перед возникшим из тумана летучим парусником...

— Никакого поступка не было, — сказал Валька.

Довольно долго все молчали.

— Вот как... — сказала наконец Анна Борисовна. — Ну а что же тогда было? Видишь, ты молчишь. Не знаешь, что сказать. Наговорить массу непозволительных вещей учителям было легче.

Аккуратная девочка в белом переднике подняла руку и сообщила:

— В той школе, где я раньше училась, мальчишек исключали на две недели, если у них дисциплина плохая.

— Ну, это уж дело педсовета, — заметила Анна Борисовна. — А вы решайте по своей пионерской линии.

— Почему нет Юрия Ефимовича? — вдруг спросил Олег.

— Потому что он сразу после урока ушел домой и не знает о совете... И что это такое?! — вдруг запоздало возмутилась она. — Обсуждать учителей — не твое дело.

— Да, — сказал Ракитин. — Я лучше Лагутину буду обсуждать. Почему она молчит? Она-то знает, про кого Бегунов говорил: «Много любопытных развелось...»

— Тебе, Ракитин, слова не давали, — начала председательница.

— А я взял. Потому что я ее знаю, Лагутину. Лучше вас. Мы с пяти лет в соседних квартирах живем. Она из-за своей вредности многое может. И сейчас тоже. Ведь знает, а молчит! А тут все сидят и ушами хлопают!

— И я? — спросила Анна Борисовна. — Ты думаешь, что говоришь?

— Я говорю про совет дружины, — не смутился Олег. — Лагутина схватила чужой альбом, довела человека и в ус не дует. Я бы ей вообще башку оторвал.

— Но-но, — сказал Равенков.

— Оторвал бы, — серьезно повторил Олег. — Чтобы не совалась. Потому что у любого человека бывают тайны. Один человек, например, стихи пишет, другой там... Ну, я не знаю. Не всегда ведь любят люди рассказывать. А она лапает своими руками! И нос сует. Если я вот сейчас начну рассказывать, как она дома в куклы играет целыми днями, ей ведь тоже не понравится!

— Что ты врешь! — вспыхнула Зинка. — Сам, наверно, играешь! Дурак!

— Я не вру. Это я для примера...

— Дурак!

— Не нравится? — спросил Ракитин.

— Тихо! — крикнула Короткова. — Ракитин, как ты смеешь!

— А что я сказал?

Зинка вдруг закрыла лицо ладонями и выскочила в коридор.

— Заело, — с мрачной радостью заметил Олег.

— Ракитину, по-моему, здесь не место, — сказала Анна Борисовна.

— Я член совета дружины.

— Боюсь, что ненадолго.

— Пожалуйста. — Ракитин спокойно отправился к двери. С порога сказал: — Слушай, Короткова. Маловато вас. Как голосовать будете?

— Ничего, справимся, — отрезала она. И поинтересовалась: — Все-таки не понимаю, зачем нужно прятать свой альбом от товарищей?

— От товарищей я не прячу, — сказал Валька.

Анна Борисовна резко повернулась:

— Ты хочешь сказать, что мы, что Лагутина и Юрий Ефимович — твои враги? Тогда ясно. Значит, ты и на учителя

набросился бы, как на Лагутину, если бы он не закрыл твой альбом?

Вот сейчас Валька растерялся. Ничего такого он сказать не хотел и не знал теперь, что ответить. Но Анна Борисовна не ждала ответа.

— В конце концов, ни меня, ни Юрия Ефимовича не интересует твое отношение к нам как к людям. Но как учителей ты обязан нас уважать. Обязан!

— Учителя и люди разве не одно и то же? — тихо спросил Валька.

— Что? — Она растерянно поднесла руку к подбородку. — Что ты говоришь?

— Ничего, — произнес он, словно шагая в пропасть. — Я постараюсь... уважать. Раз я обязан.

— Ты думаешь, что ты говоришь?!

Валька думал. Но не ответил.

— Анна Борисовна, — со всей своей вежливостью начал Равенков. — Извините, но, по-моему, мы слишком долго говорим об этом... Бегунове.

Валька сам не понял, как это случилось. Будто толкнул его кто-то. Наверно, это прорвалась накопившаяся обида. Он коротко засмеялся и бросил Равенкову:

— С Галкой Лисовских на каток ты все равно не успеешь.

Несколько секунд все молчали. Даже Равенков, кажется, растерялся. Наконец Анна Борисовна произнесла:

— Ну, вот перед вами весь Бегунов. Во всей красе. — В голосе ее слышались довольные нотки. Она словно хотела сказать: видите, я не ошиблась. — Решайте, — сказала она. — Видимо, Бегунов не чувствует себя виноватым. Он считает себя героем.

Вот уж героем-то он себя никак не считал!

— Какие будут предложения? — спросила Короткова.

Предложений не было. Молчание затягивалось.

— Веди собрание, Короткова, — сказала Анна Борисовна.

Председательница пошевелила губами и вдруг объявила:

— Тогда я сама. У меня предложение. Мне кажется, все всегда очень долго возятся вот с такими... как Бегунов. Я никак не понимаю: если он такой, как он может быть пионе-

ром? Ведь пионер — это же... Ведь он же торжественное обещание давал, а сам нарушает. А раз нарушает, то что делать? В общем, я предлагаю исключить, а потом уж с ним разговаривать, если надо. Вот и все.

— Что? — шепотом спросил Валька.

— Вот так, — четко сказала Анна Борисовна.

— Я согласен, — сказал Равенков.

Они что, с ума сошли? Или так просто, решили попу- гать?

— Будем голосовать? — спросил у Анны Борисовны Ра- венков.

Валька медленно шагнул от стола. Маленький четверок- лассник смотрел на него с испуганной жалостью. Толстая девчонка шевельнула на столе локтем: словно проверяла, удобно ли будет держать поднятую руку.

— Вы же... не знаете, — тихо сказал Валька, — ничего...

Анна Борисовна взглянула на часы:

— Я полагаю, мы знаем достаточно.

А что они знали?

Разве они знали, как ранним утром он стоял на берегу, счастливый, босой, в мятых, кое-как выжатых штанах и чьей-то сухой рубашке, а перед ним разворачивал строй сводный отряд барабанщиков!

Разве они это знали?

И как польхало на берегу пламя костра, почти незамет- ное при солнце, но такое жаркое, что на Вальку несло теп- лом, как из Сахары. Толстая головешка выстрелила в огне, крошечный пунцовый уголек вылетел из костра и клюнул Вальку в колено. А Валька даже не дрогнул. Потому что бара- банщики уже насторожили палочки, а Сандро потянул с себя галстук, чтобы завязать его на Вальке...

— Может быть, объявить выговор? — лениво сказал се- миклассник.

— Что значит может быть? — недовольно откликнулась Анна Борисовна. — У тебя такое предложение?

— Ну, предложение.

— Есть еще предложение: выговор, — сказала она. — Но мне кажется, что Короткова высказалась правильнее. Едва ли выговор заставит его задуматься.

— Кто за то, чтобы исключить? — спросил Равенков.

...А они видели когда-нибудь, как принимают в пионеры под веселый грохот девятнадцати барабанов?

Девочка в белом переднике подняла руку.

— Раз, — машинально произнес Равенков. — Что, всего один голос?

— У меня предложение, — начала девочка.

— С предложениями, по-моему, ко́нчено, — полувопро- сительно сказал Равенков и посмотрел на Анну Борисовну.

— Пусть говорит, — разрешила она. — Говори, Валеева.

— У меня предложение, — сказала Валеева, глядя на пла- кат «Занимайтесь авиамоделизмом!». — В той школе, где я раньше училась, иногда на месяц исключали, а не насовсем. А потом, если дисциплина хорошая, снова принимали.

— Посмотрим, — сказала Анна Борисовна. — У тебя все?

Девочка облизнула губы и кивнула.

— Садись.

— Кто за первое предложение? — раздраженно повторил Равенков. — Голосуем... Короткова, считай. Ты же председа- тель.

— Раз, — начала Короткова, — два...

Толстая девчонка аккуратно укрепила свой локоть на краю стола. Девочка в белом переднике медленно подняла полусогнутую ладошку.

Равенков небрежно вскинул руку к плечу, словно оста- навливал на улице такси:

— Три...

Стойте! Ну что вы делаете!

— Мы всегда очень долго возимся... — повторила пред- седательница и сама подняла руку.

Глядя на нее, проголосовала и все время молчавшая де- вочка из пятого «Б».

— Я воздерживаюсь, — сказал семиклассник и коротко зевнул.

— Что так? — с усмешкой спросил Равенков.

— Да так...

— Дело хозяйское, — сухо заметила Анна Борисовна. — Ну а ты, Сережа, почему не голосуешь?

Маленький четвероклассник сидел, напряженно приподняв плечи, и молчал.

— Тоже воздерживаешься? — спросил Равенков.

Сережа помотал головой.

— Значит, против?

Он кивнул, не глядя на вожатого.

— Странно, — произнес Равенков.

— Это его право, — сказала Анна Борисовна. — Хотя, честно говоря, от Сергея я этого не ожидала.

Четвероклассник сидел все так же, ни на кого не глядя. Маленький и упрямый. «Спасибо», — мысленно сказал ему Валька. И в ту же секунду Равенков громко объявил:

— Все равно большинство.

Значит, все кончено?

— Встать! — резко скомандовал Равенков. Все торопливо поднялись, загремев стульями, и Равенков повернулся к Вальке:

— Подойди сюда.

Валька сделал несколько шагов. Трудные были шаги. Ноги стали как неживые.

Равенков дернул подбородком, указывая на галстук:

— Сними.

— Не надо, — шепотом сказал Валька.

— Сними галстук, — отчеканил Равенков.

А на галстук, на уголке, — маленький огненный прокол. След летучей искры из большого костра.

Если снять — значит, надо забыть про этот костер?

И про другие костры, значит, надо забыть?

Их разжигали на вырубке, среди мшистых еловых пней. Из-за леса выкатывалась медная луна, повисала над головами и слушала, как трещат сучья. Они трещали так, что бара-

бан, который Валька держал на коленях, откликнулся легким звоном. Если снять галстук, надо забыть про этот барабан?

Он достался Вальке не сразу. Сначала была лишь нашивка на рукаве — синий треугольник с перекрещенными палочками, а барабана не было. И поэтому не раз Валька слышал смех: «Запасной козы барабанщик». Но он не обижался, он доволен был и этим. Хоть и запасной, а все-таки... А в середине смены за Петькой Бревновым приехали родители, чтобы забрать его с собой в отпуск на Кавказ. Валька перестал быть запасным.

Ему нравилось подниматься, когда лагерь еще спал, и вместе с горнистами разбивать на осколки тишину: «Вставайте! Начинается день!» И еще ему нравились большие линейки, когда барабанщики выходили к флагштоку для торжественного марша. Они вставали растянутой шеренгой, потому что не любили сомкнутый строй: в плотной шеренге трудно двигать руками.

Но сейчас они встали бы тесно-тесно. Если бы найти такой барабан, чтобы рокот его разнесся за горизонт, и дрожали бы стекла, и тяжелые шапки снега в лесах срывались бы с сосен! Чтобы гремела тревога...

Они встали бы тогда локоть к локтю — барабанщики отрядов, барабанщики-сигналисты, барабанщики знаменосной группы. И, глядя в упор на Равенкова, они бы сказали ему...

Валька тихо сказал:

— Не сниму.

Он не снимет. Потому что были походы, когда Валька шел по пояс в сыром папоротнике и стрелка компаса неуверенно рыскала по траве, а надо было искать дорогу и делать вид, что ты не устал.

И появлялась дорога, и уходила усталость.

Были игры, когда Валька врывается на вершину каменного холма, опрокидывая чужое знамя с намалеванной хвостатой кометой.

И еще было раннее утро июля, когда на рассвете барабанщики вновь собрались встречать солнце. Просыпались и тихо вздрагивали березы. Валька неслышно вошел в октябрятскую палату, осторожно тряхнул за плечо и поднял на руки теплое от сна малыша.

И сказал обычные слова:

— Не хнычь. Сам просил вчера.

Тот доверчиво облапил Валькину шею и сонно прошептал ему в ухо:

— Мы не опоздали? Я проснусь сейчас...

Тогда, засмеявшись от неожиданной нежности к маленькому товарищу, Валька прошептал:

— Просыпайся. Будет хорошее солнце...

А кругом было тихо, только малыш, просыпаясь, громко дышал у Валькиной щеки...

Если отдать галстук, значит, сделать, будто ничего этого не было? И не будет?

— Не отдам, — сказал Валька так отчетливо, что пыльный барабан в углу откликнулся тихим гуденьем.

У Равенкова шевельнулся уголок рта. Это была его, равенковская, усмешка. Конечно, это звучало смешно: «Не отдам». Как он сможет, как он посмеет, этот чуть не плачущий пятиклассник!

Равенков протянул руку. Но еще быстрее метнулась к галстуку Валькина рука и стиснула его в кулаке. У самого узла.

Кулак сжался так отчаянно, что, казалось, кожа лопнет на костяшках.

Наступило молчание, тяжелое и тоскливое.

Равенков слегка пожал плечом:

— Извините, Анна Борисовна. Видимо, придется применить некоторое усилие.

— Не нужно никаких усилий, — сказала она. — Здесь не спортзал. Что еще за новости?

Она встала рядом с Равенковым. Он слегка шагнул в сторону, словно уступая свое место и свою роль.

— Бегунов, сейчас же сними галстук, — произнесла она привычно требовательным голосом. Так же она говорила во время урока: «Лисовских, немедленно дай мне дневник... Сергеев, выйди из класса». — Я тебе говорю, Бегунов...

Валька тяжело поднял глаза. Ей навстречу. Она смотрела на него с досадливым нетерпением, но старалась скрыть это нетерпение и казаться спокойной и уверенной.

И вдруг Валька понял, что Анна Борисовна устала. И что

ей, наверно, очень хочется скорее уйти домой и, может быть, по дороге еще надо зайти в булочную, которую скоро закроют, а потом придется готовить ужин, возиться с посудой и думать о завтрашних уроках... И он, Валька Бегунов, только маленькая частичка многих забот. И, возможно, она вовсе не была уверена, что его следует исключить из пионеров, но, раз уж к этому делу пошло, надо доводить до конца. Надо, потому что нельзя поддаваться слабости и усталости, когда на тебя смотрят ученики.

И на секунду Валька ощутил даже что-то вроде смутной жалости к ней, уставшей и раздраженной. Но чувство это почти мгновенно забылось.

Она хотела от Вальки слишком многого: чтобы он отдал галстук. Она все еще не понимала, что он не отдаст, и ждала.

Валька смотрел ей в глаза. Это очень тяжело — смотреть так в глаза человеку, который сильнее тебя. Смотреть и молчать. И мягкий шелковистый узел галстука сжимать в окаменевшем кулаке.

Это, наверно, не легче, чем держать в руке огонь.

Или все-таки легче?

Или труднее?

Тишина сделалась такая, что стук часов начал нарастать, как грохот молотков.

Или барабанов?

Но когда же это кончится?

И когда стоять так и смотреть он уже не мог, сзади рванули дверь и Сашкин голос ввинтился в тишину:

— Валька, не отдавай!

Это было как толчок.

Валька рванулся назад, бросился в дверь. Он успел заметить столпившихся у окна ребят: Володю Полянского, Кольчика, Воробьева, Петьку Лисовских. И Сашку, отскочившего к косяку. Он увидел их встревоженные лица. Но остановиться не мог. Он пошел, пошел вдоль запертых дверей, под слепыми, погасшими плафонами, все скорей и скорей. И очень хотелось сорваться и побежать, но Валька чувствовал, что нельзя. Бегут те, кто виноват.

И только на лестнице, где никто уже не смотрел вслед, Валька кинулся через три ступеньки. Вниз. Вниз. Вниз...

Он так и не заплакал. Он толкнул низкую дверцу раздевалки, сорвал с крючка шапку, пальто. И только тут заметил, что свободна у него лишь правая рука.левой рукой он все еще стискивал галстук.

Валька стал разжимать кулак. Пальцы словно ооченели и разгибались медленно.

КРЕПОСТЬ.

ВАЛЬКА, ПОЖАЛУЙСТА, ВСТАНЬ!

Валька плечом отодвинул тяжелую дверь, и морозный воздух резанул ему лицо. Валька остановился на крыльце.

Что же делать дальше?

Та упрямая сила, с которой он держался в пионерской комнате, теперь покинула его.

Валька медленно спустился с крыльца, прошел вдоль школы, свернул в переулок и зашагал наугад, не думая о дороге и доме.

Что же будет дальше? Завтра?

Нет, он ни капельки не жалел, что не отдал галстук. Никаких сомнений тут не было, но и просвета не было тоже.

Чего он добился? Завтра, наверно, все повторится. Ну опять галстук не отдаст. Ну и что? Носить его все равно запретят, если считается, что исключили.

Самое страшное, что никто не поможет. Кто может дать защиту?

А может быть, кто-нибудь защитит? Кто?

Где-то в этом городе живет Сандро, старый Валькин водитель. Но где его найдешь? Забыл Валька летом взять адрес. Так глупо получилось...

Кто еще?

И вдруг Валька понял, кто поможет. Оксана Николаевна. Она всегда понимает. Надо пойти и все рассказать. Прямо сейчас надо пойти, еще не поздно.

Путь до большого зеленого дома на углу Пушкинской оказался ему очень коротким и знакомым. И лестница в

доме, и дверь, и даже коричневая кнопка звонка в белом колечке. И поэтому вдруг поверилось Вальке, что все сейчас решится, все будет хорошо. Он смело вдавил кнопку, и звонок за дверью словно взорвался с резким рассыпчатым треском. Валька вздрогнул и замер, испуганный своей решительностью и этим оглушительным звонком. Но за дверью уже дергали запор, и вот она открылась. Валька увидел Сережку.

Того Сережку, который отказался голосовать за Валькино исключение.

«Брат», — подумал Валька даже без удивления, а просто с досадой: как он не догадался в школе. Они с сестрой так похожи...

Еще скользнула мысль, что он, Валька, видно, долго бродил по улицам, если Сережка успел прийти из школы и даже переодеться.

Наверно, брат Оксаны Николаевны удивился. Он несколько секунд смотрел на гостя и моргал. Потом смутился и шагнул в сторону, чтобы пропустить Вальку.

Ничего не сказал.

— Здравствуй, — поспешно и растерянно пробормотал Валька. И тут же понял — глупо здороваться, если только час назад виделся с человеком. И вообще все получилось так глупо и противно. Даже уши начали гореть под шапкой. Зачем он пришел? Какой помощи он хочет? Чтобы Оксана Николаевна пошла уговаривать завуча?

Ему показалось, что Сережке известны его мысли, страх его и слабость. И Валька понял, что не переступит порога.

— Оксана Николаевна дома? — спросил он, отчаянно желая, чтобы дома ее не оказалось.

— Она скоро придет, — как-то виновато сказал Сережка. — Ты подожди. Заходи...

— Нет, я пойду, — пряча глаза, ответил Валька. Было неловко скрывать за пустыми словами главную свою большую тревогу, и оба они понимали это. «Что там было после меня?» — хотелось спросить Вальке, но он знал, что скорей умрет, чем спросит. Вместо этого он сбивчиво и торопливо сказал совсем другое. И даже обрадовался, что нашел такие спасительные слова: — Я только спросить хотел... Мы дого-

варивались с Оксаной Николаевной... Один мальчишка с вами на каток хотел ходить. Ему когда можно прийти?

— Да. Я знаю, — оживился Сережка. — В воскресенье можно. Утром. — И глянул на Вальку с простодушным удивлением: значит, из-за этого ты и пришел?

— Я передам ему. Я пошел, — сказал Валька.

На лестнице он попробовал даже засвистеть что-то веселое, но не получилось.

Теперь уже не виделось никакой надежды.

Валька побрел к дому. Но что делать дома? Не все ли равно теперь... Он очень устал. Увидел скамейку на пустыре и сел.

Это был пустырь за Андрюшкиным домом. Вернее, уже не пустырь, а молодой садик: из-под снега торчали тощие прутики осенних саженцев.

Валька привалился к спинке скамьи и взял пригоршню снега. Снег был сухой и сыпучий, как песок. Совсем не холодный.

«Никто не поможет», — подумал Валька.

Даже мама и отец не помогут. Ну что они сделают?

До сих пор при любой беде можно было найти у них защиту. Даже если очень виноват или несчастен, можно было прижаться к отцу и спрятаться от всяких бед.

Один такой случай Валька помнит удивительно ярко.

Был солнечный летний день. Хороший день, потому что все ждали папу. Он должен был вернуться из командировки. Все радовались, и пятилетний Валька радовался. И, наверно, эта самая радость заставляла его прыгать, хохотать и вертеться под ногами. И он довертелся: зацепил на краю стола фаянсовую пепельницу и грохнул на пол.

Стало тихо-тихо, и день потемнел.

Поникший Валька стоял над черепками и не понимал, как это случилось: было все хорошо и вдруг в одну секунду стало плохо.

Он чувствовал, что совершил ужасное дело. Это была любимая папина пепельница — смешная собака с розовой пастью. Она казалась такой же вечной и прочной, как дом, как деревья, как земля. И такой же нужной. Она была всегда, эта веселая собака.

И вот — черепки. Из-за Вальки.

Самое страшное было то, что никто не закричал на Вальку, не потащил в угол, не назвал разбойником и хулиганом. Только Лариса деревянным голосом сказала:

— Так, допрыгался. Приедет папа — он с тобой побеседует. Помнишь его ремень?

Валька помнил. Это был широченный ремень с желтой пряжкой и аккуратными круглыми дырками в два ряда. Папа никогда не носил его, он точил на нем бритву. Это был ремень для бритвы.

Неужели не только для бритвы?

Придавленный несчастьем, Валька вышел во двор и забрался на чердак. Здесь пахло землей и сухим деревом. Солнце пробивалось пыльными полосками. По железной крыше стучали клювами воробьи, а за старым сундуком скреблись мыши.

Валька просидел в тесном углу целый час. Или целый год. Он слышал разные голоса: и радостные, и тревожные. И молчал. А потом ему прямо на колено опустился мохноногий шекочущий паук, и Валька, вздрагивая, полез к выходу. Будь что будет. Лишь бы не остаться навсегда в этом сумраке с паутиной и мышьиной возней.

Медленно двигая ногами, он пошел в дом. Остановился на пороге и стал смотреть в пол.

— А, явился, преступник, — сказали ему. Валька глянул туда, где раньше лежали черепки. Черепков уже не было, а на их месте стоял рыжий мохнатый конь. Ростом с большую собаку Пальму. На блестящих зеленых колесах. Как настоящий.

Но зачем он здесь, этот конь? При чем здесь конь, если Валька грохнул пепельницу?

И что сейчас будет?

— Валька, — услышал он голос, от которого немного отвык.

И увидел отца.

— Валька, глупый...

Валька зажмурился и бросился к нему. За помощью, за прощеньем. И, прежде чем уткнулся в знакомый жесткий пиджак, он успел крикнуть:

— Я больше не буду разбивать твоих собак!

И, уже подхваченный большими руками, всхлипываю-

щий и счастливый, он повторил, прижимаясь щекой к отцовскому плечу:

— Не буду разбивать...

— Эх ты, малыш, — тихонько сказал папа. — Ну, перестань.

Валька приоткрыл глаза, посмотрел вниз и сквозь мокрые ресницы увидел блеск золотистой конской гривы.

Но сейчас не заплачешь, не уткнешься в пиджак. Потому что дело не в фаянсовой собаке. Разве помогут слезы?..

Конечно, дома придется все рассказать. Это неприятно, но не страшно. Лишней беды от этого уже не будет, и помощи тоже. А что делать в школе?

За домом, за снежным валом сугробов слышались ребячьи крики. Там Андрюшка вел с Толькой Сажиным бой за крепость. Один раз крики стали особенно громкими, потом хрипло затрубил горн, однако сигнал оборвался на половине.

Вальку не трогал шум сражения. Не удивила и наступившая тишина. Он сидел, не чувствуя холода, и не собирался вставать и идти.

И когда вдруг появился перед ним Андрюшка, Валька сразу не понял, что ему надо.

— Валька, встань...

Боже мой, что людям надо? Все только и знают: Валька, Валька, Валька! Оставьте Вальку в покое!

— Ну, Валька... — Голос Андрюшки звучал жалобно и требовательно. Валька тихо сказал:

— Уйди.

— Ну, Валька. У Павлика идет кровь.

У кого-то идет кровь. А при чем здесь он?

— Валька...

Однажды тоже не хотелось вставать. В лагере. Он до двенадцати просидел у костра, а в три надо было подниматься на встречу солнца. А его как свинцом придавило. Но кто-то сказал: «Солнце всходит в три тридцать...» И Валька вскочил. Ведь в самом деле — солнце должно взойти через полчаса. Его не остановишь. Надо встать.

Валька шевельнулся. Потому что в Андрюшкиных словах прозвучало то же требование немедленного подъема. Ты

сидишь, а у кого-то беда. Кровь идет. Пусть у тебя хоть тысяча несчастий, но у кого-то — еще одно.

— Ну, Валька. Ну, пожалуйста, встань.

Встань, Валька. Это так же обязательно, как восход солнца.

— Почему у него кровь? — сказал Валька и поднялся. Рывком.

Штурм был горячий, и Павлик, маленький горнист крепости, заиграл боевой сигнал. Он забыл, что у старого горна металлический, а не пластмассовый мундштук.

Была сорвана с губ кожа. Ребята сгрудились у столба под фонарем и бестолково топтались вокруг раненого горниста. Павлик не плакал. Он только наклонил голову, чтобы кровь не пачкала пальтишко, и испуганно смотрел, как черные капли дырявят снег.

— Надо же было догадаться... — сказал Валька. Торопливо схватил пригоршню снега и прижал к губам Павлика.

От ладони и от теплой крови снег таял, превращаясь в кашицу.

— Он даже не заметил сперва, что губы примерзли, — сказал Толька Сажин.

— Домой надо, — сказал Валька. — Здесь ничего не сделать.

— Домой нельзя, — объяснила Ирка-скандалистка. — Дома ему попадет.

— За что попадет? Что ты чепуху городишь! У человека беда, а ему попадет.

— Нет, правда, — тихонько сказал Андрюшка. — Его всегда за такое ругают.

— Порядокки... — процедил Валька. — А ну, дайте платок. У кого есть?

Платок нашелся у Ирки. Валька приложил его к губам горниста, но тонкая ткань быстро промокла. Валька снял шарф и прижал его к платку.

— Держи так. Пошли ко мне.

Мысли о сегодняшней беде слегка отодвинулись, дав место тревоге за малыша-горниста. Они всей толпой ввалились в тесную кухню.

— Тихо вы... — прикрикнул Валька. Дома еще никого не было. Он сдернул с Павлика пальто и валенки и уложил его в комнате на диван. Вверх лицом. Кровь шла уже не так сильно.

Потом он включил электрочайник.

Малыши сидели в кухне притихшие. Запотевший горн стоял на столе.

— Что теперь с ним будет? — шепотом спросил Толька Сажин и смешно приоткрыл рот.

— Наверно, жив останется, — сказал Валька. С теплой водой он вернулся в комнату. Павлик лежал спокойно, только часто моргал.

— Больно?

Павлик помотал головой.

— Немного потерпи, если будет больно.

Он действовал осторожно и быстро. Убрал платок и куском бинта начал смывать кровь с подбородка и щек. От вида крови слегка мутило, но это были пустяки.

Главное то, что он, Валька, ожил. Если бы не этот раненый горнист, он до сих пор сидел бы на проклятой заледневшей скамейке, не зная, что делать. Это просто здорово, что в такую минуту он оказался нужен. Хорошо, что пришел Андрюшка и потребовал: «Встань!»

И, как награда за то, что он все-таки встал, к Вальке пришло спокойствие.

Конечно, это было не настоящее спокойствие. Мысль о том, что же будет завтра, не уходила.

Но не было страха.

И не было беспомощности. Словно снежные стены крепости-малютки могли защитить Вальку от всех бед за то, что он спас ее раненого бойца.

— Все, — сказал Валька. — Полежи теперь немного. Больше ничего не сделать. Рот ведь не забинтуешь.

Павлик слегка улыбнулся.

Валька взял его пальто и валенки, вынес на кухню и мокрой щеткой начал стирать с них бурые кровяные капли.

Андрюшка следил за ним напряженно и молча.

— Что ты меня так разглядываешь? — поинтересовался Валька.

— Я не разглядываю... Валька... Нет, я так...

Что-то тревожило его. И, чтобы как-то отвлечь Андрюшку от беспокойных мыслей, Валька сказал:

— Я договорился, с кем тебе на каток ходить... С моими знакомыми. В общем, можно покупать коньки.

— Хорошо, — откликнулся Андрюшка, но как-то рассеянно.

Тихонько вошел Павлик.

— Кровь уже не идет, — сообщил он.

— Ну и порядок. Только иди сразу домой, а то губы на морозе обветреют. И горячего не ешь сегодня...

Он проводил ребят на крыльцо.

— До свидания, Валька! — крикнул уже от калитки Андрюшка.

— До свидания! — громко ответил Валька и прислонился затылком к заиндевелому косяку. Ему казалось, что холод прояснит мысли и поможет во всем разобраться.

Но большого холода не было. Вечер стал пасмурней и мягче.

Это снова двигался на Урал атлантический ветер. Еще не пришли облака, но воздух уже потерял прозрачность, и звезды расплывались в мутноватой влаге обмелевшего неба. И только на юго-востоке, пробивая туманную пелену, чисто и гневно сиял Юпитер.

У калитки послышались шаги. Валька знал, что это не Андрюшка и не его друзья. Им незачем было возвращаться. И родители должны были вернуться позднее. Кто же? Валька не хотел видеть никого. И, не отрывая глаз от яркого Юпитера, он крикнул коротко и зло:

— Кто идет?

СНЕГ ИДЕТ.

ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОГО ВОВКИ

Это был Сашка. Он не ответил. Он молча поднялся на крыльцо, поколотил ботинок о ботинок, стряхивая снег, и мимо Вальки прошел в дом. И уже из сеней сказал:

— Ну, заходи, — будто к себе приглашал.

Валька зашел следом. Он не злился на Сашку. Он хорошо помнил тот рывок двери и со звоном сказанные слова: «Валька, не отдавай!» Но простить предательство он не мог. Все равно не мог. Сашка был сейчас не враг и не друг, а будто посторонний человек. Вроде электромонтера, который заходит раз в год, чтобы проверить, в порядке ли провода и пробки.

— Родителей дома нет, — спокойно сказал Валька. — Но ты не бойся, Бестужев, оставь записку. Я передам.

Сашка неторопливо снял пальто и бросил на спинку стула. Потом снял запотевшие очки и стал протирать их концом шарфа. Это был очень взрослый жест.

— Дурак ты, — произнес он негромко и как-то лениво.

— Почему? — так же тихо спросил Валька.

Сашка пожал плечами. Потом он надел очки и глянул на Вальку сердито и требовательно.

— Скажи, почему ты решил, что я поташу эту записку к вам домой?

— А куда? — спросил Валька и почувствовал, что глупеет.

— Куда... Ну не все ли равно куда? В печку, в мусорный ящик. Съел бы, в конце концов... Ну почему ты сразу решил, что я гад?

Валька помолчал.

— Сегодня все кувырком, — сказал он, морща лоб. — И ты... Не понимаю я...

— Я вижу, — усмехнулся Сашка. — Кроме тебя, наверно, никому в классе такая дурацкая мысль в голову не пришла... Ну, выкинул бы я записку — вот и все. Я лучше хотел сделать. Чтобы он ее ни с кем другим не послал.

— Но это же глупо, — искренне сказал Валька.

— Ну и пусть... Я хотел, чтобы тебе лучше было.

— Он бы все равно узнал. Проверил бы.

— Когда бы он еще проверил!..

— Да сразу бы... Знаешь, Сашка, ты записку все-таки отдай. Так лучше будет.

— А нет ее, — сказал Сашка.

— Порвал?

— Он ее забрал.

— Кто?

— Чертежник. Я вышел из школы, а он идет навстречу. Вот сейчас, вечером. И говорит: «Постой, Бестужев. Я догадываюсь, что ты еще не успел передать записку». А я злой был и говорю: «Совершенно правильно. Некогда было». А он говорит: «Дай мне ее, пожалуйста». Я говорю: «Я ее, наверно, потерял». — «А ты поищи, — говорит, — постарайся. Если нужно будет, я ведь, — говорит, — могу и другую написать». Я отдал и ушел.

— Интересно, зачем он так?

— Я не знаю. Я только заметил, что к школе он не один подошел, а, по-моему, с Ракитиным. А потом Олежка назад повернул. Или мне показалось...

— Да нет, не показалось, наверно... — начал Валька, обрадованный внезапной догадкой. И вдруг замолчал. Разве об этом надо было говорить! Ведь Сашка — с ним. Это в тысячу раз важнее всяких историй с записками. «Я хотел, чтобы тебе лучше было...» А он-то, чурбан безмозглый...

А если Сашка не простит такую обиду?

— Я знаю, — глуховато сказал Валька. — Ты теперь думаешь, что я дурак и... вообще...

— Конечно, — подтвердил Сашка. — Я поэтому и пришел. Мне очень нравится беседовать с «дураками и вообще».

Валька облегченно передохнул.

Сашка зевнул и сообщил:

— Приказано мне завтра, конечно, в школу без родителей не являться. За срыв...

— И что теперь делать?

— Ничего не делать. Сказал отцу, вот и все.

— А он?

— А он... Расспросил сначала. Потом прогнал: «Что ж ты к Вальке не идешь, дома торчишь?» Будто я сам не собирался... Да, еще я забыл рассказать. Лисовских с Равенковым поругались. Тот вышел из пионерской, а Петька говорит: «Ты больше у нас не показывайся. Галка с тобой больше никуда не пойдет, с таким крокодилем». Все захохотали и ушли...

Валька снова вспомнил полутемный коридор, высокую фигуру Равенкова, вспомнил все, что случилось, и тоска опять уколола его.

— Что же теперь будет? Сашка...

— Да, наверно, ничего, — спокойно сказал Сашка. — А что может быть? Галстук-то ты не отдал. Вот если бы отдал, тогда действительно...

— Ну, не отдал... Все равно они проголосовали. Значит, исключили.

— Ну да, исключили, — усмехнулся Сашка. — Кто же выгонит человека из пионеров, если ребята против? Ведь отряд против. Это все-таки наш отряд, а не Анны Борисовны. И не она тебя в пионеры принимала.

— Меня принимал отряд барабанщиков, — хмуро и твердо сказал Валька. — На рассвете.

— Ну, я знаю... — Сашка вдруг внимательно и резко взглянул на друга. — Ты говорил. Ну и что? Знаешь, ты все-таки сам виноват. Ты все время где-то... — Он покрутил ладонью над головой.

— В мечтах? — понял Валька.

— Ты не обижайся. Но когда только барабанщики да паруса на уме, можно еще не так влипнуть. А ведь не барабанщики тебя сегодня выручали. И не паруса...

Валька помолчал.

— Выручали и они, — наконец сказал он и все-таки немного обиделся. — Ты ведь тоже еще не знаешь...

Ведь в самом деле, не знал Сашка про крепость и про то, как Андришка сказал: «Валька, встань». А маленький Андришка и большие паруса — это так связано. И барабанщики...

— И все-таки... — тихо и упрямо сказал Сашка.

— Ну ладно... — сказал Валька.

Сашка натянул шапку:

— Ты меня проводи.

Они медленно шли к Сашкиному дому. Уже не было звезд, и сыпал снег. Западный циклон прогнал пронзительный холод, и, казалось, весь город вздохнул спокойно и дремлет теперь под медленным мягким ветром. Деревья вновь развешивали белые кружева. Ступени Сашкиного крыльца были сплошь под снегом.

— До завтра, — сказал Сашка. И вдруг неловко протянул ладонь.

Это было их первое рукопожатие. В последний миг между ладонями скользнула колючая снежинка, но тут же превратилась в теплую каплю.

Валька шагал по улице. Он не торопился домой, шел просто так. Иногда он поднимал лицо, и снежинки шекотали ему лоб и щеки. Скоро снег пошел мелкими хлопьями. В газонах, среди веток низкого кустарника он застревал пушистыми клубками, и казалось, что там прячутся крошечные зайчата.

А под одной из берез Валька увидел на снегу портрет. Крона дерева защищала его от снегопада. Нарисован был тонконогий урод с мрачным лицом и руками-граблями. И стояла подпись: В о в к а.

Валька пожалел неизвестного Вовку, перегнулся через штакетник и пальцем нарисовал на его лице улыбку.

Потом тронулся дальше и, сам не зная как, вышел к школе.

Подошел к крыльцу. Маленький ветер крутил у ступеней снежинки и какие-то клочки бумаги.

Валька поднял клочок и разобрал отрывки слов: «...прид... рисовани... альб...»

Он сразу понял, что держит в руках обрывок записки Чертежника. Видимо, прямо здесь, не отходя, Юрий Ефимович разорвал ее.

Валька поискал глазами и заметил еще два клочка. А больше не нашел. Видимо, ветер уже разнес их по всему кварталу, а снег припорошил и спрятал от глаз. И теперь, наверно, никто на свете не сумел бы отыскать все эти обрывки, сложить и прочитать записку.

— Вот и все, — сказал Валька. Повернулся и зашагал вдоль школы.

В коридоре нижнего этажа горел свет. Он падал из окон на заснеженный тротуар неяркими полосами. Чем дальше от школы, тем больше эти полосы расширялись. Они лежали на незатоптанном снегу, словно редкие желтые клавиши громадного пианино.

У последней полосы, на границе тени и света, маячила маленькая меховая фигурка.

— Андрюшка, — сказал Валька издалека. — Ты чего?

— А ты чего? — откликнулся Андрюшка. Он старался сказать это независимо, но получилось нерешительно и даже немного жалобно.

Валька подошел.

Андрюшка смотрел на него выжидательно и тревожно.

— Я гуляю, — тихо сказал Валька.

Андрюшка вздохнул:

— И я...

«Эх, ты!» — подумал Валька сразу про себя и про Андрюшку.

— Давно? — спросил он.

— Давно. Как ты, — честно сказал Андрюшка.

— Ну, пошли.

— Куда?

— Гулять, — усмехнулся Валька и протянул руку. Рука была без варежки.

Андрюшка сдернул вязаную рукавичку и вложил в озябшую Валькину ладонь свою ладошку — маленькую и горячую.

Так они и пошли, держась за руки, словно два маленьких мальчика. Никто не мог над ними посмеяться: улица была пуста, и только для Андрюшки и для Вальки горели фонари, окруженные светлыми облачками летящего снега.

— Завтра будет совсем тепло, — сказал Андрюшка. — По радио говорили.

— Западный ветер, — откликнулся Валька.

— Значит, будет липкий снег. И мы будем строить корабль. Из снега хорошо получится. Можно вот такие борта сделать. — Андрюшка вскинул над шапкой свободную руку.

— Ледокол? — спросил Валька.

— Ну нет... Просто корабль. С мачтами. Как у тебя в альбоме.

— А паруса? — сказал Валька. — Из снега ведь не сделаешь паруса.

— Не сделаешь, — вздохнул Андрюшка. — Ну, мы без парусов. Будто кругом шторм. Когда шторм, паруса убирают. Да, Валька?

— Не всегда, — сказал Валька. — Кое-что оставляют в

любой шторм. Хотя бы кливер... Но на кливер можно найти материю.

— Валька... — нерешительно начал Андрюшка. — Знаешь что...

— Знаю. Нарисовать корабль, чтобы легче делать было. Правильно?

— Нарисовать, — согласился Андрюшка. — Только еще знаешь что?

— Что?

— Мы очень хотим, чтобы ты был у нас шкипер...

«Шки-пер», — без усмешки повторил про себя Валька.

— Будешь? — спросил Андрюшка.

— А кто хочет? — поинтересовался Валька. — Кто «мы»?

— Павлик, Ирка, я, Юра... Все.

— Даже Ирка? — усмехнулся Валька. — Ты, Андрей, врешь. Она сама метит в капитаны.

— Не вру, — Андрюшка вырвал руку. — Вот честное октябрятское. Хочешь, за звездочку возьмусь?

Звездочка была под шубой с тугими застежками.

— Ну все равно. — Андрюшка ухватился за шарф. — Видишь, за красное держусь. Значит, не вру... Будешь?

Глядя в снежную глубину улицы, Валька сказал:

— Буду.

— Правда?

— Я же сказал...

Видно, не совсем верилось Андрюшке, потому что был сегодня Валька немного странный.

— Честное пионерское?

Валька сбил шаг. Ноющая, как зубная боль, тревога опять всколыхнулась в нем.

Тогда Валька прищурился и глянул вдаль. Когда так смотришь, можно увидеть все, что угодно.

Валька увидел барабанщиков.

Их было гораздо больше, чем там, в лагере. Они стояли сомкнутым строем. Настороженно вскинув палочки. Готовые обрушить лавину боевого грохота. И за этой тревожной готовностью Валька был как за крепкой стеной.

Он переглотнул и обыкновенным своим голосом сказал:

— Честное пионерское... Знаешь, Андрюшка, пойдем потихоньку к дому. Согласен?

— Да, капитан.

И тогда Валька засмеялся.

Он засмеялся негромко. Не над Андрюшкиным ответом. Он вспомнил.

До сих пор он был просто спокоен. Но чтобы нормально жить, человеку мало спокойствия. Нужна еще какая-то радостная звездочка, чтобы она светила впереди. И Валька вдруг подумал, что, несмотря на все случившееся, его ждет альбом с незаконченным рисунком «Легенда океана». Мальчик на берегу и стремительный парусник в опасной близости от каменных плит. Они ждут, как и раньше, чтобы мучить и радовать Вальку...

Снег все сыпал и сыпал на тротуары и газоны. Однако портрет неизвестного Вовки рядом с большой березой был еще хорошо виден. Дерево охраняло его от снегопада.

Несмотря на улыбку, Вовка с волосами-рожками и загребушими руками был совсем несимпатичен.

Валька вытащил из кармана варежку и двумя широкими взмахами уничтожил кривые буквы.

— Зачем? — удивился Андрюшка.

— Так... — сказал Валька.

Какой-нибудь Вовка, наверно, и заслуживал такого портрета. Но на свете много тысяч Вовок, и они-то совсем не виноваты.

1966 г.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ БРАТА

Глава 1

Мама разбудила Кирилла в три часа ночи.

В это время он вел «Капитана Гранта» мимо желтого утеса, с которого палила из всех орудий могучая береговая крепость. Перед ее амбраурами вспухали белые дымы, а вокруг судна выросли фонтаны от ядер.

Ядро грохнулось о рубку и разлетелось на зеленые и красные осколки.

— Это арбуз! — весело завопил Митька-Маус. — Арбузами стреляют! — Он высунул из-за рубки кудлатую голову.

— Уберешь ты свою несносную башку? — крикнул Дед.

«А почему не слышно выстрелов?» — подумал Кирилл и услышал:

— Кирюша, встань. Встань, помоги, пожалуйста. Может быть, у тебя он скорее уснет...

Еще не расставшись с веселым сном, Кирилл уже слышал, как за стеной вопит Антошка. «Ну, дает», — подумал Кирилл. Потряс головой, взглянул на маму и опустил с кровати ноги.

Мама виновато сказала:

— Не могу успокоить. Может быть, укачаешь его своим хитрым способом?

Кирилл снова потрянул головой, разгоняя остатки разорванного сна: они, будто обрывки тумана, плавали вокруг. И Дед с Митькой словно все еще были здесь.

Антошка после нескольких секунд перерыва завопил с новой силой. Кирилл откинул одеяло и побрел в соседнюю комнату.

Спеленутый Антошка лежал в своей решетчатой кровати и орал вдохновенно и старательно. Что-что, а реветь этот человек

умел и любил. Маленькое красное лицо его было сморщено, глаза крепко зажмурены, а беззубый рот открыт до отказа.

Нельзя сказать, что в такие минуты Кирилл ощущал нежную любовь к братцу. Но ни досады, ни злости он не чувствовал. Не то что два месяца назад. Тогда у Кирилла при Антошкином реве просто зубы стискивались. От беспомощности и отчаяния он сам готов был зареветь.

Однажды, когда мама ушла на рынок, а месячный Антошка проснулся и никак-никак не хотел успокаиваться, не затихал ни на руках, ни в кроватке, Кирилл замычал и швырнул ему в лицо скомканную пеленку. Антошка на секунду притих, а потом закричал еще громче. И такая обида почудилась Кириллу в этом крике, что он тут же назвал себя последним гадом, вделал себе кулаком по уху, опять схватил Антошку и начал у него, бестолкового и отчаянно орущего, шепотом просить прощения. А потом, не зная уже, что придумать, запел изо всех сил:

Дайте в руки мне гармонию —
Золотые планки.

И Антошка постепенно умолк. Успокоился кроха. А Кирилл, ласково и осторожно прижимая братишку, носил и носил его по комнате и все пел.

В тот день было сделано открытие: лучше всего Антошка успокаивается под песни старшего брата. Мамины песни — тоже ничего, но действуют они когда как. А стоит запеть Кириллу — и горластый братец притихает. Ведь, казалось бы, совсем несмышлениш, а что-то чувствует, знает голос Кирилла. Он и песни стал различать, когда сделался постарше: одни просто слушал, под другие начинал дремать. А после большого рева успокоить и заставить уснуть его можно только одной песней. Совсем непохожей на колыбельную...

— Ну, чего трубишь? — сказал Кирилл. — Давай иди сюда. У, рева... Кто обидел Антошку? Что-нибудь страшное приснилось? Что в школу повели? Не бойся, еще не скоро... Мама, помоги его взять...

Антошка выдал новый вопль. Кирилл прижал его к груди, покачал, шагая из угла в угол, и запел про опаленные солнцем спящие курганы и про туманы, которые ходят чередой.

Антошкин крик стал потише, и в нем слышались вопросительные интонации. А к концу песни братец совсем затих. Но не спал, тарашил глаза. Тогда Кирилл решительно спел музыкальное вступление и начал главную песню с последнего куплета:

Раскатилось и грохнуло
Над лесами горящими,
Только это, товарищи,
Не стрельба и не гром...

На третьем куплете Антошка засопел, словно убедившись, что ничего не страшно с братом, у которого есть такая суровая и непримиримая песня.

Кирилл с мамой уложили его в кроватку. Он спал так, будто и не плакал отчаянно десять минут назад. Улыбался какому-то своему крошечному сну. Светлые волосенки смешно топорщились. Сейчас он был милый, самый дорогой на свете Антошка...

Мама тронула губами макушку Кирилла:

— Спасибо, Кирик. Ложись, спи. Я еще посижу чуточку и тоже...

Но Кирилл вдруг понял, что не хочет спать.

— Мама, я такой голодный почему-то. Я чего-нибудь пожую?.. Ты не ходи, я сам.

На кухне он отрезал кусок от батона, отыскал в холодильнике банку с зеленым горошком. Насыпал горох на хлеб и вернулся в мамину комнату. Мама сидела у Антошкиной кровати.

— Ты чего не ложишься? — спросил Кирилл.

— Подожду немного. Вдруг он опять проснется.

— Я ему проснусь! — сказал Кирилл. Забрался с ногами на мамину постель и стал жевать, подбирая с одеяла упавшие горошины. Мама смотрела на него с непонятной улыбкой: то ли печальной, то ли, наоборот, — счастливой.

— Ох и худой же ты стал! И коричневый. Как индийский йог.

Кирилл сказал с набитым ртом:

— Непохоже. У индусов волосы черные, а у меня...

Мама села рядом и запустила ему в волосы теплые тонкие пальцы.

— А у тебя косматые. Когда подстрижешься?

— Лучше ты сама подровняй, а то в парикмахерской оболванят, как репку. У них со школой тайный сговор... Буду опять лопухастыми ушами махать.

Мама засмеялась:

— Ну, сколько лет подряд можно вбивать себе в голову эту чепуху? У тебя нормальные уши, даже симпатичные.

— У слонов тоже симпатичные.

Мама обняла Кирилла за плечи, качнула туда-сюда (он опять просыпал несколько горошин) и вздохнула:

— Ох, в самом деле, до чего же костлявый...

— Зато закаленный, — заметил Кирилл.

— Тьфу, тьфу, тьфу, — торопливо сказала мама. — Не говори зря.

Она была немного суеверна. Видимо, все мамы немножко суеверны, когда дело касается сыновей.

— Ничего не «тьфу», — возразил Кирилл. — Ты летом переживала, а я даже ни разу не чихнул.

Все лето Кирилл проходил в майке, шортах и босиком. Только если шел в кино или библиотеку, надевал рубашку и сандалеты. Но это случалось не чаще одного раза в неделю. Дед сказал в конце весны, что в парусном деле нужны закаленные люди, и Кирилл закалялся добросовестно.

Мама сначала боялась. Говорила, что во всем надо знать меру, иначе можно и посреди теплого лета схватить воспаленные легкие. Вспоминала, как болел Кирилл два года назад. Кроме того, она утверждала, что ходить всюду босиком неприлично. На это Кирилл ответил однажды, что половина людей на Земле всю жизнь ходит босиком.

— Где это?

— В Индии, в Африке, на островах всяких... Если посчитать, знаешь сколько наберется!

— Но это же в тропиках!

— А здесь чем не тропики?

Лето выдалось сухое и жаркое. Ветер иногда приносил тонкий дым, который пощипывал глаза. Солнце делалось неярким и круглым — без лучей. Это горели где-то леса и торф.

В те дни, когда не было дымки, солнце палило, как в Аравийской пустыне. К середине июня с плеч у Кирилла

слезли три слоя сторевшей кожи, и наконец загар стал прочным, как броня. Волосы выгорели добела. Самому Кириллу иногда казалось, что у него даже кости прокалены солнцем...

Мама наконец махнула рукой. У нее хватало забот с Антошкой, который родился в конце мая.

— Дед говорит, что я похож на негатив, — сказал Кирилл. — Волосы бесцветные, шкура темная. Хоть печатай на оборот.

— Почему вы зовете его Дедом? — спросила мама. — Дед да Дед, только и слышишь. Неужели он не обижается? Ему же двадцать четыре года.

— А чего ему обижаться? Он привык. Это из-за Митьки.

— Из-за какого Митьки?

— Ну, помнишь, прибегал такой курчавый? Это его внук.

— Какой внук? Бог с тобой...

Кирилл засмеялся:

— Да правда внук, только двоюродный. У Деда племянница есть, а она его старше. Так ведь бывает. А Митька — ее сын. Вот и посчитай.

— В самом деле, — сказала мама. — Забавно... Ну, если точно говорить, это называется «внучатый племянник».

— Ну а он тогда «дедистый дядя». Или «дедовый». Все равно — Дед.

— А я думала, это его братишка. Они так похожи...

— Только с виду. Митька знаешь какой сахар! И привидений боится. Вечером дома ни за что один не сидит. Дед с ним замучился.

— Почему же он с ним мучается? Где у этого Митьки родители? Они живы?

— Конечно. Только они геологи, в экспедиции ездят.

— Бедный ребенок... Все время ездят?

— Не все время, но часто...

Мама вздохнула:

— Вот и папа наш тоже ездит...

— Еще пять дней, — утешил Кирилл. — Протянем.

— Протянем, — согласилась мама. — Ты у меня герой...

А в школе как? Все в порядке?

— Вроде... Чего это ты среди ночи про школу вспомнила?

— Ты сам вспомнил. Все проезжался сейчас насчет школы.

— Это я так. У меня переходный возраст, я над всем и-ро-ни-зи-рую.

Мама опять взлохматила ему волосы.

— Ну, беги спать.

— Угу...

Кирилл пошел к себе и завалился в постель, надеясь увидеть продолжение сна. Но ничего он не увидел. А проснулся уже утром от шумных голосов: неожиданно вернулся из Риги отец.

Отец весело рассказывал, как пустился на хитрость: позвонил на завод, попросил прислать телеграмму, что срочно нужен на производстве. Потому что, в самом деле, на заводе масса дел, а совещание занудное и организовано бестолково: не столько говорят о деле, сколько осматривают достопримечательности...

Кирилл выскочил в большую комнату и облапил отца за круглый живот:

— Папа! Сбежал, да? Вот молодец!

Отец ухватил Кирилла под мышки, слегка приподнял:

— Эх, не подкинуть уже. Больно длинен... Я тебе подарок привез.

Подарок был что надо! Алая майка с крутобокими маленькими каравеллами и галеонами, разбежавшимися по плечам, спине и коротеньким рукавам. На груди у майки была напечатана старинная карта полушарий с пальмами, китами, индейцами и средневековыми городами. Хоть вешай на стену и любуйся.

— Ух ты! — восхищенно сказал Кирилл. — Урок истории и географии! Вот бы в школу в такой заявиться!

Но в школу надо было идти в форме. Несмотря на жару. В других школах было не так строго: разрешалось ходить без курток, но там, где учился Кирилл, появилась новая директорша и завела железный порядок. Это была дама крупных размеров, с громким голосом и суровым нравом, хотя порой хотела казаться добродушной. С первого дня она получила от старшеклассников прозвище Мать-генеральша...

До школы Кирилл нес куртку под мышкой. Хотя шла вторая неделя учебного года, стояло еще полное лето. Лишь клены кое-где пожелтели, но они начинают желтеть уже в августе.

В квартале от школы Кирилл догнал длинного Климова и хлопнул его курткой по спине.

— Привет, — сказал Климов. — Не дерись, будь воспитанным ребенком хотя бы перед лицом учителей.

— Кого?

— Вон Вера Сергеевна идет.

— Она же спиной к нам, а не лицом, — рассудил Кирилл. — Давай догоним.

Они с двух сторон обогнали невысокую седоватую математичку и разом сказали:

— Здравствуйте, Вера Сергеевна!

— Здравствуйте... А, Векшин и Климов!

— Дайте, я ваш портфель понесу, — сказал Климов.

— Буду весьма благодарна.

— Ого, весу-то... Наверно, наши тетрадочки?

— Ваши... Но лично вашей тетради, Климов, я не нашла и крайне этим озадачена. Вы не сдали работу?

— Увы, — сказал длинный Климов.

— Почему же? Я не верю, что вы не сумели решить.

— Я и не пытался, Вера Сергеевна, — вздохнул Климов. — Совершенно не о том были мысли.

— Если не секрет, о чем же они были?

— Не секрет, но трудно объяснить... Кажется, о смысле жизни.

— Ну и... отыскали смысл?

— Увы, — опять сказал Климов. — И от огорчения подумал: пускай уж лучше двойка.

— Жаль, — сказала Вера Сергеевна.

— Ничего, я до конца четверти исправлю.

— Жаль, что не доискались до смысла жизни. А ставить двойку я вам не собираюсь. Даже не имею права.

— Почему? — искренне удивился Климов.

— По ряду причин. Самая простая та, что эта работа была внеплановой, сверх программы, я ее дала вам для про-

верки. Так что ставить двойки я не могу... Хорошие оценки — другое дело. Вот, например, как пятерка Векшина...

— Ой, правда?! — возликовал Кирилл.

— Разумеется. А почему вы удивляетесь?

— Можно подумать, у меня каждый день пятерки по математике, — засмеялся Кирилл.

— Это зависит от вас... У вас хорошие аналитические способности, но не всегда хватает дисциплины в работе... А вот Климов меня весьма огорчил.

— Я не способен к математике, — сказал Климов.

— Вы же в прошлом году участвовали в районной математической олимпиаде!

— Да. А сейчас я эту науку разлюбил.

— Тем более я не могу ставить вам двойку. Потому что не сумела воспитать в вас прочную любовь к своему предмету, — усмехнулась Вера Сергеевна. — Здесь двойку заслужила скорее я.

— Это вы шутите, — сумрачно сказал Климов.

— Не совсем... А вы, в свою очередь, не совсем серьезны.

— Почему же...

— Потому что нельзя разлюбить науку, которую вы еще не знаете. Ваши некоторые успехи в прошлом году настроили вас бодро, а столкнувшись со сложностями, вы разочаровались...

— Ну, да... Но это лишь одна из причин.

— Возможно. Боюсь только, что не самая малая... Я вспоминаю своего старого преподавателя французского языка. Это было, естественно, во времена, которые кажутся вам доисторическими. Так вот, я ему как-то сказала, что терпеть не могу «этот ужасный французский». Он засмеялся: «Голубушка, вы сначала выучите его, а потом решайте. Что бы любить или ненавидеть какой-либо предмет, надо его знать...» Потом, когда я читала в подлиннике Стендаля, я уже не испытывала ненависти к французскому...

— Стендаль — это хорошо, — сказал Климов. — Но диссертации по математике никто не читает как романы.

— Разумеется. Но математика помогает постигать жизнь не менее, чем это делает искусство... А жизнь у вас, Климов, к счастью, впереди.

— Вера Сергеевна, — с чувством сказал Климов. — Следующую работу я обязательно сдам.

— Вы меня очень обяжете. Тем более что это будет уже плановая контрольная.

— Я не ради оценки. Я и на олимпиаду пойду, так и быть.

— «Так и быть» не надо. Раз вы разочаровались в математике...

— Я не ради математики. Я ради вас, — брякнул Климов.

Вера Сергеевна подняла брови:

— Да? Стоит ли?.. Впрочем, для начала можно и так...

Ну, мы пришли, дайте портфель. Спасибо.

Когда Вера Сергеевна исчезла в дверях, Кирилл засмеялся:

— Ты чуть в любви ей не объяснился.

— Шутки шутками, а она отличная тетка.

— Давно знаю, — сказал Кирилл.

— Давно или сегодня, когда про пятерку узнал? — добродушно подцепил его Климов.

— Не в отметках дело, сам говорил... А ты, правда, почему не сдал работу?

— Правда — мысли были не о том.

— А о чем? Неужели о смысле?

— Ага... И о Маргарите Сенокосовой из седьмого «А».

— Ну, ты даешь, — только и сказал Кирилл.

— Тебе не понять. Судя по всему, в тебя еще не попадали стрелы Амура.

— Упаси господи, — засмеялся Кирилл. — И без того забот хватает.

Глава 2

Вернуть в класс успели почти всех. Не хватало человек семи, но это не имело значения: виновники были на месте.

Седьмой «В» сдержанно возмущался. Возмущаться громко не решались, потому что в дверях, сложив руки на могучей груди, стояла директор Анна Викторовна.

— Пятница — тяжелый день, — сказал длинный Климов, устраиваясь на задней парте.

Ева Петровна хлопнула о стол первым томом «Графа Мон-

те-Кристо», который отобрала на предпоследнем уроке у рыжего круглолицего Витьки Быкова по прозвищу Кубышкин.

— Книга-то не моя! — сказал Кубышкин, и все привычно засмеялись. Считалось, что Кубышкин говорит только смешное.

— Тихо! Все сели по местам! Прекратить разговоры!.. Анна Викторовна, вы сами скажете?

— Говорите вы, — величественно разрешила директор.

Ева Петровна скорбно кивнула и оглядела притихшие ряды.

— Конечно, — произнесла она, — я ни дня больше не останусь у вас руководителем. Но прежде чем уйти, я должна разобраться в этом позорнейшем происшествии. Это мой долг.

Девчонки торопливо зашушукались. Они считали своей обязанностью уговаривать Еву Петровну не бросать их, когда она в очередной раз заявляла об отставке.

Сейчас, однако, Ева Петровна не стала слушать жалобных уверений в любви и преданности. Она еще раз подвергла испытанию на прочность несчастного «Графа» и потребовала:

— Встаньте, кто был задержан в гардеробной преподавателей.

Четверо встали. Куда деваться-то? Все равно портфели отобраны.

— Та-ак... — сказала Ева Петровна.

Она покивала, взялась двумя руками за худой подбородок и обвела стоявших укоризненно-проницательным взглядом. Трое опустили глаза.

— Ну так что, Векшин, — произнесла Ева Петровна почти доброжелательно. — Может быть, признаться сразу? Пока есть время исправить ошибку...

— В чем признаться? — спросил Кирилл и подумал, что у Евы Петровны глаза странного цвета: как пыльная трава.

— Ты не знаешь, в чем?

— Не знаю, — честно сказал Кирилл.

— Ну, хорошо... Что вы делали в учительской раздевалке?

Кирилл улыбнулся. Чуть-чуть. Даже досада его сразу прошла. В самом деле смешно: признаваться в том, что все знают.

— Мы прятались от завуча Нины Васильевны, — сказал он.

Элька Мякишева и Нинка Родина вопросительно хихикнули и посмотрели на классную руководительницу. Она, однако, на них не взглянула. И сухо поинтересовалась:

— Зачем же прятались?

— Она загоняла нас в хор.

Анна Викторовна колыхнулась у дверей.

— Что значит «загоняла»? Ты соображаешь, что говоришь?

Кирилл опять ощутил едкую досаду.

— Соображаю, — сказал он. — Она стояла у выхода с учителем пения, хватала всех и отбирала дневники, если кто записан в хоре и не хочет идти.

— И вы решили обмануть завуча и учителя, — словно подводя итог, произнесла Ева Петровна.

Кирилл пожал плечами.

— Странно, что ты не хочешь ходить на занятия, — мягко сказала Ева Петровна. — Почему? Ты же любишь петь.

— Я не люблю, когда меня заставляют. Хор — это не уроки. Это добровольное дело.

Анна Викторовна колыхнулась у двери.

— Добровольное для тех, у кого сознательная дисциплина. А для тех, кто не дорос до нее, мы применяем добровольно-обязательный метод.

— Как у кошки с воробьем, — сказал с задней парты Климов.

— Что-что? — Анна Викторовна устремила в глубину класса настороженный взгляд. — Ну-ка объясни.

Климов охотно объяснил:

— Кошка поймала воробья и говорит: «С чем тебя есть? С укусом или сметаной? Выбирай добровольно...»

— Ну-ка поднимись, юморист, — потребовала Анна Викторовна.

Климов поднялся, и все засмеялись. Если он вставал, всегда возникало веселье: такая мачта вырастала над партой.

— Как его фамилия? — обратилась директорша к Еве Петровне.

— Климов, — сказала та. И в голосе ее слышалось: «Это

всем известный Климов, который может лишь паясничать и ни на что серьезное не способен».

— Завтра ко мне с отцом, — распорядилась Анна Викторовна.

Класс притих. Отец Климова в прошлом году разбился в автомобиле. Климов слегка побледнел, но ответил прежним тоном:

— Никак невозможно. Отца нет.

— В таком случае с матерью, — не дрогнув, потребовала Анна Викторовна.

— Тоже невозможно. Она в командировке.

— С кем же ты живешь?

— С бабушкой, — вздохнул Климов.

— Вот и прекрасно...

— А бабушке восемьдесят два года, — поспешно предупредил Климов. — Она уже не боится директоров.

— И ты, видимо, тоже? — язвительно поинтересовалась Анна Викторовна.

Климов сокрушенно покивал:

— Мама говорит: я весь в бабушку.

— «Неуд» по поведению за всю неделю, — распорядилась директор. — Ева Петровна, не забудьте.

Та покачала головой и укоризненно посмотрела на Климова: «Вот видишь, достукался. Жаль, но сам виноват».

Раздался звонок с шестого урока. Анна Викторовна досадливо поморщилась:

— Ева Петровна, у меня совещание. Разберитесь сами. Особенно с этим... — Она посмотрела на Кирилла: — Как его фамилия?

— Векшин... И знаете, Анна Викторовна, он все годы был вполне нормальным учеником. Не могу понять, когда у него это началось...

— Наверное, когда начал сооружать свою прическу, — заметила директорша. — Ишь, отрастил, ушей не видать! Чтобы сегодня же остриг свои космы!

— Не космы, а волосы, — негромко сказал Кирилл. — Все так носят. У других еще длиннее...

— Будем рассуждать? Ева Петровна, завтра в школу с такой прической не пускать!.. А впрочем... — Она словно спо-

хватилась. — Там, где он скоро окажется, его остригут как надо.

С этими словами Анна Викторовна покинула класс.

Все шумно встали и сели.

— Коробов, Самойлов, Сушко, Векшин! Я вам садиться не разрешала!

— Ноги, что ли, железные? — пробурчал Валерка Самойлов.

— Ноги?! — неожиданно воскликнула Ева Петровна. — А мои нервы? Они железные? На что я потратила два года?! Такой позор! Пятно на всю школу!

Ребята запереглядывались. Бегство с репетиций хора было делом обычным. Какое тут пятно?

— А что случилось, Ева Петровна? — преданным голосом спросила Элька Мякишева.

Ева Петровна медленно обвела глазами класс.

— Что случилось? То, что в учительском гардеробе, где укрывались наши «любители свободы», у студентки-практикантки исчез кошелек со стипендией.

Девчонки охнули.

Интересно, что Кирилл ничего не почувствовал: ни обиды, ни страха, ни растерянности. В первую секунду просто подумал: «Вот так история!» Потом ему стало смешно. Он сказал со смехом:

— Вот это да! Значит, мы воры?

— Ты напрасно веселишься. И напрасно говоришь во множественном числе. Имей в виду: ты единственный, кто не стал показывать дежурному учителю свои карманы.

Вся обида и вся злость снова прихлынули к Кириллу.

— Какое он имеет право обыскивать? Еще портфель отобрал!

— Александр Викентьевич не отбирал, а потребовал отдать.

— А я не отдал! Тогда он вырвал! Да еще в карманы полез!

— Ты считаешь, что только вам позволено лазить по чужим карманам? — в упор спросила Ева Петровна.

Кирилл сжал зубы. Сперва захотелось завопить от бешенства. А потом по привычке зашекетало в горле. «Зеленый

павиан Джимми, — торопливо подумал Кирилл. — Где ты, миленький? Помоги».

В это время Валерка Самойлов громко сказал:

— Да ничего он не брал. И мы не брали! Зачем зря-то...

— Про вас я пока не говорю. Сейчас разговор о Векши-не. Кстати, залезть в карман можно незаметно...

Кирилл мысленно улыбнулся зеленому павиану: «Спасибо, что помог». Еще сипловато, но уже твердо он сказал:

— Я, пожалуй, сяду. Не обязательно стоять, чтобы слушать оскорбления.

— Сядь, — скучным голосом ответила Ева Петровна. — Школьные правила не для тебя. Но сидя или стоя, а отвечать за свои дела придется.

Кирилл сел и стал смотреть в окно.

— Он сидит, а мы стоим, — высказался в пространство Серега Коробов.

— Что ж, садитесь и вы... Позор! Были гордостью школы, лучший тимуровский отряд, правофланговый! Должны помогать людям, а вы... Девушка первый раз пришла на практику, и сразу ей такой сюрприз! Вы знаете, что такое для студентки стипендия? Она должна целый месяц жить на эти сорок рублей!.. Если бы вы видели, как она плакала в учительской...

«А правда, неужели нашелся такой гад и украл? — подумал Кирилл. — А может быть, сама потеряла?»

Он хотел уже высказать эту мысль, но сдержался. Получится, будто он оправдывается.

И вдруг заговорил маленький Кубышкин:

— А Сан Викентич как успел узнать, что кошелек украли? Он же внизу дежурил, а не в учительской.

В классе опять на всякий случай засмеялись.

— Он ничего и не знал! — сердито разъяснила Ева Петровна. — Он просто задержал нарушителей, которые были там, где им не положено быть. И оказалось, что не зря. Через несколько минут стало известно про кошелек.

— Если не знал, зачем полез с обыском? — хмуро спросил Кирилл.

— Не полез, а попросил показать карманы. Потому что были уже грустные случаи, когда пропадали деньги и вещи. И никто не может терпеть, чтобы этот позор продолжался!

— Пусть отдаст портфель, — упрямо сказал Кирилл. — Никто не имеет права отбирать чужие вещи.

— Я и не отбирала. Разбирайся с Александром Викентьевичем. Найди после собрания и разговаривай.

— Он отобрал, а я должен за ним ходить?

Ева Петровна утомленно села за стол.

— Это старый трюк, — печально сказала она. — За наглым поведением прятать свою вину.

«Вину...» — повторил про себя Кирилл. И до него наконец дошло. Дошло полностью, что все это всерьез. Абсолютно всерьез.

Он взялся за парту, встать хотел, но не встал, а только в упор глянул на Еву Петровну:

— Значит, вы в самом деле думаете, что я вор?

Она отвела глаза. Но сказала:

— Ты сам заставляешь думать так. Твое поведение... Существует логика. Понимаешь, ло-ги-ка. Законы здравых рассуждений. Суди сам: кроме вас, там никого не было. Карманы показывать ты не стал. Значит, испугался?

— Не испугался, а противно.

— Ах, противно... Другие могут, а у тебя тонкое воспитание.

В классе опять кто-то захихикал. Но Валерка Самойлов сказал:

— Я бы тоже не дал, но растерялся.

— Помолчи!

— Пусть отдадут портфель, — бесцветным голосом повторил Кирилл.

— Ты как попугай! Я сказала: объясняйся с Александром Викентьевичем. Без объяснений он все равно не пустит тебя на свои уроки.

— Пусть, — сказал Кирилл. Александр Викентьевич преподавал семиклассникам черчение, которое Кирилл всем сердцем невзлюбил с первого дня.

— Не имеет права не пускать, — сказал Климов. — У нас всеобуч.

— Права-то вы знаете, а вот обязанности...

И Ева Петровна принялась подробно объяснять про обязанности школьников, которые неразрывно связаны с права-

ми. Получалось, что обязанностей две: хорошо учиться и беспрекословно слушаться старших. Права были те же самые: учиться и слушаться.

У Евы Петровны было худое лицо, морщинистое, но не старое. На лице странным образом смешивались утомленная разочарованность и энергия. Так было всегда. Ева Петровна словно давала понять: «Я знаю, как мало меня ценят, как неблагодарны дети, но свой долг я буду выполнять до конца, изо всех сил и без жалоб». И она выполняла. Классным руководителем она стала, когда ребята были пятиклассниками. До этого, в четвертом классе, сменилось три руководителя. Тринадцать мальчишек и двадцать четыре девчонки представляли собой, по словам завуча Нины Васильевны, «развинченную толпу». Ева Петровна заявила, что не потерпит анархии, и если уж она берется за дело, то создаст из этой толпы здоровый пионерский коллектив.

За год она добилась, что отряд стал считаться передовым. Сама составляла планы тимуровского шефства над окрестными пенсионерами, руководила репетициями смотров строя и песни, ревностно следила, чтобы все выполняли нормы сбора макулатуры. Нерадивых обсуждали на собраниях, которые назывались пионерскими. Ева Петровна говорила, что все вопросы должны обсуждаться коллективом и от коллектива ничего нельзя скрывать.

Фамилия у Евы Петровны была Красовская, поэтому, когда класс еще не был передовым, ей придумали прозвище Евица-красавица. Потом прозвище забылось, но время от времени отдельные несознательные и нетипичные личности, вроде Климова, вспоминали его. Вот и сейчас Кирилл слышал, как длинный Климов сзади почти беззвучно напеваает на мотив хора из «Евгения Онегина»:

Евица-красавица, душенька-подруженька,
Отпусти нас, милая, ты домой голодненьких...

Есть в самом деле хотелось, сидели без обеда. Столовая в первые дни учебного года не работала, а в буфете была такая толкучка, что лучше и не соваться. Кирилл, правда, попробовал на предпоследней перемене, но раздумал и отдал два-

дцать копеек Петьке Чиркову, который признался, что вот-вот помрет от голода...

— А зачем сидим? — вдруг спросил Климов.

— Ждем, — сообщила Ева Петровна. — Ждем, когда кто-нибудь из этих четверых признается или расскажет, как было дело.

— А если не признается?

— Тогда... очевидно, придется вызывать милицию.

— Так давайте вызывать, — предложил Кирилл.

— Правильно, — поддержал Кубышкин. — А то кушать хочется.

— Тебе полезно похудеть, — сказала Ева Петровна и опять заговорила о пятне, которое легло на тимуровский правофланговый отряд и школу. Потом подняла Женьку Черепанову и велела высказать свое мнение. Женька была бесменная председательница совета отряда. Она встала и начала говорить, что те, кто совершил этот безобразный поступок, опозорили класс и должны признаться, если они еще хоть капельку дорожат званием пионера. А если Кирилл Векшин ни в чем не виноват, то ему надо вести себя не так, а воспитанно...

Кирилл смотрел на Черепанову без всякой злости. Женька говорила те самые слова, которые принято говорить на собраниях, когда кого-нибудь обсуждают.

Женька была красивая, и Кирилл смотрел на нее с удовольствием. Он не испытывал к Черепановой никаких чувств, но глядеть на нее было приятно: как на красивую открытку или статуэтку. Почти все девчонки за лето вымахали в высоту, стали больше мальчишек (Кубышкин презрительно сказал: «Во лошади. Теперь им на танцах десятиклассников подавай»), а Женька осталась прежней. Она была невысокая, стройненькая, с мальчишечьей русой прической и длинными серыми глазами.

— ...А Векшин вообще всех нас удивляет. Это кошмар какой-то, — закончила Черепанова свою речь и бросила на Кирилла очень осуждающий взгляд.

— Дура, — полушепотом сказал Кирилл.

— Сам, — так же ответила Женька.

Кирилл перестал слушать и повернулся к окну.

По другой стороне улицы брела послушная вереница детсадовских малышей в пестрых маечках и трусиках, в белых панамках. Впереди шла одна воспитательница, позади другая. Ребятишки — наверное, младшая группа. Трехлетние пацанята.

Кирилл подумал, что он будет в десятом классе, когда Антошка станет вон таким. И, как всегда при мысли об Антошке, толкнулась в нем упругая теплая радость.

Что бы ни случилось, какие бы горести ни подкараулили Кирилла, все равно есть у него братишка. Круглощекий, улыбчивый, славный Антошка...

Конечно, бывает всякое: иногда почитать хочется, а он вопит; надо бежать к Деду, готовить паруса, а ты отправляешься в молочную кухню за Антошкиным обедом... Но, боже мой, как все-таки здорово, что он есть на свете — настоящий родной братик! Как он смотрит на Кирилла, как слушает песни...

А между прочим, на кухню и сегодня надо бежать. И скоро... Кирилл встал и взглянул на большие часы за окном — они висели на столбе у сквера.

— Что, Векшин? Ты все-таки решил признаться? — спросила Ева Петровна почти благосклонно.

— В чем? — удивился Кирилл.

— Что значит «в чем»? В том... что я сказала: «Пусть встанет тот, кто виноват».

— Извините, я не слышал, — холодно сказал Кирилл.

— А, ну конечно! Слова классного руководителя для тебя пустой звук. Тогда с какой стати ты поднялся?

— Чтобы на часы взглянуть, вон там на улице.

— Смотреть на часы бесполезно, — сообщила Ева Петровна уже не Кириллу, а классу. — Сидеть будем, пока не выясним.

— Я сидеть не буду, — спокойно сказал Кирилл. Он и в самом деле был сейчас спокоен. Только глубоко внутри дрожала тугими струнками сдержанная злость. Уже не обида, а просто злость.

— Бу-удешь, голубчик...

— Не буду. Мне в молочную кухню надо идти за питанием для брата. Его в четыре часа кормить полагается.

— Ты опять лжешь, — утомленно произнесла Ева Пет-

ровна. — Если бы ты ходил в эту кухню, мама дала бы тебе записку и тебя бы никто не стал задерживать на репетициях. А ты прятался, чтобы не ходить на хор.

— Потому что дело не в кухне. На хор я бы и так не пошел.

— Из ложного принципа и глупого упрямства.

— Мне надо идти, — сказал Кирилл. — Серега, выпусти.

Серега Коробов выбрался из-за парты, освобождая проход. Класс наблюдал за Кириллом с молчаливым интересом. Кирилл пошел к двери.

— Какой нахальный! — громким шепотом сказала Элька Мякишева.

Ева Петровна встала у порога:

— Имей в виду, Векшин, если ты попытаешься уйти, я сообщу директору... что для тебя, оказывается, не писаны никакие школьные правила.

Кирилл остановился перед ней.

— Они для Антошки не писаны, — сказал он с ощущением полной и радостной правоты. — Разве есть правила, чтобы трехмесячного малыша морить голодом? Он, пожалуй, покажет правила... Разрешите, пожалуйста, пройти.

Ева Петровна хотела что-то сказать, открыла рот... и посторонилась.

Когда Кирилл был уже в коридоре, он услышал:

— За портфелем пусть явится отец.

Кирилл обернулся:

— Он бы и так пришел, если надо. Зачем портфель? Как выкуп, что ли?

— Вот именно! Для гарантии. Если я не дозвонюсь.

«Звони, звони», — сумрачно подумал Кирилл. Дома телефон не работал второй день: ремонтировали кабель, а на работе у отца недавно сменили номер.

Внизу, у самого выхода, Кирилл встретил Зою Алексеевну, которая учила его в младших классах. Он улыбнулся и приготовился сказать: «Здрассе, Зоя Алексеевна». И вдруг увидел, что она смотрит на него странно. Без обычной улыбки.

— Кирюша... Что с тобой случилось?

Она смотрела так, словно у нее что-то сильно болело. Или не у нее? Кирилл вдруг отчетливо вспомнил, как в тре-

тьем классе, в весеннем походе, она с таким же лицом бинтовала Петьке Чиркову разбитый локоть.

— Что, Зоя Алексеевна? — спросил он, уже догадываясь и все-таки не веря.

— Мне Анна Викторовна рассказала... Кирюша, неужели это правда?

Кирилл быстро глянул ей в доброе, почти старушечье лицо и сразу опустил глаза. Переглотнул. Оказывается, спокойствие в нем было очень хрупкое. Как тонюсенькая стеклянная стенка. Сейчас лопнет эта стенка — и вся горечь, вся обида, накопившаяся в классе, рванется слезами. Как вода из разбитого аквариума.

«Зеленый павиан Джимми...»

Он поднял опять глаза, не побоялся, хотя они были уже мокрыми. Пускай! Зоя Алексеевна видала и не такое.

А она... Она, видимо, поняла этот взгляд совсем не так.

— Кирюша! Как же ты мог? Ты хотя бы признался? Если это первый раз, тебя простят.

Это было уже слишком, и зеленый Джимми не мог тут помочь. Кирилл закусил губу.

— Я признаюсь, — сказал он с трудом. — Сейчас... Вот в чем... Зоя Алексеевна, мы вам все на свете доверяли. Мы вас так любили...

Она закивала, глядя на Кирилла добрыми глазами.

— И я вас... — произнес он сипло. — Лучше вас никого для меня в школе не было.

Она все кивала и, видимо, чего-то ждала. Но Кирилл молчал.

— Вот видишь, — проговорила Зоя Алексеевна. — Вот видишь, Кирюша. А теперь...

— А теперь вы меня предали, — тихо сказал Кирилл.

И побежал к двери.

Глава 3

Про зеленого павиана Кирилл узнал от Деда. А с Дедом он познакомился зимой. Кирилл точно помнил, когда это случилось: двенадцатого февраля в пятьдесят пять минут

второго. Если бы всерьез отвечать на вопрос Евы Петровны о Кирилле, «когда это началось», можно было бы твердо назвать дату и час.

Падал мягкий снег, который щекочет лицо и тает на губах, оставляя запах лыжни и зимнего леса. Зима шла к концу, но было похоже на Новый год.

Кирилл сидел в сквере напротив булочной и ждал, когда кончится перерыв. Раньше магазин работал по воскресеньям без перерыва, а сегодня — пожалуйста: закрыто на обед! Ждать надо целых пятнадцать минут.

Кирилл не двигался. Ему пришло в голову провести опыт: узнать, сильно ли заснежит человека, если он просидит неподвижно четверть часа. Может быть, поверх шапки вырастет снежная папаха, на коленях — белые подушки, а на плечах пышный воротник? И прохожие будут думать, что вот сидит мальчишка, замороженный Снежной королевой...

Но просидеть так все пятнадцать минут Кириллу не удалось. Неожиданно он услышал сухой звук — будто наступили на пустой спичечный коробок. Осторожно, чтобы не стряхнуть снег, Кирилл повернул голову.

Курчавый парень лет двадцати надел на объектив «Зенита» крышку, сдул с аппарата снежинки и неторопливо застегнул футляр. Потом встретился с Кириллом глазами и улыбнулся.

Он не понравился Кириллу. Близко сидящие темные глаза были какими-то чересчур острыми, пестрая поролоновая куртка — крикливо модной, а улыбка показалась высокомерной. К тому же Кирилл не любил тех, кто ходит зимой с открытой головой, считал это пижонством. А фотограф был без шапки, и снег запутывался в его черной кудрявой шевелюре.

— Зачем вы меня сфотографировали? — спросил Кирилл негромко, но довольно придирчивым тоном.

Курчавый фотограф еще раз улыбнулся и объяснил:

— Ты хорошо вписываешься в пейзаж. Кругом снег, и ты тоже заснеженный. Замороженный, будто в сказке.

Это показалось Кириллу совсем обидным: парень словно без спросу прочитал его мысли. Кирилл сказал:

— Значит, я деталь пейзажа... Вроде пенька или коряги...

— Да вовсе нет! — энергично запротестовал фотограф. —

Пенек, он — мертвый. А человек оживляет пейзаж, смысл придает.

С этими словами парень подтащил к скамейке большую, нагруженную чем-то тяжелым сумку, смахнул снег и сел рядом с Кириллом. Не вплотную, но достаточно близко. Снежная сказка кончилась. Это еще больше раздосадовало Кирилла.

— А зачем вам моя фотография? — хмуро спросил он.

— Ну, мало ли... В альбом вклею. Может быть, на стену повешу. Буду смотреть...

— А что тут такого интересного? Смотреть...

— Каждый человек интересен, — серьезно сказал фотограф, — потому что каждый — представитель человечества.

«Представитель человечества» — это звучало солидно. Будь Кирилл помладше, он бы начал таять от удовольствия. И спросил бы: «Значит, я тоже представитель?» Но сейчас он на эту удочку не клюнул. Он сказал:

— Разве все представители человечества интересные? Бывают дураки всякие, бывают жулики и бандиты. И просто... нахальные.

— Такие, кто без спросу фотографирует, — серьезно откликнулся курчавый незнакомец. — Ну, я же не знал, что ты так... болезненно отнесешься. Что же теперь мне делать? Пленку засветить?

— Ладно, не надо, — небрежно сказал Кирилл и посмотрел на большие часы у входа в сквер. Было без двух минут два. Кирилл глянул на соседа. Вблизи тот выглядел старше и казался немного утомленным. Он достал сигарету, похлопал по карману, повернулся к Кириллу:

— Спичек нет случайно?

Кириллу это опять не понравилось.

— Не курю, — ответил он. — Понимаете, бросил недавно. Печень, склероз и все такое...

Парень хмыкнул себе под нос. Объяснил:

— Я ведь сказал «случайно». Может, на сдачу дали...

Кирилл опять посмотрел на часы. Было ровно два, но магазин не открывался.

— «На сдачу», — буркнул Кирилл. — Где дадут сдачу, если закрыто?

Фотограф кивнул:

— Я тоже жду...

За стеклянной дверью магазина замаячила белая фигура, и дверь приоткрылась. Парень встал, сунул смятую сигарету в карман, подхватил свою громадную сумку с двумя длинными ручками и, перегнувшись на один бок, зашагал к булочной. Он заметно прихрамывал.

Кирилл подождал несколько секунд и пошел следом.

В магазине он сунул в авоську два батона и половинку украинского каравая, прихватил пирожок с повидлом, чтобы пожевать на ходу. Он почти забыл о курчавом незнакомце, но, когда вышел на улицу, увидел его снова.

В одной руке парень тащил полиэтиленовый пакет с батонами, в другой сумку, которая весила, наверно, килограммов двадцать. «Что в ней такое?» — машинально подумал Кирилл. Парень словно услышал его. Посмотрел и улыбнулся опять. Теперь это была другая улыбка: немного настороженная и виноватая какая-то. Парень словно просил: «Ты не смейся, пожалуйста, что я так неуклюже ковыляю со своей тяжестью...»

Кирилл не успел сразу отвести взгляд. А когда отвел, уходить было уже неловко. «Вот так всегда с тобой...» — обругал он себя. Подошел и сказал, глядя в землю:

— Дайте одну ручку... Вам далеко?

Парня звали Геннадием. Жил он в Заовражке — старом районе, где все улицы были похожи на деревенские. Весной там пышно цвела над косыми заборами черемуха, летом дороги зарастали мелкой травой, а зимой лежали вдоль улиц длинные сугробы и над заснеженными крышами стояли прямые столбы дыма.

От многоэтажных кварталов, где жил Кирилл, до Заовражка полчаса ходьбы. А если на автобусе — тоже полчаса, потому что автобус идет окружным путем, через большой мост. Этот мост построен над оврагом, в котором течет глубокая речка Туринка. Недалеко от моста Туринка сливается с другой речкой, у которой громкое название — Ока...

Сначала Кирилл решил, что поможет нести сумку только до автобусной остановки. Потом пробурчал: «Да ладно, я не тороплюсь» — и поехал. И оказался наконец на улице Оси-

пенко, у дома номер четырнадцать, перед калиткой со старинным железным кольцом.

— Вот и приехали. Заходи, — пригласил Геннадий.

Дом был большой, с застекленной верандой, выходящей во двор. Кирилл увидел старое, но уютное крыльцо. Однако Геннадий не пошел к этому крыльцу. Они с Кириллом потащили сумку дальше — к низкому бревенчатому сараю. Геннадий ногой толкнул дверь — и навстречу пахнуло теплым воздухом.

После улицы Кириллу показалось, что внутри жарко. Под потолком горела сильная лампа. В углу бодро гудела жестяная трехногая печурка. У длинного верстака несколько мальчишек возились с какими-то просверленными планками. А посреди сарая стояла на подставках из досок тяжелая черная шлюпка.

«Шестивесельный ял, — машинально определил Кирилл. — Как он сюда попал?»

У стены Кирилл увидел свежеструганную мачту. Она была не шлюпочная. Двусоставная, со стеньгой и решетчатой марсовой площадкой, она была копией мачты с крупного парусника.

Над верстаком висел чертеж, сделанный на голубой миллиметровке: та же шлюпка, но с кормовой надстройкой, узорчатой приставкой на носу — княвдигедом, с бушпритом, большой грот-мачтой, маленькой бизанью, с треугольниками носовых парусов.

«Ясно...» — подумал Кирилл, и сердце его стукнуло. Ясно было еще не все, но главное он уже понял.

Пятеро мальчишек обступили Геннадия:

— Ура, Дед краску притащил! Живем!

— И хлебушек! Чай поставим!

— Дед, а лак тоже привез?

Геннадий, охотно откликаясь на странное имя Дед, сообщил:

— Все привез... Гостя привез. Он мне помогал сумку тащить. Не то что некоторые лодыри.

Раздался негодующий вопль. Оказывается, пока Дед, никого не предупредив и не позвав на помощь (сам виноват), ездил за краской, «лодыри» провернули массу работы: выточили

кофель-планки, подогнали к бортам руслени, а Митька в это время доблестно шпаклевал коварные щели у ахтеркницы.

— Сдаюсь, сдаюсь, — сказал Дед. — Вы герои. Знакомьтесь с гостем, его зовут Кирилл.

Высокий веснушчатый паренек с серьезными глазами первый протянул руку и сказал, что его зовут Алик. Смуглого, похожего на кавказца мальчишку звали Валеркой, рослого белобрысого паренька лет четырнадцати — Саней. А еще было два Юры — Кнопов и Сергиенко. Они так и представились: по имени и фамилии. Видимо, чтобы Кирилл их отличил друг от друга. Отличить на первый взгляд было трудно: оба коренастые, рыжеватые, улыбочивые и деловитые. Похожие, как братья. Кирилл сразу понял, что они крепкие друзья между собой.

В это время из шлюпки выбрался пацаненок лет семи или восьми, курчавый, как Дед Геннадий. В большом не по росту, вязаном жилете, к которому прилипли опилки и стружки, в мятых коротеньких штанах и продранных на коленях колготках. Вся одежда мальчишки была густо уляпана коричневой краской. Нос, уши и щеки тоже были перемазаны.

Дед сказал:

— Эту беспризорную личность зовут Митька.

Митька серьезно протянул ладошку, но увидел, что она в краске, и вместо ладони подставил локоть. Все засмеялись, потому что локоть тоже был вымазан.

Только Кирилл не засмеялся. Он подержался за острый локоток мальчишки и поймал себя на мысли, что ему очень хочется набрать воздуха и дунуть на курчавую Митькину голову, чтобы застрявшие в волосах стружки разлетелись, как желтые бабочки.

Митька продолжал серьезно смотреть на Кирилла и неожиданно спросил:

— Ты видел привидения?

— Что? — растерялся Кирилл. Но потом среагировал: — Конечно. У нас дома их два. Одно совсем ручное — белое и пушистое, вроде кошки. За холодильником живет.

— Врешь, — разочарованно сказал Митька.

— Не вру. У него скоро детеныши будут, могу одного принести.

— А ты еще придешь?

Кирилл опустил глаза. Он знал, что придет. Он понял, что это судьба. Но, конечно, он не решился сразу спросить: «А можно мне с вами?»

На полу, под верстаком, сложены были кучкой деревянные, просверленные в трех местах кружочки величиной с блюдце для варенья. Один откатился и лежал у самых ног Кирилла. Кирилл поднял его. И сказал, слегка смущаясь:

— А чего это у вас юферсы по полу раскиданы? Разве лишние?

На него посмотрели сначала удивленно, а потом с улыбкой и пониманием. В сухопутном городе, где речки Ока и Туринка в самом глубоком месте были мальчишкам по пояс, едва ли нашлось бы десять человек, знающих, что деревянный блок для набивки стоячего такелажа называется «юферс».

Вечером Кирилл сказал отцу:

— Папа, я познакомился с твоим знакомым...

— Кто же это?

— Геннадий Кошкарев. Он у вас на заводе фотолабораторией заведует. Он говорит, что знает тебя. Ты ведь его тоже знаешь?

— Ну как же... Знакомы, — отозвался отец, без особого, впрочем, восторга.

— А что? — встревожился Кирилл. — У вас, что ли, это... служебные трения, да?

Отец усмехнулся:

— Да нет, пожалуй... Характер у него тяжеловатый.

— Почему? — удивился Кирилл.

— Кто же знает? У каждого свой характер... Может, из-за несчастья. Он кино съемкой увлекается, хотел после школы на кинооператора учиться, да попал под машину, ногу ему повредило. Говорят, почти год в больнице пролежал, а хромота все равно осталась... Впрочем, я это понаслышке знаю...

— Разве с хромотой нельзя быть оператором?

— Может, и нельзя. Оператор — профессия подвижная. А может быть, можно, да не сумел. Наверно, были причины... А снимает он хорошо. Талантливо.

— Сегодня меня на улице снял. Так и познакомился...

Папа, он с ребятами парусник строит, под старину. Из шлюпки передельывает... Он меня в команду берет...

Отец оживился:

— Кошкарев судно строит? Вот не подумал бы! Я считал, что он весь в кинофотозаботах. Ай да Тамерлан!

— Почему Тамерлан?

— Так его иногда именуют. Помнишь, был хромой заводитель — «Гроза Вселенной»?

— Помню. А Гена-то почему гроза?

— Он редактор «Комсомольского прожектора». И не приведи господь попасть под объектив с чем-нибудь таким... отрицательным. Недавно выпуск сделал про захламленность в цехах. Потом партком заседал...

— Ему попало? — встревожился Кирилл.

— Если бы ему... — с хмурой усмешкой сказал отец.

— Ну... значит, он справедливый выпуск сделал? — как можно деликатнее спросил Кирилл.

Отец вздохнул:

— Может, и справедливый... со своей точки зрения. Только ведь захламленность не от хорошей жизни была, есть масса причин... А впрочем, дело уже прошлое. Как говорится, все к лучшему.

— Ты на него злишься? — прямо спросил Кирилл.

Отец засмеялся.

— Мало ли на кого разозлишься в горячке... Ты что, уже влюбился в него?

Кирилл ответил уклончиво:

— Я в «Капитана Гранта» влюбился. Так парусник называется.

Отец серьезно сказал:

— Ты не сомневайся, Кошкарев — парень честный. Только вспыльчивый чересчур, сердитый.

Кириллу Дед вовсе не казался вспыльчивым и сердитым. Даже если ребята вместо дела устраивали возню, Дед не ругался и не покрикивал, а только укоризненно смотрел и брался за работу сам. Словно говорил: «Ну вы как хотите, а я считаю, что мы собрались не дурака валять». Иногда это помогло.

После работы, когда все расходились, Кирилл, бывало, оставался с Дедом. Они гасили печку, чтобы не случилось ночью пожара, подбирали с пола забытые инструменты. Потом садились на скамью перед недостроенным корпусом парусника и молчали. Кирилл мысленно дорисовывал корабль: узорную кормовую надстройку, белую рубку с точеными перильцами, поднявшиеся мачты, ванты, паруса... Гафельный кеч «Капитан Грант» обещал быть красивым, как хорошая песня. Может быть, это неточное сравнение, но другого Кирилл не мог придумать. И когда Кирилл представлял, как вырастает корабль, он словно сочинял эту песню.

У Деда, видимо, были похожие мысли. Однажды он сказал:

— Еще зима, снег кругом, а ведь все равно будет лето. И поплывем... Вот закрою глаза — и сразу вижу, как паруса отражаются в синей воде...

Кирилл придвинулся к Деду и кивнул.

— А ты немногословен, мой юный друг, — сказал Дед. — В первый день ты мне показался как-то... ну...

Кирилл улыбнулся:

— Нахальнее, да?

Дед виновато развел руками. Кирилл сказал:

— Сам не знаю, что на меня тогда нашло... Вообще-то я довольно тихий и примерный, — добавил он с еле заметной насмешкой.

— Это в школе так говорят?

— Везде... Я до третьего класса вообще мало говорил, я заикался.

— Сейчас незаметно...

— Прошло... Я петь полюбил, тогда это и кончилось. Меня учительница Зоя Алексеевна к пению приучила.

— И сейчас поешь?

— В школьном хоре. Только мне там не нравится. Туда многих без всякого согласия посылают, это плохо. Зачем, если не хочется петь?

— Но тебе-то хочется?

Кирилл мотнул головой:

— Нет, мне там тоже не нравится. Руководитель новый

появился, крикливый какой-то... И песенки все детские... Я бы ушел...

— А почему не уйдешь? Спорить не хочешь?

Дед спросил это без насмешки — серьезно и по-хорошему. Кирилл почувствовал, как защипало в глазах, и хмуро признался:

— У меня какое-то свойство дурацкое. Сам не знаю почему... Вот увижу что-нибудь несправедливое, начну спорить — и вдруг слезы.

Дед понимающе кивнул:

— Это бывает иногда...

— У меня не иногда, а каждый раз... Сейчас даже больше, чем раньше, — сердито сказал Кирилл и переглотнул. — Ты никому не говори... Может, я больной?

Дед засмеялся и положил свою ладонь Кириллу на затылок:

— Что ты, Кир... Твоей беде помочь совсем легко.

Кирилл удивленно поднял повлажневшие глаза.

Дед глянул в эти глаза и доверительно произнес:

— Как в горле заскребет, вспомни зеленого павиана Джимми.

— Какого павиана? — очень удивился Кирилл.

— Я же говорю: зеленого. Сразу представь себе зеленого павиана Джимми, и все пройдет... Это меня в детстве дядюшка научил. Здорово помогает, честное слово.

Кирилл помигал и неловко улыбнулся:

— Я... ладно, попробую. — И подумал: как жаль, что не знал про Джимми осенью. Про тот случай до сих пор стыдно вспоминать. Ева Петровна оставила весь класс после уроков за то, что будто бы безобразно вели себя в столовой и разбила два стакана. Свинство какое! Ведь ей сто раз объясняли, что никто не дурачился и не бил! Кирилл кипел, кипел внутри, потом встал и приготовился сказать, что все это несправедливо и она не имеет права... А вместо слов получились всхлипы, и он разревелся, как дошкольница, у которой отобрали новый мячик.

Евица-красавица сказала:

— Векшин, ступай домой. Ты-то ни в чем не виноват, я знаю.

Кирилл схватил портфель и выскочил в коридор. Получилось, что ни за кого он не заступился, а только себе заработал прощение. Вырвел! Это в двенадцать-то лет... Нет, зеленый павиан — это, кажется, неплохо (глаза, между прочим, высохли). В этом что-то есть.

Но тут же Кирилл встревожился:

— А Митька? Он разве не знает про павиана?

Дед снисходительно сказал:

— Митька если ревет, то от страха или от вредности. Здесь уж Джимми бессилён.

Глава 4

Митька был вертлявой личностью восьми с половиной лет: круглолицый, но щуплый, с черными быстрыми глазами и очень красными мокрыми губами — он их постоянно облизывал. Звали его чаще не просто Митька, а Митька-Маус. Вроде Микки-Мауса, знаменитого мышонка из мультфильмов. Но такое прозвище ему дали не за доблести, а за то, что он все время ходил с каким-нибудь хвостом. То за ним таскался обрывок веревки, то высовывалась из кармана длинная сетка-авоська, то шуршала по полу оторванная лямка штанов, то цеплял всех за ноги самодельный кнут, которым Митька-Маус любил что-нибудь сшибать: весной сосульки с карнизов, летом головки одуванчиков.

Митька-Маус чудовищно боялся привидений. Чтобы оправдать свои страхи, он всех уверял, что привидения на самом деле есть, и рассказывал, как с ними встречался. Эти жуткие истории потихоньку записывал Алик Ветлугин: он сочинял фантастические романы, и ему нужен был материал.

По вечерам Митька-Маус ни за что не соглашался оставаться один в комнате или мастерской, поднимал рев. Это доставляло Деду массу хлопот.

Была у Митьки еще одна черта, очень неудобная для Деда. Вездесущий Маус каждый день собирал на себя краски, сажу, ржавчину, пыль, мел и клей. Постоянной заботой Деда было отмывать Митьку по вечерам.

Чертыхаясь, Дед грел в баке для белья воду — зимой на

плите, летом на костре посреди двора. Потом заталкивал двоюродного внука в старинное корыто, похожее на железный саркофаг, и драил несчастного Мауса суровой капроновой мочалкой. По комнате разлетались мыльные хлопья, радужные пузыри и Митькины вопли. Вopil Митька наполовину шутя, а наполовину всерьез, потому что жесткой мочалки и едучего мыла боялся лишь немного меньше, чем привидений.

— Не дергайся, подкидыш! — рычал Дед.

На «подкидыша» Митька не обижался. Он даже сам себя так иногда именовал.

Митькины родители — Генина племянница Надежда и ее муж Виктор — обитали в другой половине дома. Этот ветхий, но просторный дом остался от Гениной бабушки. Многочисленные родственники от такого наследства отказались, у них были квартиры, а у Геннадия и его племянницы своего жилья не было, и они позапрошлым летом вступили во владение старинной постройкой, в которой, безусловно, водились привидения и домовые.

Первый год жизнь в доме протекала безоблачно для всех, в том числе и для Митьки. Он лазил на захламленный чердак (днем, конечно), зимой строил во дворе крепости, летом играл с приятелями в прятки — было где. И не подозревал, какие тучи собираются над его курчавой головой.

А Митькины папа и мама тем временем окончили геологический факультет и в сентябре должны были отправиться в экспедицию.

Родители Надежды и Виктора жили далеко, мама Геннадия часто болела и возиться с двоюродным правнуком не могла. Обалдевшего от неожиданной беды Митьку устроили в интернат.

Митька прожил в интернате четыре дня и все это время безутешно горевал о доме. На пятый день он сбежал.

Отец, мать и примчавшаяся следом воспитательница три часа уговаривали Митьку покориться судьбе. Митька сперва говорил «не...». Потом просто молчал, мертво вцепившись в рычаг на чугунной дверце у печки-голландки. Тащить Митьку в интернат вместе с печкой воспитательница отказалась и ушла, грохнув дверью. Митькина мама затравленно вздрог-

нула и убежала следом. Доведенный до полного отчаяния отец отстегнул от походного планшета ремешок и сложил вдвое.

— Ну и пусть, — шепотом сказал Митька. — Все равно не поеду.

Он не вырывался и не пытался защититься, но от крика удержаться не смог. Крик услышал со двора Геннадий. Он ворвался в комнату, взял в охапку папашу-геолога и швырнул в угол на стул. Затем сказал, что если еще раз узнает про такое дело, то заставит бездарного родителя сожрать этот ремешок вместе с защелками и кольцами.

Митькин отец посмотрел на Геннадия, на зареванного, встрепанного Митьку и едва не заревел сам. Он сообщил, что готов съесть дюжину ремней, и не таких, а флотских, вместе с пряжками, если ему скажут, что теперь делать. Менять профессию? Вернуть в институт дипломы? Повеситься? Сорвать экспедицию? Посадить Митьку в рюкзак и взять с собой? Или, может быть, благородный заступник сам готов полтора месяца нянчиться с ненаглядным двоюродным внуком?

Геннадий вышел из себя и сказал, что черт с ними, готов. Потому что от таких родителей Митьке проку, что от вороны пенья.

Через день Надежда и Виктор уехали, а Дед сразу ощутил всю радость родительской должности: будить, кормить, отправлять в школу, приводить с продленки, проверять уроки и объясняться с учительницей по поводу грязных тетрадей, мятой формы и «вызывающего поведения».

А через неделю Митька заболел жестокой ангиной, и Дед не спал несколько ночей. Говорил потом, что боялся: вдруг уснет, а с Митькой случится что-нибудь страшное.

Ничего особенного не случилось. Несколько дней Митька не вставал, потом дело пошло на поправку.

По вечерам, чтобы Митька не скучал, Дед рассказывал ему сказку про Кота в сапогах. На новый лад. Кот фехтовал, как мушкетер, скакал на лошади, стрелял, как ковбой, воевал с хищными пришельцами из космоса и совершенно не боялся привидений, потому что их нет и быть не может.

Многосерийную сказку Митька слушал с величайшим наслаждением, но привидений все равно боялся. И если Дед

Геннадий допоздна печатал снимки или проявлял киноплёнки, Митька устраивался спать в комнате-лаборатории на узком диванчике, изготовленном в середине девятнадцатого века.

Дед прощал Митьке его слабости. Если человека любишь, ему многое прощаешь. К тому же у Митьки были и хорошие качества. Он умел работать. Когда надо было законопатить и зашпаклевать щели в самых недоступных уголках шлюпки, посылали вертлявого Мауса. И если он разбивал макушку, ползая под палубой, то не пищал и не боялся йода.

Кроме того, именно Митька набрал для «Капитана Гранта» работников и матросов.

Когда Геннадий Кошкарев отыскал на берегу Андреевского озера старую шлюпку и решил, что пришла пора осуществить давнюю мечту — построить маленький, но настоящий корабль, ему обещали помощь два взрослых приятеля. С ними Дед и перевез шлюпку в город. Это было в конце прошлого лета. Осенью же один приятель начал писать кандидатскую диссертацию, а второй женился, и жена убедила его, что возиться с кораблями не солидно.

Тогда и пришел на выручку Митька. Через своих приятелей он узнал, где в округе есть люди, равнодушные к парусам. Привел сначала деловитого Саню Матюхина, потом Алика Ветлугина и Валерку Карпова, выгнанных за случайные школьные двойки из кружка судомоделистов при домоуправлении (правда, там они строили модели катеров и понятия не имели, чем шхуна отличается от фрегата). От Алика узнали про корабль неразлучные Юрки...

И дело пошло, потому что мальчишки попались дружные, диссертации и женитьбы им не грозили, а строительство двухмачтового крейсерского парусника они считали вполне серьезной работой, не игрушками.

Только один раз Кирилл видел, как Дед всерьез рассердился на Митьку-Мауса. Это было в середине июня. «Капитан Грант», уже с надстройками и рубкой, почти готовый к спуску, стоял во дворе. Рядом лежали грот-мачта и бизань-мачта с надетыми вантами. Юрки в третий раз красили черной эмалью борта, Алик и Валерка привинчивали к белой рубке длинные иллюминаторы из оргстекла. Кирилл, Саня и

Дед расстелили на траве главный парус — грот — и суровыми нитками обметывали в парусине специальные отверстия — люверсы.

Митька сидел под высокой кормой, украшенной точеным узором, и покрывал оранжевой краской спасательный круг, который Дед хитрым путем раздобыл через завком. Красил, конечно, не только круг, но и себя.

Насмешливый Валерка покосился на Митьку и громко сказал:

— Опять будет Деду вечером работа — Мауса отскребать.

Митька сообщил, что, если Валерка не умолкнет, отскребать придется их двоих. Причем Валерку больше.

— Не догонишь, — сказал Валерка. — Ты все равно к краске прилип, не отклеишься.

Митька-Маус вскочил и с грозным кличем помчался к ехидному Валерке. Тот пустился через двор. Митька запнулся за Дедовы ноги и полетел на парус. Он успел по-кошачьи извернуться в воздухе, упал не на парусину, а рядом, но правой рукой все же врезался в верхнюю часть грота. И отпечатал свою ладонь.

Вот тут-то Дед помянул всех морских и сухопутных чертей, обозвал Мауса балбесом и разгильдяем и мрачно посоветовал ему собирать чемоданчик, чтобы ехать в пионерский лагерь. В этот лагерь Митьку активно пытались сплавить родители.

Митька молчал и отчаянными глазами смотрел на черное дело своих рук. Точнее, на оранжевое дело. Потом тихонько заревел.

Сначала все ужасно опечалились. Масляную краску до конца не отскрести и не отстирать, значит, нужна заплатка, да еще с двух сторон: оранжевая лапа Мауса проступила сквозь парусину.

И вдруг Кириллу пришла в голову счастливая мысль:

— Слушайте, а ведь у яхт всегда есть знаки на парусах! Всякие эмблемы! Пускай у нас будет знак руки.

— В честь чего это? — хмуро спросил Дед. — В честь этого обормота?

Но было уже ясно, что мысль подходящая.

— Это будет означать, что мы все сделали своими руками, — разъяснил Алик Ветлугин.

Они в самом деле почти все сделали сами, если не считать дырявого старого корпуса шлюпки. Но и его пришлось приводить в порядок: менять доски обшивки, обдирать, олифить, шпаклевать, шкурить, красить... И паруса выкраивали сами, только шивать на машинке помогала Митькина мама, которую ребята почтительно называли Надеждой Николаевной. А сам Митька добросовестно исколол иголкой все пальцы, пришивая к парусным кромкам пеньковую веревку — ликтрос. И, вспомнив про это, все решили, что будет даже справедливо, если Митькина ладонь навеки останется на парусине.

Дед проворчал, что только чудо спасло бестолкового Мауса от ссылки в лагерь «Веселые Ключи». Все понимали, что угроза была липовая, но торжественно поздравили Митьку. Потом Дед поаккуратнее прорисовал на парусине Митькину ладошку, обвел ее оранжевым кругом, а к этому кругу присоединил острые лучи.

Получилась ладонь в солнышке. Так и появилась эмблема «Капитана Гранта».

В тот вечер с делами управились поздно, и Дед сказал:

— Кир, ночуй у меня. Завтра с утра опять работа.

Кирилл сбегал к автомату и позвонил домой. Мама разрешила: у Векшиных гостила бабушка, она вместе с мамой нянчилась с Антошкой, и без помощи Кирилла могли обойтись.

Остальные позавидовали: им тоже хотелось ночевать у Деда. Кроме Кирилла, все жили близко, поэтому быстренько сгоняли домой и отпросились.

Улеглись в сарае, где недавно стоял «Капитан Грант». Дед притащил кучу старых пальто и одеял. Утроили постели и думали, что будет веселая ночь с болтовней, страшными рассказами и шутками.

Но утомление сразу дало себя знать. Алик успел рассказать только одну короткую историю про сиреневых марсиан и засопел в начале второй. Остальные тоже притихли.

Кирилл не спал. Усталость ровно гудела в каждой жилке. Горели от солнца плечи, тихонько ныли исколотые пальцы, но это было не страшно и даже приятно. Пахло сухой травой,

теплым деревом и краской. Тихонько посвистывал носом отмытый Митька. В полуоткрытой двери светилось закатное небо. Кирилл слышал, как во дворе возится с железным козырьком Дед. Потом к нему подошла Надежда Николаевна.

— Улеглись морские волки? — спросила она.

— Спят уже. Умотались.

— А Митя как?

Кирилл услышал, что Дед усмехнулся:

— Как всегда: носом в коленки и досапывает.

— Спасибо тебе за Митю, Гена.

— Да ну, что ты... — растерянно откликнулся Дед. Помолчал и вдруг сказал: — Это тебе спасибо, Надюша.

— Господи, мне-то за что?

— Да вот так... Лучше мне с ним. Теплее, что ли...

— Теплее... Зато и хлопот сколько... Безалаберный он.

— Митька как Митька. Он боевой. Видишь, помог мне экипаж набрать.

Надежда Николаевна тихонько засмеялась:

— Мало тебе одного хулигана...

Дед, кажется, тоже засмеялся. Потом сказал немного удивленно:

— Никогда не думал, что с ребятами свяжусь. Еще в школе комсомольское поручение давали вожатым быть у пятиклассников, так я как от чумы... Хоть режьте, говорю, а не буду. А теперь вон целое семейство.

Надежда Николаевна вздохнула и тихо (Кирилл еле слышал) сказала:

— Своего тебе надо, Гена.

Дед промолчал и так же тихо ответил:

— Чего теперь об этом...

— Никак не пойму, что у вас получилось с Катей... Она же тебя любила.

— Жалела, — хмуро сказал Дед.

— Жалость без любви не бывает. Если и жалела, что плохого? Почему говорят, что жалость — это обязательно обидно?

— Да она себя жалела. И гордилась... Такая великодушная: за калеку вышла.

— Генка, да ты дурак! — как-то по-девчоночьи, тонким

голосом воскликнула Митькина мама. — Ты же все сам придумал! Ну, что такого страшного с твоей ногой!

— Да я не про ногу, а вообще... Про неудачи. Она думала, что из меня знаменитый кинематографист получится, а все не так...

— А ты не мучайся. Все у тебя еще впереди.

— А я и не мучаюсь, — сказал Дед. — Это с виду у меня жизнь сейчас растрепанная, а на душе спокойно, честное слово... Видно, сам не знаешь, где чего найдешь. Ну, вот кто поверит, что может быть такая радость: ходить в темноте между мальчишками, слушать, как дышат, укрывать получше...

— Я поверю.

— Ты сказала: своего надо. Конечно... Только знаешь, этих я бы все равно не оставил. Сперва думал: просто работники, экипаж, чтобы с кораблем управляться. А вышло, что главное не корабль, а они.

— Хорошие ребята, — согласилась Надежда Николаевна. — Славные... Только вот этот, тошенький такой, светлоголовый... Кирилл, да? Непонятный какой-то.

— А что непонятного? — настороженно спросил Дед.

— Не знаю. Диковатый, что ли... И немного беспризорный.

— Просто он стеснительный. А что касается беспризорности, то все они охломоны.

— Все — это другое дело. А у него отец на большом посту, важная фигура. Казалось бы, мальчик из такой семьи... Как-то поинтеллигентнее должен выглядеть...

Дед засмеялся:

— Ты приглядишься. Дело ведь не в растрепанной голове. Он иногда таким аристократом может быть...

«Мамочки! Это я-то?» — простонал про себя Кирилл.

А Дед, помолчав, добавил:

— Нет, Кир хороший. Он мой друг.

Кирилл благодарно улыбнулся в темноте, вздохнул тихонько и начал засыпать.

До того вечера Кирилл никогда не думал, что отец у него «важная фигура». Он понимал, конечно, что у отца сложная

и большая работа — главный инженер завода отвечает за все производство, — но при чем здесь важность.

«Важная фигура» — это звучало как «большой чин». Жили Векшины совсем не роскошно, в малогабаритной квартире, дорогими подарками Кирилла не баловали, если не считать велосипеда (но это было потом). Порой бывало трудно с деньгами, особенно когда родился Антошка и мама уволилась, а расходов прибавилось.

Внешность Петра Евгеньевича Векшина тоже не отличалась солидностью и важностью. Он был невысокий, лысый, с круглым животиком, да и весь какой-то кругловатый. Когда волновался или хотел что-то доказать, начинал мелкими шажками быстро ходить по комнате, заталкивая большие пальцы за подтяжки на плечах, и оттягивал тугие резиновые полоски вверх. Словно старался приподнять себя над полом.

Кирилл не огорчался, что у отца не героический вид. Он просто не представлял, что папа мог бы выглядеть иначе. К тому же Кирилл знал, что в молодости папа служил на границе, да еще был перворядником по стрельбе и лыжам. Согласитесь, что это не хуже, чем геркулесовы плечи или мушкетерские усы.

В последние годы Петр Евгеньевич спортом не занимался, но кое-какие навыки сохранил. Кирилл в этом убедился позапрошлой зимой. Он с мальчишками гонял шайбу на асфальтовой площадке перед домом, а Петр Евгеньевич шел откуда-то веселый и довольный.

Поглядел, как нападающие лупят мимо ворот, и сказал с чувством:

— Эх, мазили!

Игроки остановились, и сердца их наполнились тихим возмущением. Даже Кирилл оскорбился.

— Обзывать легко, — сказал он. — Попробовал бы сам.

— А чего ж! Давай! Могу один против команды!

Ребята засмеялись.

Тогда Кирилл обиделся и немного испугался за отца. И за себя. Теперь все будут дразнить: папа — звезда хоккея.

Отец коротко глянул на него и сказал:

— Дай-ка клюшку.

Кирилл вздохнул и дал.

— Начали, — небрежно предложил Петр Евгеньевич пятерым противникам.

Те восторженно заорали и бросились в атаку. Они были уверены в победе. И напрасно. Петр Евгеньевич обвел нападающих, пробился, как пушечное ядро, сквозь защиту и тут же вклепал противнику первую шайбу. Потом заколотил им еще три.

Кирилл таял от гордости.

— Хватит, — сказал отец. — Играете вы прилично, однако со старой гвардией связываться вам рановато... Пошли, Кирилл, обедать.

Петр Евгеньевич, видимо, по-мальчишечьи был доволен своим поступком. Он сказал Кириллу:

— Есть еще порох... Здорово я их, а?

— Здорово, — сказал Кирилл, но решил, что небольшая критика не повредит. — Только все-таки ты запыхался слегка. Зарядочку делать надо.

— Ой, надо, — согласился отец. — Понимаю. Самому тошно, брюхо растет. Разве я такой был в розовой юности?

— Не такой, — сказал Кирилл.

У него над кроватью висела в латунной рамке от эстампа большая фотография. На снимке худенький мальчишка в вельветовом костюме — короткая курточка с молнией и брючки, застегнутые под коленками, — мчался по асфальтовому спуску на самодельном самокате. Волосы у мальчишки разлетались от встречного ветра, а глаза сияли от счастья и удали. Это и был Петр Евгеньевич Векшин в возрасте одиннадцати с половиной лет.

Кирилл нашел такую фотографию в бабушкином альбоме и попросил отца увеличить ее в заводской фотолаборатории.

— Зачем тебе? — поинтересовался отец.

— Надо, — сурово сказал Кирилл. — Когда притащу двойку или запись в дневнике и ты начнешь меня воспитывать, я буду смотреть на эту фотографию и говорить: «Папа, папа, а сам ты всегда был образцом успеваемости и дисциплины?»

— Дельная мысль, — согласился отец. — Но лучше повесь мамину карточку. Дневник-то чаще всего смотрит она.

Кирилл грустно вздохнул:

— Какой смысл? Мама всю жизнь была отличницей.

Рядом с фотографией, на фанерной полочке под ящичком из оргстекла, стояла модель кораблика. Вернее, не модель, а просто самодельная игрушка: корпус из сосновой коры, мачты-лучинки, косые лоскутные паруса. Но это была дорогая для отца и для Кирилла вещь. Петр Евгеньевич построил крошечную кривоугольную шхуну, когда ему было семь лет. Этот первый в его жизни кораблик чудом сохранился и потом стал семейной реликвией. А любовь к моделям у отца осталась до сих пор.

Уже третий год Петр Евгеньевич строил большую модель фрегата «Южный ветер». Фрегат с метровыми мачтами стоял на телевизоре и на первый взгляд казался вполне готовым. Но на самом деле работы оставалось еще много: нужно было сделать и укрепить сотни мелких деталей.

Кирилл не увлекался этим делом, как отец. Во-первых, терпения не хватало, а во-вторых, это все-таки модель. Вот если бы настоящий корабль построить!.. Но помогал отцу он охотно. В свободные вечера они усаживались перед фрегатом и дружно занимались оснасткой. Отец вытачивал тоненьким напильничком лапу бронзового якоря или спицу крошечного штурвала, а Кирилл особым узлом вязывал в ванты ступеньки из ниток — выбенки. Это у него здорово получалось.

Они работали и о чем-нибудь разговаривали. А иногда пели морские песни. Папа сипловатым баском, негромко, а Кирилл сперва тоже тихонько, а потом от души...

Однажды Кирилл спросил:

— Папа, ты с детства кораблями увлекаешься, а почему на «Сельмаше» работаешь? Почему не стал судостроителем?

— В нашем-то городе? Бред какой!.. — сказал отец, разглядывая под лампой узорчатую крышку для кормового фонаря.

— Почему в нашем? Поехал бы куда-нибудь. Ты же был неженатый!..

— Не мог я после школы. Мама, твоя бабушка, болела. Ну и пошел я на «Сельмаш». Сперва для заработка, а потом понравилось. Люди хорошие были вокруг, расставаться не хотелось. Знаешь, повезло мне с людьми, до сих пор радуюсь!..

Он надел крышку на фонарь и полюбовался работой. Потом сказал:

— Между прочим, комбайны тоже корабли. Наверно, сам видел, как они по хлебам идут. Будто по волнам. И штурвалы!..

— Видел, — согласился Кирилл.

Но комбайны были все-таки сухопутными кораблями. А Кирилл думал о парусниках. Он предложил:

— Давай построим яхту. Хотя бы маленькую, на двоих.

— А что! Это идея. Вот только время выбрать!..

Но яхта — не модель, время не выбиралось. Хорошо, что судьба улыбнулась Кириллу и привела его на улицу Осипенко!..

На следующий вечер после разговора Деда с племянницей, который невольно подслушал Кирилл, отец попросил:

— Помоги мне бегущий такелаж на фок-мачте провести.

Я понимаю, у тебя сейчас не те масштабы, но уважь престарелого отца.

Кирилл уважил. Они протягивали через крошечные блоки суровые нити и сосредоточенно сопели. Потом Кирилл спросил:

— Папа, а почему у нас нет машины?

Отец так удивился, что запутался в нитках и встал.

— А собственно... Что за бред? Ты почему это спросил?

— Ну... просто.

— Странно... — Отец сунул пальцы за подтяжки и попытался приподнять себя. — Раньше ты об этом не спрашивал. Позавидовал кому-то?

— Да просто так подумал. Можно было бы всем поехать путешествовать!..

Отец заходил из угла в угол.

— В принципе это мысль. Я и сам как-то думал!.. Но видишь ли, машина — это деньги, а у нас все как-то... на более важные вещи. И потом, с машиной столько хлопот: гараж, запчасти, техосмотры!..

Он встал за спиной у Кирилла и смущенно произнес:

— Тогда у нас вот таких вечеров, пожалуй, не будет.

— Мы бы в гараже вдвоем возились. Тоже хорошо, — тихо сказал Кирилл.

— Неужели это так важно? — спросил отец.

Чтобы он не расстроился совсем, Кирилл засмеялся:

— Да ты не думай, что я так уж о машине мечтаю. Я толь-

ко вспомнил. Про тебя говорят, что ты важная фигура, а важной фигуре, по-моему, полагается иметь «Волгу».

— Ну, во-первых, у меня есть служебная. А во-вторых... кто это говорит?

— Ты не знаешь. Женщина одна... Да не о тебе и разговор-то был, а обо мне, — успокоил Кирилл. — Она сказала: «Отец — фигура, а сын — обормот».

— Ну, это другое дело, — с облегчением вздохнул отец. Но потом все-таки спросил: — А собственно, почему ты обормот?

Кирилл вскочил со стула и крутнулся перед отцом на пятке.

— Наверно, из-за такого вида. Мама тоже говорит... Поэтому что босой все время.

— Подумаешь, — сказал Петр Евгеньевич. — Я в твоём возрасте тоже в башмаки не залезал. Босиком приятнее.

Кирилл был вполне согласен с отцом.

Сначала постоянно бегать босиком было трудновато, но потом понравилось. Кирилл теперь не только видел землю, но еще как бы пробовал ее на ощупь: шелковистую траву, нагретый песок у озера, прохладные лужицы на асфальте, которые оставила поливальная машина, горячие чугунные ступени на старинном мостике через овраг, бархатную пыль тропинок. Если даже закрыть глаза, все равно будто все это видишь.

А потом прибавилось еще одно праздничное ощущение — ребристая твердость новеньких педалей. Отец подарил велосипед — авансом в честь еще неблизкого дня рождения.

У Кирилла и раньше был велосипед — старенький, расхлябанный «подросток». Но он совсем рассыпался в прошлом году. А отец купил оранжевый складной «Скиф» — легонький, компактный, с мягким седлом и рулем, как у гоночного мотоцикла.

Кирилл тихонько замычал от восторга.

— Это пока вместо машины, — серьезно сказал отец. — Сгодится на ближайшие годы?

Кирилл нежно сказал:

— Лошадка моя... Да он в тысячу раз лучше машины.

Глава 5

Велосипед, как хорошая лошадь, требует ухода. Например, лошади надо время от времени менять подковы, а велосипеду заклеивать камеры. Этой работой Кирилл и занялся, вернувшись из школы в тот злополучный день, когда случилась история с кошельком. Мама ушла, а Кирилл снял с велосипеда шины...

Антошка вел себя благородно: тихо посапывал и смотрел свои младенческие сны. Но когда Кирилл поставил на место заднее колесо и подтянул конуса, Антошка, видимо, решил, что не стоит слишком баловать брата. Завозился и захныкал.

Кирилл мягко подскочил к деревянной кровати, катнул ее туда-сюда и замурлыкал песню про серого кота. Антошка еще раз хныкнул нерешительно и опять засопел.

И в это время раздался длинный звонок.

Кирилл тихо помянул черта и прыгнул в переднюю. Распахнул дверь. На пороге стояла Женька Черепанова.

Она уже переделалась после школы и была теперь этакая принцесса в желтом мини-платыце, розовых гольфах и бантиках. Подумаешь, воздушное создание...

— Трезвонишь, как на пожаре, — злым шепотом сказал Кирилл. — Ребенок в доме.

— Ой, прости, пожалуйста, я забыла.

Кирилл молча пошел в комнату. Женька двинулась за ним.

— Пыль с улицы можно бы и не таскать в комнату, — заметил Кирилл.

Черепанова стала торопливо расстегивать белые сандаlette. Потом осторожно, словно кошка на горячую железную крышу, ступила розовыми гольфами на колючую циновку из морской травы. Сразу видно, не ходила босиком девочка.

Проснувшийся Антошка не ревел, но и спать не собирался. Пускал пузыри и беззвучно улыбался с видом полностью счастливого человека. Женька на цыпочках подошла следом за Кириллом.

— Ой, какой хорошенький...

Хорошенький Антошка деловито распинал пеленки и выдал крутую прозрачную струю. Женька неловко хихикнула.

— Салют наций, — сказал Кирилл. — В честь прибытия

ее высочества Евгении Черепановой с официальным визитом... Ну-ка подвинься, пеленки буду менять.

— Может быть, тебе помочь? — нерешительно спросила она.

— Может быть, ты умеешь? — ехидно сказал Кирилл.

Он перетащил Антошку на тахту, убрал все мокрое, взял из стопки на тумбочке сухие пеленки. Антошка терпеливо переносил «переодевание».

— С чем пожаловала, мадемуазель Черепанова? — поинтересовался Кирилл. — Впрочем, ясно: донос на гетмана-злодея Петру Евгеньичу от Кочубея. То есть от Евицы-красавицы. «Товарищ Векшин, пожалуйста в школу, ваш сын ведет себя безобразно...»

— С тобой, Кирилл, в самом деле что-то неладно, — гордо произнесла Черепанова.

— Переходный возраст. Мальчик превращается в юношу.

— В грубияна ты превращаешься...

— В грубияна — это что, — печально отозвался Кирилл. — Дело хуже. Воровать начал!

После этого Женька долго молчала. Кирилл перетащил Антошку в кровать.

Женька наконец сказала:

— А ты... почему дома? Сам говорил, что на кухню пойдешь.

— Ах, какая неприятность! Мы думали, Кирилла нет, а родители на месте. Вот бы мы расписали им все его преступления!.. А мама возьми да скажи: «Посиди, Кирилл, с братиком, я сама схожу...» И все ходит где-то, хо-одит... Женьку ждатель она не стала-а... А наш папа на заво-оде. У него конец кварта-ала-а...

Последние, так удачно сложившиеся фразы Кирилл протянул на мотив песенки о мишке, у которого оторвали лапу. Дело в том, что Антошка проявил твердое намерение завопить.

Удивленная Женька примолкла, а Кирилл негромко, но со вкусом спел Антошке про Каховку. Потом «От улыбки хмурый день светлей». Затем «Старого барабанщика». Женьки он не стеснялся. Все равно ему, есть она тут или нет.

Антошка опять задремал. Женька этим воспользовалась и прошептала:

— Ты хорошо поешь...

Антошка подозрительно зашевелился.

— Иди-ка ты в другую комнату, — тихонько, но сурово предложил Кирилл. — Сиди там и жди, если хочешь, родителей. Только зря. Мама и так позвонит отцу с автомата, я ей все рассказал. А отец с работы зайдет в школу.

Женька послушно направилась к двери, но с порога обиженно сообщила:

— Если хочешь знать, я не ябедничать пришла. Просто Ева Петровна сказала: если родители не пойдут, пусть Векшин сам явится за своим портфелем.

— Уже бегу. Изо всех сил.

— Теперь-то уж ни к чему, раз твой папа зайдет...

Кирилл с сомнением посмотрел на Женьку:

— Ты думаешь, папа потащит мой портфель?

— А... не понесет?

Кирилл пожал плечами:

— У него, по-моему, свой тяжелый.

— А что ты будешь делать?

— Ничего не буду, — честно сказал Кирилл. — Пусть Александр Викентьевич делает. Он ведь отобрал.

Женька долго и недоверчиво смотрела на Кирилла. Потом открыла рот, но Кирилл показал кулак: молчи!

В траве сидел кузнечик,
Совсем как человек, —

торопливо начал он.

Было, однако, поздно. Антошка взревел на высоких нотах, сделал паузу и начал выть не умолкая.

Теперь оставалось последнее средство. Кирилл выпрямился, опять покатал туда-сюда кровать и решительно пропел вступление. Антошкин рев сделался в два раза тише. Кирилл начал первый куплет. Антошка еще сбавил звук и наконец совсем притих. Будто понимал суровые слова о грозе и последней дороге...

Второй куплет Кирилл пел тише и сдержанней. Антошка

начал засыпать под печальный, но решительный мотив. Когда песня кончилась, он посапывал, как до прихода Женьки.

Кирилл поднял глаза от кровати и только сейчас вспомнил про Черепанову. Она стояла у косяка и странно смотрела на Кирилла. Хотела что-то спросить, но он приложил палец к губам. На цыпочках прошел мимо Женьки в другую комнату. Здесь было их с отцом государство.

Женька вошла следом и прошептала:

— Это что за песня?

Кирилл усмехнулся:

— Колыбельная для брата... Закрой дверь, а то опять разбудишь.

Женька послушалась и снова спросила:

— А все-таки... откуда эта песня? Кто сочинил?

— Много будешь знать... — буркнул Кирилл. Сел к столу и взял том Конан Дойла с рыцарским романом «Белый отряд».

Женька не стала обижаться. Опять сказала:

— Ты хорошо поешь. Зря ты не ходишь в хор.

— Вам же Ева Петровна объяснила: из ложной принципиальности и глупого упрямства.

— Ну и правильно объяснила... Все назло делаешь. Волосы зачем-то отрастил, а они тебе вовсе даже не идут.

— Ну уж это ты врешь! — Кирилл вместе со стулом повернулся к Женьке. — Волосы как раз «идут». Они мне уши закрывают. Уши-то у меня как у слона!

— Глупости какие!

Кирилл сказал с чудовищно серьезным видом:

— Совсем не глупости. У меня из-за них такая душевная драма была в третьем классе...

— Какая драма? — удивилась Женька.

— Повторяю: душевная. В театре. Я тогда первый раз в театр пошел самостоятельно, один. — Кирилл поднял к потолку глаза. — Ах, какой я был красивый! Красная рубашка в белый горошек, белый галстучек. Первые в жизни расклешенные брюки, ковбойский ремень... Весь театр на меня смотрел и ахал...

Женька тихо засмеялась, присела на уголке дивана.

— Не смешно, — печально сказал Кирилл. — Больше всех

смотрела девочка. Очень красивая девочка, с черными глазами. Я потом таких красивых ни разу не видел... Ходила с мамой по фойе и все на меня поглядывала. А потом в зале на меня оглядывалась... Ну, и я тоже. Забилось мое бедное сердце.

— Ты будешь писателем, Кирилл, — сказала Женька.

— Я буду парикмахером и никогда не стану коротко стричь детей...

— Ну а что дальше?

— Дальше? Тяжело вспоминать... Ну, ладно. Кончился спектакль, они одеваются, а я кручусь рядышком, будто нарочно. И вдруг она маме говорит громким шепотом: «Посмотри, какие у мальчика громадные уши...»

Кирилл сделал траурное лицо и замолчал.

— А потом? — с улыбкой спросила Женька.

— Что «потом»... Пришел домой, сорвал галстучек и хотел отрезать себе уши. Но все ножи оказались тупые. Тогда я поклялся до гроба ненавидеть девчонок. А на сердце до сих пор трещина... Вот такие дела, товарищ председатель совета отряда...

Он думал, что Женька улыбнется, но она сидела с опущенной головой и машинально наматывала на палец русую прядку. Потом все же улыбнулась, но как-то не так. Слишком задумчиво. Исподлобья глянула на Кирилла и вдруг сказала:

— А какие мы смешные были тогда... Между прочим, в третьем классе я в тебя целый месяц была влюблена...

Кирилл вдруг почувствовал, что сейчас покраснеет. Однако взял себя в руки:

— Что же ты молча страдала? Счастье было так возможно... Хотя что ты во мне нашла? Я был зайкой.

— Дурак ты был, — со вздохом сказала Женька. — И сейчас дурак.

«Сама», — хотел сказать Кирилл и вместо этого неожиданно спросил:

— Слушай, Черепанова, ты в самом деле думаешь, что я украл кошелек?

Она стала розовой, как ее гольфы и бантики на платье.

— Что ты глупости говоришь...

— Тогда зачем пришла? — тихо и серьезно спросил Кирилл. — Чтобы дураком назвать?

— Ну, раз Ева Петровна послала... Разве лучше, если бы кто-нибудь другой пришел? Могли столько наговорить...

— Ну и пусть. Мне все равно.

— Кирилл! — удивленно сказала она. — Ты, что ли, насколько не боишься неприятностей с родителями?

Кирилл посмотрел на Женьку спокойно и снисходительно:

— Подумай сама, чего мне бояться, если я не виноват? У меня, слава богу, нормальные мама и папа, а не людоеды и не пугала.

— Ева Петровна скажет...

Кирилл перебил:

— Что скажет? Если все на свете Евы Петровны будут говорить, что я жулик, родители все равно не поверят. Они-то меня с пеленок знают.

— Она скажет, что ты грубил.

— Не грубил, а спорил. Меня вором называют, а я должен соглашаться?

— А что тебе мама сказала, когда ты... ну, рассказал про это?..

— Что она сказала? — Кирилл поднял глаза к потолку. — Ну... она сказала: «Кирюша, не забудь, что на плите кипит молоко... Соску вымой кипяченой водой... Не скучайте, я скоро приду...» Она в самом деле скоро придет. Подожди.

Женька встала.

— Зачем ждать? Я пойду...

— Как вам угодно, сударыня, — сказал Кирилл и вдруг почувствовал: не хочется ему, чтобы Женька уходила. Конечно, ничего особенного, но... лучше бы еще посидела. Наверно, просто скучно одному.

И он не огорчился, когда Женька обернулась на пороге и спросила:

— А это что за корабль? На фотографии...

Над письменным столом висел большой, тридцать на сорок, снимок. «Капитан Грант» был сфотографирован с кормы. Из-под ахтерштевня вырывалась бурная струя. В гакабортном фонаре искрилось солнце. Верхушки мачт не вошли, зато нижние половины парусов — с люверсами, шнуровкой на гиках, блоками и частыми швами — получи-

лись рельефными, как на стереоснимке. Полотно туго выгибалось под ветром.

Алька Ветлугин, сидя на планшире, выбирал гика-шкот. Валерка был у бизани — из-за гакаборта торчала его голова. Юрок не было видно — они сидели низко. Саня стоял на палубе рубки, вцепившись в ванты, а Митька-Маус, как всегда, устроился на носу, у бушприта, над которым вздувались кливер и стаксель.

А Кирилл стоял у штурвала. Чтобы сделать снимок, Дед окликнул его с лодки, и Кирилл оглянулся. Лицо его было сердитым: рулевого не следует отвлекать на таком ходу, да еще перед поворотом...

— Это ты где? — опять спросила Женька. — Это по правде?

— А что, по-твоему? Декорация в драмкружке?

— Ну... я просто спросила. Это какой корабль?

— Крейсерский парусник типа «гафельный кеч» с бермудской бизанью и треугольным гаф-топселем, который в отличие от рейкового топселя крепится фаловым углом непосредственно к топу грот-стенги, — отпартовал Кирилл. — Все ясно?

Женька моргала.

Кирилл усмехнулся и продолжал:

— Водоизмещение одна и две десятых тонны, ход к ветру до сорока пяти градусов, район плавания неограниченный, крейсерская скорость около восьми узлов.

Насчет района плавания и скорости он подзагнул, но Женька все равно, конечно, ничего не поняла.

— Какой красивый. А кто его построил?

Кирилл вытянул руки и пошевелил пальцами. Женька округлила глаза.

— Ты?

— Мы.

— Кто мы?

Он усмехнулся:

— Люди.

Больше она не решилась расспрашивать. Только сказала:

— Штурвал какой интересный... Я думала, он со старинного корабля.

— А он и есть со старинного, — хладнокровно сообщил

Кирилл. — Восемнадцатый век. Английская лощманская шхуна «Сэр Найджел».

— Ой, а где вы его взяли?

— Тебе что, выдать все морские тайны?

Глава 6

Штурвал делали втроем: Дед, Саня Матюхин и Кирилл. Дед на маленьком токарном станке вытачивал из буковых брусков фигурные спицы с рукоятками. Саня размечал и высверливал в дубовой ступице отверстия для спиц, потом навинчивал латунные накладки. Кирилл выпиливал тоненькой ножовкой дуги для обода.

Это была нелегкая работа. Приходилось пилить с большой точностью, иначе штурвал получился бы кривобоким, как на детсадовском рисунке. Кирилл справился, не испортил ни одной заготовки.

Кончив работать пилой, он выволок чурбан со слесарными тисками во двор. Стояла уже середина июня, и не хотелось торчать в мастерской.

На дворе было солнечно и тепло. По забору ходил соседский петух Дима и одобрительно посматривал на мальчишек. Высоко над крыльцом часто махал крыльями фанерный ветряк: его недавно смастерили и прибили там неутомимые Юрки. По желтым лакированным крыльям ветряка прыгали солнечные зайчики.

Алик Ветлугин, Валерка Карпов и Юрки мазали бесцветным лаком пайолы — решетки для нижней палубы, под которыми будет лежать балласт. На «Капитане Гранте» были поставлены мачты для пробы и натянуты ванты. Митька-Маус привязывал к вантам выбленки. Привяжет одну перед собой, поднимется повыше — и опять за работу.

Под самым клотиком грот-стенги трепетал оранжевый флаг с двумя косицами. На флаге — ладошка в солнышке. Все как на парусе, только цвета наоборот: флаг — огненный, будто заря или походный костер, а ладонь и солнце — белые, как парус...

На зеленом дворе, под мелькающим веселым ветряком и похожим на огонек флагом, жило маленькое морское братство.

Спокойный и улыбчивый получился экипаж. Может быть, это вышло само собой, а может быть, в экипаже не случайно собрались люди, которым было хорошо друг с другом. Ведь приходили и другие — зимой, весной, в начале лета. Но, поработав денек-другой, они появлялись потом все реже и наконец исчезали с горизонта. А эти остались: семеро и Дед («Волк и семеро козлят», — сказал однажды Валерка Карпов, когда Дед ходил хмурый и ворчал на всех). И наверно, уже не только любовь к судну и мечта о походах держали их вместе.

Наверно, не только это... Потому что не куда-нибудь, а в экипаж принес Алик Ветлугин свой длинный фантастический роман про звезду Лучинор — об этом романе не знали ни Алькины родители, ни его приятели-семиклассники. И не где-нибудь, а именно здесь Кирилл запел наконец не стесняясь, так же, как дома, любимые песни — старые песни, которые не разучивали в хоре и не пели в школе: «В далекий край товарищ улетает...», «Плещут холодные волны», «Море шумит...». Он драил тогда наждачной бумагой рубку и пел, а остальные примолкли, и только Валерка произнес шепотом, на этот раз без шутки: «Во артист...»

Потом, когда Кирилл кончил петь о парусах «Крузенштерна», Дед сказал:

— Хоть бы у тебя голос подольше не ломался, Кир...

— Я еще маленький, — откликнулся Кирилл. — Мне только в августе будет тринадцать...

— У, младенец, — сказал Валерка, которому не было и двенадцати.

Валерка все время подшучивал над другими, и это ему прощали. А Саню Матюхину прощали излишнюю солидность и то, что он иногда любил покомандовать (он был самый старший после Деда, окончил восьмой класс). Здесь понимали друг друга.

Понимали неразлучных Юрок и не обижались, что у них есть свои, им двоим только известные секреты. Понимали и Митьку-Мауса, который боялся привидений, но без страха взлетал по вантам на стенгу, когда заедало блок у топ-

сель-фала (никого другого, более тяжелого, Дед не пускал на восьмиметровую высоту)...

Здесь, среди «детей «Капитана Гранта», у Кирилла словно сняли с души ограничители.

Раньше, в школе и во дворе, в пионерском лагере и когда гостил у бабушки, он знакомился с ребятами, играл, иногда ссорился, иногда бывал у них в гостях и звал к себе, но никогда не мог подружиться по-настоящему. Сначала стеснялся заикания (хотя никто над ним не смеялся), потом боялся своей стеснительности. В четвертом классе он вроде бы сошелся с Климовым, но летом Климов уехал, а после каникул стал каким-то слишком взрослым, и Кириллу было с ним неловко.

А в экипаже все оказалось иначе.

По правде говоря, друга, без которого жить не можешь, у Кирилла и здесь пока не нашлось. Но что поделаешь? Такой друг встречается, может быть, раз в жизни, да и то не каждому. А товарищи в экипаже были надежные: поймут, помогут, выручат и защитят...

Об этом Кирилл и думал, когда возился с деталями штурвала. Он устроился на ступенях крыльца, зажал чурбак между колен, укрепил в тисках деревянную дугу и начал обрабатывать ее рашпилем. Розоватая буковая пыль сыпалась на ноги, и казалось, что сквозь загар проступает новая, еще не обожженная солнцем кожа.

Штурвал собрали на шипах, шурупах и казеиновом клее.

— Ну, как получился наш малыш? — спросил Дед и поднял маленькое рулевое колесо на вытянутых руках.

Он и в самом деле был как новорожденный малыш, этот никогда еще не работавший штурвальчик. Буковые выпуклые спицы и обод были такого же беззащитного цвета, как ручки, ножки и плечи ребенка. Прямо хоть закутывай в пеленку, чтоб не простудился.

Но штурвал недолго оставался новорожденным. Дерево покрыли светло-коричневым лаком, и рулевое колесо сделалось одного цвета с экипажем «Капитана Гранта».

Его надели на четырехгранную ось, торчащую из белой переборки рубки слева от двери.

Кирилл не выдержал.

— Можно мне? — прошептал он умоляюще. Он просто не мог ждать, пока все покрутят штурвал.

— Ну, поверти, — сказал Дед.

Кирилл виновато улыбнулся и нажал на коричневые рукоятки. Он почувствовал, как натянулись, будто живые нервы, и прижались к блокам крученые стальные штуртросы. Он нажал чуть сильнее. Штурвал повернулся неожиданно легко, но в этой легкости чувствовалась работа. Живая работа корабля. «Капитан Грант» словно проснулся, ощутил напряжение в жилах, слегка попробовал силу мускулов...

— Ходит, ходит! — закричали из-под кормы Митька-Маус и Валерка. Это означало, что у ахтерштевня шевельнулась и начала поворачиваться туда-сюда красная тяжелая пластина руля.

...Потом штурвал долго вертели все по очереди. Но наконец это надоело. Даже Митьке. И тогда Кирилл опять взял теплые выпуклые рукоятки (их иногда называют шпагами)...

Потом он часто так делал: вставал к штурвалу и крутил его потихоньку. Ему нравилось ощущать, как по стальным жилам штуртросов передается в ладони послушная тяжесть руля. Он предугадывал каждый щелчок блоков, каждый короткий скрип оси. Он начинал чувствовать корабль.

Конечно, все это пока было на суше. Но каждую ночь Кириллу снилось озеро, и ветер, и округло натянутая дрожащая парусина. Он совершенно как наяву видел отход «Капитана Гранта» от причала. Ветер дует с бушприта, вдоль пирса; Дед, стоя на носу, отталкивается шестом; кливер и стаксель, хлопнув последний раз, выгибаются и встают неподвижно. Кирилл слегка поворачивает под ветер штурвал, нос идет все быстрее, «Капитан Грант» неохотно отрывает от пирса корму. Натянулись все паруса. Накренившись, кораблик набирает ход.

— Прямо руль...

— Есть прямо руль...

Начинает журчать, потом шумно вскипает струя за кормой. Через тросы, через твердые шпаги штурвала передается рукам еле заметная и чуть щекочущая вибрация руля...

А ветер, налетая сбоку, откидывает волосы и бьет в щеку водяной пылью...

Честное слово, Кирилл все это знал и чувствовал раньше, чем испытал на самом деле!

«Капитана Гранта» увезли в Ольховку на берег Андреевского озера (Дед попросил на заводе «МАЗ» и автокран). В Ольховке, у самой воды, жил отставной егерь, давний приятель Дедовой семьи. Если бы не это, пожалуй, не стоило бы браться за постройку: ведь не оставишь парусник на берегу без всякого присмотра. А тут все получилось замечательно: «Капитан Грант» встал у мостков рядом с рыбацкими лодками, как раз напротив окон егерской избушки.

Деревенские ребята сбежались поглазеть на корабль, будто приплывший из романа «Робинзон Крузо». Хорошие оказались ребята. Они помогли спустить «Капитана Гранта» и пообещали охранять его не хуже егеря, если им разрешат нырять с палубы и покатают. Дед разрешил и обещал покатасть. После ходовых испытаний...

Затем все было в точности как в тех снах, которые видел Кирилл. Ветер дул вдоль пирса. Поставили паруса...

— Можно мне? — жалобно сказал Кирилл. — Можно, Дед? Я знаю как...

— Ну, давай, — сказал Дед.

...Потом наступил месяц плаваний. Экипаж постигал хитрости парусной науки. У Деда были права командира шлюпки (он раньше занимался в спортклубе ДОСААФ), но и он с такими парусами имел дело впервые. А остальные до этого плавали только на весельных лодках. Но время шло, к матросам приходило умение. Все реже «Капитан Грант» зависал носом к ветру на повороте оверштаг. Митька-Маус научился лихо выносить на ветер стаксель, помогая судну лечь на новый галс. Валерка освоил работу на бизани — маленьком кормовом парусе, который очень важен для маневренности корабля. Стал послушен ребятам тяжелый парус — грот...

Сначала ходили вдоль берегов и не решались ставить верхние паруса. Потом осмелели и стали чертить озеро вдоль и поперек, не убирая топсель и летучий кливер даже при чetyрех баллах...

У штурвала стояли все по очереди. Но Кирилл стоял чаще других. Он не лез без спросу и безропотно уступал мес-

то, если кто-то просил, но при первой возможности опять хватался за рукоятки рулевого колеса. А если такой возможности долго не было, он смотрел так жалобно, что Дед говорил:

— Не мучайте вы человека, пустите к рулю. Сохнет ведь...

Ребята добродушно смеялись и пускали. А потом уже и не смеялись...

«Капитан Грант» был в меру послушен и в меру капризен. Но Кирилл знал, когда и как закапризничает корабль. Он научился угадывать каждый его рывок, каждое шевеление. Знал, что можно требовать от «Капитана Гранта», а чего нельзя. Он чувствовал его, как живого.

Бывали моменты полного торжества, когда при хорошем ветре, кренясь и вздрагивая, «Капитан Грант» набирал скорость и делался послушен самому маленькому шевелению пальцев Кирилла. Тогда Кирилл сливался с парусником в одно существо. Нервы его будто врастали в штуртросы и натянутые шкоты. И словно по нему самому, а не по черной лаковой обшивке била тугая вода...

Наверно, так скрипач сливается со скрипкой, когда музыка захлестывает его целиком, когда он сам становится музыкой.

Кирилл никогда не пел, стоя за штурвалом, но внутри у него все пело...

Иногда Кирилл «испытывал нервы» у экипажа. На полном ходу он мчался к дощатому пирсу, грозя разнести его в щепки, и лишь у самого причала делал поворот. Паруса тяжело опадали, а «Капитан Грант» мягко подкатывал к мосткам округлым черным бортом с белой полосой.

Несколько раз Валерка и Алик не выдерживали и хватались за штурвал, чтобы отвернуть пораньше. Кирилл злился, а раз даже саданул Валерку локтем: что за манера лезть под руку рулевому! Валерка, к счастью, не обиделся, но Дед сказал:

— Грохнешь ты нас однажды, Кир.

— Не грохнет, — заступился Саня. — Он знает. А тренироваться на таких поворотах надо. Может быть, пригодится...

Потом в самом деле пригодилось.

Глава 7

От Кирилла Женя Черепанова сразу же отправилась в школу, чтобы сообщить, как выполнено задание. Или, вернее, не выполнено, потому что родителей Кирилла она не застала. И хорошо, что не застала. Что она могла им сказать? И как потом смотрела бы на Кирилла?

А с Кириллом разговор получился какой-то странный... и хороший. Вроде бы сердитый, а все равно хороший. И кажется, Кирилл не обиделся на нее всерьез. Значит, понял, что она не по своей воле...

А не все ли равно ей, Женьке, понял он или нет? Очень обиделся или не очень? Он же ей совершенно безразличен. Подумаешь, Кирилл Векшин! И насчет третьего класса она наврала. Почти... Мало ли что бывает в раннем детстве!

Она про него и не думала раньше. Вернее, думала очень просто: «Этот Векшин такой скромный и покладистый». А потом, сегодня: «Этот Векшин стал такой нахальный...»

А он не тихий и не нахальный. Оказывается, он гордый. Ну, что же, она тоже гордая...

Женя знала, что Еву Петровну следует искать в биологическом кабинете, и поднялась на второй этаж. Школа теперь немного напоминала детский сад. Пестрая, скинувшая форму малышня из продленки мельтешила в коридоре. С лестничной площадки ее успокаивала трубным голосом старший воспитатель Тамара Гавриловна. Но в закутке, где находилась дверь кабинета, было тихо.

Женя поежилась перед дверью. Биологический кабинет она не любила, хотя в нем всегда было светло и зелено. Не любила за многочисленные черепа, которые скалились с витрин. Звериные и человечьи. Особенно неприятной была витрина с шеренгой черепов, которые показывали происхождение человека: череп обезьяны, питекантропа, синантропа и так далее — до современного. И хотя черепа были гипсовые, добродушные и с неизменными самокрутками в желтых зубах (как самокрутки попадали в наглухо завинченную витрину, было многолетней школьной тайной), Женька все равно старалась на них не смотреть.

А через верхнее стекло высокого шкафа улыбался скелет.

Он будто говорил Женьке Черепановой: «Они гипсовые, но я-то настоящий. Гы-ы...» Он как бы намекал на ее отдаленное будущее...

Женя проскочила кабинет и оказалась перед закрытой дверью лаборантской комнаты. Ева Петровна обычно сидела там. Женька хотела постучать и в этот момент услышала голоса: один незнакомый мужской, другой — Евы Петровны.

Мужчина говорил быстро и почти весело. А может быть, нервно. В голосе у Евы Петровны звучала вежливо замаскированная досада.

— ...Я уже поняла. Вы и директору сказали то же самое.

— И могу повторить, — так же весело откликнулся мужчина.

— Не надо, — сказала Ева Петровна. — Мне все понятно. Но я на вашем месте смотрела бы на вещи не так. Гораздо проще. И случись это с моим сыном, я бы ему...

— Я вас понял, — перебил мужчина. — Хотя, честно говоря, мне это странно слышать от учителя. Я ни разу в жизни сына пальцем не трогал. И, уверен, впредь никогда не трону. Подлю это. Если я Кирилла ударю, мы же потом всю жизнь будем глаза прятать друг от друга.

«Отец Кирилла!» — поняла Женька. Можно было, пожалуй, уходить, но она словно приклеилась к месту.

— Вы все же меня не так поняли! — заявила Ева Петровна.

— Неужели? Очень хорошо, если не так. А как я должен был понять?

— Я хотела сказать... ну, одним словом, если ученик виноват, родители вместе со школой должны воздействовать...

— Да, но в чем все-таки виноват? Не могу же я всерьез принять этот бред насчет кошелька! Простите... Виноват, что не дал себя обыскать? Мне жаль тех ребят, которые дали... Виноват в том, что не хочет петь из-под палки?

— Мы готовим хор к районному фестивалю, а ваш сын совершенно не думает о чести школы!

Женька услышала шаги, словно человек быстро ходил из угла в угол.

— О чести? — спросил он. — О чести... А вам не кажется, что честь начинается с любви?

— Простите... с чего? — пролепетала Ева Петровна, а Женькины щеки почему-то стали теплыми.

— С любви, уважаемая Ева Петровна. Не пугайтесь, объясню. Человек болеет за честь того, что ему дорого, что он любит. Я вот на своем заводе с ученика начинал, там меня человеком сделали, там у меня друзья, и я за честь завода — руками, ногами и зубами... А есть у нас на заводе случайные люди: им бы отработать смену — и домой. Работают неплохо, ну а дальше какой с них спрос?

— Так что же получается? Вы хотите сказать, что ваш сын — случайный человек в школе? Он здесь с первого класса...

Отец Кирилла вздохнул и, видимо, сел — скрипнул стул.

— Вы не обижайтесь, Ева Петровна... А впрочем, и обижайтесь — это, может быть, к лучшему... Мне кажется, здесь все у вас какие-то случайные.

— То есть? Я вас совершенно не понимаю.

— Я ведь в школе не первый раз. И с Кириллом говорил... Все у вас на окрике. Не набрал макулатуры — запись в дневник, не пришел на сбор — двойка, пробежал по коридору — хватать за воротник... Вот сейчас по школе шел, а какая-то дама, весьма почтенная, кричит на первоклашек так, что окна, простите, вот-вот лопнут.

— Ну, что же, случаются и у педагогов срывы. Одно дело — красивые слова, а другое — ежедневная работа. И когда кругом тысяча человек, бывает порой не до тонкой педагогики. Вы не представляете наших трудностей.

— Трудности есть везде, — сказал отец Кирилла. — И при одинаковых трудностях одни люди работают хорошо, а другие, простите, не очень.

— Ну, спасибо. Значит, мы работаем «не очень». Почему бы вам не перевести сына в другую школу?

Отец Кирилла с усмешкой ответил:

— Вы так сказали, будто меня к стенке пригвоздили. Видимо, при таких словах многие родители восклицают: «Нет, мы совсем так не думаем, мы совсем не хотели...» Я извиняться не буду. И Кирилла переводить в другую школу не стану. Я ему особой жизни не хочу. Его переведешь, а здесь-то все равно ничего не изменится, в этой школе.

— Кстати, одной из лучших в районе...

— Ну что ж... Одной из лучших. Первое место займете на фестивале — станете еще лучше. Никто ведь не спросит, сколько человек в хоре пели с радостью, а сколько под угрозой двойки.

— Я вижу, мы с вами не нашли пока общего языка, — со сдержанной печалью произнесла Ева Петровна. — Жаль. Всего доброго.

— До свидания.

Женя отпрыгнула от двери и сделала вид, что сию минуту вошла в кабинет. Из лаборантской вышел невысокий круглолицый мужчина, совершенно непохожий на худого, тонколицего Кирилла. Он рассеянно кивнул пробормотавшей «здрасьте» Женьке и скрылся за дверью. Появилась Ева Петровна. Лицо у нее было такое, словно она узнала, что ее класс уступил седьмому «А» первенство по сбору металлолома.

— Ева Петровна, я...

— Не надо. Я уже поговорила. Возьми в лаборантской портфель Векшина и унеси ему домой.

Ева Петровна села за стол и, глядя мимо Жени, стала хлопывать ладонью по лакированной крышке.

— Ты слышала, что я сказала про портфель?

Женя влетела в лаборантскую. Обшарпанный портфель Кирилла стоял на подоконнике и ехидно поблескивал замком. Женя взяла его и опять вышла в кабинет. Встретилась глазами с Евой Петровной. Та отвела взгляд и неожиданно произнесла:

— По крайней мере, ясно теперь, откуда у Векшина такие замашки.

— Какие? — неосторожно спросила Женька.

— Ступай, — резко сказала Ева Петровна. Потом добавила помятче: — Маме я позвоню, что ты задержалась из-за меня.

...Женя шла из школы, сердито помахивая портфелем. Она даже не думала, что обтрепанный мальчишечий портфель совсем не подходит к ее модному платьицу. Она была недовольна классной руководительницей. Если та поругалась с отцом Кирилла, при чем здесь она, Женя? Зачем на нее покрикивать?

На улице Мичурина Женя увидела мальчишку-велоси-

педиста. Он мчался, низко пригнувшись к рулю, и светлые волосы отлетали назад. Женя не сразу узнала Кирилла — он был уже без школьной формы. Узнала, когда Кирилл лихо, с шумом затормозил в двух шагах от нее.

— Женька, — сказал он, тяжело дыша. — Слушай. Есть дело...

Она широко открыла глаза и чуть не заулыбалась. Ей так понравилось, что Кирилл назвал ее по имени. Пускай «Женька», а не «Женя», но все-таки не «Черепанова».

— А я вот... портфель тебе... Ева...

— Да плевать на портфель! Слушай...

У него было побледневшее лицо с мелкими капельками на переносице.

Тогда, дома, Кирилл не сказал Женьке всей правды про разговор с мамой. Конечно, в разговоре были слова и о молоке, и о соске, но это уже потом. А сначала Кирилл разревелся. Разревелся сразу же, как только мама удивленно спросила:

— Кирюша, ты почему без портфеля?

Стеклянная стенка лопнула наконец, и ничего уже нельзя было сделать. Кирилл прислонился лбом к косяку.

Он минут десять не мог успокоиться. Начнет рассказывать, а слезы прорываются опять. Мама даже перепугалась. И когда наконец Кирилл взял себя в руки и кое-как объяснил, что случилось в школе, мама сказала:

— Посиди-ка дома, я сама на кухню схожу. А заодно позвоню отцу.

Кирилл понял, что мама за него просто-напросто боится. Думает, что он опять поедет на велосипеде и, такой нервный, раздерганный, где-нибудь угодит под машину. Мама не знала, что у велосипеда проколота камера.

— Да схожу я. Пешком схожу, — сказал он и неожиданно опять всхлипнул.

— Ну, хватит, хватит, — встревоженно сказала мама. — Большой уже, семиклассник...

Кирилл сердито шмыгнул носом. Семиклассником он себя пока не чувствовал. Двух недель еще не проучился в седьмом и даже на тетрадках писал иногда по привычке: «б-й «В».

— Не блестяще начинается учебный год, — заметила мама, укладывая в сумку звякающие молочные бутылочки.

Кирилл сразу вскинулся:

— Я, по-твоему, виноват, да?

— Не шуми, — сказала мама. — Антошку разбудишь... Не забудь, пожалуйста, выключить плиту, там молоко. Если будешь давать соску, ополосни хорошенько кипяченой водой.

...Она вернулась почти сразу после ухода Женьки. Убаюканный Антошка все еще спал, хотя пора было просыпаться и требовать есть.

— Какой дисциплинированный. Не то что старший братец, — сказала мама, но не сердито, а так, между прочим.

Кирилл глянул выжидательно. Потом спросил:

— А папа... Ты ему позвонила?

— Позвонила.

— А он что?

— Он сказал: «О боже, только этого мне не хватало в первый день». И кажется, поехал с работы разбираться в твоих грехах.

— Нет у меня никаких грехов, — сумрачно сказал Кирилл.

— У каждого человека есть грехи, — наставительно произнесла мама.

— А у меня нет. Я даже молоко снял с плиты вовремя... Мам, можно я покатаюсь теперь? Мне надо проверить колесо.

— А уроки? — привычно спросила мама.

— У нас завтра два труда. Их даже не будет, потому что учитель болеет. Потом зоология и немецкий. По немецкому я еще вчера сделал.

— А зоологию?

— Учебник-то в портфеле... — тихо сказал Кирилл. — Да ладно, я завтра в школе у кого-нибудь прочитаю.

Через несколько минут он тащил вниз по лестнице велосипед. «Скиф» тихо позванивал: как хорошо, что на улице все еще лето!

Кирилл опять был босиком, в шортах и майке. Шорты — старенькие, с каплями масляной краски и заплаткой у кармана, а майка — новая. Отцовский подарок...

От подъезда разбегались через газоны узкие асфальтовые ленты. Кирилл покатил по правой — мимо гаражей и котельной.

В промежутке между котельной и последним гаражом на бетонных плитах, оставшихся от строительства, собралась компания Дыбы.

Дыба возлежал на плите, как турецкий паша на диване. Голову положил на живот покорному малолетнему ординарцу Вовке Стеклову. Подданные расположились по сторонам. На пузе Дыба держал транзисторный телевизор, совсем маленький, Кирилл таких никогда не видел. На экранчике что-то мелькало, слышалась музыка. Это было любопытно, и Кирилл, проезжая, загляделся. А заглядевшись, угодил в угольную кучу: сначала колесом, потом коленями и левым локтем.

Компания услышала звон. Парни оглянулись и заржали. Дыба лениво приподнял голову. Увидел Кирилла и сказал подданным:

— Цыц.

Потом он передал побледневшему от ответственности Вовке Стеклову телевизор и спустился к Кириллу.

— Привет, Кирюха. Крепко вделался?

«Чего это он такой заботливый?» — подумал Кирилл. И небрежно сказал:

— Чепуха. Слегка колупнулся.

— Майку не испортил? Ну и лады... Модерновая маечка. Из заграники?

Кирилл решил было наплести, что майку привез из Гибралтара знакомый штурман, однако сдержался. Шутить с Дыбой не хотелось. Это была личность лет шестнадцати, с ковбойско-уголовными замашками и сомнительной репутацией. Кирилл знал, что за его компанией водятся кое-какие темные дела. Да и все это знали. Впрочем, в своем дворе Дыба вел себя спокойно, никого из ребят не задевал и даже при случае мог заступиться.

— Из Риги, — ответил Кирилл и крутнул переднее колесо, проверяя, нет ли «восьмерки».

Дыба деликатно пощупал майку:

— Современная вещица. Продашь?

Кирилл удивленно поднял глаза.

— Ты, Дыба, спятил? — сдержанно сказал он. — Мне отец подарил. Он говорит, чуть не час в очереди стоял, там они тоже нарасхват.

Дыба не рассердился. Даже улыбнулся. У него было странное пятиугольное лицо: от узкого лба оно расходилось к широким щекам, а внизу был тупой треугольный подбородок. При улыбке такое лицо казалось добродушным.

— Я же не за так, — объяснил Дыба. — Я же понимаю. Она стоит небось трояк, а я семь рубликов дам. Годится?

— Не годится. Она мне самому нравится.

Подошла компания: трое полужнакомых парней чуть постарше Кирилла и Вовка с телевизором. На экране лихо брэнчали три гитариста в сомбреро, но на них никто не смотрел. Смотрели на Кирилла и Дыбу, слушали их разговор: Дыбины слова почтительно, а Кирилла — со сдержанным осуждением.

— Я понимаю, что она тебе нравится, — терпеливо сказал Дыба. — А мне тоже нравится. Потому и цену даю. Хочешь девять рэ?

— Да ну тебя... Мне дома-то что скажут, — буркнул Кирилл и поставил ногу на педаль. Но велосипед придерживали за багажник.

— Ты обожди. Может, подумаешь? — все еще улыбаясь, произнес Дыба.

— Дома скажи, что купался, а майку украли, — предложил глазастый парнишка по кличке Совушка.

— Кто же сейчас купается? — усмехнулся Кирилл.

— Я вчера купался! — торопливо заговорил Вовка Стеклов. — Вода совсем...

— Цыц, — опять приказал Дыба. — Ну, как, Кирюха? Соглашайся. Тебе что, деньги лишние?

— А зачем они мне? — спросил Кирилл.

Компания вежливо засмеялась. Видимо, приняла вопрос за удачную шутку.

— Да на тебя эта майка и не налезет, — сказал Кирилл.

Компания заржала. На этот раз смех был совсем другой, и Кирилл понял, что его считают дураком. В самом деле, мог

бы догадаться, что майка нужна Дыбе не для себя, а для какой-нибудь махинации. Для «оборота».

— Нет, Дыба, — решительно сказал Кирилл. — Я подарки не продаю... Ну-ка отцепитесь там, я поехал.

— Да ты постой, — с досадой проговорил Дыба. — Давай обсудим. Хочешь, я еще рубль добавлю? Вот гляди: три трояка и новый целковый. Олимпийский! За него двух бумажных не жалко! Мечта коллекционеров.

Он протянул растопыренную ладонь с деньгами. Два его приятеля — Димка Обух и Козочка — стукнулись лбами, стараясь поближе разглядеть блестящий рубль.

— Где взял, Дыба? — завистливо спросил Обух.

— Где надо... Не лапай. Долг получил. Чирок наконец отдал. Я из него, паразита, целый месяц долги выколачивал. Важны не деньги, а принцип.

— Какой Чирок? — удивленно спросил Кирилл.

— Не знаешь, что ли? Он вроде в вашей школе учится. Плюгавенький такой.

— Петька Чирков?

Дыба пожал плечами:

— Этот самый Петька, наверно. Пропорил еще в июле, а потом все от меня бегал... Ну как, сторгуемся?

— Нет, Дыба, не сторгуемся, — сказал Кирилл. — Хотя ты мне олимпийские сто рублей давай золотой монетой.

— Ну и вали, — разочарованно проговорил Дыба. — На думаешь — приходи...

Кирилл выехал мимо котельной в тихий Стрельцовский переулок, уцелевший среди нового микрорайона. В конце переулочка стояла водопроводная колонка, и Кирилл хотел смыть угольную пыль, пока не въелась в кожу.

Он крутил педали и думал о странном случае с Чирком. Что общего у Чирка с Дыбой?

Петька Чирков был тихий, похожий на четвероклассника мальчишка с длинными белесыми ресницами. «Благополучный троечник», — говорила Ева Петровна. Такой он был незаметный, что про него даже забывали иногда на переключках. Идут на экскурсию, проверяют, все ли собрались, и говорят, что все, а потом: «Ой, Чиркова нет...» Его не обижали ребята, не ругали учителя. Его никуда не выбирали. К

тому же раньше была у Чиркова какая-то болезнь: в пятом классе он полгода провел в санатории.

Где Чирок мог столкнуться с «королем» Дыбой? Что он ему проспорил? За что отдал рубль?

И... где он этот рубль взял?

Он же сегодня просил у Кирилла двадцатчик, говорил, что нет ни копейки!

Кирилл даже тормознул при неожиданной мысли. А потом промчался без остановки мимо колонки.

Сегодня, когда Кирилл с мальчишками проходил мимо гардероба, Чирок их окликнул:

— Не ходите к двери, там Ниношка певцов караулит. Лучше спрячьтесь, она сейчас сюда пойдет.

Сам-то он не боялся завуча: в хоре не пел. Он сидел на короточках рядом с дверью в учительскую раздевалку и шнуровал ботинок.

Благодарные беглецы проскочили мимо Чирка в тесную комнатку с вешалками. Там висели два или три плаща. Кирилл еще подумал: «Кто в такую жару ходит в плащах?» Больше ничего подумать не успел. Распахнулась дверь, появился пожилой сердитый «чертежник» Александр Викентьевич, и началась заваруха...

«Ловко сработано, — с нарастающей злостью думал Кирилл и так жал на педали, что рубчатая резина врезалась в босые ступни. — Заманил в раздевалку, чтобы след от себя отвести, и смылся. И сидел потом тихонько на собрании как ни в чем не бывало! Кто подумает на такого скромного мальчика?»

А может быть, не Чирок? Ведь не в раздевалке его видели, а только рядом. Тогда рубль откуда? Ну, мало ли откуда! Вдруг он его специально приберег, чтобы расплатиться с Дыбой?

Но тут Кирилл вспомнил, как Чирок сказал: «Понимаешь, позавтракать не успел, а денег ни копейки» — и с виноватой улыбкой вывернул карманы у больших не по росту брюк. Помахал ими, как крылышками. А куртки на Чирке не было: несмотря на запрет, он пришел в школу в рубашке. Видно, знал, что на него все равно не обратят внимания.

Нет, не похоже, чтобы у Чирка был спрятан тяжелый металлический рубль.

— Ладно, Чирок, — сквозь зубы сказал Кирилл и свернул на улицу Мичурина.

Заплатит Кириллу Чирок за все его слезы...

Кирилл убавил скорость и начал торопливо соображать. Во-первых, надо узнать, где Чирок живет. Кирилл у него ни разу не был. Во-вторых, нужно будет приехать к Чирку, взять его за шиворот и заставить признаться! Куда он денется? В-третьих, придется притащить Чирка в школу, пусть отдаст деньги и расскажет всем, как было. Интересно, как Ева Петровна будет после этого смотреть на Кирилла? А впрочем, наверно, и не покраснеет. Небось еще скажет: «Ты, Векшин, сам виноват, потому что вел себя вызывающе». Ну и наплевать! Главное, что победит справедливость.

Но одному Кириллу с Чирком, пожалуй, не справиться. По крайней мере, в школу не утащить. Надо помощников. Лучше всего тех, кого вместе с Кириллом задержали в раздевалке. У них к Чирку тоже счет имеется, и, может быть, побольше, чем у Кирилла. Потому что не у всех такие родители, как у Векшина. Серегу Коробова папаша сперва огреет чем-нибудь, а потом пойдет в школу разбираться (а когда вернется, еще всыплет).

Но Серега — парень не очень решительный. Димка Сушко — тот с разными знакомствами на стороне, у него, кажется, контакт с Дыбой. Не будет он трогать Чирка, если дело хоть как-то Дыбы касается. Валерка Самойлов — это да! Но он, наверно, умотал во Дворец спорта к своим фехтовальщикам...

Все же Кирилл решил заскочить к Валерке. И, едва проехав полквартила, увидел Черепанову. Женька шла и махала его, Кирилла, портфелем.

«А что? — подумал Кирилл. — Ну и пускай, что девчонка. Зато начальство. Это даже ее обязанность — разбирать такие дела. А драться Чирок все равно не станет...»

В этом будет справедливость: сперва Черепанова пришла, чтобы наябедничать родителям, а теперь пусть увидит, что Кирилл не виноват. И сама пусть объяснит своей милой Еве Петровне...

Женька выслушала злой рассказ Кирилла, уронила портфель и взялась растопыренными ладошками за щеки. Длин-

ные глаза ее сделались почти круглыми, рот тоже стал похож на букву О.

— О-ой какой ужас... Кто бы мог подумать...

Она так моментально поверила Кириллу, что он сказал:

— Ты подожди, надо еще проверить.

— Конечно, надо! Но я уверена, что это он, раз ты говоришь.

— Ты знаешь, где он живет?

— Н-нет. Не помню. Но у мамы есть список с адресами, она же член родительского комитета.

— Узнай — и сразу ко мне. Я пока портфель отвезу.

— Нет, давай вместе зайдем к нам. А то меня мама не выпустит. Скажет: режим, занятия... Давай, а? — Она жалобно взглянула на Кирилла.

— Придумала! Я так и буду таскаться с портфелем?

— Оставим у меня, потом заберешь. Пошли!

— Да не пойду я, — смущенно сказал Кирилл и шевельнул пальцами босых ног. — Вид у меня совсем не для гостей.

— Ну что за глупости! Ты же не девочка, чтобы наряжаться. И ты не в гости, а по делу... Пойдем, а то меня не пустят.

— А велосипед куда?

— Поставишь под окно. Мы же на первом этаже, а окна в садик выходят. Пошли!

Женькина мама посмотрела на Кирилла слегка удивленно, однако в ответ на его робкое «здравствуйте» милостиво качнула прической.

— Здравствуй, проходи. Тебя, кажется, Кириллом зовут? Да, я помню. Ты в прошлом году так удачно пел на концерте...

Кирилл затоптался на мягком ковре и зыркнул на Женьку: «Не копайся».

Женька ускользнула в другую комнату, а мама подозрительно глянула вслед. И опять обратилась к Кириллу:

— Прходи и садись. Не стесняйся.

— Мы на минуточку, — пробормотал Кирилл.

— Никаких минуточек, — решительно сказала старшая Черепанова. — Сначала чай... Женья! — Она взглянула на вернувшуюся дочь. — Почему вы только на минуточку? У тебя распорядок, и ты дала мне слово...

— У нас общественная работа, — поспешно сказала Женька. — Мы едем к одному мальчику, надо выяснить... одно обстоятельство...

Женькина мама снова покачала высокой бронзовой прической — на этот раз недовольно.

— Ох, эта работа... Я уже говорила Еве Петровне: нельзя иметь столько нагрузок. Если бы Женечка не была третий год председателем, я давно перевела бы ее в английскую спецшколу. Но куда денешься, если говорят про долг перед коллективом.

Женька слегка покраснела и умоляюще посмотрела на Кирилла. Она-то сразу поняла, сколько теперь у Кирилла возможностей позлословить. Кирилл великодушно отвел глаза.

Женькина мама заявила, что никакая работа не страдает, если дети выпьют чаю. И потребовала, чтобы Кирилл вымыл руки и сел к столу. Руки он вымыл очень торопливо, а за стол сел с облегчением: можно было спрятать под скатерть пыльные ступни и черные от угольной крошки колени.

Вишневая скатерть была с тяжелой бахромой. Бахрома шекотала ноги, и Кирилл старался не двигаться, пока Женькина мама расстилала клеенку и расставляла чашки. Он лишь водил глазами, оглядывая комнату.

Бахрома была не только у скатерти. Она почему-то везде виднелась: у ковра над диваном, на малиновых портьерах, на темно-розовом платке, наброшенном на торшер. Даже на рукавах и подоле халата Женькиной мамы. Халат был черно-красный с индейским узором.

Женькина мама принесла чайники, варенье и вафли. И началось мучение. Надо было глотать чай, интеллигентно орудовать тонкой ложечкой и терпеливо отвечать на вопросы.

Первый вопрос был, где работает папа.

«Могла бы и помнить, если ты член родительского комитета», — подумал Кирилл и вежливо сообщил, что папа работал на «Сельмаше», в сборочном цехе, а недавно перешел на другую должность. Куда и кем, не стал уточнять.

— А мама?

— Мама — портниха. Бригадир. Сейчас пока не работает, у меня брат маленький.

— И ты, наверное, помогаешь маме?

— Помогаю, — со старательно-скромной улыбкой ответил Кирилл и мысленно проклял всех Черепановых до седьмого колена.

Женькина мама благосклонно улыбнулась. У нее было красивое лицо, но что-то в нем казалось ненастоящим.

Кирилл видел Женькину маму и раньше, но это бывало в классе, и там, издали, лицо ее выглядело очень молодым. А сейчас Кирилл вспомнил старинное блюдо, он его любил разглядывать, когда гостил у бабушки в Тюмени. Там на фаянсе был нарисован синий дворец, олени и лебеди. Издали блюдо как новенькое, а когда подойдешь вплотную, на блестящей поверхности видна сетка мельчайших трещин. Так же и лицо старшей Черепановой: сквозь тонкий крем и подрисовку проглядывали морщинки и утомление. Вернее, даже не утомление, а какое-то недовольство.

— А как у вас в этом году с самодеятельностью?

«Ну что тебе от меня надо?» — тоскливо подумал Кирилл, и в это время в прихожей спасительно затрещивил телефон. Женькина мама выплыла из комнаты.

Женька смотрела понимающе и виновато.

— Давай сматываться, — полушепотом потребовал Кирилл. — Узнала адрес?

— Северная улица, дом шесть. Номера квартиры нет почему-то.

— Какие на Северной квартиры! Там домишки... Пошли.

— Нельзя, пока мама не отпустит.

— Чтоб вас...

От огорчения Кирилл до самых пальцев погрузил в варенье вафлю и начал торопливо жевать. Потом еще раз огляделся, увидел большое зеркало, а в зеркале себя.

Да, не похож он был на благовоспитанного гостя. Сбившаяся майка, растрепанные волосы, следы угольной пыли на узком толстогубом лице, облупленная переносица, варенье на подбородке. Черт его дернул сюда прийти...

За дверью слышался приглушенный и, видимо, взволнованный голос старшей Черепановой. Потом звякнула на ры-

чагах трубка, и Женькина мама возникла в комнате. У нее был какой-то замороженный взгляд.

— Странно, — сказала она, глядя мимо Кирилла. — Евгения, что за дикая история у вас в школе? Какой-то кошелек... И Ева Петровна подозревает, что здесь замешан Векшин... Неужели это возможно, Кирилл?

Лучше всего было прыгнуть в седло прямо из окна и потом навсегда забыть об этом доме.

Кирилл не двинулся, только сжал тонкую ложечку так, что она слегка согнулась. Уши у него начали пылать (хорошо, что под волосами не видно). Щекочущая бахрома, обильно украшавшая комнату, вдруг показалась ядовитой, как мохнатая оторочка жгучих медуз, с которыми Кирилл познакомился прошлым летом на Черном море.

— Да что ты, мама! — с отчаянием воскликнула Женька. — Ну при чем здесь он? Ева Петровна ничего не знает!

— Как ты можешь так говорить про свою учительницу!

— Потому что она не знает! А мы знаем! Мы как раз сейчас должны выяснить!

Кирилл встал.

— Спасибо за чай, — сказал он. — До свидания. Черепанова, я подожду тебя на улице. Если пойдешь...

Уводя из-под окна велосипед, он услышал громкие голоса: отчаянно-слезливый Женькин и деревянно-справедливый ее мамы. Слов было не разобрать, они перепутывались друг с другом. Потом до Кирилла донеслась фраза:

— По крайней мере, надень спортивный костюм, чтобы не очень отличаться от своего... босоногого кавалера.

Через минуту из подъезда выскочила Женька в синем тренировочном костюме. Она рывком выволокла за собой девчоночий велосипед-подросток. На Кирилла она не смотрела, была красная и с мокрыми глазами.

«А жизнь у нее не сладкая», — вдруг подумал Кирилл. И хмуро спросил:

— Ты ездить-то умеешь?

Женька сердито тряхнула волосами.

— Ты думаешь, я совсем такая... комнатное растение?

— Поехали, — сказал Кирилл.

Глава 8

Северная улица лежит за стадионом, недалеко от оврага. Овраг в этом месте неглубокий, берега его пологие. Зимой они исчерчены лыжными трассами, а летом и осенью по склонам выются среди зелени тропинки. Внизу журчит речка Туринка, похожая на обычный ручей...

Кирилл и Женька ехали рядом по узкой дороге между оврагом и решетчатым забором стадиона. Было тихо и тепло. Навстречу летели паутинки и семена, похожие на шелковистых пауков.

За решеткой стадиона, как разноцветные бабочки, мелькали майки футболистов. Настоящая коричневая бабочка попалась навстречу, изменила полет и зачем-то погналась за Женькой, но тут же отстала.

«Поздняя, запоздалая», — мельком подумал Кирилл про бабочку. И внимательно посмотрел на Женьку. Может быть, бабочка приняла ее голову за цветок? Нет, не похоже.

Женька в эту секунду тоже посмотрела на Кирилла, встретилась с ним глазами и смутилась.

— Ты на мою маму не обижайся, ладно? — попросила она.

— Чего мне обижаться... — холодно сказал Кирилл.

— Понимаешь, она так привыкла: если учительница сказала, никаких не может быть ошибок.

— Ты, по-моему, тоже к этому привыкла, — сказал Кирилл и вильнул колесом, объезжая разбитую бутылку.

— Да нет, ты не думай...

— Я об этом и не думаю, — перебил Кирилл. — Я думаю о Чирке.

— Какой негодяй, верно? — подхватила Женька. — И сидел тихонечко, будто ни при чем!

Кирилл поморщился. Женькина слишком старательная поддержка была неприятна и почему-то его тревожила.

— Подожди радоваться, еще не выяснили. У тебя все быстро: сперва — я негодяй, потом — Чирок...

— Да я про тебя никогда не говорила!

— Зато думала.

— Да не думала ничуть! Честное пионерское!

— Ну, хоть за это спасибо, — буркнул Кирилл и с недовольством спросил себя: «Зачем я с ней так?»

В это время кончился стадион, потянулись домики с огородами, а потом дорога свернула налево. Это и была улица Северная.

— Дом шесть, — сказала Женька. — Кажется, вон тот, с палисадником... Ой, а там не Чирков?

У калитки возился с большим велосипедом мальчишка в подвернутых джинсах и клетчатой рубашке. Приподняв плечом раму, он прокручивал заднее колесо.

— Точно — Чирок! — обрадовался Кирилл. — Везет нам.

— А что мы сперва ему скажем?

— Видно будет. Поехали скорее.

В это время Чирок поставил велосипед, лихо толкнулся двумя ногами и прыгнул в седло.

«Здорово», — отметил про себя Кирилл. И услышал грозный Женькин окрик:

— Чирков! А ну стой! Хуже будет!

«Вот дура!» — подумал Кирилл и крикнул:

— С ума сошла! Он же нас обставит на своих колесах!

В том, что Чирок ударится в бега, Кирилл почему-то ни капельки не сомневался. И точно: Чирок оглянулся, наклонился к рулю и налег на педали. Сразу взял скорость.

— Подожди! — безнадежно крикнул Кирилл.

Чирок свернул на дорожку между огородами.

— Жем, — сказал Кирилл и мельком посмотрел на Женьку.

Женька не отставала. В ней, видно, разгорелся ковбойский азарт погони. С прикушенной нижней губой, с прищуренными глазами она была похожа на решительного красивого мальчишку.

«Молодец», — успел сказать взглядом Кирилл и опять прицельно глянул на Чирка. Тот мчался метров за тридцать впереди. Видимо, у него была хорошая машина. Другой, побольше Чирка, пожалуй, ушел бы от погони, но маленький Чирок с трудом доставал педали, елозил на седле и полной скорости выжать не мог.

Однако и так летели они все трое, будто на гонках. Рос-

ший вдоль плетней репейник хлестко лупил по ногам и колесам — спицы отзывались звенящим треском.

Кирилл больше не кричал. Ясно было, что Чирок здорово напуган и не остановится, пока есть силы. Он вырвался на лужайку и с резким креном повернул направо. Кирилл и Женька тоже повернули так лихо, что занесло задние колеса.

Переулочек вел к оврагу. Чирок, не сбавляя скорости, неся к откосу. «Значит, есть спуск, — подумал Кирилл. — В тупик ты бы не поехал... Ладно, видали мы и спуски на откосах. Не уйдешь, красавчик...»

На самом краю берега Чирок сделал рывок влево и скрылся из глаз. Но не сразу, а плавно. Значит, съехал. И в самом деле: по зеленому склону наискосок тянулась к ручью тропинка. Чирок мчался по ней без тормозов. Что ни говори, а ездил он отлично.

Кирилл кинулся следом и услышал, что Женька не отстает. Лишь бы не грохнулась! Оглянуться Кирилл не мог, но каждый миг боялся услышать сзади дребезжащий звон падения. Нет, Женька держалась. И они мчались так, что летящая навстречу трава сливалась в зеленые полосы.

Это было похоже на кино про погоню!

Чирок съехал и без остановки проскочил узкий, в две доски, мостик через Туринку. За мостиком тропинка поворачивала вправо вдоль ручья.

Кирилл пустился на риск. Он не знал, какая здесь глубина, какое дно, и все же рванул направо руль и по склону ринулся к воде напрямик.

Велосипед врезался в воду — она крыльями разлетелась из-под колес, потом забурлила у колен, дошла почти до седла... Разгон был сильный. «Скиф» хотя и потерял скорость, но пересек почти всю Туринку. Лишь в метре от берега переднее колесо увязло, и Кирилл соскочил. Он выволок велосипед на сушу и бросил поперек тропинки, в нескольких шагах от подлетевшего Чирка. Тот отчаянно затормозил. Следом за ним примчалась Женька, которая удачно проскочила мостик.

— Приехали? — спросила Женька у Чирка. — Или еще погоняемся?

Чирок быстро оглянулся на нее. Потом посмотрел на

Кирилла. Зло и безнадежно. Он часто мигал, и длинные белые ресницы его растерянно метались.

— Ну, чего надо? — сказал он сердито. Но в этой сердитости звенела слезинка. Он понимал уже, «чего надо», — Кирилл это видел.

Женька положила велосипед, обошла Чирка и встала рядом с Кириллом. Чирок коротко глянул назад: свободна ли дорога?

— Не надо, Чирок, — сказал Кирилл спокойно и даже устало. Он так запыхался, что злости уже не чувствовал. — Куда ты убежишь? За границу, что ли?

Тогда Чирок выпустил руль, скрестил руки, взял себя за острые плечи. Оттолкнул боком велосипед. Старенький «ПВЗ» со звоном опрокинулся. Теперь в траве лежали все три велосипеда. У «ПВЗ» тихо крутилось переднее колесо, и лучистый зайчик прыгал со спицы на спицу.

Чирок стоял прямо, глаз не опускал, только пальцы, охватившие плечи, слегка шевелились, словно нажимали кнопки.

— А ну, говори, где кошелек, — велела Женька.

«Сейчас спросит: «Какой кошелек?» — подумал Кирилл. И Чирок правда хотел что-то спросить. Даже рот приоткрыл. Но вдруг сжал губы, а его светлые ресницы как бы ошетинились. Он бросил негромко, но резко:

— Докажите.

— Докажем, — сказал Кирилл.

— Как?

— Сходим к студентке, спросим, какие деньги были в кошельке. Олимпийские рубли не так уж часто встречаются. Она его наверняка запомнила.

У Чирка дрогнул острый подбородок.

— Какие рубли?

— Не рубли, а рубль! Который ты этому хулигану отдал! Дыбе! — крикнула Женька. — Чего еще отпираешься? Ну давай, давай скажи, что это не тот рубль, что он твой был.

— Мой! — отчаянно сказал Чирок.

— А у меня двадцатчик просил для буфета, — сказал Кирилл.

Чирок слегка усмехнулся:

— Ну, просил. Если бы я рубль разменял, как бы я его Дыбе отдал?

«Вывернулся», — подумал Кирилл. И спросил:

— А где ты его взял?

Чирок опять замигал.

— Думай, думай скорее, — ехидно поднажала Женька. — Скажи, что он у тебя давно. Жалко было тратить такой красивый, блестящий...

— Ну и что? Ну и...

— Ну и врешь, — перебил Кирилл. — Ты бы давно его Дыбе отдал. Ты его боишься.

Чирок вдруг посмотрел на него прямо и грустно. И тихо спросил:

— А ты не боишься?

Кирилл слегка растерялся. Он не задумывался, боится ли Дыбы. Сталкиваться как врагам им не приходилось. Но в общем-то Кирилл понимал, что зря дразнить Дыбу не стоит. Если приходилось разговаривать, как сегодня, например, то Кирилл держался без почтительности, но и без нахальства: палку не перегибал. Значит, если честно говорить, побаивался.

Но тут Кирилл разозлился. На себя и на Чирка.

— Я перед тобой, Чирок, хвастаться храбростью не буду. Мало ли чего я боюсь. Я из-за этого, между прочим, подлостей не делал и перед всякими гадами не унижался.

Его перебила Женька:

— Разговор не про Векшина, а про тебя, Чирков. Вопрос — откуда рубль? Может, ты его после уроков на улице нашел? Не успел бы: тебя Дыба у самой школы ждал. Придумывай поумнее.

— А чего придумывать? Мать дала.

— Для Дыбы дала, а на буфет пожалела... — сказал Кирилл.

— Она же не знала, что для Дыбы. Она и думала, что на буфет.

— Глупо, Чирков, — сказала Женька. — Сейчас пойдем и спросим у матери. Пойдем?

— Пойдем, — хмуро ответил Чирков, но не сдвинулся с места.

— Ну, так пойдем, — повторила Женька. — Бери велосипед.

— Отстань, — сказал Чирок и отвернулся. Они помолчали.

— Сдавайся, Петенька, — сказал Кирилл.

Чирок опустил голову, но Кирилл успел заметить на его щеке злую слезинку. Потом Чирок мотнул головой — так сильно, что слезинка сорвалась и сверкнула на лету искоркой. Он исподлобья глянул на Кирилла, потом тяжело поднял велосипед.

— Ладно, пошли. Чего стоите?

— Куда? — слегка растерялся Кирилл.

Чирок криво усмехнулся:

— Куда... Я не знаю. В школу или в милицию?

— Значит, признаешься? — со сдержанным торжеством спросила Женька.

— Если не признаюсь, вы же к матери пойдете...

— Конечно, — сказала Женька и посмотрела на Кирилла. Спросила взглядом: «Здорово мы его раскусили?»

Кирилл отвел глаза и сердито сказал:

— В школу...

Они пошли гуськом: впереди Чирок, потом Кирилл, а за ними Женька. Чирок не оглядывался. Кирилл видел его стриженный белообрый затылок, тонкую шею с родинкой, похожей на коричневую горошину, острые, не очень чистые локти, худую спину под старенькой, выгоревшей рубашкой в коричневую и зеленую клетку...

Все трое молчали и шли вдоль ручья к старинному чугунному мостику, построенному через Туринку еще в прошлом веке. От него поднималась лестница, которая выводила на улицу Грибоедова. А в конце той улицы — новые кварталы и школа.

Кирилл вдруг подумал, что Петенька Чирок, наверно, считает в уме, сколько кварталов осталось ему до встречи с директоршей, до мучительного разговора, до позора.

Был раньше просто Петенька Чирков, Чирок. Незаметный, никому в классе не интересный, но все-таки обыкновенный мальчишка. Одноклассник. И можно было вести себя с ним как с одноклассником. А сейчас все сделалось странным каким-то, ненастоящим. Петенька был преступник, а Кирилл с

Женькой — его конвоиры. И даже удивительно было, что кругом все по-прежнему: зеленеет обыкновенная трава, капается к вечеру теплое солнце, бормочет речка...

Кирилл тряхнул головой. Что сделано, то сделано. Он, Кирилл, ни в чем не виноват.

— А где кошелек? — спросил он у Петенькиной спины.

Чирок сбил шаг и через секунду ответил:

— Выбросил...

— Зачем? — удивилась Женька.

— А зачем он мне? — сказал Чирок, не оборачиваясь.

— А деньги? — спросил Кирилл.

Чирок пошел медленнее.

— Я с деньгами выбросил, — сказал он.

— Совсем заврался! — возмутилась Женька.

— Подожди ты, — с досадой оборвал ее Кирилл, а Чирку сказал:

— Ну-ка, стой...

Он догнал Петеньку, и они остановились рядом.

— Врешь или правда? — спросил Кирилл.

Чирок вскинул на него мокрые синие глаза.

— Зачем мне врать... если все равно признался?

— А почему выкинул? — почти крикнул Кирилл.

— Потому что... мне они для чего? Мне только рубль надо было. Я кошелек хотел обратно положить, когда рубль взял, а за дверью затопали... Ну, я сунул под рубашку и вышел потихоньку. Думал, потом положу. А тут вы прибежали, и началось...

— Куда бросил-то? — вмешалась Женька. — Может быть, найти можно?

Чирок махнул рукой:

— Вон там, с моста. В водоворот.

Кирилл свистнул. Под мостом было самое бурливое и глубокое место, с камнями и ямами.

— Дурак ты, Чирков, честное слово, — растерянно сказала Женька. — Кругом дурак... Чего ты с этим Дыбой связался?

— Я, что ли, нарочно связался?

— А как это вышло? — спросил Кирилл.

— Теперь не все ли равно?

— Нет, не все равно, — сказал Кирилл.

— Ну, я шел, а они в подъезде стояли. Говорят: иди сюда, не бойся, что-то интересное покажем. Я не хотел, а с ними Кочнев из седьмого «А». Тоже говорит: не бойся. Ну, я подошел, а там еще какой-то парень. Тюля его зовут. Дыба говорит: «Спорим, что Тюля бритву сжует». Я ничего даже не ответил, а этот Тюля в рот лезвие бритвочки сунул и давай жевать. На мелкие кусочки. Потом выплюнул. А Дыба мне говорит: «Гони рубль, раз проспорил». Я говорю, что даже и не спорил, а они прижали в угол... А рубля у меня все равно нет. Дыба говорит: «Потом принесешь...» Ну и с тех пор все меня ловит...

— Неужели из-за этого воровать надо! — возмущенно сказала Женька. — Уж рубль-то мог бы где-нибудь достать, если хотел расплатиться.

— А он сколько уже этих рублей с меня стряхнул! Говорит: плати проценты, раз вовремя не отдал.

— И ты каждый раз отдавал? — поморщившись, спросил Кирилл.

Чирок тихо проговорил:

— А ты бы не отдал? Они знаешь как издеваются... Затащат за гаражи, рот зажмут... — Он посмотрел на Женьку и опустил глаза. Шепотом сказал Кириллу: — При ней даже рассказывать нельзя. А если бьют, потом даже синяков нет. Ничего не докажешь.

— А почему никому не сказал? — спросил Кирилл.

— Кому?

— Ну... дома.

— А дома кто? Мать да бабка. Драться они, что ли, с Дыбой пойдут? Матери вообще нервничать нельзя...

— Как всегда, — себе под нос проворчала Женька. — «Маме нельзя расстраиваться, у нее большое сердце...» А о чем думал, когда в карман лез?

— Думал, что не поймают! — зло сказал Чирок. — Ну, пошли, чего стоим.

— Подожди, — попросил Кирилл. Зачем надо подождать, он сам не знал. Мысли перепутались. И выросла едкая досада на самого себя. Как он сказал: «Сдавайся, Петенька». Со скрытым торжеством и снисходительностью. Поду-

маешь, Шерлок Холмс какой, отыскал опасного бандита! Этот несчастный Чирок даже выкручиваться не умеет. Другой мог бы напести кучу историй и отпереться намертво. Разве олимпийский рубль — доказательство?

— Одного я не пойму, — вдруг заговорила Женька. — Стащить кошелек — это... это... ну, это ясно что. А зачем потом в воду кидать? Просто ненормальность какая-то.

— Походи с чужим кошельком за пазухой — поймешь, — сумрачно сказал Чирок.

Кирилл не знал, поняла ли Женька, а он понял, как жег Чирка спрятанный под майку кошелек. Как Чирку казалось, что все провожают его подозрительными взглядами. Как хотелось поскорее исчезнуть из школы и навсегда избавиться от своего страха. Чтобы казалось, будто ничего не было! Концы в воду!

— Говорил, маму нельзя расстраивать, а сам еще прибавил расстройства, — назидательно сказала Женька. — Ей теперь расплачиваться придется.

— Сам расплачусь, — неожиданно ответил Чирок.

— Как это? — удивилась она.

— Велосипед продам. У меня его давно просят. Как раз за сорок рублей.

— А в кошельке сорок было? — спросил Кирилл.

— Наверно. Я же не смотрел, рубль взял — и все. Ева говорила — сорок. Стипендия...

— Ты думаешь, за твой велосипед сорок рублей дадут? — с сомнением спросила Женька.

Чирок кивнул:

— Дадут. Он с виду потрепанный, а ход знаешь какой!

«Знаем, — подумал Кирилл. — Едва догнали». И вдруг почувствовал, что все опять не так. Странно. Но уже по-другому странно: ведь Чирок — вор, и они его поймали, но вот идет между ними нормальный разговор. Словно Чирок не с конвоирами разговаривает, а с приятелями делится заботой. А может, с ним раньше вообще никто не разговаривал как с товарищем?

— Зачем ты от нас убежал? — спросил Кирилл.

Чирок пожал плечами:

— Ну... я почему-то догадался.

— А чего бежать-то? Куда денешься?

— Я просто от дома. Чтобы не при маме...

— Все равно узнает, — с неловкостью сказал Кирилл. Словно он был виноват в бедах, которые скоро обрушатся на Чирка. И он почувствовал благодарность Женьке, когда она спросила:

— А что, у мамы правда больное сердце?

Чирок по очереди взглянул на нее и на Кирилла. И стал смотреть на свои стоптанные сандалии.

— Да нет, — проговорил он. — Сердце обыкновенное. Просто ей сейчас нельзя нервничать, у нее ребенок будет...

Со странной смесью жалости, злости и облегчения Кирилл тряхнул плечами, словно сбросил что-то. Твердо глянул на Женьку, предупреждая, чтобы не спорила. Потом сказал Чирку:

— Продай велосипед, а деньги отошли этой студентке. По почте или как хочешь. Как адрес узнать, сам придумай. В общем, это твое дело.

— Ну... и что? — недоверчиво спросил Чирок.

— Ну и все, — жестко сказал Кирилл. — И живи. Никто, кроме нас, ничего не знает и знать не будет.

Тут Кирилл впервые увидел, что означает выражение «просветлело лицо». Ничего на лице Чирка вроде бы не изменилось, и все же оно стало совсем другим. Словно чище и даже красивее. И глаза у него сделались как у маленького мальчика, которому пообещали чудо.

— И вы по правде... никому?

— Никому. Зачем нам, чтобы ты мучился? — ответил Кирилл. — Ты и так хлебнул. Если совесть есть, сам поймешь.

— Я... — сказал Чирок. — Я... ладно.

— Но дома-то спросят, зачем продал велосипед, — подала здравую мысль Женька.

Чирок торопливо замотал головой:

— Ничего не узнают. Тот парень, который просит продать, далеко живет. А дома скажу, что велосипед угнали. Все время угоняют. У Дыбиных парней сколько угонов на счету... А мама даже рада будет: она боится, что я на велике шею сломаю.

И Чирок первый раз улыбнулся — виновато, нерешите-

льно, с просьбой не лишать его чуда. Но вдруг помрачнел. Сказал Кириллу:

— А тебя опять начнут трясти, будто ты виноват.

— Что? — удивился Кирилл. И проговорил искренне: — Ну, вот это меня волнует, как прошлогодний снег.

— Все равно никто не верит, — с удовольствием разъяснила Женька. — И папа его не поверил. — Она увидела удивленное лицо Кирилла и сообщила: — Ты не знаешь, а я слышала, как твой папа с Евой Петровной разговаривал. Он сказал, что это бред.

Кирилл улыбнулся:

— Это у него любимое выражение.

Потом он осторожно взял Чирка за острый локоть, поддержал.

— Ладно, Петька, живи спокойно, — сказал Кирилл. Он это без насмешки сказал, и Чирок поднял на него тревожные еще, но уже благодарные глаза.

— Живи спокойно, — повторил Кирилл и подумал: «Если сможешь». — Мы никому не скажем, мы обещаем. А ты делай все сам. С деньгами и вообще. Ну, ты же понимаешь.

— Я сделаю, — шепотом сказал Чирок и глаз не опустил. — Честное слово.

Потом он заморгал и отвернулся, и Кирилл его пощадил, не стал смотреть. Ведь у Чирка не было зеленого павиана Джимми.

— Поехали! — сказал Кирилл Женьке и с ходу взял скорость, чтобы проскочить брод. Хотя совсем рядом был мост.

Поднявшись на улицу Грибоедова, Кирилл и Женька пошли пешком. Женька неуверенно поглядывала на Кирилла. Наконец спросила:

— Ты считаешь, что это правильно?

— Да, — сказал Кирилл. — Считаю. А ты нет?

— Я... не знаю. Получается, что мы с ним заодно.

— Почему заодно? Он деньги отдаст... А тащить его к Еве или к директору на допрос я не обязан. А тебе что, хотелось?

— Ну, что ты... — прошептала Женька. — Но я думала, что надо.

— Не надо... Не могу я, Женька, — вдруг признался Ки-

рилл. — Он идет такой понурый... Будто по правде преступник. Еще бы руки за спину заложил — и совсем.

— Руки он не мог, он велосипед вел, — тихо сказала Женька.

И Кириллу показалось, что она все поняла.

— Может быть, так и надо, — раздумчиво сказала Женька. — И Чиркову лучше, и всем. А то такое пятно на отряде...

— Вот вторая Евица-красавица, — усмехнулся Кирилл. — Вам бы универсальный пятновыводитель купить в химчистке.

— А что, разве я неправильно говорю?

— На чем пятно, ты сказала? — переспросил Кирилл.

— На всем отряде.

Кирилл посмотрел на нее сбоку и медленно, отчетливо сказал:

— Нет никакого отряда. Неужели ты не понимаешь?

Нет, она не понимала. Она очень удивилась:

— А что... есть?

— А ничего. Просто тридцать семь человек и Ева Петровна Красовская. Отряд — это когда все за одного. А у нас? Одного избивают, а остальные по углам сидят.

— Зря ты так, — примирительно сказала Женька.

— Нет, не зря. Почему никто не заступился? Ну, за меня и за других, на кого зря наклепали, — ладно... А за Чирка, когда его Дыба мучил?

— Не знали же...

— А почему не знали?

— Но он же не говорил.

— А почему не говорил?

— Ну... я откуда знаю?

— Знаешь. Потому что бесполезно было.

— Почему?

— А потому что боимся. Потому что шпана сильнее нас... хоть мы и гордость школы, правофланговый тимуровский отряд. Ура-ура! Зато у нас на смотре строя и песни первое место! За шефство над старушками благодарность. За вчер немецкого языка — премия...

— Ну чего ты, Кирилл... — жалобно сказала Женька. — Разве это плохо?

— А помнишь, весной Кубышкин с синяками пришел? Его парни на хоккейной площадке излупили, просто так, ни за что. Кто-нибудь сказал, что надо заступиться? Хоть что-нибудь сделали? Одни охали, другие смеялись...

— Ты тоже смеялся.

— Нет, — сказал Кирилл. — Тогда я уже не смеялся. Но я тогда еще боялся многого...

— А... сейчас? — осторожно спросила Женька.

— А сейчас все равно... — усмехнулся он.

— Что все равно? — удивилась Женька.

— Все равно, боюсь или нет, — спокойно объяснил Кирилл. — Так, как Чирок, я бояться все равно не буду. Потому что он один, а у меня друзья есть.

— Да? — быстро спросила она и опустила глаза.

— Да... — сказал Кирилл, не поняв ее. И повторил: — А Чирок один.

— И поэтому ты его пожалел?

То ли насмешка, то ли пренебрежение почувствовалось в Женькином вопросе. А может быть, Кириллу это показалось. Но ответил он сердито:

— А кто придумал, что человека нельзя пожалеть? Если один раз человек не выдержал, разве его нельзя простить?

— Ну почему? Можно...

— И дело не только в Чирке. Еще мать у него...

— Я понимаю.

— Ничего ты, Женька, не понимаешь, — сказал Кирилл. — Потому что у тебя нет брата.

— Я же не виновата, что нет, — ответила она почти шепотом.

— Да ты не обижайся.

— Я не обижаюсь, — сказала она обрадованно. Они посмотрели друг на друга и разом улыбнулись.

— Про Чирка — никому, — предупредил Кирилл.

Женька торопливо кивнула несколько раз. Потом спросила:

— А твоему Антошке сколько месяцев?

— Три с половиной.

— Славный такой... И так песни слушает... Кирилл, а от-

куда та песня? Ну, которая «Колыбельная»... Она же не колыбельная в самом деле.

— Так, просто песня... — небрежно сказал Кирилл. И сразу вспомнил тот котел из ветра и волн и вырастающую на глазах гранитную стену с дурацкой надписью: «Ура, Маша, я твой», и Митьку-Мауса, пружинисто сжавшегося у бушприта...

Глава 9

— Боимся, братцы? — спросил Саня Матюхин. Тихо спросил, без обычной взростовой нотки.

— Будто ты не боишься, — заметил Валерка.

— Есть маленько, — согласился Саня.

— Я тоже... маленько, — со вздохом сказал Митька-Маус. Остальные промолчали.

...Когда в тросах стоячего такелажа начинает ровно и тонко свистеть ветер, это значит — сила его достигла шести баллов. На мачтах спортивных гаваней поднимают черные шары: сигнал, что парусным шлюпкам и яхтам не следует соваться на открытую воду. Конечно, случается парусникам ходить и при таком ветре, и покрепче, но дело это связано с риском. Все тут зависит от умения экипажа и надежности судна.

Сейчас ветер не свистел, а выл, тросы гудели, а по озеру шли рядами пенные валы.

Когда твое судно укрыто за надежным мысом и прочно стоит на двух якорях, а сам ты смотришь на взбесившееся озеро с гранитного валуна, который неподвижно пролежал на берегу миллион лет и пролежит еще столько же, волны и ветер кажутся нестрашными. Даже интересно смотреть. Интересно, если знаешь, что тебе не надо выходить под парусом вон туда, на середину, где нет ничего, кроме свиста и дыбом встающей воды...

Впрочем, можно было и не выходить. Но ветер, плотный и душный, принесил с другого берега запах гари, а над зубчатой кромкой леса вставал желтоватым длинным облаком дым. Лес горел, и огонь, видимо, шел к озеру широкой полосой. Он мог перерезать дороги. А на той стороне, на крошеч-

ном выступе берега, среди сосен и валунов, стояла желтая палатка.

Палатку не было видно отсюда, но ребята знали, что она там. Куда ей деться?

Утром, когда еще не свистело так по-сумасшедшему, а дул нормальный ветер в три балла, «Капитан Грант» шел курсом крутой бакштаг вдоль южного берега. Здорово шел. Были поставлены все паруса, даже летучий кливер. Бурлила за кормой струя, трепетал под гафелем оранжевый флаг, а Митька-Маус сидел на носу и пел страшным голосом пиратскую песню: «Дрожите, лиссабонские купцы...»

Июльское солнце было ясное, вода синяя, почти как на море, а леса стояли спокойные и не чуяли беды.

Хорошо начинался первый долгий поход «Капитана Гранта». И только одно было плохо: несколько дней назад поссорились неразлучные Юрки. Что у них случилось, никто не знал. Ссорились они сдержанно: говорили друг другу «спасибо» и «пожалуйста», если делали что-то вместе, но друг на друга не смотрели. И если не было общего дела, тут же расходились.

Когда люди ругаются, обвиняют друг друга, можно во всем разобраться и помирить их. А если вот так, молча и спокойно?

Накануне похода Дед не выдержал.

— Да что у вас стряслось?! — заорал он. — Лучше бы уж разодрались! Всю душу измотали!

Юрка Сергиенко надул губы, ссутулился и отошел в сторону. Юрка Кнопов утрюмо глянул на Деда и шепотом спросил:

— Как это мы будем драться?

— Не возьму в поход, — в сердцах сказал Дед.

— Разве мы что-нибудь не так делаем? — по-прежнему шепотом спросил Юрка Кнопов. Он и тут по привычке сказал не «я», а «мы». Дед плюнул. А чуть позже сказал Кириллу:

— Черт с ними. Может, в походе у них все наладится.

Кирилл кивнул...

Сейчас, когда шли вдоль берега, Юрки работали на подветренных шкотах стакселя и кливера. Хорошо работали — паруса, налитые ветром, стояли не шевелясь и не вздрагивая,

хотя ветер был не очень ровный. Сидели Юрки рядом, но, как и прежде, было между ними молчание.

Кирилл стоял у штурвала, смотрел на них и думал, что так ссорятся, видимо, очень крепкие друзья. Продолжают любить друг друга, мучаются, а чего-то простить друг другу не могут... Но все равно они счастливые. Все люди счастливые, у кого есть такая дружба. Ведь не навсегда же Юрки поссорились! Не может быть, чтобы навсегда...

Справа была открытая вода, слева — близкий берег. С берега долетел звонкий крик:

— Папа, смотри, старинный корабль!

Кирилл глянул налево и увидел среди сосен желтую палатку. Она не была еще натянута как надо. У палатки стояли пятеро и смотрели на парусник. Молодые мужчина и женщина и трое ребятишек: мальчик ростом с Митьку, девочка чуть поменьше и карапуз примерно полутора лет.

Крикнул, кажется, мальчишка — забавный такой пацаненок в длинной, как платье, тельняшке, подпоясанной флотским ремнем. Видимо, он был моряк душой и телом и при появлении белопарусного чуда загорелся радостью и восхищением.

Все пятеро замахали «Капитану Гранту», а экипаж помаhal им в ответ. Мужчина схватил с валуна кинокамеру и, не подворачивая брюк, прыгнул в воду, пошел навстречу паруснику, чтобы снять поближе.

Митька гордо встал на носу и скрестил руки. На поясе у него красовался надутый круг из красной резины, а от круга, словно длинный хвост, тянулся к мачте страховочный трос. Митьку, однако, это не смущало.

— Адмирал Нельсон, — сказал Дед Митьке, а у туристов громко спросил: — Собираетесь ночевать здесь?

Мужчина, не отрываясь от камеры, кивнул, а мальчишка крикнул:

— Ага! За нами завтра дядя Юра приедет!

— С костром поосторожнее, — предупредил Дед. У него было удостоверение общественного инспектора лесной охраны.

— Все будет в порядке, кэп! — откликнулся мужчина. — Огонек мы у самой воды разведем ненадолго!

«Капитан Грант», кренясь и оставляя бурунный след, прошел мимо желтой палатки и ее обитателей. И скоро про нее забыли.

Маршрут путешественников был извилистый и длинный: с заходом в Камышиную бухту, со стоянкой у Плоского острова, где водились великолепные раки. Раков наловили, но варить не стали: Митька их пожалел и выпустил. Тогда хотели сварить на обед Митьку, но передумали и приготовили кашу с консервами...

В середине дня ветер зашел к югу и разгулялся так, что Митьку на носовой палубе стало захлестывать пеной. Убрали топсель и летучий кливер. А еще через полчаса засвистело совсем по-штормовому. Пришлось убрать грот и бизань и полным курсом уходить под стакселем и кливером за Березовый мыс (где не росло ни одной березы, а стояли редкие сосны и неровной щеткой поднимался хвойный молодняк).

За высоким горбатым мысом было спокойно, хотя наверху шумел и раскачивал сосны ветер. «Капитан Грант» чиркнул килем по дну, и Дед скомандовал убрать последние паруса. Потом ребята забросили на берег два якоря и выбрались на сушу сами.

Земля была твердой и надежной. Пахло теплой хвоей. На лужайках блестели искорками слюды гранитные валуны. Трава между ними была маленькая, словно прижатая к земле, густо пересыпанная сухими сосновыми иголками. На ней темнели угольные проплешины — следы старых костров.

— На сегодня все. Отходились, — сообщил Дед.

Ну что ж, все так все. Можно искупаться в прогретой бухточке с песчаным дном, поваляться на солнышке, потом покидать мячик, а ближе к вечеру заняться устройством ночлега. Они неторопливо натянут старенькую Дедову палатку, разожгут у воды осторожный маленький костер, сварят ужин. Дед возьмет обшарпанную гитару и споет несколько туристских песенок. Это такие песни, что животы болят от смеха. Дед поет их меланхолическим голосом, с очень серьезным лицом, и потому они кажутся еще смешнее.

Потом Алик расскажет продолжение своего фантастического романа...

Один за другим ребята поднялись на бугор. Здесь опять

набросился на них ветер. У Кирилла рванул назад волосы, у Алика сбросил с головы старую мичманку, и она покатила назад к воде...

И только сейчас все заметили, что ветер с едким дымком. И увидели над южным берегом тяжелые клубы...

— Скотство какое, — с бессильной досадой сказал Дед. — Опять сколько погорит...

Сделать они, конечно, ничего не могли, если бы даже оказались на том берегу. Что такое крошечный экипаж «Капитана Гранта» перед километровым фронтом огня? Тут нужен был пожарный десант или саперы. Но леса горели часто, и десантники успевали не везде.

— Выжжет все до самой воды, — тихо сказал Алик. — Хорошо, если там людей нет.

— Запрет же объявлен, — напомнил Дед. — В лес никому нельзя.

И вот тогда кто-то (уже и не вспомнить кто) растерянно сказал:

— А палатка?

А палатка?!

Ярко-желтая, как громадный подсолнух, палатка с пятью веселыми обитателями... «Собираетесь ночевать здесь?» — «За нами завтра дядя Юра придет!»

Завтра! А если сегодня, если очень скоро огонь захватит лес, который подходит к самой воде?

— Их, наверно, освоводские спасатели снимут, — нерешительно сказал Алик.

— Сразу видно, что ты фантастику сочиняешь, — огрызнулся Валерка. — Какие здесь спасатели?

Дед молчал.

А Кирилл подумал, как хорошо на солнечном, твердом бугре. И еще подумал, что «Капитан Грант» почему-то рыскает вправо, когда всходит на крупную волну...

— В крайнем случае в воде отсидятся, — проговорил Юрка Сергиенко, а Юрка Кнопов бросил на него короткий удивленный взгляд. И Кириллу показалось, что в этом взгляде был упрек одного Юрки другому: «Неужели ты еще и трус?»

«Он не трус, — мысленно заступился Кирилл за Сергиенко. — Он же хотел нас успокоить. Он просто не подумал, как отсиживаться в воде, когда волна, когда огонь с берега отжимает на глубину и когда один из пяти не то что плавать, а ходить-то не умеет толком, а двое других тоже еще малыши...»

— А может, огонь еще остановится, — сказал Алик.

— Может быть, — непонятно откликнулся Дед, ни на кого не глядя.

Все могло быть. Мог подоспеть десант и остановить огонь. Но мог не подоспеть и не остановить. Мог подойти спасательный катер, но мог и не подойти. Могла пробиться на берег машина... Все это было неточно. А точно было одно: на том берегу огонь и люди, а на этом — парусник «Капитан Грант». «Папа, смотри, старинный корабль!»

Тогда-то Саня и сказал:

— Боимся, братцы?

Им приходилось плавать почти при таком же ветре, но не долго и в надежной близости от ольховского берега. А сейчас путь лежал через озеро, да еще не напрямик, а зигзагами. Дед молчал, тиская пальцами худой щетинистый подбородок.

«Он тоже боится, — подумал Кирилл. — Он не за себя боится... А я? Я... неужели только за себя?»

Нет, не только. За Антошку: если что случится, тот останется без брата. За маму, за отца. За Митьку, за Юрок, за всех... Он медленно посмотрел на Деда, а Дед на него. Они молча спрашивали друг друга, что делать.

А что было делать? Кирилл глянул с бугра на парусник, там на кормовом флагштоке слабо колыбался оранжевый флаг «Капитана Гранта». На ходу флаг поднимают под гафель грот-мачты. Если сейчас отсидеться за мысом, потом как поднимать этот флаг? «Зря, что ли, его шили?» — чуть не сказал Кирилл. Но не сказал, только переглотнул. Какое он имеет право так говорить? Он что, храбрее всех? У него колленки дребезжат при мысли о выходе из-за мыса.

«Почему же он все-таки рыскает на волне? Хорошо хоть, что всегда в одну сторону».

— Какие мы дружные, — вдруг проговорил Валерка Карпов. — Даже боимся все вместе.

Он был маленький, похожий на вороненка. Не насмешливый, а сердитый.

И тогда Саня Матюхин заговорил снова:

— Давайте бояться на ходу. А то пока здесь сидим, те голубчики могут поджариться...

Кириллу показалось, что все вздохнули с облегчением. И он спросил:

— А как пойдем? Ветер в лоб.

— Сперва на Каменный остров, а потом будем вырезать ся на Совиный мыс. Еще короткий галс — и на месте.

«Легко сказать», — подумал Кирилл, а Дед подал голос:

— У Каменного острова гряда. Забыли? А дальше — от-мели, остров не обойти.

— Есть проход, — сказал Саня. — Вот здесь... — Он нагнулся, отыскал в траве плоский камень, подобрал несколько сухих шишек. Раскидал их цепочкой.

— Вот остров, а вот первый камень. Тут еще бетонный блок. Можно проскочить, если рассчитать.

— Поворот оверштаг прямо в проходе? — спросил Алик. — Если зависнем, левым бортом нас хряпнет о камни.

«Если не зависнем, тоже может хряпнуть», — подумал Кирилл. — Волной снесет...»

— Может, хряпнет, а может, и нет, — сказал Саня.

Юрки посмотрели на него и, не глядя друг на друга, стали спускаться к «Капитану Гранту».

— А если сперва вдоль нашего берега идти, а потом вырезаться на Совиный? — предложил Валерка.

— До завтра проколупаемся, — ответил Саня.

А Дед наконец сказал:

— Не имею права, ребята... Не имею права выходить с вами в такой свистодуй...

— Не на прогулку же! — громко удивился Алик. — Там же люди! Как это не имеешь?

А Саня спокойно предложил:

— Мы тебя свяжем и скажем, что пошли без разрешения.

— Болтун, — грустно сказал Дед. Посмотрел на Кирилла и тихо спросил: — Поведешь?

— Я? — испугался Кирилл.

— Мне при такой качке не устоять, нога разболелась. Да и рулевой из тебя лучше, чем из меня. Чего уж там...

Вот тогда Кириллу стало по-настоящему страшно. Холодно даже. Будто ветер повеял осенью. Кирилл нагнулся и начал зябко растирать ноги от щиколоток до колен. Он тер, тер и на Деда не смотрел. А Дед еще тише сказал:

— Надо, Кир...

Кирилл выпрямился. Страх не отпустил его, но стало спокойнее. Что делать, раз надо? Кирилл кивнул и, скользя кедами по сухим иголкам, стал спускаться к стоянке. Он даже не понял, что обманывает себя: не понял пока, что решение принял не кто-то другой, а он сам.

Дед громко крикнул с бугра:

— Проверьте спасательные жилеты! А на Митьку наденьте второй круг!

На карте страны нет Андреевского озера совсем, а на карте области оно кажется маленькой синей запятой. Но от этого не легче тому, кто идет по озеру в штормовой ветер.

В длину озеро около семнадцати километров, а в ширину очень разное — от километра до пяти. Оно разлито среди отрогов старых гор, здесь много островков, заливчиков. В заливчиках удобные стоянки. Но какой смысл думать о стоянках, если путь лежит через открытую воду, где пенистые гребни и нестихающий свист?

Как ни крути, а «Капитан Грант» — шлюпка. Хотя и перестроенная, укрытая с носа палубой, но все равно шлюпка. Случалось, что на шлюпках переплывали океаны. Но случилось и другое (гораздо чаще): шлюпки переворачивало ветром послабее, чем нынешний, и в заливах поменьше Андреевского озера...

Все это знал нахмуренный и молчаливый экипаж «Капитана Гранта», когда выводил свой корабль из-за мыса.

Верхние паруса поднимать не стали. Поставили кливер, стаксель, бизань. Уже на ходу Алик и Саня подняли тяжелый грот. Вздернули под гафель флаг.

Оконечность мыса с одинокой сосной ушла за корму, ветер навалился на парусину, в левый борт ударил гребень. Следующий вал приподнял парусник и почти положил направо.

— Экипаж — на открен, — негромко и быстро сказал Дед.

И началось...

Если бы верхушка грот-мачты оставляла в небе след, это была бы извилистая линия, которая в учебнике геометрии называется «синусоида». То выпрямляясь и чуть кренясь налево, то валясь на правый борт, «Капитан Грант» шел при боковом ветре к Каменному острову, и клотик мачты выписывал зубцы длиной в шесть или семь метров.

Кирилл стоял, цепляясь босыми ступнями за решетчатый настил. Когда парусник валился вправо и казалось, что это уже все, Кирилл машинально переносил тяжесть на левую ногу, словно так можно было выпрямить «Капитана Гранта». Помедлив, судно выпрямлялось. А потом опять...

Кирилл понимал, что, если во время большого крена резко усилится ветер, парусник может не встать. И он стискивал штурвал, ожидая шквала и готовясь немедленно привести судно бушпритом к ветру...

Но шквалов не было. Ветер — душный, плотный, горький от дыма — дул очень сильно, однако без порывов. И валы, бурля верхушками, катились ровно. И в конце концов (не известно только, скоро или не очень скоро) Кирилл понял, что корабль держится и экипаж тоже держится. Такая погода была по плечу «Капитану Гранту». Он резво бежал, оставляя на склонах волн кипящий след, и не пытался уйти с курса.

Кирилл ослабил мускулы, медленно разжал пальцы и переложил ладони на обод штурвала. С удивлением посмотрел на коричневые рукоятки. Там не было никаких следов, а Кириллу казалось, что останутся светлые пятнышки, будто на загорелой руке после того, как ее стискивали пальцами. Ведь он так отчаянно сжимал штурвал...

Кирилл тряхнул головой и быстро оглянулся. До этого он видел только то, что впереди: воду, далекий Каменный остров, два треугольных паруса и Митьку, который сидел на носу, вцепившись в кнехты и отплывавшая от брызг.

Сейчас Кирилл увидел всех. Валерка работал сзади, на бизань-шкоте. Лицо у Валерки было беззаботное и даже веселое. Саня и Алик сидели на левом планшире, удерживая

вдвоем жесткий капроновый гика-шкот. Они что-то быстро говорили друг другу. Юрки, тоже у левого борта, держали, как всегда, шкоты передних парусов. Они были рядом, но даже сейчас, при такой качке, старались не коснуться друг друга плечами. Неужели не устали ссориться?

Ближе всех был Дед. Он стоял позади Кирилла, навалившись локтем на левый планшир. Почти рядом. Он улыбнулся Кириллу. Кирилл тоже улыбнулся и, проверяя управление, шевельнул туда-сюда штурвал. Кораблик мгновенно отозвался, чуть-чуть вильнув на курсе. Его штуртросы по-прежнему были как живые нервы. Он опять стал частью Кирилла.

Озеро уже не казалось грозным. Угадывая взлеты и размахи судна, Кирилл с удовольствием смотрел на волны. Неяркое, задымленное солнце сделало их удивительными: окрасило в зеленовато-желтый цвет. Даже пена стала желтоватой. Она срывалась с гребней и длинными полосами ложилась по ветру на склоны водяных валов. Брызги ударяли Кирилла в левую щеку.

— «Ветер по морю гуляет и кораблик подгоняет», — весело сказал Кирилл.

Дед ответил:

— Славно бежим. Теперь главное — поворот у камней.

Да... Ведь еще поворот! Радоваться рано.

Кирилл глянул влево. Там в полусотне метров уже тянулась гряда — неровная цепь камней. Над ней, отчаянно споря с потоками ветра, метались озерные чайки. Волны свободно переваливались через камни, но для парусника путь сквозь гряду был закрыт. Пройти между камней могла лишь легкая лодочка, да и то по тихой воде.

Оставался проход у самого острова. Кирилл один раз был там — в спокойную погоду. А при таком ветре попробуй чуть-чуть ошибиться... Помогут ли тогда самодельные спасательные жилеты из брезента и пенопласта?

Остров, который недавно казался далеким, теперь вырос, будто его выталкивал из воды сказочный великан. Это был даже не остров, а торчащие из озера гранитные зубцы — голые и отвесные. Иногда здесь лазили отчаянные туристы, но надолго никто не задерживался: ни веточки для костра, ни ровной площадки для палатки.

Сейчас никого не было видно. Только белая надпись напоминала о людях. Ее вывел на отвесной стенке в пяти метрах над водой какой-то обалдевший от счастья влюбленный. Большущие, масляной краской написанные буквы: «Ура, Маша, я твой!»

Буквы были видны уже отчетливо и делались все крупнее.

Кириллу опять стало не по себе. Но это был уже не тот страх, что прежде. Сейчас Кирилл боялся за всех один. И потому во много раз сильнее. Но в то же время это был давленный, скрученный страх. Страх с прикушенной до боли губой. Потому что бояться было нельзя. Попробуй дрогни на повороте!

А дым над берегом стал плотнее, хотя пламени не было видно.

Кирилл опять перенес ладони с обода на рукояти.

— Ребята! — сказал он тонким и громким голосом. — На повороте не кидайтесь к штурвалу! Может показаться, что врезаемся... А иначе нельзя, надо вплотную!

— Все будет хорошо, — сказал Дед. — Спокойно, Кир.

Кирилл посмотрел на Митьку. Если «Капитан Грант» врежется носом в гранит, Митька может покалечиться. Но убрать его нельзя: никто не мог так виртуозно, как маленький Маус, вынести на ветер стаксель при повороте оверштаг.

— Ты не бойся, Мить, — сказал Кирилл. — Ты держись.

— Ага, — серьезно откликнулся Митька. — Если очень забуюсь, я зажмурюсь.

— Жмурься, — разрешил Дед. — Только не прозевай команду.

До гранитного отвеса оставалось полсотни метров. Каменные зубцы словно кричали навстречу Кириллу: «Ура, Маша, я твой!» Все громче и громче. Сейчас эти слова казались нелепо-насмешливыми. Остров словно издевался: «Ну-ну, подожди...»

Лишь теперь Кирилл почувствовал каждой жилкой, какой все-таки быстрый ход у «Капитана Гранта». Взлетая на упругой волне, кораблик при боковом ветре делал чуть ли не десять узлов. Обычно это может лишь хорошая яхта или большая парусная шхуна. Если полоторатонный деревянный

парусник грохнется о каменный остров со скоростью бегущего человека, это будет уже не парусник, а дрова.

До поворота оставалось около десяти секунд, и Кирилл ощутил, что опасность чувствуют все.

— Бизань... — сказал он, и Валерка тут же подтянул шкот; слегка увеличилось давление на корму.

Клокотание кормовой струи было громче шума волн и ветра...

Восемь или семь секунд осталось до поворота. Слева у самого борта проносились назад камни. Кирилл прерывисто втянул в себя воздух. И в это время Дед негромко сказал:

— Юрки, помиритесь.

Нельзя уже было оглядываться, но Кирилл все же быстро посмотрел назад. Сергиенко и Кнопов, зажавши в левых ладонях шкоты, правые резко стиснули в рукопожатии. И еле заметно улыбнулись друг другу.

«Давно бы так», — мельком подумал Кирилл и тут же понял, что пора. Зубцы торчали почти прямо над ним.

— К повороту! — скомандовал он.

Ответное «Есть к повороту!» смешалось в скороговорку — это разом откликнулись шесть матросов.

Гранит надвигался, как летящий на всех парах бронированный крейсер.

Ну еще чуточку, еще сантиметр...

— Поворот!

Без рывка, мягко, но очень быстро закрутил он влево штурвал. До отказа... Все же на долю секунды Кирилл опоздал: бушприт чиркнул по граниту и сбил камешек. Однако нос уже катился влево, паруса ослабли, и «Капитан Грант», потеряв скорость, закачался на встречной волне. Справа — остров, слева, совсем недалеко, — ребристый камень, заливаемый шипучими волнами.

Бушприт двигался все медленней. Если нос не перевалит через ветер, парусник пойдет кормой на бетонный блок, торчащий из-под воды (раньше там стояла мачта высоковольтной линии). Или грохнется правым бортом о скалу.

Ну, скорей же, скорей поворачивай!

Наконец ветер прямо в лицо.

— Стаксель на ветер!

Митька и без команды знал, что делать. Тоненький, верткий, он, цепляясь ногами за кнехт, почти вывалился за борт, растянул навстречу потокам воздуха нижний угол стакселя. Треугольный парус хлопнул и надулся, толкая судно назад и влево. «Капитан Грант» помедлил и словно бы с неохотным вздохом перешел линию ветра.

— Под ветер...

Паруса натянулись, и судно легло на правый галс. Кирилл поставил руль прямо. Но скорости еще не было, нос продолжал катиться влево, и острый камень быстро приближался к скуле парусника. Все видели, что он врежется в обшивку раньше, чем «Капитан Грант» скользнет вперед.

— Вправо руль... — умоляющим шепотом сказал Дед.

Кирилл сердито дернул плечом. Ему и самому до боли в пальцах не терпелось крутнуть штурвал. Но он понимал, что, не имея хода, «Капитан Грант» совсем остановится, если кинется носом к ветру. И тогда уж точно окажется кормой на камнях.

Кирилл ждал волну. И она пришла, пришла вовремя — большая, в желтых полосах пены. Приподняла парусник, и он, верный своей привычке, сам рыскнул вправо. Чуть-чуть. Лишь настолько, чтобы увести выпуклый борт от проклятого камня. Камень прошел рядом, едва не чиркнув по обшивке похожим на пилу краем.

— В двух сантиметрах, — сказал Алик.

Скорость нарастала, и Кирилл взял круче к ветру, уходя от гряды.

Опасность осталась позади. Позади остался эпизод из жизни экипажа маленького парусника на озере, которого нет на больших картах и о котором ничего не знают моряки, ведущие свои корабли по морям и океанам...

На Совинный мыс вырезались долго. У штурвала стоял Дед, Кирилл сидел у планшира, беззаботно глядя на волны и шевеля уставшими пальцами.

Когда прошли мыс и сделали еще один поворот, увидели белый катер. Нырять в волнах, он шел от того места, где недавно стояла палатка. Кирилл успел разглядеть на корме маленькую тельняшку.

— Ну и ладно, меньше забот, — сказал Дед. — Зато спать будем спокойно.

И все молча с ним согласились.

— Уваливаем под ветер, — скомандовал Дед.

И они прекрасным, самым лучшим для парусника курсом — в полный бакштаг — понеслись к своей прежней стоянке, в тихую бухточку за Березовым мысом.

На южном берегу начали бухать взрывы: люди спешили остановить огонь...

Когда подходили к берегу, ветер ослабел и скоро совсем утих. С другой стороны, с северо-запада, неожиданно надвинулась лиловая туча. Грохнуло.

Грозу пережидали в тесной рубке, прижимаясь друг к другу и вспоминая недавнее штормовое плавание.

— Кир, у тебя нервы или канаты? — спросил Дед. — Я думал, что уже крышка, когда нас на камень волокло.

— Это у меня-то канаты... — усмехнулся Кирилл. — До сих пор мурашки по спине...

— Подумаешь, мурашки, — сказал Саня. — Будь у нас ордена, Кир точно бы заслужил.

— Орден мурашки первой степени, — вернул Валерка.

— Я, между прочим, серьезно, — сказал Саня.

— Если серьезно, тогда не мне орден надо, а Митьке, — заметил Кирилл. — Он больше всех рисковал... Митька, ты жмурился?

— Не-а... У меня от испуга глаза растопырились...

В это время грохнуло изо всех сил.

— А молния в мачту не стукнет? — спросил Митька.

— Зачем ей в мачту стукать? На мысу вон сколько сосен, — успокоил Дед.

Митька подумал и сказал, что в сосну тоже не надо. А то опять лес загорится.

— После такого дождя ничего не загорится, — возразил Алик.

Дождь лупил тугими струями по фанерной палубе, и в рубке гудело.

Потом туча ушла за озеро и уволокла за собой ливень — словно на помощь пожарному десанту.

Все выбрались из рубки. Юрки первые прыгнули с борта и, взявшись за руки, побрели по мелководью к берегу. Вечерний воздух был свежий, послегрозовый. Гарь исчезла. Над дальним лесом еще курились дымки, но были они уже слабые и нестрашные.

Звонко тенькала пичуга...

Потом был вечер, такой, как хотели, — спокойный и хороший. Растянули палатку, сварили картошку, Дед спел песни про беспутного папу-туриста и про бабушку, вступившую в секцию альпинистов. Алик рассказал о стычке марсиан с жителями Сиреневой галактики...

Когда заря спряталась за деревья северного берега, а за Совиным мысом заиграла огоньками деревня Павлово, все решили, что пора спать. Дед, Алик и Юрки ушли на судно, а Кирилл, Митька, Саня и Валерка улеглись в палатке. Завернулись в одеяла, а под голову положили спасательные жилеты. Пол у маленькой палатки качался, как палуба во время недавнего плавания, — так показалось Кириллу, когда он засыпал. Ну и пусть качается...

Проснулся Кирилл среди ночи. Он подумал сначала, что мама будит его, чтобы успокоить Антошку. А оказалось — Митька. Он осторожно толкал Кирилла в спину, шептал в самое ухо:

— Кир... Кир...

— Ты что, Маус?

— Кир, давай выйдем, а?

— Куда? Зачем?

— Ну выйдем...

Кирилл понял наконец: Митьке очень надо выйти из палатки, но он боится один. Ох ты, горюшко...

— Ладно, пошли, — пробормотал Кирилл.

Они выбрались из сонного тепла, и свежий воздух показался Кириллу зябким. Митька тоже стал ежиться и поджимать то одну, то другую ногу. Кирилл взял его за теплое плечо. По влажной траве они пошли к ближним кустикам. У самых кустов Митька освободил плечо, нерешительно оглянулся на Кирилла, сделал еще два шага в чашу и торопливо зажурчал там. Кирилл снисходительно усмехнулся и,

чтобы Митьке не было страшно, стал тихонько насвистывать: «Капитан, капитан, улыбнитесь...»

Через несколько секунд Митька подбежал.

— Никто тебя там не укусил? — сурово спросил Кирилл. — И когда твои глупые страхи кончатся?

Митька вздохнул, ухватил Кирилла обеими ладонями выше локтя, подумал и сказал:

— Скоро, наверно...

Они пошли рядышком к палатке. Но шагов через пять Митька вдруг остановился и прошептал:

— Смотри, как в книжке...

— Что? — не понял Кирилл.

— Ну, все... вокруг. У меня книжка есть со сказками, и там такая картинка.

Небо было сиреневым, с еле заметными звездочками. Верхушки сосенок в этом небе казались черными, будто нарисованные пушистой кисточкой, которую макнули в тушь. Сильно опрокинутая половинка луны висела над верхушками: заберись на сосну — дотянешься... Вполне-вполне могло случиться, что в этой темной чаше, под таким хитровато-молчаливым месяцем вдруг проснетесь, шумно переступит громадными куриными ногами и заскрипит замшелая избушка с неярким перекрещенным окном...

Однако Митьке говорить про избушку не стоило. Кирилл сказал:

— Это же хорошая сказка. В ней всякие добрые чудеса. Ты не бойся.

— А я не боюсь... если с тобой, — заверил Митька-Маус и плечом прижался к руке Кирилла.

— Холодно?

— Не-а... Пойдем посмотрим на наш корабль.

Кирилл вдруг заметил, что в самом деле уже не холодно. И спать совсем не хотелось.

Они вышли на склон. За редкими соснами лежала бухта. Вода отражала небо — светлая, как запотевшее зеркало. «Капитан Грант» казался таким же черным, как деревья. На палубе рубки видны были два силуэта, и даже сюда, на склон, доносился громкий шепот. Это Юрки отводили душу после долгой молчаливой ссоры.

Кирилл с Митькой спустились на кромку берега и вошли по шиколотку в теплую, будто подогретую на плитке, воду.

— Эй вы, чего не спите? — окликнул Кирилл.

— Мы на вахте, — объяснил Юрка Кнопов.

Из рубки донесся сердитый голос Деда. Дед хотел знать, скоро ли кончится топанье по палубе, шастанье по берегу, громкое шептанье, переклички и все прочее, что мешает спать порядочным людям.

— Не хочется спать! — громко объяснил Митька. — Мы гуляем. Давай еще посидим у костра! Иди к нам!

Дед сказал, что он сейчас придет, но сидеть после этого Митьке будет очень неудобно и спать придется на животе.

— Нет, правда! — настаивал Митька. — Давайте еще посидим!

— Будешь ты спать, обормот?

— А ты мне споешь колыбельную?

Дед выбрался из рубки и, плюхая по воде, побрел к берегу. На ходу он обещал Митьке такие ужасы, что вся средневековая инквизиция побледнела бы от восхищения и зависти.

Кончилось, однако, тем, что опять развели костер, вскипятили чайник, выпили по две кружки земляничного навару и уговорили Деда взять гитару.

— Колыбельную тебе? — спросил он у Митьки.

— Лучше про туристов, — сказал Валерка. — Смешную.

— Понятно, — отозвался Дед и стал смотреть в огонь. Он довольно долго так смотрел. Потом тронул струны, и они загудели в незнакомом сдержанном марше. Дед запел без всякой улыбки, глуховато и даже сумрачно:

Помириться, кто ссорился,
Позабудьте про мелочи,
Рюкзак бросьте в сторону —
Нам они не нужны.
Доскажите про главное,
Кто сказать не успел еще.
Нам дорогой оставлено
Полчаса тишины...

Стало тихо, угли только потрескивали. Кирилл напряженно ждал: в песне было что-то знакомое и спокойное. Будто это не только песня.

От грозы черно-синие,
Злыми ливнями полные,
Над утихшими травами
Поднялись облака.
Кровеносными жилами
Набухают в них молнии,
Но гроза не придвинулась
К нам вплотную пока...

Дали дымом завешены —
Их багровый пожар настиг,
Но раскаты и выстрелы
Здесь еще не слышны.
До грозы, до нашествия,
До атаки, до ярости
Нам дорогой оставлено
Пять минут тишины.

Потом Кириллу не раз придется петь эти слова, и всегда у него будут холодеть руки и щеки. Но в первый раз, у костра, нервный холод обжег его так, что остановилось дыхание.

...До атаки, до ярости,
До пронзительной ясности
И, быть может, до выстрела,
До удара в висок —
Пять минут на прощание,
Пять минут на отчаянье,
Пять минут на решение,
Пять секунд на бросок...

Лица были оранжевыми от огня, а огонь был как флаг «Капитана Гранта» на штормовом ветру.

Митька приткнулся к Кириллу и положил ему на колени кудлатую голову. Замер.

Дед резче ударил по струнам и закончил последний куплет:

...Раскатилось и грохнуло
Над лесами горящими,
Только это, товарищи,
Не стрельба и не гром —
Над высокими травами
Встали в рост барабанщики.
Это значит — не все еще,
Это значит — пройдем.

И опять тихо сделалось. Даже неяркий желтый месяц

опустился к самой земле и слушал тишину, похожую на эхо песни.

— Вот это колыбельная! — шепотом сказал Юрка Кнопов.

— Откуда она? — спросил Саня.

— Издалека, — сказал Дед. — Я слышал ее в комсомольском лагере под Петрозаводском, давно еще. Но и там не знали, кто ее сочинил.

«Это почти про нас, — подумал Кирилл. — Как мы сегодня... Не совсем про нас, но похоже...»

Дед сидел, задумавшись и поглаживая гитару, как добрую собаку. «Он больше всех боялся сегодня, — подумал Кирилл. — Во-первых, за весь экипаж, во-вторых, за своего Митьку, который был впереди... Митька заслужил такую колыбельную...»

— А почему... — начал Кирилл и замолчал. Он хотел спросить, почему Дед не пел эту песню раньше. Не спросил, понял. Надо было иметь право на такую песню.

Теперь они имели это право.

— Давай еще раз, — попросил Кирилл.

— Что ж, давай, — просто и охотно сказал Дед.

Кирилл сел с ним рядом. Он не чувствовал ни капельки смущения, никакой нерешительности, он хотел петь. Он сейчас словно целиком состоял из этой песни. Два голоса — глуховатый и ясный — слились в первой фразе:

Помириться, кто ссорился...

Юрки, сидевшие рядом, еще плотнее придвинулись друг к другу.

Глава 10

— Так... Просто песня, — сказал Кирилл Женьке, когда они шли от оврага после встречи с Чирком. — А почему ты спрашиваешь?

— Она незнакомая какая-то. И хорошая... Ты ее поешь хорошо.

Вот сейчас Кирилл почему-то смутился, хотя Женька не

первый раз хвалила его пение. И от смущения заговорил сердито:

— Ты, смотри, не вздумай болтнуть про Чирка.

— Не вздумаю, — рассеянно сказала Женька. — А ты не притворяйся суровым, ты не такой.

— А какой? — растерянно спросил Кирилл.

— Ну... я не знаю.

— Не знаешь, а влюбилась в третьем классе, — пробормотал Кирилл. Он хотел быть язвительным, но, кажется, покраснел.

— В третьем классе все было проще, — серьезно проговорила Женька. — В третьем классе ты пел песни про Чебурашку, а не такие, как эта... «Колыбельная».

— Это песня про то, как люди боятся, — вдруг сказал Кирилл. — Знаешь, бывает так: ветер, огонь, гроза. Люди боятся, но идут.

— Куда?

— «Куда»... — усмехнулся Кирилл. — Куда надо. Ясно, что не кошельки таскать!

— Ну вот, — огорченно сказала Женька. — Сам заступился за Чиркова, а теперь...

— А я не про него...

— А про кого?

— Вообще...

— Странный ты, Кирилл.

— Почему?

— Не знаю... Ты похож на Тиля Уленшпигеля.

— Перегрелась ты на солнышке, — сказал Кирилл и представил себя со стороны, как в зеркале.

— Нет, в самом деле. Такой же худой, и волосы... И... какой-то отчаянный. У тебя тоже пепел стучит в сердце?

— Да ну тебя, — пробормотал Кирилл и от большого смущения брякнул: — Ничего у меня не стучит. Урчит только — в животе от голода.

Тут же он понял, что сморозил глупость, и торопливо проговорил:

— По-моему, это ты отчаянная. Так носишься на велосипеде. Я даже не думал, что ты так можешь.

— Что ты! — обрадованно сказала Женька. — Это я с пе-

репугу. Знаешь, как я перетрусила, когда в овраг скатывались!

— Ну вот, — сказал Кирилл. — Значит, эта песня и про тебя... Ну, пока...

Они стояли на углу улиц Грибоедова и Мичурина, и надо было расходиться.

— До свидания, — сказала Женька и, глядя Кириллу в глаза, протянула узкую ладошку с плотно сжатыми пальцами. Кирилл осторожно взял эти пальцы и вдруг спросил:

— А на кого я был похож в третьем классе?

— На себя самого, — без улыбки ответила Женька. — Ну, до завтра.

Они разошлись, немного встревоженные странным своим разговором, но в общем-то почти беззаботные и уверенные, что сегодняшний день больше не принесет никаких сложностей. Они еще не знали, что школьные заботы не кончились.

Когда Женя вернулась домой, мама сказала:

— Наконец-то! А у нас Ева Петровна...

А Кирилл медленно ехал по обочине и увидел Зою Алексеевну, которая с тяжелой сумкой шла по краю тротуара.

Зоя Алексеевна тоже увидела Кирилла. Они сошлись почти вплотную. Разойтись просто так было невозможно, Кирилл это чувствовал. Поздороваться? Но он уже здоровался с Зоей Алексеевной перед сегодняшним горьким разговором. Что было делать? Кирилл сделал то, что сделал бы и раньше, до сегодняшнего дня. Сошел с велосипеда, оттянул зажим багажника и сказал:

— Ставьте сумку, Зоя Алексеевна. Я доведу.

Только не было у него улыбки.

И она молча опустила сумку на багажник. Кирилл вел велосипед за руль. Шли и молчали. Но долго молчать было нельзя. Зоя Алексеевна негромко проговорила:

— Жестокие слова ты сегодня сказал мне...

Кирилл чуть заметно шевельнул плечом. Это можно было не заметить. А можно было заметить и понять так: «Что сказал, то сказал. И не жалею».

Зоя Алексеевна кивнула:

— Понимаю. Не раскаиваешься.

Не поднимая головы, Кирилл сказал почти шепотом:

— Нет.

— Ты считаешь, что я предала тебя. Почему? Потому что поверила, будто ты виноват?

— Да.

— Что ж... Наверно, ты прав по-своему.

Кирилл вскинул глаза и встретился с ней взглядом.

Все так же тихо, но не опуская взгляда, он проговорил:

— Я, Зоя Алексеевна, по-всякому прав.

Она улыбнулась коротко и грустно и вдруг спросила:

— Ты не мог бы сейчас зайти ко мне?

— Зачем?

— Чтобы закончить наш разговор.

Он спросил слегка удивленно:

— Разве нужен еще разговор?

— Нужен... Если не тебе, то мне нужен.

Кирилл опять стал смотреть вниз.

— Хорошо, — сказал он. — Только для чего? Все равно вы мне не верите.

— Да верю! — неожиданно громким голосом воскликнула она. Кирилл даже вздрогнул. — Верю я тебе, Кирюша. Я сразу же поняла, что ошиблась. Я десять раз готова попросить извинения. Но я хочу, чтобы ты понял... Горько мне от твоих слов... Я тебя очень прошу — зайдем.

...Зоя Алексеевна жила в глубине заросшего двора, в старом двухэтажном доме, на первом этаже. Раньше, давным-давно, Кирилл не раз бывал здесь. В подъезде почему-то всегда пахло жареной рыбой. И сейчас Кирилл опять ощутил этот запах. На миг он почувствовал себя третьеклассником, прибежавшим сюда разучивать к Первомайскому празднику песню о красном командире.

Велосипед поставили под вешалкой, и Кирилл по мягким домашним половикам вошел в комнату. В знакомую комнату с письменным столом и книгами, с пианино под вязаной накидкой, с узким диваном. С большого фотопортрета строго смотрел пожилой человек в форме железнодорожника — давно умерший муж Зои Алексеевны. Он и раньше так

же смотрел со стены, когда Зоя Алексеевна уходила готовить чай, а мальчишки на диване затевали тихую возню...

— Садись, Кирюша, я чайник поставлю.

— Спасибо, мне не надо.

— Кирилл...

— Правда, я не хочу. Я уже пил у Черепановой.

— У Жени? Вы дружите?

— Да нет, я сегодня первый раз к ней зашел. Случайно.

— Она хорошая девочка...

Кирилл улыбнулся. Они посмотрели друг на друга и поняли, что надо вернуться к главному разговору.

— Садись... Вот сюда, на диван. А я в кресло... Так вот, милый мой, храбрый, непреклонный Кирилл, ты был, конечно, прав, когда на меня обиделся. Но все-таки прав не «по-всякому». Ты еще мальчик... Не обижайся, быть мальчиком прекрасно. Только вы, мальчики, обо всем судите слишком решительно. Вы просто еще не знаете, что люди меняются... хотя сами меняетесь каждый день...

Кирилл слушал, опустив голову, и помусоленным пальцем оттирал с колена остатки угольной пыли, которую не смыла даже вода Туринки. Он нерешительно возразил:

— Характер все равно остается...

— И характер меняется, и взгляды... Да посмотри на себя. Разве ты был таким? Ты был молчаливый, застенчивый и... не обижайся уж... боязливый даже. Чуть чего — в слезы. А теперь...

— Но я же не стал гадом! Ой, простите...

— Ничего. Конечно, ты не стал. Но бывают и горькие примеры... Вот посмотри.

Из ящика письменного стола она достала пачку фотографий. Нашла и протянула нужный снимок.

Был сфотографирован класс. Наверно, третий. Видимо, снимок был старый: мальчишки в пиджаках без погончиков, стрижки совсем короткие — чубчики да ежики. И Зоя Алексеевна, сидящая среди ребят, выглядела гораздо моложе.

— Это двенадцать лет назад... Взгляни на этого мальчика...

Рядом с Зоей Алексеевной сидел мальчишка с широким улыбочивым ртом и большими темными глазами.

— Все его любили, — сказала Зоя Алексеевна. — Проказ-

ник был, но добрая душа. За мной по пятам ходил, хотя я и сердилась иногда на его проделки... Получили они квартиру в другом районе, а он с классом расставаться ни в какую не захотел. Так до конца учебного года бабушка и возила его через весь город. Пока не перешел в четвертый... А в восьмом он украл из библиотеки магнитофон. Потом, через два года, целой группой они напали на пенсионера, ограбили и так избили, что он умер... И стал мальчик Миша убийцей. Кто виноват? Наверно, разные люди. И сам он, этот выросший мальчик Миша... И я виновата. А как сделать, чтобы все остались хорошими?

Зоя Алексеевна осторожно взяла у Кирилла снимок.

— И это, Кирюша, не единственный случай, — тихо сказала она. — А теперь взгляни сюда. Узнаешь?

Кирилл взглянул и засмеялся от неожиданности. Еще бы не узнать! Это был их третий «В» в майском походе.

Конечно, прогулка через ближний лесок в пригородный совхоз только называлась походом, но тогда казалось, что маршрут серьезный и даже слегка опасный. Приходилось пробираться через ручей по хлипким жердочкам. Потом через колючий ельник, непроходимый, как тайга. Были и происшествия: тяжелый рюкзак перетянул Валерку Самойлова и опрокинул в яму, а там, несмотря на летнюю погоду, лежал еще грязный снег. Пришлось останавливаться и разводить костер. Их первый пионерский костер. И кстати говоря, последний...

Сфотографировал их папа Олега Райского, он вместе с Зоей Алексеевной командовал походом. Обещал каждому сделать по карточке, да, видимо, не собрался. Хорошо, что хотя бы Зое Алексеевне сделал. В конце концов, класс-то почти весь остался вместе, а Зоя Алексеевна с ними через три дня распрощалась.

Снимок был сделан во время короткого привала, на лугу, у изгороди из толстых березовых жердей. Девчонки преданно расселись вокруг Зои Александровны, а мальчишки — где попало. Многие забрались на жерди, а кое-кто даже повис на них вниз головой. А Кирилл с длинным Климовым (он и тогда был длинный) стояли на верхней жерди,

как на буме, и сражались стеблями прошлогоднего репейника...

— Видишь, Кирилл, все хорошие... Но ведь хочешь же хочешь, а кто-то из них, по всей вероятности, виноват. Кроме ребят из вашего класса, никого у раздевалки не было, когда кошелек пропал... Ты меня упрекнул в предательстве. Но тот, кто украл, тоже предал. Меня, ребят... Ну, пусть не эти ребята, а из другого класса, но все равно предали. Учителей, товарищей...

Кирилл не ответил. Он отыскал глазами Чирка. Петька сидел верхом на большом, видимо чужом, рюкзаке и рассматривал забинтованный локоть: он незадолго до привала споткнулся и ободрал руку.

Чирок был в белой пилотке, парусиновом костюмчике с якорем на нагрудном кармашке — самый маленький из всех, словно первоклассник, которого взяли в поход по знакомству. И как настоящий первоклассник — без пионерского галстука. Один из всех.

— Зоя Алексеевна, а почему Чиркова тогда в пионеры не приняли? — спросил Кирилл.

— Не приняли? — Она пригляделась к фотографии. — Да, в самом деле, я вспоминаю. Кажется, в те дни ему не повезло с оценками. Видимо, так. Поведение-то у него всегда было приличное... — Она вдруг встревожилась: — Но сейчас-то он пионер?

Кирилл кивнул:

— Да, в галстучке ходит.

Зоя Алексеевна улыбнулась:

— А характер? Все такой же или побойчее?

— Все такой же, — усмехнулся Кирилл. — Воды не замутит. На него даже Александр Викентьевич никогда не кричит.

— Почему «даже»? Разве Александр Викентьевич такой сердитый?

Кирилл пожал плечами:

— Если рассказывать, получится, что я жалуясь. Придите на урок, послушайте... Но, наверно, при вас он будет спокойнее.

— Он, видимо, просто требовательный.

Кирилл мотнул головой.

— У нас математичка Вера Сергеевна знаете какая требовательная! Но про нее никто ничего плохого не скажет. А чертежник просто злой.

— Ох, Кирюша, Кирюша. Неужели ты думаешь, что кто-то из учителей желает вам зла? Ева Петровна или Александр Викентьевич? Неужели ты так думаешь?

«А в самом деле, — подумал Кирилл, — зачем им хотеть для нас зла?»

— Я не знаю... — растерянно сказал он.

— Вот видишь!

— Нет, я скажу... сейчас... — медленно проговорил Кирилл. — Я просто об этом не думал. А сейчас подумал... Они, конечно, не хотят нам плохого, если не злятся... Но хорошего тоже не хотят, им просто все равно. Им надо, чтобы все было спокойно. Чтобы ученики не получали двойки и всегда слушались.

— А что в этом плохого?

— Да не могу я всегда слушаться! — крикнул Кирилл. — Ну глупо же это! В кино с классом не пошел — запись в дневник: от коллектива отрывается. Петь не хочешь — отдавай портфель! Даже если кошелек не брал — все равно слушайся, признавайся! Делай что говорят! А если ерунду говорят?.. Уроки готовить заставляют — это понятно. Но нельзя же все на свете из-под палки! Человек должен сам выбирать...

— Но сначала надо научиться выбирать правильно. Вот вас и учат. Сейчас ты возмущаешься, а потом поймешь, что Ева Петровна хотела добра.

«А что есть добро? — спросил отец Карлос и подпер дряблую щеку верхним концом нагрудного распятия...» — вспомнил Кирилл.

— А что такое добро? Оно разное, — сказал он.

— Разное, но всегда доброе, — наставительно проговорила Зоя Алексеевна.

Кирилл сказал:

— Я одну книжку вспомнил, фантастику. Летом читал. Там средневековый монах попал в наше время. Он был инквизитор... Ну, приключения разные, не в этом дело... Ему стали говорить, что он злодей, людей сжигал, а он заплакал.

Говорит, что сам из-за этого страдал, жалко было. Но он думал, что огнем спасает их душу от греха. Верил, что делает добро...

Зоя Алексеевна удивленно и пристально посмотрела на Кирилла.

— Да, в третьем классе вы так не рассуждали...

Кирилл усмехнулся:

— Маленькие были. Если обидно — заплачем, вот и все.

— Нет, не в этом дело. Вы были добрее... По крайней мере, никто бы не сравнил учителя с инквизитором.

— Да я разве сравниваю? — удивился Кирилл. — Я только считаю, что Ева Петровна не думает про добро. Ей главное — чтобы все выглядело правильно. Чтобы отряд был правофланговый. Чтобы говорить: вот какой у меня хороший класс. А что все это напоказ, неважно...

— Кирилл! Ева Петровна работает в школе семнадцать лет!

— И всегда так, как сейчас? — тихо спросил Кирилл. — Это же с ума сойти...

Зоя Алексеевна, кажется, немного рассердилась. Она встала.

— Очень легко судить всех так решительно. Ты забываешь, что у каждого взрослого очень сложная жизнь.

Кирилл тоже встал.

— Ну да. Зато нас, незрелых, можно судить как хочешь. Вот вы сказали про того, кто украл: «Он всех предал». А вы же не знаете... Может, он от беды какой-нибудь. От отчаяния. Вы думаете, у взрослых жизнь сложная, а у ребят простая?

Он вдруг увидел, что Зоя Алексеевна смотрит на него растерянно, почти испуганно.

— Кирилл... Ты что-то знаешь?

— Ничего я не знаю, — пробормотал он и отвернулся. Надо же так по-дурацки проболтаться!

— Кирилл... Может быть, ты расскажешь? Если надо, я обещаю молчать.

Кирилл сердито мотнул головой:

— Нет... Может быть, не сейчас. Он, может быть, Зоя Алексеевна, потом вам сам расскажет.

— Но ведь, наверно, надо что-то сделать? Помочь? И этому... человеку. И Оле...

— Какой Оле?

— Студентке.

— Им помогут, — сказал Кирилл.

Глава 11

Кирилл уехал от Зои Алексеевны с противной смесью стыда и тревоги. Стыдно было за свои слова: «Им помогут». Он думал, что это прозвучит мужественно и твердо, а прозвучало глупо и напыщенно. Кирилл сразу это понял. Даже покраснел.

Хорошо хоть, что Зоя Алексеевна сделала вид, будто не заметила его глупость. Она ни о чем не стала больше спрашивать. Опять взяла старую фотографию.

— Между прочим, Оленька Федосеева, у которой сегодня украли деньги, тоже училась у меня. Вот она.

Кирилл увидел круглолицую девчущку в белом передничке.

— Славная девочка, — сказала Зоя Алексеевна. — Всегда помогала мне тетради носить домой. Она неподалеку живет, наискосок, в трехэтажном доме. С мамой вдвоем.

— А в какой квартире? — самым небрежным тоном спросил Кирилл и тут же понял, как фальшива эта небрежность.

Но Зоя Алексеевна опять будто ничего не заметила.

— В девятой, — просто сказала она и хотела убрать снимок.

— Дайте, пожалуйста, я еще посмотрю, — попросил Кирилл.

Теперь он смотрел не на Олю, а на того незнакомого Мишу, который вырос и стал преступником.

У мальчишки смешно торчал растрепанный чубчик и блестели веселые точки в глазах. Симпатичный десятилетний Миша был немного похож на Митьку-Мауса...

И с этой минуты ощущение опасности не оставляло Кирилла. Он ехал домой, а лицо незнакомого Мишки все маячило перед ним.

Почему он стал бандитом? Он же был обыкновенным мальчишкой. Как Митька-Маус. Значит, и Митька может? Значит, все могут?

И Антошка?

Все люди были такими, как Антошка. У них смешно топорщились на темени волоски. Никто из них не хотел зла. Они бездумно улыбались солнечным зайчикам и ловили губами угол пеленки, если он пощечочет щеку. Они все такие сначала. А потом делаются разными.

Если человек хороший, это понятно. А почему некоторые становятся гадами? Вроде Дыбы? Почему?

Может быть, потому, что сначала бояться других гадов? А бояться потому, что одни? Как Чирок?

Кирилл гордо и небрежно бросил Зое Алексеевне: «Им помогут...» Но кто поможет Чирку? Они с Женькой благородно похлопали его по плечу и опять оставили одного. И Чирок небось мечется со своим стареньким «ПВЗ», думает, как бы продать, чтобы мать не узнала. И снова должен врать и выкручиваться...

А если покупатель окажется таким же подонком, как Дыба? Деньги не отдаст, начнет угрожать? И вновь будет Антошка метаться между страхом и отчаянием, между ложью и желанием вырваться из паутины... То есть Чирок, а не Антошка. Антошке это еще не грозит. Пока. А потом?

Чирок тоже был такой крохой, а сейчас попал в беду. Если отдать его этой беде, через тринадцать лет она придет и за Антошкой.

В самом деле так может случиться! И получается, что сегодня Кирилл оставил в беде брата.

Но дело не только в этом. Дело просто в Петьке Чиркове. Кирилл вспомнил, как просветлело Петькино лицо, когда он понял, что его простили. А его простили и бросили.

А это — предательство. Это все равно как если бы бросили тех, на мысу, когда двигался лесной пожар...

Кирилл затормозил на углу улиц Мичурина и Космонавтов. Надо было решать. Два человека есть на свете, которые сразу поймут и, наверно, скажут, что делать. Отец и Дед. Но отец придет сегодня поздно.

Кирилл взглянул на часы, украшавшие старинное здание библиотеки. Было без пяти минут шесть. Наверно, Дед уже пришел, он кончает работу в пять.

Из дома доносились визги и вопли.

— Ой-я-я! — орал Митька. — Мучитель! Уйду в интерна-а-т! Людоед!.. Мамочка-а!

Митьку-Мауса мыли. В окно вслед за воплями вылетали красивые пузыри. Слышался голос Деда:

— В музей тебя, а не в интернат. В кунсткамеру. Уникальный экземпляр, загадка естествознания. Как ты ухитряешься собирать на себя все, что есть вокруг?

— Не все! — возмущенно голосил Митька. — Убери, она щиплетя! Ой, мама!

— Где ты ухитрился отыскать смолу?

— Это гудрон! Ты мне все волосы выдрал!

Кирилл засмеялся и прислонил велосипед к перилам крыльца. Все было знакомо в этом зеленом дворе. Лениво шевелил крыльями желтый ветряк, топтался на краю бочки добродушный петух Дима, доцветали одуванчики. На заборе улыбался нарисованный белой эмалью Митька-Маус с хвостом и мышинными ушами. Это Валерка Карпов нарисовал еще в начале июня.

Кирилл вошел в дом. Дед закутывал в простыню оттертого, взъерошенного Митьку.

— Привет! — бодро сказал Маус Кириллу из-под белого балахона.

Дед оглянулся и обрадованно кивнул. Уташил Митьку на диван и пожаловался Кириллу:

— Опять, как в прошлом году, у этого типа глотка запухшая. Мороженого стрескал три порции подряд. Родители уезжают, а он снова с ангиной.

— Чушь это, — строптиво сказал Митька.

— Я тебе дам — чушь! Из постели не смей носа показывать! Понял?

— Понял, — согласился Митька. — Я читать буду. — И спросил у Кирилла: — А ты не скоро уйдешь?

— Дед, — сказал Кирилл, — тут одно дело такое... Долгий разговор.

Разговор оказался не таким уж долгим, Дед все понимал с двух слов.

— Дыба — это кто? Местный «король»? — спросил он.

Кирилл пожал плечами:

— Скорее, не «король», а так, мелкий «барончик».

— У Чирка отца нет?

— Н-не знаю... Ну да, нет. Он говорил, что мать да бабка.

— Наверно, небогато живут, — заметил Дед.

— Наверно...

— Новый велосипед ему уже не купят...

Кирилл внимательно посмотрел на Деда. Дед спросил:

— Девушку эту, студентку, как зовут?

— Оля... Федосеева.

— И адрес помнишь?

Кирилл кивнул.

— Самый простой способ, чтобы поставить точку на всей истории, — пойти к этой Оле и все объяснить, — сказал Дед. — Если она человек хороший, то поймет. Попросят, чтобы в школе не поднимали шума.

— Чирок, по-моему, не пойдет, побоится, — засомневался Кирилл. — Да и денег у него еще нет.

— Ему лучше и не ходить, — сказал Дед. — Мы же не знаем, что за девушка. А вдруг она вцепится и поволокет парнишку в школу? Может, у нее такой педагогический принцип: не прощать и не жалеть. Другим в назидание.

— А кто пойдет? — удивился Кирилл.

— Ты. Расскажи все, а фамилию мальчишки не называй.

— Я?!

— Страшно?

Кирилл подумал.

— Нет, не страшно, — сказал он. — Но... Понимаешь, вдруг она подумает, что я сам виноват и выкручиваюсь. Плету историю, чтобы себя оправдать... Ведь на меня и так в школе...

— Да, пожалуй... — сказал Дед. — Но без риска не проживешь.

— А деньги? — спохватился Кирилл. — Денег-то все рав-

но нет. Их же надо отдать! Она тоже одна с матерью живет. Тоже, наверно, не миллионеры.

— Я это помню, — кивнул Дед. — Но деньги пока можно взять... те, что у нас на ремонт отложены. Там полсотни.

— Правильно! — обрадовался Кирилл. — А Чирок продаст свой драндулет и вернет.

— Вернет... когда подрастет и заработает, — хмуро сказал Дед.

Кирилл даже приподнялся на стуле.

— Да ты что... Это же общие деньги, ребята по рублю копили. А ремонт?

— Что-нибудь придумаем, до весны далеко.

— Но тогда надо экипаж собирать, чтобы все решило...

Дед сердито захромал из угла в угол.

— Только время потеряем. Неужели думаешь, ребята заспорят? Мы же, Кир, человека хотим спасти. Тогда, в походе, не деньгами рисковали, а головами.

Кирилл нерешительно сказал:

— Что-то не так... Он все-таки виноват, а мы теперь для него все на блюдечке. Это разве правильно?

Дед язвительно посмотрел на него:

— С точки зрения вашей Евы Петровны это наверняка неправильно. Только если ты жалеешь человека, то жалея до конца, а не отмеряй свою доброту, как на весах. Это раз. Теперь два: такому пацану заниматься продажей — это опять влипнуть в историю. Мать тогда все узнает, а ты сам говорил, что ей это сейчас опасно.

— Для малыша опасно, — тихо сказал Кирилл.

— Значит, не о чем спорить... Я знаю, чего ты боишься: что Чирок привыкнет за чужие спины прятаться, а сам за себя отвечать не научится. Так?

Кирилл кивнул:

— Так, наверно...

— А может быть, наоборот, — задумчиво проговорил Дед. — Может быть, поймет, что есть люди, которые приходят на выручку. Тогда и сам покрепче станет... Кстати говоря, главный-то вопрос не о нем.

— А о ком?

— О Дыбе. Почему такие паразиты плодятся и почему их боятся? Не думал?

— Думал, — сказал Кирилл. — Но это вопрос отдельный.

— Не такой уж он отдельный, — возразил Дед. — С Чирком он вполне связанный. Может, собрать экипаж и всем вместе побеседовать с Дыбой?

— Я уже прикидывал, — сказал Кирилл. — Это вообще-то можно. Только ведь Дыба не одного Чирка щиплет. И не один такой Дыба на свете. А из-за всех подряд экипаж собирать не будешь. Вот если бы у каждого хорошего человека был свой экипаж, тогда бы все Дыбы повывелись от безработицы.

— Да, — согласился Дед. — Тогда бы они вымерли... Ну, ладно, решим пока первую часть вопроса. Бери деньги и шагай.

Кирилл жалобно посмотрел на Деда:

— Давай вместе...

— Зачем?

— Ну... вдруг я не так скажу. Не умею я со взрослыми. Да и вид у меня подозрительный.

Дед засмеялся:

— Кир, не будь хитрее, чем ты есть.

— Нет, в самом деле. Я не боюсь, но...

Дед глянул на Митьку, который лежал, закутавшись в одеяло и уткнувшись в книгу. То ли правда читал, то ли слушал разговор.

— Этого юношу я куда дену? Родителей нет дома, один он не останется.

Митька дипломатично промолчал.

— Может, останешься, Мить? — нерешительно спросил Кирилл.

— Пожалуйста, — с отчаянным мужеством сказал Митька. — Я боюсь, что ли?

Кирилл и Дед переглянулись.

— Свалились вы все на мою голову, — сокрушенно сказал Дед. — Ладно, давай адрес и сиди с этим любителем привидений.

Сначала Кирилл не очень волновался. Но прошел час, а Деда не было. Конечно, разговор мог затянуться, Кирилл это

понимал. Но он помнил, что в семь часов обещал быть дома. Во-первых, мама уже волнуется, во-вторых, будет нагоняй.

Митька на своем диване шуршал страницами и вздыхал — Кирилл ушел в другую комнату, где была у Деда фотолаборатория. Включил увеличитель. В него была вставлена пленка с летними кадрами. Кирилл начал протягивать негатив за негативом и наконец увидел групповой портрет — весь экипаж. Снимок сделали на берегу, автоспуском: привинтили аппарат к пеньку, а сами, обнявшись за плечи, встали у воды. За ними поднимал свои мачты «Капитан Грант»...

И хотя это был негатив — черные лица, темнотубые улыбки, Кирилл сразу узнал каждого и словно опять оказался с ребятами. Даже будто голоса их услышал.

Да, это люди, с которыми не страшны никакие Дыбы. Жаль только, что не могут друзья быть всегда рядом, они живут и учатся здесь, в Заовражке, а он в центре...

Если не кончится тепло, завтра весь экипаж соберется у Деда, а в воскресенье можно поехать в Ольховку, пройтись под парусами. Лишь бы не было штиля...

Задумавшись, Кирилл отвел глаза от кадра.

На половицы затемненной комнаты падал от двери яркий прямоугольник света. Кирилл стал смотреть, как блестят отполированные подошвами сучки. Потом в прямоугольник влезла длинноногая тень. Кирилл оглянулся. В двери, приподняв плечи и обхватив себя за тощие бока, стоял Митька-Маус.

— Ты что, Митька? Ты не бойся, я сейчас приду.

— Я не боюсь, я так...

Митька поддернул трусики и прошлепал к столу.

— Не спится, — со взрослым вздохом сказал он. — Дед придумал чепуху: в такую рань укладываться.

— Ты же простуженный. Лежал бы и читал.

— Ха, «Незнайка на Луне»! Я эту книжку уже десять раз читал. А ты негативы смотришь?

— Ага. Вспоминаю, — сказал Кирилл.

Митька неожиданно засопел и забрался к нему на колени. Вроде бы для того, чтобы лучше разглядеть кадр. Но смотреть не стал и вдруг неуклюже прижался к Кириллу.

Он был с мягкими после ванны волосами, непривычно

маленький и тихий. От него пахло ромашковым мылом и еще почему-то свежим холстом, как от новой парусины, когда ее расстилают на солнце.

Кирилл перестал шевелиться.

— Ты что, Мить? — осторожно спросил он.

Митька горячими ладошками взял его за шею, заставил нагнуть голову и щекочущим шепотом сказал в ухо:

— Кир, давай мы подружимся. Я давно хочу.

Кирилл растерялся.

— Ну... давай. А мы разве... Мы же и так...

— Нет, не так, — решительно зашептал Митька. — Давай крепко и навеки. Чтобы говорить все тайны друг другу. И всегда-всегда будем заступаться друг за друга. Давай, а?

Услышав насчет «заступаться», Кирилл подавил улыбку. Но тут же забыл об этом. В следующий миг поднялась в нем шемящая ласковость к малышу, к нескладному фантазеру Митьке-Маусу, боящемуся привидений, к отчаянному баковому матросу, которому не страшен бешеный ветер. К товарищу по штормовым плаваниям, которого нельзя обидеть и обмануть.

Он легонько сдвинул тоненькое, как у птицы, Митькино плечо, глотнул, мысленно окликнул на всякий случай зеленого Джимми и сказал:

— Давай, Митя.

Потом подхватил его и понес на диван. И, чтобы Митька не подумал, что «давай» сказано просто так, Кирилл спросил:

— А у тебя есть тайны? Расскажешь?

Митька улегся на спину, натянул до нижней губы одеяло и серьезно сообщил:

— Есть одна. Я за сараем клад зарыл. Такой сундучок, а в нем старинные монетки, я их еще в детском садике начал собирать. Это не для богатства, а для интереса.

— Для интереса даже лучше, — сказал Кирилл.

— А у тебя? — требовательно спросил Митька.

— Что у меня?

— У тебя тайна есть?

Придуманную тайну рассказывать было нельзя. Митька мог догадаться, что это не по правде. И нечестно это было бы.

Кирилл сказал, глядя в Митькины внимательные глаза:

— У меня есть... Сегодня появилась. Мне одна девочка очень нравится.

Митька серьезно опустил ресницы, будто кивнул: он понимал важность тайны. Потом опять посмотрел на Кирилла — с неожиданной тревогой.

— А ты со мной не раздружишься из-за нее?

— Ну что ты, Мить...

— А можно, я к тебе когда-нибудь приеду?

— Конечно, приезжай.

— Я на велосипеде. Мне Алька старый «Орленок» отдал. Дед обещал починить. Обещал, что сегодня, а сам не идет.

За стеной еле слышно пикнуло радио.

— Девять часов, — нервно сказал Кирилл. — Где он ходит? У меня дома, наверно, уже паника, я в семь часов хотел приехать... Ох и шум будет!

— Налупят? — сочувственно спросил Митька.

— Да при чем здесь «налупят»? Меня ни разу не лупили.

Просто мама с ума сходит...

Митька горько вздохнул:

— Так и бывает: сперва за тебя волнуются, а потом тебе же и всыпят.

— Бывает? — с мрачноватым юмором переспросил Кирилл. — Ты меня утешил...

— Первый раз не больно лупят, а только для испуга, — с глубоким знанием дела успокоил Митька.

Кирилл погладил на Митьке одеяло и тревожно задумался. Наконец звякнула во дворе калитка. Митька приподнялся, Кирилл встал.

Появился немного всклокоченный от поспешной ходьбы Дед.

Кирилл торопливо шагнул к нему.

— Ну что?

— Да все в порядке, — торопливо сказал Дед. — Все в самом полном порядке. Очень милая девушка, все она поняла.

Кирилл шумно вздохнул и как-то ослабел, будто после тяжелой работы. Но через несколько секунд сердито спросил:

— Если сразу все поняла, где тебя носило два часа?

— Не «носило», а «сидело». У ее мамы день рождения,

полон дом людей. Меня сразу за стол упихали, думали, что я тоже гость...

— А ну, дыхни, — строго сказал из своего угла Митька.

— Я вот тебе дыхну... Кое-как объяснил этой Оле, что по делу пришел. Зову из-за стола, а все кричат: «Молодой человек, объясняться будете потом!» Она, бедная, краснеет... Ну, потом ей все рассказал. Она скажет завтра в школе, что кошелек завалился за подкладку в плаще, вот и все.

Кирилл ощутил смутное беспокойство: в придуманной истории с подкладкой почудилось что-то неправильное. Но сейчас было не до мелочей.

— Деньги-то отдал?

— Да, самое главное! — воскликнул Дед. — Кто придумал про сорок рублей? В кошельке было всего четыре рубля: металлический и три бумажки. На остальные она матери подарок купила, кофточку какую-то...

Кирилл растерянно заморгал.

— Вот это да... А чего же тогда говорили: стипендия, стипендия... И почему она редела в учительской?

— Ну и что? Она же почти девочка, — как-то очень мягко сказал Дед. — Кошелек было жаль, ей мама его подарила. А самое главное — от обиды. Пришла ребятишек учить, вся душа наружу, а они ей вон какой сюрпризик... Про стипендию она и правда говорила: о том, что получила ее утром. Просто объясняла все по порядку. Видно, никто не понял... Хотя бы подумали: разве кошелек с такими деньгами оставляют в наружном кармане плаща?

— Ясно... — досадливо сказал Кирилл. — А четыре-то рубля отдал?

— Да не взяла она. Покраснела — и ни в какую... Славная такая девушка.

— Все понятно, — сказал Кирилл.

— Что понятно?

— Почему ты не торопился.

— Иди ты знаешь куда...

— Я не иду, я лечу. У меня тяжелое предчувствие: кажется, меня сегодня первый раз в жизни выдерут.

— По-твоему, я совсем идиот? — обиделся Дед. — Я же позвонил вам домой с автомата. Сказал, что ты у меня.

— Да у нас телефон не работает!
— Представь себе, уже работает!
— Уф... — облегченно произнес Кирилл. — Это дает надежду на спасенье. Ну все равно, я помчался. До завтра!

Он выскочил на темный двор, схватил руль. И тут его остановило будто крепким толчком.

Кирилл торопливо вернулся в комнату. Митька-Маус полусидел в постели, упираясь в подушку локтями. Встревоженно и с обидой смотрел на дверь.

Мельком глянув на удивленного Деда, Кирилл подошел к Митьке и сел на краешек дивана. Взял Мауса за похोजие на лучинки запястья.

— Ну вот, Мить, я поехал. Спокойной ночи... — Потом понизил голос и сказал: — Ну, ты смотри, мы договорились: про наши тайны — никому.

Митька заулыбался и быстро закивал.

И, уже проносясь в сумерках по переулкам и спускам, Кирилл словно все еще видел перед собой Митькино лицо со счастливой улыбкой.

Глава 12

Сентябрь, даже очень теплый, — все-таки не настоящее лето. Днем жарко, а после заката воздух становится зябким. Чтобы не продрогнуть, Кирилл изо всех сил нажимал на педали.

Он был уже на середине мостика, когда внизу у камней замелькал фонарик. Кирилл разглядел на берегу мальчишку. Тот суетливо прыгал, натягивая брюки. Фонарик у него в руке дергался и мигал.

Что-то знакомое, птичье было в мальчишке, и, доехав до конца мостика, Кирилл уже понял.

— Чирок! Петька! Это ты?

Фонарик замер.

Кирилл резко повернул и съехал к воде.

— Ты что здесь делаешь, Петька?

Чирок секунду постоял растерянно, потом положил на траву включенный фонарик и начал заталкивать под брюки

подол рубашки. Его лицо, освещенное снизу, казалось странным и очень несчастным. Маленькое острое лицо с ушедшими глубоко в тень глазами. Смотрел Чирок не на Кирилла, а в сторону.

— Ты что... — начал опять Кирилл и замолчал, начиная догадываться. Петькина рубашка прилипла к мокрому телу, волосы тоже были мокрыми.

— Кошелек искал... — даже не спросил, а просто сказал Кирилл.

Петька зябко вздрогнул и проговорил:

— Я подумал: он, может быть, в камнях застрял.

— Ты ненормальный, да? Вода как лед!

— Да не холодно, — сказал Петька и стукнул зубами. Это было для Кирилла как удар тока.

Все, что произошло сегодня, отодвинулось и стало неважным. Остался только страх за бестолкового Петьку. Если Чирка немедленно не закутать, не согреть, не выгнать из него озноб, дело кончится бедой. Два года назад Кирилл почти месяц провалялся после такого вот купания, когда вылавливал в ручье упавший насос от старого велосипеда. Также говорил тогда: «Не холодно...»

Закутать Петьку было не во что.

— Псих, честное слово, — сердито и жалобно сказал Кирилл. — А ну, пошли наверх! Бегом!

Чирок послушался.

— Толкай велосипед, — велел Кирилл.

Петька молча подчинился. Сухая глина сыпалась из-под ног, дышать было тяжело. Два раза Кирилл коленями брякнулся на острые земляные комки. Но все это было неважно: главное, чтобы Петька разогрелся.

Шумно дыша, они выбрались наверх.

— Садись в седло, — приказал Кирилл. — Ну, садись, говорят! Повезешь меня.

Петька понял. Кирилл разглядел его виноватую улыбку.

— Я тебя не увезу.

— Увезешь как миленький, — сказал Кирилл и сел на багажник.

Петька, тяжело вихляя рулем, повез его по переулку. Кирилл толкнулся ногами, скорость увеличилась.

— Да жми ты! — прикрикнул Кирилл.

Петька послушно жал. Когда подъехали к дому, он дышал, как пароход времен Марка Твена.

— Дома кто? — спросил Кирилл.

— Никого. Бабушка в деревне, мама... она у знакомых...

— Пошли...

В Петькиной комнате была очень яркая лампа. Она вспыхнула, как кинопрожектор. Кирилл зажмурился и лишь через полминуты смог осмотреться. Комната была низенькая и тесная. С узким диваном, с письменным столиком, приткнувшимся между окон. Подоконники были заставлены аквариумами. В этих стеклянных ящиках метались разбуженные светом рыбки, похожие на разноцветные перья и осенние листики. На стенах приколоты были цветные вырезки из журналов — тоже с разноцветными рыбами, а еще с батисферами и аквалангистами.

Все это Кирилл заметил машинально. Сейчас было не до рыб. Петька стоял посреди комнаты и смотрел на Кирилла виновато и растерянно.

— Ванна есть? — спросил Кирилл и тут же мысленно обругал себя за глупость.

— Какая у нас ванна... — сказал Петька.

«Надо было сразу его к себе тащить, — подумал Кирилл. — Хотя кто знает: может, горячей воды опять нет...»

— Ладно, раздевайся, — сердито сказал он.

— Зачем? — боязливо спросил Петька.

— Балда. Чтобы не помереть.

Петька, стеснительно поеживаясь, потянул через голову рубашку, выбрался из промокших сзади брюк. Из кармана выпал и тяжело стукнулся о пол фонарик.

— Иди трусы переодень, — велел Кирилл. — Мокрые же... Да шевелись, моя радость...

Он заставил Чирка постелить постель, притащить два одеяла и суровое полотенце. Он делал то, что однажды мама делала с ним, промокшим под холодным ливнем. Уложил Петьку на диван вниз лицом и начал тереть полотенцем его тощую спину так, что позвонки застучали друг о друга, будто костяшки на счетах.

— Ой-ей! — жалобно сказал Петька.

— Во тебе и «ой-ей». Не будешь в воду соваться. Неужели думал, что в самом деле кошелек найдешь?

— Думал... ой... А что делать? Тот парень сказал, чтоб от мамы записка была, что разрешает велосипед продать...

— Не надо ничего продавать, — объяснил Кирилл. — Не было в кошельке никакой стипендии. Четыре рубля было. Все уже уладилось, не мучайся ты больше...

Петька дернул плечами и взглянул на Кирилла:

— Правда?

Ух и глаза были у него! Синие, как Тихий океан. Неужели человек с такими глазами может стать подонком вроде Дыбы?

— Не дрыгайся, — ответил Кирилл. — Все правда.

Петька лег щекой на согнутый локоть и вдруг проговорил, не обращая уже внимания на скребущее полотенце:

— А я не из-за велосипеда... Я все равно бы... Хотел, чтобы скорее ничего не было.

— Ничего уже и нет, — строго сказал Кирилл.

Он загнал Петьку под одеяла, закутал. Потом в кухне на маленькой газовой плите согрел чайник и налил в бутылку горячую воду, заткнул бутылку пробкой из туго скрученной газеты и сунул Петьке в ноги. После этого заставил выпить кружку горячего чая.

Петька все выполнял безропотно, только вдруг посмотрел на Кирилла из-за кружки и тихо спросил:

— Векшин, а чего ты со мной возишься?

— Ну вот, — растерянно сказал Кирилл. — Не твое дело. Хочу и вожусь.

Не мог же он объяснить Петьке, что чем больше возится, тем сильнее растет в нем непонятное чувство: будто Петька ему не чужой.

— Хочу и вожусь, — повторил он. — Давай сюда кружку и накрывайся как следует.

Петька укрылся по самый нос. Потом заговорил. Губы у него были под одеялом, и слова звучали глуховато:

— Кирилл... Я тогда не сказал при Черепановой... Я знаю почему от вас побежал? У нас тогда один человек был дома, я не хотел, чтобы при нем... Ну, это наш друг хороший... Понимаешь, Кирилл, они с мамой пожениться хотят,

значит, он у меня как отец будет. А если узнает, что я вор, зачем ему такой сын...

Он повернул голову набок и стал смотреть в стену.

Кирилл осторожно положил руку на одеяло.

— Петька... Я же говорю: забудь ты об этом кошельке...

Петька, не оборачиваясь, сказал:

— Никогда я об этом не забуду... Кирилл, я бы еще в классе, наверно, признался, если бы не этот человек... который... ну... отец...

Потом он помолчал и шепотом добавил:

— Нет, не признался бы... Я трус.

— Просто ты был один, — сказал Кирилл.

Уже совсем тихо Петька проговорил:

— Если бы тебя по правде обвинили... Ну, если бы все этому поверили... Тогда я признался бы. Не веришь?

— Петька, — сказал Кирилл. — Я к тебе утром перед школой зайду. А сейчас побегу, меня дома потеряли.

Петька резко повернулся к нему:

— Завтра? А зачем? А... правда придешь?

— Ага, — как можно беззаботнее откликнулся Кирилл. — А сейчас ты лежи, не вздумай вскакивать.

— Ладно, — обрадованно согласился Петька. — А ты в самом деле придешь?

— В самом деле... Петька, чем ты рыб кормишь? Я хотел аквариум устроить, а все рыбы передохли.

Это он наврал. Просто чтобы успокоить Чирка.

— Я тебе расскажу! — Петька даже подскочил.

— Завтра, — перебил Кирилл. — А сейчас не вздумай вставать.

— Ага.

— Честное пионерское, что не встанешь?

Петька отвел глаза, поскуцнел и не ответил.

— Ты чего? — встревожился Кирилл.

— Не хочу я больше врать, — сумрачно сказал Петька. — Я же не пионер... Я же не вступал. Просто, когда приехал в санаторий, сказал, что дома галстук забыл, там ведь не проверяли, пионер или нет. А когда вернулся, сказал, что в санатории приняли, там дружина была, как в школе.

— Теперь уж все равно. Два года галстук носишь, — не-
решительно сказал Кирилл.

— Нет, не все равно... Я же не давал обещания... Вооб-
ще-то давал. Я в пионерскую комнату пришел, когда никого
не было, за знамя взялся и шепотом рассказал обещание...
Но это ведь не считается?

— Если всерьез давал, то, по-моему, считается, — сказал
Кирилл. — Ну, лежи, Петька. До завтра...

Прежде чем идти домой, Кирилл позвонил с автомата:

— Мама? Это я... Ну, я понимаю... Мама, ну такие дела
были! Бывают же уважительные причины. Mam, ты сперва
послушай! Даже преступникам последнее слово дают... Ну
ладно, ну хорошо, я согласен, хоть кочергой... Я специально
у Деда попрошу... А его-то за что? Он хороший!.. Нет, мамоч-
ка, не надо, без велосипеда я помру... Антошка уже спит?..
Как это не мое дело? Как укачивать — так мое, а спросить
нельзя, да?.. Ладно, еду. Да, да, немедленно!..

Дома Кирилл узнал, что он — лишнее совести и благо-
родства чудовище, у которого одна цель: довести до гибели
родителей. И самое ужасное, что, сведя в могилу отца и мать,
он оставит сиротой не только себя, но и ни в чем не виноват-
ого младшего брата.

— Мама, но Дед же позвонил!

— После того как он позвонил, ты болтался еще больше
часа! Как я не сошла с ума?.. Девочка приходила, принесла
портфель, сидела, ждала. Зачем-то ты ей был нужен. Так и не
дождалась!

— Женька?!

Надо же! А Кирилл и забыл, что портфель у нее остался.
Молодец, притащила!

— Не Женька, а Женя... Где тебя носило?

— Я спасал утопающего, — брякнул Кирилл, потому что
выхода не было.

— Что? — прошептала мама и опустилась на табурет.

— Да, — сказал Кирилл. — Почти... Можно, я чего-ни-
будь поем? А то упаду, и меня уже никто не спасет.

Мама его простила и накормила. А что ей оставалось де-
лать? Правда, она сказала, что скоро придет отец (которого

тоже где-то носит нелегкая) и тогда Кириллу придется отве-
чать по всей строгости.

Отец пришел изрядно вымотанный, но в хорошем на-
строении.

— Дитя мое, — сказал он, — когда кончишь набивать
живот, изложи в деталях бурные события дня... Что это полу-
чается? Не успел отец прилететь, как его уже тянут в школу.
Посреди рабочего дня! Бред какой-то!

— Изложу, — согласился Кирилл.

Они пошли в комнату, на диван, и Кирилл начал рас-
сказ: про хор, про кошелек, про Еву Петровну...

Лицо у Петра Евгеньевича делалось серьезней и серьез-
ней.

— Слушай-ка, — вдруг перебил он. — А может быть, Ева
Петровна сказала мне правду?

— Что? — прошептал Кирилл. Потом крикнул: — Какую
правду?! Ты о чем?!

— Что с тобой? — удивился Петр Евгеньевич. — Я же то-
лько спросил. Она говорила, что лучше перевести тебя в дру-
гую школу. Я и подумал...

— А я подумал, что ты про кошелек...

Отец помолчал, погладил лысину и печально сказал:

— Ну и дурак...

Кирилл с облегчением рассмеялся.

— Рассказывай дальше, — велел отец.

Кирилл рассказал про Чирка, про Дыбу, про то, как Пе-
тька пытался найти кошелек.

— Вот и все...

Отец хмыкнул, вскочил и зашагал по диагонали.

— Ты думаешь, я неправильно сделал? — сердито спро-
сил Кирилл.

— Что?

— Ну, с Чирком. Что решил молчать... и вообще...

— Не знаю... Теперь это уже не имеет значения. Теперь
ты должен делать, что решил.

— Я и делаю...

— Да, Ева Петровна тебя не одобрила бы... Кстати, твое
сегодняшнее поведение она считает вызывающим, ужасаю-
щим, подрывающим основы педагогики...

— А ты как считаешь? — с любопытством спросил Кирилл. Привалившись к спинке дивана и подтянув к подбородку колени, он следил за отцом.

Петр Евгеньевич почти забежал.

Кирилл снисходительно вздохнул:

— Трудное у тебя, папа, положение. Согласиться с Евой Петровной тебе совесть не позволяет. А сказать, что прав твой сын, непедагогично. Да?

Отец подскочил и ухватился за подтяжки.

— Не городи чепуху, любезный! «Педагогично, непедагогично»! Я прекрасно знаю, что отбирать портфели и обшаривать карманы — это бред. И что нельзя с бухты-барахты называть человека вором! Но согласись, что и ты держал себя не лучшим образом! Еву Петровну возмутил больше всего твой тон.

— Когда не к чему придаться, придираются к тону, — объяснил Кирилл. — Стоит открыть рот, как уже говорят, что грубишь... Начинаешь доказывать, что нет никакой грубости, а тебе сразу: «Ах, ты еще и споришь!»

— Ну, это бывает иногда, но все-таки...

— Папа, — перебил Кирилл, — тебе сколько было лет, когда у тебя первый раз отобрали портфель и послали тебя за родителями?

— Что?... Да, было... Девять лет. В третьем классе.

— И что ты делал?

Петр Евгеньевич отпустил подтяжки, и они шелкнули его по плечам.

— Что я делал... Плакал, кажется.

— И я раньше плакал, — сказал Кирилл и встал. — Видишь, папа, в чем дело: я плакал и был хороший. А сейчас я научился не плакать... если даже хочется... Но я не виноват, это виновата зеленая обезьяна.

Петр Евгеньевич изумленно уставился на сына:

— Какая... обезьяна? Это ты про Еву Петровну?

Кирилл с хохотом рухнул на диван:

— Ой, мамочки!.. При чем здесь Ева Петровна! Это шутка такая... Ой, слышала бы она!

Нахохотавшись, он вскочил, подошел к отцу сзади и повис у него на плечах.

— Смотри, я скоро с тебя ростом буду.

— Рост линейной величины сам по себе не есть признак роста качества. Проще говоря, велика Федора... — отвечивал Петр Евгеньевич. — Кстати, почему ты уходишь от серьезного разговора?

— Разве я ухожу? — удивился Кирилл. — Я как раз хотел...

— Да? А что хотел-то?

— Хотел спросить: как ты думаешь, почему наша Ева Петровна *такая*?

— Какая «такая»? В общем-то обыкновенная. Ты слишком сурово на нее смотришь.

— Ага. Ты еще скажи: «Какое ты имеешь право обсуждать взрослого человека?» А как жить, чтобы не обсуждать? Все равно обсуждается — не вслух, так в голове. Мозги-то не выключишь.

— Видишь ли, Кир... Обсуждать и судить — разные вещи. Чтобы судить, надо *понимать*. Ты пробовал понять эту Еву Петровну — устающую каждый день в школе, издерганную семейными хлопотами? Возможно, не очень здоровую. И тем не менее работающую с полной отдачей. Ради вас.

— Ради нас? А *нас* она спросила, надо ли нам это?

— Подожди. Я сегодня с ней беседовал и вижу: она искренне убеждена, что поступает правильно, она отдает своей работе массу сил. А то, что она не всегда вас понимает, ну что ж...

— Вот видишь! Она не понимает, а мы должны, да?!

— Дорогой мой Кирилл, — медленно сказал отец, и Кириллу вдруг вспомнилась Зоя Алексеевна. — Человеческие отношения — это ведь не рынок, где торговля и обмен товарами: ты мне дал столько, я тебе за это столько... Нельзя так мерить — ты проявил столько понимания, и я тебе отмерю равную дозу. И с добротой так нельзя. И тем более с обидами. Чем лучше человек, тем добрее он к другим и тем больше понимает других людей. Потому что он *такой*, а не потому, что ждет платы за доброту... Кир, ты сейчас не спорь, ты просто подумай.

— Ладно, — вздохнул Кирилл.

Отец обнял его за плечи.

— Ты пока дерешься со злом по-мушкетерски. А нельзя ведь все в жизни решать, как в бою на шпагах. Человеческое понимание — это, если хочешь, тоже оружие в борьбе за справедливость... Если ты постарайся поглубже взглянуть на Еву Петровну, может быть, и она станет добрее.

— Ага... Папа... — сказал Кирилл. — Дело-то не во мне. Дело в Чирке. Поймет ли Ева Петровна *его*?

— Ну... не все решается сразу и просто, — проговорил Петр Евгеньевич. — Утро всегда мудренее. Засиделись мы...

— Ага... Папа! Но ведь не с каждым можно так, «с пониманием». У меня еще серьезный вопрос.

— Ну, давай.

— Ты, когда служил на границе, изучал всякие приемы? Самбо там, карате и всякое такое?

— Ну... да. Нас учили.

— А почему ты мне никогда не показывал?

— Да потому, что это не игрушки... Тебе зачем?

— А если привяжется вот такой Дыба...

Отец грустно и внимательно посмотрел на Кирилла.

— От того, что ты выучишь самбо, Дыбы не исчезнут.

Они тоже выучат приемы и приспособятся.

— Я понимаю, — согласился Кирилл. — Но я же не вообще, а если... вдруг он полезет.

— Ладно, кое-что покажу, — сказал отец. — Не все, конечно. Есть приемы, которые показывать я просто не имею права... Да и позабыл, по правде говоря.

— Сейчас покажешь?

— Надеюсь, тебе не грозит немедленное нападение?

— Немедленное не грозит...

— Ну и прекрасно. Тем более что ты, по-моему, еще не брался за уроки. Ты об этом думаешь?

— Не-а, — честно сказал Кирилл. И отправился спать.

Он тоже устал ужасно. Он словно тащил на плечах весь прошедший день — громадный, тяжелый, печальный и радостный.

Но все-таки у Кирилла хватило сил зайти посмотреть на Антошку.

— Тише, — сказала мама. — Он только уснул.

Она уложила Антошку, впервые не спеленав ему руки.

Антошка спал, закинув к голове крошечные сжатые кулачки. Его реденькие светлые брови были сурово сведены. Что ему снилось, что его, кроху, тревожило?

Глава 13

Каждое утро Кирилл просыпался с тревогой: не кончилось ли ночью лето? Он понимал, что осень вот-вот возьмет свое, но все-таки думал: «Пусть еще немножко будет тепло. Хотя бы денек...»

Лето продолжалось. Субботний день начинался с ясным небом и теплым солнцем. Больших забот он не обещал. Уроков труда нет, значит, в школу надо идти лишь к половине одиннадцатого. Потом немецкий и биология. После школы одно только дело — слетать в молочную кухню. Потом — на велосипед и к Деду: договариваться о завтрашнем плавании.

— Мама,пустишь? А то мы давно всей командой не собирались.

Он знал, что мамапустит. Тем более что у отца выходной, есть кому повозиться с Антошкой.

Мама сказала:

— Ты бы почистил ботинки, мореплаватель. И форму заодно. Взрослый парень, а следить за собой не научишься. Выглядишь как разбойник.

Кирилл возразил:

— Нет, я симпатично выгляжу. Мне вчера сказали, что я на Тили Уленшпигеля похож. Тебе не кажется?

Мама сказала, что Кирилл похож на косматое пугало, и спросила, куда он отправляется так рано, если нет первых двух уроков.

— Я к одному мальчику зайду, к Петьке Чиркову...

Короткий путь на улицу Грибоедова лежал мимо гаражей. И там, на бетонных плитах, опять в окружении свиты возлежал Дыба.

«Когда он учится? — подумал Кирилл. — Он же всем рассказывал, что в техникум поступил...»

Дыба тоже увидел Кирилла и неторопливо встал. Кирилл

не замедлил и не ускорил шагов, хотя, по правде говоря, стало слегка неуютно. Дыба пошел навстречу. Он двигался небрежной походкой мексиканского танцора, упираясь растопыренными пальцами в бедра. На его пятиугольной физиономии была добродушная, даже дружелюбная ухмылка.

— Привет, Кирюха. Не бойся.

— Похоже, что я боюсь? — спросил Кирилл, и проснувшаяся злость пригасила страх.

— Ты человек смелый, — великодушно согласился Дыба и оглянулся на компанию. Димка Обух, Козочка и двое незнакомых парней лет четырнадцати выжидательно смотрели на предводителя и с нехорошими улыбками — на Кирилла.

— Как насчет маечки? Не надумал?

— Не надумал, — ответил Кирилл, ощущая холодок в груди. — Лучше отдай эти деньги Чирку. Сколько рублей ты с него натряс?

У Дыбы на секунду приоткрылся рот. Улыбка сошла. Но он тут же сделал вид, что ничуть не удивлен. Укоризненно покачал головой. Спросил:

— Ты дурак? Это выступление как понимать? Случайность или на принцип пошел?

— Не случайность, — сказал Кирилл.

— Ясно, — с пониманием проговорил Дыба, и в голосе его даже проскользнуло уважение. — Кодлу заимел?

Кирилл коротко засмеялся:

— А говоришь, что я дурак! Сам ты дурак. Ты думал, что тебя всю жизнь будут бояться?

Дыба зевнул, наклонил голову, осмотрел Кирилла от ботинок до макушки. Изобразил на лице жалость и сочувствие.

— Хороший ты пацан, — медленно сказал он. — Никогда тебя не трогали, обрати внимание. Но будешь выступать, смотри — маме с папой жаловаться бесполезно. Не помогут.

— Если надо, то помогут, — сказал Кирилл. — Но и без них есть кому с тобой поговорить.

Дыба вдруг резко вскинул руку и затем с улыбочкой пригладил волосы. Это был старый-старый трюк: взять противника на испуг.

Кирилл не дрогнул. По правде говоря, он просто не

успел среагировать, но это оказалось к лучшему. Он спокойно стоял и смотрел, как Дыба с глупым видом гладит голову.

— А если бы я был нервный? Мог бы ведь испугаться и врезать, — сказал Кирилл, удивляясь собственному нахальству. — У меня, конечно, весовая категория в два раза меньше, ты вон какой. Но с испугу-то я мог...

Дыба опять заулыбался и... вдруг протянул руку. Это был истинно королевский жест — сдержанный, но исполненный великодушия.

— Кирилл, ты мне нравишься, я таких уважаю. Между нами ничего не было. Давай жить, чтобы друг другу не мешать.

Кирилл посмотрел на его широкую пятерню, украшенную дешевым перстнем. Потом на его лицо.

— Не забудь насчет Чирка, — сказал он. — Будь здоров.

Он обошел Дыбу и двинулся к проходу в переулок.

— Стой, — негромко произнес Дыба.

Кирилл оглянулся. Лицо Дыбы сейчас было совсем не такое, как несколько секунд назад. Ухмылочка стала кривой и болезненной, будто Дыба неосторожно коснулся языком большого зуба. А глаза смотрели стеклянно, как у куклы. «Наверно, нарочно тренирует такой взгляд», — подумал Кирилл.

— Ну, чего? — спросил он.

Дыба, вильнув поясницей, сделал к нему шаг.

— Я два раза в любви не объясняюсь, — сказал он и сплюнул. — Поимей в виду, крошка: не всегда на улице светло и не везде кругом окна.

Кирилл кивнул:

— Поимею. А ты насчет Чирка все же подумай.

Дыба хмыкнул, повернулся и зашагал прочь, не взглянув больше на Кирилла. Через несколько шагов обернулся и крикнул своей компании:

— В час двадцать у «Экрана». Вовку прихватите, пускай привыкает головастик.

Кирилл пошел своей дорогой. Он понимал, что оглядываться нельзя, хотя могли догнать, ударить сзади. Могли бросить кирпичом. Все могли. И Кирилл шел, ощущая мелкое противное дрожание в мускулах. Но не оглянулся. Оглянуться — значит проиграть. А пока была ничья...

Минут через двадцать он был в доме у Чирка. Постучал в обитую клеенкой дверь. Долго не открывали. В сенях пахло квашеной капустой — видимо, от кадушки в углу. Гудела большая зеленая муха. Это гудение вызывало непонятную досаду и беспокойство. И когда за дверью послышались шаги, Кирилл уже почти знал, что случилось что-то нехорошее.

Открыла дверь низенькая женщина в косынке и очень просторном халате. У нее было усталое и озабоченное лицо. Она не удивилась, увидев Кирилла.

— Здравсте. А Чи... Петя дома? — сбивчиво спросил Кирилл.

Она кивнула. Потом сказала усталым полупшепотом:

— Проходи... Заболел Петенька.

«Так и есть», — с тоской подумал Кирилл и вопросительно посмотрел на Петькину маму: «Может, к нему нельзя?»

— Проходи, ничего, — повторила она. — Жар у него. А все спрашивает, не пришел ли мальчик. Ты это?

— Я, — сказал Кирилл и пошел вслед за ней в комнату.

Чирок лежал, укрытый по самый подбородок — так, как вчера укрыл его Кирилл. Лицо у него было темно-розовое, с капельками на лбу. На широкой подушке это лицо, худое, остроносое, казалось совсем маленьким, как у младенца. А глаза были большие. Чирок словно обнял Кирилла этими большими глазищами, облизнул губы и сказал очень тихо:

— А я все думал... придешь или нет...

— Чего зря думать? Я же сказал вчера, — пробормотал Кирилл.

Чирок медленно вздохнул, и его тошенькая грудь приподнялась и опустилась под одеялом. Он не отводил от Кирилла свои очень потемневшие глаза.

— Садись рядом... на табуретку.

— Только недолго, Петенька, — попросила мама. — Тебе поспать надо, а мальчику, наверно, в школу.

Чирок опустил ресницы: «Ладно». Мама вышла.

— Свалился все-таки, — сказал Кирилл со смесью досады, жалости и неловкости.

— Ага, — виновато прошептал Чирок. — Маме не говори про мое ныряние. Она думает, что я случайно простыл... Я все равно недолго пролежу.

Кирилл посмотрел на его горящий лоб, на слипшиеся прядки волос и промолчал.

Чирок тоже молчал.

— А что болит? — спросил наконец Кирилл.

Чирок слабо улыбнулся:

— Да ничего. Дышать немного тяжело. И ночью всякая ерунда снилась. Давит будто...

Кирилл сказал:

— Сейчас Дыбу видел. Я ему говорю, чтобы деньги тебе отдал, а он, бандюга, пугает.

— Не отдаст он...

— Наверно, не отдаст. Ну, черт с ними, с деньгами, пусть подавится, лишь бы никого больше не трогал.

— Он будет... — прошептал Чирок.

— Там посмотрим, — хмуро произнес Кирилл.

Заглянула в комнату Петькина мама.

— Я пойду, — торопливо сказал Кирилл. — Ты пока спи, тебе надо. Я зайду.

— Когда?

— После школы зайду. Ты поправляйся.

Чирок опустил ресницы. Потом вытянул из-под одеяла руку. Кирилл взял его за пальцы и чуть не обжегся.

— Ох и раскалился ты...

Чирок опять разлепил губы:

— Правда придешь?

— Я же сказал.

— А... почему?

Кирилл понял. Это был такой же вопрос, как вчера: «А чего ты со мной возишься?»

— Потому что мне хочется, — сказал он сердито. — Лежи и спи.

В коридоре ждала Кирилла Петькина мама.

— Беда за бедой, — пожаловалась она. — Бабушка пишет, что захворала, еле ходит, а тут вот с Петей такое. Ведь полгода с легкими пролежал. А если опять начнется?

Кирилл не знал, что сказать. Уверять, что Чирок скоро поправится? Глупо. Мать все равно видит, что заболел он крепко.

— Вы только не расстраивайтесь очень, — пробормотал он. — Вам же нельзя.

Она лишь рукой махнула. И вдруг посмотрела на Кирилла внимательно и ласково:

— Я и не знала, что у Петеньки в классе товарищи есть. Он все больше с маленькими играл или один... Тебя как зовут-то?

— Кирилл.

— Как дедушку его, моего свекра... Ты мне, Кирюша, не сможешь?

— А что? Давайте! — встрепенулся Кирилл.

— Боюсь я его оставлять-то. Зайди по пути в поликлинику, вызови врача. Тут недалеко.

Кирилл торопливо кивнул.

В регистратуре поликлиники была очередь, и Кирилл из-за этого чуть не опоздал на биологию. Он влетел в класс после всех, мельком глянул на Женьку, встретил ее странный, растерянный взгляд и улыбнулся: «Ничего, все в порядке». Хотя какое уж там ничего, когда Чирок так заболел. Кирилл чувствовал, что даже завтрашнее плавание радует его меньше, чем утром...

Вошла Ева Петровна. Кивнула, чтобы садились. На ее лице, как обычно, лежала печать забот и решимость эти заботы преодолеть. Но губы ее были сжаты сейчас особенно плотно. Это означало, что помимо обычных неприятностей есть неприятности внеплановые.

Ева Петровна оглядела класс.

— Сушко, перестань возиться и сядь прямо. Надоело. Климов, хоть на пять минут избавь нас от своих иронических улыбок... Кстати, где Чирков? Он не приходил?.. Что же, этого можно было ожидать.

— Почему? — услужливо спросила Элька Мякишева, и, прежде чем Ева Петровна заговорила, Кирилл почувствовал: «Знает!»

Ева Петровна уперлась ладонями в стол.

— А потому, — сказала она негромко, печально и внушительно, — что именно Чирков повинен в краже кошелька у практикантки Ольги Николаевны Федосеевой.

«А-ах», — сказали девчонки, а кто-то из ребят свистнул. Кирилл сжался. «Откуда? Откуда она знает? Неужели студентка сказала? Но Дед ей даже имени Чирка не назвал!»

Ева Петровна продолжала:

— Да, это так. И я не вправе скрывать этот факт от членов отряда. Есть люди, которые рады были бы это скрыть, но я не могу. Тем более что отряду грозит утрата почетного звания.

— Из-за одного шибздика! — громко сказал Роман Волозов, приятель Димки Сушко.

«Шкура...» — подумал Кирилл.

— Как узнали-то? — спросил Кубышкин, и у кого-то сработал рефлекс — хихикнули.

Только сейчас Кирилл догадался посмотреть на Женьку. Женька сидела с белым лицом и плакала.

— Вы же... обещали! — громко сказала она. — Вы же... нечестно!

Ева Петровна медленно повела на нее взглядом:

— Что я обещала, Женя? Скрывать от класса вину Чиркова? Поддержать вашу с Векшиным игру в благородство? Это не благородство, а обыкновенное укрывательство жулика.

«Вот и все, Женя-Женечка», — подумал Кирилл и громко спросил:

— Что, Черепанова, не выдержала, поделилась?

Женька вдруг заплакала, как плачут младенцы — морщась и вздрагивая нижней губой. И пошла, потом побежала из кабинета.

А тридцать четыре человека сидели и молчали, ничего еще не зная и не понимая.

«Ну, почему, почему, почему? — забилась в Кирилле мысль. — Почему все к худшему? Хочешь добра, мечешься, стараешься — и все не так!..» Но мысль эта простучала в нем пулеметной очередью, и после нее Кирилл ощутил злое спокойствие. В конце концов, что страшного случилось? С кем?

Чирок? Но ему в школе ничего уже не грозит: своим нырянием в ледяной ручей он искупил все, в чем был виноват. Болезнь взяла его под надежную защиту.

Женька? Но до вчерашнего дня Кирилл жил, не думая о ней. Что ж, проживет и дальше.

— Если председатель совета отряда устраивает истерики, что ждать от класса... — проговорила Ева Петровна, глядя поверх голов. Кажется, она была все-таки немного смущена.

Класс молчал. Ева Петровна спросила:

— Кто ходит к Чиркову и выяснит, почему он не явился на занятия? Что с ним случилось?

Кирилл встал.

— С ним случилась простуда, — отчетливо сказал он, разглядывая улыбающуюся рожу скелета за стеклом.

— Очень удачно, — недоверчиво произнесла Ева Петровна. — Это правда, надеюсь?

Кирилл посмотрел в ее табачные глаза.

— Нет, конечно, — ответил он. — Я никогда не говорю правду. Вчера я врал, что не брал кошелек, сегодня придумал про Чиркова.

— Вчера ты был сам виноват. Вел себя настолько чудовишно... Если бы не твое вчерашнее поведение, я могла бы, пожалуй, извиниться перед тобой.

— Не надо, я переживу, — сказал Кирилл.

Ева Петровна кивнула:

— Я тоже думаю, что переживешь. Кроме того, твоя попытка скрыть вину Чиркова делает тебя фактически его сообщником.

— Каким сообщником? — удивился Кирилл.

— Обыкновенным! Сообщником в краже кошелька.

— В котором не было никакой стипендии, а было всего четыре рубля, — сказал Кирилл. — Ох и нажились мы...

Опять кто-то тихо присвистнул. А длинный Климов спросил:

— Откуда ты знаешь?

— От хозяйки кошелька, — сказал, не оборачиваясь, Кирилл.

Тишина пропала. Теперь кабинет биологии был полон перешептываний, негромких вопросов и возгласов.

— Это не имеет никакого значения! — воскликнула Ева Петровна. — Кража остается кражей! Сорок рублей или четыре — что это меняет для нас?

— Для Чиркова меняет, — сказал Кирилл. — Если бы он

знал, что в кошельке нет стипендии, он не нырял бы за ним в холодную воду. И сегодня я не вызывал бы ему врача.

— Куда нырял? — громко спросил Димка Сушко и гоготнул.

— Пускай Кирилл все объяснит, — потребовал Валерка Самойлов. — Ничего не понять.

Кирилл повернулся к нему.

— Вот именно, что не понять. А чтобы понять, надо разбираться. А разбираться разве охота?

Ева Петровна посмотрела на часы.

— Разбираться будем после уроков на классном часе, а сейчас займемся биологией. Кстати, пусть Векшин идет к доске и с той же энергией, с какой он защищал Чиркова, расскажет домашнее задание.

— Не пойду я к доске, потому что не учил.

— Векшин — два, — сообщила Ева Петровна и открыла классный журнал.

— Правильно, — сказал Кирилл. — Сперва отобрать портфель с учебниками, а потом — два. А как я должен был учить?

Ева Петровна придержала занесенную ручку.

— Во-первых, я портфель не отбирала. Во-вторых, Черепанова отнесла его тебе домой.

— Слишком поздно отнесла, у меня уже другие дела были, — скучным голосом сказал Кирилл.

— Очевидно, более важные, чем уроки...

— Достаточно важные, — сказал Кирилл. Урок он мог ответить, он помнил тему. Но он понимал также, что двойку ему ставить нельзя, не по правилам. Кроме того, отвечать у доски, будто ничего не случилось, было тошно.

— Если ты, Векшин, считаешь, что оценка несправедлива, можешь обратиться к завучу, — сообщила Ева Петровна. — А пока попрошу дневник.

— Пожалуйста, — сказал Кирилл и отнес дневник к столу. Двойка сейчас его не волновала. Он по-прежнему ощущал холодную спокойную злость.

Ева Петровна вывела оценку и, подумав секунду, начертала на полях:

«Демонстративно отказался отвечать урок пререкался с учителем».

— После слова «урок» нужна запятая, — сказал Кирилл. Ева Петровна поставила запятую и утомленно произнесла:

— А теперь пусть Векшин покинет кабинет. Я понимаю, что нарушаю закон о всеобуче, про который вчера напоминал Климов, но вести урок при Векшине я сейчас не могу. Пусть Векшин жалуется хоть в министерство.

— Не буду, — сказал Кирилл. — Пусть министерство работает спокойно.

Он собрал портфель и с облегчением ушел из кабинета. Встал в коридоре у окна.

В голове была путаница. Все опять шло наперекосяк. Где-то он был прав, а где-то поддался досаде и сам полез на скандал... Где, в чем? Как вообще разрубить этот клубок, заматавшийся со вчерашнего дня?

Во дворе на спортивной площадке третьеклассники гоняли мяч. Между столбами баскетбольных щитов стояли вратари: с одной стороны мальчишка в желтой майке и громадной кепке, с другой — девочка с растрепанными косами, в зеленом тренировочном костюме. Над пестрой кипящей толпой невозмутимо возвышался веселый молодой физрук Георгий Константинович.

Разноцветные команды сгрудились у мяча, и наконец получилась вдохновенно орущая куча. Вратари не выдержали и бросились в свалку. Георгий Константинович начал обрадованно дуть в судейский свисток.

Кирилл улыбнулся: когда-нибудь и Антошка будет так же гонять мяч...

Послышались тяжелые шаги. По коридору, чуть колышась, двигалась директорша Анна Викторовна. Кирилл вздохнул и приготовился к продолжению неприятностей.

— Здрате, — обреченно сказал он, когда Анна Викторовна приблизилась.

Она кивнула и остановилась.

— Если не ошибаюсь, опять Векшин...

«Опять», — сердито усмехнулся про себя Кирилл и промолчал.

— Почему не на уроке?

— Выставили, — сказал Кирилл.

— Похвальная откровенность. А за что?

Кирилл вынул дневник, открыл сегодняшнюю страницу и молча протянул Анне Викторовне.

Она взяла, прочитала. И вдруг спросила просто, совсем не по-директорски:

— А что случилось-то?

— Портфель вчера отобрали, а там учебник был. Я выучить не успел.

Она вздохнула:

— Если постараться, можно было бы найти выход?

— Можно, — равнодушно сказал Кирилл. — Но зачем отбирать портфели?

— То есть это дело принципа?

Кирилл пожал плечами.

Она для чего-то повертела дневник в руках и отдала Кириллу. Солидно, хотя и негромко, произнесла:

— Ненужный, совсем ненужный конфликт. Зачем этот накал, Векшин?

— Какой накал?

Анна Викторовна помолчала.

— Хорошо, — вдруг сказала она. — Пожалуй, я попрошу Еву Петровну ликвидировать эту двойку. А ты потом выучишь и ответишь.

Кирилл удивился. Но, удивившись, он остался спокойным.

— Ответить я могу и сейчас. Разве в двойке дело?

— А в чем же?

— Вообще... во всем.

— Как же понять это «вообще»?

— Это трудно сказать словами, — проговорил Кирилл, глядя на третьеклассников во дворе. — Ну, это хор, портфели... все остальное. Когда обвиняют, не разобравшись... Когда взрослый обязательно прав, а ученик обязательно виноват...

— Ты не прав, Векшин, — сказала Анна Викторовна.

— Ну вот, видите...

Она вдруг засмеялась:

— Да нет, ты в данном случае не прав. Учителя тоже ошибаются, кто же с этим спорит.

— Когда ошибаемся мы, попадает нам, — сказал Кирилл. — Когда ошибаются учителя, все равно попадает нам.

— А ты посоветуй, как жить без таких ошибок, — предложила Анна Викторовна. — Ты можешь?

Кирилл посмотрел на нее и не понял: шутит она или серьезно?

— Не могу, — сказал он. — Да и бесполезно.

— Почему бесполезно?

— Во-первых, вы не послушаете... А во-вторых, что советовать? Если и посоветую Александру Викентьевичу быть добрее, он же все равно не станет.

— Добрее... Он настойчив, он добивается от вас знаний и дисциплины. Где-то даже против вашей воли. А вам кажется, что он суров. Вы как маленькие дети, которые обижаются на медсестру со шприцем... А ты слышал такие стихи: «Добро должно быть с кулаками?»

— Слышал, — сказал Кирилл. — Но здесь же школа, а не секция бокса.

Анна Викторовна задумчиво смотрела с высоты могучего роста на нестриженую голову Кирилла. Он опять отвернулся и стал глядеть во двор. «Сейчас скажет: почему не постригся?» — подумал он.

Анна Викторовна сказала:

— Ступай на урок. Я предупрежу Еву Петровну.

— Ой, пожалуйста, не надо! — взмолился Кирилл.

Она почему-то шумно вздохнула.

— Ну, как знаешь, Векшин... Только не думай, что все учителя ужасно несправедливые люди.

— Я и не думаю, — искренне сказал Кирилл.

— Кстати... как это вы меня зовете? Мадам Генеральша?

— Мать-генеральша, — без выражения сказал Кирилл. —

Но это не мы, а старшеклассники. Да они не со зла...

— Надеюсь, — отозвалась Анна Викторовна и тяжело двинулась по коридору.

А когда она скрылась, перед Кириллом оказалась заплаканная Женька.

Женька торопливо сказала:

— Кирилл, ты думай, что хочешь. Ну, презирай меня, ругай, пожалуйста. Но только дай мне сказать, ладно? Только послушай.

— Ну, говори, — усмехнулся Кирилл. — Да не суетись... — Ему было даже любопытно: как все-таки Женька выдала Чирка?

У Женьки опять по-младенчески задрожала нижняя губа.

— Ты же не представляешь, что было... Я прихожу, а они сидят, меня ждут. С мамой. Они уже созвонились... И началось! Думаешь, я сразу сказала? А они то кричат, то уговаривают: «Ты знаешь, ты обязана, ты не имеешь права молчать!» Я говорю, что слово дала, а они опять в крик: «Ты думаешь, мы глупее тебя? Ты думаешь, мы хотим ему зла?!» Кирилл, разве в самом деле они хотят зла?

— Нет, что ты, — сказал Кирилл.

— Я сама не помню, как было... Миллион слов, целая лавина... И еще обещали все время: «Ни один лишний человек не узнает. Мы должны ему помочь, а ты не даешь...» Потом пришел папа, и все опять... Мама за сердце взялась: «Если я умру, то из-за тебя!» Кирилл, я испугалась. Кирилл, я бы молчала, если бы перед врагами... но разве они враги?

— Нет, что ты... — опять сказал Кирилл, глядя мимо Женьки. И подумал: «А в самом деле... Разве это легко вынести?»

Женька не отводила от него мокрых, виноватых глаз.

— Кирилл, прости, а? — тихонько попросила она. Так по-детски.

Он даже поежился от неожиданной жалости. Но что он мог сказать?

— Кирилл, ты же сам говорил, что можно простить, если человек не выдержал один раз... Ты же простил Чирка...

«А в самом деле...» — снова подумал Кирилл. Эта мысль принесла ему капельку облегчения.

Он не чувствовал сейчас к Женьке ничего, кроме жалости. Только жалость. Но разве этого так уж мало?

— Ладно, Женька, — сказал он, глядя на ее сандалетки из тонких лаковых ремешков.

— Нет, правда... — прошептала она.

Что с ней было делать? Кирилл положил себе на ладонь ее маленькую, мокрую от слез руку, накрыл другой ладонью.

— Ладно, Женька. Я понимаю... Ну, только не вздумай снова реветь.

Глава 14

На перемене Климов, Кубышкин и еще несколько мальчишек обступили Кирилла. Подошли и девчонки, но Климов сообщил им, что разговор не для дамских ушей. Девчонки сказали, что Климов нахал и грубиян. Однако ушли.

Кирилл торопливо рассказал про вчерашние дела. Олег Райский поддернул на носу очки, неинтеллигентно чертыхнулся и сказал, что положение скверное.

— Да ничего ему не будет, — возразил Кубышкин. — Студентка-то его простила.

— Не в этом дело. Насколько я помню, у него начинался туберкулезный процесс. Может случиться рецидив...

— Слова-то какие умные, — хмыкнул Ромка Водовозов.

— Для дураков любые слова — умные, — отрезал Райский и ушел к своей парте.

Затарахтел звонок.

— Кир, — вдруг сказал длинный Климов. — А ты правда был не такой. Силу почувял?

«Давно почувял», — подумал Кирилл. Он помнил, что за ним «Капитан Грант». И тот штормовой день. И «Колыбельная». Это и была сила.

— Угу, — ответил он.

— Тогда держись... — непонятно сказал Климов.

Собрание началось с напряженной тишины. Кроме нескольких человек, никто не знал толком, что случилось с Чирковым. Все ждали.

— Начнем, — решительно произнесла Ева Петровна. — На собрании один вопрос. Векшин бросил всем нам упрек, что мы не хотим разбираться. Пусть он все расскажет, а отряд разберется.

— Какой отряд? — спросил Кирилл и вспомнил прозрачные капельки на лбу у Чиркова.

— Что? Ты о чем? Да что с тобой, Векшин? Ты хочешь сказать, что здесь нет отряда?

— В отрядах не бывает собраний, — хмуро сказал Кирилл. — В отрядах бывают сборы.

— Ах вот что! Прекрасно. Если это так важно, можете считать, что у нас сбор.

— Спасибо, — тихо сказал сзади Климов.

— А на сборах командуют ребята, — негромко, но упрямо продолжал Кирилл.

— Великолепно! Пусть Черепанова командует. Она, кажется, еще председатель совета отряда. Ну, что же ты, Черепанова?

Женька нерешительно взглянула на Кирилла и попросила:

— Кирилл, расскажи...

— Расскажу, — отозвался Кирилл. Подумал и вышел к доске. — Расскажу. Теперь все равно... В общем, есть такой Дыба. Амбал лет шестнадцати. У него компания. Жулье всякое и шпана. Те, кто с ним знаком, сами знают... — Кирилл посмотрел на Димку Сушко.

— А че ты на меня-то? — спросил Димка.

— Издевались они над Чирком, — объяснил Кирилл и ощутил подозрительное щекотание в горле. Этого еще не хватало! Сейчас-то с чего? Он переглотнул и стал смотреть в окно. Повторил: — Издевались. Деньги выколачивали. Ему надо было Дыбе рубль отдать, а у него не было. А его бы избили. Ну и полез в карман. Хотел рубль выудить, а кошелек положить на место не успел. Потом с перепугу в речку его выкинул, даже не посмотрел, сколько в нем денег. Только рубль взял металлический... Вот и вся история.

Долго было тихо, потом Кубышкин спросил:

— А откуда ты узнал?

— Дыба хвастал рублем. Я догадался. Да Чирок и не отпирался...

— Он сознался, а ты решил скрыть от нас его вину, — подвела итог Ева Петровна. — Интересно почему? Разве товарищи не имеют права все это знать?

— Да не было у него товарищей, — устало сказал Ки-

рилл. — Никто же не заступился за него перед Дыбой. А как обсуждать — сразу товарищи... Вот и сейчас! Никто даже не спросил, сильно ли он заболел.

— Та-ак, — с ноткой удивления произнесла Ева Петровна. — Оставим пока Чиркова. Меня интересует позиция Векшина. Векшин, кажется, хочет сказать, что в отряде нет дружбы, нет коллектива. Так я поняла?

Кирилл кивнул:

— Так. Но я не про это...

— Нет, подожди. Давай разберемся. Какое ты имеешь право делать такие заявления? Какое ты имеешь право чернить отряд, который должен тебе скоро давать рекомендацию в комсомол?..

— Раньше характеристикой пугали, теперь — что в комсомол не примут, — отозвался Кирилл. — Да рано мне в комсомол — только-только тринадцать исполнилось.

— Но ведешь ты себя самоуверенной взрослой!

По интонациям Евы Петровны класс безошибочно угадал, что предстоит долгая речь, и все завозились, поудобнее устраиваясь за столами.

Ромка Водовозов уныло сказал:

— Ну вот. Хуже, чем на продленке...

Ева Петровна сложила на груди руки и оглядела класс.

— Мне начинает казаться, что Векшин был прав: действительно всем все равно. Райский потихоньку играет в шахматы, председатель совета отряда безмолвствует...

— Потому что Векшин все сказал! — неожиданно выпалила Женька и покраснела.

— И тебе нечего ему возразить? — сухо поинтересовалась Ева Петровна.

— Нечего, — негромко, но храбро сказала Женька.

Кирилл посмотрел на нее и тихонько улыбнулся.

Ева Петровна раздраженно зашагала в проходе между столами.

— Можно, конечно, дружить с человеком... с любым. Но зачем при этом плясать под его дудку?

— Я не пляшу. Просто я с ним согласна.

Ева Петровна повернулась к Женьке спиной.

— Может быть, и остальные согласны с Векшиным?.. Райский, убери шахматы! Ты с Векшиным согласен?

Олег встал и поправил очки.

— Векшин, по-моему, не сказал ничего нового. Но в принципе он в чем-то прав...

— В чем именно?

— В том, что наше объединение носит формальный характер...

Раздался смех.

— Не смешно! — вдруг резко сказал Райский. — Могу проще. Пока на нас орут, мы делаем, что велят. А без няньки и кнута ни на что не способны.

— Спасибо, Олег, — скорбно произнесла Ева Петровна. — Вот так и открывается сущность человека.

Райский сел и уткнулся в портативные шахматы.

— Кто хочет высказаться? — спросила Ева Петровна, демонстративно отвернувшись от Райского. — Неужели вам нечего сказать Векшину?

Высказаться захотела Элька Мякишева.

— Бессовестный ты, Векшин! Так говоришь про всех! У нас такая работа за прошлый год! Мы триста писем получили со всей страны, если хочешь знать, потому что у нас работа. У нас друзья во всех республиках и вообще... Мы с болгарскими пионерами переписываемся!

— А Чирок? — сказал Кирилл.

— Что — Чирок?

— Ему что до твоей работы и переписки? Где был отряд, когда Чирка избивали?

— А где был ты? — спросила Ева Петровна. — Ты взял на себя роль судьи. А разве ты уже не в отряде?

Но Кирилл заранее знал, что она это спросит.

— Нет, я тоже виноват, — сказал он. — Но я хоть не оправдываюсь и не кричу, что у нас везде друзья. Друзья во всех республиках, а между собой подружиться не умеем... Или боимся?

— Чего? — спросил Димка Сушко. — Тебя, что ли?

— Дубина ты, — сказал Кирилл. — Не меня, а того, что придется по правде друг за друга отвечать. Защищать друг друга. Не словами, а делом.

— Кулаками, ты хочешь сказать? — холодно спросила Ева Петровна.

— Да, — сказал Кирилл. — Если надо, кулаками.

— И ты всерьез полагаешь, что лучший в школе тимуровский отряд должен опозорить себя драками?

— Ты что, Векшин! — подал голос длинный Климов. — Разве Тимур так делал? Он вызывал Квакина на совет дружины и говорил: «Нехорошо, Миша...»

— И Квакин плакал от стыда, — сказал Кубышкин, но никто сейчас не засмеялся, была нехорошая тишина.

Ева Петровна встала.

— Что ж, — сказала она, глядя не на ребят, а в окно. — Вы задели важную тему. Давайте говорить серьезно и откровенно.

— А маму не вызовут? — спросил Кубышкин.

— Нет... Впрочем, у тебя уже вызвали... Так вот, друзья. Должна сказать вам, что Аркадий Петрович Гайдар, которого мы все любим, был сложной личностью, и не все в его жизни так гладко, как иногда кажется. И в его творчестве. Тимур — тоже фигура непростая. Он не сразу нашел дорогу к сердцам читателей. Да, представьте себе! Многие критики и педагоги сначала встретили его в штывы!

— Разве они — читатели? — спросил Валерка Самойлов.

— Не перебивай, Самойлов, — миролюбиво попросила Ева Петровна. — То, что я говорю, не всегда говорят детям... Впрочем, вы уже не дети, — спохватилась она. — Так вот, встретили Тимура в штывы. Многим была не по вкусу партизанская вольница в его команде. В самом деле: бесконтрольный ребячий коллектив, ни одного взрослого рядом...

— Во жили люди, — вздохнул кто-то за Кириллом.

Ева Петровна снисходительно улыбнулась.

— Я продолжаю. И должна заметить, что в упреках критиков была доля истины. Не все, что делал Тимур, можно одобрить безоговорочно. В конце концов, что хорошего в ночных драках или угоне мотоцикла? Но тимуровское движение оправдало себя, жизнь взяла для него из повести Гайдара не все, а самое полезное...

— Не жизнь, а классные дамы! — отчетливо произнес Климов.

— Что-о? Ты где находишься, в конце концов?!

— На сборе, — поспешно сказал Климов. — На сборе, Ева Петровна, а не на классном часе.

— И ты полагаешь, что на сборе можно говорить все, что вздумается?

— А разве нет?

— И оскорблять учителей?

— Так я же не про вас, — примирительно сказал Климов. — Я вообще. Вы, наверно, еще сами пионеркой были, когда Гайдар про Тимура написал. Или студенткой.

— Хам ты, Климов, — печально произнесла Ева Петровна, которая родилась через три года после выхода книги о Тимуре.

Климов вздохнул:

— Вот и поговорили серьезно и откровенно.

— И все решили, — вставил Кубышкин.

— Нет, не все! — резко возразила Ева Петровна. — Вернее, ничего. Не разобрались с Векшиным. Не выяснили, что происходит с отрядом. Не решили, как быть с Чирковым!

— Может быть, лучше — как быть с Дыбой? — спросил Кирилл.

— Этот Дыба, как ты выражаешься, не из нашей школы. У него есть своя администрация, дорогой мой. Есть милиция, в конце концов. Комиссия по делам несовершеннолетних.

— Конечно, есть, — сказал Кирилл. — А Дыба тоже есть. Интересно, да? Они есть, и он есть. Никуда не девается. И никуда не денется, пока мы его боимся.

— Потому что у них шайка, — сказали из угла.

— Ну, я и говорю, — усмехнулся Кирилл. — Их же целая шайка. Целая тысяча, да? А у нас, бедненьких, жалкая кучка. Что мы можем? На сборах про подвиги говорить. А человека от шайки защитить — кишка тонка у отряда. У правофлангового...

— Ты что же, всех своих товарищей считаешь трусами? Ты отдаешь отчет своим словам?

— Не знаю... — тихо сказал Кирилл. — При чем здесь слова? Опять слова, слова... А пока мы их говорим, Дыба гривенники шуляет у пацанов в «Экране». Не верите? Можно пойти посмотреть.

— Посмотреть? — спросил Климов.

— Ну да, посмотреть, — откликнулся Кирилл, ощущая горькое бесстрашие. — Посмотрим, потом побеседуем: «Нехорошо, Дыба, не делай так больше». И он перевоспитается.

В классе засмеялись.

— Ну, так кто со мной? — спросил Кирилл, сам удивляясь такой простой мысли. — Кто? Сеанс в час двадцать. На билеты наскребем. Полюбujemy на Дыбу, заодно кино посмотрим... Ну?

— А какое кино? — спросил Кубышкин.

— Откуда я знаю.

— Ну, все равно, — сказал Кубышкин и поднялся. Класс грохнул. Веснушчатое лицо Кубышкина сделалось пунцовым. Но он пошел к доске и встал рядом с Кириллом.

— Это что за демонстрация! — крикнула Ева Петровна. И непонятно было, кому крикнула: тем, кто гогочет, или Кубышкину?

Кирилл и Кубышкин переглянулись.

Смех продолжался.

— Пре-кра-тить! — скомандовала Ева Петровна.

— Разве на пионерском сборе нельзя смеяться? — спросил Климов. Выбрался из-за стола и, шагая, как циркуль, пошел к Кириллу. Спросил: — Гривенник дашь на билет?

Веселье усилилось.

— Дам.

— Смех — лучшая маскировка, — заметил Климов.

— Маскировка для чего?! — крикнула Элька Мякишева.

— Для чего угодно, — сказал Климов. — Для трусости, для подлости... У тебя — еще и для тупости.

— Пре-кра-тить! — опять потребовала Ева Петровна. — Это что за самодеятельность! Я запрещаю вам идти сегодня в кинотеатр!

— Это запрещать нельзя, — серьезно объяснил Кубышкин. — Мы ведь не с уроков уходим. Кино — это наше дело, личное, в «свободное от занятий время».

— Они патруль хотят организовать, — язвительно сообщил Димка Сушко.

— Ага, — сказал Климов. — А что? Бывали у нас и раньше патрули: то зеленые, то голубые...

— А сейчас будет фиолетовый, как фингал под глазом, — пообещал Димка.

— Попробуй только вякнуть своему Дыбе, — сказал Кирилл.

— Векшин, Климов, Быков, в понедельник в школу с родителями, если сегодня посмеете отправиться в кино, — заявила Ева Петровна. — О вашем поведении я сообщу директору.

Климов незаметно вздохнул. Потом сказал:

— Негусто нас...

— Мне все ясно. Черепанова, закрывай сбор, — сказала Ева Петровна.

Женька встала.

— Сбор окончен, — сообщила она и посмотрела на Кирилла. — Подождите, ребята, я с вами.

Вот тут класс притих. Даже Ева Петровна молча смотрела, как Женька идет к доске. Потом тихо и почти обессиленно Ева Петровна произнесла:

— Я сию же минуту... прямо сейчас... позвоню маме.

— Знаю, — грустно отозвалась Женька. Она с тревогой посмотрела на Кирилла, и он улыбнулся ей глазами.

— Черепанова! Ты же девочка, в конце концов! — воскликнула Ева Петровна.

— А что делать, если в классе всего три мальчика?

Тогда, сердито ворча, пошел к доске Самойлов.

Ева Петровна присела у стола и теперь смотрела на группу у доски спокойно. На лице ее словно было написано: «Ну-ну, интересно, что вы еще выкинете...» Но когда громко защелкнул коробочку с шахматами и поднялся Райский, спокойствие ее опять исчезло.

— И ты туда же? Ну уж от тебя-то, Олег, я не ожидала!

— А собственно, почему? — поинтересовался Райский.

— Ты знаешь почему... Кстати, у тебя сегодня турнир во Дворце пионеров. Ты что, не думаешь о чести школы?

— Мне кажется, именно о ней я и думаю, — вежливо сказал Райский.

Ева Петровна поднялась и вышла.

Когда шли к кинотеатру, Климов сказал:

— Если придется стыкнуться, держитесь цепью, локоть к локтю. А ты, Женька, не суйся.

— Видно будет, — сумрачно сказала Женька.

— Может, и нету там никакого Дыбы, — со скрытой надеждой заметил Кубышкин.

— Он говорил, что будет, — сказал Кирилл.

Валерка Самойлов тоже вздохнул, но по-иному: ему было жаль времени.

Олег Райский обнадежил Кубышкина:

— Если сегодня не будет, в следующий раз встретим. —

И он деловито поправил очки.

— Сними ты их, — сказал Климов.

— Я тогда ничего не увижу, — растерянно возразил Райский. — Будет затруднительно...

— Собыют, — сказал Климов.

Райский неловко улыбнулся:

— Ну что ж... Дома у меня где-то есть запасные.

Глава 15

Поход в кино кончился мирно, хотя мог бы кончиться боем. В кинотеатре действительно отирался Дыба с компанией, и компания не теряла времени: в уголке у туалета прижала перепуганного мальчишку лет одиннадцати. Юный Вовка Стеклов уже тянул пальцы к его карману. Мальчишка что-то объяснял жалобным полусшепотом.

— О чем здесь разговор? — небрежно поинтересовался Климов и, зевнув, сунул руки в карманы. Кирилл и остальные поступили так же. Кроме Женьки, которая за неимением карманов заложила руки за спину.

— Это что за шмакодавки? — удивился приятель Дыбы Совушка и захлопал веками.

Но Дыба моментально оценил обстановку. Кирилл и его группа стояли тесным полукругом и смотрели вполне решительно. Дыба широко улыбнулся.

— Общественность на страже, — объяснил он компа-

нии. — Не будем шуметь в культурном месте. Мы пошутили с мальчишкой, ты, мальчик, иди...

Мальчишка моментально исчез.

— Не шутил бы ты так, Дыба, — сказал Кирилл. — Не надо.

— Нехорошо... — вежливо поддержал Климов и тоже улыбнулся. Он был гораздо уже Дыбы в плечах, но повыше.

— Вроде мы незнакомы, — заметил Дыба и медленно осмотрел Климова от ботинок до макушки. — Вроде мы до рогу друг другу не переходили.

Климов зевнул.

— Вроде... — сказал он. — Вот и не переходи. Как кого зацепишь, считай, что перешел.

— И?.. — спросил Дыба, уперев пальцы в бедра.

— Будет тогда «И», — сказал Климов и перестал улыбаться. — «И» с точкой. Знаешь, такая точка и палочка.

Дыба посмотрел на Кирилла.

— Я все понял, — сказал он. — Ты, Кирюха, не забыл утренний разговор?

— А ты? — спросил Кирилл.

— Я тебе вроде говорил: «Будем друзьями...»

— Насчет друзей — это успеется, — сказал Кирилл, разглядывая пятиугольную Дыбину физиономию. — А как насчет Чирка? Сколько ты ему должен?

— Жаль мне тебя, — сказал Дыба.

— А себя?

— Позвольте пройти, — почти ласково попросил Дыба и пошел из закутка в фойе. За ним компания: Совушка, Димка Обух, Козочка, унылый тип по кличке Банан и Вовка Стеклов.

— Шесть на шесть, — сказал Валерка Самойлов. — Могли бы и стыкнуться.

— У нас одна девочка, — заметил Райский.

— Ничего, с тем хлопиком она бы справилась, — решил Кубышкин.

— А ты — сразу с тремя, — огрызнулась Женька. — Да ну вас... У меня внутри все трясется с перепугу.

— Ну и зря, — сказал Климов. — В кино они не стали бы драться. И вообще этот народ не нападает, когда силы равные. Они любят работать наверняка.

— А чего мы, собственно, добились? — задумчиво спросил Райский.

— Ну все-таки... — нерешительно откликнулся Кирилл. — Парнишку выручили. И Дыба узнал, что не все его боятся.

— Да, — сказал Климов. — Только теперь нам чаще надо ходить вместе и реже по одному... Особенно тебе, Кирилл.

— Я пришел к выводу, — грустно сказал Райский, — что одних запасных очков мне будет мало.

Они посмотрели румынский детектив «Шкатулка с секретом» и разошлись, договорившись, кто за кем бежит и кто кому звонит, если надо будет собраться срочно. Потому что мало ли какую шутку могут выкинуть Дыба и его дружки.

— К Чирку-то заскочишь? — спросил у Кирилла Климов.

Кирилл кивнул. Он все время помнил о Петьке. Надо бежать и хотя бы у матери спросить, что сказал врач, если к самому Петьке не пустят. Не отправили бы Чирка в больницу... Эта тревожная мысль постоянно царапалась внутри и даже портила радость от первой маленькой победы над шайкой Дыбы.

Но прежде чем ехать к Петьке, нужно было привезти из молочной кухни Антошкин обед.

Дома Кирилл торопливо скинул форму, натянул свой летний наряд и не стал даже обедать. Лишь бы скорее!

На кухне, к счастью, не было очереди. Кирилл получил молочное питание, зажал сумку на багажнике и покатил к дому.

Он выбрал короткий путь — по узкому переулку, поднимавшемуся от площади Жуковского на улицу Мичурина. Это был даже не переулок, а просто дорога между деревянными заборами — кусочек почти деревенской старины, сохранившейся среди больших улиц. Впрочем, не такой уж старины — рядом с дорогой, вдоль канавы, тянулась полоска вполне современного асфальта.

Подъем был крутой. Кирилл соскочил с седла и пошел по теплому асфальтовому тротуару, держа велосипед за руль.

Было безлюдно, цвели в канаве маленькие ромашки и совсем по-летнему гудел в траве у забора шмель.

До верха было далеко еще, когда, раздвинув доски в заборе, навстречу Кириллу вышли Дыба и незнакомый парень.

Парень был ростом с Кирилла, но пошире.

Они встали на дороге.

...В колыбельной песне для Антошки были слова про пять минут на решение и пять секунд на бросок. Сейчас пяти минут не было. Пяти секунд — тоже. Была, пожалуй, секунда, чтобы рывком развернуть «Скиф» и прыгнуть в седло. Но в эту секунду Кирилл успел понять и решить многое. Он почувствовал, что, если теперь спасется бегством, всегда потом придется бегать и прятаться. Ведь не будешь всю жизнь ходить вшестером. И получится, что они с Дыбой одинаковы: если сильный, то король, а если слабее — поджимай хвост.

И к тому же в «Колыбельной» ни словечка нет о дороге назад.

Кирилл шагнул вперед.

Дыба заухмылялся.

— Гордый, — сказал он. — Поначалу все гордые...

Его приятель растянул бледные губы. Это, видимо, тоже была улыбка, но какая-то бесцветная. Кирилл увидел темные шербатые зубы. Еще он заметил, что у парня слезятся глаза, а лицо словно припорошено серой пылью. «Насквозь, дурак, прокурен, — машинально подумал Кирилл. — Дыхание, наверное, еле-еле...»

— Поставь машину, поговорим, — небрежно предложил Дыба. — Драпануть все равно не успеешь.

— Успел бы, если бы хотел, — сказал Кирилл и дернул руль, на который Дыба положил лапу. — Не цапай, я потом не отчищу.

Он прислонил велосипед к забору и прислонился сам — рядом с задним колесом.

— Ну, чего надо?

Они стояли в метре от него. Дыбин приятель смотрел равнодушно, а Дыба все ухмылялся. Он хотел казаться обрадованным, но в ухмылке проскальзывало разочарование: пойманный Кирилл вел себя не по правилам.

Дыба перестал улыбаться и спросил:

— Тебя, цыпленочек, когда-нибудь били? По-настоящему?

— Это по-бандитски, значит? Как вы Чирка? — прищурившись, произнес Кирилл.

Дыба снисходительно разъяснил:

— Не, Чирка мы любя, для воспитания. Чтобы слушался. А как по-настоящему, сейчас узнаешь.

Кирилл быстро глянул по сторонам: нет ли прохожих? Было пусто. Он торопливо сказал:

— Если тронете, сволочи, будете через час визжать и слезами умываться.

Дыба опять заухмылялся:

— У-у, где мы будем через час! Тю-тю...

— Далеко не уютюкаете. Не сегодня, так потом...

— Потом — это потом. А сейчас — это сейчас, — рассудительно заметил Дыба и деловито сказал: — Тюля, давай...

Прокуренный Тюля вынул довольно грязный платок и зачем-то начал наматывать на пальцы. Не спеша и аккуратно, будто к работе готовился. Кирилл ощутил внутри противную дрожь. «Ну-ка, не вздрагивай. Знал, на что идешь», — приказал он себе.

Дыбе и Тюле сказал:

— На психику давите? У меня нервы в порядке.

Он дернул на сумке застежку-«молнию» и выхватил бутылку с молоком. Двухсотграммовую бутылочку с делениями на белом боку, с пушистой ватной пробкой. Жаль Антошкиного обеда, но выхода нет.

— Расшибу о башку, кто первый сунется, — пообещал он и решительно сцепил зубы.

Дыба сделал скучное лицо и нехотя проговорил:

— Да ну его, Тюля, чокнутого. Пошли, а то вон кто-то сюда прется...

Кирилл попался на удочку. Посмотрел в сторону, и в тот же миг бутылочка, выбитая из руки, разлетелась на асфальте. Дыба довольно заржал.

И тогда, неожиданно даже для себя, Кирилл вlepил ему хлесткую оплеуху.

«Глупо, — тут же понял он. — Этим его не сваляшь». Однако Дыба стоял, изумленно приоткрыв рот, и Кирилл развернулся к Тюле. «Ногой его...» Но Тюля увернулся и встре-

тил Кирилла прямым ударом в лицо. Будто граната взорвалась!

Кирилл отлетел на забор. Красные тяжелые капли начали часто падать на майку. Он не ощутил сильной боли, только голова отяжелела. И страха не было. Но майку вдруг стало жалко до слез: отец так радовался, когда подарил ее... Кирилл вытер ладонью слезы, локтем кровь с нижней губы и прыгнул к Тюле. Сумел закрыться от кулака и ткнуть костяшками в Тюлины губы. Но вмешался Дыба: тяжелым толчком швырнул Кирилла в молочную лужу с осколками.

Как на горячие гвозди...

Кирилл не смог подняться сразу. Но они не спешили, они дали ему встать. Он встал и посмотрел себе под ноги. По ногам из порезов бежали тонкие алые струйки и смешивались на асфальте с молоком. С локтя тоже капало. И с подбородка.

— Хватит на первый раз? — спросил Дыба и сплюнул. — Или еще? Айда, Тюля...

— Боишься, гадина? — тихо сказал Кирилл и посмотрел на Дыбу исподлобья. — А ну, стой.

Он четко знал, что сейчас сделает. Головой ударит Дыбу под дых, а когда тот согнется, он толкнет его на молчаливого палача Тюлю. Потом рванет с велосипеда тяжелый насос и врежет тому и другому по ненавистным ромам! Наотмашь! За все... За Чирка, за свою боль, за эту бело-розовую лужу на асфальте. За всех, над кем они издевались! За всех, кого они еще могут обидеть! За Антошку!

Он пригнулся и бросился на Дыбу, но от умелого удара под ребра опять отлетел к забору и упал в траву у своего «Скифа».

Тюля подскочил и воровато, но сильно ударил ему два раза ботинком в бок. Кирилл приподнялся на локте и хотел вцепиться ему в ногу, но не сумел. Он почти не мог дышать.

И сквозь гудящую боль он вдруг услышал далекий тонкий голос:

— Кир, держись! Кир, я сейчас!

У Тюли оказалась кошачья реакция: он взлетел на забор и упал с другой стороны. Дыба не был так ловок. Он суетливо

зацарапал ногтями по доскам, стараясь нащупать ту, которая отодвигалась. И не мог.

А сверху летел на велосипеде Митька-Маус. Он не тормозил на спуске. Наоборот, он так вертел педали, что колени его мелькали на солнце, будто зайчики на желтых лопастях ветряка. Он вцепился в руль одной рукой, а в другой он, как палицу, поднял схваченный где-то кривой тяжелый сук. И, как черный грозный вымпел, металась у него над плечом оторвавшаяся лямка...

— Кир, я здесь!

Дыба так и не нашел доску. Он торопливо зашагал вниз, потом не выдержал и побежал неуклюжей рысью. Видимо, ему, как и Тюле, в голову не пришло, что горластый пацаненок мчится сюда один. Они же не знали, что вчера Кирилл и Митька договорились всегда заступаться друг за друга.

Кирилл опять встал. Глотнул воздух. «Не уйдет, — подумал он про Дыбу. — Мы на колесах...»

Он шагнул к велосипеду, однако от колючей неожиданной боли в ребрах согнулся и прислонился к забору. Боль словно пришила его к доскам. Но через несколько секунд Кирилл сжал ее в себе.

Он опять начал медленно выпрямляться.

А Митька был уже совсем рядом и все кричал:

— Кир, держись! Кир, я сейчас!

1978 г.

ЖУРАВЛЕНОК И МОЛНИИ

Вступление

ЖУРАВЛЕНОК

Накануне было пасмурно и зябко. Но вечером прорезался под тучами ясный закат и потеплело. Утро наступило сверкающее. Глянешь на улицу, и сразу понятно: день будет солнечный и жаркий.

Вера Вячеславовна распахнула все окна и пошла выгонять из кровати засоню Иринку. Но Иринка, оказывается, не спала. Она стояла босиком перед зеркалом и задумчиво показывала себе язык. Увидев маму в зеркале, Иринка повернулась на пятке и сказала:

— Помню, помню, помню: «Сегодня суббота, большой аврал, никаких отлыниваний, никаких срочных дел...» Только не корми меня с утра яичницей, я от нее теряю работоспособность.

Вера Вячеславовна засмеялась. Она заметила, что нельзя потерять, чего нет, и отправила Иринку умываться. В квартире было просторно и тихо.

— А где папа?

— Раным-рано ушел в мастерскую, у него сегодня худсовет... Поджарить колбасу с горошком?

После завтрака Иринка лихо двигала стулья, хлопала во дворе половики, протирала подоконники и карнизы. В своем черном купальнике она носилась из комнаты в комнату и была похожа на ласточку. Это удивляло Веру Вячеславовну. Не то, что дочь похожа на ласточку, а то, что в ней прорезалось с утра такое трудолюбие.

Впрочем, Иринка успевала и дурачиться. Обмотала себя шлангом гудящего пылесоса и закричала:

— Мама! Смотри, я воюю с кровожадным драконом! Он обвил меня своей длинной шеей!

— Перестань терзать пылесос! Чисти ковер или увидишь настоящего дракона. Я сама в него превращусь.

— Нет, — возразила Иринка. — Ни в кого ты не превратишься, ты меня любишь. В крайнем случае скажешь: «Человеку, перешедшему в пятый класс, пора избавляться от детских привычек...»

— Я вот тебя веником...

Иринка захохотала, и они с «драконом» накиннулись на ковер...

Но к полудню Иринка сразу как-то выключилась. То ли устала, то ли ей надоело. Она притихла, ушла в свою комнату и вдруг появилась в новых белых сандалетках и белом платье с синими горошинами — самом нарядном и любимом. Чинно села у стола.

— Ты уже собралась? — удивилась Вера Вячеславовна.

— Куда? — насторожилась Иринка.

— Что значит «куда»? Мы же договорились вчера, что ты отнесешь Юлии Яковлевне книгу и возьмешь у нее мой зонт. Она ждет тебя ровно в час...

— Ой-й... Я совсем забыла. Может, потом?

— Потом она едет на дачу, ты же знаешь. И... в чем дело? Если ты собралась не к ней, то куда, скажи на милость?

— Да совершенно никуда...

— А к чему такой наряд?

— Разве нельзя одеться по-человечески?

— Гм... А все-таки?

Иринка уставилась на часы и небрежно сказала:

— Так... Мальчик один придет.

— Да? Любопытно, — произнесла Вера Вячеславовна и стала перебирать в серванте бокалы, стараясь показать, что не так уж ей любопытно. Потом все-таки спросила: — А что за мальчик? Из вашего класса?

Она тут же подумала, что вопрос этот смешной. Стала бы Иринка наряжаться ради одноклассников!

— Не из нашего... — откликнулась дочь. Помедлила и объяснила: — Мы вчера познакомились. В парке...

«Любопытно», — чуть снова не сказала Вера Вячеславовна, однако поняла, что это выдаст ее растерянность. И спросила скучноватым голосом:

— Разве ты была вчера в парке? В такую-то погоду...

— А что погода? Прохладно, вот и все, а дождя не было... Я хотела в тире пострелять, а тир закрыт был, я тогда пошла на аттракционы. Там такую новую штуку устроили: старинные автомобильчики по ухабам носятся... Так здорово!

— Не сомневаюсь, — откликнулась Вера Вячеславовна, у которой всегда бешено кружилась голова от одного вида каруселей и качелей. — А при чем здесь мальчик?

— Как при чем? В автомобильчик надо по двое садиться, все парами идут, а я одна. И он один... Тетка там, такая сердитая, покрикивает: «Ну, скоро вы? Занимайте места!» Он на меня посмотрел и говорит: «Пошли?» Я говорю: «Пошли». Ну и поехали... А это долгое катанье. Минут пять мотает вверх и вниз. Мы сидим и молчим. Потом он спрашивает: «Хочешь резинку? Мятную...» Я говорю: «Да нет, меня же не укачивает». А он: «Ну и что? Это не против укачивания, а просто так. Только у меня одна, давай пополам». Вытащил и порвал пополам вместе с фантиком. Ну, неудобно же отказываться... Сидим, жуем. Не молчать же все время, я и спросила: «Ты из какой школы?» Он говорит: «Ни из какой еще, мы недавно приехали. А ты из какой?» Я сказала, что из четвертой. Он спросил: «Тебя как зовут?» Я говорю: «Ира. А тебя?» «Юра...» Вот и все...

— Ну, наверно, не все, — осторожно заметила Вера Вячеславовна. — Был, наверно, еще разговор какой-то... Ты же пригласила его в гости.

— А, ну, конечно! Мы потом еще по парку ходили, я ему все показывала, и мы про марки разговаривали. У него, оказывается, куча марок со зверями и рыбами. Вот мы и договорились, что он сегодня принесет и покажет... В двенадцать часов.

— И про Юлию Яковлевну ты, конечно, не вспомнила...

— Мам, ну к ней же целый час ехать! А он придет...

— Кто же виноват? — строго спросила Вера Вячеславовна, и, конечно, строгости у нее хватило лишь на этот вопрос. — Ну, ладно, придет — подождет. Что особенного?

— А если не дождется? — жалобно спросила Иринка. Вера Вячеславовна засмеялась:

— Я обещаю тебе, что живым его не выпущу. А ты потопись.

Вера Вячеславовна заметила, что нетерпеливо поглядывает на часы. Рассказ Иринки о новом знакомом слегка обеспокоил ее. Ей представился высокий длинноволосый мальчишка в растрепанных снизу джинсах, полосатом свитере и почему-то непрерывно надувающий губами пузыри из жевательной резинки. Нет, не хулиган, конечно (с хулиганом Иринка не стала бы и разговаривать), но самоуверенный и с ленивыми размагниченными движениями. Это сейчас так модно! А Иринка готова подражать всем на свете...

Гость оказался точным: ровно в двенадцать деликатно тренькнул звонок. Вера Вячеславовна, пожалуй, чересчур топорливо открыла дверь.

— Здравствуйте. Ира здесь живет?

Вера Вячеславовна улыбнулась. Улыбнулась про себя, но ласково и радостно. В дверях стоял Иринкин ровесник — стройненький, легкий, аккуратный. Даже растрепанные волосы и распахнутый воротник не нарушали этой аккуратности. Он смотрел снизу вверх на рослую хозяйку квартиры с легкой застенчивостью, но доверчиво, будто чувствовал заранее, что ему обрадуются.

Вера Вячеславовна улыбнулась уже открыто. Мальчик был как тонкий солнечный колосок. Солнце, казалось, не хотело расставаться с ним даже на затененной лестничной площадке и задержало на мальчишке свой свет. Наверно, так казалось из-за рубашки — она была цвета золотистой пшеницы. На ней искорками блестели латунные пуговицы.

Славная была рубашечка, подогнанная у талии, с погончиками, с пристроченной над кармашком шелковой черной ленточкой, на которой были вышиты крошечные золотые буквы «Windrose». И, любуясь мальчиком, Вера Вячеславовна поймала себя в то же время на практической мысли, что несколько лет назад не удержалась бы и спросила: «Где тебе мама купила такую?» Но теперь это ни к чему. Витюшка теперь носит не такие рубашки, и погоны у него потяжелее...

Вера Вячеславовна спохватилась, что несколько секунд молча разглядывает гостя.

— Да-да! Заходи, пожалуйста. Я послала Иринку по не-

отложному делу, но она скоро придет. Она очень просила подождать...

— Ладно, — весело сказал мальчик.

Он легко ступил бело-коричневыми кроссовками на половик в прихожей, быстро огляделся, пристроил на полке с обувью желтую клеенчатую папку, которую до сих пор небрежно держал за уголок. Потом высоко поджал ногу и потянул шнурок.

— Нет-нет, не разуйся, — поспешно сказала Вера Вячеславовна. — У нас кавардак, уборка, я еще полы не застелила.

Она пропустила мальчика вперед, он шагнул в солнечную комнату и, конечно, сразу остановился. Так же, как все, кто первый раз видел «Путь в неведомое». Картина висела почти напротив двери, невысоко от пола, и походила на узкое окно, окруженное коричневыми лаковыми карнизами. На картине был стиснутый бесконечно высокими скалами пролив. Среди скал металась птичья стая, а по зеленоватой воде уходил корабль с темными, наполовину убранными парусами. Вода была гладкая, но от кормы бежал, расширяясь, змеистый след, и в нем извивалось отражение светлого кормового фонарика.

Сверху из-за скал вырывался плоский луч, а впереди — по свету на камнях и бликам на воде — угадывалась солнечная щель, выход из каменного коридора...

Те, кто входил в эту комнату впервые, всегда останавливались. Но смотрели на картину по-разному. Одним хватало нескольких секунд, кое-кто стоял долго и разглядывал внимательно, а иные тут же начинали расспросы. Мальчик замер и тихонько сказал:

— Ой...

И смотрел, не отрываясь, пока Вера Вячеславовна не окликнула:

— Садись вот сюда, в кресло... Чем бы пока тебя занять?

Мальчик очнулся.

— Не надо меня занимать, — проговорил он почти испуганно. — Я просто так посижу. Посмотрю...

Он присел на краешек старого громадного кресла, повел глазами по стенам. На стенах были и другие картины: «Осень

в старом городе», «Утренний берег», «Дождь на Театральной площади»... А еще были часы с маятником, похожим на круглый рыцарский щит, с медным солнцем и месяцем, которые тихо двигались вокруг эмалевого циферблата (когда-то часы висели еще у Иринкиной прабабушки; теперь они отставали за час на десять минут, но гость, разумеется, этого не знал).

— Ладно, посиди, — сказала Вера Вячеславовна. — А я пока повешу это сооружение.

«Сооружением» был плоский глиняный горшок с плетями ползучих растений, только вчера купленный в цветочном магазине. Горшок назывался «кашпо» и подвешивался на стену. Для этого к нему прикреплялась длинная медная цепь. Чтобы горшок повис на нужной высоте, гвоздь следовало вколотить у самого потолка. Вера Вячеславовна надела очки и нацеленным взглядом стала отыскивать под потолком нужную точку.

Тогда мальчик сказал то, что она, по правде говоря, и ожидала:

— Давайте я помогу.

— Помоги. А то мне при моих размерах опасно прыгать по столам...

Они подтянули к стене полированный обеденный стол, мальчик опять хотел сбросить кроссовки, но Вера Вячеславовна сказала, что не надо, и постелила на стол газету. Мальчик вспрыгнул на него, ухватил молоток и гвоздь, вопросительно оглянулся.

— Стенка мягкая, деревянная, — объяснила Вера Вячеславовна. — Только вбить надо повыше, где кромка обоев. Дотянешься?

Он потянулся вверх изо всех сил, приставил гвоздь.

— Так хорошо?

— Очень хорошо. Вобьешь?

— Главное, с первого раза попасть по шляпке, а не по пальцам, — весело объяснил мальчик. Стукнул и попал по гвоздочку. И бойко заработал молотком.

Стенка оказалась не такой уж мягкой, гвоздь шел с трудом. Колотить, стоя на цыпочках, было тяжело.

— Отдохни.

— Да нет... Ничего...

Вера Вячеславовна с непонятным беспокойством смотрела, как машет молотком тонкая рука, вздрагивают на воротнике колечки каштановых волос, ходят под рубашкой крылышки-лопатки. Мускулы на худых мальчишеских ногах натянулись под загорелой кожей, как резиновые шнуры. На коленном сгибе проклюнулась и задрожала сильная жилка.

«Как у Витюшки», — со шемящей ласковостью подумала Вера Вячеславовна и отчетливо вспомнила, как однажды девятилетний Витюх тянулся со стула к верхней полке стеллажа: он доставал словарь для своего юного дядюшки Пети, студента-медика. Легкомысленный Петька подкрался и легонько шелкнул племянника по такой вот жилке. Витюшка молча и мгновенно сложился, как карманный ножик на пружинке. И комочком полетел со стула. Петька со смехом подхватил его. Витюшка сперва рассердился и почти всерьез замолотил бестолкового дядюшку пятками и кулаками. Но тот захохотал и показал язык. Тогда Витюх вырвался и схватил диванную подушку. И они с Петькой начали носиться по комнатам, сшибая стулья. И Вера Вячеславовна всерьез разозлилась на них, потому что своим гвалтом они разбудили годовалую Иринку, и та принялась реветь...

Вера Вячеславовна вдруг подумала, что чаще вспоминает Витюку не длинным старшекласником и не широкоплечим сержантом, каким он недавно приезжал в отпуск, а таким вот мальчишкой. Последние годы бежали почему-то удивительно быстро, и к большому Виктору она просто не успела привыкнуть. Конечно, она каждый день помнила и тревожилась о взрослом сыне в погонах с золотистыми буквами «СА» и широкой фуражке с черным околышем. Но о маленьком Витюшке — исцарапанном и коричневом от солнца, озорном и ласковом, о веселом мушкетере в треснувших и замотанных синей изолентой очках — она вспоминала и печалилась так, будто он не вырос, а уехал на три смены в лагерь «Горная речка». И это несмотря даже на то, что подрастала и была всегда рядом Иринка...

Стук молотка прервался, и мальчик облегченно опустил руки.

— Все...

— Вот молодец. Отдохни, и повесим эту штуку.

— Я не устал.

Он ловко зацепил за гвоздь медную петельку, выровнял на цепи горшок, расправил зеленые плети растения и крутнулся на пятке (вместе с ним крутнулся газетный лист). Потом он одним движением заправил свою аккуратную рубашечку под ремешок на бежевых шортах, тоже очень ладно сшитых, простроченных по всем швам коричневой ниткой. Чуть напружинившись, мальчик приготовился прыгнуть на пол.

Вера Вячеславовна едва удержалась, чтобы не протянуть навстречу руки. Но такая помощь, конечно, была не нужна мальчику. Он легко скакнул на паркет, выпрямился и глянул весело и полувопросительно: «Кажется, я справился. Может быть, что-то еще сделать?» Тогда она все же протянула руки и положила пальцы на его плечи.

— А теперь давай познакомимся по-настоящему. Меня зовут Вера Вячеславовна. А тебя, кажется, Юра?

— Да... Юра, — сказал он с легкой заминкой. Потом улыбнулся и, словно решив ответить откровенностью на ее сдержанную ласку, признался: — Вообще-то меня так почти никто не зовет. Разве что папа. Да и то он или «Юрик», или... — он с шутливой сердитостью свел брови, — «Ю-рий»... А чаще всего меня зовут Журка.

Он, кажется, ждал тут же вопроса: откуда такое имя? А Вера Вячеславовна вспомнила, как он, развязывая шнурок, по-птичьи стоял на одной ноге.

— Журка-журавленок... — не то спросила, не то просто сказала она.

— Ну... не знаю. Это из-за фамилии. У меня фамилия Журавин... Я сам себя так прозвал случайно.

— Удачно прозвал... А как это получилось?

Он смешно сморщил переносицу.

— А... такой случай, прошлой весной еще. Нас в пионеры принимали, сразу весь класс, ну и столько забот было, репетиции всякие, форму специальную шили, концерт готовили, и все переволновались, конечно... Наконец собрались в зале — и ребята, и родители, и там у одной девочки бабушка пришла, активная такая. Про все расспрашивала,

всем восхищалась. Мы построились, а она давай нараспев: «Ах вы, мои красавчики, ах вы, журавлики...» Я с краю стоял, мне нужно было первому Торжественное обещание давать. Я и так дрожал, а тут в голове что-то совсем переключилось. Когда скомандовали, шагнул вперед и начал: «Я, Жура Юравин...» Все как грохнуло. — Он вздохнул и покачал головой.

— Ну ничего, это бывает, — сказала Вера Вячеславовна.

— Да ничего, конечно... Потом все было как надо. А «Журка» ко мне так и приклеился... Теперь даже мама так зовет.

— Тогда и я буду так тебя звать... Давай, Журка, передвинем стол. Вот сюда... Прекрасно. Ты теперь посиди немножко, а я заправлю в суп макароны...

Когда Вера Вячеславовна вернулась в комнату, Журка не сидел. Он стоял перед картиной, нагнувшись и упершись ладонями в колени.

— Ты слишком близко рассматриваешь. Надо отойти подальше.

— Я знаю, я издалека уже смотрел... А сейчас я разглядываю, как это сделано. Просто чудо такое: пятнышки краски намазаны, а издали взглянешь — как живое...

— Нравится? — обрадовалась Вера Вячеславовна. — Это Иринкиного папы работа. Он у нас художник.

— Я догадался, — откликнулся Журка и опять оглядел стены. А потом, почуввав скрытый вопрос Иринкиной мамы, сказал: — А мой папа — шофер.

«Надо же! — удивилась Вера Вячеславовна и тут же насмешливо одернула себя: — А ты думала, что он обязательно сын доктора наук или артиста оперы? Ну и представления о людях у тебя! Как в девятнадцатом веке...»

— Папа — водитель первого класса, он всегда на самых тяжелых грузовиках ездит, — объяснил Журка. — Для него чем больше машина, тем лучше... К нему в кабину заберешься — будто на второй этаж...

— А мама твоя кем работает?

— Мама... — Журка мельком улыбнулся. — Она, пожалуй, художница... Только не по картинам, а по костюмам. Она училась на модельера, потом ей там что-то не понрави-

лось, и она стала работать машинисткой. Только она все равно постоянно шьет, ей нравится придумывать всякие костюмы. Она для молодежного театра у нас в Картинске столько всего нашила...

— То-то я люблю твою рубашечкой: она как по заказу. Мамина работа?

— Конечно. Она для меня все сама шьет, даже школьную форму. Или в крайнем случае магазинную подгоняет как надо.

Вера Вячеславовна вздохнула:

— Лет семь назад я бы обязательно упростила твою маму сшить рубашку для нашего Вити. А теперь он выше меня... Сейчас покажу, какой у Иринки брат.

Она принесла фотографию, с которой смотрел тонколицый симпатичный парень в больших очках и солдатской фуражке. Журка с минуту внимательно разглядывал снимок. Потом сказал доверительно и немного жалобно:

— Хороший брат... А у меня никого нет. Тоже хочется, чтобы кто-нибудь был: хоть большой, хоть маленький...

— Ну, может быть, еще будет, — осторожно утешила Вера Вячеславовна.

Журка шевельнул плечом и опять коротко сморщил переносицу.

— Мама говорит: «Вы, мужчины, лодыри, а мне одной такие хлопоты на старости лет...»

Вера Вячеславовна засмеялась:

— Да сколько же маме лет?

— Тридцать два...

— Господи, да это самая молодость! Мне бы, старухе, такие годы...

— Что вы! Вы совсем молодая, — как истинный джентльмен, заспорил Журка. Смущился и чуть порозовел.

— Ладно уж, не утешай, — усмехнулась Вера Вячеславовна. — Лучше расскажи, как вы познакомились с Иринкой.

Журка охотно поведал о встрече в парке, и его рассказ был очень похож на рассказ Иринки. Только, вспомнив про резинку, Журка признался:

— Я сначала боялся угощать. Она старая, засохшая была...

— Между прочим. Иринка терпеть не может никакую жвачку, даже самую свежую и сладкую, — улыбнулась Вера Вячеславовна.

Журка немного удивился, а потом признался с насмешливым вздохом:

— Между прочим, я тоже. Меня еще весной кто-то угостил, она и завалилась в кармане. А вчера я из-за холода влез в джинсы и наткнулся на нее... — Он подумал и вдруг проговорил: — Вот ведь какая случайность. Если бы не было резинки, мы, может, и не познакомились бы.

— Это хорошая случайность, — сказала Вера Вячеславовна. — Да и вообще здесь много счастливых совпадений. Хотя бы то, что вам обоим пришла мысль пойти в парк. Погода-то была не для прогулок.

— А я всякую погоду люблю, — откликнулся Журка. — И незнакомые места люблю. Парк от нашего дома недалеко, вот я и пошел обследовать окрестности.

— Значит, вы совсем недавно в наш город приехали?

— Три дня назад. Ира первая, с кем я тут познакомился.

— Будем надеяться, что это неплохое начало, — слегка торжественно сказала Вера Вячеславовна. — Только знаешь что, Журка... Она не выносит, как зубную боль, когда ее зовут Ирой.

— Да? А вчера сама так назвалась.

— Это от смущения... Все ее зовут Иринкой, а отец Ришкой.

— Я запомню, — просто сказал Журка. И в это время затрахтел звонок.

— Легка на помине! — воскликнула Вера Вячеславовна.

Слегка запыхавшаяся Иринка влетела и замерла. Секунду смотрела на Журку, будто не узнавая. Потом сказала с еле заметной кокетливой ноткой:

— О! Ты уже здесь.

Повернулась к матери и с изящным реверансом протянула ей зонтик. Потом словно что-то стряхнула с себя и стала обыкновенной Иринкой. Весело спросила у Журки:

— Давно пришел?

— Пришел точно, как вы договорились, — ответила за Журку Вера Вячеславовна и легонько притянула его к себе. — И мы уже успели познакомиться. Кстати, Иринушка, этого товарища зовут не Юра, а Журка. Интересное имя, правда?

Иринка удивленно шевельнула бровями.

— Вообще-то это не имя, а прозвище, — смутившись, объяснил Журка.

Иринка серьезно спросила:

— А ты не обижаешься на прозвища?

— На это нет, — сказал он так же серьезно. — Меня первый раз так Ромка назвал...

— Кто же этот Ромка? — спросила Вера Вячеславовна.

— Это друг мой... был... — сказал Журка чуть потускневшим голосом. И тут же встрепенулся: — Ой, я ведь марки принес!

Веру Вячеславовну кольнуло беспокойство: почему «был»? Неужели у этого ясного и доверчивого мальчугана такой непрочный характер? Уехал в другой город, и, значит, оставшийся на старом месте друг — уже не друг?

Но почти сразу тревога прошла. Журка притащил папку, они с Иринкой рассыпали по столу марки, о чем-то дурашливо заспорили, сортируя марочные грудки и показывая друг другу штемпеля. Будто знали друг друга с первого класса...

Стоя у кухонной плиты, Вера Вячеславовна слышала, как Журка убеждает ее дочь:

— Да забирай все! Я эту природу все равно не собираю! Я только корабли, старинное оружие и всякие приборы: глобусы, секстаны, подзорные трубы. И еще маяки... Если у тебя появятся, ты ведь мне тоже...

Потом Иринка крикнула из комнаты:

— Мама! Знаешь, что мы надумали? В «Салюте» идут «Приключения Робин Гуда», мы хотим сходить на два тридцать!

— Прекрасная идея! Главное, очень свежая... Ты смотрела это кино два раза.

— Я тоже! — сообщил Журка. — Ну и что? Можно еще.

— А дома у тебя не подымут тревогу: куда девался ненаглядный сын?

— Не-е! Я отпросился до шести часов... И у меня есть рубль, как раз на два двухсерийных билета.

Вера Вячеславовна сказала, что, если поискать, рубль найдется и для Иринки. Тогда хватит и на кино, и на мороженое. Но, для того чтобы мороженым они не объедались, она сначала покормит их обедом. Таковы ее железные условия.

— Раз такие условия, делать нечего, — сказал в комнате Журка (и Вера Вячеславовна отчетливо представила, как он опять забавно сморщил переносицу). — Но вообще-то я могу не есть целый день.

— Охотно верю. Только сегодня этот номер не пройдет...

Через полчаса она стояла у открытого окна и смотрела сквозь надутую солнечным ветерком прозрачную штору на улицу. С третьего этажа было видно далеко. Иринка и Журка шагали в конце квартала. Они топали, слегка дурачась: взялись за руки и этими сомкнутыми руками взмахивали до отказа взад и вперед — в такт шагам. Потом остановились на углу. Иринка знала, что мама смотрит вслед, и помахала рукой. А Журка... Вере Вячеславовне очень захотелось, чтобы махнул и он. И Журка сделал это. Не так решительно, как Иринка, но поднял руку и качнул в воздухе ладошкой. Вера Вячеславовна помахала в ответ, хотя они не могли ее видеть издали через надутый пузырь тюль. И тут в передней опять позвонили.

Пришел муж. Он быстро взглянул на Веру Вячеславовну, излишне внимательно посмотрел по сторонам и оживленно сказал:

— Встретил Ришку с незнакомым отроком. Очень милая пара, шли в кино. Кто этот симпатичный кавалер?

— Вчера познакомились... Ну, как твой худсовет?

— Как нельзя лучше, приняли всю работу... А мальчуган славный! Догадалась, на кого он похож?

Вера Вячеславовна слегка нахмурилась. То, что Журка чем-то похож на Витюшку, было ее собственным открытием. Не хотелось, чтобы кто-то еще говорил об этом. Даже Игорь.

Но Игорь Дмитриевич, споткнувшись, шагнул в комнату и возбужденно повторил:

— Похож! Сейчас увидишь сама... — Он взял со стеллажа

альбом «Портреты Третьяковской галереи», торопливо залистал. — Вот...

Это был «Портрет сына» художника Тропинина.

— В самом деле, — согласилась Вера Вячеславовна. —

Что-то есть. Разлет бровей, волосы...

— Да вообще похож! Ты взглядишь!

— Может быть, — ощутив прилив досады и словно защищая Журку, сказала она. — Странно только, что это сходство так взволновало тебя... Деньги получил?

— Да-да... Все в порядке.

— И, наверное, уже успел отметить с Иннокентием...

— Ну что ты, Вера! Он звал, конечно. Но я ни в какую.

Ты же знаешь мою твердокаменность...

— Покурить, однако, уже успел...

— Всего полсигареты. Могу я сделать себе маленький подарок? Все-таки удачный день: спихнул такой громоздкий заказ...

— Обедать будешь? — устало спросила она.

— Разумеется! — бодро воскликнул Игорь Дмитриевич. —

Мы же там почти не ели. Куснули чуть-чуть салатик...

Вера Вячеславовна пошла на кухню. Он, вздохнув, двинулся за ней.

— Не сердись, я же вполне... Пообедаю, а потом сяду за эскизы.

— Потом тебе надо сходить в поликлинику, — сказала Вера Вячеславовна. — Заходила медсестра, тобой опять интересуется кардиолог... Куда с немывтыми руками? Иди в ванную... Дитя малое, честное слово...

А Иринка и Журка в это время шагали к троллейбусной остановке.

— Может, пешком пойдем? — предложила Иринка.

— Нет, лучше на троллейбусе.

— Тут ведь недалеко, и время есть...

Журка засмеялся:

— Да не в этом дело. Просто я почти не ездил на троллейбусе. У нас в Картинске их нет. Автобусы только.

— Ну и что? Одно и то же... Ладно, давай, если хочешь.

Журка чуть виновато сказал:

— Ты привыкла, а мне интересно.

Часть первая

ИГРА И НЕ ИГРА

НАСЛЕДСТВО

Журке все было интересно. Жить интересно. Хотя, казалось бы, жизнь его была самая-самая обыкновенная.

Почти все свои одиннадцать лет он прожил на краю Картинска, в двухэтажном деревянном доме, где они с мамой и отцом занимали одну комнату. (Правда, комната была большая, разгороженная шкафом на две половины, с высоким потолком и большими окнами на солнечную сторону.) Город был маленький. В нем лишь недавно стали строить многоэтажные дома, да и то в центре и на южной окраине. А в Журкины окна была видна улица с растущими вдоль заборов лопухами, деревянные домики и огороды.

Огороды спускались к ручью, который назывался Каменка. За ручьем тянулась травянистая насыпь с рельсами. По рельсам то и дело стучали коричневые товарняки и зеленые пассажирские поезда. А два раза в сутки проскакивал красный московский экспресс. Пассажирские поезда нравились Журке: по вечерам прямо из комнаты видны были бегущие цепочки светлых вагонных окон...

В общем, он жил на тихой улице с громким названием Московская, бегал по ней в школу, смотрел фильмы в ближнем кинотеатре «Мир» и дальнем кинотеатре «Спутник», летом бултыхался в самодельной ребячьей купалке недалеко от железнодорожного моста через Каменку, зимой катался на санках с пологого берега, читал книжки про приключения, про дальние города и страны, смотрел телепередачи «Клуба кинопутешествий» и знал, что живет замечательно.

Он знал, что все ручьи текут в реки, а реки — в моря и океаны. И когда он опускал руки в струи грязноватой от мазута Каменки, то понимал, что соединяет себя с водами Атлантики и южных морей.

Когда он взбегал с Ромкой на крутую насыпь и прижимался щекой к теплым вздрагивающим рельсам, эти рельсы,

как провода, подключали его к гудящей жизни всей Земли. Ведь они убегали, нигде не прерываясь, в самые далекие края.

Когда Журка сидел на подоконнике и рассматривал в бледном летнем небе звезды, он знал: тысячи разных людей, как и он, смотрят сейчас на те же звезды. Эти взгляды соединяли Журку со многими пока незнакомыми людьми.

Хороших людей было гораздо больше, чем плохих (хотя плохие тоже попадались, куда от этого денешься?). И хороших дней в жизни было во много раз больше, чем горьких и неудачных. Конечно, случалось всякое: и двойки с грозными записями в дневнике; и отвратительные ангины, когда распухает не только горло, а даже язык; и боль от расшибленных колен и разбитого носа; и томительная беспомощная тревога, если вдруг поссорятся мама и папа; и ночные страхи; и тот безобразный случай в походе... Но все это были именно случаи. Как редкие тучки среди ясного лета.

Вот на такое лето и была похожа его, Журкина, жизнь. Наверно, потому, что он умел находить кусочки радости во всем. Даже когда волочились над крышами лохмотья осенних унылых облаков, Журка сравнивал их с разорванными бурей парусами и вспоминал, что дома не дочитана «Одиссея капитана Блада». Даже когда приходилось ронять слезы после маминых слов, что ей «не нужен такой двоечник, разгильдяй и лодырь, за которого приходится краснеть перед всеми родителями из четвертого «В», он знал, что вечером все равно мама подойдет, сядет на краешек постели, и они помируются. И сквозь плач радовался этому.

И лишь когда пришло письмо о Ромке, все хорошее вокруг словно вздрогнуло и рассыпалось.

Журка плакал тогда не очень. Потому что плачь не плачь, что теперь сделаешь? Но не было в этих задавленных слезах и намека на какую-то будущую радость.

Потом оказалось, что и такая черная горечь не навсегда. Прошла она, а в оставшейся печали будто появились светлые зайчики. Ведь Ромка, несмотря ни на что, все-таки был. Целых два года он был у Журки, а прошлая жизнь, если ее не забывать, всегда остается с человеком. И друзья, которые были, остаются навсегда.

Ромка часто снился ему. Журка ждал этих снов, чтобы снова по-настоящему увидеться с Ромкой. Потому что наяву он вдруг стал забывать его лицо. Голос помнил, руки с облезшим на левом мизинце ногтем, похожую на черную горошину родинку на заросшей пушистыми светлыми волосами шее... А лицо будто уплывало. Словно Ромка уходил все дальше и дальше. А во сне он был прежний...

Журка быстро и охотно засыпал под шум недалеких поездов. Этот шум не мешал ему. Он все время напоминал, что есть дальние дороги, они протянулись по всей планете, и Журке тоже придется ездить по ним.

Впрочем, Журка ездил. Один раз с мамой в Москву, потом с мамой и папой в Феодосию, в дом отдыха. Случались и другие путешествия: в лагерь «Веселая смена», в областной город к дедушке — маминому папе. Но это были эпизоды. Они лишь на время прерывали привычную жизнь на родной Московской улице. А Журка знал, чувствовал, что когда-нибудь эта жизнь изменится совсем и дороги унесут его из тихого Карпинска надолго. Все изменится...

Изменилось раньше, чем он думал. Неожиданно.

Умер дедушка.

Это случилось, когда Журка был в лагере. Родители решили не волновать Журку, ничего ему не сказали. Съездили на похороны, оформили, какие полагалось, документы, устроили поминки. Короче говоря, сделали все печальные дела, которые выпадают на долю родственников, когда человек умирает.

К тому времени, как Журка вернулся, мама уже не плакала, хотя и была печальнее, чем всегда. Комната оказалась полупустой, а папа увязывал и упаковывал вещи. Решено было переехать в областной центр. После деда осталась небольшая, но приличная квартира, на которую, по словам отца, кто-то «хотел наложить лапу, но это дело у них не выгорело». А еще в разговорах звучало слово «завещание», и это удивляло Журку. Он думал, что завещания писались только в прежние времена про всякие там клады и дворянские состояния. Это было слово из романа «Граф Монте-Кристо». И вдруг — не в романе, а на самом деле. Впрочем, о завещании говори-

ли мимоходом. Да и какое там наследство мог оставить одинокий, очень небогато живший дед?

Журка обиделся на родителей за то, что не сказали вовремя о дедушкиной смерти. Разве он такой ребенок, чтобы скрывать от него беды и горести? Но, если говорить по правде, печалился Журка не очень сильно. Дедушку он знал мало, видел редко и, кажется, никогда по нему не скучал.

Хотя, конечно, дедушка был очень хороший. И он совсем не походил на обычного дедушку. Просто пожилой мужчина, очень высокий, с залысинами над худым лицом, с мелкой седоватой щетинкой на щеках, которые были прорезаны длинными морщинами. Он прихрамывал, но ходил без палки и держался прямо. Носил он большие круглые очки, хотя и без них видел неплохо. Журке почему-то казалось, что очки эти насмешливо поблескивают, когда дед смотрит на папу и маму. А если дед имел дело с Журкой, очки он снимал: и когда разговаривал, и, уж конечно, когда вскидывал Журку себе на плечи.

Он был крепкий, и руки у него были сильные (правда, и ласковые тоже). Еще в прошлом году, когда мама с Журкой встретили его на вокзале, он легко подкинул десятилетнего внука, посадил на себя и, почти не хромая, понес по улице. Журка немного стеснялся встречающих ребят — не маленький уже, — но не просился на землю, только весело ойкал: от смущения и от того, что щетинистые дедовы щеки покалывают ему голые ноги.

Дед рассказывал Журке про разные интересные вещи: про раскопки старинных курганов, про то, как устроены латы древних рыцарей, и чем в испанском бое с быками ма-тадоры отличаются от пикадоров и бандерильеров. Он научил Журку, как определять, молодой месяц в небе или старый, и как разглядеть в Большой Медведице незаметную во-сьмую звезду. А еще — запоминать названия парусов на больших кораблях и привязывать перья к стрелам для лука...

Иногда дед вспоминал, как в юности служил цирковым униформистом и плавал матросом по Каспию или как в детстве сделал с друзьями громадный змей, привязал к бечеве тележку, и змей тащил его, будто взнузданный конь, через луг. Пока бечева не оборвалась...

Один раз Журка попросил:

— Расскажи, как ты воевал.

Дед неохотно сказал:

— Да чего там воевал... Месяц был на позициях, а потом ногу искалечило, и отправили в тыл. И стал чиновником.

Но Журка знал, что чиновники водились только при царе, а месяц на позициях дед провел не зря: среди медалей «За трудовое отличие» и «Ветерану труда» были у него еще «За отвагу» и «За победу над Германией»...

В общем, славный был дедушка Юрий Григорьевич Савельев. Только встречался с ним Журка лишь на короткое время и редко — не чаще одного раза в году. Дважды Журка с мамой ездил к нему в «большой город», а иногда дед приезжал сам. Но приезжал, видимо, без большой охоты. Журка догадывался, что отец и дедушка недолюбливают друг друга. Кажется, деду не нравилось, что мама вышла замуж за папу. Но он зря был недоволен: если бы мама и папа не встретились и не поженились, тогда, чего доброго, не появился бы на свет и Журка.

Прошлогодний приезд деда был последним. Этим летом Журка после лагеря собирался поехать к нему с мамой. А получилось вот как...

Было грустно, и в то же время от ожидания больших перемен в Журке звенели радостные струнки.

Перед отъездом Журка неторопливо попрощался с Картинском. Навестил приятелей (их немного осталось в городе в летнюю пору), обошел все улицы, где когда-то гуляли с Ромкой, заскочил в пустую школу, побродил по берегу Каменки, поплескался в купалке, а потом поднялся на насыпь и положил на рельсы пятак. Прогредел длинный состав с разноцветными контейнерами, и Журка поднял раскатанный латунный кружок. Звонкий и горячий. Положил его в кармашек на тонкой рубашке...

А поздно вечером все Журавины были уже на новом месте.

Утром отец отправился узнавать насчет контейнера с багажом, а Журка и мама поехали на кладбище.

Кладбище оказалось большим и каким-то слишком открытым, с чахлыми деревцами, замершими под ярким рав-

нодушным солнцем. Совсем не похожим на то, что в Картинске.

Дедушкина могила была недалеко от бетонной стены, по которой прыгали воробьи. Журка увидел длинный бугор, заваленный бурными увядшими цветами и венками с полинялыми лентами. Мама стала откидывать их, и тогда открылась рыжая глинистая земля, через которую пробивались травинки — как весной, хотя появился этот холм в середине лета.

Журка стоял, забыв положить на могилу астры, которые дала ему мама.

Над бугром поднимался решетчатый обелиск, похожий на модель буровой вышки. Он был покрыт какой-то нелепо веселой голубой краской. Сверху алела острая звездочка, а посередине била в глаза очень черная табличка с белыми буквами дедушкиного имени и с числами: когда родился и когда умер. Журка машинально сосчитал, что прожил дедушка шестьдесят один год, четыре месяца и четыре дня...

Мама встала рядом с Журкой и сказала тихонько:

— Мы с папой отдали дедушкину фотографию переснять на эмаль. Будет такой круглый медальон. Когда сделают, привинтим сюда, на памятник...

Журка помолчал и спросил:

— Он на этой фотографии в очках?

— Да... А что, сынок?

— Так...

Журка отчетливо вспомнил, как дед снимал очки, когда наклонился над ним. И понял — неожиданно, только сейчас понял, — что дедушкины глаза очень похожи были на Ромкины. Казалось бы, чего похожего? У Ромки — распахнутые, золотисто-карие, с чистыми голубоватыми белками, у деда — водянистые, с красными прожилками, с набрякшими веками и морщинками вокруг. Но смотрели они одинаково: с добротой и постоянным ожиданием чего-то хорошего...

И когда Журка вспомнил это, резко перехватило горло. Он переглотнул, тихо положил цветы и щекой прижался к маминому рукаву.

По глинистому холмику пролетела тень. Это подошли первые облака близкого ненастья.

Когда возвращались домой, облака загустели и закрыли

небо. Солнце било последним лучом в золотистую щель с лохматыми краями. Этот луч высветил кирпичный трехэтажный дом, в котором была дедушкина квартира. Журке вспомнилась открытка с картиной какого-то очень давнего художника: там среди темных деревьев, под круглыми сизыми облаками светилась красная мельница с громадным колесом. И сейчас было очень похоже (если забыть про колесо).

Дом построили давно. Еще, наверно, до революции. Он был по-старинному красив со своими карнизами, треугольными выступами под крышей и полукруглыми окнами на узком фасаде. Журка замечал эту красоту и раньше, а сейчас при свете одинокого луча она выступила особенно ясно.

Красный дом, как замок, поднимался над крышами других домов — двухэтажных и одноэтажных. В большом шумном городе здесь, недалеко от парка, сохранились тихие старые кварталы, и было как в Картинске. Оказалось, что есть даже речка, похожая на Каменку.

Но с речкой, где горбатился узорчатый железный мостик, с окрестными улицами и старым парком Журка познакомился позднее. А в первый день хватило хлопот дома — надо было устраиваться.

Квартира находилась на третьем этаже. В ней было две комнаты: одна большая и одна крошечная — как раз для Журки. А еще маленькая кухня и даже отдельная ванная. Не то что в Картинске, где одна ванная была на четыре семьи... Последний раз Журка был у дедушки три года назад и уже тогда заметил, что в комнатах очень мало вещей. Стол, два стула, узкий диван — вот и все. Мама сказала, что дед не терпел ничего лишнего. Он жил один. Бабушка — мамина мама — умерла очень давно. Дед женился было еще раз, но неудачно. Когда вторая жена ушла, а дочь окончила школу и уехала учиться, Юрий Григорьевич распродал мебель, купил кубометр досок и сколотил из них стеллажи от пола до потолка. Полки он заполнял книгами, которые покупал, где только мог.

Зарплата у деда была средненькая. Он долгие годы работал проектировщиком в каком-то управлении (что это за должность и что за управление, Журка понятия не имел). Год

назад пришло время пенсии, тоже небольшой. Но книг дед собрал множество.

В Журкиной комнатке между стенкой и высоким окном стоял узкий стеллаж. Полка семь или восемь. Мама сказала:

— Эти книги дедушка оставил тебе.

— Как это мне? — удивился Журка. — Почему же не всем?.. А те, другие?

— Те как раз нам всем. А эти именно тебе. Специально... Дедушка их очень любил.

Журка растерянно оглядел полки...

В соседней комнате стояли Пушкин и Джек Лондон, Купер и Катаев, «Легенда об Уленшпигеле» и «Алиса в стране чудес». А здесь? Он видел облезшие кожаные корешки без надписей, края разлохмаченных обложек. Некоторые книжки были совсем без корочек.

Мама вышла, а Журка потянул с полки книгу. Наугад. Откинул тонкий самодельный переплет... Тихо вздохнул и сел на рыхлый надувной матрац, на котором спал прошлой ночью.

На грубой серой бумаге было отпечатано редкими старинными буквами:

ЖУРНАЛЬ
ПЕРВАГО ПУТЕШЕСТВІЯ
РОССІЯН
вокругъ Земнаго шара,
Сочиненный
подъ Высочайшимъ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
покровительствомъ
РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ
главнымъ комиссіонеромъ
Московскимъ Купцомъ Федоромъ Шемелинымъ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Санкт-Петербургъ
въ Медицинской типографіи
1816

...Сначала Журка медленно листал, потом встряхнулся, обвел глазами полки. Вскочил, выдернул сразу несколько

книг. Оказалось, что это два тома «Путешествий» капитана Головнина, изданные в 1819 году, и сразу три «Робинзона». Один был совсем старинный — 1789 года — и назывался почему-то «Новый Робинзон». Второй носил название «Робинзон-младший». На титульном листе стоял 1853 год, и Журка вспомнил, что, кажется, в этом году произошло Синопское сражение. Третий Робинзон оказался самым молодым — тридцатых годов нашего века. Зато он был самый толстый, и Журка с восторженной дрожью увидел, что там не только всем известные приключения на необитаемом острове. Там еще и вторая часть — дальнейшие путешествия Робинзона. Журка даже и не знал, что есть на свете такая книга...

За открытым окном захлопал листьями, резко зашумел тополь. Влетели в комнату холодные брызги. Упали на желтые страницы «Прелюбопытнейших Повѣствованій о Кораблекрушеніяхъ, Зимованіяхъ и Пожарахъ, случившихся на морѣ...». Журка машинально отодвинулся и даже не понял, что начался дождь. Это брызгали волны, хлопали паруса и шумели ветры... Вошла мама.

— Давай-ка закроем окно. Кажется, будет гроза.

Журка никогда не боялся грозы. Даже если грохало и сверкало над самой головой. Он и сейчас ответил:

— Ну и что? Я не боюсь.

— Грозе все равно, боишься ты или нет. Сквозняк втянет молнию, и от такой нелепой случайности может быть большая беда.

Мама плотно прикрыла створки, посмотрела на обложенного книгами Журку, улыбнулась и спросила:

— Нравится? Интересно?

Журка сперва рассеянно кивнул, потом поднял глаза:

— Ма... Тут не только интересно. Тут дело даже не в этом...

Она ласково наклонилась над ним:

— А в чем, Журавушка?

Но он не знал, как сказать. Как объяснить радостное замирание души, когда думаешь, что, может быть, эту книгу читал в палатке под Измаилом Суворов или в селе Михайловском Пушкин. Вот эти самые страницы. Эти самые буквы. И книги рассказывали им то же самое, что ему, Журке. Они

были как люди, которые за одну руку взяли Журку, а за другую тех, кто жил сто и двести лет назад. Тех, кто ходил в атаку под Бородином, писал гусиными перьями знаменитые поэмы, дрался стальными блестящими шпагами на дуэлях и мотался на скрипучих фрегатах среди штормовых волн Южного океана. У неоткрытых еще островов. Эта жизнь приблизилась к Журке, стала настоящей. И у Журки холодела спина.

— Мама, я не знаю... — Он помолчал и чуть не сказал про книги: «Они живые». Но отчего-то застеснялся.

Мама его поняла. Или, по крайней мере, поняла, что лучше его пока не спрашивать. И пошла по своим делам. Дел-то было ой-ей-ей сколько...

А Журка опять потянулся к полкам и взял самую прочную и новую на вид книгу с золотыми узорами на корешке. Это оказались «Три мушкетера». Не такое старинное издание, как другие, хотя тоже с «ятями» и с твердыми знаками в конце слов. Отпечатанное на гладкой бумаге и со множеством рисунков. Журка обрадовался «Мушкетерам» — это были старые друзья — начал перелистывать, разглядывая картинки...

И увидел между страницами узкий белый конверт.

Видимо, дедушка решил, что если все другие книги покажутся Журке неинтересными, то «Мушкетеров» он все равно пролистает до конца.

Тем же прямым почерком, каким раньше дед писал короткие поздравления на открытках, на конверте было выведено:

Юрику.

Журка сперва сам не зная чего испугался... Или нет, не испугался, а задрожал от непонятной тревоги. Оглянулся на прикрытую дверь, подошел к окну. Суетливо дергая пальцами, оторвал у конверта край. Развернул большой тонкий лист...

Дед писал четкими, почти печатными буквами:

«Журавлик!»

Книги на этих полках — тебе.

Это старые мудрые книги, в них есть душа. Я их очень любил. Ты береги их, родной мой, и придет время, когда они станут твоими друзьями. Я это знаю, потому что помню,

как ты слушал истории о плаваниях Беринга и Крузенштерна и как однажды пытался сочинить стихи про Галактику (помнишь?). Ты их еще сочинишь.

Малыш мой крылатый, ты не знаешь, как я тебя люблю. Жаль, что из-за разных нелепостей мы виделись так редко. В эти дни я все время вспоминаю тебя. Чаще всего, как мы идем по берегу Каменки и я рассказываю тебе про свое детство и большого змея.

Этот летучий змей почему-то снится мне каждую ночь. Будто я опять маленький, и он тащит меня в легкой тележке сквозь луговую траву, и я вот-вот взлечу за ним.

Жаль, что так быстро оборвалась тонкая бечева...

В детстве я утешал себя, что змей не упал за лесом, а улетел в далекие края и когда-нибудь вернется. И его бумага будет пахнуть солеными брызгами моря и соком тропических растений. Наверно, потому я к старости и стал собирать эти книги: мне казалось, что они пахнут так же.

Впрочем, ерунда, старости не бывает, если человек ее не хочет. Просто приходит время, когда лопается нить, которая связала тебя с крылатым змеем. Но змей вернулся, я оставляю его тебе. Может быть, он поможет тебе взлететь.

Журка, вспоминай меня, ладно? Меня и другие будут вспоминать, но многие, даже твоя мама, скажут, наверно: жизнь у него не удалась. Это неправда! И ты про это не думай. Ты вспоминай, как мы расклеивали в твоём альбоме марки, говорили о кораблях и созвездиях, а вечерами смотрели на поезда.

И учишься летать высоко и смело.

Ты сумеешь. Если тяжело будет — выдержишь, если больно — вытерпишь, если страшно — преодолеешь. Самое трудное знаешь что? Когда ты считаешь, что надо делать одно, а тебе говорят: делай другое. И говорят хором, говорят самые справедливые слова, и ты сам уже начинаешь думать: а ведь, наверно, они и в самом деле правы. Может случиться, что правы. Но если будет в тебе хоть капелька сомнения, если в самой-самой глубине души осталась крошка уверенности, что прав ты, а не они, делай по-своему. Не оправдывай себя чужими правильными словами.

Прости меня, я, наверно, длинно и непонятно пишу...

Нет, ты поймешь. Ты у меня славный, умница. Жаль, что я тебя, кажется, больше никогда не увижу.

Никогда не писал длинных писем. Никому. А теперь не хочется кончать. Будто рвется нить. Ну, ничего...

Видишь, какое длинное письмо написал тебе твой дед Юрий Савельев, который тоже когда-то был журавленком».

Журка дочитал письмо и сразу, не сдерживаясь, заплакал. Его резанули тоска и одиночество, которые рвались из этого письма. И любовь к нему, к Журке, о которой он не знал. И ничего нельзя уже было сделать — ни ответить лаской, ни разбить одиночество...

Напрасно дед боялся, что Журка чего-то не поймет в письме. Он понял все. В дедушкиных словах (будто не написанных, а сказанных негромким хрипловатым голосом) были не только печаль и любовь. Была еще гордость.

И поэтому в Журкиных слезах, несмотря ни на что, тоже была гордость...

Он спрятал шелестящий лист в конверт, а конверт под рубашку. Письмо было только ему. Одному-единственному. Он не хотел сказать о нем даже маме. Не потому, что здесь какая-то тайна, а просто они с дедом всегда говорили один на один, и сейчас был последний разговор.

Журка толкнул оконные створки. Холодные капли застучали по широкому подоконнику. Журка поймал несколько капель, провел мокрыми ладонями по лицу. Вытер его рукавом.

— ...Ты опять открыл окно!

— Все равно нет грозы. Простой дождик.

Журка старался говорить обычным голосом, но разве маму обманешь? Она торопливо подошла.

— Ты плакал?

— Вспомнил дедушку, — без всякого обмана сказал Журка. Потом встряхнулся. — Пойдем, я тебе помогу...

Они с мамой долго разбирали вещи. Развешивали одежду, расставляли по подоконникам посуду. Один раз Журка спросил:

— Мама, а дедушка умер сразу?

— Да, сынок. Он потянулся к верхней полке, чтобы взять книгу, и вдруг упал. У него как раз сидел сосед, который пришел за книгой...

— А разве дедушка знал, что скоро умрет?

— Почему ты решил?

— Ну... — сбился Журка (письмо лежало у него под рубашкой). — Он же завещание написал...

— Что ж... конечно. У него было уже два инфаркта, и последний год каждый день болело сердце...

«А таскал меня на плечах», — подумал Журка и через рубашку погладил письмо.

В это время приехал папа, злой и веселый. Злой потому, что контейнером с багажом на станции «еще и не пахло», хотя отправили из Картинска месяц назад. А веселый потому, что заехал в мебельный магазин и «ухватил» там две модные деревянные кровати и неширокую поролоновую тахту — для Журки. Кровати маме понравились, а про тахту она сказала:

— Ничего. Только цвет скучноватый.

— Зато недорого. Да и не было других. Не спать же парню на полу...

Грузчики и отец втащили тахту в комнатку. Журка скинул кроссовки, вскочил на нее, попрыгал. С тахты можно было дотянуться до верхних полок, куда Журка еще не добирался. Теперь он подпрыгнул и выхватил из ряда книг томик в желтой облезшей коже. Неловко повернулся и чуть не полетел на пол. Папа его подхватил.

— Не скажи, шею свихнешь... Дай-ка взглянуть. — Он взял у Журки книгу и открыл ее с конца. Покачал головой:

— Ну, насобирал дед музейных ценностей. И где только деньги брал?... Юля, ты глянь...

Мама подошла, и он показал ей и Журке на обороте обложки лиловый штамп и размашисто написанные цифры: 65 р. Провел глазами по полкам.

— Это еще ничего. Есть томики — по полторы сотни стоят... Вот наследство! А, Юрка? Я спрашивал знающих людей, они говорят, что есть специальный магазин, где эти книжки за такие суммы продают и покупают...

Журка испуганно встал спиной к полкам.

— Папа, не надо...

— Что не надо?

— Не надо в магазин... Дедушка мне оставил.

Отец сказал с легким удивлением, но терпеливо:

— Я понимаю, что тебе. Но тебе они зачем? Это же не детская литература.

Журка упрямо проговорил:

— Все равно. Это книги...

— Ну какие книги! — уже раздражаясь, воскликнул отец и открыл титульный лист у той, что в руках держал. — «Экстракт штурманского искусства из наук, принадлежащих к мореплаванию, сочиненный в вопросах и ответах для пользы и безопасности мореплавания...» Что это тебе, «Дети капитана Гранта»? Тут и буквы-то такие, что не разберешь...

— Я разберу.

— Ну ладно. А к чему? Если моряком захочешь стать, не по этой же книжке будешь учиться. Она устарела на двести лет!

— Не хочу я моряком... Не в этом дело...

— В дурусти твоей дело! — в сердцах сказал отец. — Ну, оставил бы «Робинзона», «Мушкетеров», это я понимаю. А к чему архивные сокровища? Они только специалистам нужны.

— Мне тоже нужны, — негромко, но четко сказал Журка и поднял заблестевшие глаза.

— Саша, не надо об этом. Потом... — тихо и торопливо сказала мама. И за локоть повела отца к двери.

— Я и потом не дам. Это мои! — звонко сказал Журка вслед. И сам удивился: никогда он с мамой и папой так еще не разговаривал.

Отец обернулся, вырвал локоть, присвистнул и медленно сказал:

— Ты смотри-ка... «Не дам», «мои»... Ну, давай посчитаем, у кого здесь чье... У тебя вон штаны из моих перешиты...

— Саша...

— Да подожди ты! «Саша», «Саша!» — взорвался отец. — У сыночка вон что прорезалось. Воспитали буржуйчика! Наследник...

Журка прижался лопатками к полке и сморщил лицо, чтобы не разреветься. Мама сжала губы, опять взяла отца за

локоть и утянула из комнаты. За дверью она что-то тихо сказала ему. А отец опять заговорил негромко и зло:

— Да брось ты! Вон Пушкин стоит, Гоголь, Стивенсон — я их сам ни на какое барахло не сменяю. Даже Диккенса твоего, хоть и занудно он писал! Но у Юрки-то блажь!

Мама опять заговорила негромко, и опять отец ответил во весь голос:

— Ну ясно, где мне понять ваши тонкости! Мое дело вкалывать. Знаешь, романтика — штука полезная, но жить тоже надо по-человечески. А мы? Вместо мебели рухлядь, холодильник трясется, как припадочный, телевизор почти что этим книгам ровесник... Кстати, Юрке за две такие книги можно мопед купить...

Кажется, мама сказала: «Этого еще не хватало...» А потом опять заговорила неразборчиво. Журка, глотая слезы, прислушивался, но слов ее так и не мог понять. А отец вдруг воскликнул:

— Ну хорошо, хорошо! Не скажу об этом больше ни слова!.. Я пень, я молчу... Только пускай не ревет. Вот дамское воспитание: чуть чего — и сразу сырость из глаз! Недаром всю жизнь с девчонками играл...

На этом все и кончилось. Больше отец ни разу не завел разговора о книгах. Через час они с Журкой как ни в чем не бывало прибывали карнизы и вешали шторы. Журка два раза съездил себе молотком по пальцам, но не пикнул. Чтобы опять не услышать про дамское воспитание.

Отец на это воспитание и раньше любил намекать. Растет, мол, кисейная барышня. И насчет девчонок посмеивался. Но разве Журка виноват, что в том дворе на Московской жили в основном девчонки? Конечно, Журка играл с ними и, надо сказать, всегда по-хорошему. Но настоящим другом его был Ромка.

Кстати, Ромка никогда-никогда не смеялся над Журкой, они оба понимали, что главное в человеке — характер, а не то, что девчонка он или мальчик.

И здесь через три дня после приезда Журка ничуть не жалел, что познакомился в парке с Иринкой, а не с каким-нибудь Вовкой или Сережкой (тем более, что такого, как Ромка, на свете все равно больше нет). Иринка была ве-

селя, хорошая. И мама ее тоже. И дома у них было так здорово — особенно та картина с кораблем. В этом корабле было что-то знакомое... Вот что! Он словно пришел из дедушкиных книг...

КТО ТАКИЕ «ВИТЯЗИ»?

На остановке было много людей. Когда подошел троллейбус, они разом кинулись к дверям. Но сердитый голос водителя прокричал через динамик непонятное слово:

— Дрынка!

Будто заклинание какое-то. И почти все отступили. Некоторые ворчали. Но Иринка заторопила Журку:

— Пойдем, пойдем, нам годится.

В троллейбусе оказалось много свободных мест.

— Садись к окошку, тебе все видно будет, — предложила Иринка.

Неторопливо — трюх-трюх — троллейбус поехал по бугристому асфальту. Смотреть на незнакомые места было интересно. Сначала Журка видел красивые старые дома, потом за окном потянулся травянистый склон. Журка, выгнув шею, глянул вверх. На крутом холме стояла древняя церковь с облупившейся колокольней...

— Это Макова гора, — сказала Иринка.

— Почему Макова?

— Говорят, на ней раньше маки цвели... А сейчас только одуванчики... Мы зимой здесь на санках и на лыжах катаемся, только с другой стороны, где машины не ходят.

— Хорошая гора, — одобрил Журка.

— А недавно здесь детское кино снимали: про двух мальчиков, которые самодельный самолет построили. Многих наших ребят приглашали на съемки...

— И тебя?

— Да ну... Я и не пыталась. Там не таких выбирали.

— А каких? — удивился Журка и, оторвавшись от окна, взглянул на Иринку.

— Таких... симпатичных. Чтоб смотреть приятно...

«А на тебя разве не приятно?» — чуть не спросил Журка, но смутился и сказал другое:

— В кино всяких людей снимают, не только красавцев. Главное, чтобы талант был.

— Ну да. А если ни таланта, ни внешности?

— Чего ты на свою внешность напустилась? — проговорил Журка с суровой ноткой. — Человек как человек...

— Нет, — вздохнула Иринка. — У меня рот акулий и зубы пилой.

— Какой пилой?

Иринка приподняла верхнюю губу. В самом деле, нижние краешки зубов были скошены на одну сторону и торчали неровно, как зубчики маленькой пилы.

— Ну и что? — сказал Журка. — Это даже... интересно.

— Уж куда как интересно!.. А еще конопушки эти круглые. Не лицо, а божья коровка.

— Да их и не видно совсем.

— Это сейчас не видно, а весной знаешь как...

Журку смущал такой разговор. Но он чувствовал, что Иринка говорит не всерьез. Видно, она просто решила показать: вот, мол, я какая, не жалей потом, что подругился...

Журка хотел сердито сказать, что терпеть не может дамских бесед о красоте. Разве в ней дело? Но в это время троллейбус остановился, двери зашипели, и водитель опять недовольно закричал:

— Дрынка!

— Почему он всех какой-то «дрынкой» пугает? Что за «дрынка»? — спросил Журка.

Иринка широко открыла глаза. Потом охнула и начала смеяться:

— Это он говорит «до рынка». Рядом с рынком троллейбусный парк, вот он туда и едет, потому что работу кончил. А вообще этот шестой маршрут ходит на «Сельмаш»... Нам-то все равно по пути, а другие сердятся. Ждут, ждут, а он... Он: «Дрынка!». Ой, ты не обижайся, что я смеюсь.

— Я не обижаюсь, — проворчал Журка. — Просто глупо. Сказал бы по-русски: «Еду в парк, товарищи».

— Тогда непонятно, в какой парк. Может, в парк культуры и отдыха, туда, где мы вчера были. Там у него конечная остановка... Ты обратно на этой «шестерке» до самого дома доедешь.

«Шестерка» снова тряхнулась и поехала.

— Ой, а о чем мы недавно говорили? — спохватилась Иринка.

— О твоих конопушках, — безжалостно сказал Журка.

— Да... — сразу опечалилась она. — И о зубах... Я даже удивляюсь, с чего ты решил со мной познакомиться.

Журка усмехнулся:

— Значит, если познакомишься, надо человеку в зубы смотреть, как лошади? И конопушки считать?... Ты сказала «пошли», я и пошел с тобой.

— Между прочим, это ты сказал «пошли».

— Между прочим, ты. Я и не мог, я как раз тогда губу облизывал, видишь, на ней трещинка.

— Ну... ладно. Зато ты стал резинкой угощать.

— А ты не отказывалась.

Иринка опять засмеялась:

— Неудобно отказываться. Жевала и страдала.

— Подумаешь, страдала. Вот я сегодня страдал...

— Когда?

— Над молочным супом. Я его больше всего на свете не терплю. Первый раз в жизни до конца съел. Да еще с пениками... — Журка передернулся.

— Ой, а почему же ты не сказал?

— В гостях-то!

— Я маме скажу, чтобы никогда больше...

— Не вздумай!.. А то каждый день буду резинками кормить.

Иринка жалобно попросила:

— Только не такими твердыми. А то потом потихоньку я целый час плевалась, когда ты меня по парку таскал.

— Я таскал? Я там и дорог-то никаких не знал! Ты сама: «Пойдем еще куда-нибудь», я и пошел...

— Ага? Сам же все спрашивал: «Вон за теми деревьями что? В том домике что? А лодочная станция где?»

— А ты сама: «Хочешь, летний трамплин покажу? Хочешь, на детскую железную дорогу?»

— А ты не отказывался...

— А ты... — Журка хлопнул губами, моргнул и заулыбался. — Сдаюсь. Ты меня переговорила. Скоро приедем?

— Уже. Остановка.

Они выскочили из троллейбуса на горячее солнце. Иринка сказала, продолжая разговор:

— Все-таки здорово мы познакомились. Раз — и готово! Я так быстро ни с кем не знакомилась. А ты?

— Я?... — Журка сбил шаг, потом чуть опередил Иринку, ступил на узкий поребрик тротуара, пошел, балансируя. И, не оглянувшись, тихо сказал: — Я один раз... Еще быстрее.

Тогда он так же шел по гранитному поребрику у школьного забора... Это было первого сентября, три года назад. Журка очень рано пришел к школе, знакомых ребят не увидел и стал развлекаться, изображая канатоходца.

Потом он заметил, как на узкий гранитный барьерчик шагах в пятнадцати от него встал незнакомый мальчик. И пошел навстречу.

Они сошлись. Теперь все зависело от характера и настроения каждого. Разные ведь бывают люди. Кто-нибудь мог сказать: «Не твоя дорога» — и пойти напролом. Или честно вытянуть руку: кто кого столкнет — как на спортивном бревне. Или просто шагнуть в сторону, обойти встречного и снова встать на поребрик — будто и не было ничего.

Мальчик наклонил голову и глянул из-под светлых прядок немного застенчиво, но весело и как-то выжидающе. Журка, сам не зная почему, тоже нагнул голову и заулыбался. Не стовариваясь, не сказавши ни словечка, они сделали еще полшага и легонько стукнулись лбами. Уперлись ими, как бычки. Журка близко-близко увидел золотистые мальчишкины глаза. Мальчик тоже улыбнулся и тихонько сказал:

— Му-у...

Они засмеялись, взяли друг друга за руки и прыгнули с поребрика. Не выпуская ладошек мальчика, Журка спросил:

— Ты кто?

— Ромка...

Оказалось, он совсем недавно приехал в Каргинск, и его записали в эту школу, тоже во второй «В».

Так, держась за руки друг друга, они вошли в класс и сели за одну парту...

— Мы познакомились в одну минуту... нет, за несколько

секунд. И потом не расставались целых два года, — серьезно сказал Журка.

— С кем?

— С Ромкой.

— А, я помню, ты говорил... Вы поссорились потом, да? — осторожно спросила Иринка.

— Мы?! — Журка сбился и соскочил с поребрика. — Нет, что ты. Мы никогда не ссорились... Он погиб вместе с родителями. Они поехали в своей машине на Украину и там разбились... В прошлом году.

Дальше они пошли с опущенными головами. Медленно и без всяких слов. Потом Иринка сбоку быстро глянула на Журку. Ей показалось, что своим воспоминанием о Ромке он отгородился, как стеклянной стенкой. Вроде рядом, но все равно один. А она что могла сказать? Ей было жаль и Журку, и незнакомого Ромку, и почему-то себя. И страшновато делалось: вдруг Журка вздохнет и скажет, что ему расхотелось в кино и он пойдет домой... Но он тряхнул головой и сказал:

— Ну, где это кино? Далеко еще?

— Нет! — обрадовалась она. — Вон там, за углом. Пошли скорей.

И они опять сцепили пальцы и замахали на ходу руками...

Оказалось, что «Робин Гуда» уже не показывают и на дневных сеансах идет какой-то «Питер и летающий автобус». Зато у кассы не было очереди. Иринка с Журкой решили, что «автобус так автобус», и купили билеты.

У входа в кинотеатр стояли трое ребят. Стояли расхлябанно, смотрели вокруг не по-хорошему. Сразу было видно, что за люди. Особенно старший, класса из восьмого, — сытый такой, с лицом, похожим на распаренную репу, с волосищами до спины... Чем ближе до них было, тем страшнее делалось Иринке. Одна она не боялась бы, но к таким, как Журка, хулиганы всегда привязываются. Она шепотом сказала:

— Не пойдем пока. Ну их...

Но было поздно. Все трое уже с ухмылкой смотрели на Иринку и на Журку. Старший, зевнув, сказал:

— Какие красавчики. А?

И тогда что сделал Журка? Он прочно взял ее за руку и повел прямо на этих типов. И они расступились. Правда,

один, все ухмыляясь, подставил ногу, но Журка спокойно перешагнул. Иринка тоже перешагнула. Журка повел ее дальше, не оглядываясь. Кто-то из парней грозно, как Змей Горыныч, гыкнул им вслед. Журка провел ее еще несколько шагов — туда, где было многолюдно и безопасно, и оглянулся. Небрежно спросил:

— Больные, что ли?

Потом сказал Иринке:

— Пошли за мороженым.

...Кино оказалось так себе, хотя и фантастика. Но ничего, смотреть можно. Когда вышли на улицу, Журка весело проговорил:

— Вот бы нам такой автобус! Путешествуй по воздуху, и горячего не надо!.. Только скорость маленькая, не то что у самолета.

— А ты летал на самолете?

— Один раз, на юг...

— У нас в парке, где сейчас площадка для городков, раньше настоящий самолет стоял, «Ил-18». В нем детское кино было. Потом его сожгли, — вздохнула Иринка.

— Зачем? — удивился Журка.

— Да ни зачем... Такие дураки, как те, что у дверей торчали... Журка, ты боялся, когда меня мимо них тащил?

Журка шевельнул плечом. Она поняла, что боялся, но говорить про это не хочет. И врать не хочет. Журка наконец сказал:

— Они только и ждут, чтобы их боялись... Ух, мы в нашей школе дали одному такому! Все лез, лез на маленьких, пока не наткнулся на витязя...

— На кого?

Журка улыбнулся:

— На витязя. Ребят нашего класса витязями называли.

Потому что мы, когда еще второклассниками были, сделали себе костюмы богатырей для парада октябрятских войск... У всех там пилотки или бескозырки да бумажные воротники матросские, а у нас шлемы, щиты серебряные, кольчуги... Знаешь, кольчуги отлично получаются из больших авосек, надо только, чтобы нитки были потолще...

— Ой, как интересно! Вы, наверное, лучше всех были, да?

— Ну... в общем, не хуже других. Тридцать витязей прекрасных и с ними дядька Черномор...

— А кто был дядька?

— Конечно, наша Лидия Сергеевна. Специально себе бороду до полу сделала и шлем с якорем на макушке... Только ей, говорят, попало потом за это...

— За что?

— Ну, за все... За Черномора. Директорша ей сказала: «Это же несерьезно. Все учителя на сцене, а вы впереди своих ребят как девчонка прыгаете»... Ей за нас часто попадало. И за ту драку тоже досталось. Но она все равно нам сказала, что мы молодцы...

— В тот раз, когда хулигана отлупили?

— Да... Это в прошлом году было. Его звали Дуля. Он к нашему Вадику Мирохину привязался. Тот над фонтанчиком нагнулся, чтобы попить, а Дуля его бац по затылку... Ну, Вадька губы разбил... Мы тогда встали поперек коридора и стали ждать Дулю. А он большой был, в шестом классе учился. Но мы все равно как навалились! И давай его кедами и сандалетами обрабатывать! Он заревел, дежурные учителя сбежались... Нас потом за это в пионеры не принимали до самого конца учебного года...

— Весь класс?

— Тех, кто не дрался, хотели принять, а мы сказали, что будем вступать только все вместе... Мы всегда друг за друга стояли, нас Лидия Сергеевна этому с первого класса учила.

Иринка сочувственно сказала:

— Наверно, жалко было из такой школы уезжать...

— Да нет... Не очень жалко. Лидии Сергеевны уже с нами не было. В прошлом году в июне мы сходили с ней в поход, а после она уехала из города... А в четвертом классе нас расформировали. Кого — в спортивный класс, кого — в новую школу. Почти не осталось витязей.

— Плохо стало?

— Ну, не совсем плохо, но не так, как раньше... Скучнее. Да и Ромки уже не было.

Чтобы Журка опять не загрустил. Иринка быстро сказала:

— Теперь я понимаю, почему ты такой смелый...

Смелый?.. Нет, Журка не отличался среди витязей сме-

лостью. Скорее, наоборот. Правда, про это «наоборот» никто не знал. Только Ромке он признался однажды, что «жутковато» чувствует себя вечером в коридоре, когда перегорает лампочка или если мама с папой ушли в кино на последний сеанс, а за окнами скребется, как нечистая сила, ветер... Но Ромка — это другое дело. Он все понимал и тоже ничего не скрывал от Журки. Только говорил, вздыхая: «Надо нам себя перебарывать...»

Но Журка не умел бороться со страхом, и потому произошел тот постыдный случай в походе.

Ночь стояла пасмурная, кое-где под тучами загорались отблески молний. Страшновато было даже у палаток, хотя рядом находились Лидия Сергеевна и ее муж Валерий Михайлович. А Журке выпало по жребию стоять в карауле у дальней границы походного лагеря. Ему вручили пневматическую винтовку без пуль и велели стрелять вхолостую, если появится что-нибудь подозрительное. Отвели его на место и оставили одного.

И сразу стало тихо-тихо. Все голоса почему-то угасти, и отблески костра пропали во мраке. Журка стоял, обмирая и не двигаясь. Наверно, сто часов стоял. И были только тишина и редкие зарницы... Может, ребята незаметно свернули лагерь и ушли, забыв про Журку? Или вообще уже никого нет на свете, и он один здесь на тысячу верст в округе?

Нет, кажется, не один... Нет-нет! Потому что вон там в траве кто-то зашевелился. Тихо задышал... Мамочка, кто это? Бандиты и грабители? Шпионы? Или вообще что-то мохнатое и непонятное? Выстрелить?

Но тогда оно — это что-то мохнатое и непонятное — сразу заметит Журку и накинется! Замереть? Но оно все ближе... Журка, не дыша, сделал шаг назад, еще шаг, еще... И побегал!

И почти сразу наткнулся на Лидию Сергеевну. Вскрикнул. Она спросила веселым шепотом:

— Журкин, ты что?

Он вцепился в нее левой рукой (правой держал винтовку) и, вздрагивая, пробормотал:

— Там кто-то шевелится... в траве...

— Где? Ну-ка пойдём.

С Лидией Сергеевной было не страшно. Они прошли вперед, к самой дороге, обшарили кусты.

— Ветерок в траве пошевелился, — сказала Лидия Сергеевна. — Все в порядке.

Тогда Журка ужаснулся тому, что сделал. Сел в траву, положил винтовку, обнял себя за ноги и негромко заревел. Не стесняясь. Потому что все равно с ним было кончено. Если человек струсил и позорно сбежал с поста, что он за человек? Лидия Сергеевна села рядом.

— Юрик... Журавлик, перестань. Ты же часовой.

— Ну какой я часовой, что вы говорите, — с отчаянием сказал Журка. — Я трус.

Теплые слезы падали ему на колени и щекочущими струйками бежали в сапоги. Журка вытирал их со щек ладонями и галстуком — еще новеньким, но уже слегка прожженным сегодня у костра. Ну и пусть! Галстук все равно отберут за трусость. И правильно сделают.

— Все ты не трус, — возразила Лидия Сергеевна. — Просто немножко растерялся. А потом применил хитрость: отступил, чтобы из укрытия проследить за опасностью.

Он всхлипнул, подумал секунду и сказал с полной беспощадностью к себе:

— Это вы сочинили. А по правде все не так. На самом деле я струсил, и нечего тут говорить.

— Ну ладно, — сказала она и положила ему ладонь на дрожащую спину. — Ты испугался. Но от этого не случилось пока никакой беды, и все можно поправить.

— Как? — с надеждой спросил Журка.

— Очень просто. Никто ничего не знает, кроме нас с тобой. Это наша тайна. Сейчас ты встанешь на прежнее место и достоиншь вахту до конца. И не будешь бояться.

— Я достоин, — торопливо сказал Журка и вытер о колено мокрый нос. Я, наверно, буду бояться, но достоин, честное пионерское...

И выстоял. Даже не очень боялся, потому что догадывался, что Лидия Сергеевна где-то совсем поблизости. Да и сроку-то оставалось всего ничего. Минут через десять его сменил Димка Решетников, который не боялся не только всяких ночных шорохов, но даже директора школы.

И никто-никто из витязей не узнал, как оскандалился Журка ночью. Даже Ромка. Потому что Ромки не было в этом походе. Он очень просился, но родители торопились на Украину...

Журка не стал, конечно, рассказывать Иринке про этот случай. Когда она сказала, что Журка смелый, это было приятно. Однако для очистки совести Журка отмахнулся и небрежно проговорил:

— Я? Да ну... Всякое в жизни бывало.

Иринка посмотрела на него с уважением, и они зашагали к троллейбусной остановке.

НОЧНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Когда Журка пришел домой, отец сказал в пространство:

— Кто-то гуляет, а кто-то, между прочим, весь день скребется, квартиру приводит в божеский вид...

— Это я его отпустила до шести часов, — заступилась мама. — Надо же и отдохнуть ребенку.

— Интересно, от каких трудов, — хмыкнул отец.

У Журки было хорошее настроение. Кроме того, он видел, что папино ворчание не всерьез, а по привычке.

— А что, есть работа? — весело спросил Журка. — Я готов!

— Раз готов, пошли вешать люстру...

Отец забрался на стол и начал отвинчивать пыльный треснувший плафончик, оставшийся от дедушки. Журка держал наготове новый светильник со сверкающим латунным стержнем. Мама протирала большие стеклянные колокольчики — плафоны для этого светильника. Только Федот бездельничал. Он сидел у порога, шевелил кончиком хвоста и пренебрежительно смотрел на всех малахитовыми глазами. Мама сказала:

— Журка, пора подумать, в какую тебя школу записать. Тут рядом сразу две...

— Не надо ничего думать, — быстро сказал Журка. — Только в четвертую. Она в трех кварталах отсюда, в Крутом переулке. Мама, и попроси получше, чтобы в пятый «А» записали.

— Ты уже с кем-то познакомился?

— Еще вчера...

— В нашем дворе?

— Нет, она не здесь живет. На нашей улице, только в другом конце, где новые кварталы. А школа как раз посередине между нами.

Отец под потолком неразборчиво хмыкнул. И Журка сообразил, что он услышал слово «она».

— Ты чего? — слегка ошетинился Журка.

— Да ничего, — насмешливо сказал отец.

Журка сердито поддал коленкой светильник и спросил, задрав голову:

— Папа... Если тебе так не нравятся девочки, зачем ты с мамой познакомился? Да еще женился...

Мама обрадованно засмеялась. Отец растерянно замер на столе, потом сердито заковырял отверткой и сообщил с высоты:

— Это не я. Это она меня охмурила.

— Бессовестный, — сказала мама. — Сам целыми вечерами торчал под окнами... А кто меня возил за цветами на своем жутком драндулете? Представляешь, Журка, он приезжал на свидания на старом самосвале!

— Мы народ простой, — проворчал отец. — На «Волгах» не ездим. Чем богаты... Юрий, давай люстру.

Через пять минут отец с победным видом спустился на пол и нажал выключатель. Стекланные колокольчики засияли. Федот одобрительно сощурился на них. Мама сказала:

— Ну вот, совсем другое дело. Сразу обжитой вид...

Журка крикнул «ура» и прыгнул отцу на спину.

— А ну прекрати! Вот фокусы! — закричал отец. — Оглобля такая, а все как в детском садике!

Он всегда так возмущался, когда Журка прыгал на него. Но сперва покричит, а потом несет Журку до кровати или дивана. И только там скидывает: «Брысь!» И Журка весело летит вверх ногами.

Так и сейчас получилось. Отец унес его в маленькую комнату и, потрянув плечами, сбросил на тахту.

С тахты Журка никуда не пошел. Дотянулся до первой

попавшейся книги, устроился с ней поудобнее и лишь тогда открыл темную кожаную корку.

Открыл медленно, со сладким и тревожным ожиданием. Что за этой старой, потрескавшейся кожей? Какие времена, какие люди? Какие тайны?

Книга называлась «Летопись крушений и пожаров судов русского флота от начала его по 1854 год».

«Вот это да...» — ахнул про себя Журка и почему-то сразу вспомнил картину Айвазовского «Девятый вал». Он видел ее однажды в старом «Огоньке» и потом подолгу рассматривал, гадая, погибнут или спасутся люди, плывущие на обломке мачты, — на них двигалась освещенная пробившимся солнцем водяная гора...

Под названием книги Журка прочитал стихи:

Судно по морю носимо,
Реет между черных волн;
Белы горы идут мимо:
В шуме их надежд я полн.

Державин.

Журка знал, что Державин — это был старый поэт, которому юный Пушкин читал на экзамене в лицее стихи. (Пушкин тогда очень волновался и даже убежал из зала.)

Журка перечитал державинские строчки, и они ему понравились. Было похоже на «Песню о Буревестнике», которую очень любила мама (и Журка тоже):

Между тучами и морем
гордо реет Буревестник,
черной молнии подобный...

Море словно вздыбило перед Журкой пенные громады. Как однажды в Феодосии...

Белы горы идут мимо:
В шуме их надежд я полн...

В картине «Девятый вал» тоже была надежда: может быть, ревуший гребень помилует потерпевших крушение. Ведь недаром пробился солнечный луч!

На титульном листе тут и там виднелись желтоватые пятнышки — как веснушки. И Журка подумал, что, наверно, это высохшие брызги морских волн.

Журка перевернул страницу и на оборотной стороне листа прочитал: «С разрешения Морского Ученого Комитета. 24 ноября 1855 года. Председатель Вице-Адмирал Рейнеке».

Эта набранная редкими буквами фамилия сразу напомнила Журке другую книгу. Он ее нашел вчера на самой верхней полке. Это было большое альбомное издание старой немецкой сказки про хитрого лиса Рейнеке. Сказка оказалась в стихах, и читать ее Журка пока не стал. Но зато долго и с удовольствием рассматривал большие иллюстрации со всякими зверями — героями книги.

И сейчас Журке показалось, что вице-адмирал Рейнеке был похож на ехидного узколицего лиса. «Наверно, злюка был, — решил Журка. — Небось лупил по зубам матросов, а с крепостных крестьян в своих имениях драл три шкуры...»

Но он тут же перестал думать о противном адмирале, потому что на следующей странице увидел крупные печальные слова:

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА,
лейтенанта
ФЕДОРА АЛЕКСЕЕВИЧА АНДРЕЕВА,
погибшего на корабле «Ингерманланд»
31 августа 1842 года.

И понял, что писал эту книгу настоящий моряк — знающий, что такое бури и опасные плавания.

...Журка неторопливо, по порядку прочитал предисловие, список всех погибших судов, узнал, что числа с маленькой буквой «п» означают количество пушек на корабле, а крошечная звездочка перед названием говорит про то, что при крушении этого судна погибли люди.

Названий со звездочкой было меньше, чем без звездочки, но все же очень много...

Рассказ о первом крушении был не очень страшный.

«1713 г. Корабль (50 п.) «Выборг». Командир Капитан-Командор В. Шельтинг (Финск. з.). В погоне, с эскадрой Вице-Адмирала Крюйса, за тремя шведскими кораблями, 11 июля, у Гельсингфорса, стал на неизвестный камень, наполнился водою и был сожжен. Командир оправдан в потере корабля, но обвинен в деле самой погони, и за то пони-

жен чином. Государь Петр Великий сам был в числе судей по званию корабельного Контр-Адмирала Петра Михайлова».

Журка представил каюту флагманского корабля с коричневыми дубовыми стенами и решетчатыми окнами, длинный стол, капитанов и адмиралов, которые сурово качают пудренными париками, Петра Первого с колючими усами. Он сердито постукивает о палубу ботфортом и пристально глядит на понуро стоящего капитана-командора Шельтинга. «Еще легко отделался», — подумал Журка про неудачливого командира «Выборга». Недавно он смотрел четыре серии нового фильма про Петра и знал, что шутки с ним были плохи.

О втором крушении в Российском флоте говорилось только тремя строчками. Но эти строки заставили Журку вздрогнуть.

«* 1715 г. Корабль (54 п.) «Нарва» (Финск. з.). Стоя на Кронштадтском рейде, 27 июня взорван от удара молнии. Погибло до 300 человек; спаслось только 15».

Журка насупленно посмотрел в потемневшее вечернее окно. В судьбе «Нарвы» была несправедливость. Одно дело — буря, удар о скалы, разбитый корпус. Тогда ничего не поделаешь, море есть море. Или бой, когда корабли идут ко дну от вражеских залпов. Страшно и обидно и все же понятно: это военные корабли; кто-то побеждает, кто-то гибнет... Но если стоишь на родном рейде, ничего не ждешь — и трах! — столб огня на месте стройного корабля, и миг нет на свете трехсот человек... За что им такой конец?

Это случилось очень давно, только Журку такая мысль не успокаивала. Потому что все равно это б ы л о. Не в кино, не в придуманной книжке, а в настоящей жизни. И то, что этих людей все равно бы не было сейчас на свете, доживи они хоть до самой глубокой старости, Журку тоже не утешало. Потому что для него, для Журки, словом «сейчас» называлось нынешнее время, а для тех людей тоже когда-то было свое «сейчас». И вдруг перестало быть! Пылали и сыпались в воду с высоты обломки, гремели в порту сигнальные колокола, бежала на берег толпа...

Почему так? Ничего не ждешь, и вдруг — молния!

Журка вспомнил недавний разговор с мамой: «Грозе все равно, боишься ты или нет...»

И в самом деле: молниям все равно. Они бьют неожиданно, без разбора, бессмысленно.

«Молнии — это не только если гроза, — подумал Журка. — Это вообще...»

Это когда по гладкому асфальту мчится с веселыми добрыми людьми машина, и вдруг — в один миг — звон, грохот, дым и обломки. И Ромки уже нет, нет, нет...

«А сколько таких молний в жизни у разных людей...» — со злостью и беспомощной обидой подумал Журка.

От грозы можно закрыть окна, поставить громоотводы (моряки «Нарвы», наверно, еще не знали про них). А если беда врывается к тебе при ясном небе? Если со смехом прибегаешь домой, а бледная мама тихо говорит: «Журавушка, тут вот письмо... Ты постарайся не плакать, малыш...»

А зачем стараться? Не все ли равно? Плачь не плачь...

«Это не молнии, которые в тучах, — подумал Журка. — Это черные молнии. Каждая такая беда — черная молния. Знать бы, как их отбивать...»

Вот если бы придумать специальную машину. Громадную, кибернетическую! Такую, чтобы заранее узнавала про всякую опасность и предупреждала людей... А как узнавала? Может быть, она разошлет по всей земле роботов-разведчиков, запустит над планетой специальные спутники? Много-много, целые тысячи! Такие, чтобы с помощью специальных волн, лазеров, объективов наблюдали за жизнью каждого человека, берегли его...

Об этом надо было подумать. Всерьез... Только сейчас уже не думалось, устал Журка за день.

Журка лениво разделся, расстелил постель, забрался под одеяло. Явился Федот, муркнул, извиняясь, и улегся в ногах. Он всегда спал у Журки в ногах (если только не был в ночной отлучке). Отучить его от этого не могли ни мама, ни Журка. Впрочем, Журка не очень и старался — только для вида. Федота он любил. Да и как было не любить, если их связала страшная, почти как в книжке про Тома Сойера, история...

Это случилось прошлым летом, почти сразу после похода.

Журка вернулся домой с беспокойной тяжестью на душе. Из-за постыдного случая в карауле. Тогда Лидия Сергеевна слегка успокоила его, но скоро угрызения совести

опять одолели Журку. Струсил? Струсил. Бежал с вахты? Бежал. Теперь что ни говори, а все равно дезертир. Себя-то не обманешь.

Во-первых, жить с такими мыслями было очень скверно. Во-вторых, все придется рассказать Ромке, когда он вернется с Украины (не знал еще тогда никто, что не вернется). Они всегда говорили друг другу про себя всю правду. Ромка смеяться не станет, он Журку поймет, но будет до жути стыдно. Им обоим. И Ромка скажет:

— Что же нам делать?

Он всегда так говорил, если с кем-нибудь одним из них случалось плохое.

А что делать? Журка понимал, что трусость можно искупить лишь смелостью. И не надо ждать Ромку. Лучше сделать что-то сразу, чтобы сперва рассказать про это (Журка стыдливо называл в мыслях ночной случай просто «это»), а потом про смелый поступок. Тогда будет легче.

«А какой совершить поступок?» — подумал Журка и зябко поежился, потому что уже шевелилась догадка.

«Темноты боишься?» — беспощадно спросил он себя. И сам ответил: «Смотря какой. Дома уже не боюсь, а если деревья ночью кругом да всякие шорохи...»

«Значит, боишься всяких чудовищ, всякой нечистой силы, которой не бывает?»

«Да...» — со вздохом признался он.

«Тогда иди...»

«Куда?» — в панике спросил себя Журка.

«Иди, иди. Сам знаешь, куда. Пройдешь его ночью от края до края, тогда, значит, ты еще ничего...»

«Ну уж нет», — решительно сказал себе Журка.

Однако он понимал, что другого способа сейчас просто не придумать.

Целый день Журка промаялся со своими мыслями. А вечером поступил с собой решительно и жестоко. Сцепил в знак нерушимой клятвы левый и правый мизинцы и прошептал:

— Сегодня среди ночи пройду от забора до забора через кладбище. А если не пройду, у меня умрет мама...

Он знал, что не всякие приметы и клятвы сбываются, но

нарушить такую клятву было совершенно невозможно. И с чувством человека, который сам приговорил себя к смерти, Журка стал готовить ночную экспедицию.

В коридоре он украдкой положил на пыльный шкаф тренировочный костюм и старые кеды, чтобы ночью не одеваться в комнате. Если мама проснется и увидит, что Журка пошел к двери раздетый — это ничего. Решит, что ненадолго — до дверцы в конце коридора. А если в костюме? «Ты это куда собрался?»

А как проснуться вовремя? Не будильник же ставить. И Журка после ужина выдул четыре стакана чая. Надежный способ: хочешь не хочешь, а придется вскакивать среди ночи...

Заснул Журка неожиданно быстро: наверное, измучился от переживаний. Но «внутренний будильник» сработал безотказно. Когда Журка проснулся, в доме и за окнами стояла глубокая ночная тишина. Он торопливо и бесшумно выскользнул из комнаты...

А через две минуты Журка со свертком под мышкой был уже на крыльце.

Зябко поживаясь, натянул он костюм, зашнуровал кеды. А затем на голом теле, под майкой, завязал свой пионерский галстук, потрепанный в походе. Он надеялся, что с галстуком будет не так страшно. Да и нельзя же опозорить галстук второй раз.

Журка распрямил плечи, с дрожью вздохнул и шагнул на скрипучую песчаную дорожку.

Июньская ночь была совсем светлая. Небо пропускало сквозь редкую облачную пелену белесоватый свет. На севере заметны были отблески зари. Белел над крышами бледный, будто больной, месяц. Все кругом было отчетливо различимо. Стояли темные притихшие клены, и был виден каждый листик. Добродушно дремала у забора старая железная бочка, которую днем ребята с грохотом катали по всей улице.

Кругом тихо, безлюдно и... совершенно не страшно.

«Я же не виноват, что светло, — подумал Журка. И еще подумал: — Наверно, страх начнется там».

Небольшое заброшенное кладбище находилось недалеко, кварталах в шести-семи. К нему от Московской вел кри-

вой немощеный Тобольский переулок. Дальним краем кладбище примыкало к железнодорожной насыпи. Журка несколько раз бывал здесь, когда играли с ребятами в индейцев, но, конечно, среди ясного солнечного дня. Тогда кладбище с его могучими березами и соснами казалось чем-то вроде старого парка, а железные ржавые оградки и завалившиеся в стороны кресты — остатками каких-то садовых строений. И ни о каких ужасах тогда ничуть не думалось... Но про то же кладбище соседская семиклассница Люська Колосницына любила по вечерам рассказывать жуткие истории. Ночами, мол, там бывает всякое...

Когда сидишь в теплых сумерках на своем крыльце и рядом дышат знакомые ребята, истории эти слушать интересно и лишь чуть-чуть жутковато. А сейчас их не хотелось вспоминать...

Не встретив никого в этой тихой белесой ночи, Журка свернул в Тобольский переулок. В конце его загоразивали светлое небо черные кладбищенские деревья. И тогда сердце у Журки застучало неровно, с подпрыгиванием.

Но это был еще не настоящий страх. К нему примешивался интерес. Будто Журка сидел в своей комнате и про самого себя читал приключенческую книжку.

Черная громада кладбища надвигалась, нависала, и сердце под галстуком и майкой прыгало все сильнее, но Журка не замедлял шагов. Наоборот, он шел все скорее, стараясь оказаться вплотную перед неведомой опасностью.

И вот — забор.

Если не смотреть вверх на темные кроны и не думать о том, что там за забором, то ничего особенного — обыкновенная старая загородка.

Низкие гнилые столбы, перекладины, а к ним приколоты железные полосы с круглыми отверстиями — отходы какой-то мастерской или завода.

И все же это была граница между обыкновенным миром и чем-то неведомым.

Журка опять вздохнул длинным дрожащим вздохом и, пригибаясь, пошел вдоль забора. И почти сразу нашел место, где несколько полос были оторваны и отогнуты. За лазейкой темнела сплошная чаща кустов и травы.

— Раз, два, три, — беззвучным шепотом сказал себе Журка, и ноги у него ослабели. Тогда он снова жалобно и сердито сказал: — Раз, два, три... — и через дыру в заборе сразу всем телом свалился в заросли.

Посидел среди веток. Прислушался. Отдышался. Шевельнулся наконец. Сердитая кладбищенская крапива куснула его сквозь тонкие трикотажные штаны. Но это лишь обрадовало Журку: если крапива жалится так по-обыкновенному, как на простом дворе, то и остальное должно быть здесь обыкновенным. Нестрашным... Не очень страшным...

Журка медленно выпрямился. Сердце попрыгало и настроилось на более ровный ритм.

Под старыми деревьями кладбища было гораздо темнее, чем на улице, но белесый свет пробивался и сюда. А может быть, это назревало уже раннее июньское утро? Кусты, оградки и памятники смутно различались в полумраке. Страшными они не казались. Журка прислушался к тишине каждой клеточкой натянутых нервов и вдруг ясно ощутил, что кругом очень пусто. Нет никого. И, значит, нет опасности.

На недалекой насыпи ободряюще простучал поезд.

Журка вышел из кустов и, цепляясь штанами за колючую траву и ржавые прутья решеток, стал пробираться среди холмиков. Он уже не боялся. Ну, разве что самую капельку. Наверно, все запасы страха в его организме уже израсходовались накануне, и теперь бояться было нечем. Вместо боязни Журка чувствовал сердитую досаду на колючки.

Наконец он даже опечалился: если страха нет, значит, нечего и преодолевать. И тогда велика ли заслуга, что он пройдет через кладбище? Но тут же успокоил себя: «Главное, что все-таки пройду. Я же не виноват, что перестал бояться...»

Крепко ободрав штаны и рукава, он выбрался на широкую дорожку и зашагал по ней торопливо, но без боязни (правда, по сторонам старался не смотреть). Затем опять полез через кусты — чтобы сократить свой путь до забора, который тянулся вдоль насыпи. Насыпь была совсем недалеко. Опять прогремел поезд. И — сквозь эхо этого веселого грохота Журка не услышал, а скорее угадал стонущий жалобный звук.

Журка замер. Каждая жилка в нем замерла, каждый самый крошечный нерв. Эхо улеглось, поезд прогрохотал уже в дальних далях, а стон на этот раз ясный, настоящий — прозвучал опять.

Напрасно Журка думал, что весь его страх кончился. Оказывается, полчища этого страха сидели в засаде, и теперь они кинулись на Журку, навалились, затоптали, как конница. Журка упал лицом в ломкие колючие стебли.

«Не надо! Не надо! — отчаянно думал он. — Ну, пожалуйста, не надо...» Но протяжный и тихий, надрывающий душу звук опять донесся из-за ближайших кустов.

Значит, непонятное и жуткое все же существует. И вот оно настигло Журку, который осмелился не поверить в ночные тайны, позабыть о страхе...

«Я сейчас, сейчас... — торопливо сказал себе Журка. — Сейчас до забора, а там уже не страшно...»

Там насыпь, поезда с их бодрой грохочущей жизнью, простор, огоньки. Там все привычное, свое. Только собрать силы и сделать бросок...

Стон опять прошел над кустами. Это был живой стон. Жалоба измученного человека или зверя. И под пластами страха, под отчаянными мыслями о бегстве у Журки пробила слабая мысль:

«А все-таки что там? Или кто там? Ведь ни стонущих мертвецов, ни привидений все-таки не бывает. Значит, кто-то живой».

«Кто?»

«А если кого-то ранили и ограбили бандиты? Или собака попала в капкан (говорят, какие-то злодеи ловят собак и шьют из их шкур шубы и рукавицы). Или заблудился и застрял в ржавых решетках телянок?»

Журка поднял голову. Рассвет уже набрал силу, но деревья и кресты виднелись еще смутно. Из-за них опять долетел стон.

«Не пойду, — подумал Журка. — Ни за что! Я и так выполнил клятву, я прошел кладбище».

«Не прошел, а пробежал, как заяц. И опять струсил».

«Ну и пусть. Я больше не могу!»

«А что скажешь Ромке?»

«Но я же... я просто помру, если пойду...»

«Ну и помирай, скотина, трус несчастный! Иди и помирай!»

Журка всхлипнул, встал на четвереньки и начал пробираться на стоны... Страх слегка отступил перед его отчаянной решимостью. Журка поднялся на ноги. Стон — медленный, бесильный, с каким-то писком — раздавался совсем недалеко. И Журка понял, что рядом мучится маленькое живое существо.

«Марш!» — приказал он себе. И выбрался на открытое место. Здесь было уже довольно светло. Журка увидел косо торчащий крест и услышал, что стон идет от него. На кресте чернела фигурка, похожая на маленького растопыренного человечка. Журка сделал короткий вдох и, обрывая веревки страха, прыгнул к этому кресту.

На кресте был растянута шнурками кот. Он время от времени дергал головой и стонал.

— Сволочи! — со злым облегчением и рванувшимися слезами сказал Журка. Он не удивился. Он слышал раньше, что есть такие гады среди шпаны, которые издеваются над кошками, голубями и собаками. Вот, значит, что придумали, проклятые!

О страхе Журка забыл. Торопливо отыскал среди могил треснувшую бутылку, грохнул ее о каменный памятник, осколком резанул по шнуркам. Не сумел удержать кота, и он шмякнулся в траву. Попытался приподняться и опять застонал.

— Сейчас, сейчас, котик, — всхлипывая, сказал Журка, сорвал с себя через голову майку, закутал в нее кота, поднял и, царапая голые локти, напрямик, через шиповник и боярышник, рванулся к забору...

...Дома Журке пришлось рассказать о своих приключениях. Маме. Все-все. Даже о том, почему его понесло ночью на кладбище. Мама Журку не ругала. Только побледнела, несколько раз охнула, очень крепко взяла его за руки и попросила больше таких испытаний характера не устраивать. Журка охотно обещал. Папа, когда услышал от мамы эту историю, помотал головой, хмыкнул и сказал:

— Во герой... Даже не верится. — И стал вспоминать, как в детстве лазил с мальчишками в подвал старого монастыря.

Тоже ночью. И тоже было страшно. А Журка подумал: «Это ведь с мальчишками все-таки...»

Кот выжил. Сутки лежал на подстилке, ничего не ел и постанывал, потом начал подниматься, лакать молоко. И наконец окреп, сделался обыкновенным здоровым котом. Почему его называли Федотом, никто не мог объяснить. Как-то само собой получилось — Федот, вот и все.

Характер у Федота оказался спокойный, немного ленивый и добродушный. Играл он с Журкой неохотно, зато сидеть у него на коленях и мурлыкать очень любил. Был у него только один недостаток: иногда он уходил гулять и пропадал суток по трое. Но тут уж ничего не поделаешь, такова кошачья натура. После гулянья Федот возвращался поцарапанный, грязный, и мама с Журкой мыли его в тазу. Федот не возражал, только прижимал уши и жмурился, чтобы мыло не щипало его зеленые глаза.

Когда переезжали, никому, даже папе, в голову не пришло оставить Федота, отдать кому-нибудь, чтобы не было в пути лишних забот. Он поехал в поезде со специальным билетом.

На новом месте Федот освоился очень быстро. Научился вылезать в форточку и греться на широком кирпичном карнизе. Судя по всему, эта квартира ему нравилась...

— Иди сюда, Федотушка, — сказал Журка. Федот охотно протопал по Журке и устроился у него на груди. Благодарно заурчал, когда Журка почесал ему за ухом. Журка устало вытянулся под одеялом и решил, что пора засыпать. Напоследок он посмотрел в ночное окно.

Окно было открыто. Журка лежал к нему ногами и видел в сумраке комнаты четкий синий прямоугольник с развилкой тополя, похожей на два великанских растопыренных пальца или на громадную рогатку. Тополь рос метрах в трех от окна, и нижняя часть развилки находилась как раз на уровне подоконника. Если отыскать подходящую доску (и дожидаться, когда уйдет куда-нибудь мама), можно попытаться сделать трап, чтобы пробираться из окна прямо на дерево...

Кажется, Журка начал дремать, потому что увидел себя со стороны — как он залез на тополь: от левого «пальца» развилки отделился человек...

Журка заморгал, прогоняя дремоту. Но от этого морганья человек не исчез. Наоборот, он будто увеличился. Его фигура отчетливо рисовалась внутри громадной «рогатки». Словно кто-то тушью на темно-синей бумаге вывел силуэт высокого тощего черта.

Что это? Сон после воспоминаний о ночном кладбище? Или грабитель, который примеривается, как прыгнуть в комнату? Журка понял, что сию секунду самым постыдным образом завопит «мама».

Но и мама и папа наверняка спят: щель под дверью давно погасла... Орать? Или подождать?

Журка замер под одеялом — ни дыхания, ни сердечного стука. Только Федот у него на груди мурлыкал как ни в чем не бывало.

Таинственный черный незнакомец шевельнулся, и Журка услышал:

— Эй...

Голос был нерешительный, тонкий. И силуэт незнакомца сразу как бы съежился, превратился в мальчишечий. Журкин страх тоже съежился и тут же растаял совсем. Осталась только досада на себя (вот трус несчастный) и на мальчишку, которого среди ночи какая-то дурь носит по деревьям.

— Эй... — опять окликнул мальчишка. — Там, в комнате... Ты спишь?

Журка скинул удивленного Федота и одеяло, подскочил к окну.

— Чего тебе? — спросил он громким шепотом.

— Ты внук Юрия Григорьевича?

— Да... А что? — откликнулся Журка уже помягче.

— Можно к тебе?

— Зачем?

— Ну, дело есть... Ты не бойся.

— А кто боится? — усмехнулся Журка, — Просто непонятно: почему ночью да через окно?

— Если нельзя, тогда ладно... — вздохнул в сумраке мальчишка.

Этот виноватый вздох примирил Журку с неожиданным гостем. К тому же было очень интересно. Похоже на приключение.

— А как ты сюда доберешься? Доска есть?

— Да нет, веревка... Тут все приспособлено...

Журка разглядел, как мальчишка распутал спустившийся откуда-то шнур.

— Ну, давай, — прошептал Журка.

— Только отойди от окна...

Черная фигурка метнулась и через миг стояла на подоконнике. Легко и бесшумно мальчишка соскочил на пол.

— Я тут веревку за батарею прицеплю, чтоб не ускользнула, — объяснил он. — Свет можно зажечь?

— Сейчас. — Журка отыскал в углу на гвоздике курточку, положил ее внизу у двери, чтобы лучи не пробились в щель, и включил настольную лампу.

ЛОВЕГ НА РАССВЕТЕ

Мальчик оказался одного роста с Журкой. Очень худой, темный от загара, поцарапанный. В одних трусиках, босой. У него были прямые темно-медные волосы. Они косо падали на лоб. Мальчик посмотрел из-под волос на Журку с хмурой виноватостью.

Журка почувствовал его смущение и сказал, чтобы хоть что-то сказать:

— Здорово ты сюда влетел.

— Я эту штуку еще давно придумал. Когда Юрий Григорьевич... тут жил. Я к нему часто пробирался.

— А через дверь нельзя, что ли?

Мальчик досадливо повел острым плечом.

— Дверь в наши окна видать. Отец или мать заметят, что я в этот дом иду, сразу начинают: «Опять по чужим людям шастаешь! Лучше бы делом занялся...» А я любил к Юрию Григорьевичу приходиться...

— А-а... — произнес Журка. Произнес чересчур спокойно, потому что ощутил неожиданный укол ревности. Оказывается, дедушка дружил с чужими мальчишками. И мальчик будто понял Журку. Опять глянул из-под волос и тихо сказал:

— Ему по вечерам скучно было. Он один жил...

Эти слова смутили Журку, будто в них был скрытый

упрек. И, словно защищаясь, Журка ответил с легким вызовом:

— Я знаю. Ну и что?

Лицо у мальчика опять стало виноватым. Он зябко поежился и объяснил:

— Ну... я подумал, что ты мне поможешь. Раз ты его внук... Твой дедушка меня часто прятал.

Это «твой дедушка» вместо «Юрий Григорьевич» понравилось Журке. Все встало на свои места. Уже с сочувствием Журка спросил:

— От кого ты прятался?

Мальчик опять досадливо повел плечом.

— Да по-разному было... Жизнь такая.

— И сейчас прячешься?

Мальчик кивнул. Обвел глазами комнату.

— Раньше здесь раскладушка была... Я где-нибудь в уголке приткнусь, ладно? До утра...

— Как в уголке? На полу?

— А чего? — Мальчик улыбнулся, показав крупные редкие зубы. — Я закаленный. Крученный, моченый, прожаренный, замороженный...

— Ну да, — усмехнулся Журка. — Поэтому и лазишь ночью по деревьям голый, как Маугли...

— Я прямо из кровати сбежал. В окно вылез — и сюда.

Журке очень-очень хотелось узнать, от кого сбежал незнакомый мальчишка и почему прячется. Но приходилось быть снисходительно сдержанным и чуть насмешливым. Как-то уж настроился Журка на эту струну. Он вспомнил свою ночную вылазку на кладбище и сказал наставительно:

— Если собираешься драпать ночью, надо одежду заранее где-нибудь спрятать.

Мальчик беспечно махнул рукой.

— А, не догадался. Ладно, и так сойдет... — Потом он глянул на Журку быстро и внимательно. Спросил: — Тебя Юркой зовут?

— Да...

— В честь Юрия Григорьевича?

Журка растерянно мигнул. Он не знал, почему его назвали Юрием. Но тут же сказал:

— Конечно. А что?

— Ничего. Так...

— А тебя как звать?

Мальчик неразборчиво бормотнул.

— Борька? — переспросил Журка.

— Горька, — отчетливо сказал мальчик. — Полное имя Горислав. Но никто меня полным именем не зовет. Горька — вот и все. Это мне больше всего подходит. Как наклейка...

— Почему же? — смутившись, выговорил Журка.

Горька сказал то ли шутя, то ли серьезно:

— Да так. Жизнь такая. Горькая... Невезучий я уродился.

Одни шишки отовсюду.

— Какие шишки?

— Всякие. Сегодня опять от отца перепало. С дежурства вернулся злющий, с мамкой поспорил...

— Значит, ты из-за отца сбежал? — сразу пожалев Горьку, спросил Журка.

— Не... Сегодня из-за другого. Меня хотели расстрелять.

Расстреливают обычно на рассвете. Так написано в книжках. Но рассвет начинался рано, и, когда за Горькой пришли конвоиры, солнце стояло уже высоко.

Горька проснулся от долгого, но осторожного стука по стеклу. Увидел в окне головы братьев Лавенковых и все вспомнил. Он понуро, но быстро натянул брюки и рубашку, сунул ноги в растоптанные полуботинки, которые давно надевал, не расшнуровывая. Хотел убрать постель и вдруг подумал: а зачем это человеку, которого через несколько минут расстреляют?

Но ведь это не всерьез... А если бы всерьез?

Интересно, что чувствует человек, проснувшийся последний раз в жизни, одевшийся последний раз в жизни? Что он думает, когда у двери стоят двое с автоматами, чтобы провести его последний раз под ясным небом до обрыва?

Тоскливая тревога заметно кольнула Горьку. Будто сейчас была не игра. Не совсем игра... Он выдохнул воздух сердитым толчком, прогнал страх и вылез в окно. Хмуро сказал братьям Лавенковым:

— Чего греметь-то? Чуть всех на ноги не подняли... — Это все, чем он мог досадить конвоирам.

С приговоренным к смерти, видимо, не принято ругаться, и старший Лавенков, Сашка, миролюбиво ответил:

— Да ты что, мы тихонько стучали. — Потом другим, уже строгим голосом скомандовал: — Руки...

Горька вздохнул, нагнул голову и заложил руки за спину. А что было делать? Он покорился судьбе еще вчера, во время военного суда, который состоялся в сарайчике Егора Гладкова.

Егор тогда спросил у защитника Степки Самойлова:

— Чем ты его можешь оправдать?

Степка пожал плечами, растерянно протер очки и сказал:

— Не знаю...

Он, кажется, добросовестно старался придумать защитительную речь, но так и не смог.

— Оправдывайся сам. Последний раз, — сказал тогда Гладков Горьке.

Но Горьке тоже нечего было говорить. Все, что можно, он сказал еще раньше, и его объяснения не убедили никого из судей — ни Егора, ни Митьку Бурина, ни тем более безжалостного третьеклассника Сашку Граченко. Да Горька и сам понимал, что нету ему оправдания. Из-за него отряд напоролся на огонь собственного часового и теперь, по правилам игры, два человека считались убитыми.

Правила были безжалостные. Как на войне.

Егор посмотрел на Граченко и на Бурина, и те кивнули. Егор поднялся с пустой бочки, на которой сидел, как на председателем кресле, и сообщил, что бывший стрелок отдельного повстанческого отряда «Синяя молния» за невыполнение боевого задания и трусость приговаривается к расстрелу ранним утром следующего дня.

— Ясно тебе?

— Ясно, — хмуро откликнулся Горька. — А при чем тут трусость?

— Он еще спрашивает... — усмехнулся Гладков. — Ладно, гуляй пока. Завтра на рассвете за тобой придут...

И вот — пришли. Сашка мотнул стволом черного пластмассового автомата с пружинной трещоткой:

— Пошли.

Он пропустил Горьку вперед и зашагал сзади. А Вовка

Лавенков пошел впереди. С таким же, как у Сашки, автоматом.

— Напрямик, — сурово приказал Сашка.

Они пошли через пустырь. Трава на пустыре была обычно серой, выгоревшей, колочей, но сейчас она — то ли после ночного дождика, то ли от росы — переливалась тысячами капель. Горькины брюки внизу намокли, в полуботинках появилась противная скользкая сырость. Вовка шагал точно по прямой. Его голубые выгоревшие гольфы потемнели от влаги и сползли на кеды, он по-птичь поднимал над травой поцарапанные ноги, но ни разу ни чуточки не свернул. У него был светлый упрямый затылок. Горька смотрел на этот затылок без всякой злости и досады. Вовка был ни при чем. Он был смелый, спокойный и надежный парнишка, несмотря на молодость — всего-то девять лет. Повезло Сашке, хороший у него брат. Почему другим везет, а Горьке — никогда? Был бы у него такой же брат, залег бы с двумя автоматами, не боясь мокрой травы, вон за той бетонной глыбой, подпустил бы конвоиров поближе и — та-та-та! «Сашка, ты убит, Вовка, ты убит! Горька, бежим!»

Только и в настоящей жизни, и в игре такие чудеса случаются очень редко. Горька знал, что с ним не случится. Тоскливая тревога опять кольнула его — словно все по правде. И он уже, будто в самом деле прощаясь навсегда, смотрел на сверкающую траву, на знакомые дома, на треснувшие бетонные блоки, которые лежали на пустыре, наверно, с тех пор, как существует Земля...

А может, все-таки случится чудо? Очень уж обидно умирать в такое солнечное утро. Даже понарошке — все равно тошно. Будто и не игра...

Горьку привели на берег Туринки и поставили у края обрывчика.

Метрах в пяти от берега, лицом к речке стоял шеренгой отряд «Синяя молния». Правда, не весь, трое, видать, проспали (за это, между прочим, тоже надо под суд). Но и пятерых было достаточно. Да еще Лавенковы встали в строй...

Егор Гладков раздал стрелкам зеленые гнилые помидоры — не всем, а через одного. Значит, половина будет трещать автоматами, а другая половина метнет в Горьку поми-

доры! И ему придется упасть, скатиться с метрового обрывчика на песчаную полосу у самой воды и лежать там, пока все не уйдут. Потом два дня его не будут брать в военную игру. А может, и больше. Потому что игра игрой, а разозлились на него, кажется, по-настоящему. По крайней мере Егор.

Егор насупленно, будто стесняясь, проговорил:

— Готовы?.. Равняйся. Смирно... — Потом, постаравшись опять разозлиться, громко сообщил: — Бывший боец «Синей молнии» за трусость и предательский провал военного задания приговорен к высшей мере наказания — расстрелу!

Шеренга напряженно молчала. Стояли не очень ровно. Смотрели мимо Горьки. А Горька, насупившись и съжив плечи, смотрел на разномастные игрушечные автоматы и зажатые в пальцах помидоры. Тоскливое замирание перехватило грудь и подкатывало к самому горлу. Но плакать не хотелось.

— Хочешь сказать что-нибудь напоследок? — спросил Егор чуть виновато.

Горька переглотнул. Сказал:

— Хочу... Все равно это неправильно. Я не предательский... Я же объяснял...

— Слыхали уже, — безжалостно сказал Сашка Граченко и поправил на груди оранжевый автомат с диском.

— Можешь еще что-нибудь сказать? — спросил у Горьки Егор.

Горька не знал: что еще?

— Даем десять секунд, — сумрачно сказал Егор. — Думай.

Секунды пошли, долгие или короткие, Горька не понял. Мысли у него отчаянно заскакали, будто и вправду от каких-то удачно найденных слов зависела жизнь.

— ...Все! — отрубил надежду Егор.

— Ну все так все, — сказал Горька себе, а не Егору. Распрямил плечи и стал смотреть на облака. Они были маленькие, светлые, с пушистыми краями.

Подошел Митька Бурин и нахлобучил Горьке на голову старую корзину. Облака исчезли. Все исчезло.

— Ты чего? — сказал из-под корзины Горька. — Пустити. — Он ухватился за плетеную кромку.

— Стой давай...

— Пусти!

— А если по лицу попадут, дурак, — разъяснил Митька, но отпустил корзинку. Горька секунду постоял неподвижно. Синее утро било в щели. Горька сбросил корзину, сунул руки в карманы и опять стал смотреть на облака.

Егор негромко сказал:

— Да пускай... По голове не кидайте... — И громко командовал: — На прицел!

Горька не двинулся, но нижним краем глаз увидел, как поднялись автоматные стволы. И опять, будто все по правде, страх и тоска резанули его.

«Нет!» — мысленно крикнул он в ответ на громкую команду «пли». Присел, чтобы выстреды прошли над головой. Помидоры и в самом деле свистнули поверху, а Горька клубком скатился к воде, вскочил, с размаху хлопнулся в речку.

Остывшая за ночь вода обожгла его холодом, прижала к телу намокшую одежду. Но Горька яростно рванулся к другому берегу. Упругая толща воды не пускала его, ноги вязли в илистом дне. Однако самая большая глубина здесь — по грудь, а ширина — метров шесть. И очень скоро мокрый, всхлипывающий от напряжения Горька оказался на твердой земле. Сзади, на том берегу, захлебывались яростным треском и воем автоматы — электрические, заводные, с ручными трещотками... Но эта стрельба не считалась. Она так, ради шума. Чтобы убить или ранить, надо попасть помидором.

А пока спохватятся, пока расхватают запасные помидоры...

Горька оглянулся на бегу. Несколько человек галопом мчались к недалекому мостику. Сашка Граченко и Вовка Лавенков отважно кинулись в воду — напрямик, но Егор сердито закричал, чтобы вернулись. Митька Бурин и Сашка Лавенков швырнули через речку «гранаты», но в Горьку не попали.

В общем, Горька ушел от погони. Переулками и проходами между старых заборов добрался до парка. В глухом углу, среди зарослей желтой акации, нашел он полянку, отдышался там, высушил одежду, а потом крадучись, чтобы не нарваться на засаду, вернулся домой...

Днем Горька с хозяйственной сумкой вышел на улицу. Если человек с сумкой, значит — не игра. Значит, он идет по делу, родители послали в магазин или на рынок. Сразу повстречались Лавенковы и Бурин.

Бурин сказал с насмешкой:

— Доволен? Сбежал, как заяц, и радуешься.

— Если в человека стреляют, он должен, что ли, стоять, как пень? — огрызнулся Горька.

— А если бы по правде, куда бы ты делся? — серьезно спросил Сашка Лавенков. — Перебежал бы к врагам?

— Еще чего... — буркнул Горька. Что сказать, он не знал. Если бы по правде... тогда все было бы не так. Никто бы не помешал выполнить задание. Потому что не было бы страха перед отцом, не было бы такого, что с одной стороны война во дворе, а с другой — сердитые и жалобные (с оглядкой на отца) крики матери: «Куда тебя опять понесло!» Но как это объяснить? Горька неуверенно сказал:

— Я ушел бы в леса и стал бы воевать один. Не с вами, а с врагами...

— Одному трудно, — задумчиво проговорил Вовка Лавенков.

— Все равно мы тебя за эти два дня выследим, — деловито сказал Бурин. — Тогда уж не уйдешь.

И Горька понял, что отряд «Синяя молния» ничуть не огорчен его, Горькиным, бегством. Наоборот! Можно теперь устроить охоту! Обложить, как волка флажками!

Все на одного, да?

— Ладно, — сказал Горька со стремительно выросшей обидой. — Я думал, вы всегда за справедливость, а вы... тогда ладно... Я с вами воевать не хотел, а теперь буду.

— К «Тиграм» перебежишь? — серьезно спросил Сашка. — Они перебежчиков не берут.

— На фиг мне нужны «Тигры», — отрезал Горька. — А с вами у меня война. Еще посмотрим, кто кого.

И он пошел со двора, решительно махая сумкой.

Каменистая дорожка вела мимо тополя, мимо дома, где недавно еще жил Юрий Григорьевич. Горька поднял глаза к растворенному окну на третьем этаже. И сразу — будто вклю-

чился незаметный магнитофон — Горьку настигло воспоминание о глуховатом и добром голосе:

— Хороший ты человек, Горислав Геннадьевич. Только характер у тебя слегка извилистый...

«Такой уж...» — виновато отозвался Горька.

«А ты выпрямляйся».

«Как?»

«Реже убегай, чаще дерись...»

«С кем? С отцом, что ли?»

«С жизнью... В шахматы сыграем?»

«Да ну... Вы меня опять обыграете».

«Ну и что? За битого двух небитых дают».

«Да за меня уже трех можно...»

Когда Юрия Григорьевича хоронили, отец сказал Горьке: — Сиди дома. Нечего путаться под ногами у людей.

Горька не посмел послушаться. Стоял у окна и видел через пространство заросшего пустыря темную толпу у крыльца трехэтажного дома. Издалека толпа казалась неподвижной. Надрывно завыл оркестр. Люди у крыльца колыхнулись. В заднюю дверь серого автофургона вдвинули что-то длинное, красное... Вот и все... И в голове у Горьки не укладывалось, что это событие имеет какую-то связь с Юрием Григорьевичем. Он знал, конечно, что Юрия Григорьевича больше нет, но все равно казалось, что, если забраться в развилку тополя и перелететь на подоконник, сразу услышишь:

«А-а, Горислав Геннадьевич. Вечерняя птичка залетная... Что, опять ищем убежища?»

«Да нет, я просто так... Можно у вас переночевать?»

«А дома что скажут?»

«Папка на дежурстве, а мама не будет ругаться. Если отца нет, она разрешает...»

«Ну что ж... Тогда поставим чаек...»

Сейчас, проходя мимо трехэтажного дома, Горька увидел в открытом окне, наверху, женщину. Она вешала шторы. Горька сообразил, что приехали новые жильцы. Все мальчишки уже знали, что в квартире Юрия Григорьевича должна поселиться его дочь с мужем и сыном.

С крыльца сбежал на дорожку незнакомый мальчик с большой клеенчатой папкой. Ростом вроде Горьки, стройнень-

кий такой, в желтой рубашке с погончиками. Ветер сразу растрепал ему волосы. Мальчик не заметил Горьку. Посмотрел на верхушку тополя, улыбнулся чему-то и зашагал к воротам. Папку держал за угол и на ходу легонько поддавал ногой. Горьке понравилось, как он идет: легко, спокойно. Видно, не было в душе у мальчишки никакого страха. Горька даже позавидовал. Сам он не умел так ходить по земле. Но позавидовал он по-хорошему, без досады.

«Внук Юрия Григорьевича», — подумал он. Этот внук не мог быть плохим человеком. И Горька принял решение...

Журка и Горька сидели рядом на постели.

— Игра у нас такая, — сказал Горька. — Два отряда. Ну или как два индейских племени. Наши с этой улицы, а ихние «Тигры» — с Туринской... А я Сашке и Вовке Лавенковым пароль не передал... Егор велел, чтобы я к ним сбегал и сказал, какой пароль, потому что они в засаду собирались. А меня отец не пустил...

— Куда? В засаду?

— Да нет, к Лавенковым, чтоб пароль сказать. Не понимаешь, что ли?.. Потом Сашка Граченко и Митька пошли менять Лавенковых в засаде, пароль кричат, а те его не знают. И давай лупить из автоматов. Получилось, что своих перестреляли... Из-за меня...

Журка не очень разобрался, что за пароль, какая засада и кто такие эти Сашки, Митька, Вовка. Но главное понял: Горька по военным законам оказался кем-то вроде изменника и дезертира. Но не по своей вине, а из-за отца.

— А почему отец не пустил?

— Говорит: «И так целыми днями по улице мотаешься. Скоро школа, а в голове одна дурь. Бери учебник, математику повторяй...»

— Ты бы объяснил ему, что на минутку сбегал и приходишь.

— Ему объяснишь... — сказал Горька. Они помолчали.

— Ну и что теперь? — спросил Журка.

Горька засопел, ковырнул на коленке засохшую ссадину, сумрачно объяснил, глядя в угол:

— Я теперь никто. Ни «Синяя молния», ни «Тигры»... Сперва подумал: «Пускай расстреляют, а через два дня снова

к нашим запишусь». А теперь не хочу. Потому что несправедливо... Или ты думаешь, они справедливо... вот так, со мной?.. — Горька резко мотнул медными волосами и бросил на Журку быстрый, сердитый и немного опасливый взгляд.

— По-моему, нет, — нерешительно сказал Журка. — А ты им объяснял про отца?

— Объяснял сто раз. Говорят: «Все равно...»

— Конечно, несправедливо, — уже твердо сказал Журка.

Горька быстро проговорил:

— Тогда помоги.

— Как?

— Завтра они за мной погонятся, а я заведу их в тупик.

Они же не будут бояться, потому что я без оружия, они мой автомат отобрали. Ты там спрячешься за ящиками. Они в тупик заскочат, а ты: та-та-та! И все. Считается, что они убиты, а ты меня спас... А?

— А потом? — осторожно спросил Журка.

— Потом... Наверно, вся игра сначала.

Журка задумался. Засада — это засада, что-то есть в ней нехорошее. Обманное. Не хотелось начинать знакомство со здешними ребятами с такого обидного для них фокуса.

— Да ты не бойся, — сказал Горька. — Это же игра. У нас по-нормальному играют, без драки. По правилам. Потом на тебя никто злиться не станет.

Журке стало неловко, что Горька отгадал его боязливые мысли.

— Ничего я не боюсь, — буркнул он и подумал, что деваться некуда: Горьку в беде оставлять нельзя. Он пришел искать защиту, невиноватый, оставшийся один против всех, безоружный. Что ж теперь? Сказать: «Иди, куда хочешь»?

— Значит, надо оружие, — негромко, но решительно проговорил Журка.

— Ага! — обрадовался Горька. — У тебя есть что-нибудь подходящее?

Журка прижал к губам палец и кивнул на дверь: тихо, мол, перебудить всех. Горька испуганно и весело съежился: ой, больше не буду. Журка поманил его в угол, где друг на дружке лежали три чемодана с неразобранной еще имущественной. Верхний чемодан осторожно сняли, а средний Журка от-

крыл. Там, на коробках с «конструктором», среди рассыпанных пластмассовых солдатиков и прочего мелкого барахла лежали пистонные пистолеты и два автомата. Один — из белой пластмассы, с батарейкой и красной лампочкой в стволе. Другой — из черного железа, с пружинной трещоткой.

— Во! В самый раз... — обрадованным шепотом сказал Горька. — Батарейка тянет?

— Новую поставим... Слушай, а когда сделаем засаду? С утра?

— Ну конечно. Я же тебе толкую, что надо как можно раньше. Я потому к тебе и пришел с ночи. Они меня будут у нашего дома выслеживать, а мы отсюда выберемся, потом я на них наткнусь будто случайно — и начали...

— Думаешь, они тебя с самого рассвета будут караулить? — усмехнулся Журка. — Они тоже спать хотят...

— Нет, не хотят... Они завтра в шесть часов на пустыре собираются, чтобы на штаб «Тигров» напасть. А у нашего крыльца часовых поставят. Я же все правила знаю.

— Тогда вот что... — Журка вытянул из чемодана (не с игрушками, а другого) свой тренировочный костюм. — Бери, завтра наденешь. Не голому же тебе воевать.

— Вот хорошо... Я его лучше сейчас надену, чтобы мягче на полу было. И вон ту курточку подстелю. Можно?

— Ну и придумал, — сказал Журка. — У меня на полу даже кот не спит. Давай ложись рядом. Вон туда, к стенке.

— Да ну... Я весь пыльный, перемазанный.

— В одеяло завернешься. Оно у меня как раз такое... боевое. Я с ним в прошлом году в поход ходил, даже у костра подпалил.

— А ты как без одеяла?

— Под простыней.

— Холодно будет.

— Ха, — сказал Журка. — Думаешь, ты один закаленный?

Журка выключил свет, сдвинул в ноги недовольного Федота и лег рядом с Горькой. Тот, завернувшись в одеяло коконом, тихо посапывал у стенки.

— Не проспать бы, — шепотом сказал Журка.

— Не проспим. Я всегда рано подымаюсь, — успокоил

Горька. И спросил: — А вдруг бы проспали и вдруг бы твои родители меня здесь увидели?

— Ну и что?

— Рассердились бы?

— А с чего сердиться?.. Удивились бы только: кто такой, как сюда попал? — Журка подумал: — «Мама перепугалась бы: как это — в окно на веревке! Папа сказал бы, наверно: «Ну, вы даёте, фокусники...»

— Значит, он у тебя совсем не злой, — задумчиво сказал Горька.

— А чего ему быть злым...

Отец бывал иногда хмурым, случалось, ворчал на Журку, если тот слишком шумел или прыгал, поддразнивал иногда сына за слишком «тонкий» характер. Поругивал, если случались двойки. Но зато учил работать молотком и отверткой, катал в кабине своей «Колхиды», а при особенно хорошем настроении рассказывал истории о своем детстве. Вообще-то Журкиным воспитанием занималась мама. Водила на выставки и концерты (хотя они бывали в Картинске нечасто), рассказывала про художников, проверяла дневник, ходила на родительские собрания и даже учила Журку, как давать сдачи, если привяжется какой-нибудь хулиган. Нельзя сказать, что Журка был маменькин сынок, но «мамин сын» — это точно...

— И папа, и мама у меня вполне... — сказал Журка. — Лучше мне и не надо.

— У меня мама тоже добрая, — тихо отозвался Горька. — А отец, он... когда какой. Если настроение хорошее: «Айда, Горька, на рыбалку». Если что не так, скорее за ремень... Хорошо, если сгоряча за широкий возьмется, он только шелкает. А если всерьез, то как отстегнет узкий от портупеи... Знаешь, как режет...

Журка не знал.

Он этого никогда не испытывал.

Бывало в раннем дошкольном детстве, что мама хлопнет слегка и отправит в угол. Но чтобы по-настоящему, ремнем, Журка и представить не мог. Он бы, наверно, сошел с ума, если бы с ним сделали такое. Даже если в какой-нибудь книге Журка наткнулся на рассказ о таком жутком наказании,

он мучился и старался поскорее проскочить эти страницы. И потом всегда пропускал их, если перечитывал книгу. А Горька ничего, говорит про такое спокойно. С печалью, но вроде бы без смущения.

Конечно, в темноте, ночью, когда рядом человек, с которым завязалась, кажется, первая ниточка дружбы, легче говорить откровенно. Видать, наболело у Горьки на душе, вот он и рассказывает. Но... нет, все равно не по себе от такого разговора. И чтобы изменить его, Журка спросил:

— Твой отец военный?

— Милиционер. Старшина... Он на ПМГ ездит. Машина такая с патрулем: передвижная милицейская группа.

— Бандитов ловит?

— Бывает, что и ловит, — равнодушно отозвался Горька.

— Это же опасно...

— Бывает и опасно, — все тем же голосом сказал Горька. — Один раз ему крепко вделали свинчаткой. Неделю лежал в больнице... Я в те дни был как вольная птица. Мама, если не при отце, меня зря не гоняет... — Он, видимо, спохватился и объяснил: — Рана-то не опасная была, только сотрясение, но не сильное... Ну что, спать будем, ага?

— Будем... Слушай, а как ты с моим дедушкой познакомился?

— Да так, случайно. Сперва зашел к нему с Егором. Егор у него книжки брал почитать, а я просто так... А потом уж один стал приходить. Тоже книжки брал... В шахматы еще играли... Если отец на дежурстве, мама меня отпускала сюда ночевать. Мы с Юрием Григорьевичем иногда до ночи чай пили. Он рассказывал интересно...

— Про что? — слегка ревниво спросил Журка.

— Про всякое... Иногда про тебя. Как вы плотину строили у вас на речке Каменке. И вообще... Он по тебе скучал.

ЗАСАДА

Проснулся Журка от озноба. Раннее утро было солнечным, но прохладным. Зябкий воздух из открытого окна забирался под простыню. Журка поежился и глянул на будильник. Без двадцати шесть.

Горька у стены свернулся в комочек, намотав на себя одеяло. Из одеяла торчали поцарапанные тощие ноги. Горька шевелил ногами, будто по ним ползали мухи.

Журка осторожно хлопнул по одеялу. Потом еще. Выступила Горькина голова. Несколько секунд Горька обалдело смотрел на Журку, потом заморгал, заулыбался.

— А говорил: «Рано поднимаюсь?» — хмыкнул Журка. — Вот проспали бы...

— Ой... Это потому, что я не дома. А дома я всегда...

Время поджимало. Они торопливо и бесшумно оделись. Повесили за спину автоматы. Журке стало весело и страшно-вато, будто предстояла не игра, а настоящее большое приключение.

Впрочем, приключения начались даже раньше, чем Журка ожидал. Горька размотал на батарее веревку, встал на подоконник и сказал:

— Смотри, как надо. Берешься вот здесь, где узлы, веревку натягиваешь, потом — раз! — и там.

И в самом деле, он спорхнул с подоконника и через секунду стоял в развилке тополя.

— Раз! — опять повторил он и оказался рядом с Журкой.

Теперь в нем не было ни капли вчерашней робости. Ловкий он был, и синие глаза его смело блестили под прямыми коричнево-медными прядками.

Журка тайком вздохнул. Можно было бы проскользнуть через квартиру и выбраться из дома обычным путем. Но, значит, опять струсил? Он посмотрел вверх. Толстый капроновый шнур уходил куда-то сквозь густые листья. Посмотрел вниз. Дом старый, с высокими этажами, до земли метров десять.

Журка удержал в себе второй вздох и спросил с небрежной деловитостью:

— Веревка-то прочная?

— Все в норме, не бойся...

— Да я и не боюсь.

— Боишься, — спокойно отозвался Горька. — Первый раз все бояться... Ты лучше не с подоконника прыгай, а вон оттуда, с карниза.

Внизу, в полуметре от окна, тянулся широкий кирпич-

ный выступ. На этом выступе сидел неподалеку Федот и бесстрашно шурился на солнце.

«Что я, хуже Федота?» — сердито подумал Журка и через подоконник полез на карниз.

— Постой, — сказал Горька. Нижним свободным концом веревки он плотно обмотал Журку вокруг пояса и затянул узел. — Если вдруг оборвешься, все равно никуда не денешься...

Это сразу успокоило Журку. Хотя не совсем. Когда он выбрался на карниз, коленки мелко подрагивали. Журка ухватился за веревку и натянул ее. Держаться было удобно — большие узлы не давали соскользнуть ладоням.

«Ничего, — сказал себе Журка. — Все равно надо... Раз, два... три!»

Он толкнулся не сильно и не слабо. В руках отдалось струнное натяжение веревки, на секунду тело замерло от сладкого и жутковатого ощущения полета. Засвистела пустота, понесся навстречу тополь...

Журку развернуло в полете, он влетел в развилку боком, подошвы зацепились, тело мотнуло в одну сторону, в другую... У самого носа Журка увидел выступы серой коры, выпустил веревку, ухватился за ствол. Вернее, за отросток толщиной с могучее бревно. И прирос к нему, ощутив бугристую прочность дерева.

— Ну, ты что там? — окликнул из окна Горька. — Давай веревку.

Журка оторвал руки от дерева, торопливо размотал на поясе шнур. Сердце часто стучало, но страх уже уходил, и появилась веселая радость оттого, что не испугался. И оттого, что замирание и восторг полета можно будет повторить еще и еще...

Спускаться тоже было страшновато. Но нетрудно. Трещины и бугры на коре старого тополя помогали держаться. Журка осторожно сполз до другой, нижней развилки у окон второго этажа, потом по наклонному главному стволу спустился на землю. Правда, поцарапался, помял штаны и рубашку, но не сорвался.

Внизу счастливый Журка лихо перекинул со спины на грудь автомат, и в это время рядом с ним прыгнул Горька.

— Бежим!

Они крадучись пересекли площадку перед окнами, пролезли в дыру старого каменного забора и оказались в переулке, выходящем на Парковую улицу. Горька, пригибаясь, побежал вдоль заборов и ворот. Журка за ним. Тоже пригнулся, хотя, кажется, прятаться было не от кого.

Через минуту Горька привел Журку в тупичок. Слева была оштукатуренная стена одноэтажного дома с решетчатymi окошками под самой крышей.

— Как тюрьма, — прошептал Журка. Но Горька объяснил ему, что это не тюрьма, а склад продуктового магазина.

Справа возвышался деревянный забор с колючей проволокой наверху: какой-то частник надежно огородил свой сад. А впереди — тоже стена, только высокая и кирпичная. Журка вспомнил, что у таких стен есть специальное название — брандмауэр. Их строят для защиты от пожара.

У брандмауэра лежали сваленные пустые ящики из реек и фанеры.

— Вон там и прячься, — сказал Горька. — А я пошел... Как услышишь топот, приготовься. Меня пропустишь к себе, а по ним — очередями...

Горькины глаза были решительными, но слова звучали немного нервно. Он хотел еще что-то сказать, но только мотнул волосами. Отдал Журке свой автомат и пошел из тупика. У поворота оглянулся.

— Прячься получше.

— Все будет в порядке, — отозвался Журка, чувствуя тревожный холодок.

Спрятаться оказалось нетрудно, за ящиками Журка нашел удобное местечко — будто нарочно для засады. Но сидеть было неудобно и скучно. Среди запаха отсыревшей фанеры, в зябкой тени этого глухого угла Журка продрог и ругал себя, что не взял курточку. Время ползло еле-еле. Сквозь частые рейки решетчатого ящика Журка поглядывал из укрытия, но видневшийся впереди солнечный переулок был пуст.

От неподвижности заныла спина. Потом не сильной, но надоедливой болью налились длинные царапины на ногах, зашипало подбородок.

Он сердито шевельнулся, потер царапины, потрогал на подбородке ссадину... и вдруг подумал: а если все зря?

Если ребят на пустыре не оказалось? Или они сцапали Горьку, едва увидев? Они ведь тоже не дураки. А Горька... Может, не всегда он такой ловкий. Одно дело — с веревкой прыгать, другое — уйти от погони. И вообще, что он за человек? Что о нем Журка знает? Ничего. Вроде бы обыкновенный мальчишка. Правда, иногда что-то мелькает в нем: какая-то смесь хвастовства и боязливости.

А может быть, хитрости?

Может, он просто решил подшутить над Журкой, притащил сюда и оставил. А потом будет рассказывать ребятам, как разыграл новичка!

Да ну, чушь какая... Скорее всего, Горька просто попался... Нет, не попался!

Нарастающий топот разогнал тишину переулка. Журка дернулся и направил автомат. Горька на отчаянной скорости влетел в тупик, а за ним — пять или шесть мальчишек. Горька пригнулся, бросился к ящикам, скрылся с линии прицела. А противник был — вот он! И Журка нажал спуск.

Новая батарейка рванула в автомате мотор трещотки. Красная лампочка заметалась в белом пластмассовом стволе. Горька оказался рядом, тоже схватил автомат, дернул рычаг пружинного механизма. Потом вскочил, толкнул от себя ящики. Они посыпались, открыв засаду, Журка тоже вскочил.

Они стояли рядом, и пластмассовые автоматы с ревом и треском бились у них в руках.

Что и говорить, победа была полная. Те, кто гнался, даже не пытались открыть ответный огонь. Они стояли перед ящиками растерянной кучкой и обалдело смотрели на прыгающие автоматные стволы. Потом высокий парнишка в черной морской пилотке сплюнул и что-то сказал.

Журка наконец перестал жать на спусковой крючок. Горька тоже. В наступившей тишине парнишка в пилотке (Журка понял, что это Егор Гладков) повторил с усмешкой:

— Хватит уж трещать-то. Развоевались, будто нас целая дивизия...

— Чья взяла? — жестко спросил Горька.

— Герой. Красиво сделано, — сказал Егор. Но в голосе

его не было признания Горькиной победы. Он смотрел насмешливо. Спросил небрежно:

— Значит, союзника нашел?

— А что? — ошетиненно отозвался Горька. — Разве нельзя? Все по правилам.

— Это точно. Правила ты знаешь, — опять усмехнулся Егор. И сказал: — Пошли отсюда. А то еще сторож прибежит, от него не отстреляемся...

Непонятно было, кому он это сказал: только своим или Горьке с Журкой тоже? Но, когда ребята двинулись из тупика, Горька торопливо выбрался из-за ящиков. Журка за ним...

Они все прошли на пустырь, где среди высокой травы и лопухов лежало несколько бетонных блоков. Журка уже знал, что когда-то один здешний жилец задумал строить посреди пустыря капитальный гараж, но ему не разрешили.

Егор приложил к бетону ладонь — сильно ли остыл за ночь? Неторопливо сел. И четверо его друзей тоже сели на треснувший блок. Больше места на блоке не было, и Журка с Горькой остались стоять среди влажной травы. То ли случайно это вышло, то ли не совсем случайно. И хотя были они победители, получилось, что стоят перед своими противниками, будто пленные и в чем-то виноватые.

— Ты внук Юрия Григорьевича? — спросил Егор.

— Да, — хмуро сказал Журка и шевельнул на груди автомат.

— Ясно... А он что? — Егор с насмешкой кивнул на Горьку. — Уже в друзья к тебе записался?

Журка смотрел на Егора, но все равно заметил, почувствовал, как напрягся в беспокойном ожидании Горька. Наверно, испугался, что Журка ответит: «Да нет, мы просто так...» Но было уже не просто так. Потому что был вчерашний вечер, Горькина печальная доверчивость, просьба о защите. А сегодня — надежная веревка, которую он заботливо обмотал вокруг Журки. И еще — как они плечом к плечу, с автоматами навскидку... И Журка сказал с дерзкой ноткой:

— Да. А что?

Егор лениво улыбнулся. У него было узкое умное лицо и острые глаза: сразу видно, что это командир.

— Ничего... — сказал Егор. — Дело ваше. Только ты смотри, это друг такой...

— Какой? — негромко и напряженно спросил вместо Журки Горька.

— А такой! — звонко и бесстрашно врезался в разговор белобрысый мальчишка в порванной голубой майке (небольшой, класса из третьего). — Как заяц. Тогда всех припутали за то, что костер жгли, а ты заныл: «Я не жег, я потом пришел...»

— Да я же правда потом!

— Ну, точно. Опять все по правилам, — усмехнулся Егор. И остальные негромко засмеялись.

Их было пятеро. Кроме Егора и пацаненка в порванной майке, еще худой веснушчатый мальчишка с большим насмешливым ртом и два брата, очень похожие друг на друга, русые, круглолицые, спокойные и молчаливые. Веснушчатый (звали его, кажется, Митька) вдруг спросил у Журки:

— А ты хоть знаешь, почему он от нас бегал? Он пакет с паролем не доставил!

— Дома отсиделся! — добавил мальчишка в майке.

— Да знаю я, — решительно сказал Журка. — Пароль — это игра. А если бы он ушел из дома, его бы... ему бы знаете как досталось! Это уже не игра.

— Вот и получается, что струсил, — заметил старший из братьев. — А если бы по правде война? Там еще не такие опасности...

— Ты, Сашка, не путай, — сказал Горька. — Если война, там все по-другому. И отец бы у меня дома не сидел, меня бы не караулил...

Младший брат посмотрел на старшего и сказал не сердито, а будто жалея:

— Все равно ты, Горька, дезертир.

— Сам ты... — глупо и беспомощно огрызнулся Горька.

А Журка, глядя на Егора, проговорил:

— Война была понарошке, просто игра. А вы теперь так, будто он по-настоящему дезертир. Это справедливо?

Веснушчатый Митька хмыкнул:

— Только что приехал, а уже справедливости нас учит...

Журка не растерялся:

— Ну и что же, что приехал? Справедливость везде одинаковая.

— Игры зато разные, — сказал старший из братьев. — Ты с нами еще не играл.

— А я в такую игру и не хочу, — насупленно отозвался Журка. — Что за игра: людей расстреливать...

— Не нравится? — спросил Митька.

— Не нравится.

Егор задумчиво посмотрел на Журку и возразил миролюбиво:

— А что делать? Если играешь, надо стараться, чтобы похоже было на настоящую жизнь. А в жизни тоже не все нравится.

— Нет, в жизни не так, — упрямо сказал Журка и подумал о черных молниях. — Там, если что-нибудь плохое случится, то уже некуда деваться. А игру можно выбирать, какую хочешь.

Егор вдруг откинулся назад, сладко потянулся и засмеялся. Сказал уже совсем по-другому, вроде бы без насмешки:

— Умные слова полезно слушать. Давайте выберем футбол. Все равно мы уже перестрелянные, воевать не можем. Давайте вызовем «Тигров» на матч века.

— Они нам наклепают, — хмуро возразил Горька.

— Если опять будешь сам водиться, пасовать не захочешь, — вредным голосом проговорил Сашка в голубой майке.

— Ну, хватит вам, — остановил Егор. И деловито спросил у Журки: — Ты в футбол как?

— Я — так себе, — честно сказал Журка. — Редко играл. Даже и не очень люблю.

— Все равно. У нас команда неполная. Сможешь?

— Ну, если надо...

— Эй, вояки, Капрала не видели?

Это крикнул от края пустыря какой-то парень с велосипедом.

Все разом оглянулись. Егор медленно сказал:

— Нам его видеть — какая радость?

— А какая печаль? — насмешливо откликнулся парень.

— Ни то ни другое, — ровно объяснил Егор.

— Зря-то не скреби... — сказал парень. И уехал.

— Их величество Капрал еще небось дрыхнут, — проговорил Митька. — Они поздно ложатся, дел много...

Егор пренебрежительно зевнул, встретился с Журкиным вопросительным взглядом и разъяснил нехотя:

— Это из другой компании...

— Из «Тигров»?

— Нет... «Тигры» — это наши же ребята, мы с ними играем. А у Капрала игры свои... Доиграется когда-нибудь.

Договорились, что встретятся после обеда и тогда все уточнят насчет футбола. А пока разбежались — кто завтракать, кто досыпать. Было около семи часов. Горька пошел проводить Журку до крыльца.

— Ой-ей, — вдруг сказал Журка.

— Что? — испугался Горька.

— Я позвоню, а меня спросят: «Как ты оказался на улице?» Дверь-то на замке.

— Ой... да... — Горька озадаченно остановился. — А если сказать про веревку? Влетит?

— При чем тут «влетит»... Сначала у мамы будет инфаркт.

— А может, они еще спят? И мама, и отец...

— Ну и что? Думаешь, ничего не поймут спросонок, когда позвоню?

— А зачем звонить? Можно же и обратно через окно. Тогда ничего не заметят.

Журка заколебался:

— Не забраться мне без тренировки. Это же не вниз...

— Ты что, по деревьям не лазил?

— Почти, — признался Журка. — Один раз только, да и то невысоко.

— Ну ничего, я помогу.

К своему удивлению, Журка стал подниматься без большого труда. Только страшновато было. А Горька, будто заведенный, двигался сзади и приговаривал:

— Давай-давай, ничего... Уже скоро.

Иногда подталкивал Журку ладонями в пятки.

Наконец Журка лег животом в развилку, отдышался, успокоил беспорядочную стукотню сердца и, обдирая колени, поднялся на ноги. Тут же втиснулся рядом Горька.

После подъема перелет в комнату казался совсем не страшным. Журка взялся за веревку с узлами, натянул.

— Может, обвяжешься? — осторожно спросил Горька.

— Да ну, чепуха...

Федот по-прежнему сидел на карнизе — и неодобрительно поглядывал на мальчишек. Журка показал ему язык и оттолкнулся от тополя.

Опять охватила Журку страшноватая радость полета, окно стремительно придвинулось, подоконник мелькнул под ногами и ушел назад, и Журка увидел раскрывшуюся дверь и громадные глаза перепуганной мамы.

Он выпустил веревку и брякнулся на пол посреди комнаты. Крепко брякнулся. Посидел, поднял на маму нерешительные глаза и сказал:

— Доброе утро...

После завтрака неожиданно пришел Горька. На этот раз через дверь. Принес Журкин костюм и автомат. На Горьке была новая пестрая рубашка и потрепанные внизу, но отглаженные брюки. Очевидно, он подготовился к «официальному визиту».

Мама сдержанно поздоровалась с Горькой и спросила:

— Значит, это твоя идея устроить воздушные полеты на уровне третьего этажа?

Горька не смутился. Мельком глянув на виноватого Журку, он поведал, что идея общая: его и Юрия Григорьевича, а веревку он, Горька, примотал к суку толщиной в пушку, сделал там пять витков и затянул тремя морскими узлами. Скорее сам тополь сломается пополам, чем треснет сук, развяжется узел или порвется капроновая альпинистская веревка. Журка робко добавил, что для полной безопасности можно сделать еще страховочный пояс, как у верхолазов. Горька громко одобрил эту мысль и пообещал, что не только Журка, но и он сам этим поясом будет пользоваться с охотой и радостью.

Мама хотела что-то возразить, но тут ее окликнул из комнаты папа, и она ушла.

— На улицу выйдешь? Мячик попинаем для тренировки, — предложил Горька.

— Потом. Сначала мне надо... к одному человеку. Я обещал.

— А что за человек?

— Ну... девочка одна. Знакомая.

Горька смотрел спокойно. Даже самой капельки насмешки не было в его глазах. Было только сожаление, что Журка не может идти с ним пинать мячик.

— А хочешь, пойдем со мной, — вдруг сказал Журка.

В самом деле, почему бы не пойти к Иринке вдвоем? А потом можно вместе в парк или еще куда-нибудь.

— Пойдем, — сразу согласился Горька. — Отец до обеда на работе, я пока вольный.

И они пошли. Но у Иркиного дома Горька вдруг придержал шаги. Сказал настороженно:

— Здесь одна девчонка из нашего класса живет. Ирка Брандукова. Неохота мне ее видеть.

Журка растерянно остановился.

— Я не знал, что она из вашего...

— А ты что? К ней идешь? — удивился Горька.

Журка виновато кивнул. И сразу рассердился и на Горьку, и на себя:

— А что такого? Разве нельзя?

— Когда это ты успел познакомиться?

— Успел...

— Ну, иди, — примирительно сказал Горька. — А я лучше к ребятам...

— Вы с ней поссорились, что ли? — неловко спросил Журка.

— Да не... — беспечно отозвался Горька. — Просто... Чего мне с ней встречаться? И так надоели друг другу, четыре года на соседних партах сидим... А ты иди.

— Я обещал...

— Ну и давай. А я потом к тебе забегу. Можно?

— Конечно, приходи обязательно, — с облегчением сказал Журка. Сперва ему казалось, что Горька обижается, а сейчас он увидел, что нет.

Иринка встретила Журку, будто ждала у самого порога. Не приглашая в комнату, быстро сказала:

— Поехали в краеведческий музей! Там недавно планетарий открыли...

— Поехали.

На лестнице Иринка оглянулась на закрывшуюся дверь, нерешительно посмотрела на Журку и с тихой досадой проговорила:

— Мама с папой там... выясняют, кто прав, кто виноват. Из-за вчерашнего...

— А что вчера? — с тревогой спросил Журка. — Потому что я приходил?

— Да при чем здесь ты? — удивилась Иринка. — Вчера вечером к папе дядя Иннокентий пришел. Ну, приятель папин... В общем, выпивший он был, расшумелся, расхвастался. Мама его и трезвого не очень любит, а так совсем...

Журка кивнул: понимаю, мол.

Запинаясь от неловкости, Иринка сказала:

— Ты только не подумай, что папа тоже с ним... Просто мама волнуется: у папы сердце неважное, у него по ночам такая аритмия бывает... В общем, ты не обижайся, что я тебя домой не позвала...

— Я понимаю, — сказал Журка. И подумал, что нигде на свете нет полного счастья и спокойствия.

НЕ ИГРА

У Горьки не было ясной причины, чтобы не ходить к Ирке Брандуковой. То, что они «надоели друг другу», он придумал. Не могли они надоесть, потому что друг на друга почти не обращали внимания. Вернее, Брандукова не обращала. Горька-то иногда на нее поглядывал с интересом. Ему нравилось, как Ирка улыбается своим шербатым ртом и как грызет головку авторучки, если решает сложную задачу. Но это был минутный, легкий интерес, и Горька очень быстро забывал думать о Брандуковой, занятый своими заботами и тревогами.

Сейчас он не пошел с Журкой из-за смутного опасения, что будет лишним. Вдруг Ирка глянет насмешливо и тоже спросит у Журки: «Он что, уже в друзья к тебе записался?» К тому же у нее и у Журки свои дела, они о чем-то договори-

лись. А он, Горька, зачем? Журка ни в коем случае не должен думать, будто Горька назойливый. Он вообще не должен думать про Горьку ничего плохого...

Однако, если бы Горька знал про то, что с ним случится через полчаса, он пошел бы куда угодно: к Брандуковой, на край света, к черту на рога.

А случилось вот что.

Недалеко от дома, на углу Парковой и переулка с магазинчиком, Горьку неожиданно окликнули:

— Эй, Горислав...

Это был тот парень с велосипедом, что утром искал Капрала. Звали его Студент. На самом деле он был не студент, а, кажется, девятиклассник. Просто отец у него работал профессором в институте, а сынок однажды сказал в ребячьей компании: «Мне пятерочный аттестат ни к чему, дорога и так открыта. Можно считать, что я уже студент». С тех пор кличка прилипла к парню намертво...

Рядом со Студентом стоял Череп — сумрачное неуклюжее существо, ученик восьмого класса той же школы, где учился Горька. У Черепа была яйцеобразная, покрытая мелким пухом голова и длинные ноги в тяжелых ботинках (он всегда волочил эти ботинки, как гири).

Горька остановился. Оклик прозвучал мирно, и драпать, видимо, не стоило. Хотя бы для того, чтобы зря не раздражать Студента и его друзей. Да и не убежать. Череп, конечно, запутается в ботинках, но Студент на велике догонит в два счета...

— Чего? — стараясь быть независимым, сказал Горька. Студент и Череп медленно подошли.

— Дело есть, — сообщил Студент. — Предложение одно... Пойдем поговорим.

— Мне домой надо, — попробовал отвертеться Горька. Но Студент ласково и крепко взял его за плечо.

— Да пойдем, не бойся.

Он повел заробевшего Горьку в гараж, который стоял в глубине большого двора. Когда-то в гараже находились «Жигули», но потом папаша сел в тюрьму, и машину пришлось продать. А гараж куда денешь? Если бы железный — другое дело, а кирпичный с места не сдвинешь. И теперь в гараже собиралась компания Капрала.

Занимались они там вроде бы обыкновенным делом: ремонтировали старый мотоцикл. Но все ребята знали, что это дело у них — не главное.

Сейчас в гараже сидели на верстаке сам Капрал и вертлявый семиклассник Шкалик.

— Во, — сказал Студент и подтолкнул Горьку вперед. — Нашел. Это геройский парень, сделает все о'кей.

Горька тоскливо подумал, что лучше все-таки драпануть. Но в дверях стоял Череп и смотрел на него с ленивой скукой.

Капрал вдруг соскочил с верстака и резко сказал:

— Череп, сгинь из дверей! Я вас, идиотов, просил добровольца привести, а вы его, будто заложника, притащили! Если не хочет, пусть уходит...

Потом он глянул на Горьку бархатными своими глазами и спросил с участием:

— Они что, силой тебя тянули?

— Не... — пробормотал Горька. — Я сам.

— А! Ну, другое дело... Тогда вот что. Помоги нам по-человечески.

— А чего... — нерешительно откликнулся Горька.

У Капрала затуманилось красивое лицо, он виновато улыбнулся:

— Да дело-то обыкновенное... Честно говоря, перебрали мы вчера на дне рождения у одного корешка. Тебе этого не понять, да и слава богу. Не надо... Только поверь мне, грешному: голова трещит, будто в ней рота барабанщиков, и муторно так, словно мыла наелся. Вон и Студент слегка бледный...

Он говорил тихо, доверительно и смотрел на Горьку с надеждой, словно тот и в самом деле мог помочь.

Горька ощутил симпатию и жалость к страдающему Капралу. И легкую гордость оттого, что знаменитый Капрал не грозит, не требует, а так по-доброму просит о помощи. Но о какой? На бутылку ему, что ли, надо? Горька добросовестно вывернул карманы, вытряхнул крошки и несколько медяков.

— Вот, все... — Он честно взглянул в печальные глаза Капрала.

Капрал вздохнул и качнул головой:

— Да нет, не то. Все на деньги не измерить... особенно

когда их нет... Понимаешь, тут надо немного смелости. Конечно, не как в партизанском отряде, но все-таки... Найдется у тебя?

В Горьке опять задрожала тоскливо-тревожная струнка. Он пожал плечами.

— Найдется, — уверенно сказал Капрал. — Да и задача-то пустяк. У магазина сейчас будут разгружать ящики с коньяком «Белый аист». Никто за ними толком не смотрит, грузчики мотаются туда-сюда. Протопаешь мимо ящиков, дернешь одну бутылку, сунешь вот в эту сумку, обойдешь кругом квартал — и сюда. Нас там всякая собака знает, а на тебя и не взглянут. Сделаешь?

— Нет... — сказал Горька, осипнув от страха. И неловко затоптался на месте.

Капрал без улыбки смотрел, как он топчется. Потом сказал со вздохом:

— Ну, нет, так нет. А может, решишься?

— Нет. Пустите меня, — опять пробормотал Горька, пряча глаза.

— А кто тебя держит? Иди, — проговорил Капрал. — Только условимся по-джентльменски: про наш разговор никому. Понял?

— Понял, — торопливо согласился Горька и оглянулся на дверь. Выход был свободен. Горька обрадовался... и не пошел. Виновато посмотрел на Капрала, будто в чем-то обманул хорошего человека. Капрал сказал ему ласково:

— Ты ведь не боишься. Ты это с непривычки. Думаешь, наверно, что нехорошо, мол... А какая разница, кто эту бутылку выпьет? Мы для поправки здоровья или какие-нибудь алкаши, которые работу прогуливают? Или думаешь, государство обеднеет на десятку?

Горька не думал про государство, он думал про себя.

— Если поймают...

Капрал засмеялся:

— Да кто тебя поймает? Если даже увидят, разве догонят? Да и не увидят...

— Ну, а поймают, так что такого? — с писклявой усмешкой вмешался Шкалик. — Ты скажи, что коньяк хотел вылить, а бутылку сдать, чтобы двенадцать копеек получить.

— Точно, — согласился Капрал. — Посмеются да отпустят. Ну, может, пинка дадут... Да чушь это, никто не увидит. Зато от нас будет тебе вечная благодарность и защита от недругов. А?

Потом, вспоминая все, что было, Горька так и не мог понять, почему он согласился. Боялся Капрала и его дружков? Пожалуй, нет. Мстить они не стали бы, слишком мелкая он для них личность. Да и связываться с сыном милиционера — себе дороже. Пожалел Капрала? Может быть, самую чуточку. Но не настолько, чтобы идти из-за него на риск. Обрадовали слова о благодарности и защите? Пожалуй, обрадовали, но все же не в этом дело. Хотел доказать, что не трус? Кому? Себе? Про себя он и так все знал. Капралу и его компании? А зачем? Все равно они жулики...

И все же пошел. Будто его заколдовали. Вместо того чтобы кинуть в траву сумку и рвануть домой, он деревянными шагами двинулся в переулочек.

От крыльца магазинчика отъехал крытый грузовик, у входа осталось несколько ящиков, в которых блестели стеклянные горлышки. Два дюжих дядьки подхватили пару ящиков, крикнули и потащили в магазин. Прохожих не было. Оглушительно звенел в ушах августовский полдень. Горька с застрявшим в горле страхом боком подошел к ящику и липкими пальцами вытянул узкую бутылку. Шагнул в сторону. Брючина зацепилась за полуоторванную жестяную полосу на ящике. Полоска задребезжала. Ее звон показался Горьке громом небесным.

Горька замер, будто надетый на громадную стальную спицу. И сквозь грохот и звон услышал:

— Ах ты, жулик проклятый!

На крыльце стояла грузная тетка и смотрела на Горьку пронзительными глазами.

Пробитый ужасом, как ударом тока, Горька дернулся и остался на месте. Бутылку он держал перед собой, не решаясь ее ни уронить, ни поставить обратно.

— Ах ты, сопляк! А ну иди сюда! — сказала тетка, будто не сомневаясь ни капельки, что Горька и в самом деле пойдет.

И он пошел. Как под гипнозом. На ослабевших ногах. По-прежнему держа бутылку в согнутой руке на уровне груди.

Тетка дождалась его, взяла за шиворот и крепко огрела сумкой, в которой лежали тугие кульки.

...Он оказался в комнатухе с письменным столом, за которым сидела молодая крашенная женщина в белом халате. Она сразу стала кричать на Горьку. Тетка, которая привела его, тоже кричала и один раз хлопнула по шее. Грузчики стояли в углу и добродушно гоготали. Потом в комнату втолкнули Шкалика. Он дернул плечом и презрительно скривил губы.

Сквозь отчаяние и страх Горька все же сообразил, что Шкалик, видимо, следил за ним, был неподалеку. Значит, его тоже заподозрили и поймали. Украдкой Шкалик показал Горьке кулак. Наверно, хотел напомнить, чтобы Горька молчал про Капрала.

Горька пытался захныкать, что больше не будет, и бормотал что-то про двенадцать копеек, но его не слушали. Женщина в халате куда-то позвонила. Через какое-то время (заполненное для Горьки безнадежным ужасом) приехал милицкий фургончик...

Потом была серая комната, где пахло клеем и едкой известкой. В окне за решеткой в виде солнечных лучей светился и звенел такой радостный и свободный мир, теперь недоступный для Горьки. За столом Горька увидел пожилую женщину в форме лейтенанта милиции. У нее было усталое и скучное лицо.

Женщина открыла серую папку, посмотрела на Горьку и Шкалика почти ласково, встряхнулась и бодро спросила:

— Ну что? Будем отпираться или сразу все скажем честно? Как у нас насчет совести?

Шкалик закатил истерику. Он зарыдал, затопал ногами и взахлеб закричал, что стало уже невозможно выйти на улицу. Что такого он сделал? Шел мимо магазина, а его хватают как вора! Есть в Советской стране такие законы, чтобы ни с того ни с сего хватать? Да что же это такое?! В чем он виноват?! Взрослого бы небось не схватили! Взрослый знает, что делать: он и к прокурору пойдет, и в суд, и в газету напишет! А с маленьким все можно, да?

Была в слезах и ярости Шкалика такая неподдельная работа, что лейтенантша растерялась. К тому же Шкалик упал на деревянный диванчик и крепко стукнулся лбом о подлокотник. Прибежала девушка-сержант, Шкалику дали воды, велели успокоиться и отпустили. Уходя, он напомнил Горьке залитым слезами взглядом: «Не болтай»...

Горька, всхлипывая, покорно рассказал историю, как хотел сдать бутылку, чтобы получить деньги на кино.

— Так-так, — покачивая какой-то домашней, не милицмейской прической, сказала лейтенантша. — С этого все и начинают. Жаль мне тебя, но родителей придется для беседы пригласить. И, возможно, оштрафовать. Где ты живешь?

Горька знал, что изворачиваться бессмысленно. Морщась от слез, назвал адрес, потом — как зовут маму и папу.

— Место работы родителей?

Услышав о работе отца, лейтенантша отложила ручку. Что-то изменилось в ее лице.

— Как? Значит, тот самый Геннадий Сергеевич Валохин, старшина? Ну и ну... Ладно, иди домой, Горислав Валохин, а папе я позвоню. Надеюсь, папа займется твоим воспитанием...

Горька знал, что «папа займется»...

Страх у Горьки сначала поубавился, когда он оказался на улице. Все-таки кругом был простор и была свобода. Но Горька понимал, что свобода эта обманчивая. Куда он денется? Бежать? Все равно сыщут, доставят обратно через детприемник. Еще хуже будет.

От досады и отчаяния Горька закинул в траву сумку Капрала. Он знал, что на этот раз отец не будет горячиться: тут не двойка в дневнике и не ведро с мусором, которое Горька забыл вынести... Станет тихо-тихо, мама уйдет на кухню, прижав к лицу руки, и в этой тишине отец спокойно скажет: «Ну-ка иди сюда... Значит, воровать начал? Хочешь, чтобы отца прогнали с работы? Не выйдет, лучше я тебя сам...» Потом начнут слабо звякать колечки портупеи...

Горька тихо заплакал на ходу и так, с опущенной головой, наткнулся на Егора Гладкова.

— Ты чего? — спросил Егор с усмешкой, но и с тревогой.

Егор, конечно, не был другом. Он относился к Горьке «не очень». Кажется, даже слегка презирал. Но он был спра-

ведливый. И он был все-таки свой. Горька, ничего не скрывая, рассказал свою печальную историю.

Егор плюнул, хмыкнул и несколько раз назвал Горьку дураком и дубиной. Горька покорно молчал.

Егор привел Горьку на пустырь, где на блоках сидела вся компания, и сердито пересказал ребятам Горькины приключения.

Горька, сидя с головою ниже плеч, молча выслушал все насмешки и высказывания о его безмозглости.

— Ох и врежет ему папаша, — задумчиво проговорил Митька Бурин и поерзал, будто врезать собирались ему самому.

— Ну и правильно, — сказал беспощадный Сашка Граченко.

— Правильно или неправильно, а что делать... — заметил Егор. — Сам напросился.

Подошел Журка, увидел зареванного Горьку и серьезные лица. Спросил, конечно, что случилось. Журке сумрачно и подробно рассказали. Журка недоуменно и, кажется, с испугом взглянул на Горьку. Они на миг встретились глазами, и Горька еще ниже опустил голову: надеяться на дружбу с внуком Юрия Григорьевича теперь не приходилось... Сашка Лавенков сказал:

— А Капрал ох и скотина. Не мог сам-то пойти, дурака со стороны позвал.

— Шкалик тоже шкура, — заметил его брат Вовка. — Унес ноги и рад.

— Так он же и правда ничего не делал, — усмехнулся Митька. — Когда они мопед от школы угнали, он тоже... Помните?

Все, кроме Журки, кивнули: помнили. И Горька помнил. Но что ему какой-то мопед, что ему Шкалик? С ним-то, с Горькой, что будет?

— Анальгину купи в аптеке, — вдруг посоветовал Митька Бурин. То ли шутя, то ли по правде. — Таблетку слопаешь, боль задерживает. У меня когда сломанная нога болела, я так спасался.

Горька поднял глаза.

— Правда?

Митька пожал плечами: не хочешь — не верь. А Горька

опять столкнулся взглядом с Журкой, и тот опять быстро опустил глаза. А позади Журки Горька увидел отца. Еще далеко. Он медленно шел к ребятам через пустырь.

Горька начал съеживаться. Все сильнее и сильнее — как проколотый воздушный шарик. Старшина Валохин подошел и негромко сказал согнутой Горькиной спине:

— Пошел домой...

Горька поднялся. Все захолонуло в нем. И мелкими шажками, не оглянувшись на ребят, он двинулся за отцом... И услышал тонкий вскрик:

— Подождите!.. Пойдите! Товарищ старшина!

Отец оглянулся. Горька тоже оглянулся. Журка подлетел — в сбившейся рубашке, с растрепанными волосами, с распахнутыми глазами. И были в этих глазах отчаяние и решительность.

— Товарищ старшина!.. Но вы же не знаете... Вот вы его... А он же не виноват. Его Капрал заставил! И этот... Шкалик! Правда...

Журкин голос угас под внимательным взглядом Горькиного отца. Горька знал этот взгляд. От него всегда терялись слова и пропадала надежда на помилование.

Но Журка не опустил глаза. Он мотнул волосами и снова сказал, только потише:

— Горька не виноват.

Горькин отец спросил ровным голосом:

— Ты внук Юрия Григорьевича Савельева?

— Да...

— Понятно... А тебя Капрал смог бы заставить воровать?

Горька увидел, что Журка смешался, потупился. Сказал сбивчиво:

— Не знаю...

— Знаешь. Не смог бы, — с короткой усмешкой сказал отец. — Ну, хорошо, спасибо за ценную информацию. Разберемся. — И кивнул Горьке: — Пошли.

Когда Горька с отцом скрылся в своем доме, Журка почувствовал, как дрожат у него ноги. И сердце стучит с такой частотой, будто ушел от опасной погони. Ладно, не в этом дело. Все же он успел хоть чем-то помочь бестолковому Горьке. Как он это придумал и как решил побегать следом,

Журка и сам не понял. Когда увидел, с какой покорностью и страхом семенит Горька за отцом, будто сорвалась пружина. Нельзя беспомощно сидеть, когда человека уводят на казнь...

Подошли ребята. Встали рядом с Журкой, помолчали. Он смущенно улыбнулся им: «А что было делать?»

Маленький Вовка Лавенков серьезно сказал:

— Ты его сегодня второй раз спас.

— Еще неизвестно, спас ли, — усмехнулся Митька Бурин.

Егор заметил:

— Все-таки помог... — И спросил у Журки: — Ты что, решил над ним шефство взять? Будешь его из каждой ямы за уши вытаскивать?

Журка не понял, что в этом вопросе: насмешка или одобрение? Он слегка огрызнулся:

— Разве я специально? Так получилось.

В этот момент его окликнули. Папа позвал с крыльца:

— Юрик, поехали в магазин! Там хороший обеденный стол есть!

Журке не очень хотелось в магазин. Лучше бы как следует познакомиться с ребятами, поиграть. Но помочь-то надо. И он побежал за отцом.

В магазине пахло мебельным лаком, сухим деревом и стружкой. Это был праздничный запах новоселий. Блестели полированные дверцы шкафов, горбатились пестрые туловища диванов и кушеток, поднимались под потолок пирамиды коричневых стульев. Тускло светились высокие зеркала.

Стол выбрали сразу. Но папа еще долго бродил в проходах между мебелью, внимательно и неторопливо к ней приглядывался. Потом сказал Журке с короткой усмешкой:

— Между прочим, если запродать твои книжечки, можно было бы обставить квартиру, как дворец Екатерины... Ну, не буду, не буду, не буду! Пошутить нельзя...

Журка надулся и сердито отстал. Начал ходить один.

Он задержался у зеркального шкафа, глянул на себя, сморщил переносицу. Да, лазанья по деревьям и военные засадки не проходят даром. На рубашке пятно, черная ленточка над карманом надорвана, одна пуговица висит на нитке. Ноги в засохших коричневых царапинах, на подбородке тоже

подсохшая блямба — словно кусок ржавчины. Недаром Иринка спросила, когда шли в музей:

— А ты чего сегодня такой... будто сквозь джунгли продирался?

Журка рассказал про Горьку и утренние приключения. Приключения Иринке понравились, а насчет Горьки она удивилась:

— Валохин? Разве вы в одном доме живете?

— В соседних... Я его сегодня с собой звал, когда к тебе пошел, — признался Журка.

— Зачем?

— Ну... как-то нехорошо было одного оставлять. Только он отказался.

— Вот чудак, — отозвалась Иринка. Впрочем, без всякого сожаления.

Они обошли все залы музея — и со старинным оружием, и со скелетом мамонта, и с моделями машин, которые строят на «Сельмаше». А потом условились, что после обеда Иринка зайдет к Журке и они опять придумают что-нибудь интересное...

...Пока папа платил в кассу, пока договаривался о машине, пока добирались домой, прошло около часа. Журка уже беспокоился, что Иринка пришла, а его нет.

Но Иринка еще не приходила. Журка стал прибывать в своей комнате полку для модели подводной лодки. В это время позвонили, и мама крикнула из коридора:

— Журка, к тебе девочка пришла!

Журка уронил на ногу молоток, схватился зашибленную ступню и на одной ноге поскакал в коридор. Иринка увидела его и засмеялась:

— Ты не Журка, ты аист... Пойдем в Исторический сквер! Я покажу, где раньше сторожевые башни стояли, там теперь развалины, как в старинном замке.

Мама, услышав этот разговор, сказала:

— Сударь! При всем уважении к вашей даме я должна напомнить, что вы еще не сходили за хлебом. На ужин ничего не осталось...

— Пфе! Это раз плюнуть, — весело отозвался Журка. — То есть я хотел сказать, что магазин рядом.

— Мы вместе, — предложила Иринка.
 — Лучше посиди и посмотри мои книги, — решил Журка.
 ка. — Помнишь, я рассказывал? Старинные... А я бегом!

КАПРАЛ И КОМПАНИЯ

Журка весело шагал вдоль заросшего газона. Высокая трава шелкала головками по сумке с караваем. Журка смотрел на траву — и вздрогнул, когда перед ним с коротким звоном остановился велосипед.

На асфальт въехал белобрысый парень лет пятнадцати. Журка его узнал: это он сегодня утром спрашивал про Капрала.

Когда вот так сразу загораживают дорогу, это не к добру. Журка попятился и рывком оглянулся. Но сзади стояли двое: один — длиннорукий, с яйцевидной головой, покрытой рыжеватым пухом; другой — чуть постарше Журки, тоненький, темноволосый, с мокрыми красными губами и маслянистыми глазами.

Журка сразу узнал их по рассказам ребят. Это были наверняка Череп и Шкалик. А тот, что с велосипедом, — Студент. Шкалик хихикнул и сказал:

— Поговорить надо.

Журка ощутил, как разливается по всем жилкам противный холодный страх. Никуда не сбежишь, и на улице, как назло, никого. Только у соседних ворот взяты с трехколесным велосипедом две девчонки-дошкольницы.

Журка переборол страх, сделал равнодушное лицо, независимо подал коленкой сумку. Сказал Шкалику:

— Ну говори...

— Не здесь, — объяснил Студент. — Давай к нам в гости зайдем. Это недалеко...

— Вот еще, — хмуро сказал Журка. — Если надо, здесь говорите.

— Здесь неудобно. Пойдем...

— Да не хочу я! — ошетинился Журка.

Шкалик опять хихикнул:

— Тебя разве спрашивают, хочешь ты или нет? Череп...

Череп дотянулся до Журки длинной лапой, цепко ухватил повыше локтя.

— Пусти! — тонко крикнул Журка.

— Стоп...

Это сказал незаметно подошедший высокий паренек — стройный, смуглый, симпатичный. С тонкой полоской усиков над красивыми улыбчивыми губами. Он двумя пальцами взял руку Череп и отцепил ее от Журки.

— Капрал, а он не идет, — обиженно сказал Шкалик.

— Пшел вон, болван, — мягким голосом отозвался Капрал. — Не умеете говорить с человеком. — Он улыбнулся Журке и объяснил: — Воспитываю, воспитываю, а результат нулевой. Ты уж их извини, оборотов.

Шкалик опять захихикал, осекся под взглядом Капрала и стал смотреть в небо. Череп шумно засопел. Студент лениво заметил:

— Поговорить-то все же надо...

— Правильно, надо, — согласился Капрал. — Только по-джентльменски. Без обезьяньих ухваток, как у Череп. — Он ласково взглянул на Журку и предложил: — Может, все же зайдем, побеседуем? А? Есть один вопрос.

— Мне домой надо скорее, — торопливо сказал Журка. — Ждут меня...

— Это же недолго. Минут пять весь разговор. Да ты не бойся, никто тебя не обидит, даю слово.

После этого отказывать было нельзя. Вернее, можно, только это была бы уже полная трусость. Да и какой смысл? Все равно не убежишь. К тому же Капрал, кажется, не обманывал: бить не будут. Журка пожал плечом:

— Ну пошли...

В гараже пахло старым железом, бензином и сырой штукатуркой. Тяжелая половинка ворот закрылась, под потолкам загорелась жидким светом лампочка. Студент поставил к стене велосипед и боком пристроился на его седле. Череп, будто краб, вскарабкался на верстак. Там сидели еще двое парней — класса из восьмого-девятого. Что-то медленно жевали. А Шкалик... Шкалик остановился перед Журкой. Его масляные глаза сузились и стали злыми, как у змеи.

Журка понял, что попался. Он оглянулся на выход. Тяжелое железо ворот не раздвинуть с размаха, поймают. Капрала не было, он отстал по дороге.

Шкалик облизнул губы и спросил с пришептыванием:

— Это ты, гадюка, заложил нас Горькиному папаше?

«Вот дурак я, — тоскливо подумал Журка. — Чего меня сюда понесло?» Что ответить, он не знал, да Шкалик и не ждал ответа. Жесткой ладошкой он коротко ударил Журку по уху. В ухе зазвенело. Журка понял, что это лишь начало, и сжался, закрылся поднятой сумкой.

И в этот миг рванулся в гараж солнечный свет: распахнулась прорезанная в воротах дверца. В дверцу прыгнул Капрал и с тихой яростью спросил:

— Вы что, сявки? Жить надоело?

Шкалика отнесло от Журки на несколько метров. Журка, глотая слезы, сказал Капралу:

— А еще слово давал...

Капрал мягко положил руку на Журкино плечо. Попросил:

— Ты извини.

Потом повернулся к Шкалику, проговорил тихо:

— А ну, иди сюда, мой хороший...

— Ну че... — хмыкнул Шкалик и пошел слабыми шажками.

— Иди, иди...

Когда Шкалик приблизился, Капрал двумя пальцами поднял за подбородок его лицо и сказал Журке:

— Лупи.

— Еще чего... — насупленно отозвался Журка. Бояться он перестал, но ударить беззащитного, закрывшего глаза Шкалика по сморщенному лицу было невозможно. Противно. И вообще нельзя это...

Журка сказал:

— Неохота руки пачкать.

— Ну и правильно, — заметил Капрал. И окликнул: — Череп!

Тот опустил с верстака громадные ботинки. Капрал кивнул на Шкалика и сказал:

— Три.

На верстаке негромко загоготали.

— Ну че... — опять хныкнул Шкалик и опасливо оглянулся на Черепа. Тот косолапо шагнул к нему, вывел на середину гаража, слегка пригнул. Шкалик третий раз сказал:

— Ну че...

Череп тяжелым своим башмаком дал ему пинок. Шкалик не то побежал, не то полетел в дальний угол и головой врезался в кучу рухляди. Он копошился там, пока не услышал нетерпеливый голос Капрала:

— Живей...

Тогда он выбрался и побрел на середину. Капрал поднял растопыренные рогулькой пальцы:

— Еще два.

— Не надо! — с отвращением и отчаянием сказал Журка. — Ну, зачем вы...

— Не надо так не надо, — покладисто проговорил Капрал. — Шкалик, морда, проси прощения у гостя... Ну!

— Я больше не буду, — поспешно пробормотал Шкалик.

— А теперь подальше, — велел Капрал, и Шкалик опять убрался в угол.

— Стул, — сказал Капрал. Студент придвинул Журке расшатанный грязный стул. Журка машинально сел. Шкалик обиженно проговорил издалека:

— А че... Он нас заложил, а мы с ним целоваться должны?

— Правильно заложил, — спокойно откликнулся Капрал. — А с чего ему было молчать? Может, он нам клятву давал? Или мы его друзья? Он своего товарища выручить хотел. Вам бы поучиться этому...

— Ты небось разревелся и домой, — сказал Журка Шкалику. — А его отец, знаешь, как излупил бы за воровство.

— Вот именно, — подтвердил Капрал и сел рядом с Журкой на подвинутый Студентом табурет. — Только ты в одном не прав, Юрик... Юриком тебя зовут? Видишь, все про тебя знаем... В одном ты не прав: не за воровство.

— А за что? — удивился Журка.

— За то, что попался, — печально сказал Капрал. — Понятно?

— Непонятно, — признался Журка.

— А ты погляди вокруг. Можно купить в магазине дубленку? Нельзя. А люди в дубленках на каждом шагу. Можно купить хорошую книгу? Фиг. А познакомься с директором магазина, вон с его мамашей... — Капрал кивнул в сторону

парня на верстаке, — сунь ей подарок, и будет тебе «Королева Марго»... А вот он... — Капрал показал на другого парня, пухлого и веселого, — думаешь, почему такой откормленный? Мама работает в столовой. Скажешь, она в магазине покупает мясо?

— Это не воровство, а равномерная дележка, — отозвался сын столовской работницы.

— Воровство, — сказал Капрал. — Просто оно разное... Вот у Студента его интеллигентный папа на чем погорел? Тихо-мирно брал взяточки у поступающих в институт. А один раз взял да промахнулся — не сумел устроить оболтуса. У того родители расшумелись, дошло до прокуратуры... И пойдет теперь наш Студентик не на папин факультет, а в ПТУ...

— Шиш вам, — отозвался с велосипеда Студент. — Папочка к тому сроку вернется. Да и связи остались.

— Видал? — усмехнулся Капрал. — На завод ему неохота... Хотя на заводе что? Это же самое. Дал мастеру десятку с зарплаты, будет у тебя хороший наряд. Не дал — жуй сухую корку... А сколько добра тащат через проходную! Сколько дач построено за казенный счет!.. А тут несчастный Горька Валохин со своей бутылкой... Преступник! Знаешь, кто его поймал? Некая гражданка Гулявкина, которая в свое время отсидела два года за кражу тканей с текстильного комбината.

— Тебя послушать, так все на свете воры, — ошарашенно сказал Журка.

— Не воры, — объяснил Капрал. — Понимаешь, тут разница теряется между воров и обыкновенным человеком... Вот была у меня в школе классная руководительница. Все про нее: «Ах, какая замечательная, какой показательный класс!» К каждому празднику родительский комитет драл с нас по трояку на подарок. То ей вазу хрустальную, то подписку на Тургенева... А если кто трояка не дал... нет, ругать не будут, только оценочки уже не те. Вот и разберись: подарок или взятка? Воровство или нет? И кругом так, Юрик.

— Нет. Не кругом, — тихо и упрямо сказал Журка.

— Не кругом? Ладно... У тебя отец кто?

— Шофер...

— Да? — почему-то удивился Капрал. — Ну, тем лучше.

Он что, никогда не халтурил? Никому дрова и мебель не возил, пассажиров не подсаживал?

«А правда...» — вдруг подумал Журка. Но тут же сказал:

— Он на тяжелых грузовиках работал, все больше на самосвалах. Какие там пассажиры да мебель? Он на стройках...

— Ну ладно. А домой приезжал на своей машине?

— Ну и что?

— А то. Расход казенного горючего для личных целей.

— У него премии за экономию горючего были, — ответил Журка. — Так что ничего он зря не расходовал.

— Ты мне нравишься, — серьезно сказал Капрал. — Ты идеалист. Знаешь, кто такие идеалисты?

— Приблизительно, — ответил Журка. Он вспомнил, что идеалистом отец как-то называл деда. — Ну и что?

— Ничего. Хорошо. Рад, что познакомились... Ты заходи как-нибудь потолковать. Приятно, когда у собеседника ясная душа.

Журка выжидательно молчал.

— Ну, будь, — сказал Капрал и поднялся. Протянул руку. Журка встал и нерешительно подал свою. Вообще-то по законам чести и рыцарства давать руку Капралу не следовало. Он был явный жулик, хотя и симпатичный. Но Журка дал. Не потому, что испугался. Просто постеснялся обидеть Капрала.

Глядя под ноги, Журка сказал:

— До свидания.

Шагая к дому, Журка размышлял: зачем все-таки Капралу нужен был этот разговор? И что он вообще за человек? Просто «шеф» хулиганской компании? А для чего ему это? Ребята говорили, что он учится в монтажном техникуме, причем неплохо. Играет в каком-то ансамбле. Матери во всем помогает. И вдруг какой-то Череп рядом, какой-то Шкалик, явная шпана...

Журка подошел к воротам. Ворота были старинные — из железной узорчатой решетки. Они со скрипом поворачивались на шарнирах, вделанных в кирпичные столбы. Журка задумчиво прокатился на половинке ворот, соскочил и увидел Горьку. Он с беззаботным видом шагал через двор.

— Эй, Горька! — обрадовался Журка.

Тот подбежал, выжидательно заулыбался.

— Ну... как? — со стеснением спросил Журка. — Обошлось?

Горька слегка поморщился.

— Сперва ничего... А потом все же распахивался и врезал. Но не очень, просто сгоряча. Да и на работу торопился.

Журка вздохнул, будто был виноват.

— Ничего. Теперь пронесло, — успокоил Горька. И сказал откровенно и с удивлением: — Ох и дубина же я был тогда... Ну чего меня дернуло связываться с Капралом? Будто мозги набок...

— А я к нему сейчас в плен попался, — сообщил Журка.

— Как?!

Журка, нервно посмеиваясь, рассказал. А потом добавил:

— Все же непонятный он какой-то. Вроде и не злой...

— Ты ему не верь, — отозвался Горька. — Это он мозги тебе пудрит. Хочет в свою компанию завербовать. Нарочно все подстроил. Шкалика побил за тебя...

— Да зачем я ему нужен?

— Как зачем? — удивился Горька. — Пополняет ряды.

Ему тоже смелые люди нужны.

— Какой же я смелый... — растерянно сказал Журка.

— Со стороны виднее.

— Да ну тебя, — поморщился от неловкости Журка. И, подумав, предложил: — Пойдем ко мне... Только у меня Брандукова... Иринка.

— Ну и что? Пойдем, — охотно сказал Горька.

Иринка в Журкиной комнате вальсировала с Федотом — держала его за лапы и кружила. Федот не сопротивлялся. Увидев Горьку, Иринка не удивилась. Она сказала:

— А, Валохин, привет... Какой ты загорелый! Тоже пойдешь в Исторический сквер?

Горьке было все равно куда идти. Лишь бы с Журкой.

— Пойдет, пойдет, — сказал Журка.

И они пошли.

Стоял безветренный день августа, в солнечном воздухе плыли невесомые пушистые семена. Над большими белыми корпусами в конце квартала подымалось похожее на светлую

гору облако. Оно уже начинало розоветь по-вечернему. Тревоги и заботы длинного дня постепенно отступали. Иринка шла между Журкой и Горькой, рассказывала про соседского дрессированного пуделя Мишку и смеялась, показывая похожие на пилу зубы.

«Хорошо, что мы сюда приехали, — подумал Журка. — И хорошо, что еще три недели каникул».

Часть вторая

КРУШЕНИЕ

СЕНТЯБРЬСКИЕ ДНИ

Первая неделя сентября выдалась дождливая и ветреная. Словно осень хотела напомнить школьникам: побегали, побездельничали — и хватит. Но скоро природа смилостивилась и вернула лето. Теперь оно называлось «бабье лето». Пришли ясные тихие дни — с неподвижными листьями, присыпанными золотистой пылью, со стеклянными паутинками в прозрачном воздухе.

Вера Вячеславовна раздумала заклеивать на зиму окна и каждый день распахивала настезь створки. В теплом воздухе был запах увядающих деревьев, натертого шинами асфальта, политых из шланга цветочных гряд. Ласковое это тепло было непрочным, но все-таки еще летним. По-летнему галдели воробьи, по-летнему шумела малышня на площадке недалеко детского сада, и Журавленок прибежал — тоже летний, веселый, загорелый, такой же, как в первый день, когда появился у Брандуковых. Все в той же рубашке с черной ленточкой над карманом.

Надевать эту рубашку просил Игорь Дмитриевич. Он писал с Журки и с Иринки портрет. Вернее, картину. Называлась она «Качели». Но это пока. Может быть, потом у нее будет название «Друзья» или просто «Лето». Не в этом дело. Дело в том, что картина получалась. Вера Вячеславовна видела, что, когда Игорь берется за эту работу, он забывает обо всем, кроме радости. Забывает о ссоре с начальством в отде-

лении Союза художников, о персональной выставке, которую то назначают, то опять откладывают, о шумном приятеле Иннокентии Заволжском, который мнит себя знаменитостью, а думает больше о веселых компаниях и ресторане.

Впрочем, Иннокентию что? Он давно уже член Союза художников, у него своя мастерская, три полотна в местной галерее, выставки чуть не каждый год... А Игорю — работать и работать.

И он работал. С такой ясностью в душе, с такой хорошей улыбкой, с какой до этого писал, пожалуй, только «Путь в неведомое». Еще в начале августа он сделал первые этюды: пошел как-то с Иринкой и Журкой прогуляться в соседний сквер, увидел, как они забрались на качели, и вдруг воскликнул: «Братцы, не уходите отсюда! Я сейчас!» И помчался за этюдником...

В августе он работал прямо в сквере, уговаривал Иринку и Журку позировать ему хотя бы полчаса в день. И они соглашались. Правда, потом Иринка призналась, что Журка очень стеснялся любопытных зрителей, да и она тоже.

А сейчас Игорь писал в своей комнате — в те дневные часы, когда сентябрьское солнце врывается в распахнутое окно. В комнате соорудили перекладину, подвесили самодельные качели — доску на толстых веревках. Иринка садилась на нее, Журка вскакивал, Игорь торопливо брался за кисть. И было хорошо — никаких зрителей, кроме Веры Вячеславовны. Но Вера Вячеславовна видела, что ее не стесняются нисколько...

Холст был высотой больше метра, шириной сантиметров семьдесят. На нем среди солнечной зелени, за которой виднелись крыши и антенны, спокойно висели качели. Иринка в белом платье с синими горошинами сидела, свесив с доски ноги, улыбалась и смотрела вверх — на Журку. Журка стоял, ухватившись за веревку, тянулся вверх и показывал куда-то в небо: то ли на веселых птиц, то ли на самолет. Но смотрел не в высоту, а на Иринку, словно спрашивал: «Видишь? Здорово, да?» В золотистом свете, тоненький, легкий, на прямых напружиненных ногах, он сам был как лучик, отраженный осколком зеркала с земли в небо.

И в Иринке, и в Журке была беззаботность и в то же

время какая-то беззащитность. И, глядя на картину, Вера Вячеславовна каждый раз со шемящей нежностью и тревогой вспоминала голубую жилку, которую, кажется, можно перебить даже травинкой...

На первый взгляд картина была готова. Но Игорь продолжал работать, трогая бликами листья, солнечными точками — ребячьи волосы, зеленым сумраком — тени в кустах. Тонко выписал сухой стебелек, застрявший под погончиком Журкиной рубашки, и крылатое семечко клена, упавшее Иринке на платье.

Один раз Вера Вячеславовна робко намекнула, что, может быть, стоит уже оставить картину. А то можно «зализать» и «пересушить». Однако Игорь нетерпеливо мотнул головой и с осторожной ласковостью спросил у Журки:

— Завтра заглянешь, Журавлик? А то скоро солнце будет уже не то...

Вера Вячеславовна думала, что Игорю просто жаль расставаться с этой работой. Но, может быть, он был и прав, когда говорил, что картина не закончена. Художнику виднее. Никому из посторонних Игорь полотно не показывал, даже Иннокентия решительно прогнал с порога своей комнаты.

— Ну-ну, значит, шедевр создаешь, — обиженно басил тот. — Хочешь поразить ценителей очередным взлетом... Верю и одобряю. А только отдых тоже необходим для творческой личности. Зашел бы ко мне, посмотрел бы мои работы, я не таюсь. Обсудили бы кое-что, посидели...

— Иди, иди, Кеша, — шепотом сказала Вера Вячеславовна, потому что с улицы на третий этаж донеслось знакомое шелканье кроссовок по асфальту: это опять мчался к Брандуковому Журка.

Вера Вячеславовна видела, что ни Журку, ни Иринку не утомляют эти «сеансы живописи». Игорь не заставлял ребят замирать в нужных позах, не ворчал, когда они баловались и раскачивали доску. Он работал быстро, легко схватывая мгновенные движения света и красок.

У Веры Вячеславовны был отпуск. Радуюсь, что он выпал на эти славные дни, она садилась в углу мастерской, смотрела, как работает муж, и слушала, о чем болтают ребята. А

иногда сама расспрашивала о школьных делах. Спросила однажды, нравится ли Журке школа.

— Да ничего, нравится, — отозвался Журка, покачивая доску. — Такая же, как у нас в Картинске. — Он вдруг засмеялся: — Так же дежурные голосят у дверей: «Где сменная обувь?» И так же столовой пахнет на первом этаже. Будто и не уезжал со старого места.

— По-моему, у вас очень славная классная руководительница, — осторожно заметила Вера Вячеславовна.

— Всякая, — со вздохом проговорила Иринка.

Журка сказал:

— Иногда покрикивает, а так ничего... Зато знаете, что хорошо? Что мы в одном классе. Иринка, я да еще ребята с нашего двора: Саня Лавенков, Митька Бурин, Горька Валохин... Тот, что заходил недавно.

Вера Вячеславовна кивнула. Она помнила мальчика, у которого были коричневые с медным отливом волосы и непонятный взгляд из-под этих волос: настороженный и немного виноватый. Мальчик побыл недолго, обедать отказался и ушел, объяснив, что дома «куча дел». На пороге он обернулся и спросил у Журки:

— Я вечером зайду к тебе, ладно?

— Конечно! — откликнулся Журка.

И тогда мальчик улыбнулся. Улыбка была не похожа на его взгляд — короткая, но доверчивая.

— Вы что, по вечерам вместе уроки делаете? — чуть-чуть ревниво спросила Иринка, когда мальчик ушел. Журка сказал беззаботно:

— Нет, я их еще днем успеваю сделать. Задают-то, сама знаешь, всего ничего...

Задавали и правда пока немного. Журка делал уроки буквально за полчаса, а вечером зарывался в дедушкины книги. Одни из них были интересные, и Журка читал их подряд. Некоторые казались скучноватыми, но Журка все равно перелистывал их: разглядывал старинные пометки на полях, иллюстрации, виньетки, читал отдельные страницы. И знал, что когда-нибудь и эти книги прочитает всерьез. А пока они радовали его даже непрочитанные. Они были как загадочные гости из далеких времен. В каждой из них таилась не-

спокойная и громадная жизнь. Даже в таких непонятных, как, например, «Сочинение об описи морских берегов Г. Менкензия». «Сочинение» было издано при Морском кадетском корпусе в 1836 году. Книга эта, наверно, побывала в экспедициях на парусных фрегатах, которые искали незнакомые берега. А может быть, ее читали знаменитые адмиралы — Нахимов, Невельской, Беллинсгаузен, Литке?

Журка открывал наугад страницы, и там среди сухих наставлений и схем попадались слова, которые пахнут джунглями и соленым прибоем:

«Если и не принять в уважение недостаток самого барометра... то при всем том способ измерения при помощи сего инструмента не может удобно употреблен быть в таковых путешествиях, поелику в неизвестных, мало населенных и большей частию еще диких странах едва только можно найти тропинку на ровном месте, а тем паче еще обрести через ущелья и леса дорогу на вершину никогда не посещенной горы...»

Листаешь желтую шероховатую бумагу, и будто сам идешь на валкой шлюпке у полосы прибоя, и пена летит через борт, хлещет по высоким ботфортам, и соленые капельки оседают на выпуклом стекле медной подзорной трубы. А за бурунами — берег незнакомой страны с непроглядной чашей дикого леса. Что там, в этой чаше? Развалины древних городов? Неизвестные звери и птицы? Отравленные стрелы острого африканского племени?..

О мальчишке из такого племени Журка читал несколько вечеров подряд. Книга была небольшого размера, но пухлая. В потрескавшихся кожаных корках. Рядом с титульным листом — портрет молодого негра в камзоле. Негр был похож на арапа Петра Первого — Ганнибала (Журка видел его портрет в журнале со статьей про Пушкина). Название книги было таким длинным, что заняло целый лист: «Жизнь Олаудаха Экиано, или Густава Вазы Африканского, родившегося в 1745 году, им самим написанная; содержащая историю его воспитания между Африканскими народами; похищение; невольничество; мучения, претерпенные им в Вест-Индийских Плантациях; приключения, случившиеся с ним в разных частях света...» И так далее. Журка даже не дочитал на-

звание до конца, потому что какой смысл? В нем пересказывается все содержание. Лучше уж читать саму книжку.

История Олаудаха Экиано оказалась интересной, читалась легко, потому что старинные буквы были большими, как в букваре, а ко всяким «ятям», «фитам» и твердым знакам чуть не в каждом слове Журка привык и не обращал на них внимания...

Мальчишку из дикого племени похитили и продали в рабство другому, более сильному африканскому народу, а потом европейцам. Много пришлось вынести ему горя. Капитан, которого Олаудах считал своим другом и покровителем, предал его: снова продал в рабство — в самое страшное, американским плантаторам.

Всякие беды испытал Олаудах Экиано, прозванный европейцами Густавом Вазой. Побывал в плаваниях и морских битвах, хлебнул всяких приключений, прежде чем добился свободы. Да и что это была за свобода! Несколько раз его снова пытались превратить в раба — потому что черный. Морское дело он знал не хуже капитанов, но сделаться капитаном так и не смог, стал цирюльником. Но это было не главное его занятие. Главное — он старался помочь рабам. Правда, он не призывал к восстанию, он верил, что его поймет и спасет невольников английская королева и «добрые» английские лорды. Но что делать, это был восемнадцатый век. Сейчас-то любому пятикласснику ясно, что глупо надеяться на королев и сенаторов, а тогда еще надеялись даже взрослые серьезные люди.

Конец у книжки был невеселый. Негры, которым Олаудах помог вернуться на корабле в Африку, погибли от голода и дождей на пустынных берегах Сьерра-Леоне. Тогда Олаудах написал королеве письмо с просьбой обратить милостивый взор на страдания невольников. Смешной надеждой на эту милость и заканчивалась книга. Но не это в ней было основное. Главное — приключения Олаудаха и как он добивался свободы, чтобы помочь другим неграм. И еще — ненависть к рабству, которая так и рвалась из старинных и вроде бы медленных фраз...

Даже непонятно, как напечатали такую книжку в России в 1794 году, при царице Екатерине Второй. Мама рассказы-

вала, что в это же время в России жил писатель Радищев, который выпустил книжку против крепостного права, и его заковали в кандалы и сослали в Сибирь. А «Жизнь Олаудаха Экиано» — это тоже против угнетения. Или царица считала, что лишь бы не задевали рабство в своей стране, а про границу пускай печатают, все равно никто не поймет? Ну и дура, значит, она была. Рабы везде рабы, а свобода везде свобода...

Журка долго разговаривал про это с мамой, и она с ним согласилась. Но потом сказала:

— Совсем ты в этих старых книгах утонул. Почитал бы что-нибудь другое...

— Угу, — покладисто отозвался Журка. Но по-прежнему сидел каждый вечер с дедушкиными книгами.

Зато «другие» книги охотно читали Журкины приятели. Еще в самом начале знакомства Егор сказал Журке:

— Твой дед нам всегда книжки давал, мы к нему будто в библиотеку ходили. А сейчас как?

— И сейчас так же, — твердо ответил Журка. А дома передал этот разговор маме и папе. Мама сказала, что, конечно, пусть ребята приходят, надо только завести тетрадку и записывать, кто какие книги взял, чтобы не было путаницы. Папа хмыкнул и заметил, что теперь «прошай, книжечки». Но возражать не стал.

К тому же в начале сентября папа уехал. Только успел поступить на работу, и его сразу послали в колхоз на уборку урожая.

Ребята на тетрадку не обиделись. Сказали, что Юрий Григорьевич тоже записывал читателей, только не в тетради, а прямо на обоях (теперь этих записей не было, недавно стены оклеили заново).

Чаще всех приходил Егор Гладков. Он не то, что другие — читал не только Дюма и Стівенсона. Он брал стихи Блока и Маяковского, романы Алексея Толстого и Шолохова. И вообще Егор был взрослее, чем показался Журке при первом знакомстве. Учился он уже в восьмом классе.

Над осторожной Горькиной дружбой с Журкой Егор больше не посмеивался. Видно, понял, что не его это дело.

Горька приходил обычно по вечерам. Иногда через

дверь, иногда через окно (застегнув широкий страховочный пояс). Он был не очень разговорчив и... почти не мешал Журке возиться с книгами. Тоже брал какую-нибудь книжку — обычно с картинками — и листал в уголке, изредка поглядывая из-под волос на Журку.

В такие вечера было спокойно и тихо. Шелестели страницы да в соседней комнате уютно стучала пишущая машинка. Мама недавно стала работать в машбюро областной редакции и кое-какие материалы брала для перепечатки домой...

Один раз Горька попросился переночевать. Сказал, что отец на работе, а к маме приехала сестра из деревни, и они полночи будут вести разговоры о родственниках, спать не дадут. Горьке поставили раскладушку рядом с Журкиной тахтой. Горька вытянулся под одеялом, помолчал, закрыв глаза, и вдруг проговорил с усмешкой:

— Как в старые времена.

— В какие? — не понял Журка.

— Как при Юрии Григорьевиче... Только он всегда сиделся на подоконник и курил. У самой форточки, чтобы дым в нее шел.

Журке показалось, что в Горькиных словах есть какой-то глубоко спрятанный упрек, и он сказал со сдержанной досадой:

— Ну, уж тут я ничем помочь не могу. Сам знаешь, курить не научился.

— И не надо. Ты и без этого хорош, — ответил Горька так серьезно, что Журка смутился. Потянул с полки второй том «Путешествия на шлюпе «Камчатка» капитана Головнина (Санкт-Петербург, при Морской типографии, 1819 год)» и сердито раскрыл наугад.

А Горьке на этот раз, кажется, хотелось поговорить. Он спросил:

— Ты к политинформации подготовился?

— А чего к ней готовиться? — откликнулся Журка. — Газеты посмотрел. Все равно ничего нового. В Африке воюют, в Южной Америке воюют, в Италии вокзалы взрывают, в Ирландии по демонстрациям стреляют. Израиль опять лезет на всех и бомбит... Даже тошно. Телевизор смотришь — там тоже: бах, бах! Иногда думаешь: взрослые люди, а чем зани-

маются. Будто на земле другого дела нет, как друг друга стрелять и резать.

— Люди всегда воевали. Еще с древних времен, — сказал Горька наставительно.

— Ну, вот именно. И до сих пор не поумнели... Когда один человек умирает, и то сколько горя. А тут сразу — трах, трах! — целые тысячи. Или даже миллионы...

— А если война справедливая! Если на тебя нападают!

— Вот я и говорю про тех, кто нападает. Чего им надо? Психи какие-то... Если «Синие молнии» и «Тигры» воюют, это ладно, потому что понарошку. Для интереса... Да и то, когда тебя расстреливать повели, ты вон как заметался. А если по правде?

— Чего ты такие разговоры сегодня завел? — недовольно сказал Горька.

— А ты сам спросил про политинформацию... Тебе хорошо, готовиться не надо. А я уже третий раз. И зачем только Маргарита меня политинформатором назначила...

— Потому что рассказываешь интересно.

— А я больше не буду интересно... Надо по очереди, а она все на меня. Пионерское поручение! Если по правилам, то классный руководитель не имеет права пионерские поручения давать, он ведь не вожатый. Нам это еще в третьем классе объясняли.

Горька сказал с коротким зевком:

— С Маргаритой мы еще хлебнем.

— Ну уж, хлебнем, — заступился Журка. — Обыкновенная. Как все учителя... Вот Виктор Борисович — тот в самом деле вредный. Как заорет...

Журка даже поехал, вспомнив завуча Виктора Борисовича — сухого, с аккуратным пробором и маленьким ртом, съезженным, как высохшая розочка.

— Витенька — просто псих, — сказал Горька. — Маргарита хуже.

— Почему?

— Сам увидишь.

— Ты на нее злишься, что не дала нам на одну парту сесть, — проницательно заметил Журка.

— Ну и злюсь... Ты-то, конечно, не злишься. Тебе с Ирой — в самый раз.

— Я же не виноват, что у Маргариты такое правило: мальчик с девочкой, — недовольно сказал Журка.

— Дурацкое правило. Как в первом классе... Да еще в каждом кабинете проверяет: все ли на своих местах... Да ладно, мне и с Лидкой Синявиной неплохо. Не ябедничает, если подеремся, и списывать дает... А Ирка тебе не надоедает?

— Как это? — удивился Журка.

— Ну как... Полдня за одной партой, да потом ты еще дома у нее торчишь...

— Я не торчу, а делом занят, — хмуро сказал Журка. — Ты же видел, ее папа картину пишет.

— Да уж видел, — вздохнул Горька. — Когда кончит, на выставку пошлет. Небось премию получит. Кучу денег...

— Балда ты, — отгрызнулся Журка. — Он о деньгах и не думает. Если хочешь знать, ему за «Путь в неведомое» восемьсот рублей предлагали. А он все равно не продал, хотя дома ни рубля денег не было. Мне Иринка рассказывала...

— Он что, святой такой? Или решил, что мало дали?

Журка оторвался от «Путешествия на «Камчатке», вздохнул и медленно спросил:

— Слушай, ну почему ты про всех всегда говоришь плохое?

Горька помолчал, будто испугался. Потом сказал, то ли дурачась, то ли по правде:

— Да вот так уж... Наверно, потому что про меня никто хорошее не говорит.

«А может, в самом деле?» — растерянно подумал Журка. И пожалел Горьку. И решил сказать ему что-нибудь хорошее. Но Горька продолжал говорить сам:

— А картина мне здорово понравилась. Вы там на ней такие...

— Какие?

— Ну... в общем, видно, как вам хорошо друг с другом...

Журка усмехнулся:

— Ты еще подразнишь: «Жених и невеста».

— Что я, совсем спятил? — сказал Горька и натянул до носа одеяло.

«Обиделся», — с тревогой подумал Журка.

Но Горька не обиделся. Он не мог обижаться на Журку. Он был привязан к Журке гораздо сильнее, чем это можно было заметить со стороны. Своей привязанности он стеснялся не только перед другими, но даже перед собой. Конечно, разве он был достоин Журкиной дружбы? Журка был умнее, храбрее, честнее. Горька завидовал той смелой ясности, с какой Журка смотрел на людей. Ему, Горьке, никогда не сделаться таким. Хорошо хотя бы то, что Журка не отталкивает его...

Недавно в старом «Огоньке» Горька наткнулся на цветной портрет мальчишки и вздрогнул. Потом прочитал: «Художник Тропинин. Портрет сына». В сыне художника не было явного сходства с Журкой, но в повороте головы, во взгляде Горька почувствовал что-то очень знакомое. Он вырезал портрет и приколотил кнопками в своем уголке над расписанием уроков.

Повесить Журкину фотографию он не решился бы. А так что? Просто картинка.

...Горька откинул одеяло, прошлепал к Журке и сел на краешек тахты.

— Что читаешь?

Журка молча показал титульный лист.

— Интересно? — спросил Горька.

— Ага...

— А почитай вслух.

— Я не по порядку, просто листаю. Тут всякие штурманские наблюдения...

— Ну все равно.

Горьке в самом деле было все равно. Просто хорошо, если они будут сидеть вместе, и Журка для него, для Горьки, станет читать свою мудреную книгу. Хоть про что...

— Давай, — охотно сказал Журка. Они устроились рядышком, привалились к спинке тахты, укрылись одним одеялом, и Журка перевернул страницу.

— ...«Двадцать второго числа в полдень по наблюдениям место наше было в широте четыре градуса двадцать шесть минут сорок восемь секунд, в долготе сто пятьдесят градусов ноль-ноль минут восемнадцать секунд; тогда до захождения

Солнца дул ровный ветер, а потом стал затихать, и по горизонту сделалось очень облачно; к северу мы видели один раз блеснувшую молнию, а в одиннадцатом часу ночи показался весьма необыкновенный метеор; я сам наверху тогда не был, но вахтенные офицеры сделали ему следующее описание: «В половине одиннадцатого часа к норд-норд-весту приметили большой светлый шар, опускающийся к горизонту, который был виден секунд пять, потом исчез, разлив свет по всему небу...»

ВСТРЕЧА

Школа стояла в Крутом переулке между улицами Парковой и Мира. До Иркиного дома и до Журкиного от школы было три с половиной квартала. Только Иринке в одну сторону, а Журке — в другую.

В школу Журка шел с Горькой, с Митькой Буриным и братьями Лавенковыми. Иринка — со Светой Гарановой и Димой Телегиным. А из школы Иринка и Журка выходили вместе. Шли по Крутому переулку до троллейбусной остановки. Была у Иринки причуда: из школы домой добираться только на троллейбусе. Тут и пешком-то пять минут, но Иринка говорила с капризной ноткой:

— Я так с первого класса привыкла. Трудно тебе, что ли, проводить?

Журке было нетрудно. К тому же он знал, что у человека могут быть всякие свои привычки и приметы. Например, сам он, шагая по асфальту, старался не наступать на трещины. А если встречался на улице очень большой пес, надо было тихонько свистнуть и посмотреть на него через колечко, сложенное из пальцев. Чтобы не было какой-нибудь неприятности. Конечно, Журка понимал, что все это ерунда. Но, может быть, не совсем ерунда. Может быть, это осталось в крови от далеких предков, которые ходили в шкурах по скалам и ледникам и старались приручить диких животных. Тогда каждая трещинка могла оказаться опасной, а зверя нужно было заранее остановить взглядом. И почему теперь не вспомнить старый обычай, если это нужно для спокойствия души?

Может быть, и у Иринки есть какая-то примета, и троллейбус ей необходим для хорошего настроения...

Никакой приметы насчет троллейбуса у Иринки не было. Просто ей нравилось идти с Журкой. Хотя бы до остановки. В троллейбусе Иринка прилипла носом к заднему стеклу и смотрела, как Журка машет ей портфелем, а потом убегает, прыгая через черные трещины на желтом от солнца асфальте.

Она знала, что Журка сейчас прибежит домой, кинет в угол портфель, торопливо переоденется, проглотит оставленный мамой обед, покормит Федота и тут же опять помчится к ней, к Иринке. Потому что папа хочет закончить картину, пока сентябрь дарит последние летние деньки.

Через дверь Журка выходить не станет, а вылетит из квартиры через окно — на веревке с поясом. Мамы у него дома нет, и никто не будет вздыхать и говорить о глупом риске. Журка перелетит на тополь, съедет по стволу на землю, за несколько минут промчится из конца в конец Парковой улицы — и вот он. Стоит в дверях, весело морщит переносицу.

— Здравствуйте! Быстро я, да?

— Ну, молодчина! — обрадуется папа. — Давайте начнем. Я тут и без вас кое-что сделал, а теперь — вместе...

Вместе — это хорошо. Казалось бы, что интересного сидеть целый час на подвешенной доске? А на самом деле — весело. Потому что сидишь и о чем угодно разговариваешь. Разные истории рассказываешь. Папа — о том, как смотрел в детстве трофейные фильмы про пиратов и дикаря Тарзана. Иринка — про то, как брат Виктор учил ее стрелять из лука и возил на велосипеде в лес (и как они там один раз надолго заблудились). Журка — про «витязей», про то, как в раннем детстве сочинял стихи и как был канатоходцем в цирке, который ребята устроили у них во дворе, в Картинске (два дня голова гудела, думали, что сотрясение). Он так весело всегда рассказывал! Переносицу сморщит и сам над собой посмеивается...

Но, если даже все молчали, все равно было хорошо. Просто потому, что тут Журка... Иногда, застеснявшись таких мыслей, Иринка говорила капризно:

— Папа, ты нас совсем замучил! Эта доска мне уже в кошмарах снится.

— Ришка, не кокетничай, — добродушно отзывался папа. Она вскакивала.

— Кто кокетничает? Не могу я больше. Все!

— Ну, началось. Характер показываем, — спокойно говорил папа. — Журка, ты устал?

— Ничуть. И она тоже... Просто у нее сегодня «пфыкательное» настроение.

— Какое, какое?! — взвизывалась Иринка. А папа говорил с удовольствием:

— «Пфыкательное!» Прекрасный термин.

Иринка пфыкала и садилась на доску, надув губы. А Журка смеялся. Тогда она тоже начинала смеяться, но сперва говорила Журке:

— Двое на одну! Эх ты, а еще витязь...

В субботу, когда шли к остановке, Журка вдруг замолчал на полуслове. Остановился. Иринка даже испугалась: он с непонятным лицом смотрел куда-то в сторону. Потом бросил у ее ног свой портфель и закричал:

— Лидия Сергеевна!

И побежал за женщиной, которая сошла с троллейбуса.

Та обернулась.

А Журка мчался к ней, раскинув руки, будто хотел обнять с разбега. Так бегут к маме, которая вернулась домой из долгой поездки. Правда, он все же не стал обнимать, в последний момент затормозил, остановился перед женщиной, сказал с радостным придыханием:

— Лидия Сергеевна... Правда, вы...

Она обрадовалась так же сильно:

— Журавин! Юрик!.. Надо же! Откуда ты здесь, Журавлик?

— Я переехал... недавно... А вы?

— А я еще в прошлом году. Сразу, как с вами попрощалась. Мужа перевели, вот и я... Теперь я опять студентка.

— Как студентка?

— Очень просто. Я же раньше педучилище кончила, а сейчас учусь в институте. А то ведь что получалось! Три года проучила вас, а потом отбирают, потому что после училища

можно работать только в начальной школе... А я больше так не хочу. Пускай с первого класса по десятый... Ох, Журавлик ты мой, как я рада тебя видеть!

Она притянула его за плечи, прижала к себе. И он, кажется, чуть не замурлыкал от удовольствия. В самом деле!

Иринка, подобрав Журкин портфель, подошла и теперь стояла в трех шагах. Журка наконец оглянулся на нее.

— Лидия Сергеевна! Это Иринка! Моя... мой товарищ. Мы на одной парте... Иринка, это Лидия Сергеевна. Ты знаешь, я рассказывал.

— Я догадалась. Здравствуйте, — сказала Иринка, стараясь не очень показывать досаду. А досада была оттого, что Журка так стремительно забыл про все на свете (и про нее, про Иринку), бросил портфель, кинулся как сумасшедший. И еще оттого, что Лидия Сергеевна была совсем не такой, какой представляла ее Иринка. Невысокая, даже низенькая, толстоватая, с несовременной прической — какие-то рыжеватые кудряшки.

— Пойдемте ко мне в гости, — тут же предложила Лидия Сергеевна. — Я недалеко живу, на улице Кирова.

Иринка бросила на Журку быстрый взгляд. Он, кажется, понял. Сказал огорченно:

— Ой, сейчас нельзя, Лидия Сергеевна, у нас дело важное. Но я обязательно! Скоро!

«Я», — опять ревниво подумала Иринка. И отвернулась. Журка, все еще светясь от радости, записал адрес, и они распрощались.

Стали ждать троллейбуса. Иринка молчала. Журка наконец спросил:

— Ты чего надутая?

— Я? — сказала она. — Ничуть... Просто я испугалась: ты так сорвался куда-то...

— Но это же Лидия Сергеевна...

— Да поняла я, поняла... Только я удивилась.

— Почему?

— Ну... — Иринка замялась, но удержаться не смогла: — Я думала, что она красавица, а она...

— Что «она»? — слегка насторожился Журка.

— Да ничего. Но... обыкновенная.

Журка не обиделся.

— Не все ли равно, красавица или нет, — сказал он задумчиво, будто что-то хорошее вспомнил. — Тут даже глупо так говорить...

— Почему же глупо? Для женщины внешность — это очень важно.

Журка подумал и серьезно разъяснил:

— Ты же про свою маму не думаешь, красавица она или нет. Просто она есть, вот и все...

— Сравни! Мама у каждого одна, а учителей вон сколько.

— Лидия Сергеевна тоже одна, — отозвался Журка. — Ты просто не понимаешь...

Иринка хотела сказать, что где уж ей понимать такие сложности, но Журка перебил:

— Вон «шестерка» идет... Ну, пока. Через час я приду.

Будто ничего не случилось...

Журка не понял, отчего Иринка надулась, и не очень на это обратил внимание. Он слишком радовался встрече с Лидией Сергеевной. В самом прекрасном настроении он прибежал домой и с таким же настроением через час отправился к Иринке.

Она встретила его внизу, у подъезда. Глядя мимо Журки, хмуро сказала:

— Не получится сегодня работа...

Журка наконец сообразил:

— Слушай! Ты на меня разозлилась, что ли? За что? Ничего я не понимаю!

Иринка посмотрела виновато, почти со слезами.

— Разве в этом дело? У папы неприятности...

— А что случилось?

— Да... все то же... — горько сказала Иринка, и Журка вдруг подумал, что ее голос очень похож на голос Веры Вячеславовны. — Опять у него с выставкой... Совсем уже назначили, а теперь переносят на будущий год... Ну, он расстроился. Сидит, ругает киношников. Если уж он начал про киношников, значит, не до работы ему. Как бы опять сердце не заболело. Зимой и так целый месяц в больнице лежал...

— А что за киношники? — скованно спросил Журка.

— Так он их называет... двух своих врагов. Он говорит, что они свои картины с экрана срисовывают.

— Прямо в кино? — удивился Журка.

— Нет. Возьмут киножурнал, где строители или сталевары показаны, выберут подходящий кадр — и у себя в мастерской на экран через фильмоскоп. А потом обводят, раскрашивают. Раз, два — и картина готова. Можно хоть во всю стену...

— Разве так бывает? — недоверчиво сказал Журка.

— Значит, бывает... Папа горячий, несдержанный, но он никогда не обманывает. И всегда говорит, что думает. Как с размаха... Мама его за это сколько раз ругала...

Журка подавленно молчал. Как он мог помочь Иринке и ее отцу? И кто тут может помочь?

Журка и раньше знал, что бывают дома у Иринки грустные дни. Но у кого их не бывает? К тому же слышал об этом он лишь намеками и не очень тревожился.

При Журке Игорь Дмитриевич всегда был веселый, бодрый, готовый к работе. И не верилось, что когда-то он бывает не таким.

Журке Иринкин папа очень нравился. Стройный, похожий на дирижера, который вот-вот взмахнет палочкой и начнет озорную музыку. Он и кистью взмахивал, как дирижерской палочкой. У него были длинные пальцы и узкие загорелые запястья. И была в этих тонких руках большая сила. Однажды Игорь Дмитриевич взметнул в воздух Журку, чтобы поставить на качели, и Журка зажмурился от неожиданного ощущения: показалось, что его подхватили руки деда.

— Ты что, испугался, птаха?

— Не-е... — сказал Журка. Засмеялся и открыл глаза.

Игорь Дмитриевич тоже засмеялся. Волосы у него с густой сединой, а лицо совсем не старое. Оно было красивым и могло бы показаться строгим, если бы не рот. Большой улыбчивый рот словно вырезан из какого-то веселого портрета и не очень точно, чуть наискосок, приклеен на лицо Игоря Дмитриевича. Это рот доброго мальчишки. Впрочем, не только мальчишки. Потому что у Иринки были такие же губы и такая же улыбка (если, конечно, Иринка не дулась).

А сейчас Иринкин рот грустно сжат, и сама она стояла поникшая.

— Он же очень хороший художник! — искренне сказал Журка.

— Хороший, конечно... А в Союз художников который год не принимают. Он там у них на собрании одного начальника прямо при всех «киношником» обозвал. Ну вот, с тех пор...

— И выставку из-за этого отменили?

— Я не знаю... Видишь какое дело, он ведь работает в художественных мастерских, там ему заказ дали — какие-то планшеты для завода рисовать. А он увлекся нашей картиной, заказ вовремя не сдал... Главное, что на заводе-то ничего, согласился подождать, а директор мастерских расшумелся. В выставком пожаловался... А при чем здесь выставка? Это же разные вещи — заказ и картины! Просто у него там друзья...

— У кого? — машинально спросил Журка.

— Да у директора. В выставкоме. Вот они опять и сделали папе гадость...

— А у Игоря Дмитриевича разве нет друзей? Чтобы заступились за него? — сочувственно спросил Журка.

Иринка как-то по-старушечьи махнула рукой. И сказала с сердитой откровенностью:

— А... «друзья». Когда праздник или день рождения, они тут как тут. А если помочь надо, с начальством ссориться не хотят. Разве это настоящие друзья?

Журка грустно усмехнулся:

— А от тех, кто настоящие, тоже никакого проку...

— Где они, настоящие-то? — тихо и печально отозвалась Иринка.

Так же тихо и очень серьезно Журка сказал:

— А я?

Они помолчали. Журка вдруг застеснялся, Иринка, видимо, тоже смутилась. Потом она тряхнула волосами и попросила с хмурым виноватостью:

— Ты уж на меня не сердись...

— За что? — удивился Журка.

— Да за это... Сегодня на остановке...

— Я так ничего и не понял, — сказал Журка.

— Ну и молодец, что не понял. А я дура...

— Да ладно тебе... Пойдем к нам! Мама пирог с яблоками печет.

Иринка покачала головой:

— Нет. Мама сейчас папе капель даст и в постель уложит, а он всегда просит: «Ришка, посиди со мной рядышком». Я уж пойду посижу...

Журка брел от Иринки, пинал перед собой пустую коробку от сигарет «Космос» и думал про Игоря Дмитриевича. И про Иринку: какая она сегодня хмурая и по-взрослому озабоченная.

По правде говоря, в Иринкином разговоре о всех этих выставках, заказах и отцовских недругах Журке почудилось что-то ненатуральное. Будто она повторяла не свои слова. Но тут же он подумал: «Ну и повторяла. А что такого? Слышала, как отец рассказывает, а потом со мной поделилась...» Иринкина тревога об отце была настоящая и большая, Журка это чувствовал, и сам теперь тревожился. Он знал точно, что Игорь Дмитриевич хороший и добрый. Недаром же, когда смотришь на «Путь в неведомое», даже горло начинает шекотать от волнения. Знал он и то, что еще в прошлом году Игорю Дмитриевичу сказали все в том же непонятном выставкоме: «Написано недурно, однако сюжет у вас какой-то странный. Любители живописи ждут от художников, что они отразят современность, а у вас какой-то Грин или Жюль Верн...»

Олухи, честное слово!.. Только бы Игорь Дмитриевич не расстроился слишком сильно и не заболел. А то больше не будет хороших минут и веселых разговоров в солнечной комнате с качелями. Лето совсем-совсем скоро кончится...

И словно в доказательство близкой осени пахнул из-за угла холодный ветер. Неожиданный и резкий. Угнал в канаву сигаретную коробку, хлестнул по ногам колючей пылью и мусором, запорошил глаза. Серая тучка набежала на солнце.

Журка моментально озяб. Но назло ветру и назло всем печальным мыслям решил, что домой не пойдет, а, раз уж есть свободное время, забежит сейчас к Лидии Сергеевне. Потому что улица Кирова в двух кварталах.

Эта мысль улучшила Журкино настроение. Он подумал, что у Игоря Дмитриевича, может быть, скоро все наладится, зашагал быстрее, согрелся на ходу и к дому Лидии Сергеевны подошел совсем весело.

Дом был новый, девятиэтажный.

Лидия Сергеевна стояла на площадке второго этажа. Держала свернутый половик и «выбивалку».

— Ой, Журка! А почему ты сверху бежишь?

— Я прокатился на лифте до девятого этажа! — радостно признался Журка. — А там меня прогнала из кабины какая-то старуха... Жалко ей, что ли? Я на лифте всего третий раз в жизни ехал.

— Какой ты молодчина, что пришел!

— А вы ковер чистить пошли? Давайте я выколочу!

— Я уже. Пойдем к нам...

В прихожей их встретил круглощекий большеглазый пацаненок лет четырех. Лохматый и серьезный.

— Ой, это Максимка? — удивился Журка. — Здравствуй, Максим. Какая ты громадина...

— Здрахствуй, — ответствовал Максим, задрав голову. — Ты тоже гхромадина. Ты кто?

— Это Юрик Журавин, он к нам в прошлом году приходил, — объяснила Лидия Сергеевна. — Но ты не помнишь...

— Не помню, — согласился Максим. — Я тогда был маленький, а их много было. Целая пхихва.

— Что за выражения, — сказала Максимкина мама, а Журка засмеялся:

— Ты такой большой, а почему букву «эр» не научился говорить?

— Стахаюсь, — сообщил Максим.

— Он не старается, он лентяй, — сказала Лидия Сергеевна, подтолкнула Максимку к двери, и все вошли в комнату.

У окна сидел и копался в транзисторном магнитофоне Валерий Михайлович, муж Лидии Сергеевны. Он был очень серьезным, даже угрюмым человеком. Вернее, таким его считали те, кто плохо знал. Но витязи-то его знали хорошо. Он всех их перекатал на своих широких плечах, каждому сделал покрытый серебряной краской меч, многих мальчишек научил мастерить из бумажных листов самолеты хитрой кон-

струкции (потом ему за это попало от Лидии Сергеевны, потому что самолеты часто взлетали из-под парт во время урока).

Валерий Михайлович работал авиационным техником в Картинске на местном аэродромчике, а сейчас, наверно, в большом аэропорту. А может быть, и в другом месте. Он разбирался не только в самолетных моторах, а кажется, во всем на свете. Все, что хочешь, мог смастерить и починить: и деревянный самострел с хитрым спуском, и цветной телевизор...

Работал Валерий Михайлович всегда молча. Он считал, что чем больше человек шевелит языком, тем хуже работает руками. Но не всегда он был молчаливый. Однажды в походе у костра он целый час рассказывал сказку про маленького робота по имени Трикола (три кола — значит, три единицы, номер сто одиннадцать)...

Лидия Сергеевна поставила Журку перед собой и весело сказала:

— Валерий, смотри, кто пришел. Помнишь Журавленка?

Валерий Михайлович поднял голову, глянул из-под наспуленных бровей, вдавил большой палец в ямку на подбородке (такая была у него привычка) и сказал, подумав:

— Я всех помню. Я эту пичугу для Доски почета снимал...

— А вот и перепутал! — засмеялась Лидия Сергеевна. — Для доски ты снимал его друга Рому Светлякова да еще трех девочек...

Она так просто, легко вспомнила о Ромке. Без всякой печали. Ну и правильно, так и надо. Пусть будет, будто Ромка живой...

— А меня вы тоже фотографировали, — сказал Журка. — Для стенгазеты.

— Совершенно верно! — обрадовалась Лидия Сергеевна. — У тебя там еще стихи были! Про Новый год. Как же там? А, вот...

«Ой, не надо», — подумал Журка и слегка покраснел. Но Лидия Сергеевна уже декламировала:

Вот и Новый год пришел,
Всем нам стало хорошо.
Пусть нам вьюга лица лижет,
Лето все же стало ближе...

— Видишь, я запомнила... А сейчас пишешь стихи?

— Нет, что вы, — испугался Журка. — Это я нечаянно тогда сочинил. А с тех пор почти и не пробовал.

Валерий Михайлович встал. Шагнул к Журке:

— Эту газету я тоже помню... Ну, здравствуй. Теперь здесь живешь?

Он протянул Журке громадную пятерню. Журка положил в нее свою ладонь и сказал:

— Мы недавно переехали.

— Ну и молодец. А то Лида у меня тут совсем извелась без ребят.

— Не сочиняй. Мне хватает Максима и тебя. Оба неслухи...

— Женский гнет, — сказал Валерий Михайлович и вернулся к подоконнику.

Лидия Сергеевна усадила Журку, развернула складной стол, сказала, что утром приезжала ее мама, привезла всякого варенья, и сейчас они будут пить чай.

— Ты какое варенье любишь, Журка?

— Всякое, — подал голос Максим, который уже приволок ящик с «констхуктохом» и агитировал Журку строить самолет.

— Я, между прочим, спрашиваю не тебя, а Журку...

Журка посмотрел на Максима, улыбнулся и сказал:

— Всякое...

— Заговорщики.

Пока Журка и Максим свинчивали из дырчатых пластмассовых полосок «кхылья», на столе появились вазочки, блюда и разной величины фаянсовые чашки.

— Журка, помнишь эту? Вы с Ромой всегда из таких пили, из больших, чтобы лишний раз не наливать. Их две было, а потом одна разбилась. Так жаль...

Журка внутренне вздрогнул. Но не сказал ничего, подошел к столу, взял в ладони тяжелую чашку с синим кораблем и надписью «Путешествие Магеллана». Покачал тихонько...

— Устраивайся ближе к варенью, Журка... Эй, мужчины, садитесь!

Они пили чай со «всяким» вареньем и вспоминали свой третий «В». Вспоминали прием в пионеры и последний поход.

— Хороший был поход, — вздохнула Лидия Сергеевна и

улыбнулась Журке глазами: «Ничего, все равно хороший». Она думала, что он до сих пор страдает из-за той истории. Журка сморщил переносицу и спросил:

— Вы никому не говорили?

— Что ты! Никому-никому...

— Смотрите-ка, тайны у них, — заметил Валерий Михайлович.

— Да, представь себе...

— Теперь уже не тайна, — сказал Журка, набравшись смелости. — Теперь можно рассказать. Потому что я себе за то дело, знаете, как отомстил...

И он, качая от смущения ногами и пряча нос в кружку, поведал про экспедицию на кладбище и про Федота. Лидия Сергеевна смешно поехала:

— Ой-ей-ей. Я бы померла от страха. Какой ты отчаянный...

— «Отчаянный», — усмехнулся Журка. — Просто выхода не было. Я подумал: «Что скажу Ромке, когда приедет?»

Чашка грела Журке ладони фаянсовыми боками. Он опять покачал ее и тихо сказал:

— У меня с трещинкой была, а эта без трещинки, Ромкина... Лидия Сергеевна, у вас есть Ромкина фотокарточка? Я давно не видел его...

— Есть, конечно. У меня все ваши есть, я сейчас достану... А у тебя разве нет?

— У меня только общая, где весь класс. Ромка там боком стоит, лицо плохо видно.

— Можно найти хороший негатив и напечатать портрет. У Валерия все фото пленки хранятся... Только снимки-то давно делались, сейчас он подросток, наверно, как и ты. Написал бы ты ему: пусть свежую фотокарточку пришлет... Что с тобой, Журка?

А что? С ним ничего. Осторожно поставил чашку, даже не плеснул на скатерть...

Она ничего не знала. Она уехала из Картинска почти сразу после того похода, и потом никто не написал и не сказал ей о Ромкиной гибели... И сейчас давнее Журкино горе, к которому он привык, для нее оказалось новым и неожиданным.

Наверно, ей хотелось заплакать, но она только сжала губы и минуту или две молча сидела и водила по клеенке блестящей ложечкой. Потом сказала в нависшей тишине:

— Ромка, Ромка... Вот ведь судьба какая... За что людям такое горе?

«Молнии, — хмуро подумал Журка. — Разве они спрашивают?» И тихо объяснил:

— Там поперек дороги проехал самосвал, а из кузова песок сыпался. Получилась такая горка на асфальте, как бархан. Они на нем взлетели, будто на трамплине, перевернулись и в столб... в бетонный...

Валерий Михайлович вдруг встал из-за стола:

— Лидуша, ты в ванную пока не ходи... Максим, пойдем, ты мне поможешь.

Лидия Сергеевна и Журка остались вдвоем. Чаю больше не хотелось. Они сели рядышком на тахте, стали говорить о другом, не о Ромке. Лидия Сергеевна расспрашивала про маму и папу, про здешнюю школу. Журка охотно рассказывал и привинчивал хвостовое оперение к недостроенному Максимкиному самолету. Но разговор шел без прежней веселости. Будто печальный Ромка сидел здесь же в уголке и слушал...

Через полчаса появились Валерий Михайлович и Максимка. Валерий Михайлович положил Журке на колени большую, с четверть газетного листа, фотографию. Она была только что отпечатанная, горячая от глянцевателя.

Веселый Ромка смотрел со снимка мимо Журки, куда-то вдаль и немного вверх. Будто следил за улетающей птицей. Но казалось, что он сейчас шевельнет глазами, встретится взглядом с Журкой — зрочки в зрочки.

Потому что он был совсем живой. Чудилось, что губы его все сильнее растягиваются в улыбку, а раскиданные ветром легкие волосы шевелятся.

Снимок был сделан не для Доски почета, а гораздо позже. Ромка уже в пионерском галстуке, а за плечами у него видны ветки с молоденькими листьями.

— Это когда в пионеры принимали? — спросил Журка.

— Да, — сказала Лидия Сергеевна. — Валерий хотел каждому сделать портрет на память, да не успел проявить и напе-

чатать. Жили-то мы, помнишь, в каком доме? Ни крана с водой, ни уголка, чтобы увеличитель пристроить...

Ромка улыбался — такой знакомый: со старым шрамом над левой бровью, с постоянной трещинкой на верхней губе (он всегда ее трогал языком), с темным квадратиком пустоты на месте выпавшего зуба...

— Вы даже не знаете, какое громадное спасибо, — шепотом сказал Журка.

На улице Журку опять ударил осенний ветер. Серые быстрые облака то и дело закрывали солнце. Сорванные с тополей листья горизонтально летели навстречу и подсохшими краями чиркали по Журкиному лицу. Царапающий холод забрался под вздувшуюся рубашку... Однако Журка не пошел сразу домой. Он заскочил по дороге в книжный магазинчик. Там в застекленной витрине среди брошюр и атласов были выставлены эстампы — оттиски рисунков и гравюр в тонких металлических рамках. На каждом ярлычок с ценой.

В застегнутом кармашке с черной ленточкой у Журки лежали три рубля. Он давно их носил с собой: все надеялся найти в магазинах акварельные краски «Нева». А сейчас купил эстамп «Березки». Березки как березки — еще голые, апрельские, над мокрой полянкой под бледно-голубым небом. Все это Журку не интересовало. Ему нужна была рамка со стеклом.

Дома Журка отогнул зажимы на жестяных угольничках и вставил Ромкину фотографию. Она подошла почти точно, только сбоку пришлось чуть-чуть подрезать. Журка привязал к рамке шнурок от старых ботинок, вбил над постелью гвоздь, повесил снимок.

Отошел немного, посмотрел. Получилось здорово. Красиво. Аккуратно так. Только...

Только как-то не так. Слишком уж аккуратно. Как в музее. Стекло отгородило Ромку от Журки. От нынешнего дня. От жизни.

Журка испугался. Он торопливо разобрал рамку, выхватил снимок, двумя кнопками кое-как приколол к обоям.

И стало все как надо, честное слово! Фотография опять сделалась живой. Будто Ромка сам только что прибежал с улицы, размахивая этой карточкой:

— Хочешь, подарю?

И они вдвоем, дурачась и веселясь, пришили ее к стенке...

На тахту, длинно мурлыкнув, прыгнул Федот.

— Зачем пришел, усатый лентяй? — сказал Журка. — Смотри, это Ромка... Если бы не он, я бы ни за что не пошел бы тогда на кладбище. И никто бы тебя, глупого, не спас. Так что имей в виду...

Федот зажмурился и зевнул.

Ромка смеялся, глядя вслед улетающей птице.

...А «Березки» Журка опять вставил под стекло и повесил в большой комнате. Пускай напоминают о весне, когда за окнами осень.

ДЕТЕКТИВНАЯ ИСТОРИЯ

За окнами набухало пасмурным светом октябрьское утро, но в классе еще горели лампы. Журка стоял у доски и рассказывал о негритянских волнениях в Алабаме. Он говорил о пожарах и стрельбе, но слушали не все. Кое-кто дремал, потому что не доспал, торопясь на политинформацию. Кое-кто украдкой, чтобы не увидела Маргарита Васильевна, готовил английский. Ну и ладно, они по крайней мере не мешали. А Толька Бердышев, вздрагивая пухлыми щеками, стрелял пшеном из стеклянной трубки. И, как нарочно, по тем, кто слушал.

— Кончал бы ты, Бердышев, — сказал наконец Журка.

Тот быстро убрал трубку. А Маргарита Васильевна, сидевшая на первой парте, обернулась:

— В чем дело, Бердышев?

— Ни в чем, — сказал Толька и захопал белыми ресницами.

— Журавин, в чем дело?

Журка смешался. Получилось, что он наябедничал. Но Иринка бесстрашно сказала со своей парты:

— Он крупной плюется, дубина такая. Сам не слушает и другим не дает...

— А чего тут слушать? Это по телику тышу раз говорили.

— Да ты по телику только мультики да хоккеей смот-

ришь, — сказал Сашка Лавенков и запихнул в парту учебник английского.

— Нет, еще передачу «Для вас, малыши», — вставил Горька.

— Ну-ка, прекратите, — потребовала Маргарита Васильевна. — Журавин, продолжай... Он, кстати, очень интересно рассказывает, — добавила она и незаметно зевнула.

— Только пускай покорооче, — тоже зевнув, попросил Борька Сухоруков по кличке Грабля, человек из компании Капрала.

— Не нравится — топай из класса! — вдруг взвинулся Журка. — Тебе вообще на все наплевать, кроме своей шкуры! Вот вогнали бы в тебя всю обойму, как в того мальчишку, тогда бы по-другому запел!

— В какого мальчишку? — удивленно спросил кто-то. Многие уже забыли, как Журка рассказывал, что волнения начались после гибели негритянского мальчика: его застрелил недалеко от школы полицейский.

— Слушать надо, — подала голос Лида Синявина, соседка Горьки.

— А мы слушали, — нахально сказал Бердышев.

— Ага! Особенно ты! — зло откликнулась Иринка. — Тебе про пули говорят, а ты пшеном пуляешь. Тебя самого бы туда, где стреляют, в Алабаму...

— За что его туда, бедного? — ухмыльнулся Грабля.

— За глупость, — сказал Сашка Лавенков.

Журка молчал. Оттого, что за него так быстро и решительно заступились, он заволновался, даже в глазах зашипало. А Бердышев в самом деле дубина!

— Ничего ты не понимаешь, — сказал ему Журка. — Там же на самом деле дома горят, там людей убивают. Вот прямо сейчас, только с другой стороны Земли, вон там, под нами... — Журка ткнул пальцем в пол, и все тоже посмотрели вниз, будто сквозь громадную земную толщу могли увидеть отблески алабамских пожаров.

С Маргариты Васильевны сошло спокойствие. Она поворачивала голову то к Журке, то к ребятам и, видимо, думала: вмешаться или пока не надо?

— Они там стреляют, а я, что ли, виноват, — обиженно проговорил Бердышев. — Я-то что могу сделать?

Кто-то засмеялся, а Журка сказал отчетливо:

— Ты хотя бы не плюйся, балда, когда о чужом горе говорят.

Наступила какая-то виноватая тишина. В этой тишине учительница произнесла:

— «Балда» — это лишнее. А остальное все правильно. Продолжай, Журка.

— Да я все сказал.

— Молодец... Есть у кого-нибудь вопросы к Юре Журавину?

Лида Синявина подняла руку:

— Только у меня не вопрос. Я добавить хочу... Рассказать.

— Очень хорошо...

— У меня дома такая книжечка есть, называется «Стихи негритянских детей Америки». Там такие стихи... Ну, может быть, не очень складные, но такие — отчаянные какие-то. Вот одна девочка написала... Можно, я прочитаю?

— Ты выйди к доске.

— Да нет, я здесь... — И она заговорила тихо и отдельно:

Мир такой просторный для всех,
Большой и зеленый,
А нам некуда идти:
В эту сторону пойдешь —
Горе и боль,
В ту сторону пойдешь —
Черная пустота.
И мы бредем, бредем по самой кромке.
Куда же нам идти?
Нет никакого пути.
И крошится под ногами тропа,
Как лед — тонкий и ломкий...

— Молодец, Лида. Очень искренние стихи. Садись.

— Я еще... вот...

Мы дети,
Но в наших телах — тонких и черных —
Боль долгих веков.
Боль миллионов рабов,

Увезенных с потерянной родины.
Зачем, учитель, вы нам говорите
О нашей свободе,
Если на наших руках и ногах
Красными браслетами
До сих пор
Проступают следы кандалов?
Красные — на черном...

Лида помолчала и села.

Пока она читала, Журка вспомнил Олаудаха и теперь сказал притихшим ребятам:

— У меня книжка есть, очень старинная. Про приключения негритянского мальчика, про рабство. Он был предком вот этих ребят, у которых стихи. В этой книжке так же... такая же боль...

— А может быть, ты принесешь и мы читаем? — предложила Маргарита Васильевна. — Это было бы очень интересно. Так сказать, переключка эпох. Можно было бы включить в план пионерской работы.

— Я могу принести. Только ее трудно читать вслух, там язык такой... несовременный. Она в позапрошлом веке напечатана.

— Надо же, какая старина! — удивилась Маргарита Васильевна. — А если ее всю не читать, а ты просто покажешь ее, а самые интересные места перескажешь своими словами? Можно устроить интересный сбор...

— Ладно, — сказал Журка.

На уроке английского Иринка и Журка тихонько шептались. Иринка предложила интересное дело: попросить отца, чтобы он нарисовал картинки про Олаудаха. Перед сбором их можно развесить в классе.

— Лучше я попрошу Валерия Михайловича их переснять и сделать слайды, — сказал Журка. — У него это здорово получается. Слайды можно на экране показать, будет почти кино.

— Тогда надо музыку подобрать подходящую...

— А Игорь Дмитриевич согласится сделать рисунки?

— Неужели нет? Ты сегодня же книжку принеси...

Когда Журка вернулся из школы, папа был дома: пришел на обед. Он две недели назад вернулся из колхоза и рабо-

тал теперь на строительстве нового квартала совсем недалеко от Парковой улицы. Возил на своем «КамАЗе» кирпич и облицовочные плиты.

Сейчас папа на кухне разогревал суп, который они с Журкой сварили вчера вечером.

— Обедать будешь, Юрик?

— Нет, я в школе поел... Ты у мамы был?

— Заезжал на минутку. Нормально. В пятницу выпишут.

Журка вздохнул: до пятницы еще четыре дня.

Маму положили в больницу на обследование. Журка знал, что ничего опасного нет, просто проверка, но без мамы дома было скучно. Поэтому он каждый день до вечера сидел у Иринки, даже уроки там готовил. Он и сейчас решил, что возьмет книжку про Олаудаха и сразу побежит к Брандуковым.

Журка подошел к стеллажу, потянулся за книгой... и остановил руку. Что-то на полке было не так. Непривычно. Нет, «Олаудах» стоял на месте, но рядом... рядом не оказалось высокой книги с трещиной на желтом кожаном корешке — «Сочинения об описи морских берегов».

Журка знал на память все книжные корешки, твердо помнил их порядок на полках. Еще вчера «Опись берегов» стояла рядом с «Олаудахом». А сейчас там темнел переплет «Истории кораблекрушений».

Сначала с удивлением, потом с тревогой Журка обшарил глазами все полки. Заглянул в ящик стола и даже под тахту. Потом громко спросил:

— Папа, ты не брал книгу с моих полок?

Было слышно, как отец звякнул о тарелку ложкой, откашлялся и сказал:

— Я к твоим книгам и не подступаюсь. Себе дороже...

Куда она могла деваться? Чертовщина какая-то...

Журка с опаской пересмотрел на полках свои сокровища. Все было на месте. Кроме «Сочинения об описи морских берегов».

Вчера вечером он листал эту книжку, пока не пришел Горька. Потом поставил на место. С Горькой они поболтали, затем он сдул у Журки задачу по математике, которую сам решить не мог, взял с собой «Всадника без головы» (не с этих

полок, а из большой комнаты) и побежал домой. Может, прихватил и «Опись берегов»? Но зачем она Горьке? И почему без спросу? Подумать про Горьку что-нибудь плохое Журка не мог. Даже стыдно делалось при такой мысли.

Но... фантастики ведь тоже не бывает. Может, воры забрались, пока никого не было дома? Но тогда почему взяли только непонятную морскую книгу?

Журка побежал к Горьке. Домой заходить не стал (недолюбливал Горькиного папашу), а стукнул в окно. Горька тут же вышел.

— Слушай, — сказал Журка слишком беззаботным тоном, — у тебя какие мои книжки?

Горька удивился:

— Ты не помнишь, что ли? «Волшебник Изумрудного города», «Сын полка». Еще «Всадник без головы», я вчера взял...

Журка опустил глаза и спросил небрежно:

— А морских, старинных, случайно нет?

Горька удивился сильнее:

— Каких морских?

— Ну, тех, с моих полок... — неловко сказал Журка. — Понимаешь, нету «Сочинения об описи берегов»... Вчера еще была, а сейчас нет...

Горька усмехнулся:

— Ну, ты даешь... Я в этих книгах что понимаю?

— Я подумал, что, может, случайно вместе со «Всадником» прихватил, — тихо сказал Журка и почувствовал, что краснеет. — Может, лежали рядом... ну и... вот так получилась...

Они на миг встретились глазами и моментально поняли друг друга.

«Я не хочу на тебя думать, — сказали Журкины глаза. — Но... тогда кто? Значит, поверить в нечистую силу?»

«Я знаю, что ты думаешь на меня, — ответил глазами Горька. — И как теперь быть?»

— Нет, я не брал, — тусклым голосом сказал Горька и ковырнул ботинком лепешку грязи на крыльце. — Ты отца спрашивал?

— Да он мои книги никогда не трогает... Ладно, пойду. Вечером заглянешь?

— Как получится... — неохотно сказал Горька.

— Ну... пока.

— Пока...

Когда Журка вернулся домой, отец уже уехал. На душе было противно, будто в чем-то очень виноват. А в чем? Он ничего Горьке не сказал такого. Только спросил...

Журка еще раз обшарил полки. Потом сунул в портфель «Олаудаха» и в самом скверном настроении пошел к Иринке. Иринка сразу спросила:

— Что случилось?

Журка рассказал. Сначала о пропаже, потом, краснея и злясь на себя, о разговоре с Горькой.

Иринка досадливо молчала.

— Теперь он, наверно, думает, что я... ну, будто думаю, что это он, — пробормотал Журка.

— Потому что ты и на самом деле так думаешь, — тихо сказала Иринка.

Журка отчаянно замотал головой, будто отгонял мошкару. Потом проговорил с жалобным отчаянием:

— Я наверно не думаю... Но тогда кто?

— Вообще-то он мог, по-моему, — задумчиво сказала Иринка. Спокойно так. В этом спокойствии было что-то обидное. Журка опять рассердился — и на Иринку, и на себя:

— Почему ты так решила?

— Это ты решил... Ты, наверно, вспомнил ту историю с бутылкой...

— И не думал даже! — воскликнул Журка, и это была правда.

— Вообще у Горьки характер такой... — все так же задумчиво продолжала Иринка.

— Какой?

— Ну... изворотливый. То лишний компот в столовой прихватит, то чужую макулатуру на субботнике... Да ты не думай, я к нему все равно хорошо отношусь. Мне его почему-то жалко...

«Мне иногда тоже», — вдруг понял Журка. А Иринка уверенно проговорила:

— Но у тебя он ничего взять не мог.

— Почему? — пробормотал Журка. Не ради спора, а машинально.

— Ты для него лучший друг, — рассудительно произнесла она. — Тебя он никогда не обманет.

В этих словах Журка почуял укор и сказал тихо, но отчаянно:

— Лучше бы этой книги никогда не было...

Они отдали Игорю Дмитриевичу «Олаудаха» — чтобы почитал и подумал насчет рисунков — и хмуро сели делать уроки. Уроков задали целую кучу.

Примеры у Журки не решались, английский рассказ не переводился, и он сердито скатывал задания у Иринки. Она вздыхала и не спорила. А Журка машинально водил ручкой в тетради и думал все о том же: о книжке и о Горьке. Главным образом о Горьке. О том, что теперь между ними будет тягостная неясность.

С этими грустными мыслями Журка вернулся домой. Папа смотрел хоккейный матч. Не отрываясь от экрана, сказал:

— Гуляешь все. Я тут совсем задубел в одиночестве. Зеркало вон привез, а помочь разгрузить некогда...

Журка мельком глянул на высокое новое зеркало, стоявшее между дверью и платяным шкафом. Потом подошел к отцу, нагнулся, положил подбородок на его плечо. Виновато объяснил:

— Знаешь, сколько назадавали. Мы с Иринкой три часа сидели. Вдвоем-то легче...

— Ну-ну... — вздохнул отец и, нагнувшись, придвинулся к экрану. Там суетливо бегали маленькие фигурки с клюшками.

— Дружок твой приходил, книжки какие-то принес...

Журка вздрогнул, кинулся в свою комнату. Три книги лежали на столе. «Волшебник Изумрудного города», «Сын полка» и «Всадник без головы». «Всадника» Горька ни за что не сумел бы прочитать со вчерашнего вечера. Значит, принес — будто сказал: «Вот все, что у меня было. Забирай, и ничего мне от тебя не надо...»

Ох и тошно стало Журке. Лучше всего было бы немедленно побежать к Горьке, вызвать на крыльцо и сказать:

«Не хотел я тебя обижать, просто получилось так по-дурацки! Ну, прости, Горька. Я ни секундошки не думал, что это ты!»

Но... если не он, тогда кто?

Когда человеку плохо, он порой забывает, что кому-то может быть еще хуже.

Хуже было Горьке. Он сразу понял, что его непрочной дружбе с Журкой пришел конец. Потому что какой бы он, Горька, ни был, а своя гордость у него есть. Не будет он ни оправдываться перед Журкой, ни объяснять, ни доказывать. И подходить к нему не будет. И разговаривать с ним... Хотя разговаривать можно, если по делу. Но больше никогда-никогда он не придет вечером к Журке.

Нет, он не сердился и даже не обижался на Журку. Не мог. Журка — это все равно Журка. И было только очень то скливо, что дружить с ним больше нельзя. Журка-то, конечно, ничего больше не скажет, будет делать вид, что все как раньше. Но разве станешь набиваться в друзья, когда тебя считают вором!

С застывшими внутри слезами Горька собрал Журкины книги и понес ему, чтобы тихо, но твердо сказать:

«Вот все, что у меня было. Прощай, будь здоров».

Но Журки дома не оказалось, и Горька с тем же застывшим в горле комком спустился во двор и вышел на улицу. Было пасмурно и слякотно. Горька шел мимо сырых заборов и думал о несправедливости: какой-то человек взял у Журки книгу, а он, Горька, потерял из-за этого самую большую радость — Журкину дружбу.

Кто же это? И зачем ему книга? Скорее всего, ради денег... Значит, он ее постарается продать? А где? Не на толкучке же! Кому там нужно хитрое морское сочинение с цифрами и таблицами! Его может купить лишь какой-нибудь редкий любитель...

Горька знал, что в некоторых книжных магазинах покупают старые книги: если тебе книга не нужна, можешь прийти, сдать ее за деньги, и в том же магазине ее продадут кому-нибудь другому. Об этом даже по радио объявляли.

И Горька, которого многие считали изворотливым и боязливым, поступил очень просто и смело. Он поехал в централь-

ный книжный магазин, прошел по отделам, увидел среди продавщиц девушку помоложе и добрее остальных, осторожно окликнул ее («Тетенька, товарищ продавец...») и сказал:

— Можно с вами посоветоваться? Помогите мне, пожалуйста...

Он объяснил, что у его товарища... то есть у одного знакомого мальчика, украли старинную книгу. В какой магазин ее скорее всего понесут?

Продавщица оказалась доброй не только на вид. Она Горьку внимательно выслушала, расспросила, что за книга, позвала еще одну девушку, и они вдвоем решили, что пропажу надо искать в «Антикваре». Это специальный магазин для редких книг. У человека, который их сдает, спрашивают паспорт и все данные записывают в особый журнал. Поэтому нетрудно узнать, кто принес книгу на продажу...

Горька сказал «большое спасибо», вышел и задумался. «Антиквар» был далеко, на улице Герцена, у кинотеатра «Современник». Уже вечерело, и сеяла водяная пыль. К тому же Горька засомневался: едва ли книгу стащили из-за денег. Почему тогда с той же полки не взяли «Мушкетеров» или «Робинзона»? Ясно, что ехать в «Антиквар» незачем. Да и денег на билет не осталось, а связываться с контролерами — дело опасное. Хорошо, если просто вышибут из троллейбуса. А если потащат в детскую комнату? Может, пешком топать? Ну уж дудки!

И все же... Все же Горька натянул на голову капюшон курточки, запихал в карманы озябшие руки и с хмурым упрямством зашагал сквозь морось...

Магазин был небольшой, в полуподвале старинного дома. У входа стояли два больших тополя. Уютно светилось окошко. Продрогший Горька шагнул в этот свет и тепло, протерся между взрослыми покупателями к прилавку и зашарил глазами по застекленной горизонтальной витрине.

Он ни на что не надеялся. Просто хотел убедиться, что книги здесь нет.

Но книга была!

Она лежала в правом углу среди других пожелтевших и потрепанных книг. Раньше Горька видел ее лишь мельком, но сейчас легко узнал помятый титульный лист с крупными неровно отпечатанными буквами:

СОЧИНЕНИЕ

объ описи морскихъ береговъ

Г. Мекензія.

И не было никаких сомнений, потому что внизу рядом с надписью «1836 годъ» голубел оттиск знакомой самодельной печати: «Из книг Ю. Г. Савельева»...

За прилавком стояла пожилая тетья неприступного вида. Не то что девушка в центральном магазине. Горька понял, что соваться сюда ему бесполезно.

Больше Горька не думал о троллейбусных контролерах. Он зайцем доехал до своей остановки и ворвался в дом.

— Папа! У тебя мотоцикл на ходу?

— Ну и что? — довольно весело спросил отец. — На рыбалку, что ли, предлагаешь смотреть? Вроде бы условия не те.

— Папа, у Журки кто-то книгу украл, а сейчас она в магазине «Антиквар» лежит! Надо посмотреть, кто ее сдал! Там у них записано...

— Ничего не понимаю. Ну-ка отдышись.

Горька отдышался и все повторил.

— А я-то при чем? — сказал старшина Валохин.

— Ну, мне же не скажут! Прогонят, и все! Ты же знаешь, как с ребятами обращаются...

— Как заслужили, так и обращаются.

— Да я не про то... Папа, ну, поедем! Тебе-то все скажут!

— Да с какой стати я должен ехать? — с раздражением сказал отец. — Я устал как собака. А у твоего Журки родители есть.

— У него мама в больнице...

— Отец-то дома.

— Он во вторую смену, — соврал Горька. Не хотел он объяснять, что идти к Журке не может. Вот если выяснить, кто виноват, тогда другое дело. А сейчас получится, что прибежал оправдываться. И Горька сбивчиво проговорил:

— Его отец, он же... так просто. А ты милиционер. А там книга, ее украли...

— Милый мой, — зевнув, сказал старшина Валохин. — Я занимаюсь кражами, когда приказывает начальство. Вчера, например, занимался. А сейчас мое дежурство кончилось,

могу отдохнуть... А тебе пора об уроках думать! Небось проболтался, опять ничего не сделал.

— Тебе только одно: уроки, уроки... — устало сказал Горька.

— Что-о? — изумленно протянул отец.

— То, что слышал, — проговорил Горька. — Будто я не человек, а машина какая-то для деланья уроков. Ничего другого от тебя не слышу... Даже на рыбалке про уроки долбишь...

Он увидел отцовский открытый от удивления рот, хмуро усмехнулся и пошел к двери. Ему было все равно. В дверях стояла испуганная мама.

— Стоп, — сказал в спину отец. — Ты что, рехнулся? Стой, говорю!

Горька оглянулся.

— Ты что?! — рявкнул отец. — Давно не получал?!

— А! Не пугай, — пренебрежительно сказал Горька. Отец поморгал, потом поднялся со стула.

— Ох и осмелел ты, я смотрю. С чего бы это?

— А надоело бояться, — равнодушно объяснил Горька.

Слишком сильным было его горе, слишком большой тоска по Журке, слишком жгучей досада. Страха не осталось.

— Надоело, — повторил он. — В школу идешь — Маргариту боишься, да двоек, да замечаний, домой приходишь — тебя боишься. И днем боишься, и ночью... Почему другие живут и не боятся, а я должен?

— Другие живут, потому что ведут себя как люди...

— А я тоже человек... Это только ты со мной, как... как с теми, кого на улице ловишь! И с мамой тоже! Орешь только на нее...

— Славик, не надо... — тихо сказала мама. Она иногда, в самые ласковые минуты, называла Горьку — Горислава — по-своему: Славик.

Горька подошел к ней, молча обхватил, приник лицом к теплему маминому платью. И услышал, как отец резко потребовал:

— А ну иди сюда!

— Не вздумай... — незнакомым ровным голосом прого-

ворила мама. То ли отцу, то ли Горьке. Горька всхлипнул и сказал:

— Да пускай. Мне привыкать, что ли...

— Не смей трогать ребенка, — тем же голосом сказала мама. — Если тронешь еще, к вашему подполковнику пойду. Понял?

Утром Журка ожидал, что Иринка спросит: «Ну как, не нашлась книга?» И он готов был насупленно ответить: «Где ее теперь найдешь?» Но Иринка ничего не спросила. Она была молчаливая, будто слегка обиженная. Но, когда он спросил по привычке: «Чего надутая?», она встряхнулась и сказала:

— Нет, все в порядке.

А с Горькой было не в порядке. В классе он и Журка сказали мимоходом друг другу: «Привет». Но это ничего не значило. Так можно поздороваться даже с врагом. На переменах Горька не подходил, на уроках на Журку ни разу не оглянулся. А подойти самому Журке было стыдно.

Мысли о Горьке, о книге, о том, что теперь делать, сидели в Журке как заноза. До самого конца уроков. А когда уроки кончились, Иринка сказала:

— Теперь пойдем к нам.

— Мне сперва домой надо.

— Сначала к нам. Чтобы успеть в магазин до обеда. Твоя книга лежит в магазине «Антиквар».

— Откуда ты знаешь?!

Иринка знала от Горьки. Он вчера вечером пришел к ней и сообщил: «Скажи своему Журке, что книгу его кто-то загнал магазину...»

И потом сердито и коротко рассказал, как увидел пропажу.

— А почему он ко мне не пришел? — нервно спросил Журка.

— Объяснить? Или сам догадаешься?

Журка понял, что краснеет. И проговорил с досадой:

— А ты тоже... Не могла сразу сказать?

— Чтобы ты все уроки как на иголках сидел? Будто я тебя не знаю...

— А вдруг ее уже кто-то купил?

— Да ну, так сразу! Это же не «Граф Монте-Кристо».

— Надо скорее в магазин!

— Надо сначала к нам, за папой. Я договорилась, что он тоже пойдет. С нами с одними кто станет разговаривать?

Но и с Игорем Дмитриевичем сначала разговаривали не очень любезно. Когда он попросил достать из-под стекла книгу, насупленная пожилая продавщица буркнула:

— Тридцать пять рублей.

— Меня интересует не цена, а книга, — сдержанно сказал Игорь Дмитриевич. Продавщица нехотя полезла под стекло. Журка осторожно и ласково, как вернувшегося домой голубя, взял книгу в ладони. Но теперь это была не его книга. Хотя вот и дедушкина печать, и знакомо каждое пятнышко на титульном листе, а все равно... Кто же сделал эту книгу чужой? Игорь Дмитриевич спросил у продавщицы:

— Можно поинтересоваться, от кого она попала к вам в магазин?

— Таких сведений покупателям не даем.

Игорь Дмитриевич посмотрел на Журку, на Иринку, потом опять на продавщицу. И сказал тихо, но слегка затвердевшим голосом:

— Придется дать. Если не сейчас, то чуть позже. Книга недавно исчезла из библиотеки этого мальчика.

Несколько покупателей с интересом прислушивались. Продавщица тяжело задышала, округлила глаза и, похоже, собралась выпалить в Игоря Дмитриевича заряд самых неприятных слов. Но, видимо, вспомнила, что она работает в книжном магазине, а не на рынке. Глотнула и громко позвала:

— Виолетта Ремовна!

«Вот это имечко», — мельком подумал Журка.

Появилась Виолетта Ремовна — молодая дама с высокой прической бронзового цвета. В лице ее тоже ощущалась твердокаменность. Но все же Виолетта Ремовна была повоспитаннее продавщицы.

— Что произошло, Ида Николаевна? — осведомилась она.

— Вот у гражданина претензия, — обиженно сообщила продавщица и отвернулась к полкам.

Виолетта Ремовна сдержанно сказала Игорю Дмитриевичу:

— Я директор магазина. В чем дело?

— У меня не претензия, а вопрос. Хотелось бы знать: кто сдал вам эту книгу?

— Она ваша?

— Она моя. Моего дедушки, — взвинченно сказал Журка. — Вот печать.

— Тогда, возможно, дедушка и сдал.

— Дедушка у него умер, — сказала Иринка.

Кругом стояли любопытные. Виолетта Ремовна еле заметно поморщилась и предложила:

— Пройдем в кабинет.

Кабинет оказался комнатухой с бетонным полом и зарешеченным оконцем. На полу зеленел, как листик, втертый подошвами фантик жевательной резинки «Весенняя». Прическа директорши при свете лампочки блестела, как медный колокол. В углу у столика шелкала счетами девушка в синем халатике. Костяшки стучали очень отчетливо. Журкино сердце тоже застучало. Неужели сейчас разгадается эта проклятая загадка? Виолетта Ремовна громко сказала:

— Галя, дай, пожалуйста, книгу регистрации.

Девушка торопливо протянула книгу, похожую на класный журнал. Виолетта Ремовна взяла у Журки «Сочинение об описи берегов» и отошла к широкому письменному столу. Зашуршала там листами. Потом подняла голову и недовольно сказала Игорю Дмитриевичу:

— Вообще-то мы не обязаны давать сведения по первому требованию...

— Разве это военная тайна?

— Не тайна, а нарушение порядка... Впрочем, ладно. Вот, пожалуйста. Номер триста тринадцать. Журавин Александр Евгеньевич. Улица Парковая, дом три, квартира одиннадцать... Вам знаком этот человек?

...Журка не видел, но почувствовал, что Иринка и ее отец смотрят на него досадливыми и жалеющими глазами. Им было неловко — за него и за себя. Сам он смотрел вниз. И видел свои забрызганные грязью ботинки, затертый подошвами пол, а на нем зеленый фантик.

«Зачем же это случилось? — ахнула в нем полная отчаяния мысль. Ударил, как тугой взрыв, вышибла остальные

мысли и начала повторяться с равномерностью плотных колокольных ударов:

— Зачем?.. Зачем?.. Зачем?..»

Он мотнул головой, потому что заболело в ушах. И, запинаясь, сказал:

— Тогда... ладно. Извините... Тогда я пойду...

— Ну что? Больше нет претензий? — громко спросила заведующая и встала — башенной прической под низкий потолок. — Можно выкладывать книгу на продажу?

— Выкладывайте, — отозвался Игорь Дмитриевич. — Хотя подождите... Журка...

Но Журка уже не слышал. Он выскользнул из кабинета, проскочил через магазин и, поматывая головой, побрел по улице.

«Зачем?.. Зачем?.. Зачем?..»

Почему ударила эта беда? Почему именно в него, в Журку? Так неожиданно-негаданно...

Молния. Тихая и страшная...

Он сейчас отдал бы все-все книги, только чтобы не было этого жуткого случая, этой записи в серой конторской книге.

«Журавин Александр Евгеньевич...» Значит, Капрал правду говорил: все воруют, и все врут...

Нет, не все! Иринка и ее отец не такие! Как они смотрели на Журку — с таким стыдом и беспомощным сочувствием... А как он сам будет смотреть на отца? И вместе со слезами поднялась у Журки к горлу едкая злость...

КРУШЕНИЕ

Дома Журка, не снимая грязных ботинок, прошел в свою комнату и бухнулся на диван. Лежал минут пятнадцать. Потом сжал зубы и заставил себя сесть за уроки. Открыл тетради и учебники. Даже начал писать упражнение по русскому. Но не смог. Лег на стол головой, охватил затылок и стал думать, что скажет отцу.

А может быть, ничего не говорить?

Нет, Журка знал, что не выдержит. Сколько горя накопело в душе за последние два часа. Жить дальше, будто ниче-

го не случилось? Тут надо, чтобы нервы были, как стальные ванты на клиперах... Да и зачем притворяться?..

Только надо сказать спокойно: «Я думал, ты мне всегда правду говоришь, а ты...»

Или сразу? «Эх ты! Значит, родному отцу верить нельзя, да?» Нет, тогда сразу сорвешься на слезы. Они и так у самого горла... А в общем-то не все ли равно? Исправить ничего уже нельзя...

Отец пришел, когда за окнами темнело. Открыл дверь своим ключом. Щелкнул в большой комнате выключателем. Громко спросил:

— Ты дома?

— Дома, — полушепотом отозвался Журка.

— А чего сидишь, как мышь?

— Уроки учу...

— В темноте-то? В очкарики захотел?

Журка молча включил настольную лампу и стал ждать, когда отец войдет. Но тот не вошел. Шумно завозился в прихожей, расшнуровывая ботинки и натягивая тапочки. Потом сказал:

— У мамы опять был. К субботе точно выпишут.

«Это хорошо», — подумал Журка. Но это никак не спасало от беды, и он промолчал. Не дождавись ответа, отец спросил:

— Из еды что имеется?

— То, что днем. На кухне...

Журка услышал, как отец загремел крышками кастрюль. Кажется, рассердился:

— Холодное же все! Разогреть не мог?

Журка поднялся. У него замерло в душе оттого, что близился неизбежный разговор. Холодно стало. Он дернул лопатками, коротко вздохнул и пошел к кухонной двери. Встал у косяка. Отец зажег газ.

— Я не успел разогреть, — отчетливо сказал Журка.

— Ты что же, сам-то ничего не ел? — с хмурым удивлением спросил отец. Поставил на горелку сковородку и начал крошить на ней холодную вареную картошку.

— Нет, — отозвался Журка. — Мне было некогда.

Не оборачиваясь, отец спросил с добродушной насмешкой:

— Чем же это ты был занят? Небось оставили после уроков двойку исправлять?

— Нет, — сказал Журка негромко, но с нажимом. — После уроков я был в том магазине... куда ты сдал книгу.

Равномерный стук ножа о сковородку на секунду прервался, и только. Застучав опять, отец небрежно спросил:

— В каком это магазине? Чего ты плетешь?

Но Журка уловил и сбой в стуке ножа, и неуверенность в отцовском голосе. На миг он пожалел отца. Но эта жалость тоже не могла ничего изменить. Журка помолчал и сказал устало:

— Не надо, папа. Там же фамилия записана в журнале...

Отец оставил в сковородке нож и повернулся. Выпрямился. Посмотрел на Журку — видно, что с усилием, — но через секунду сказал совсем легко, с усмешкой:

— Ну и что теперь?

Журка отвел глаза и горько проговорил:

— А я не знаю... Сам не понимаю, что теперь делать.

И подумал: «Вот и весь разговор. А что толку?»

Но разговор был не весь. Отец вдруг шагнул на Журку:

— Ну-ка, пойдем! Пойдем-пойдем...

Журка, вздрогнув, отступил, и они оказались в большой комнате.

— Смотри! — Отец показал на стоячее зеркало. — Оно было в магазине последнее! Я вытряхнул на него все до копейки! Нечем было заплатить грузчикам! Эти ребята поверили в долг до вечера... Где я должен был взять деньги?.. У тебя этих книг сотня, я выбрал самую ненужную, там одни чертежи да цифры! Ты же в ней все равно ни черта не смыслишь!

— Смыслю, — тихо отозвался Журка и не стал смотреть на зеркало. — Вовсе там не одни цифры. И не в этом дело...

— А в чем? В чем?! — закричал отец, и Журка понял, что этим криком он нарочно распяляет себя, чтобы заглушить свой стыд. Чтобы получилось, будто не он, а Журка во всем виноват. Чтобы самому поверить в это до конца.

— Ты не знаешь... — проговорил Журка. — Эту книгу,

может, сам Нахимов читал. Она в тысячу раз дороже всякого зеркала... Да не деньгами дороже!

— Тебе дороже! А другим?! А матери?! Ей причесаться негде было! А мне?.. О себе только думать привык! Живем как в сарае, а ты как... как пес: лег на эти книги брюхом и рычишь!

Журка опять подумал, что все-все книги отдал бы за то, чтобы сейчас они с папой вдвоем жарили картошку и болтали о чем-нибудь веселом и пустяковом. Он даже чуть не сказал об этом, но было бесполезно. Отец стоял какой-то встрепанный. Чужой. На широких побледневших скулах выступили черные точки. Это были крупинки пороха: в детстве у отца взорвалась самодельная ракета, и порошинки навсегда вьелись в кожу...

— Вбил себе в голову всякий бред! — продолжал отец. — Нахимов!.. Из-за одной заплесневелой книжонки поднял крик!

— Это ты кричишь! — сказал Журка. — Сам продал, а теперь кричишь... Я ведь спрашивал, а ты сказал «не брал»!

— Да! Потому что связываться не хотел! Потому что знаю, какой бы ты поднял визг! Тебе что! На все наплевать! Мать в больнице, денег ни гроша, а ты... Вырастили детку! Двенадцати годов нет, а уже такой собственник! Куркуль...

— А ты вор, — сказал Журка.

Он сразу ужаснулся. Никогда-никогда в жизни он ни маме, ни отцу не говорил ничего подобного. Просто в голову не могло прийти такое. И сейчас ему показалось, что эти слова что-то раскололи в его жизни. И в жизни отца...

«Папочка, прости!» — хотел крикнуть он, только не смог выдать ни словечка.

А через несколько секунд страх ослабел, и вернулась обида. Словно Журка скользнул с одной волны и его подняла другая. Потому что никуда не денешься — был магазин, была та минута, когда он, Журка, убито смотрел на затоптанный пол с зеленым фантиком, а все смотрели на него...

И все же он чувствовал, что сейчас опять случилось непоправимое. Опять ударила неслышная молния.

Не мигая, Журка глядел на отца. А тот замер будто от заклипания. Только черные точки стали еще заметнее на побе-

левших скулах. И так было, кажется, долго. Вдруг отец сказал с яростным удивлением:

— Ах ты... — И, взмахнув рукой, качнулся к Журке. Журка закрыл глаза. Но ничего не случилось.

Журка опять посмотрел на отца. Тот стоял теперь прямой, со сжатыми губами и мерил сына медленным взглядом. У него были глаза с огромными — не черными, а какими-то красноватыми, похожими на темные вишни зрачками. Как ни странно, в этих зрачках мелькнула радость. И Журка чуткими, натянутыми почти до разрыва нервами тут же уловил причину этой радости. Отец теперь мог считать себя правым во всем! Подумаешь, какая-то книжка! Стоит ли о ней поминать, когда сын посмел сказать такое!

Отец проглотил слюну, и по горлу у него прошелся тугой кадык. Ровным голосом отец произнес:

— Докатились... Мой папаша меня за это удавил бы на месте... Ну ладно, ты не очень виноват, виновато домашнее воспитание. Это еще не поздно поправить.

Он зачем-то сходил в коридор и щелкнул замком. Вернулся, задернул шторы. Ослабевший и отчаявшийся Журка следил за ним, не двигаясь. Отец встал посреди комнаты, приподнял на животе свитер и деловито потянул из брючных петель пояс.

Пояс тянулся медленно, он оказался очень длинным. Он был сплетен из разноцветных проводков. Красный проводок на самом конце лопнул и шевелился как живой. «Будто жало», — механически подумал Журка. И вдруг ахнул про себя: понял, что это, кажется, по правде.

Он заметался в душе, но не шевельнулся. Если броситься куда-то, постараться убежать, если даже просто крикнуть «не надо», значит, показать, будто он поверил. Поверил, что это в самом деле может случиться с ним, с Журкой. А поверить в такой ужас было невозможно, лучше смерть.

Отец, глядя в сторону, сложил пояс пополам и деревянно сказал:

— Ну, чего стоишь? Сам до этого достукался. Снимай, что полагается, и иди сюда.

У Журки от стыда заложило уши. Он криво улыбнулся дрогнувшим ртом и проговорил:

— Еще чего...

— Если будешь ерепениться — получишь вдвое, — скучным голосом предупредил отец.

— Еще чего... — опять слабым голосом отозвался Журка.

Отец широко шагнул к нему, схватил, поднял, сжал под мышкой. Часто дыша, начал рвать на нем пуговицы школьной формы...

Тогда силы вернулись к Журке. Он рванулся. Он задержал руками и ногами. Закричал:

— Ты что! Не надо! Не смей!.. Ты с ума сошел! Не имешь права!

Отец молчал. Он стискивал Журку, будто в капкане, а пальцы у него были быстрые и стальные.

— Я маме скажу! — кричал Журка. — Я... в детский дом уйду! Пусти! Я в окно!.. Не смей!..

На миг он увидел себя в зеркале — расхлюстанного, с широким черным ртом, бьющегося так, что ноги превратились в размазанную по воздуху полосу. Было уже все равно, и Журка заорал:

— Пусти! Гад! Пусти! Гад!

И кричал эти слова, пока в своей комнате не ткнулся лицом в жесткую обшивку тахты. Отец швырнул его, сжал в кулаке его тонкие запястья и этим же кулаком уперся ему в поясницу. Словно поставили на Журку заостренный снизу телеграфный столб.

Чтобы выбраться из-под этого столба, Журка задержал ногами и тут же ощутил невыносимо режущий удар. Он отчаянно вскрикнул. Зажмурился, ожидая следующего удара — и в тот же миг понял, что кричать нельзя. И новую боль встретил молча.

Он закусил губу так, что солоно стало во рту. Нельзя кричать. Нельзя, нельзя, нельзя! Конечно, отец сильнее: он может скрутить, скомкать Журку, может исхлестать. А пусть попробует выжать хоть слабенький стон! Ну?! Домашнее воспитание? Не можешь, зверюга!

Журка молчал, это была его последняя гордость. Багровые вспышки боли нахлестывали одна за другой, и он сам поражался, как может молча выносить эту боль. Но знал, что

будет молчать, пока помнит себя. И когда стало совсем выше сил, подумал: «Хоть бы потерять сознание...»

В этот миг все кончилось. Отец ушел, грохнув дверью.

Журка лежал с минуту, изнемогая от боли, ожидая, когда она хоть немножко откатит, отпустит его. Потом вскочил...

В перекошенной, кое-как застегнутой на редкие пуговицы форме он подошел к двери и грянул по ней ногой — чтобы вырваться, крикнуть отцу, как он его ненавидит, расколотить ненавистное зеркало и разнести все вокруг!

Дверь была заперта. Журка плюнул на нее красной слюной и снова размахнулся ногой... И вдруг подумал: «К чему это?»

Ну, крикнет, ну, разобьет. А потом? Что делать, как жить? Вместе с отцом? Вдвоем?

Жить вместе после того, что было?

Журка неторопливо и плотно засунул в дверную скобу ножку стула. Пусть попробует войти, если вздумает! Потом он, морщась от боли, влез на подоконник и стал отдиравать полосы лейкопластыря, которыми мама уже закупорила окно на зиму. Отодрал, бросил на пол и тут заметил в углу притихшего, видимо, перепуганного Федота.

— Котик ты мой, — сказал Журка. Сполз с подоконника и, беззвучно плача, наклонился над Федотом. Это было здесь единственное родное существо. И оставлять его Журка не имел права.

Он вытряхнул на пол из портфеля учебники, скрутил из полос лейкопластыря шпагат и привязал его к ручке портфеля — как ремень походной сумки. В эту «вьючную суму» он посадил Федота. Кот не сопротивлялся.

— Ты потерпи, миленький, — всхлипнув, сказал Журка и надел портфель через плечо. Потом отворил окно, достал из-за шкафа специальную длинную палку с крючком, подтянул ею с тополя веревку. Взял веревку в зубы и выбрался через подоконник на карниз.

Стояли серовато-синие сумерки. Моросило. Сырой воздух охватил Журку, и он сразу понял, как холодно будет без плотной осенней куртки и без шапки. Но наплевать!

Журка плотно взял веревку повыше узлов, а пояс надевать не стал. Лишняя возня — лишняя боль. Он примерился

для прыжка. Прыгать с Федотом на боку будет труднее... Ладно, он все равно прыгнет! Не в этом дело...

А в чем? Почему он замер?

Потому что понял вдруг, как это дико. Он уходит из дома, из своего, родного. И не просто уходит, а как беглец. И не знает нисколечко, какая дальше у него будет жизнь. Еле стоит на такой высоте, в зябких сумерках, на узкой кирпичной кромке...

«Мир такой просторный для всех, — вспомнилось ему, — большой и зеленый, а нам некуда идти...»

В эту сторону пойдешь —
Горе и боль,
В ту сторону пойдешь —
Черная пустота.
И мы бредем, бредем по самой кромке...
«Куда же нам идти?..»

«К Ромке!» — неслышно отдалась под ним пустота. Словно кто-то снизу шепотом подсказал эту рифму. Таковую простую и ясную мысль...

«А что? — подумал Журка. — Головой вперед, и все».

Вот тогда забегает отец!.. Что он скажет людям, которые соберутся внизу? И что скажет маме?..

Да, но мама-то не виновата. И у нее уже никогда не будет никого другого вместо Журки. Он же не маленький, знает, что из-за этого она сейчас и в больнице... Да и Федота жалко — тоже грохнетя. Хотя его можно оставить на подоконнике... Но... если по правде говорить, такие мысли не всерьез.

А если все-таки всерьез?

Страшно, что ли? Нет, после того, что было, не очень страшно. Но зачем? Если бы знать, что после нашей жизни есть еще другой мир и там ждут тебя те, кого ты любил... Но такого мира нет. И Ромки нет... Ромка есть здесь — в памяти у Журки. Пока Журка живой.

Значит, надо быть живым...

Журка толкнулся и перелетел в развилку тополя.

Спускаться по стволу было трудно. Мешала боль. Мешал портфель с Федотом и суконная одежда, срывались жесткие подошвы ботинок. Это не летом... В метре от земли ботинки

сорвались так неожиданно, что Журка полетел на землю. Вернее, в слякоть.

Он упал на четвереньки и крепко заляпал брюки, ладони и лицо. Зато Федот ничуть не пострадал. При свете от нижних окон Журка попробовал счистить грязь. Но как ее счистишь? Он взял портфель с Федотом под мышку и, вздрагивая, переглатывая слезы и боль, вышел на улицу.

Фонари горели неярко, прохожих было мало. Никто не остановился, не спросил, куда идет без пальто и шапки заляпанный грязью мальчишка с таким странным багажом. Видно, у каждого встречного хватало своих дел и беспокойств.

У тех, кто ехал в машинах, тоже хватало. «Москвичи» и «Жигули» с шелестом и плеском пронеслись по мокрому неровному асфальту. Мелкий дождь искрился и дрожал перед ними в длинных лучах. Журке надо было перейти Парковую, чтобы добраться до улицы Мира, и он остановился на углу — пропустить машины. Светофора на этом перекрестке не было, автомобили шли и шли. Что им какой-то дрожащий на переходе пацаненок!

Наконец поток машин прервался. Журка шагнул на дорогу, но тут из-за поворота выскочил сумасшедший «Запорожец», вякнул гудком и пронесся рядом с Журкой, обдав его грязной жижей.

Рядом была куча щебня для ремонта дороги. В ярости Журка схватил гранитный осколок и замахнулся вслед «Запорожцу»...

И чьи-то пальцы плотно ухватили его за кисть.

Милиция? Пусть!

Это была не милиция. Рядом стоял Капрал. В жидком свете фонаря Журка разглядел его красивое спокойное лицо. Капрал тряхнул Журкину руку, и камень упал в лужу.

— Ты неправильно кидаешь, — доброжелательно сказал Капрал. — Надо бросать во встречные. Тогда камень летит, как пуля — получается сложение скоростей. А, ты физику еще не изучал... Кидай вон в ту.

— Зачем? Не она меня обрызгала, — пробормотал Журка.

— А какая разница? Все они одинаковы, — серьезно сказал Капрал. — Хотя я забыл... У тебя же папаша сам шофер! Тогда ты зря...

— А чего мне папаша... — хмуро отозвался Журка и стал смотреть на дорогу. Капрал оглядел его с головы до ног.

— Домашний конфликт? — спросил он. — Небось родители сказали: «Или мы, или кот!» И ты гордо покинул отчий кров.

— Если бы... — сказал Журка. — Все гораздо хуже... — Он не собирался ничего рассказывать Капралу и не искал у него сочувствия. Просто вырвалось. Просто Капрал был единственный человек, который его хоть о чем-то спросил.

Капрал задумчиво погладил пальцем голову Федота, который смиренно поглядывал из портфеля. Потом он скинул свою куртку с капюшоном и набросил на Журку.

— Не надо, — сказал Журка.

— Надо. Идем.

— Куда?

— «Куда», — усмехнулся Капрал. — Устрою где-нибудь.

— В гараже вашем, что ли? — сумрачно спросил Журка. Он сейчас ничего не боялся. И подумал, что хорошо бы назло всему свету навсегда связаться с компанией Капрала. Воруют? Ну и что? Если даже отец... Ну, конечно, про отца любой возразит: «Какое же это воровство! У себя дома!» Но все равно — обман. И еще какой! Как предательство...

— А чем тебе плох гараж? — спросил Капрал. — Сухо, тепло. И люди надежные... Да не бойся, ко мне домой пойдем. Умоешься, переночуешь...

Журка вздохнул. И сказал без всякой злости, без насмешки. Просто так:

— Да. А потом я для вас, как Горька, буду бутылки таскать...

— Глупый ты, — тихо отозвался Капрал. — Думаешь, я на твоей беде буду бизнес делать? Не бойся...

— Я не боюсь... — Журка встряхнулся и снял с плеч куртку. — Спасибо. Я пойду. Не с тобой...

Он подумал, что еще чуть-чуть и, пожалуй, отправился бы с Капралом. Но... нет. Не такой уж одинокий Журка на свете.

— Пойду, — повторил он. Машины как раз перестали носиться по мостовой.

— А есть куда? — озабоченно спросил Капрал.

— Есть.

— Ну, смотри... Давай я провожу. Куртку-то накинь, а то совсем промокнешь.

— А ты?

— Ничего, я привычный.

Журка так продрог, что не хватило духу отказать. Да, кажется, и не стоило. Капрал пожалел его, и было неловко отталкивать эту неожиданную доброту.

Журка опять накинул куртку и сказал виновато:

— Здесь недалеко. Два квартала...

— Вот и ладно, — отозвался Капрал и потом всю дорогу молчал.

Журка тоже молчал. Чем ближе был Иринкин дом, тем нерешительней Журка себя чувствовал. Он знал, что его встретят по-хорошему, поймут и приютят, но придется рассказать про все, что было. Иринка и ее отец сегодня и так видели его унижение, и вот он опять появится будто оплеванный — жалкий, исхлестанный, грязный...

Журка сбил шаг. Может, все-таки сказать Капралу: «Знаешь что, пошли к тебе»?.. Но тогда получится, что Капралу он доверяет больше, чем Иринке. Будто Капрал его друг, а она так просто... Потом она все равно про все узнает и что тогда скажет? «Эх ты, витязь».

Журка остановился. Едва мелькнуло в голове слово «витязь», он понял, куда идти. Даже удивился, что с самого начала не подумал об этом...

— Все, спасибо тебе, — торопливо сказал он Капралу и снял куртку. — Тут рядом, я добегу.

— Ну, будь... — Капрал кивнул и пошел, не оглядываясь.

Журка сказал неправду. До того дома, где жила Лидия Сергеевна, было еще пять кварталов. Но вести с собой Капрала так далеко Журка постеснялся.

Он побежал. Чтобы не задрожать опять. Чтобы никто не пристал с расспросами. Чтобы все скорее кончилось...

Федот нервно возился в портфеле, надоела ему такая жизнь.

— Сейчас, котик... Сейчас, сейчас... — говорил ему на бегу Журка. Бежать было трудно, боль отдавалась в теле колючими толчками, но Журка ни разу не остановился.

Дверь открыл Валерий Михайлович. Из-за его ноги выглядывал Максимка. Валерий Михайлович удивился, посмотрев на Журку, даже сказал:

— О! Вот это явление... — Хотел о чем-то спросить, но взглянул внимательней и вдруг быстро ушел из прихожей. Громко проговорил в комнате: — Лидуша! Там к тебе. Твой Журавленок... — И что-то добавил неразборчиво.

Федот в это время выцарапался из портфеля и прыгнул на пол. Максимка тут же ухватил его поперек туловища и просиял.

Вышла Лидия Сергеевна — в халате и тапочках.

— Журка! Боже мой, ты откуда? Раздетый, мокрый!.. Максим, оставь кота, он, наверно, с улицы, грязный...

— Да нет, он чистый, — отозвался Журка и почувствовал, что слова идут с трудом. — Это я... вот... перемазанный...

Она тут же забыла про кота.

— Журка, что случилось?

Он, переглатывая, сказал:

— Можно, я... мы... у вас поживем три дня? Пока мама в больнице...

— Как «поживем»?.. То есть можно, конечно. Только...

Она вдруг замолчала, присела перед Журкой на корточки, взяла его за холодные мокрые пальцы. Тихо спросила:

— Журавушка, что с тобой?

Разве тут удержишься... Он быстро наклонился и уткнулся лицом в ее плечо.

ПРО МАШИНУ СЧАСТЬЯ

Журка думал, что будет очень трудно. Что он станет мучиться и давиться от стыда, когда придется рассказывать свою жуткую историю. Но вышло не так. Слова рванулись вместе со слезами — скомканные, путанные, быстрые. И не так уж много оказалось их нужно, слов-то. Через полминуты Лидия Сергеевна все узнала и поняла.

Она поднялась, вздохнула, вынула из кармана халата платок и стала вытирать Журкино лицо. Молча.

В ее молчании Журке вдруг почудилось осуждение.

Неужели сейчас она проговорит: «Как же так, Журавин?»

Мне тебя очень жаль, но разве так разговаривают с отцом? И разве можно убежать? Пошли-ка домой...»

Он не пойдет! Лучше опять в холод и дождь. Лучше в гараж к Капрату. Или хоть под забор!

Журка дернул лицом, всхлипнул:

— Вы, конечно, скажете, что я сам виноват...

Но Лидия Сергеевна сказала:

— Ты же весь дрожишь. Куда тебя, горюшко, понесло без шапки, без пальто? Ох ты, Журка, Журка... Не будем мы сейчас разбираться ни в чем. Потом все уляжется и устроится. А пока... Максим, да оставь ты несчастного кота, это не кукла!.. Снимай, Журка, куртку, она вся в грязи... Ох, и рубашка тоже... Смотри-ка, даже волосы заляпаны.

Журка виновато пробормотал:

— Машиной забрызгало... — и опять зябко вздрогнул.

— Вот что, дорогой мой, сейчас полезешь в ванну, — решила Лидия Сергеевна. — Отогреешься, отмоешься, а я в это время займусь твоей одеждой... Надо же, и майка грязью забрызгана! Расстегнутый настужь бежал!

— Пуговицы-то все оторвались... — прошептал Журка.

— Пошли.

Он пошел, застеснявшись, но с радостью. Очень захотелось в теплую-теплую воду. Можно будет смыть не только грязь, но и боль, и весь ужас того, что случилось.

Тугие струи ударили в блестящую ванну. Кафельная комнатка наполнилась паром, на тонком шнуре под потолком закачались, как морские сигнальные флаги, Максимкины рубашонки и колготки. Пар быстро обволок Журку сонливым теплом и покоем. Потом рассеялся, но покой и тепло остались... Вода набралась, Лидия Сергеевна что-то бросила в нее, размешала, и в ванне вспухла перина из густой пены.

— Ныряй, Журка, в это облако. А одежду оставь здесь, на стиральной машине, я потом заскочу и заберу.

Она вышла.

Журка, опасливо поглядывая на незапертую дверь, разделся. Морщась, перебрался через край ванны, охнул от радостного тепла и осторожно погрузился в него по плечи. Было больно касаться дна и стенок ванны, поэтому Журка сел на корточки и обнял себя за колени.

Двигаться не хотелось, от всякого шевеления притихшая боль опять просыпалась, а сидеть так было хорошо, спокойно. Журка закрыл глаза, оказался будто в теплой невесомости и забыл про время.

...Приоткрылась дверь. Журка вздрогнул, машинально сел поглубже, так, что взбитая пена зашекотала ему уши. Лидия Сергеевна потянулась за Журкиной одеждой, потом взглянула на него.

— Греешься? Ну и хорошо. Только не забудь волосы промыть, в твоих кудрях целые комки глины...

Журка кивнул, беспомощно поглядывая из пенистого сугроба. А Лидия Сергеевна вдруг отложила сверток с одеждой, посмотрела на блестящую от мыльных пузырей Журкину голову и сказала:

— Слушай, малыш, давай-ка я тебя сама вымою. Как Максимку... Или будешь очень стесняться?

Журка в первый миг съежился еще больше. Но тут же с удивлением понял, что стесняться не будет. Для этого просто не было сил. Он все больше растворялся, таял в тепле, в окружающей его доброте и безопасности. И без спора покори́лся ласковой настойчивости Лидии Сергеевны. Только неловко улыбнулся и пробормотал:

— Да ладно. Если буду стесняться, вы не обращайтесь внимания, трите меня, вот и все...

Но она не стала его тереть. Сначала, поливая из кувшина, вымыла ему голову. Потом взяла за локти, осторожно подняла, поставила. Мягкой-мягкой губкой начала смывать с него хлопья пены. Журка закрыл глаза, и стало совсем хорошо: будто он дома и около него мама...

Лидия Сергеевна еще раз облила его теплой водой и вдруг не выдержала:

— Ох, как он тебя... Как тебе досталось, бедному.

Журка вздрогнул и съежился. Но ласковое и спокойное тепло тут же снова окутало его и взяло под свою защиту. Журка передохнул и неожиданно для себя сказал:

— А я все равно не пикнул, вот. Только губу прокусил...

— Маленький ты мой... — вздохнула Лидия Сергеевна. — Ну, ладно, Журавлик, все.

Она помогла Журке выбраться из ванны и тут же укутала его большущей прохладной простыней.

— Сейчас принесу тебе костюм Валерия. Спортивный. Большущий, но ничего, до утра поносишь. В нем и спать ложись, как в пижаме...

Через несколько минут Журка вышел из ванной в подвернутых трикотажных штанах и фуфайке до колен. Лидия Сергеевна повела его на кухню ужинать. Следом явился Максим. На руках он опять держал Федота, который, видимо, покорился судьбе. Максим попытался завязать с Журкой беседу, но Лидия Сергеевна турнула ненаглядного сына из кухни. Поставила перед Журкой тарелку с котлетой и картошкой, стакан молока. И вышла вслед за Максимкой.

Журка втянул котлетный запах и только сейчас понял, какой он голодный. Несмотря ни на что. Он забрался коленками на табурет, откусил сразу полкотлеты, но вспомнил про Федота. Спросил в открытую дверь:

— Лидия Сергеевна, можно я Федоту кусочек дам?

— Мы с Максимом его сами покормим, не беспокойся...

Журка допивал молоко, когда в коридоре раздался звонок (в точности такой же, как у Журки дома). Это вернулся откуда-то Валерий Михайлович. До Журки донесся негромкий, но хорошо слышный разговор:

— Ну как? — осторожно и с тревогой спросила Лидия Сергеевна.

— Да вот, принес...

— А он что?

Кажется, Валерий Михайлович сумрачно усмехнулся:

— Что... Сидит, мается. Видать, недавно бегал по улицам, искал...

— Не спорил, не требовал, чтобы назад привели?

— Нет... По-моему, даже обрадовался. Сам учебники собрал. Только молча все. Можно его понять... Может, ты сама с ним поговоришь, Лидуша?

— Может быть... Потом. Сейчас я ему, наверно, в волосы вцепилась бы. Посмотрел бы ты, что он со своим сыном сделал...

Когда Журка нерешительно вышел в коридор, он увидел на вешалке свою куртку и шапку, а в углу — набитый до от-

каза портфель. Лидия Сергеевна выглянула из комнаты и мягко сказала:

— Валерий ходил к вам домой, учебники принес и одежду. А то ты примчался без всего...

— Спасибо... — пробормотал Журка.

— Папу предупредил, что ты у нас...

— А чего его предупреждать, — безжалостно сказал Журка. — Он и так бы прожил.

— Он искать бы стал... И получилось бы, что мы тебя похитили... — Она улыбнулась, потрепала его по непосохшим волосам. — Все уладится. Пойдем...

Журка знал, что ничего не уладится, но сейчас он был размякший, сонный. И послушно пошел в комнату.

Здесь к нему опять примазался Максимка:

— Ты что будешь сейчас делать?

— Не знаю... — вздохнул Журка.

— Давай пхочитаем пхо Бухатино.

— Давай! — обрадовался Журка и стряхнул сонливость.

Потому что не сидеть же просто так целый вечер. А книжку про Буратино он всегда любил.

Они пошли в отгороженный шкафом угол. Там стояла деревянная койка с барьерчиком, она была похожа на корабельную. Смастерил ее Максимкин папа — длинную, «на вырост». Журка лег животом на одеяло, положил перед собой книгу, Максимка устроился сбоку...

Журка дочитал до того, как Буратино попал в кукольный театр и угодил в лапы Карабасу. И в этот момент Лидия Сергеевна сказала:

— Молодые люди, укладываться не пора?

Максим заявил, что не пора. Но Лидия Сергеевна объяснила, что Журка устал и хочет спать.

— А я буду с Жухкой?

— Нет, он будет здесь, а ты с нами.

— И Федот...

— Что Федот?

— С нами.

— Еще новости!

— Я хочу с Федотом.

— В таком случае оба будете спать под кроватью.

— Пхавда?! — возликовал Максим. И очень огорчился, когда узнал, что это шутка. Несколько минут сидел надутый, потом потребовал: — Пускай папа хаскажет сказку. Мне и Жухке.

— Что ты, мне не надо, — торопливым шепотом сказал Журка.

— Тогда песенку. Пхо кохаблик...

— Ну иди, ложись, — покладисто отозвался Валерий Михайлович. — Тогда будет песенка.

— Мы вместе...

— Хорошо, вместе.

Максимка ушел от Журки, а через минуту Журка услышал из своего угла за шкафом:

— Папа, я лег. Давай...

— Давай...

И началась песенка. Густой негромкий голос Валерия Михайловича и картавый, тонкий, как дрожащая проволочка, голосок Максимки:

Если вдруг покажется
Пыльною и плоской,
Злой и надоевшей
Вся земля,
Вспомни, что за дальней
Синею полоской
Ветер треплет старые
Марселя...

Мелодия была незнакомая. Слова тоже. Но что-то знакомое в них было. Что-то от дедушкиных книг и картины «Путь в неведомое».

Над морскими картами
Капитаны с трубками
Дым пускали кольцами,
Споря до утра.
А наутро плотники
Топорами стукнули —
Там у моря синего
Рос корабль.
Крутобокий, маленький
Вырастал на стапеле
И спустился на воду
Он в урочный час,

А потом на мачтах мы
 Паруса поставили,
 И, как сердце, дрогнул
 Наш компас...
 Под лучами ясными,
 Под крутыми тучами,
 Положив на планшир
 Тонкие клинки,
 Мы летим под парусом
 С рыбами летучими,
 С чайками, с дельфинами
 Наперегонки...

Хорошая была песенка. Веселая и такая... по-морскому деловитая. Хотя чувствовалась в ней какая-то грусть и непрочность. Может быть, от Максимкиного дрожащего голоса?

...У крыльца, у лавочки
 Мир пустой и маленький,
 У крыльца, у лавочки
 Куры да трава.
 А взойди на палубу,
 Поднимись до салинга —
 И увидишь дальние
 Острова...

Они замолчали, отец и сын, и несколько секунд была хорошая тишина. А потом Валерий Михайлович воскликнул:

— Эй! Ты куда? А уговор?

— Я на кхошечную минуточку...

Максимка прибежал к Журке и опять забрался на кровать. Спросил таинственным шепотом:

— Ты у нас всегда будешь? Ты будешь мой бхат?

Это был серьезный вопрос, Максимка смотрел внимательно и требовательно. И Журка сказал тоже серьезно. И тоже шепотом:

— Если хочешь, я могу как брат. Но всегда быть у вас не могу. У меня ведь тоже есть мама.

— А она где?

— В больнице пока...

— А папа?

Журка отвел глаза.

— Он уехал... В далекую командировку.

Лидия Сергеевна заглянула за шкаф. Решительно ухватила Максимку за бока и унесла. Журка услышал, как он сказал:

— Ну вот, пехебила хазговах...

— Завтра доразговариваешь. Спи.

И она вернулась к Журке. Присела на дощатый бортик:

— Ты уж не сердись на Максима за его липучесть. Он такой привязчивый. Тебя все время вспоминает и самолет, который ты ему сделал, не дает разбирать. И сегодня так обрадовался...

— Он хороший, — улыбнулся Журка. — Мне бы такого братишку... Он пел так здорово. Лидия Сергеевна, а что это за песенка была?

— Ее сочинил наш знакомый. Товарищ Валерия. Он работает оператором на телестудии, а вообще-то он моряк по призванию... Как это называется, когда человек с парусами возится?

— Яхтсмен?

— Вот-вот... Он с ребятами корабль построил. Небольшой, но совсем настоящий, они на нем в походы ходят. Называется «Капитан Грант». Если хочешь, Валерий тебя познакомит... Ты ведь, по-моему, тоже в моряки собираешься?

— Нет, — сказал Журка и помолчал. — Не в моряки...

— А куда? Секрет?

— Да нет... Для вас не секрет, — вздохнул Журка. — Только про это трудно говорить... Я боюсь, что не получится.

— А что, очень трудная профессия?

— Я еще сам не знаю... Может, такой профессии даже нет... Я хочу, чтобы на свете была такая громадная машина, кибернетическая. Не как нынешние, а гораздо сложнее. Надо так придумать, чтобы она все могла предвидеть...

— Что предвидеть, Журка?

Он мялся, не зная, как объяснить. Сказал неловко:

— Ну, случайности всякие. От которых несчастья. Чтобы их никогда не было у людей...

— Совсем?

Журка кивнул и насутился от смущения. Лидия Сергеевна сказала:

— Значит, это будет машина счастья? Такую машину, Журка, многие пытались придумать. Но, говорят, это невоз-

можно, как вечный двигатель. Видимо, совсем без несчастий не проживешь.

Журка досадливо мотнул головой:

— Я, значит, не так объяснил... Конечно, от всех несчастий никакая машина не спасет. Но... вот если человек идет в опасный поход, в горы, он знает, что может сорваться. И все знают. И он срывается. Это плохо, это горе, но... это как-то... ну, не знаю, как сказать. В общем, тут нет такой несправедливости. Человек же заранее знал, что рискует... А если вдруг случайная горка из песка на асфальте — и сразу гибнут три человека... Как молния ударила... Или вот мама два года назад запнулась на улице за проволоку, упала, и теперь... все по больницам.

Воспоминание о маме кольнуло его неожиданно и сильно. Журка прижался щекой к подушке и стал смотреть в стенку. Не хотел он показывать мокрые глаза, сегодня и так хватало слез. Но стало опять тоскливо: мама в больнице, он здесь, все пошло в жизни наперекосяк...

Журка почувствовал, как Лидия Сергеевна тихо наклонилась над ним:

— Не грусти. И мама скоро вернется, и будут у тебя радости... А машину ты задумал хорошую. Но, наверно, это не машина счастья, а, скорее, машина справедливости...

— Может быть, — пробормотал Журка. В словах «машина справедливости» была какая-то неправильность. Это человек может быть справедливым, а машина... Видимо, Лидия Сергеевна сказала так просто, чтобы отвлечь его от грустных мыслей.

...А как от них отвлечешься? Уже в темноте, когда все заснули, Журка лежал и все думал, думал о том, что случилось. Иногда снова хотелось плакать, но он боялся разбудить Максимку и его родителей. У них и так вон сколько хлопот: квартира однокомнатная, а тут жилец свалился на голову.

Журка лежал неподвижно и дышал тихо, как спящий. Только трогал языком ранку на прокушенной нижней губе. Ранка подсохла и почти не болела, но губа, кажется, распухла.

Наконец он устал от горьких мыслей и неподвижности. Тогда повернулся на бок и стал думать о Ромке. О том, как

они берутся за руки и бегут с высокой насыпи к раскидистым кустам, за которыми блестит Каменка.

— Ты мне приснишь, — тихонько сказал он Ромке. Но Ромка не приснился. Может быть, обиделся, что Журка забыл в своей комнате его портрет?

Журка уснул наконец — будто утонул в черной глухой воде.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Журка проснулся и сразу все вспомнил. Будто и не спал. В голове были те же мысли, в теле — та же боль. Хотя нет. Мысли были не такие резкие и тревожные, а боль — притупленная, нестрашная. Она походила на ломоту в костях и нытье в мускулах после тяжелой работы.

Из-за шкафа пробивался в закуток солнечный луч и лежал на обоях оранжевой полосой.

На кухне звякала посуда, и Максим упрямым голосом доказывал, что привык пить молоко только из «хозовой кхужки».

Журка понял, что уже поздно и что Лидия Сергеевна, видимо, решила его не будить: пускай спит, сколько хочет, чтобы прийти в себя после вчерашнего.

На стуле висела и лежала Журкина одежда — отчищенная, отглаженная. Слегка постанывая, Журка оделся. Неосторожно загремел стулом. Послышались шаги Лидии Сергеевны, и она спросила:

— Журка, ты уже встал?

Он вышел из-за шкафа. Хотел сказать «доброе утро» и застеснялся. Подумал опять, сколько хлопот доставил Лидии Сергеевне. Опустил глаза.

— Как спал?

— Хорошо... Лидия Сергеевна, я бы сам все вычистил, зачем вы... У вас и так сколько дел... Спасибо.

— Подумаешь, дело. Я своего все равно каждый день чищу.

Журка смущенно улыбнулся.

— Даже пуговицы пришили. Где вы их нашли, школьные?

— В старых запасах. Раньше-то я их вам чуть не каждый день пришивала... Умывайся, и пошли завтракать.

— В школу я совсем опоздал... — полувопросительно заметил Журка.

— Ничего, отдохнешь сегодня.

В кухне Журку встретил радостным мычаньем перемазанный кашей Максимка. В углу что-то лакал из блюдца Федот. Валерия Михайловича не было: видимо, ушел на работу.

— А ты разве не ходишь в садик? — спросил Журка у Максима.

— У нас кахантин.

— Меня из-за него скоро выгонят из института, — жалобно сказала Лидия Сергеевна. — Все время то простуда, то карантин, то воду в садике отключили... Я столько лекций напропускала, все с ним дома сижу. А сегодня семинар, я должна была сообщение там сделать...

— А вы идите! — обрадованно воскликнул Журка.

Как хорошо, что он хоть чем-нибудь может ответить Лидии Сергеевне за все ее заботы.

— Что ты, — засомневалась она. — Максим тебя заездит.

— Нет, мама! Мы будем «Бухатину» читать!

— Ой, если вы меня правда отпустите...

— Пхавда!

Прежде чем читать про Буратино, Журка перемыл всю посуду. Максиму он велел помогать, и тот отнесся к делу со всей ответственностью: стоял наготове с полотенцем. Потом они подмели в комнате, вычистили пылесосом коврик в прихожей и только тогда сели с книжкой.

Журка дочитал до встречи Буратино с черепахой Тортилой, и тут Максим стал все сильнее ерзать и отвлекаться.

— По-моему, ты хочешь в туалет, — сказал Журка.

— Нет. Я хочу стоить кохабль.

— Какой корабль?

— Из стульев. Чтобы плыть в путешествие.

— Мама придет — она покажет нам корабль и путешествие.

— Не покажет. Я всегда так игхаю...

Они построили из стульев пароход, сделали из швабры мачту, а из пылесоса двигатель. Максим работал деловито и

увлеченно. Журке тоже нравилась такая игра. Да и опыт был: когда-то они с Ромкой строили во дворе корабль из бочки и старых ящиков.

— Мы поедем на дальний остхов, — решительно заявил Максим.

— Давай, — согласился Журка, и вспомнилась вчерашняя песенка:

...У крыльца, у лавочки
Куры да трава.
А взойди на палубу,
Поднимись до салинга —
И увидишь дальние
Острова...

Журка вдруг подумал, что отец никогда не пел ему никаких песен. Мама пела всякие, а отец ни одной ни разу... Но, потрянув головой, Журка прогнал эти мысли и сказал, что на острове, наверно, водятся дикие звери.

— Тигхы!

Тигром сделали Федота. Но он не захотел, чтобы в него стреляли пробками, обиделся и ушел под диван.

— Пхобкой — это же не больно, — виновато сказал Максим.

— Он отправился в засаду, — утешил Журка.

В это время у дверей позвонили.

— Мама! — обрадовался Максим.

Но пришла не Лидия Сергеевна. Пришли Иринка и Горька.

Увидев их на пороге, Журка и обрадовался, и смутился отчаянно. Затоптался, беспомощно оглянулся на Максима, который тарашил на гостей любопытные глаза. И тогда Иринка сказала просто и спокойно:

— Мы сперва к тебе домой зашли, а твой папа сказал, что ты здесь. Адрес дал.

— Разве он не на работе? — пробормотал Журка.

— Заехал на обед, — объяснила Иринка и спросила, будто про обычное и не очень важное дело: — Ты из-за книжки, что ли, с ним поругался?

Журка ее понял. Она про многое догадывалась и подсказывала Журке, как себя вести и что говорить.

— Да, — сказал он небрежно. — Такой скандал был... Ну, я ушел. Что мне там с ним... Буду здесь, пока мама не вернется.

— А почему не у нас? — ревниво спросила Иринка.

— Я хотел сначала к вам. А потом подумал, что Игорь Дмитриевич на меня, наверно, обиделся: в таком глупом положении из-за меня оказался...

Журка говорил неправду. Вчера он об этом не думал. Но сейчас сообразил, что так, возможно, и было.

— Дурень ты, — вздохнула Иринка. — Он за тебя так беспокоился... На вот, он велел передать. — Иринка достала из сумки газетный сверток.

По размеру и твердости пакета Журка сразу понял, что это такое. Обрадованно и вопросительно взглянул на Иринку:

— А... как это?

— Очень просто. Взял и выкупил.

— Но ведь... а деньги-то... — забормотал Журка, совершенно не зная, что делать и говорить.

Иринка отчеканила:

— Папа сказал, чтобы ты не пикал об этом. Бери, и все. Ясно?

— Ясно, — с облегчением прошептал Журка, потому что понял: не взять нельзя. И «пикать» тоже нельзя.

Он понимал, что теперь, когда станет листать эту книжку, будет вспоминать обо всем плохом и страшном, что случилось из-за нее. Но книжка же не виновата! Все равно он рад, что она вернулась. Он будет вспоминать и о хорошем: о дедушке, об Иринке, об Игоре Дмитриевиче...

А Горька стоял рядом и молча поглядывал из-под медных волос. Все время, пока шел разговор с Иринкой, Журка чувствовал это молчание и этот взгляд. Посмотреть Горьке в лицо он не решался. И среди всех других мыслей билась одна — колючая и тоскливая: «Что же теперь ему сказать, как быть?»

Впрочем, Журка знал, как быть, только это очень трудно. Но надо. Чтобы потом не краснеть перед Горькой, перед Иринкой, перед собой. Надо переступить через мучительный стыд и проговорить: «Горька, прости меня, пожалуйста, я был самый последний идиот. Я сам не знаю, как мог подумать такое...»

— Горька... ты...

Горька перебил торопливо:

— Слушай, я там тебе книжки притащил, а «Всадника»-то я еще не дочитал. Я его по ошибке прихватил в одной пачке. Ты мне потом его дай опять...

И стало понятно, что говорить ничего не надо.

Иринка и Горька принесли Журке домашние задания, но он сказал, что лучше пойдет делать их к Иринке.

— Если, конечно, можно...

— Вот балда-то! Почему же нельзя? — возмутилась Иринка.

— Я, пожалуй, тоже приду, — сказал Горька.

Так они и сделали. Едва пришла Лидия Сергеевна, Журка поспешил к Брандуковым. Горька был уже там. Они засиделись у Иринки до вечера. Пришел Игорь Дмитриевич. Журка один на один, тихо и сбивчиво сказал ему спасибо за книжку. А тот поспешно ответил, что все это пустяки, мелочи жизни, не стоит говорить об этом, и поскорее перевел разговор на Олаудаха Экиано. Оказалось, что приключения Олаудаха он дочитал почти до конца и завтра попробует сделать несколько рисунков...

Журка вернулся к Лидии Сергеевне около восьми часов и почувствовал себя виноватым. Он узнал, что, пока его не было, Максимка маялся, тосковал и мучил родителей вопросами, когда Журка вернется.

Они сели дочитывать «Приключения Буратино».

...Наутро Журка пошел в школу, и там все было как всегда. Не спросили даже, почему прогулял день. После школы он часа два играл с Максимом в морское путешествие, а потом отпросился у него и побежал к Иринке.

А еще через день, когда они с Максимом обедали на кухне, кто-то позвонил у дверей. Лидия Сергеевна вышла и скоро вернулась. Тихо сказала:

— Там твой папа... Хочет поговорить, но не заходит.

У Журки тоскливо засосало под сердцем. Он аккуратно отодвинул тарелку, коротко вздохнул и вышел в прихожую.

Отец стоял у порога. И Журке на секунду показалось, что ничего плохого не было. Потому что папа — вот он, такой же, как всегда. И Журка потянулся к нему, чуть-чуть не

шагнул, чтобы прижаться к знакомой старой кожанке, которую помнил с младенчества. И увидел руки отца с нервными шевелящимися пальцами. И вспомнил, как эти руки скручивали, ломали его. И отшатнулся — не от страха, не от обиды, а от болезненного отворачивания.

Но все случилось в один миг, незаметно для других. Журка молча встал перед отцом и вопросительно посмотрел на него. Глядя в угол, отец негромко сказал:

— Вернись домой, сегодня маму выписывают.

Мама! Журка обрадовался в душе, он истосковался по маме. И по своей комнате с Ромкиным портретом. И по прежней жизни.

Хотя прежней жизни все равно уже не будет...

Журка потрогал языком подживший рубчик на нижней губе и ровным голосом отозвался:

— Хорошо, я приду.

— Пойдем...

— Я один приду. Собраться надо.

— Тогда возьми ключ. — Отец протянул его, Журкин, ключик на тонком шнурке.

...Максимка опечалился до глубины души, когда узнал, что Журка уходит.

— Я буду у тебя часто бывать, — пообещал Журка. Ему тоже стало грустно. — Часто-часто. Даже надоем.

— Нет, не надоешь!.. А зачем ты Федота забихаешь? Мне без него скучно будет.

Журка растерянно посмотрел на Лидию Сергеевну.

— Может, правда оставишь? — спросила она. — Пока в садике карантин... Максимке все же веселее. Ты не будешь мучить Федота, Максим? Журка, он не будет...

— Да разве мне жалко? Пускай! — Журка был рад, что хоть чем-то может утешить Максима.

Лидия Сергеевна обняла Журку.

— Я думаю, ты помиришься с папой. Вы должны разобраться во всем сами... Тут, Журавушка, никто вам не поможет: ни друг, ни учитель. Может быть, только мама...

«А чем поможет мама?» — подумал Журка.

Отец, хотя и отдал ключ, не ушел. Ждал Журку на улице.

Журка увидел его, остановился на миг, потом пожал плечами и пошел. Сам по себе. Отец нагнал, зашагал рядом.

— Надо поговорить, Юрий.

Журка молчал, глядя перед собой.

— Слышишь?

— Что?

— Поговорить надо.

— Я слышу, — сказал Журка. — Но я не знаю, про что говорить. Если знаешь, говори.

День был хороший, синий и солнечный. Грязь подморозило, на лужах блестел стеклянный ледок. Журка шурился от солнечных лучей. Иногда трогал языком рубчик на губе.

— Я вот что... — стараясь держаться деловитого тона, сказал отец. — Давай условимся маме ничего не рассказывать. Не надо ее волновать после больницы.

— Хорошо, я не буду рассказывать, — отозвался Журка. Он и сам понимал, что маму лучше не расстраивать.

— Ну, вот так значит... Что было, то было. Что ж об этом теперь...

— Теперь — ничего, — согласился Журка и проводил глазами воробьев, стайкой сорвавшихся с забора.

— А в школе как?

— Что «как»? — ровно переспросил Журка.

— Ну, как дела...

— Какие дела?

— Учеба, отметки...

— С отметками у меня все нормально. За первую четверть троек не будет.

— Ну и молодчина! — бодро отозвался отец. — Если дальше так пойдет, к весне мопед купим.

— Зачем?

— Как зачем? Кататься будешь.

— Да? — сказал Журка и почувствовал, как подкатывает смех. После всего, что было, — мопед. Это надо же придумать! Удержаться Журка не смог, начал смеяться сильнее и сильнее. Это было плохо. Страшно даже. Потому что Журка понял: вслед за смехом сейчас рванутся слезы. С испугом и отчаянием он скрутил себя, заставил замолчать, закусил губу.

— Ты что? — удивленно сказал отец.

— Ничего. На мопеде можно ездить только с четырнадцати лет.

— Да ерунда какая! Все мальчишки ездят.

— Нет. Нельзя нарушать правила, — очень серьезно проговорил Журка.

Потом они долго молчали. Только у самого дома отец хмуро сказал:

— Хотел я выкупить обратно твою книгу, только нету ее уже в магазине.

— Книгу мне вернули.

— Кто?

— Ее купил Игорь Дмитриевич, отец Иринки.

— А... Ну, что ж... Деньги ему отнесешь потом.

— Думаешь, он возьмет? — со спокойным сомнением спросил Журка.

У отца прорвалась досада:

— А почему не возьмет? Презирает, что ли?

— Не знаю. Но он не возьмет, он ее мне подарил.

Дома было все, как прежде. Да и что могло измениться за три дня? Это только казалось, что он, Журка, вернулся из далекой и долгой поездки.

Веселый Ромка смотрел со стены вслед улетевшим птицам и готов был вот-вот взглянуть на Журку.

— Ты не сердись, что я тебя здесь оставил, — прошептал Журка.

Потом он разложил на столе учебники, поставил на полку «Сочинение об описи морских берегов». На прежнее место. Это было нетрудно. А как расставить и разложить по местам все, что скомкалось и перемешалось в жизни?

Отец заглянул в Журкину комнату, сказал насупленно:

— Я поехал за мамой. Значит, мы договорились, что ей ни гугу...

— Договорились, — со вздохом отозвался Журка. — Но только имей в виду, что я тебя все равно ненавижу...

Он заметил, как опять побелело отцовское лицо, и даже испугался на миг. Но только на миг. Он сказал то, что обязан был сказать. Он не хотел ни злить, ни обижать отца: просто объяснил все полностью.

Отец выкрикнул с придыханием:

— Ты что! Опять?

— Что опять? — тихо спросил Журка.

— Думаешь, если я... если с тобой по-хорошему, можно на отца опять плевать?! Сопляк! Или мало получил? Могу еще!

— Давай, — устало сказал Журка. — Ты сильнее в десять раз, справишься... А дальше что?

— А вот узнаешь что!

— Да не боюсь я, — сказал Журка. — До смерти все равно не изобьешь, а боль я перетерплю. А дальше-то что? Думаешь, я тебя снова любить начну?

Отец постоял, нагнул голову и шагнул из комнаты. Журка навзничь лег на тахту. Прислушался к тишине. Потом привычно позвал:

— Кис-кис... — И вспомнил, что Федот остался у Максима.

СТЕНКА

Как будто от мамы что-то можно было скрыть!

Она сразу поняла, что в доме неладно. Сразу спросила у Журки, что случилось. Журка, однако, ответил:

— Ничего. Все нормально. — И поскорее сел за уроки. Он твердо решил ничего-ничего не говорить.

Мама больше не расспрашивала его. Но вечером, когда Журка лег, она взялась за отца. Журка, засыпая, смутно слышал их голоса. Один раз он отчетливо разобрал мамин гневный вскрик:

— Ну что же ты за зверь!

Отец вопреки обыкновению отвечал тихо и, кажется, виновато.

«Так тебе и надо», — мстительно подумал Журка и не стал прислушиваться, заснул.

...Утром его не будили, было воскресенье. Проснулся он поздно, со скукой взглянул на пасмурное окно, лениво сел, спустил ноги. Стал думать: идти с утра к Иринке или сесть за книжку. Но это были поверхностные мысли. А в глубине вертелась беспокойная мысль, что предстоит разговор с мамой. Маме бы лучше не волноваться, но куда денешься?

Мама осторожно вошла. Села рядом. Журка сразу понял, что она знает все. Зябко свел плечи. Мама осторожно потрогала на его затылке завитки волос. Тихонько спросила:

— Ну что? Плохо, да?

Журка сразу понял, о чем речь. Обида опять колыхнулась в нем, и он сказал нарочно спокойным голосом:

— По-всякому. Одно плохо, другое хорошо...

— Я про папу. Как вы с ним...

— А с ним не плохо и не хорошо, — холодно проговорил Журка и стал смотреть в окно. — Сначала было плохо, а теперь... никак.

— То есть будто и нет его?

Журка пожал плечами:

— Почему? Он, конечно, есть. Но мне все равно.

— Журка, ну нельзя же так! Он же твой папа...

— Да... А что же теперь делать? — негромко сказал Журка, потому что и в самом деле не знал, что делать. Он подтянул коленки, уперся в них подбородком и быстро, украдкой, взглянул на маму. Спросил с надеждой: — А может... я не его сын?

— Что? — Мама наклонилась к Журке, и он увидел, что она не знает, засмеяться или рассердиться. — Ты что городишь, дуралей...

— Ну... ты же говорила сама, что я весь в тебя, а на него ни капельки не похож. Ничего общего...

Мама притянула Журку к себе, посидела молча. Потом серьезно сказала:

— Есть у вас общее...

— Что?

— Ваше самолюбие. У обоих одинаковое. Гордость...

Журка подумал над этими словами. Честно подумал, а не так, чтобы сразу сказать плохое. Но, подумав, беспощадно сказал:

— У него не самолюбие, а злость... И какая там гордость? Книжку унес потихоньку и даже сказать побоялся. А я потом хоть сквозь землю...

— Но он же не знал! Журка!.. Ты пойми, что он совсем по-другому смотрел на это. Думал, что эти книжки для тебя, как игрушки для малыша: сперва поиграешь, а потом надо-

ест и забудешь. А если забыл про старую игрушку, зачем напоминать? Взял и унес... Помнишь, как я твои старые машинки в кладовку прятала? Если ты не видел, то и не вспоминал, а как увидишь — вцепишься: жалко!

— Это совсем другое дело...

— Но папа-то не знал, что другое. Он просто тебя не понимал. А ты его. Ты его тоже очень обидел.

— Ну да! — вскипел Журка. — На свои обиды у него есть гордость! А меня можно, как... бумажную куклу...

— Почему куклу?

Журка сказал неожиданно осипшим голосом:

— А помнишь, когда я маленький был, ты мне разных куколок вырезала из бумаги? А для них одежду бумажную, чтобы наряжать по-всякому... Ну вот, он меня как такого бумажного человечка — будто скомкал...

Мама долго молчала. Журка, чтобы спрятать заблестевшие глаза, стал натягивать через голову рубашку. Из-под рубашки проговорил:

— Я знаю, что сперва был виноват... Потому что так сказал... Но он на меня, как будто я самый страшный враг...

— Он горячий... И он же не думал, что это так закончится! Ему в детстве сколько раз попадало от родителей, и он никуда не бегал. Вот и сейчас не понял: что тут страшного?..

— «Страшного»... — усмехнулся Журка. — Он решил, что я его испугался, да? Я не поэтому ушел.

— Я ему объяснила... Но не у всех ведь так, Журка. Вот Горьку отец взгреет, а на завтра они вместе на рыбалку едут. А разве Горька хуже тебя? Или у него меньше гордости?

Журка подумал и пожал плечами:

— Разве я думаю, что он хуже? Просто... он такой, а я такой.

— Какой же? — осторожно спросила мама.

— Я?

— Да нет, Горька. — Мама чуть улыбнулась. — Тебя-то я знаю.

— А он... Ты говоришь, с отцом на рыбалку. Ну и что? А как двойку получит, заранее анальгин глотает, чтобы дома не так больно было... Ему главное, чтоб не очень больно, а кто лупит — ему все равно. Хоть отец, хоть враги...

— Ну какие у вас с Горькой враги?

— Мало ли какие... Меня летом одна компания в плен поймала, хотели отлупить. Ну, это понятно было бы. Хоть плохо, но не обидно... А тут все наоборот: отец... вон как меня, а Капрал... это их атаман... он меня на улице встретил и куртку свою дал. Даже домой к себе звал...

— И все на свете перепуталось. Да? — сказала мама. — Ну, что же... А знаешь, милый, во всей этой истории есть какая-то польза.

— Да?! — вскинулся Журка. И вдруг вспомнил, как плевал на дверь красной слюной. И отодвинулся от мамы.

— Да, — вздохнула мама. — По крайней мере ты знаешь теперь, какая бывает боль.

Журка вздрогнул, но сказал пренебрежительно:

— Да что боль... Губу закусил, вот и все.

— Я не про такую боль. Я про то, как плохо, если родной человек обижает, а враг жалеет. Когда сердце болит... Такое тоже случается в жизни, это надо знать. А ты до сих пор жил, как счастливый принц.

— Почему это?

— Был на свете писатель Оскар Уайльд, и написал он сказку о счастливом принце, который жил в своем прекрасном дворце, за высокой стеной, и не ведал о людском горе...

— Сказку я читал, — перебил Журка. — Вон сказки Уайльда на полке. Дедушкины...

— Ох, а я и не знала...

— А при чем здесь этот принц?

Мама задумчиво сказала:

— Да потому, что жил ты, мой Журавлик, до сих пор спокойно и счастливо. Бегал, играл, в школу ходил, и никаких несчастий у тебя не было. Так, пустяки всякие... Ты даже (тьфу-тьфу) не болел никогда слишком сильно, только ангиной... С людьми бывает столько всяких бед, а ты до этого случая никакого горя не испытывал...

— Испытывал, — прошептал Журка. — Ромка...

— Да... Ромка. Верно... Только ты все равно не видел, как это страшно. По-моему, тебе до сих пор кажется, что Ромка просто далеко-далеко уехал.

— Нет, — возразил Журка и опустил голову. Потому что

в глубине души почувствовал, что мама в чем-то права. И он сказал: — Кажется иногда... Ну и что? Разве это плохо?

— Нет, не плохо. Я просто говорю, что это сделало твое горе не таким сильным. И к тому же оно у тебя было единственным в жизни.

— А дедушка...

— А что дедушка? Ты его не очень-то и знал. Всплакнул немного, вот и все...

— Это сначала... А потом не так... — тихо сказал Журка. — Когда письмо прочитал...

— Какое письмо?

Журка встал, снял с полки «Трех мушкетеров», вынул длинный конверт. Не глядя, протянул маме. Потом стал медленно застегивать рубашку и слышал, как мама шелестит бумагой. Наконец она сказала:

— Вот какой у тебя дедушка... А что же ты мне раньше не показал письмо?

Журка, чувствуя какую-то виноватость, шевельнул плечом:

— Не знаю... Не получалось.

— Да... Ты взрослеешь, — со вздохом сказала мама. И вдруг предложила: — Давай покажем это папе.

— Еще чего! — взвился Журка.

— Зря ты не хочешь. Он бы сразу многое понял. Он тоже мучится...

— Ничего бы он не понял. И ничего он не мучится, — жестоко сказал Журка.

— Не говори так. Он же тебя очень любит...

— Да?

— Не надо смеяться... Время пройдет, и все уляжется. И вы помиритесь.

— «Помиритесь», — отозвался Журка. — Как во дворе. Поспорили, когда играли, потом помирились...

— А как же иначе? Как жить дальше? А я что буду делать? Я вас обоих люблю, — жалобно, как девочка, сказала мама.

Эта жалобность смутила Журку. Но что он мог с собой сделать? Он отвернулся, запрыгал, натягивая брюки, и проговорил:

— Ты, мама, не волнуйся. Вражды не будет. Все будет... спокойно.

В самом деле, все было спокойно. Будто ничего не случилось. Журка говорил отцу «доброе утро» и «спокойной ночи». Вежливо отвечал, если тот о чем-нибудь спрашивал. Но смотрел при этом ему в лоб или в подбородок — мимо глаз. И никогда теперь Журке не пришлось бы в голову сказать: «Папа, можно я поеду с тобой покататься?» Или с разбега прыгнуть ему на плечи (отец и раньше ворчал на него за такие трюки, но Журка только хохотал).

Сейчас будто встала между ними прозрачная, но абсолютно неразбиваемая стенка. Отец эту стенку, разумеется, чувствовал. Видно, она крепко мешала ему. Он пытался показать, что все в порядке, делался иногда слишком веселым и разговорчивым, но это его оживление как бы расплющивалось о броневое стекло. Тогда он мрачнел, начинал ворчать на пустяки, но и эта жалкая сердитость разбивалась у прозрачного щита. Журка во всех случаях оставался спокоен и вежлив. Отец, скрипнув зубами, уходил из дома или просто замолкал.

Мама все понимала, Журка видел, как ей плохо от такой жизни. Но сделать ничего не мог. И от этого была у него на сердце не сильная, но постоянная тяжесть. Однако человек привыкает ко всему, привык и Журка к этой тяжести. Привык, что вечера дома стали тише и молчаливее. Только к маминым печальным глазам привыкнуть было трудно.

Мама больше не говорила с Журкой об отце. То ли понимала, что бесполезно, то ли ждала чего-то. А время шло. И жизнь, хотя и не такая хорошая, как раньше, тоже шла. Были школьные заботы, была Иринка, был Горька, который уже совсем не помнил про обиду... Давно уже переселился домой Федот, потолстевший и окончательно обленившийся в доме у Лидии Сергеевны. Прошел наконец сбор, на котором Журка рассказал об Олаудахе Экиано, а Иринка показала на экране рисунки Игоря Дмитриевича. Хороший получился сбор, его потом повторили еще для пятого «Б». Наступили Октябрьские праздники и каникулы — и тоже прошли. В середине ноября выпал большой снег.

Когда на смену долгой, надоевшей осени приходит свер-

кающая зима, кажется, что в жизни открылась новая страница. Показалось так и Журке. Но ненадолго. Потому что с отцом у них все было по-прежнему. Стенка...

Однажды под вечер отец привез новый кухонный шкафчик. Красивый, с голубыми пластмассовыми дверцами. Мама обрадовалась. Отец электродрелью просверлил в кирпичной стене отверстия, забил деревянные пробки, вогнал в них шурупы. Потом стал навешивать шкаф и позвал на помощь Журку. Журка молча стал поддерживать шкаф плечом. Отец с натугой сказал:

— Что-то не нравится мне правый шуруп. Не до конца вошел, а дальше не лезет, отвертка паршивая. Юрий, принеси из ящика ту, что с деревянной ручкой. Поживей...

— Хорошо, — ровным голосом ответил Журка. — Только, пожалуйста, придержи мой край, а то шкаф может сорваться.

Он принес отвертку и аккуратно, рукояткой вперед, протянул ее отцу. А сам смотрел на латунные ручки шкафа... Отвертка вдруг со стуком полетела в угол.

— К черту! — сказал отец. Сорвавшийся шкаф косо повис на одном шурупе. Журка отшатнулся — не от страха, а от неожиданности.

— Идите вы все! — с той же злостью сказал отец. Шагнул к окну, смял занавески, вцепился в косяки, уткнулся лбом в стекло. Тут же появилась в кухне мама.

— Что случилось?

Отец молчал, его пальцы на косяках побелели. Мама повернулась к Журке:

— Юрик, что произошло?

— Я не знаю, — сказал Журка, хотя знал. Понял. И мстительные струнки ошутимо зазвенели в нем. Очень-очень спокойно он проговорил:

— Кажется, папа чем-то недоволен. Папа, я сделал что-то не так?

Отец размашисто повернулся. Журка снова отчетливо увидел на белых скулах пороховые точки.

— Вы... — коротко дыша, сказал отец. — Думаете, я не вижу? Я же для вас... Кто? Я все для дома, башкой бьюсь, вкальываю, как лошадь, а вы...

— Саша, перестань, — быстро сказала мама.

— Что перестань? — с неприятным визгом спросил он. — Вы же со мной как с чужим! Живу, как в холодильнике, хоть домой не приходи! Уйду я к лешему, ну вас...

Журка поднял отвертку и тихо положил на стол. Сказал:

— Раз я пока не нужен, я пойду учить уроки.

Пришел в свою комнату, сел к секретеру и стал перелистывать учебник ботаники. Просто так...

Из кухни долетали обрывки разговора. Вернее, обрывки маминых фраз. А то, что кричал отец, Журка слышал полностью:

— Теперь мне что, на пузе перед ним ползать?! Как побитому псу?!

Мама, кажется, сказала, что побитый-то не он, не отец, а наоборот.

— Надо же, беда какая! всю жизнь будет помнить? С другими еще не так бывает...

— С другими — это с другими, — сказала мама.

— Ну, конечно! А вы особые! Тонкая кость, нежное воспитание! А я бык, дубина неотесанная! Знай свою баранку...

Журка хмуро усмехнулся. Отец и раньше, если злился, любил говорить, что где, мол, ему, необразованному шоферу, до мамы с ее художественными вкусами. Мама иногда смеялась, а иногда отвечала, что сам виноват: не надо было бросать учебу в техникуме. Кажется, и сейчас так сказала.

— Ну и что техникум?! — крикнул отец. — Ну и кончил бы! Это все без разницы! Технар — он все равно технар! Это вы — интеллигенция...

Мама что-то ответила. Потом Журка услышал ее шаги: она шла в Журкину комнату. Он замер над учебником.

Мама вошла, постояла за Журкиной спиной и тихо спросила:

— Неужели тебе его ни капельки не жаль?

Журка чуть шевельнулся. Жаль?.. Если бы отец вдруг пошел, сказал бы: «Юрка, ну что же ты? Мне тоже не сладко, я сам не понимаю, как это случилось. Юрка, давай будем, как раньше...» — тогда, может быть, по броневому стеклу прошла бы трещинка. Только отец этого не сделает... А так-то, как сейчас, было не жаль.

Мама устало села на тахту. Журка насупленно спросил:

— А что ему от меня надо? Я его слушаю, не грублю...

— Ты над ним издеваешься.

— Я?! — Журка резко повернулся вместе со стулом. — А не наоборот?

— Но то, что случилось, это один раз! Нельзя же из-за этого калечить всю жизнь...

— Я ничего не калечу, — тихо, но упрямо произнес Журка. — Но обниматься с ним я не могу... Мама, можно, я к Иринке схожу? Я обещал...

Он пошел к двери. Но мама сказала вслед:

— Подожди.

Журка остановился у порога. Заметил на крашеном косяке ржавое пятнышко и начал тереть его помусоленным пальцем.

— Журка-Журка, что же дальше-то будет? — спросила мама.

«Я не знаю», — подумал Журка, но ответить не решился. Мама сказала с прорвавшейся досадой:

— Сил моих нет с вами... Ну, что ты молчишь? Повернись! Что ты там скребешь?

Журка не повернулся. Он ответил:

— Я не скребу, я оттираю. Пятнышко. Это с того дня осталось... когда я тут кровью плевал...

Вернувшись от Иринки, Журка увидел, что дома будто все в порядке. Шкаф висел, как надо, мама и отец разговаривали спокойно, даже весело. Это обрадовало Журку, потому что его грызла тревога за маму. И такое чувство, будто он обидел ее. Не хотел, а обидел.

Чтобы прогнать эту виноватость, Журка заговорил с мамой о каких-то пустяках, и она ответила ему с улыбкой. Тогда Журка успокоился...

Прошло два дня, и отец сообщил, что уезжает в командировку. Его попросили участвовать в каком-то дальнем пегоне.

— Проветрюсь, — небрежно сказал он. — Да и подзаработаю, кстати...

Мама вздохнула и посмотрела на Журку. Журка отвел глаза...

Без отца жизнь пошла ровно и почти беззаботно. Появились в жизни новые радости. Склоны Маковой горы укрыл плотный снег, и Журка с Иринкой, Горькой и другими ребятами почти каждый день катался там то на санках, то на лыжах. До сумерек. Потом Журка с Горькой провожали Иринку, заходили к ней, и Вера Вячеславовна поила их чаем, пока обледенелые куртки оттаивали в коридоре. Вечером Журка и Горька, приткнувшись у Журкиного секретера, готовили уроки. Мама говорила, что уроки делать надо днем, иначе это кончится сплошными тройками, а то и двойками за полугодие. Журка обстоятельно доказывал, что «ничего не кончится», а Горька виновато вздыхал и сдувал у него задачки...

Отец вернулся в начале декабря. Веселый, шумный. Обнял маму, взглянул на Журку. Вот тут бы ему сказать: «Юрик, шоференок ты мой... Давай забудем все плохое...» Но он с тем же веселым лицом облапил Журку, колюче поцеловал в щеку. И Журка, ощутив на себе хватку крепких рук, закостенел под этим поцелуем. Но отец ничего не заметил. Или сделал вид, что не заметил? Взглядом соскучившегося хозяина отец оглядел комнату, с хрустом шевельнул плечами, бодро сказал:

— Ну вот, люди, теперь можно покупать цветной телевизор. Как вы на это смотрите?

Мама умоляюще взглянула на Журку. И ему стало очень жаль ее. Чтобы не огорчать ее, Журка сказал:

— А чего ж... Цветной — это здорово.

Он увидел, как обрадовалась мама. Чтобы закрепить эту радость, Журка сделал усилие — посмотрел отцу в глаза и спросил:

— А какую марку ты выберешь?

— Ха! Какую марку! — чересчур возбужденно откликнулся отец. — Это уж какая будет в продаже! Конечно, надо лучше...

Тогда Журка бросил взгляд на счастливую маму и сказал как можно беззаботнее:

— Хорошо бы купить к Новому году. В каникулы всегда такие передачи... Особенно мультики...

Он постарался, чтобы мама не увидела его виноватых глаз. И она от радости, кажется, не заметила Журкиной лжи.

А ложь была. Потому что цветной телевизор — это, конечно, хорошо, но счастья он не прибавит. И лучше бы отец не стискивал Журку и не тыкался ему в щеку сухим ртом и колючим подбородком...

Журка выскользнул в свою комнату и передернул плечами. Подошел к окну. За двойными стеклами падал на развилку тополя теплый ласковый снег. Он падал сейчас на весь город. Укрывал мягкими шапками старую церковь на вершине Маковой горы, сыпался на склоны.

Там, на склонах, среди разноцветных ребячьих курток и шапок, наверное, мелькал уже вязаный оранжевый колпачок Иринки... Журка вышел в коридор и стал вытаскивать из-за полки с обувью санки...

Часть третья

ЕЩЕ ОДНА СКАЗКА О ЗОЛУШКЕ

СВЕРКАЮЩАЯ ТУФЕЛЬКА

Вера Вячеславовна шила из мешковины маленькое разлохмаченное платье. Она была довольна: только что Игорь выставил своего приятеля Иннокентия. Тот пришел и начал звать Игоря к себе в мастерскую «проветриться и посмотреть новые работы». А Игорь сказал:

— Не могу. Ответственный заказ...

Он мазал клеем и сыпал осколками елочных шариков остроносую туфельку. Иннокентий вытаращил глаза:

— Ты чего это сотворяешь?

— Дочка в Золушки подалась. Требуется срочно костюм и хрустальные башмаки. Так что уж извини...

Иннокентий обиженно повздыхал и ушел. Игорь поставил на ладонь узкий башмачок и поднес к лампе. От башмачка метнулись тонкие разноцветные лучи.

Из другой комнаты просунула голову Иринка.

— Ой, какая прелесть! Папочка, дай посмотреть! — Она подлетела к столу, протянула руки.

— Подожди, не тронь. Пусть подсохнет... И потом осторожнее с ним, не порежешься осколками.

— Ладно... Можно, я только взгляну?

Иринка убрала за спину руки, а лицо придвинула к туфельке. Вера Вячеславовна увидела, как по Иринкиным щекам словно разлетелись цветные бабочки...

— Папа, а вторую скоро сделаешь?

— Вторую? Здрасьте, а зачем? Ведь Золушка ее потеряла.

— А принц-то нашел! Она у принца будет.

— Ах, да! Про него я и забыл...

— Кстати, принц что-то сегодня задерживается, — заметила Вера Вячеславовна. — Поздно уже, и холод такой...

— Придет, придет, — Игорь Дмитриевич весело взглянул на дочь. — Сквозь тьму, мороз и вьюгу. Все равно доберется до Золушкиной хижинки.

Иринка фыркнула:

— Вы еще подразнитесь: «Жених и невеста»... — Она, конечно, не знала, что такие же слова осенью Журка говорил Горьке. — Будто первоклассники. Не стыдно?

— Стыдно. Мы больше не будем, — поспешно раскаялась Вера Вячеславовна. И укоризненно посмотрела на мужа.

— Придется для искупления вины делать второй башмак, — вздохнул тот. — Вот работка... Эге, там звонят! Ришка, открой.

— Папа, лучше ты. Видишь, я платье примеряю.

Когда разгоревшийся от мороза Журка вошел в комнату, Иринка уже стояла в платье из мешковины (еще не дошитом) и осторожно держала у груди сверкающий башмачок. Волосы ее были весело растрепаны. Она нетерпеливо глянула на Журку:

— Ну как?

— Ничего, — снисходительно сказал Журка. — Вполне Золушка. Еще нос помажешь углем да веник возьмешь, и тогда — в точности...

— Их высочество боится, что я перепачкаю его сажей, — хмыкнула Иринка...

— А вот и не боюсь. У меня костюм из черного бархата.

— Уже готово? — спросила Вера Вячеславовна.

— Мама дошивает.

Это Иринка придумала, чтобы они на карнавале были Золушкой и принцем. Журка сперва отказывался. Ему не нравилась дурацкая мода средневековых принцев, которые ходили в бархате, в девчоночьих колготках и кружевах. А самое главное, у него уже был другой костюм, как у мальчишки из книги «Приключения юнги»: белая матроска, тельняшка, настоящая бескозырка. Мама в старые школьные брюки вставила клинья, и получились матросские клеши. Егор Гладков обещал дать на время ремень с якорем на пряжке. Журка уже сделал флажки и выучил, как сигналить семафорной азбукой слова «С Новым годом!».

И тут Иринке пришла фантазия стать героиней старой сказки! А какая Золушка без принца?

Журка сперва ее очень отговаривал. Предлагал тоже одеться юнгой. Обещал сделать вторую пару флажков, чтобы на празднике обмениваться сигналами. Говорил, что Золушки и принцы уже всем надоели. Но Иринка уперлась.

Журка в сердцах сказал:

— Ну, еще ладно, если ты бы стала Золушкой, которая уже сделалась принцессой. А чего тебе охота в лохмотья наряжаться?

Они вели спор на уроке истории сердитым шепотом. С опаской поглядывали на Маргариту Васильевну, которая что-то объясняла у карты.

— Ты бестолковый какой-то, — прошептала Иринка. — Золушка на балу, когда она уже принцесса, — она красавица. А я кто?

— Кто?

— Скажешь, я красивая?

Журка досадливо засопел: опять она об этом. Нет, она не была красивая. Но она была... как Иринка. И ничего, что зубы пилой и что конопушки. Все равно хорошая. Только про это как говорить? Тем более что Маргарита уже несколько раз косилась на них и от недовольства слегка наливалась помидорным соком.

И чтобы спастись от дальнейших разговоров, Журка пробормотал:

— Ну, ладно, ладно, буду принцем. Тебя все равно не переспорить...

Мама, конечно, очень обрадовалась, узнав об Иринкиных планах. Она распоролла старое бархатное платье, отыскала в своих ящиках серебряный галун и кружева, набросала на листе эскиз костюма и села за шитье. Она истосковалась по такой работе. Последний раз до этого она шила театральные костюмы еще в Картинске, для молодежного спектакля «Сирано де Бержерак».

Сначала Журка без восторга смотрел, как неровные куски материи превращаются в одеяние королевского сына. Но мама радовалась, и он, чтобы не обидеть ее, тоже старался радоваться. А потом увидел, что костюм и в самом деле красивый. Журке показалось, что он похож в этом костюме на стремительного черного стрижа, который в полете для скорости прижимает к бокам узкие крылья.

Вместо бальных башмачков с бантиками, о которых Журка думал с тихой ненавистью, мама сшила из черной клеенки мягкие полусапожки. Она отделала их отвороты серебристыми полосками. Такими же полосками украсила края короткого плаща — черного с голубой подкладкой. К узкой курточке пришила витые синие шнуры, смастерила широкий кружевной воротник. Журка прикинул все это на себе и понял, что доволен.

А самое хорошее — то, что принцу полагалась шпага. Она была почти настоящая: братья Лавенковы дали Журке обломок старой спортивной сабли — эспадрона. Для взрослого — обломок, а для Журки — в самый раз. Он начистил до серебряного блеска лезвие и щиток на рукояти, сделал из дюралевой трубки ножны, обмотал их черной блестящей изолентой, украсил жестяными звездочками. Из тонкого алюминия он смастерил шпоры и прицепил к сапожкам. А мама к этому времени сшила широкий бархатный берет.

Костюм понравился даже Горьке, хотя сначала к Иринкиной идее он отнесся пренебрежительно. Сказал, что девчонки помешались на Золушках и для другого у них просто не доросли мозги. Сам Горька делал костюм Гавроша. Работа была нехитрая: пришить на старые широкие штаны несколько заплат, прорвать дыры на рубахе да отыскать большую,

чтоб на уши налезала, кепку. Главное-то не в этом. Главное, что у Горьки-Гавроша был пистолет. Очень похожий на старинный. Горька сделал его из деревяшки и обрезка широкой трубы. В трубу можно было вставлять хлопушку. Дернешь за нитку — пистолет грохает, из него летит пламя и цветные бумажные кружочки. Труба усиливала звук. Горька один раз пальнул у Журки дома, и обезумевший Федот с нехорошим воем заметался по дымной комнате...

Ну, а Журкин костюм Горьке в самом деле понравился.

— Ничего, — сказал Горька, — смотришься... — Но тут же добавил слова, которые встревожили Журку: — А Ирка-то что? Рехнулась? Ты вон какой... весь из себя королевский сын, а она в тряпье. Охота ей рядом с тобой выглядеть трубочистой?

— Она же сама это придумала, — пробормотал Журка.

— Понятно, что сама. А зачем?

— Да я и сам не пойму...

На следующее утро Журка честно рассказал Иринке об этом разговоре. Но Иринка весело хмыкнула и ответила, что Горька и Журка — оба дурни. Простых вещей не понимают! Когда люди видят Золушку в лохмотьях, они знают, что все равно она станет принцессой. Значит, вся сказка у нее впереди.

Впрочем, и в платьице из мешковины Иринка была славная: веселая, ловкая, с забавными косичками, которые торчали одна вбок, другая вверх.

Оставалось придумать, что же Золушка и принц будут делать на карнавале. Каждый, кто в костюме, должен был или стихи прочитать, или сценку сыграть какую-нибудь, или станцевать. Стихов про Золушку и принца Иринка и Журка не знали, танцевать Журка не умел, а сценку... Как ее придумать? Оставалась надежда на Веронику Григорьевну.

Вероника Григорьевна преподавала литературу. Только не у пятиклассников, а в более старших классах. Но знали ее все. Она заведовала школьным драмкружком, устраивала для младших ребят литературные утренники, а кроме того, иногда заменяла у пятиклассников Анну Анатольевну, которая часто болела.

Выглядела Вероника Григорьевна внушительно: высокая, полная, с дремучими бровями, пегой косматой причес-

кой и решительным, как у римского полководца, подбородком. И голос у нее был подходящий для такой внешности — басовитый и рокочущий. Он прокатывался по всем этажам громом вагонных колес, когда Вероника Григорьевна созывала ребят:

— Эй, оболтусы мои ненаглядные! Пошли в класс, у меня к вам интересное дело!

«Оболтусы» — это ученики восьмого «А», где Вероника Григорьевна была классным руководителем. В этом классе учился Егор Гладков. Он говорил:

— Вероника — во! Лучше, чем она, учителей не бывает.

Журка про себя не соглашался: Лидия Сергеевна была, без сомнения, лучше. Но Егора он понимал. В самом деле, Веронике Григорьевне все любили. Когда она приходила к пятиклассникам вместо «Аннушки», ребята знали, что двойки никому не грозят и скуки на уроке не будет. Если кто-нибудь не мог ответить у доски, Вероника Григорьевна рокотала:

— Ох, оболтусы... Что же мне теперь, твой дневник двойкой украшать? Это по литературе-то? Русская литература, дорогие мои, существует на свете для того, чтобы доставлять людям радость, а не огорчения... Садись и к следующему уроку выучи так, чтобы не краснеть перед Пушкиным и Гоголем...

Потом она принималась что-нибудь рассказывать. Не всегда по плану урока, но обязательно интересное: про дуэль Пушкина и Дантеса, про то, как воевал на Севастопольских бастионах Лев Толстой, про старинные романы о рыцарях Круглого стола. Или про то, как со своими сыновьями Витькой и Борисом (тоже восьмиклассниками и «оболтусами») путешествовала по Прибалтике и Карелии. Один раз Сашка Лавенков спросил:

— А почему ваши ребята не в нашей школе учатся?

Вероника Григорьевна замахала большими руками:

— Ну-ну-ну! Этого мне еще не хватало! Было бы здесь на двух оболтусов больше!

И, не смущаясь, рассказала, как накануне ее вызывали в школу номер семь по поводу милых Витеньки и Бори:

— Акселераты несчастные! С меня ростом, а устроили с подшефными третьюклассниками конный бой на перемене.

Шкаф со спортивными кубками уронили, балбесы... И на кого! Хоть бы на учителя физкультуры, а то на музыканта!

Класс веселился...

Вероника Григорьевна была энергичным человеком. Когда приходилось устраивать в школе тематический вечер, выставку, встречу гостей или фестиваль искусств, Алла Геннадьевна обязательно звала ее на помощь. Сама Алла Геннадьевна была завуч. Точнее, заместитель директора по внеклассной работе. Она ходила по школе прямая, со сжатыми губами и постоянно чем-то раздосадованная. Обиженно блестяли ее круглые очки — такие большие, что они напоминали эмблему, которую укрепляют на крышах свадебных такси. Если человек все время чем-то недоволен, разве он может устроить праздник? Поэтому и нужна была Вероника Григорьевна.

Устройство карнавала Вероника Григорьевна полностью взяла на себя. Поступила она очень хитро: участников будущего праздника приглашала к себе в литературный кабинет поодиночке или маленькими группами и придумывала с ребятами выступления. О чем они там договаривались, почти никто не знал. Ну и правильно! Надо, чтобы на карнавале все номера были неожиданными.

Иринку и Журку она попросила прийти в субботу в шесть вечера. С ними напросился и Горька. Увидев его, Вероника Григорьевна крякнула и насупила брови:

— А вам что надо, товарищ Гаврош Валохин? Стихи я тебе дала, о стрельбе договорились...

— Да пусть, — быстро сказал Журка. — Мы вместе, у нас друг от друга секретов нет.

Он заметил, как благодарно блеснули Горькины глаза.

Иринка и Журка торопливо переоделись. Она — в уголке за отодвинутым от стены шкафом, он — за ширмочкой из стульев и большого плаката с биографией Салтыкова-Щедрина. На узкой бархатной курточке сзади, под воротником, трудно было застегивать «молнию», и Журка окликнул Горьку, попросил помочь. Потом взял из сумки сверкающий башмачок и, смущаясь, вышел из-за плаката.

В эту же минуту — тоже смущенная и тоже с тужелькой в руках — вышла Иринка.

Они взглянули друг на друга, застеснялись еще больше, опустили головы и встали рядышком — в трех шагах от Вероники Григорьевны. Было тихо, только еле слышно звенела в трубах отопления вода, а где-то в отдаленном коридоре перекликались уходящие с продленки малыши. Журка переступил полусапожками — осторожно дзенькнули шпоры. Журка посмотрел на Веронику Григорьевну.

Она сидела, втиснувшись за ученический стол и подперев большими кулаками щеки. И как-то непонятно смотрела на Иринку и Журку. Журка вздохнул и опять дзенькнул шпорами. Не шевельнувшись, Вероника Григорьевна сказала:

— Слу-ушайте. Это же... Даже не знаю, как сказать...

— А что? — ревниво спросил из глубины кабинета Горька. Он переживал за Журку.

Вероника Григорьевна мигнула, качнула головой и крепко хлопнула себя по лбу. Коротко засмеялась:

— Вот ведь литератор! Не могу слов подобрать... В общем, вы, по-моему, готовые Золушка и принц. Настоящие.

— Только мы не знаем, что делать на карнавале, — жалобно призналась Иринка.

— Вам не надо быть на карнавале. Вот в этих костюмах не надо.

Журка оторопело уставился на Веронику Григорьевну. Иринка тоже. А Вероника Григорьевна произнесла таинственно и слегка торжественно:

— Друзья мои, я предлагаю вам заговор. Совершенно серьезно...

На темных стеклах искрились от ламп морозные узоры. Будто снаружи прижался к окнам засеребренный лес, в котором когда-то заблудилась Золушка. В словах Вероники Григорьевны была тайна. Горька настороженно шевельнулся в своем углу. Вероника Григорьевна бросила в его сторону быстрый взгляд. Негромко спросила:

— При нем все можно говорить?

— Можно, — разом сказали Журка с Иринкой.

— Тогда так... Начну издалека. Про себя. Я, дорогие мои, не всегда хотела быть учительницей. В молодости, страшно подумать, была у меня сумасшедшая мечта: сделаться писательницей. Да... Поэмы сочиняла, повести, даже роман один.

Правда, ничего до конца не дописала, кроме нескольких стихов и одной сказки... Вот об этой сказке и речь. Она про Золушку. И про принца.

Журка с Иринкой переглянулись. Вероника Григорьевна рассмеялась, как на уроке, когда рассказывала забавные истории.

— Вы, наверно, подумали: мало нам Шарля Перро и братьев Гримм! Еще одна появилась... сестрица Гримм! Да?

— Нет, что вы... — пробормотал Журка.

— Вы не думайте, что я просто переписала старую сказку. У меня там все по-другому. И, честно говоря, эту свою «Золушку» я до сих пор люблю. И вот сейчас я на вас посмотрела, и появилась у меня нахальная идея: а что, если написать по этой сказке пьесу и поставить у нас в школе спектакль? А?

Журка с Иринкой опять посмотрели друг на друга. Все было так неожиданно. А Вероника Григорьевна, разгораясь «нахальной идеей», продолжала:

— Только к Новому году спектакль не подготовить. Самое близкое — это к весенним каникулам. И надо, чтобы всем был сюрприз. Вот поэтому и не следует принцу и Золушке появляться на карнавале... Ну как, молодые люди? Согласны?

Журка не знал, согласен ли. Никогда он театром не увлекался. А Иринка? Она... она, кажется, была согласна изо всех сил. Она порозовела, опустила глаза, кончиком языка обвела губы и неловко спросила:

— А почему мы?... Мы же не артисты... У вас же драматический кружок есть...

— Да там же все такие оболтусы, ростом с меня. Восьмой класс и старше! А в сказке у меня Золушка и принц как раз такие, как вы, им по одиннадцать-двенадцать лет... Кстати, у них еще приятель есть такого же возраста — дворцовый шут. Странная личность, начисто лишённая чувства юмора.

— Это намек, что ли? — подал голос Горька.

— Да бог с тобой, Гаврошенька! Почему намек?

— А вчера, когда я стихи рассказывал, вы сказали, что у меня чувства юмора нет.

— Я уже забыла... А вообще-то у шута очень интересная роль... Ну что, добры молодцы, как моя идея?

— А у нас получится? — тихо спросила Иринка.

Вероника Григорьевна серьезно сказала:

— Вы уж мне поверьте, я сразу чувствую. Я же вам сказала: вы настоящие...

Иринка спросила у Журки одними губами:

— Давай?

Он улыбнулся ей:

— Давай... А на карнавал в морских костюмах пойдем. Я тебя семафорить за один вечер научу.

ЦВЕТНОЙ ТЕЛЕВИЗОР

Карнавал получился замечательный. Иринка и Журка пришли одетые юнками и лихо сигналили флажками новогодние поздравления. Горька читал стихи про бой с королевскими гвардейцами и палил из пистолета. Палил, пожалуй, лучше, чем читал, но ему хлопали и за то, и за другое. Сашка и Вовка Лавенковы изображали Карлсона и Малыша. Сашка для этого затолкал под широкий клетчатый пиджак две подушки и приладил к спине вентилятор с батареей, а Вовке ничего особенного и не понадобилось: джинсы, пестрая рубашка — вот он и Малыш. Были еще космонавты, Буратино, Чиполлино, страшный гоголевский Вий, одноногий Сильвер из «Острова сокровищ». Митька Бурин явился в богатырских доспехах, заявил, что он Илья Муромец, и устроил бой с шестиклассником Вовкой Графовым — тот махал крыльями из лохмотьев, пускал изо рта дым и свистел, как настоящий Соловей-разбойник. Битва получилась нешуточная, даже запахло скандалом: из-за дыма, которого набралось больше, чем хотелось бы...

А потом были каникулы — такое снежное, беззаботно летящее время. Катание на лыжах и санках с Маковой горы, ледяная крепость на пустыре, спектакль «Синяя птица» в ТЮЗе, веселые вечера у Иринки, когда вместе с Игорем Дмитриевичем придумывали декорации к Золушке... А если нагулялся и устал, можно включить телевизор — и смотри

сколько хочешь. Программа на каникулах была такая, что сиди у экрана хоть с утра до вечера.

Правда, цветного телевизора все еще не было. Отец бодро говорил, что «дело движется» и скоро «все будет о'кей». При этом он смотрел на Журку, словно приглашал порадоваться вместе. Журка отводил глаза и не отвечал. Повисало молчание. У мамы опускались руки, и она смотрела то на Журку, то на отца, словно спрашивала: «Ну сколько же можно быть чужими?» И чтобы она не мучилась, Журка выдавливал что-нибудь такое:

— А чего спешить... И этот неплохо работает...

Цветной телевизор появился после каникул, в середине января. Однажды под вечер Журка явился от Иринки и услышал в комнате шум, веселые голоса и песню.

На месте старого телевизора стоял новый — большущий, на тонких растопыренных ногах. Мама стояла над ним, согнувшись, как над стиральной машиной. Отец, сидя на корточках, двигал рычажки и крутил регуляторы. На выпуклом экране, дергаясь то ли от помех, то ли от вдохновения, рвали струны электрогитар волосатые парни в алых рубашках. Рубашки были нестерпимо огненные. Гитары — разноцветные.

— Вот это палитра. Как у Иринкиного папы, — сказал Журка.

Мама и отец повернули к нему веселые лица. Отец спросил:

— Ничего машина, а?

Журка видел, как в маминых глазах метнулось беспокойство. Сказал куда-то между мамой и отцом:

— Ничего. А какая марка?

— «Радуга-семь», — сообщил отец гордо, будто сам разработал эту систему.

Мама облегченно сказала:

— Саша, переключи на вторую программу. Мне показалось, там краски бледнее. Отчего это?

— Потому что местная студия. Халтурщики, — отозвался отец и защелкал переключателем.

Заметались полосы и зигзаги, потом на экране возникла солидная розоволицая дама и сказала круглым, авторитетным голосом:

— ...а вопрос это совсем не простой. Одни говорят — школа, другие — семья, третьи — они сами. Едва ли можно ответить на это однозначно. Целый комплекс причин заставляет нас думать, что...

Дама была похожа на директоршу Журкиной школы — спокойную и несердитую Нину Семеновну. И говорила она, кажется, тоже что-то педагогическое...

— Давай переключим, — сказал отец. — Сейчас хоккей...

— Подожди, подожди, тут что-то интересное... — Мама взяла с телевизора газету с программой. — Что это за передача?.. Ага, «Подросток — проблемы и тревоги». Журка, это про тебя...

— Разве я подросток? — сказал Журка.

— А кто же ты? — удивился отец.

Журка не ответил бы, но мама тоже смотрела вопросительно, и он сказал ей полусуто:

— Подросток — это во! Ростом с тебя. А я еще малое, недоразвитое дитя.

— Недоразвитое — это верно, — засмеялась мама и хотела взъерошить Журке волосы, но он увернулся. Опять взглянул на экран. Розовошекая тетя продолжала беседу:

— ...однако при всех спорах нельзя забывать, что без благотворного, здорового влияния семьи полноценное воспитание становится крайне затруднительным. А чему могут научить детей люди, которые не только забывают о своем отцовском и материнском долге, но зачастую вообще теряют человеческий облик?.. У нас есть киноплёнка, отснятая недавно в городском медвытрезвителе. Чувство тревоги и возмущения вызывают эти кадры...

Журка увидел длинное помещение с барьером, скамейки вдоль стен, поникших людей на этих скамейках. Два милиционера с очень красными петлицами на шинелях вежливо вели какого-то дядьку — он заплетал ногами. Потом на экране возникло женское лицо — измятое морщинами, с маленьким беспомощным подбородком. В морщины скатывались и терялись в них мелкие слезинки. К мокрым от слез щекам прилипали кончики растрепанных волос. Слегка измененный, но знакомый голос розоволицей дамы произнес:

— Ее привели сюда по требованию соседей. Соседи же

рассказали нам, что у этой женщины есть десятилетний сын. Однако дома его в этот поздний час не оказалось... Скажите, пожалуйста, где сейчас ваш мальчик?

Плачущая женщина заморгала, на лице проступили тревога и жалость.

— Гуляет он, сыночек мой, к товарищу пошел... — хриловато и бормочуще заговорила она. — Он вот придет, а я...

— А вас не беспокоило, почему его до сих пор нет дома? Неужели вам все равно, что с вашим сыном?

Лицо у женщины сморщилось, и слезы потекли сильнее.

— Как же все равно-то! — воскликнула она неожиданно тонким голосом. — Это же сыночек мой, я же его люблю, сыночка моего. Как же вы такое говорите! Ведь он же у меня один, сыночек-то...

Журка растерянно оглянулся на маму. В ее глазах — очень больших и слишком блестящих — встревоженно мигали два крошечных цветных экранчика. Мама сжала спинку стула и тихо сказала:

— Ну что же это... Разве можно показывать такое? Ведь она же мать... А если мальчик увидит? А что ему завтра скажут в школе?

Журка опять взглянул на экран и болезненно зажмурился — от мучительной неловкости и ощущения вины. У людей беда, а он смотрит по цветному телевизору, как кино.

«Переключите!» — хотел сказать он, но в горле нехорошо зашекотало. Он открыл глаза и увидел на экране снова коридор со скамейками. По нему два человека с красными повязками вели высокого мужчину без шапки. Под лампочками блестяще отливали седые прядки. Мужчина резко дернул плечом, освободил из пальцев дружинника локоть и зло сказал:

— Не держи, я на ногах крепко стою. Вы еще ответите...

Что-то громко и возмущенно разъяснял голос дамы, ведущей передачу. Журка не понимал ни слова. Он закусил губу и беспомощно стиснул кулаки.

— Господи... — шепотом сказала мама. Журка понял, что она смотрит на него отчаянными глазами. Она тоже узнала.

Человек без шапки был Иринкин отец.

Они с мамой досмотрели передачу до конца. Молча. Отец поворчал, что не дают смотреть хоккей, и ушел на кух-

ню. Показывали каких-то стриженных парней, милиционеров, занесенную снегом спортивную площадку, потом снова розовощекую даму, которая что-то объясняла. Журка не слушал. Он отчаянно боялся одного: вдруг еще раз покажут Игоря Дмитриевича!

Нет, не показали. Экран вдруг стал ярко-синим, по нему побежали зеленоватые волны, а потом вспыхнула желтая надпись: «Режиссер передачи Э. Кергелен».

Буквы сияли так ярко, что по синему полю экрана от них разлетались золотистые лучи.

«Кергелен, — машинально подумал Журка. — Это что-то оужное. Кажется, в Индийском океане есть такой остров...»

В праздничном разноцветье экрана и букв было издевательство. Насмешка над Иринкиной бедой. Журка оттолкнул стул и вышел в прихожую. Мама поспешила за ним. Журка стал торопливо натягивать пальто.

— Может быть, не надо?.. Сейчас не надо... — неуверенно сказала мама.

Журка досадливо мотнул головой. Надо! Черная молния беды ударила в Иринкиного отца. Значит, и в Иринку. А он будет сидеть дома? Кто тогда ее защитит?

От кого защищать, Журка не знал, но то, что должен бежать к Иринке, знал точно.

Он встретил Иринку в квартале от ее дома. И понял, что она вышла навстречу. Значит, догадалась, что Журка придет.

Они остановились под желтым неярким фонарем посреди заснеженного тротуара.

— Видел? — тихо спросила Иринка и опустила голову.

— Видел, — виновато сказал Журка.

Они помолчали. Фонарь светил сквозь ветки большого клена. Клен был увешан гроздьями необлетающих крыльчатых семян. Ветки качались от снежного колючего ветерка. Их тени на тротуаре ходили туда-сюда, и казалось, что плавно ходит под ногами сам тротуар. От этого начинала кружиться голова.

— Ну зачем только люди эту водку выдумали! — беспомощно и отчаянно сказала Иринка. От ее губ отлетели клубки пара.

Журка переступил на утоптанном скрипучем снегу. Сердито спросил:

— Но за что его? Он же совсем не пьяный был! Просто шел...

— В том-то и дело, что не просто... — Иринка медленно шагнула, и Журка пошел рядом с ней. — Он все-таки выпил тогда. Это знаешь в какой день было? Перед каникулами, когда мы Веронике Григорьевне свои костюмы показывали... А на другое утро, помнишь, я такая хмурая была, а ты решил, что я за что-то на тебя дуюсь...

Журка не помнил, но кивнул. И спросил:

— А что случилось-то?

— Они тогда снежный городок на главной площади оформляли. Целая бригада из художественных мастерских... Понимаешь, там у всех подсобные помещения были, теплые вагончики — у строителей, у электриков. А художникам ничего не приготовили, никакой даже будочки. Ну, они перемерзли все и говорят: «Давайте погреемся»... Знаешь ведь, как они греются. А потом в троллейбусе...

— Что в троллейбусе?

— Контролерша стала билеты проверять. А папа по ошибке пробил не троллейбусный, а автобусный билет. Ну, она и раскричалась: «Седой уже, а обманываешь! Плати штраф!» А почему «обманываешь»? Автобусный билет даже дороже... Папа говорит: «Мне штраф не жалко, только зачем вы мои седые волосы задеваете? Покажите ваше удостоверение». А она: «Ах, тебе удостоверение! Водки нахлестался, а теперь хулиганишь! Милиция!..» Ну, вот и все... Мы с мамой целую ночь не спали, все его ждали...

— Это же несправедливо! Из-за какого-то билета! — возмущенно сказал Журка.

— А кому докажешь? Эти горластые тетki всегда правы. Помнишь, тогда на Горьку заорали: «Безбилетник, шпана, в милицию!» А у него билет просто за подкладку завалился.

Журка помнил. Он плюнул на снег.

— Кто таких только в контролеры пускает...

— И кто на студию пускает дураков, которые такие передачи делают...

— Точно! А ты фамилию режиссера видела? Какой-то Кергелен.

Иринка сердито мотнула вязаной шапкой с пушистым шариком.

— Не видела... Мама заплакала, я сразу телевизор выключила.

Они подошли к Иринкиному подъезду.

— К нам, пожалуй, не надо сейчас, — неуверенно сказала Иринка. — Мама такая расстроенная...

— Я понимаю.

— Завтра в классе что будет... Папу ведь многие знают.

— Да ничего не будет. Эту передачу, наверно, никто и не смотрел, по первой программе хоккей шел.

— Кто-нибудь все равно смотрел.

— Ничего не будет, — повторил Журка. — Ты не бойся. Если кто что-нибудь скажет... я тогда... Ришка, ты ничуть не бойся, ясно?

Он впервые назвал ее Ришка. Про себя он так ее часто называл, а вслух стеснялся. А теперь сказал.

И она серьезно кивнула.

ШУМНЫЙ ДЕНЬ

Утром никто в классе не задел Иринку ни сочувствием, ни расспросами, ни насмешкой. Может быть, и в самом деле не видели передачу. А может быть, видели, но Иринкиного отца не узнали. А если кто-то узнал, то хватило ума промолчать.

К тому же класс будоражило другое событие: накануне арестовали Капрала.

Раньше Капрал учился в этой школе, и его многие знали. Да и не только по школе знали. Кое-кто жил с ним по соседству, а некоторые сталкивались на улице. Компания Капрала была широко известна в окрестностях.

Грабля, то есть Борька Сухоруков, который с Капралом был хорошо знаком, рассказывал про все, что случилось. Рассказывал охотно и даже с какой-то гордостью. В новогоднюю ночь подвыпивший Капрал гулял по улицам с приятелями и затеял драку. Он столкнулся с пареньком, курсантом

летного училища, и сказал ему что-то обидное. Курсант оказался не робкого десятка и ответил. Тогда Капрал ударил его бутылкой по лицу. Потом компания убежала, а курсанта увезла «Скорая». Оказалось, что у него на нижней челюсти трещина. В компании Капрала в ту ночь вместе со взрослыми парнями шатался Череп. Курсант, когда вышел из больницы, встретил Черепа на улице и узнал. Черепа задержали, а заодно Шкалика, который оказался рядом. Череп молчал, как бык, но Шкалик, хотя он попал в милицию случайно, разревелся и начал визжать: «Я ни при чем, меня там не было, это все Капрал, а меня опять ни за что...» Тут все стало ясно. Взяли Капрала.

Но, видать, кроме драки, за Капралом были и другие грехи, потому что на квартире у него сделали обыск.

— Много чего нашли, — значительно сказал Грабля. — И между прочим, знаете что? Марки, которые кто-то свистнул со школьной выставки...

Тут Журка вспомнил, что в каникулы в школе была выставка филателистов и с нее кто-то «увел» два планшета с парагвайскими и либерийскими марками, на которых красовались старинные парусные корабли. Марки были замечательные, Журка разглядывал их с завистью. Говорят, когда они исчезли, в кабинете директора был скандал: приходили родители семиклассника — владельца этих марок — и грозили судом и милицией.

— Теперь ниточка потянется, — с многозначительным видом говорил Грабля. Поглядывал выше голов и постукивал по парте обкусанными ногтями. Судя по всему, Капрала он не очень жалел, а молчание внимательных слушателей было ему приятно. — Теперь кой-кого за жабры возьмут...

— Кого? — спросил маленький Дима Телегин.

— Кого надо. Следовательно разберется...

Скорее всего Грабля понятия не имел, кто стащил для Капрала марки. Но любопытному Димке Телегину казалось, что у Грабли можно что-то узнать. В классе он сидел позади Сухорукова и на уроке истории донимал его тихими, но упорными расспросами. Борька шепотом отругивался.

— Сухоруков! Ты прекратишь издеваться надо мной или нет? — громко произнесла Маргарита Васильевна.

— А че я сделал?

Маргарита Васильевна терпеть не могла Граблю. Он был прогульщик, двоечник и злостный нарушитель дисциплины. Он по всем показателям тянул пятый «А» в отстающие. Маргарита Васильевна не раз откровенно заявляла, что место Сухорукова не здесь, а в колонии. Она выражала надежду, что в конце концов он туда попадет. Кроме того, она терпеть не могла слов «че я сделал», если даже их произносили вполне благополучные ученики. А уж если этот Сухоруков...

Маргарита Васильевна сразу налилась помидорным соком и закричала:

— «Че» ты сделал? Срываешь урок, вот «че»! Марш из класса!

Грабле было не привыкать. Он стал медленно выбирать-ся из-за парты.

— Шевелись, не тяни время! Нам заниматься надо!.. А ты куда, Телегин?

— Мы же вместе разговаривали, — сказал Димка. — Значит, я тоже...

Он был маленький, вертлявый и прилипчивый, но справедливым. И довольно храбрый.

— Сядь немедленно!

— Но раз мы вместе...

— Сядь, говорю! Нашел себе приятеля! Его давно спецшкола для трудных ждет!

— Уж как ждет. Прямо плачут там без меня, — сказал Грабля.

— Ты смотри сам не заплачь! — вскипела Маргарита Васильевна. — Герой! Вот разберут это дело с марками, посмотрим, кто заплачет, а кто засмеется!

Все притихли.

— А я-то... при чем? — сбивчиво сказал Сухоруков.

— Там выяснят, «при чем», — слегка сбавляя тон, ответила Маргарита Васильевна.

Непонятно было: или она правда подозревает Граблю, или со зла наговорила лишнего. Но Грабля испугался. Обычно он разговаривал с учителями сидя, а сейчас встал. Даже побледнел чуть-чуть.

— Да я на каникулах и в школу не заходил!

— Разберутся, разберутся...

— А чего разбираться? — жалобно сказал Грабля.

«Какой ошипанный сразу стал», — подумал Журка. Граблю он не любил. Правда, к Журке Грабля никогда не приставал да и вообще в своей школе не трогал ребят, даже младших, но все равно он был из «тех». Из тех, которые дежурят в кино, чтобы вытряхнуть у малыша гривенник или дать подножку. Из тех, у кого то ли от курева, то ли от равнодушия лицо будто присыпано серой пылью. Из тех, кто во время хорошего фильма вдруг начинает ржать, когда у тебя в горле щекочет от слез...

Но сейчас Грабля сделался не такой. Обыкновенный мальчишка стал, растерянный, даже маленький какой-то, не больше Димки.

А Маргарита, наоборот, будто выросла, набралась тяжелой правоты и силы. Борькин страх ей добавил уверенности.

— По крайней мере, именно ты больше всех был связан с этой воровской шайкой Капралова, — заявила она.

— Чего связан-то... — бормотнул Грабля.

«Он совсем не умеет доказывать правоту», — подумал Журка. И в это время позади Журки раздался Горькин голос:

— А когда украли марки?

Маргарита Васильевна подумала и довольно благожелательно сказала:

— Пятого числа, после обеда... Ты что-то знаешь?

— Я знаю, — сказал Журка и встал. — И Валохин знает. — Он оглянулся на Горьку. — И многие... Сухоруков ничего украсть не мог. Он с обеда до вечера катался на санях на Маковой горе.

— Откуда это тебе известно? — недовольно спросила Маргарита Васильевна.

— Потому что мы там тоже были. Валохин, Брандукова, я... и еще ребята... С утра в ТЮЗе, на «Синей птице», а потом до вечера на горе.

— В хорошей компании ты там резвился...

Журку кольнула злая досада: что Маргарита зря придирается?

— При чем тут компания? Просто на одной горе были. У него своя компания, у нас — своя...

— Вот именно! Так почему ты, Журавин, заступаешься за этого хулигана Сухорукова?

Журка мельком глянул на Грабля. Тот стоял уже более уверенно.

— Я не за него заступаюсь, а... ну просто потому, что он не виноват! Если бы виноват, я бы не заступался. А теперь получится, что на Сухорукова все свалят, а настоящего жулика не найдут.

— Не считай, что все взрослые глупее тебя, — отрезала Маргарита.

— Я не считаю, что все... — вырвалось у Журки, и он даже испугался.

Но в это время кто-то из девчонок перебил его:

— А может, вы не пятого катались.

— Ага! Или там был совсем не Грабля, — ехидно сказал Горька.

— Или вообще ничего не было. Ни пятого числа, ни горы, ни каникул, — подала голос Иринка.

— А чего! Может, правда все перепутали! — вмешался Толька Бердышев — балда и лентяй. Ему было безразлично, за кого заступаться: лишь бы подольше галдели, тогда авось не вызовут к доске.

— Чтобы все перепутать, надо быть малость больным, как Бердышев, — сердито ответила Иринка.

— Или малость пьяным, как твой папа, — сказал Бердышев.

Наступила резкая тишина. Секунд на пять. Потом все случилось очень быстро. Иринка рванулась в проход между партами, со звоном залепила Бердышеву учебником по щеке и выскочила из класса. Но все же она чуточку опоздала. Борька Сухоруков дотянулся до Тольки раньше и успел ответить ему по заливке могучего леща. Поэтому Журка оказался только третьим. Он перелетел через парту с Лавенковым и Светкой Гарановой и кулаком врезал Тольке между лопаток. И выскочил следом за Иринкой.

Иринка стояла в конце коридора. Вцепилась в батарею и смотрела в окно. Коротко оглянулась на Журку. Глаза были блестящие, но сухие.

— Не вздумай зареветь, — сказал Журка.

— Не вздумаяю. Из-за какого-то идиота...

Но она часто дышала, и Журка понял, что разреветься она все-таки может.

— Ришка, — сказал он, — Бердышев просто тупая свинья. А за тебя все ребята...

Подошли Сухоруков и Горька. Почему они здесь? Выскочили следом? Или Маргарита выставила? Грабля потоптался и неловко сказал:

— Спасибо, парни...

Ему не ответили, не до того было. Он вздохнул и отошел. Горька сообщил задумчиво:

— Я Бердышеву въехал по уху. Для комплекта.

Иринка вдруг сказала:

— Ох, ребята, будет нам теперь! И все из-за меня.

— Почему из-за тебя? — возмутился Журка. Но тут же почувствовал внутри противный холодок. Из-за Иринки или нет, а все равно «будет». Что ни говори, а устроили в классе свалку, самовольно ушли с урока. С Журкой такое случилось впервые. Но он коротко вздохнул и храбро сказал:

— Пускай. Мы не виноваты.

Но, конечно, оказалось, что они виноваты. В безобразном поведении, в срыве урока и варварском избивании товарища. Именно так заявила Маргарита Васильевна, когда после пятого урока оставила своих питомцев на собрание: разобратся в их «чудовишных поступках». И ладно, если бы разбиралась она одна. Покричала бы, записала бы в дневники — и топайте домой. В общем-то она была не злопамятная. Но, едва началось собрание, появился Виктор Борисович.

— У-у, держись, ребята... — тихонько протянул Митька Бурин. А Журку слегка затошнило от противного страха: все знали, что Виктор Борисович — гроза и бич всяких нарушителей.

— Маргарита Васильевна, пригласите виновников происшествия к доске, — сухим голосом распорядился он и сжал рот в красную точку. Посмотрел, как Журка, Горька, Иринка и Грабля выбираются из-за парт, и повторил громче: — Да-да, к доске. Вот сюда! — Он ткнул острым пальцем. — Вот на это место! Чтобы все видели паршивцев, которым не место в советской школе! — И взвизгнул: — Живо!

Они — что делать — стали у доски понурой шеренгой.

— Отвечайте! — крикнул Виктор Борисович.

Легко кричать «отвечайте». А на какой вопрос отвечать? Что говорить?

— Долго будем молчать? — вдруг совершенно успокоившись, поинтересовался Виктор Борисович. И по-мальчишески забегал вдоль шеренги. Тогда Журка услышал сумрачный Горькин голос:

— Чего отвечать-то?

— Молчать! — снова взвизгнул завуч. — Ничтожные болтуны! Отвечайте, как вы посмели! Да, как вы посмели устроить это надругательство над школьными правилами?!

Надо было отвечать. Кто ответит? Горька? Но он ударил Бердышева последний. Грабля? Но с него какой спрос? Он врезал Тольке просто от благодарности к Иринке: потому что она заступилась перед Маргаритой. Сама Иринка ответит? А Журка, значит, будет прятаться за нее?

Журка поднял глаза:

— Потому что Бердышев обругал отца Брандуковой... — сказал он негромко, но, кажется, без дрожания в голосе.

— Вот как! — язвительно воскликнул Виктор Борисович. И тут же торопливо вмешалась Маргарита Васильевна:

— Но послушай, Журавин, разве это правильно?.. Виктор Борисович, не волнуйтесь, у вас же сердце!.. Скажи нам, Журавин, разве можно в ответ на слова, которые тебе не понравились, пускать в ход кулаки? Да еще так дружно и остервенело?

Она говорила спокойно, почти ласково, и Журка немного осмелел:

— Когда как...

— Что значит «когда как»? — Голос у нее слегка ожесточился. — Когда четверо на одного, на беззащитного товарища — можно? Тут и нервы позволено распускать, и руки? А если кто-то сильнее или взрослее, вы бы, наверно, вели себя с ним сдержаннее. Разве не так, Журавин? А?

Журка пожал плечами:

— Не знаю...

— Нет, знаешь! Со мной бы ты, наверно, не стал драться, если бы даже и обиделся. А?

«Мелет чепуху какую-то», — с досадой подумал Журка. И сказал устало:

— С женщинами не дерутся...

— Ах вот что! — опять взвизгнул Виктор Борисович. — Ты нахал! Дерзкий мальчишка! Значит, если бы Маргарита Васильевна не была женщиной, ты мог бы кинуться в драку? На своего наставника? На пе-да-гога? Может быть, ты кинешься на меня?

«Что ему надо?» — тоскливо подумал Журка. В классе стало тихо. Видимо, вопрос завуча озадачил всех. И вдруг поднялся Сашка Лавенков. Сказал ясно так и ровно:

— Нет, ему на вас нельзя. Вот если наоборот — другое дело.

— Что? — озадаченно спросил Виктор Борисович. — Что наоборот?

— Я говорю, что вам, наверно, можно, — разъяснил Сашка, и в голосе его прорезался негромкий звон. — Возьмите его за ухо и головой о дверь. Как Вовку.

Было тихо, а стало еще тише. Виктор Борисович шелестящим шепотом сказал:

— Что? Как ты смеешь? Какой Вовка?

— Мой брат. Лавенков из третьего «Б», — разъяснил Сашка. — Вы, конечно, уже забыли. Он вчера бежал по коридору, а вы его за ухо хватать и в учительскую поволокли. И лбом о косяк.

Виктор Борисович коротко задохнулся:

— Ты... Ты... Это чудовищная клевета! Это... Ин-си-ну-ация!

— Я не знаю, что такое эта ин... си... В общем, не знаю, — холодно ответил Сашка. — Только Вовка никогда не плачет, а вчера пришел со слезами. И ухо болит до сих пор.

— Ты лжец!

— Нет, — сказал Сашка.

Он стоял прямой, спокойный. «Он совсем не боится, — подумал Журка. — Потому что у него есть брат. Он заступается за брата. Не страшно, если за брата... или за сестру...» И Журка сказал:

— Лавенков не врет. Он вообще никогда не врет. Он командир нашего отряда.

Виктор Борисович дернул головой с гладкими бесцветными волосами и тонким пробором. Глянул не то на Журку, не то сквозь него и повернулся к Маргарите.

— Всем! — сказал он с частым придыханием. — Всем! Вот этим... и ему... — Он ткнул в Лавенкова. — За третью четверть поведение «неудовлетворительно»! Всем! Я доложу сейчас директору!

Он почти бегом зашел к выходу — маленький, худой, похожий на мгновенно состарившегося мальчика — и со стуком закрыл за собой дверь.

— Достукались, — горько сказала классу Маргарита Васильевна. — Пять «неудов» за четверть. Прекрасные показатели! Как ты думаешь, Лавенков?

— А почему пять? — Лавенкова, кажется, ничуть не тронул грозящий «неуд». — Бердышев, значит, ни в чем не виноват? Так и отсидится?

Все повернулись к Тольке. Он сидел, хлопая белыми ресницами. Будто хотел сказать: «А я-то при чем?»

— Разберемся и с Бердышевым, — неуверенно пообещала Маргарита Васильевна.

— А Лавенкову за что «неуд»? — спросил Журка.

— За безобразную грубость! — отрезала Маргарита.

— А-а! — протянул Димка Телегин. — Это значит, Санька сам таскал своего брата за ухо! А свалил на Виктора Борисовича.

— Телегин! Ты тоже хочешь заработать?

— А я не боюсь, — весело заявил Димка. — Подумаешь, поведение снизят. Пять лет впереди, сто раз еще исправлю.

— Это у тебя-то пять лет впереди? С такими-то замашками? Кто тебя возьмет в девятый класс? Как миленький отпавишься в ПТУ.

— А что, ПТУ штрафбат, что ли? — спросил Митька Бурин. — В некоторые училища конкурс, как в институты.

— В такие училища, дорогой мой... — начала Маргарита, но тут открылась дверь, и все вскочили: вошла директор Нина Семеновна.

— Садитесь, садитесь, ребята... Маргарита Васильевна, говорят, что-то веселенькое выкинули наши детки, а?

Она была добродушная, уверенная, не умеющая волноваться. А Маргарита заволновалась, как школьница:

— Да, Нина Семеновна, к сожалению. Вот эти... Сначала драка, потом...

— Знаю, знаю. Это и есть заводицы? Смотрите-ка, даже девочка. Ну и петухи...

— Виктор Борисович требует снизить им оценку за четверть, — зло, но неохотно произнесла Маргарита. Понятное дело — ей самой не хотелось, чтобы класс терял показатели.

На добром, домашнем лице Нины Семеновны проступила полуулыбка.

— Ну, это мы посмотрим. До конца четверти далеко, может быть, они исправятся. А, орлы?

Она, кажется, ожидала радостных обещаний, что да, исправятся. Но шеренга хмуро молчала. И Лавенков молчал. Однако это не обескуражило Нину Семеновну.

— Исправятся, — решила она. — А вы, Маргарита Васильевна, наблюдайте. Разберитесь. Побеседуйте, если надо, с родителями...

Журка и Горька проводили Иринку до троллейбуса. Сначала шли молча. Потом Горька рассмеялся:

— А Бердыш-то ничего не понял!

— Что не понял? — удивился Журка.

— Он же ничего не знал про передачу, точно вам говорю... У него просто привычка такая: отругиваться. Не помнишь, что ли? Ему скажешь: «Ты дурак», а он: «Как твой папа» или «А у тебя мама горбатая»...

«А ведь верно», — подумал Журка.

— Все равно. Так ему и надо, — сказала Иринка.

— А Грабля-то как вскинулся! Я даже не ожидал, — вспомнил Горька.

Журка тоже подумал о Грабле, а потом о всей компании Капрала. И о самом Капрале. Было жаль его. Хоть и виноват, а все равно жаль. Потому что не забыть, как он шел рядом и укрывал Журку своей курткой. Но Журка не сказал об этом. Горька все равно не поймет. Он после той истории с бутылкой только плюется, услышав про Капрала. А Иринка поймет, но вспомнит, что Капрал затеял драку, когда был пьяный. И, значит, про отца вспомнит... Журка сказал озабоченно:

— Как бы Маргарита и правда не пошла к родителям...

— Ну и пусть, — отозвалась Иринка. — Меня ругать не будут, меня мама с папой всегда понимают.

Журка посмотрел на нее укоризненно: «А Горька?» Тот будто услышал его мысль. Небрежно проговорил:

— Мне наплевать. Папаша от меня отступился, больше пальчиком не трогает.

«Вот это хорошо, — обрадованно подумал Журка. — Если только Горька не врет. Нет, кажется, не врет».

Иринка взглянула на Журку с беспокойством:

— А тебе не влетит?

— Мне? — удивился он. — За что? Думаешь, мама не поверит мне, если я все объясню?

— А... папа?

Журка скучным голосом сказал:

— Это меня не волнует.

В МАЛЕНЬКОМ КОРОЛЕВСТВЕ

Наконец Вероника Григорьевна собрала будущих актеров, чтобы почитать свою сказку. Кроме Журки, Иринки и Горьки, в литературный кабинет пришли старшие ребята: девятиклассник Олег Ножкин, который собирался играть короля, высокие девчонки — мачеха и старшие сестры Золушки; восьмиклассники — им предстояло исполнять роли придворных. Среди них был и Егор Гладков — командир королевских гвардейцев.

Сели не за столами, а кружком. За окнами уже синел ранний вечер. Вероника Григорьевна шумно вздохнула:

— Что-то волнуюсь я, братцы. Ежели что не так, вы уж не очень ругайте...

Ее заверили, что все будет «так» и ругать не станут.

— Тогда ладно. Слушайте...

И вот какую историю узнали они в тот вечер.

Все это происходило в королевстве Унутрия. Точнее, Верхняя Унутрия. Не слыхали? Неудивительно. Это очень маленькое королевство. На свете существует много маленьких государств, о которых мы не знаем. Конечно, всякому известно, что есть карликовые княжества Монако и Лихтен-

штейн, крошечные республики Сан-Марино и Андорра, но про государство Сен-Винсент слышали уже не все, а о таких странах, как Южная Пальмовая Республика или государство Санта-Микаэла, знают, кажется, только ученые-географы. В школах эти государства не изучают. На картах их обозначают не названиями, а цифрами. Да и то не всегда.

Такая судьба и у королевства Верхняя Унутрия.

Когда-то оно было побольше и состояло из двух частей — Верхней и Нижней. Но потом Нижнюю Унутрию отвоёвал у королей непокорный герцог Сан-Балконо, а Балконское герцогство завоевал еще кто-то, и половина королевства растворилась без следа среди других стран. Но Верхняя Унутрия существует до сих пор. Южная граница ее проходит по берегу Оранжевого моря. Сколько в королевстве жителей, точно не установлено. Какая территория, тоже трудно сказать. Известно только, что, если поехать вдоль границ Верхней Унутрии на велосипеде, вся дорога займет несколько часов. Есть даже официальные соревнования велосипедистов, они называются «Гонки по Королевскому кольцу». Лучшее время в прошлом году показал учитель физкультуры из столичной средней школы. Он объехал королевство за четыре часа, тринадцать минут и тридцать две секунды. Как видите, путь не очень длинный. К тому же надо учесть, что дорога, хоть и носит пышное название «Королевское кольцо», на самом деле довольно скверная. Кое-где спортсменам приходится тащить велосипеды на себе. А велосипеды, к слову сказать, очень громоздкие и неудобные: с маленьким задним колесом и громадным передним. Традиции старины и правила соревнования позволяют участвовать в гонках только на таких древних машинах.

Недавно министр Здоровья и Физкультуры на заседании Государственного совета потребовал, чтобы спортсмены соревновались на современных велосипедах. Но его не поддержали. Тогда министр сказал, что надо хотя бы заменить литые шины на старых драндулетах новыми, надувными. С ним согласился король. Но члены Государственного совета рассердились, и министру Здоровья и Физкультуры был объявлен выговор (правда, не строгий, а обыкновенный). А королю сделали замечание.

Министр Медных и Серебряных денег сказал, что соревнования на старинных велосипедах привлекают множество туристов из-за границы. А чем больше туристов, тем лучше для королевской казны. Смотреть же на обыкновенных велосипедистов никто не станет. Старый премьер-министр Лео Гран-Градус добавил, что все должны уважать обычаи королевства, а не гоняться за модными новинками. Король смутился и закашлялся.

Короля звали Эдоардо Пятьдесят Четвертый. Всех королей в Верхней Унутрии звали Эдоардо, это тоже была традиция. Вот поэтому к нашему времени накопился такой счет. Король часто вздыхал и говорил:

— Хорошо было Петру Великому или, скажем, Наполеону Бонапарту. Или нашему Эдоардо Воинственному, основателю королевства. Они все были первые. А попробуй совершить что-нибудь историческое, когда ты пятьдесят четвертый...

Жизнь у короля была беспокойная. Страна маленькая, а хлопот хоть отбавляй. То сломался мост через речку Трех Волков, и — «ваше величество, вас выбрали почетным руководителем ремонтной бригады», то забастовала королевская гвардия — требует позолотить парадные каски, а чем их позолотишь? То иностранные туристы написали жалобу, что в развалинах старой крепости не оказалось привидений, и требуют назад деньги за билеты. Скандал на все королевство!

Ни сна, ни отдыха, а зарплата у короля, между прочим, меньше, чем у любого из министров. Потому что считается: в Верхней Унутрии и так все принадлежит его величеству. Принадлежит-то принадлежит, а разве от этого легче? Если, скажем, износились королевские башмаки, не будешь ведь просить в обувной лавке бесплатно новые туфли. Или захотелось пирожного, а в карманах королевских панталон — ни одного медяка? Конечно, хозяин кондитерской, что напротив дворца, будет закатывать глазки и восклицать: «Ах, ваше величество, какая радость, какая честь, что вы пришли! Нет-нет, забудьте о деньгах!» Но попробуй не расплатиться. Завтра же пойдут разговоры: «Король объедает своих подданных, король злоупотребляет служебным положением, король — тиран!»

От такой жизни у Эдоардо Пятьдесят Четвертого несколько раз со звоном лопалось терпение, и он требовал, чтобы его отпустили на пенсию. Но Государственный совет не отпускал, потому что не было замены. На престол разрешалось вступать лишь с двадцати двух лет, а наследный принц — будущий король Эдоардо Пятьдесят Пятый — до этого возраста еще не дотянул.

Он был ничего принц, толковый. Носил титул Правителя Нью-Ахтенберга (такой городок под столицей), имел звание лейтенанта королевской гвардии, был членом Государственного совета, но в короли никак не годился: его высочеству недавно стукнуло одиннадцать лет. Вместе с другими мальчишками и девочками он учился в столичной средней школе. В пятом классе «D».

Сказка эта как раз и начинается с того, как однажды в понедельник его высочество вернулся из школы.

«...Принц вошел во дворец и зашагал по сводчатым коридорам. Он отражался в высоких мутноватых зеркалах, которые стояли здесь со времен Эдоардо Тридцать Девятого. Над беретом принца сердито дергалось помятое страусовое перо. По законам Верхней Унутрии члены королевской семьи должны были ходить на работу и в школу в старинных придворных костюмах. Что делать, принц ворчал, но ходил. Однако сегодня его дворцовое одеяние выглядело не по-королевски. Бархатная курточка была в известке и пыли, шелковый чулок разорван на коленке, а широкий кружевной воротник словно драли недавно сердитые коты. Дыру на колене принц прикрывал старым портфелем с королевской монограммой, но ничем нельзя было прикрыть большой синяк под левым глазом, поэтому принц шагал торопливо и не отвечал на приветствия дежурных гвардейцев, которые стояли между зеркалами и салютовали его высочеству шпагами...

В комнате принца сидел насупленный королевский шут. Шуту было тоже одиннадцать лет, и они с принцем учились в одном классе. Но сегодня шут в школу не ходил: по понедельникам он дежурил во дворце.

Такая уж традиция: при дворе должен быть шут. Сын директора зоопарка Генрих фон Кваркус (по прозвищу Генка Петух) быть шутом не хотел, но его назначил на эту дол-

жность премьер-министр Лео Гран-Градус. Генрих упирался, говорил, что у него нет чувства юмора, но премьер пожаловался отцу Генриха, и тот пообещал надрать сыну уши: тогда, мол, чувство юмора появится. Что поделаешь, некоторые папаши готовы определить сына даже в шуты, лишь бы должность была придворная.

К своим обязанностям юный шут относился безобразно. Вернее, никак не относился. На голове не ходил, анекдотов не рассказывал и во время королевских обедов не сидел под столом и не кукарекал. Премьер сказал об этом королю, но тот ответил:

— Ну и шут с ним. При такой жизни все равно не до смеха...

Пока принц был в школе, шут сидел за старинной доской с шашками и лениво играл сам с собой в поддавки. Когда пришел Эдоардо, он оживился:

— Ого! Хорошую блямбу тебе поставили!

Чувства юмора у него не было, но чувство ехидства было.

Эдоардо засопел и швырнул портфель с такой силой, что в тронном зале, который был за стенкой, посыпалась штукатурка и покосился портрет Эдоардо Сорок Девятого Великолепного.

— Что, ваше высочество, двойку схлопотал? — спросил шут Генрих насмешливо, но с некоторым сочувствием.

— По поведению, — буркнул принц.

Генрих присвистнул:

— Подрался?

— С Лизкой...

— Не с Лизкой, а с «ее сиятельством юной герцогиней Шарлоттой-Элизабет де Бина», — наставительно сказал Генка Петух. — Учат тебя, учат дворцовому этикету, а толку... Чего не поделили?

— Да ну ее, ненормальную! Кто-то положил ей в парту заряд с пистонами, а она сразу на меня: «Эдька, это опять твои шуточки!» Я говорю: «Ты что, рехнулась?» А она: «Ах, кто вас воспитывал! Сразу видно, что ваш предок Эдоардо Воинственный был из пастухов!» Я ей сказал, что ее предки были из крокодилов. А она: «Ты просто завидуешь! Наши предки еще тысячу лет назад были владетелями замка Бина и

носили фамилию с приставкой «де»...» Ну, я и посоветовал ей сменить «де» на «ду»...

— Тут-то все и началось, — догадался шут.

— Она бросила в меня своим фамильным пеналом с серебряной крышкой. А я что, терпеть должен?

— С девочками драться нехорошо, — язвительно заметил Генрих.

— Девочка... Когти как у пумы. Воротник изодрала... Переодеться бы, пока папа не пришел...

Но было поздно. Папа Эдоардо Пятьдесят Четвертый оказался легок на помине. Он бесшумно приоткрыл дверь и вошел в комнату.

Король был высокий, худощавый и слегка сторбленный мужчина. Он кутался в плюшевый халат. Небольшая домашняя корона сидела на его лысеющей голове немного набекрень.

— Ну-с, ваше высочество, как дела? — бодро сказал он.

Принц кисло улыбнулся и пожал плечами. Мол, все по-старому, не о чем говорить.

— Дневничок бы посмотреть, — сказал папа, приглядываясь к синяку.

Эдоардо собрался наврать, что дневник взяли на проверку, но король уже заметил валявшийся у стены портфель. Поднял его и вытащил потрепанный дневник на свет.

«Сейчас начнется», — тоскливо подумал юный Эдоардо.

И началось.

— Эт-то что? — спросил папа-король.

— Что? — тихо спросил принц.

— Я тебя спрашиваю, «что». Иди сюда. Иди, иди... Что здесь написано?

— Где?

— Здесь. Вот здесь. Вот-вот! Читай!

— Ну...

— Без всяких «ну»! Читай немедленно!

Эдоардо вздохнул и скучным голосом прочел:

— «Устроил безобразную драку на перемене. На уроке природоведения подложил под герцогиню де Бина кактус, похищенный с подоконника. Плюнул на герцогиню жеваной

промокашкой. Поведение — два. Прошу ваше величество зайти в школу...»

— Папа, она первая полезла!

— Ма-алчать! — гаркнул его величество так, что шут упал с табурета. — Ма-алчать! — Он огрел наследного принца дневником между лопаток и топнул ногой. — Все! Будешь сидеть в комнате целую неделю! Никаких гуляний! Никаких футболов! Никаких телевизоров!

— Ну, папа...

— Никаких пап! — Он выдернул из телевизора предохранитель, подхватил с пола футбольный мяч и широко зашагал к двери. В дверях король оглянулся и грозно сказал шуту: — А ты брысь отсюда!

— А че я сделал? — довольно нахально откликнулся Генрих.

— Ничего не сделал! Тунядец! Два сапога пара! Марш из комнаты!

— У меня дежурство. Я обязан развлекать принца.

— Я вам поразвлекаюсь, — пообещал его величество. Он бросил мяч в коридор, взял шута под мышку и потащил к выходу.

— На маленького, да?! — заорал Генрих. — А еще король называется! — Он возмущенно задрогал ногами в черно-желтых клетчатых колготках. Однако Эдоардо Пятьдесят Четвертый был сильнее. Он унес шута в коридор и там рывкнул:

— Марш домой, двоечник!

Потом запер снаружи дверь.

Король был крайне раздосадован. Мало ему других неприятностей, так теперь еще изволь тащиться в школу. Хорошо, если дело кончится разговором с классной дамой. А если, не дай бог, потянут на родительское собрание?

Н-н-негодный мальчишка! То и дело записи в дневнике! «Улыбался на уроке грамматики! Бегал на перемене! Опять драка! Не принес в школу макулатуру...»

Черт знает что... А классная дама тоже хороша. По любому поводу сразу надпись красными чернилами на полстраницы... Ну, улыбался, ну, бегал. Что такого? Ребенок ведь, не пенсионер. А макулатуру, где ее возьмешь? Каждый месяц

требуют. Эдоардо со своими одноклассниками и так очистил все королевские архивы.

А драка... Ну и что же, что драка? Его величество в детстве тоже не дурак был подражаться. И не только с мальчишками. Дрался и с графиней Виолеттой де Бомм — будущей королевой Верхней Унутрии. Она, царство ей небесное, умерла, когда наследному принцу было четыре года.

Мальчик растет без матери. Без ласки и присмотра. Можно ведь и пожалеть. Сегодня пришел с синяком, коленка разбита, больно небось, а тут еще досталось от папаши.

Папу-короля стала грызть совесть. Но что поделаешь, надо быть твердым, когда воспитываешь будущего главу государства.

Король покряхтел, пощелкал пальцами и сменил домашнюю корону на дорожную. Он решил поехать к своему школьному товарищу — часовому мастеру Карлосу фон Уру. Во-первых, у Карлоса трое сорванцов и можно посоветоваться с ним, как воспитывать сына. Во-вторых, у короля с мастером было очень важное дело. Какое дело, говорить пока не следует, потому что это государственная тайна...

Во дворец король вернулся через три часа. В очень хорошем настроении. На лестнице его величество встретился с премьер-министром и весело его приветствовал:

— Прекрасный день, господин Гран-Градус, не правда ли?

— Как угодно вашему величеству, — сумрачно отозвался премьер. — Только должен заметить, что день совсем не прекрасный, а тяжелый. И все в такое трудное время должны быть на своих местах. А ваше величество...

— А что мое величество? — осторожно спросил король. Он побаивался старого министра.

— А ваше величество занимается бог знает чем!

— Я ездил с королевским визитом...

— Да! А кроме того, вы на вашем королевском автомобиле «Мерседес-ох» катали по главной площади мальчишек и распевали с ними песни.

— Ну... было, — слегка смущенно признался Эдоардо Пятьдесят Четвертый. — Они попросили, а я... как я могу отказать подрастающему поколению нашей славной Верхней Унутрии?

— Вы им никогда не отказываете. Это поколение своими грязными пятками перемазало ваши белые парадные брюки... А машина! Шофер жалуется, что опять лопнула рессора!

— Немудрено. На этой колыхаге ездил еще мой прадедушка...

— Вот именно! А вы так относитесь к реликвиям королевской династии...

— Но я не мог отказать в просьбе! Дети подумали бы, что король зазнался.

— Теперь не подумают. Знаете, какую песню распевают сейчас все мальчишки столицы?

Мы, друзья, не позабудем,
Как прекрасным летним днем
На хромом автомобиле
Прокатились с королем!
Тра-ля-ля, тра-ля-ля,
Все мы любим короля!

— Н-ну и что... — нерешительно отозвался король. — Песня как песня. Ведь поют, что любят...

— Короля надо не любить, а чтить, — веско сказал премьер. — А как можно чтить монарха, у которого из кармана парадного мундира выглядывает беспризорный котенок?

Его величество схватился за карман, однако понял, что ничего не скроешь, и принял независимый вид.

— Он не беспризорный, мне его подарили.

— Кто же сделал вам столь роскошный подарок?

— Гм... Один мальчик. Очень симпатичный мальчик, рыженький такой, только немножко неумытый... У них дома уже три кошки, и четвертую мама держать не разрешает...

— И котенка препоручили заботам вашего величества!

— Сударь, — слегка раздражаясь, произнес король. — Этот котенок, так же, как любой из герцогов и министров, житель моего королевства и, следовательно, мой подданный. Я не могу бросить его на произвол судьбы.

— В таком случае перестаньте заталкивать его в карман, вы свернете ему шею. Отдайте животное поварихе, она его накормит.

— Лучше я отнесу его принцу.

— Принца нет у себя. Он в зале Государственного совета вместе с министрами ожидает ваше величество.

— А что случилось? Зачем собрался совет?

— Этого потребовал принц.

— Что? Кто? Принц?! Да как он смел?! Мальчишка!.. А вы куда смотрели, Гран-Градус?

— Его высочество имеет право. К тому же у него была причина.

— Я ему покажу причину, — сказал король. — Я его запер в комнате, а он...

— Ах, ваше величество! — перебил премьер-министр. — Вспомните ваши школьные годы. Всегда ли вы оставались под замком, если ваш папа Эдоардо Пятьдесят Третий Добрейший запирает вас в опочивальне?

А с принцем случилась такая история. Когда король ушел, он с полчаса проскучал на подоконнике, а потом увидел, что на улице собралась компания одноклассников. Среди них был Генка Петух, уже сменивший свой шутовской наряд на обычные штаны и рубашку, сын часового мастера фон Ура Томми Стрелка, племянник городского библиотекаря по прозвищу Гуга Кошкин Дом и еще несколько мальчишек и девчонок. И среди них Лизка де Бина, которая своим смиренным видом показывала, что не прочь помириться. Гуга Кошкин Дом задрал голову и закричал:

— Эдька, айда играть в футбол!

— Папаша мяч забрал, — хмуро ответил его высочество со второго этажа.

— Ну, пошли в индейцев играть!

Принц сташил с себя придворный костюм, натянул джинсы и майку с ковбоем на груди и по карнизам и выступам спустился в сад — ему было не привыкать.

Компания направилась на заросший пустырь позади городского театра, но дорога вела мимо большого сада, и Генка Петух сказал между прочим, что в саду, наверно, уже созрели ранние весенние яблочки. В решетке сада нашелся выломанный прут, и очень скоро принц и его друзья хрустели маленькими, еще не выросшими и ужасно кислыми, но все равно приятными на вкус яблочками. И набивали ими карманы.

Однако порадоваться как следует не удалось. Сад при-

надлежал тучному сердитому министру Унутренних дел, и на беду в этот час министр обедал дома. В окно он увидел, какой разбой творится в саду. Чуть не подавился индейкой с абрикосами, заорал и выскочил на крыльцо.

Принц отступал последним. Поэтому именно до него дотянулась лапа министра Унутренних дел с пальцами, похожими на сардельки...

Когда дерешься с Лизкой де Бина или с Гугой Кошкиным Домом — это одно. Там все на равных. А когда тебя хватает, сопя и ругаясь, этакая горилла...

Оскорбленная кровь пятидесяти четырех королей вскипела в его высочестве. А еще сильнее вскипела кровь самого Эдьки...

И вот теперь он стоял в конце стола, за которым собрались члены Государственного совета, и яростно дышал. Его порванная майка была в зелени и земле. В волосах запутались мелкие листики и травинки.

Премьер-министр Лео Гран-Градус позвонил в серебряный колокольчик и внушительно произнес:

— Ваше величество! Господа министры! Его высочество наследный принц, Правитель Нью-Ахтенбергский, герцог де Балтос де Пью де ла Картенбух сообщил Государственному совету Верхней Унутрии, что сегодня в три часа пополудни министр Унутренних дел нашего королевства господин Фридрих фон Ганц-Будка совершил злодейское нападение на его особу, то есть на особу принца...

Министры одновременно ахнули и вразнобой заговорили:

— Какой ужас!

— Какое нападение?

— Это, наверно, недоразумение!

— Ваше высочество...

— Господин министр...

— Что он сделал с вами, принц?

Принц Эдоардо, краснея и негодуя, произнес:

— Он схватил меня за ухо. И дергал...

— О-о-о-о-ох... — сказали министры. А король Эдоардо Пятьдесят Четвертый поднялся во весь рост и, прекрасный в своем гневе, пропел петушиным голосом:

— Эй, стража! Двенадцать гвардейцев и кузнеца с кандалами!

— Но, ваше величество! — завопил министр Унутренних дел. — Прежде, чем казнить или миловать, послушайте меня!

— Говорите, — сухо сказал король. — Но о том, чтобы миловать, не может быть и речи.

— Ваше величество! Вы великий и мудрый король, — начал министр, прижимая к парадному камзолу растопыренные сардельки. — Посудите сами, мог ли я узнать принца со спины, когда он... гм... несколько торопливо покидал мой сад. Вы изволите видеть, что его высочество сейчас не в придворном платье. Он своей одеждой ничем не отличается от других юных подданных вашего величества... И даже ухо, за которое я... слегка придержал его высочество, такое же, как и у остальных детей королевства. Мог ли я подумать? Это ухо... да простят меня ваше величество, ваше высочество и господа министры, даже... гм... не совсем вымытое. В точности как у любого мальчишки...

Кое-кто из членов Государственного совета неприлично хихикнул.

Принц гордо сказал:

— Неважно, чье ухо. Вы забыли, что мой дед, король Эдоардо Пятьдесят Третий Добрейший, запретил взрослым хватать детей за уши, раздавать подзатыльники и вообще обижать маленьких! Это государственный закон. А тем, кто спорит с государственными законами, грозит отсечение языка. В некоторых случаях — вместе с головой.

Папа-король почему-то слегка покраснел, а министр еще сильнее прижал к камзолу сардельки:

— Ваше высочество! Вы развиты не по годам и прекрасно знаете законы. Но ведь есть и закон, который оберегает собственность. В том числе и яблоки в садах жителей королевства!

— А кирпичи? — в упор спросил принц.

— Что... кирпичи? — тихо сказал министр.

— Желтые, — сказал принц.

— Какие... желтые... — прошептал министр Унутренних дел и стал белым.

— Те самые, которыми вымощены дорожки в вашем

саду, — сказал принц. — Те, из которых построен гараж для вашего нового автомобиля. Те, которыми облицован ваш фонтан. Очень уж они похожи на те, которые зимой исчезли со строительства городского плавательного бассейна для ребят. Я сегодня посмотрел, так прямо в точности такие же. Может быть, поэтому вы и не любите пускать посторонних в ваш сад, господин министр?

Министр Унутренних дел pokrылся потом, похожим на стеклянные бусины.

— Та-ак... — сказал премьер Гран-Градус. — А вы, господин Ганц-Будка, рассказывали что-то про грабителей из-за границы.

— Та-ак... — сказал министр Медных и Серебряных денег. — Это был убыток на четыре с половиной тысячи монет.

— Та-ак, — сказал король и поднялся опять. — Эй, стража!

Министра-жулика решили немедленно посадить в тюрьму. И держать там, пока не перевоспитается.

— Ваше величество, — взмолился он. — Можно хотя бы попроситься с женой и взять с собой транзисторный телевизор?

— Попрошиться можно, — сказал король. — А насчет телевизора — номер не пройдет... Господин премьер, дайте ему с собой в темницу старый граммофон и пластинку с песней «О великая Унутрия, ты прекраснее всех стран!». Может быть, этот древний гимн скорее перевоспитает... унутренного хапугу... Да прикажите разобрать его гаражи и фонтаны и вернуть кирпичи на строительство бассейна.

— Ваше величество, а куда его сажать? — шепотом спросил министр Медных и Серебряных денег. — Тюрьмы-то нет.

— Как нет?

— Видите ли, ваше величество... Она столько времени пустовала... Вот я и решил пустить ее под гостиницу для туристов. Они почему-то обожают ночевать в старинных казематах с решетками. А государству доход...

— Новое дело! — возмутился король. — Довели страну, даже тюрьмы не стало!

— Жили же до сих пор... — виновато пробормотал министр Медных и Серебряных денег. — Ваше величество, а может быть, его посадить в дворцовое подземелье? Там есть

комнатка, где раньше хранились королевские бриллианты. Сейчас, увы, там ничего не хранится...

— Валяйте, — согласился король и повернулся к принцу: — А ты иди учить уроки, герой...»

...Вероника Григорьевна перестала читать и оглядела ребят. Осторожно спросила:

— Ну как?

— Здорово! — сказал Журка.

Другие тоже сказали, что здорово. Только Иринка ревниво заметила:

— Это все про принца и короля. А где же Золушка?

— Скоро будет и Золушка.

БАЛ

«Вечером король пришел в комнату принца. Юный Эдоардо уже лежал в своей старинной неуютной кровати под бархатным балдахинном с кисточками. Но еще не спал. Кровать была громадная, принц казался в ней совсем маленьким, и королю опять стало жаль его.

— Ну что, навоевался за день, герой? — спросил отец.

— Угу...

— А почему такой грустный? — Король присел на краешек постели.

— Не знаю... — вздохнул Эдоардо. Он и в самом деле не знал. Но скорее всего грустно было от вечернего одиночества. Оттого, что не с кем поговорить перед сном и поделиться планами на завтра. Была бы мама... Папа, конечно, иногда заходил по вечерам, но так нечасто...

— Ничего, — смущенно сказал король. — Скоро каникулы, вот уж набегаетесь... А если хочешь, давай устроим во дворце детский бал! А?

— Можно, — рассеянно согласился принц, но тут же поморщился: — Ой, опять в кружева и бантики наряжаться. В школе надоело. Мальчишки дразнятся...

— Что делать, у королевских семей свои трудности, — вздохнул папа-король. — Зато я могу подарить подходящую к твоему придворному костюму шпагу.

— Настоящую?!

— Еще бы! Настоящую и старинную. Она принадлежала моему пра-пра-пра... В общем, Эдоардо Тридцать Пятому по прозвищу Крошка Эдди. Он был очень маленького роста, и его шпага будет тебе в самый раз...

Принц поднялся на локтях:

— Папа, а ты не забудешь?

— Ну что ты!

— А когда подаришь?

— Да вот к балу...

— А бал когда?

— Бал? В первый день каникул. Идет?

— Это через неделю... Идет!

Маленький Эдоардо откинулся на подушки, потом улыбнулся, взял отцовскую руку, лег на нее щекой.

— Папа... расскажи сказку.

— Сказку? Гм... Может быть, лучше какую-нибудь историю? Например, про путешествия Эдоардо Одиннадцатого Мореплавателя? Или...

— Да нет, просто сказку.

— Какую?

— Да хоть какую...

Король подумал, потом тихо проговорил:

— Хорошо, малыш. Я расскажу тебе сказку про Золушку. Тебе когда-то рассказывала ее мама. Ты, наверное, не помнишь...

— Помню... чуть-чуть.

Ни король, ни принц не знали, что в столице живет не сказочная, а самая настоящая Золушка. Правда, не в центре, а на окраине. Совсем недалеко от Большого Унутреннего леса. Жила она в просторном деревянном доме. Разумеется, с мачехой и двумя неродными сестрами. Отец умер пять лет назад. Он служил смотрителем маяка на утесе Шахматный Конь, простудился во время шторма, сильно заболел и больше не поднялся с постели.

Жилось Золушке скверно. Конечно, мачеха не била ее, как это делают мачехи в старых сказках, но зато изводила мелкими придирками и воспитательными беседами. А толстые и глупые сестры, которые считали себя красавицами, хихикали над Золушкой и называли ее неряхой и грязнулей.

А попробуй все время ходить чистенькой, если тебе надо и полы вымыть, и ковры пропылесосить, и клумбы в саду полить, и на рынок сбегать, а платье всего-навсего одно: и для работы, и для школы, и для праздников... Хотя какие там праздники! Для уроков-то не оставалось времени. Золушка часто засыпала, уронив голову на тетрадку с задачами. А мачеха сердито поправляла на худом носу очки и скрипуче говорила:

— Я поражаюсь: почему ты не можешь соблюдать режим дня, как другие дети?

Но Золушка умела находить радость и в такой жизни. Иногда ей удавалось выкроить свободный часок и поиграть на соседней улице с ребятами — в классы, в лапту, а то и в футбол. А бывало, что она задерживалась в школе, брала в библиотеке интересную книжку и читала где-нибудь в укромном уголке. Мачехе она говорила, что были дополнительные уроки. Обманывать, конечно, нехорошо, но что оставалось делать?

Были у Золушки и кое-какие игрушки: деревянный крокодил с отломанным хвостом и маленький автобус с испортившимся заводным механизмом. Золушка придумала, что внутри автобуса живет множество веселых пассажиров: клоуны, дрессированные звери и храбрые пираты, которые отбирают золото у богачей и раздают беднякам. Каждого пассажира Золушка знала по имени и могла рассказать, как он выглядит, какой у него характер, что он любит и чего не любит. А крокодила с отломанным хвостом Золушка (если не засыпала над уроками) укладывала спать и рассказывала ему сказки. В этом отношении ей жилось даже лучше, чем принцу, которому по вечерам не всегда было с кем поговорить...

В самом конце мая на заборах появились афиши, в которых сообщалось, что все дети столицы приглашаются в королевский дворец на бал. Сестры Золушки, конечно, обрадовались и начали примерять свои пышные балльные платья. Каждая сестра в таком платье была похожа на торт со взбитым кремом. А Золушка только вздохнула: смешно было надеяться, что ее возьмут на праздник. Правда, один раз она заикнулась об этом, но мачеха пожала костлявыми плечами:

— В чем же ты пойдешь? Посмотри, как ты истрепала свое платье.

— А может быть, сестрицы дадут мне какое-нибудь старое платьице?

— Еще чего? Чтобы ты и его превратила в тряпку? — сказали сестрицы.

— Тогда можно мне посмотреть бал по телевизору? В афишах написано, что из дворца будет передача.

— Посмотри, — неохотно согласилась мачеха. — Только не пережги предохранитель... Но сначала тебе надо сходить в лес за хворостом для камина.

— Для камина? — очень удивилась Золушка. — Но ведь он электрический!

— Вечно ты споришь, — поморщилась мачеха. — Электрические угли будут очень красиво просвечивать через настоящий хворост. Сейчас во всех приличных домах такая мода. И не рассуждай!

За хворостом так за хворостом. Сестры с мачехой вызвали такси и укатили на бал, а Золушка отправилась в лес. Его опушка виднелась в конце улицы. Золушка вошла под густые липы и ясени и стала оглядываться. Но вблизи от города лес был вычищенный и ухоженный. На ровных лужайках не лежало ни одного ненужного сучка или ветки. Там цвели яркие, будто клумбовые, цветы, а над ними кружились пестрые бабочки.

Одна бабочка, большая, желтая, похожая на солнечный зайчик, долго летала вокруг Золушки, а потом стала улетать в глубину леса. И Золушка пошла вслед за этим светлым пятнышком.

Шла она довольно долго. Лес постепенно сделался гуще, можно было набрать сухих палок и хворостин. Золушка так и поступила. Потом оглянулась.

Место было незнакомое. Вокруг стояли замшелые деревья с узорчатыми листьями, а под деревьями густо росли двухметровые лопухи. Начинался вечер, из лопухов крались сумерки, а над деревьями проступил тоненький, чуть заметный месяц.

Золушка вздрогнула и бросила хворост. Нет, она не боялась заблудиться. Она была храбрая девочка. Просто ей стало

очень грустно. Она подумала, что выберется из леса, придет домой, включит телевизор, посмотрит бал, а дальше что? Опять пойдут день за днем: однообразные, тяжелые и почти безрадостные.

Золушка села на лопух, обхватила колени и задумалась. Может быть, уйти к разбойникам? Но, кажется, в Унутреннем лесу все разбойники уже повывелись. Переодеться мальчишкой и поступить барабанщиком в королевскую гвардию? Но мачеха очень быстро нападёт на след и подымет крик. Построить в лесу хижину, жить в одиночку и питаться ягодами? Это можно, пока тепло, а что делать зимой?

Выхода не было. Золушка сидела и вздыхала. Может быть, она даже заплакала, но это вполне простительно: во-первых, она девочка, а во-вторых, все равно никто не видел.

Потом Золушка задремала, прикорнув на траве и укрывшись дырявым платком, который взяла из дома.

Сумерки сгустились.

В этих сгустившихся сумерках через лес шел пожилой серьезный Медведь. Недавно он был в гостях у местного паечника, а сейчас возвращался в берлогу, чтобы почитать газету «Вечерние лесные новости» и улечься спать. К Медведю подлетела серая пичуга и что-то прошептала на ухо.

— Не может быть... — проворчал Медведь и торопливо свернул с тропинки. У большого ясеня он заглянул под лопух и поскреб растопыренной лапой в косматом затылке.

— Ах ты, бедненькая... Да ведь это самая настоящая Золушка...

Осторожно сопя, он поднял легонькую девочку на руки (то есть на лапы). Она не проснулась и доверчиво прижалась к теплой мохнатой груди.

— Ах ты, кроха, — растроганно прошептал Медведь и понес Золушку. Нет, не к себе. У него была неуютная холостяцкая берлога, а ребенку нужна женская забота.

Медведь принес Золушку в избушку на курьих ногах. Там жила старая хромая ведьма. Скорее всего это была обыкновенная баба-яга, но лесные жители звали ее тетушка Роза.

Тетушка Роза всполошилась, уложила Золушку на скрипучую кровать, а Медведю велела на всякий случай затопить печку.

...Когда Золушка проснулась, она сперва очень удивилась, а потом даже испугалась. Посудите сами: вокруг бревенчатые замшелые стены, на стенах звериные черепа, в углу пылает очаг, а у очага возится хромая старуха с крючковатым носом и желтыми зубами, которые торчат вперед, как два редких гребня.

— А, проснулась, милая... — проскрипела старуха. — Вот и хорошо...

Все-таки Золушка была храбрая. Поэтому она решила одним вопросом выяснить самое главное.

— Бабушка, — сказала она, слегка дрожа, — вы меня не съедите?

— Да что ты! — воскликнула тетушка Роза и всплеснула костлявыми руками. — Я уже четыреста лет мясной пищи не потребляю. Печень у меня больная, на диете сижу... Да и где это видано, чтобы есть несчастного ребенка, который в лесу заплутал? Какого-нибудь разбойника или браконьера — это еще туда-сюда... А ты кто будешь, девочка?

— Золушка.

— Да ну? — Тетушка Роза подошла и пригляделась. — Золушек по правде-то и не бывает на свете, это бабушкины сказки.

— Нет, я правда Золушка.

— Ну и ладно, — покладисто сказала старуха. — Тогда я чаек поставлю...

Они сидели за столом и пили чай с большими кусками сахара и черными сухарями. У стены мигал экранчиком старенький телевизор. Золушка все поглядывала на экран. Началась передача про бал, показывали, как съезжаются гости.

Мальчишки, которые обычно бегали растрепанными и поцарапанными, в мятых штанах и перемазанных футболках, сейчас входили в зал причесанные, умытые, в отглаженных матросских костюмчиках или в бархатных жилетиках и белых рубашках с галстучками. Чинные и вежливые. А девочки в кружевных платьицах были похожи на громадные и невесомые семена одуванчиков — дунь, и они разлетятся по залу. Сверкали люстры, и звучала музыка — пока негромкая, выжидательная.

Золушка тихо вздохнула.

Всем известно, что старые мудрые ведьмы легко читают человеческие мысли. Поэтому тетушка Роза сразу же сказала:

— Я вижу, тебе тоже хочется на бал.

Золушка грустно улыбнулась:

— В моих-то заплатах...

— Минуточку... — проговорила тетушка Роза. Хромая, подошла к большущему сундуку и отвалила горбатую скрипучую крышку. Сначала над сундуком поднялась пыль. Потом тетушка вытащила за шиворот старого спящего кота, дунула на него и кинула в угол (кот мявкнул и сразу опять заснул). Затем на свет появились дырявые сапоги-скороходы, сломанная кофейная мельница, узел с тряпьем, и наконец... Наконец тетушка Роза осторожно, пальчиками, подняла белое платьице.

Оно было как кусочек легкого облака, которое переливается хрустальными капельками.

— О-о-ой... — тихонько сказала Золушка. — Откуда оно у вас, бабушка?

Тетушка Роза ответила, задумчиво разглядывая платьице:

— Видишь ли, когда-то я тоже была девочкой. Это было... было... кажется, при Эдоардо Тридцать Первом Блистательном. Ах, какие тогда были балы... Иди, малышка, примерь этот наряд.

Платьице оказалось в самую пору. Нашлись к нему и сверкающие башмачки. Потом тетушка Роза расчесала Золушке волосы и укрепила на них крошечную хрустальную корону. У Золушки испуганно и радостно стучало сердце.

— Только помни, — предупредила тетушка Роза, — домой надо вернуться до двенадцати часов ночи. А то весь наряд превратится в лохмотья и пыль.

— Как в сказке, — зачарованно прошептала Золушка.

— Дело не в сказке, милая. Просто платье очень старое. Все старые платья когда-то превращаются в лохмотья. И вот у этого платья срок — сегодняшняя полночь.

Потом тетушка Роза ударила деревянным башмаком в пол:

— Поехали!

Пол закачался, избушка перекосилась, двинулась с места, но почти сразу остановилась и осела.

— Охромел домишко мой, — с досадой призналась хозяйка. — Раньше-то бегал, как страус, а теперь одно название, что на курьих ногах... Придется по воздуху.

Она вывела Золушку на крыльцо, закутала в теплую шаль и усадила перед собой на длинную обшарпанную метлу...

Полет Золушка запомнила плохо. Что-то свистело вокруг, внизу мелькали огоньки, а по ногам ударял хлесткий ветер.

Пришла в себя Золушка на площади перед дворцом. Тетушка Роза черной кометой умчалась в вечернее небо, и Золушка осталась одна.

Во дворце ярко светились окна, в них металась тень. Репродукторы над площадью разносили мелодию веселого танца. Золушка тряхнула головой, сосчитала до трех и пошла во дворец.

— Эдька, смотри, — шепотом сказал принцу шут Генка Петух. — Новенькая.

И принц увидел Золушку. То есть он не знал еще, что это Золушка, но ему захотелось подойти к ней. Он застеснялся, но все же оставил приятелей и пошел к незнакомке. В конце концов это была его обязанность — встречать гостей. Он считался хозяином бала.

Золушка опустила глаза, но из-под ресниц смотрела, как он идет. Это был настоящий принц из сказки. Пожалуй, только волосы были слишком растрепаны. Зато на боку у него висела настоящая шпага. Принц придерживал ее за серебряную рукоять.

— Здравствуйте... добро пожаловать, — немного сбивчиво сказал принц.

— Здравствуйте... ваше высочество, — прошептала она.

— Не надо «высочества». Меня зовут Эдоардо, — смущаясь, проговорил принц. — А тебя... а вас?

— Золушка.

Принц удивился. И почему-то очень обрадовался. Ему стало гораздо веселее, чем прежде.

— Вы... ты умеешь танцевать?

— Нас учили в школе...

Принц не очень любил танцы. Но сейчас он крикнул:

— Эй, музыканты! Праздничный вальс!

Они с Золушкой закружились по паркету, в котором, как в желтом льду, отражались пылающие люстры. Перед танцем полагается отцеплять шпаги и сабли, но принц не отцепил, и шпага со свистом летала вокруг него на португее.

А Золушка, кружась по залу вместе с принцем, была похожа на лепесток яблони, который попал в потоки ветра...

— Подумаешь... — сказала юная герцогиня де Бина. — А платье у нее не современное. Сейчас уже не носят такие короткие. И вообще...

— «Ду» ты и есть «ду», — сказал Генка Петух.

Шарлотта-Элизабет вцепилась ему в галстучек шелковой матроски. Их растащили.

А принц и Золушка танцевали, пока не утомились. Потом они с другими ребятами бегали по залам дворца, где были устроены разные аттракционы, ели мороженое в королевском буфете и, наконец, по боковой мраморной лестнице спустились в парк. В парке лишь изредка горели фонарики, и тонкий месяц над деревьями светился теперь очень ярко. Трещали ночные кузнечики.

Принц и Золушка вдвоем побрели по пустынной аллее.

— Ой, кто там? — вдруг прошептала Золушка и схватила принца за руку. Сгорбленная фигура смутно белела среди кустов.

— Не бойся, — рассмеялся принц. — Это мраморная статуя Эдоардо Двенадцатого Горбатого.

Золушка тоже засмеялась, но руки принца больше не отпускала.

— Почему я тебя не встречал в школе? — спросил принц.

— Я учусь не в той, где ты, а в маленькой, на краю города.

— Я сперва подумал, что ты приехала из-за границы.

— Ой, что ты...

— Правда... А ты настоящая Золушка?

— Не знаю... Меня так зовут.

— Когда я был маленький, мне мама рассказывала про Золушку. А я тогда не выговаривал буквы «л» и говорил «Зоюшка»...

— У меня тоже нет мамы. И даже папы... — сказала Золушка.

«Ну, ничего. Зато теперь есть я», — хотел сказать принц, но, конечно, не решился. Он только спросил тихонько:

— Можно, я буду говорить тебе «Зююшка»? Иногда?

Она прошептала:

— Ладно...

Они отыскивали под фонарем заброшенные качели. Сели рядышком. Но тут застучали по аллее быстрые ноги и выскочил на свет Генка Петух. Оторванный галстук матроски хвостиком торчал у него из кармана.

— Вот вы где... А во дворце уже волнуются.

— Идем, — сказал принц и взял Золушку за руку.

— Мне скоро пора домой, — вздохнула она. — Уже поздно.

— Совсем не поздно, — возразил принц. Поманил Генриха и что-то прошептал ему на ухо.

— Есть, — сказал Петух и умчался.

Во дворце он отыскал Томми Стрелку, сына часового мастера. Томми не раз бывал в королевских покоях с отцом, когда тот ремонтировал часы. Надо сказать, что все дворцовые часы, даже те, что выглядели старинными, были с электронными механизмами. Ход их регулировался с одного пульта. Томми после разговора с Генкой пробрался к пульту и передвинул стрелки назад на целый час...

Принц и Золушка вернулись во дворец, еще потанцевали, а потом Эдоардо сказал Генриху:

— Давай покажем Золушке королевские подземелья.

Золушка слегка вздрогнула, но храбро согласилась.

Они пробрались в темный коридор и стали спускаться по узкой лестнице. У нее были такие истертые ступени, что напоминали каменные корытца. Внизу принц надавил выключатель, и зажглись пыльные светильники, сделанные в форме факелов.

У подножия лестницы валялся большой игрушечный конь с колесами. Когда-то на нем ездил в детском возрасте Эдоардо Пятьдесят Третий Добрейший. Конь был обшарпанный, но вполне целый. Принц и шут посадили на него Золушку и повезли по неровным гранитным плитам.

По углам громоздились старинные бочки с медными обручами из-под вина и масла. В нишах стояли ржавые доспехи. На стенах висели облезлые щиты с рыцарскими гербами.

Их затягивала паутина. Было зябко. Стук деревянных колес разносился под сводами. В разных концах подземного зала чернели входы в неосвещенные коридоры.

— А привидений здесь не бывает? — осторожно спросила Золушка.

— К сожалению, нет, — вздохнул принц.

— Значит, мы здесь одни?

— Конечно, — храбро сказал Генка Петух, которому, кажется, было неудобно.

И в этот момент издали донесся неясный дребезжащий голос.

— Ой... — сказала Золушка.

— Ай, — нечаянно сказал Петух.

Принц тоже чуть не сказал «ой», но тут же взял себя в руки и засмеялся.

— Не бойтесь! Это знаете кто? Бывший министр Унутренних дел. То есть его граммофон. Пойдемте посмотрим.

Они на цыпочках прошли в темный коридор, где светила большая замочная скважина. В эту скважину они по очереди заглянули.

Камера бывшего министра выглядела вполне уютно. Висел ковер, стоял мягкий диван. Большой стол, покрытый плюшевой скатертью, был уставлен тарелками с яблоками, сосисками и пирожками. На тумбочке красовался старинный граммофон с громадной трубой. Вертелась пластинка, а из трубы вылетала дребезжащая песня:

О великая Унутрия,
Ты прекрасней всех на свете!
На заре тебя на утренней
Славят взрослые и дети.
И совсем-совсем не нужен нам
Никакой заморский край.
Ты прекрасна, как жемчужина!
Ты прекрасна, так и знай!

— Какая хорошая песня, — прошептала Золушка. — И какой противный дядька. Что он там делает?

— Перевоспитывается, — сказал принц.

Но бывший министр, кажется, не перевоспитывался. На

песню он не обращал внимания, зевал и время от времени плотал, не жуя, длинные сосиски.

— Ну ладно, сейчас мы устроим тебе небольшой цирк... — пробормотал принц. Он вынул из кармана что-то маленькое и серебристое. При свете, падавшем из скважины, стало видно, что это баллончик — вроде тех, что делают для сифонов с газировкой.

Но ни Золушка, ни шут не поняли, зачем он.

Принц шепотом сказал:

— Вообще-то это государственная тайна. Но вы ведь не выдадите, верно?

Золушка и Генка Петух таким же шепотом поклялись молчать, как надгробные камни.

— Это баллончик для пуганья, — проговорил принц. — Тут вот в чем дело. Раньше в подземельях старой крепости и дворца водились настоящие привидения, а теперь куда-то повывелись. А туристы все требуют: подавай им тайны и призраков. Ну, папа и попросил мастера фон Ура сделать специальный газ... Мастер фон Ур — это отец Томми Стрелки. Он не только специалист по часам, а вообще ученый... Вот он и придумал этот газ. Его выпустишь облачком, а оно принимает форму привидения: то мертвец в кровавом саване, то монах в капюшоне, то бывшая завуч Королевской гимназии в белом платье. Часа три держится, не развеивается. Только перелетает по воздуху, если сквозняк...

— Ух ты... — восхищенно прошептал Генка Петух. — Эдька, где взял?

— Я просил, просил у папы, он и не выдержал, подарил один. Только велел в школе не баловаться. Но мы сейчас не в школе...

Эдоардо вставил в замочную скважину горлышко баллона и нажал кнопку. Раздалось змеиное шипение.

Ничего не было видно, зато было слышно, как бывший министр Унутренних дел басом сказал:

— Вам чего?

Потом он сказал тонким голосом:

— Ой, мамочка!

Потом завизжал:

— И-и-и-и-и...

Сдавленно хохоча и сталкиваясь лбами, принц, Золушка и Петух заглядывали в скважину. В комнате колыхалась трехметровая фигура в черном плаще и с голым черепом вместо головы. Бывший министр метался из угла в угол, стараясь найти убежище от неожиданного ужаса. Но убежища не было. Тогда Фридрих фон Ганц-Будка с полного размаха влетел головой в граммофонную трубу и скрылся в ней. Граммофон поперхнулся.

А дальше случилось небывалое. Из узкой части трубы, над пластинкой, стало выползать что-то длинное и тонкое. Оказалось, что это все тот же бывший министр, но только очень худой и вытянувшийся.

— Вот это да... — сказал Генка Петух.

— Возможно, теперь он и в самом деле перевоспитается, — сказал Эдоардо.

— Он и так стал совершенно другим человеком, — заметила Золушка.

Забегая вперед, надо сказать, что так оно и случилось. Фридрих фон Ганц-Будка в самом деле стал другим человеком. Но министром его больше не сделали. Он устроился на должность королевского гардеробщика. При его вытянувшемся росте было очень удобно дотягиваться до самых высоких вешалок.

Но что нам какой-то бывший министр? Главное — Золушка и принц. Время-то шло, и никакие хитрости с часами его не могли остановить. Кроме того, принц забыл, что часы на главной городской башне имеют свой собственный механизм, и удары этих часов слышны во всех уголках города.

И вот, когда принц, шут и Золушка рассуждали о судьбе бывшего министра, сквозь каменные стены подземелья протолкался глухой удар. Это бил полуночный часовой колокол.

— Ох, — сказала Золушка и прижала к щекам ладони.

Колокол ударил снова. Золушка метнулась к выходу, но принц и шут схватили ее за руки.

— Не держите меня! Вы же не знаете, что сейчас случится! — воскликнула она.

— Ничего плохого с тобой не случится, пока я рядом, — твердо сказал принц.

— Но уже двенадцать!

— Ну и пусть!

Они не пустили ее. Тогда Золушка прижалась спиной к холодной каменной стене и закрыла глаза...»

...Вероника Григорьевна остановила чтение и обвела взглядом ребят. Все, даже старшеклассники, сидели неподвижно.

— Дальше, — нетерпеливым шепотом сказала Иринка.

— Дальше?.. «Золушке стало очень страшно и обидно.

Она опоздала, и все было кончено. При каждом ударе часов платье обвисало, расплзлось, превращалось в куски серой пыльной мешковины. Хрустальная корона рассыпалась, покрыв на прощание волосы Золушки словно дождевым блестящим бисером. Только башмачки сохранились, но какой от них был прок?

Когда прозвучал последний удар. Золушка опустила руки и мокрыми глазами посмотрела на принца:

— Зачем вы меня задержали? Теперь... вот...

— Что? — спросил принц.

— Разве вы не видите? Мое платье... — И она заплакала навзрыд...»

— Было бы из-за чего, — хмуро сказал Горька.

Вероника Григорьевна обрадованно взглянула на него:

— Ты молодец! Именно так сказали и принц с Генкой Петухом. Они переглянулись и пожали плечами.

«— Подумаешь, платье, — проговорил принц.

А Генка Петух добавил с досадой:

— Все девчонки одинаковые, даже Золушки. Реветь из-за каких-то тряпок...

Принц вынул платок и шепнул:

— Вытри глаза и пошли танцевать... Ну... Зоюшка...

— В таких лохмотьях? — всхлинула она. — Все будут смеяться.

— Я им посмеюсь! — пообещал принц Эдоардо и тронул рукоять шпаги.

...И правда, почти никто не смеялся, только удивлялись потихоньку. Лишь захихикали Золушкины сестрицы да скривила губы Шарлотта-Элизабет де Бина.

— Дуры, — сказал им Генка Петух. — Это новейшая

мода. Бальный туалет «а-ля Золушка», так сейчас одеваются для праздников в Париже и Токио...

По девчонкам и дамам пошел быстрый шепот. Самые находчивые выскользнули из зала и кинулись разыскивать королевского завхоза, чтобы выпросить у него несколько старых мешков.

— Завтра в городе мешковину будут продавать дороже, чем бархат, — со смехом сказал Генка Петух принцу и Золушке.

У Золушки еще не высохли глаза, но она весело смеялась. Она знала, что прежней унылой жизни больше не будет, потому что у нее есть настоящие друзья. А музыка гремела. Ночь за окнами вдруг сделалась яркой и разноцветной. Это взлетели над парком огни праздничного фейерверка...»

— Вот и все, друзья мои, — со вздохом сказала Вероника Григорьевна. — Ну, а сейчас решайте окончательно: беремся за спектакль?

Что тут было решать? Все закричали, что, «конечно, беремся» и как можно скорее.

— А вот насчет «скорее» — это вопрос особый. Надо еще переделать сказку в пьесу. Надо соорудить декорации, провести репетиции. Ой-ей-ей сколько работы. Хорошо бы успеть к весенним каникулам.

АПРЕЛЬ

Премьера на весенних каникулах не состоялась. Не успели. Вдруг заболела Вероника Григорьевна и пролежала две недели. Потом закапризничал и уволился руководитель музыкального ансамбля, который работал в школе «по совместительству». А без музыки какой спектакль? Но все же дело двигалось. Ансамблем стал руководить десятиклассник Боря Романенко, Вероника Григорьевна вернулась в школу и опять собрала «артистов», а ее «оболтусы» срочно доделывали декорации по эскизам Иринкиного папы.

Веснь апрель шли репетиции, и все верили, что в майские праздники спектакль состоится обязательно. Только Иринка однажды печально сказала:

— Хорошо бы успеть. А то мы можем уехать еще до мая.

— Куда? — не понял Журка и даже сперва не встревожился.

— Во Владимир.

— Зачем?

— Жить.

— Как жить?

Иринка помолчала и сказала со взрослой ноткой:

— Ну что значит «как»? Как все люди живут. Насовсем...

Журка наконец понял. Остановился, чуть не уронив портфель на сухой солнечный асфальт. И она остановилась — насупленная и слегка виноватая. Быстро взглянула на Журку, стала смотреть вниз и серьезно объяснила:

— Выхода больше никакого. Здесь у папы совершенно нет перспектив.

Журка с легким раздражением уловил в ее словах знакомые интонации — когда Иринка будто повторяет чужие слова. Но он уже знал, что какие бы эти слова ни были, а в них всегда кроется горькая правда. Поэтому досада растаяла, а тревога осталась.

— Как же так... — беспомощно пробормотал он, и самому стало тошно от пустоты и бессилия этих слов.

Иринка шевельнула головой, будто сказать хотела: «А вот так. Ничего не поделаешь». Потом она медленно пошла вдоль школьной изгороди, и Журка — рядом с ней.

— И ничего не говорила... — с упреком сказал он.

— Я не знала, что это всерьез. Они и раньше про переезд разговаривали... Мама и папа... Поговорят и раздумают. А сейчас оказалось, что на самом деле... Потому что куда же дальше-то? На областную выставку ничего у папы не взяли, про «Летний день» сказали, что хорошо, но по теме, мол, не подходит. О персональной выставке теперь и не говорят... Это все после того случая с телепередачей.

— Неужели все еще помнят?

— А ты думал... На нем сейчас такое пятно. О приеме в Союз художников лучше и не заикаться. И мастерской нет...

Значит, та зимняя молния оставила свой след. А Журке-то казалось, что она ударила лишь по краешку и не принесла Иринке и ее родителям большого вреда. Потому что всегда, когда он приходил к Брандуковым, Игорь Дмитриевич

вич был веселый и полный художнического азарта. Он делал какие-то интересные заказы для Дворца пионеров, говорил, что в августе собирается в Калининград к рыбакам, и главное — он заканчивал картину «Золушка из пятого «А».

Над этой картиной Игорь Дмитриевич работал в мастерской одного из приятелей. Дома он только делал эскизы с Иринки, Журки и Горьки. Но «мучил» он ребят недолго. И Журка просто обалдел от неожиданности, когда в начале апреля Игорь Дмитриевич повел их троих в мастерскую и показал почти готовую картину.

Дело было даже не в том, что все сразу узнали себя. Дело в том, что картина была — как рассказ про них. Про их настроение, про их характеры. И про мысли...

На картине были Золушка, принц и шут перед началом спектакля. Они за кулисами ожидали своего выхода. Иринка в платье из мешковины сидела на фанерном ящике и, как ручного голубя, держала у груди сверкающую туфельку. На Иринкином лице дрожали цветные отсветы. Журка, одетый принцем, стоял сбоку и что-то говорил ей (может быть, просил не волноваться, хотя сам заметно нервничал). Но Иринка его, видимо, не слышала: чуть улыбаясь, она совсем ушла в свою сказку...

А Горька в своем желто-черном клетчатом костюме стоял чуть в стороне, у занавеса. Он слегка раздвинул складки, и со сцены пробился в красноватый сумрак горячий луч. Лицо Горьки было совсем непохоже на лицо шута. Это было лицо разведчика, у которого одна задача: проверить, нет ли опасности для друзей. Нет ли в зале среди зрителей насупленных и недобрых людей? Кажется, не было. Напряжение еще не совсем сошло с Горькиного лица, но он уже обернулся к Иринке и Журке, чтобы сказать: «Нормально, ребята. Не волнуйтесь». Но почему-то ничего не сказал...

«Золушка из пятого «А» была написана не так, как «Летний день», а более резкими и крупными мазками, более нервно, что ли. Она отличалась от «Летнего дня», как отличается, например, сдержанное, но энергичное вступление к испанскому танцу от негромкой, спокойной песенки. Журка не мог решить, какая картина ему нравится больше. Он понимал, что нравиться одинаково они не могут: очень уж разные.

Но понять, какая из них лучше, он был не в силах. Обе были замечательные.

Втайне (не всерьез, а просто так) Журка даже мечтал, что однажды Игорь Дмитриевич скажет: «Что, Журавленыш, говорят, у тебя в июне день рождения? Какую картину мы выберем для подарка?» Он бы, не думая, ответил: «Ой, что вы... Правда? Хоть какую!»

Но, конечно, этого не случится. Какой же художник станет дарить мальчишке, даже хорошо знакомому, любимые картины? Да и не надо! Плохо другое: теперь на дне рождения не будет Иринки. И в другие дни тоже не будет. И некуда станет спешить вечером. И не с кем водить Максимку в кукольный театр. Не с кем спорить о космических пришельцах. Не с кем серьезно, не боясь насмешек, говорить про машину для защиты от молний. И... многое-многое будет еще не с кем.

Конечно, Журка не останется одиноким, но с Иринкой словно уйдет целая часть жизни. Очень хорошая, радостная и счастливая часть.

Почему же так? Опять злая молния. Или след прежней, ударившей в январе?

...Апрельский день был теплый, и на солнечном асфальте лежали синие скрюченные тени обрезанных тополей. Интересно, зачем нужно уродовать деревья? Уже и в газетах не раз ругали этот обычай, но каждую весну сумрачные небритые дядьки срезают ножовками с едва оформившихся крон сучья и отросшие за год ветки. Оставляют скорченные обрубки. И длинный ряд молодых тополей делается похожим на унылую колонну стриженных подростков, которых недавно Журка видел в телеспектакле про колонию для малолетних преступников. Он смотрел этот спектакль с беспокойством и тоскливым воспоминанием о Капрале. Значит, и Капрал ходит сейчас, так же заложив за спину руки и нагнув голую голову с торчащими ушами? Какой бы он ни был, Капрал, а Журке его жаль. И будто в чем-то Журка виноват перед ним... Может, если бы он в тот вечер пошел с Капралом, все было бы по-другому? Может, Капралу осточертели его друзья и он искал других? Может, ему нужен был Журка... А

Журка тогда в своей боли, ярости и обиде не мог думать ни о чем. Разве что о собственной беде. Кто виноват?..

...Да, но при чем сейчас Капрал, при чем тополя, при чем все другие посторонние мысли, если Иринка уезжает?

— А почему во Владимир? — спросил Журка, будто этот вопрос мог что-то изменить.

— Это папина родина. Папа там учился, у него там друзей много, они давно зовут, с обменом квартир взялись помочь... А еще Витя там недалеко служит. После армии тоже хочет во Владимире остаться, в институт поступать... — Иринка слабо улыбнулась. — Мама говорит, у него там, наверно, девушка есть. Он нас тоже туда зовет...

Журка впервые подумал об Иринкином брате с неприязнью: «У него девушка, вот он и тащит всю семью...» Но это было от досады. Конечно, не из-за Виктора они едут. Едут потому, что так надо. И никто здесь ничего не делает — ни Иринка, ни Журка. Можно, конечно, спорить и сопротивляться. Может быть, можно даже слезами и мольбами добиться, чтобы не уезжали. Но тогда как дальше жить Игорю Дмитриевичу?

Журка медленно шел, стараясь не наступать на синие тени. И привыкал к печальной мысли, что скоро Иринка будет далеко-далеко. Но вдруг в нем все опять зашпорило с этой мыслью, и он с отчаянной надеждой посмотрел на Иринку:

— А может, все-таки опять передумают?

— Ну, может быть... — сказала она, как говорят взрослые, которые знают настоящую правду, но не хотят раньше срока огорчать маленького.

Журка понял это и сник. А Иринка шепотом попросила:

— Давай об этом пока не говорить.

— Давай, — послушно сказал он.

И они правда больше не говорили про отъезд. Лишь дома у Иринки Вера Вячеславовна обняла однажды Журку за плечи и сказала:

— Что поделаешь, Журавушка... А ты приезжай к нам на каникулы! С мамой и папой мы договоримся...

Журка спрятал глаза и торопливо кивнул. Он все же не верил до конца, что Иринка уедет.

Не верил, хотя роль Золушки на всякий случай начала

репетировать вместе с Иринкой Лида Синявина. Ну и пусть репетирует. Вон Горька, например, от нечего делать иногда выступает на репетиции в роли принца вместо Журки. И получается у него даже очень хорошо, хотя Вероника Григорьевна говорит, что он «видит образ совсем в другом ключе».

Дни шли, об отъезде пока никто больше не заговаривал, надежда делалась прочнее, а весеннее солнце и театральные заботы заглушали тревогу. А первомайский праздник был совсем близко.

МОЛНИЯ

Премьера состоялась второго мая.

За несколько часов до спектакля Журка начал отчаянно волноваться. Попросту говоря, трусить. Даже в горле сам по себе переглатывался какой-то скользкий комок.

Тогда Журка отыскал и тайком надел под майку старенький пионерский галстук — тот, в котором когда-то испытывал свою смелость на кладбище. Может, и правда была в галстук волшебная сила, а может, была она в самом Журке, и галстук просто помог ей победить боязливую дрожь. В общем, волноваться Журка не перестал, но уже не трусил.

И, говорят, на сцене держался молодцом, играл свою роль хорошо. Мама сказала, что просто замечательно. И Лидия Сергеевна так сказала. Журка пригласил ее на спектакль вместе с Максимкой и Валерием Михайловичем. Валерию Михайловичу спектакль тоже понравился, и он очень жалел, что не взял с собой фотоаппарат.

— А вы приходите шестого числа, — сказал Журка. — Будет еще представление, для соседних школ...

После спектакля Вера Вячеславовна позвала всех «артистов» и Веронику Григорьевну пить чай и есть праздничный пирог. Вероника Григорьевна отказалась: ей надо было со своими Витькой и Борисом ехать к родственникам. Зато артисты охотно пошли — шумной, растянувшейся по улице толпой. Дома у Иринки они съели весь пирог, печенье и конфеты, выпили несколько чайников и без конца вспоминали, как и что было во время спектакля...

Короче говоря, это был хороший, веселый вечер. Но

сквозь веселье к Журке подкрадывалась печаль: он замечал, что кое-где на стенах нет знакомых картин, а с некоторых полок убраны книги и лежат по углам, увязанные в пачки. Но спросить у Иринки про день отъезда он не решился. Зачем портить себе и другим настроение?

Он спросил назавтра, в школе. Иринка грустно сказала:

— Ой, не знаю пока. Папа ждет какого-то письма... Но все равно скоро. Сегодня вещи отправляем...

Однако Иринка успела сыграть Золушку не только шестого числа, но и еще раз, через несколько дней, в субботу. И вот тогда, после спектакля, сказала, опустив глаза:

— В понедельник на уроки уже не приду. С утра забегу попрощаться с ребятами, и сразу на поезд...

Нельзя сказать, что на Журку навалилась большая тоска. Он знал, что не сегодня, так завтра Иринка это скажет. Но все равно стало невесело. Он проговорил с досадой:

— Неужели нельзя хотя бы до конца учебного года здесь остаться?

— Папе надо скорее, а мама одного его отпустить не хочет... А отметки за год мне и так выведут...

Они потихоньку от всех ребят, даже от Горьки, ушли из школы и побрели по улицам. Просто так. У Маковой горы Иринка сказала:

— Давай подыдемся...

Склон уже вовсю зеленел. Среди весенней травы путались тонкие тропинки. Кое-где валялись обломки лыж с разноцветными эмблемами и буквами. Иринка и Журка стали подниматься на круглую вершину, где стояла полуразрушенная церковь (от нее, говорят, вел за город подземный ход, но никто его не мог отыскать). Журка держал за воротник и волок подолом по траве потрепанную школьную курточку. Было очень тепло, даже чересчур. Как в июле. Взрослые говорили, что это еще не настоящее, не летнее тепло, вот зацветет черемуха, холода снова покажут себя. Но черемуха пока не цвела, видимо, ей тоже не хотелось мерзнуть.

С вершины было видно полгорода. Железные крыши, белые дома, веселые машины и троллейбусы, похожие на разноцветные яркие капли. А дальше трубы и новые кварталы «Сельмаша», где Журка еще ни разу не был. А за ними си-

ние леса. А над лесами розовеющие от вечерних лучей облака — целые горы с откосами, склонами и синими тенями в глубине провалов. Как те «дальние острова», о которых Журка слышал в песне про кораблик.

Журка и раньше видел город с Маковой горы, но тогда над улицами висела сизая, холодная полумгла. А сейчас все окутано было зеленым дымом весны. И ярким, хотя немного печальным блеском отражали невысокое солнце тысячи стекол...

— Даже не верится, что недавно здесь катались на лыжах, — сказал Журка.

Иринка вдруг засмеялась:

— А я помню, как ты боялся первый раз отсюда ехать.

— Ох уж, «боялся»! Просто привычки не было...

— А потом, когда съехал и опять забрался, такой гордый сразу сделался. Я помню, я на тебя снизу смотрела, вон оттуда. Стоишь, руки с палками расставил, а на груди будто красный бант. Это у тебя варежки были за пазухой засунуты...

Журка улыбнулся и качнул головой:

— А я даже не помню, какие у меня тогда были варежки.

— Зато я помню: курточка темно-серая, а варежки, как маки... У меня вообще такая память, это, наверно, в папу...

— Какая?

— Понимаешь, я забываю, что когда случилось, кто о чем говорил, числа и адреса не помню, зато краски всякие запоминаю. И кто как одет был, какое выражение лица. И что вокруг было. В общем, как цветная фотография... И какой ты был первый раз, когда познакомились, тоже помню...

Журка неловко сказал:

— Чего там помнить-то. Такой же, как сейчас...

Иринка мотнула головой.

— Не такой... Не совсем такой. Ты тогда был чуточку помладше. И чуточку больше круглолицый. И губы помягче, ты их тогда не сжимал так...

— Как?

— Ну, вот так. — Иринка чуть сощурила глаза, сжала рот в прямую черту и куснула нижнюю губу.

Журка машинально сделал так же. Верхней губой лего-

нько тронул нижнюю — там, где под кожей затаился твердый невидимый рубчик. А Иринка вдруг улыбнулась:

— А ростом ты остался такой же.

— Ну уж... — слегка обиженно возразил Журка.

— Точно. Видишь, мы с тобой, как раньше, одинаковые.

— Это разве сравнение? Просто мы одинаково подросли.

— Не-ет. У меня дома на двери зарубка, я знаю, что за год не подросла... Да ты чего огорчаешься? Это у нас впереди.

— Я не огорчаюсь. Маме забот меньше. А то она меня перед каждым летом заново обшивала...

— Да, я знаю. Ту рубашку, в которой ты на картине, тоже она шила, верно?

Журка кивнул. Иринка улыбочиво сказала:

— Я помню, ты в ней был, когда первый раз к нам пришел. Я вхожу, а ты стоишь у окна весь такой... желтенький, как свежая лучинка... Папа потом сказал: «Будто тонкую кисточку до самой верхушки обмакнули в солнечную краску...»

Журка проговорил недовольным от смущения тоном:

— Ну да. Такой красавчик позолоченный...

— При чем здесь красавчик? Это же цветное восприятие: белая вздувшаяся штора с голубой тенью, серые обои и ты — будто яркой желтой кисточкой мазнули сверху вниз. Светлая такая полоска...

— А в ней зазубрина. У меня черная ленточка над карманом...

— Точно! С надписью «Виндроуз». Я сперва думала, что это иностранная фирма, но ведь рубашка-то дома сшита... Я потом все хотела спросить, что это за ленточка, да боялась: вдруг это тайна какая-нибудь.

— Это не тайна, — сказал Журка и посмотрел на далекие острова-облака. — Но это было давно... Мы с Ромкой прочитали в журнале про бригантину «Роза ветров», которая обошла вокруг света, и стали в нее играть. Модель пускали в Камеке... А мама нам сшила одинаковые рубашки и ленточки вот эти сделала с названием бригантини. А потом с рубашек на рубашки их перешивала, всегда на одинаковые... Только ту, желтую, она уже шила одну...

Иринка проговорила с виноватой ноткой:

— Я не знала... Но догадывалась, что она для тебя чем-то дорогая, эта ленточка.

«Завтра я подарю ее тебе, — с печалью и ласковостью подумал Журка. — Вот приду такой же, как тогда, «желтенький», чтобы все было, будто первый раз, отпорю ее от кармана и отдам... Пусть. Ромка не обиделся бы...»

Но он ничего не сказал. Он посмотрел сбоку на Иринку, увидел ее щеку, освещенную отблеском вечерних облаков, вздрагивающие от ветерка волосы, весь ее курносый профиль с печально приоткрытыми губами. И тут же Иринка повернулась к нему. И глаза у нее были жалобные и незащитные. «Стоим тут, разговариваем о пустяках, будто ничего не случилось. А на самом деле... Что же делать?»

Журка не знал, что делать. И он сказал внутренне беспомощно, а внешне бодро и спокойно:

— Ничего. Завтра у нас еще целый день. Давай завтра, как в первый раз, облазим весь парк. Ладно?

— Ладно, — послушно сказала Иринка.

Они взялись за руки и стали спускаться среди зеленой и позолоченной солнцем травы.

Журка проводил Иринку до ее подъезда. Они помахали друг другу и разошлись. А через десять шагов Журка остановился. Как перед стенкой. Остановился от резкого и холодного ощущения вины. Будто он в чем-то обманул Иринку. Обманул, и она знает об этом, а он уходит с фальшивой беззаботностью.

Но в чем он виноват? Может, это просто печаль расставания? Нет, какая-то вина. Не сегодняшняя, а вообще. Журка не мог объяснить словами, но чувствовал: было что-то не так. Словно до сих пор у них была еще не дружба, а предисловие к настоящей дружбе.

Но почему? Ведь они каждый день были вместе, доверяли друг другу все свои тайны. И радостные, и горькие... Только... если Иринка доверяла, он разве всегда понимал их до конца? Может, и понимал, но сколько раз говорил себе: «А может, все обойдется. Может, все еще будет хорошо...»

Не обошлось. Не будет... И ничего уже не исправить, остался всего один день...

Журка оглянулся. Иринка стояла у подъезда, не уходила,

смотрела вслед. И тогда Журка пошел назад. И она пошла — ему навстречу. И вдруг легко вскочила на бетонный брус, который отгораживал асфальт от газона. Журка со сбившимся, застывшим сердцем тоже встал на поребрик. И они сошлись на этой узкой бетонной балке, взяли друг друга за руки, смущенно глянули исподлобья, осторожно коснулись друг друга лбами.

— Му-у, — тихонько и виновато сказал Журка.

Иринка ласково засмеялась, и Журка вздохнул с облегчением. Они спрыгнули с поребрика.

— Я тебе завтра скажу... про многое, — пообещал Журка, хотя не знал еще толком, о чем скажет.

Иринка серьезно ответила:

— Я тоже.

А завтра все было не так. Завтра — на одной напряженной ноте выл мотор, и «КамАЗ» летел по кольцевой дороге, как тяжелый спутник по орбите. И Журка, подавшись к ветровому стеклу, каждой клеточкой, каждой жилкой рвался вперед.

Скорее, скорее, скорее!

...Утром все начиналось, как было задумано. Журка с мамой разыскали прошлогоднюю одежду, в которой он был с Иринкой на качелях, на картине «Летний день». Пускай будет все-все, как прошлым хорошим летом. (Только старенькие кроссовки оказались малы, и пришлось надеть новые сандалеты.) Журка положил в нагрудный кармашек завернутое бритвенное лезвие. Потом повел глазами по полкам. Какую книжку подарить вместе с ленточкой Иринке? Наверно, «Олаудаха». Они с Иринкой столько вечеров сидели над этой книгой, придумывали рассказ для сбора...

Он уже совсем собрался бежать к Брандуковым, и тут его кольнула совесть: а Горька?

Горьку надо было позвать. Нехорошо получится, если Журка уйдет к Иринке один. Горька — он тоже их друг. Но... если будет Горька, разве с Иринкой поговоришь о важном? Разве побродишь спокойно по тем парковым закоулкам, где бродили в первый день знакомства? Разве помолчишь, если захочется помолчать о чем-то знакомом и понятном? Горька хороший. Но он будет болтать, неуклюже шутить — специа-

льно, чтобы разогнать печаль прощания. А ее не надо разгонять. Ни к чему. Просто нельзя...

Журка нерешительно затоптался у двери. Что же делать? И тут же успокоил совесть (не совсем успокоил, но приглушил) тем, что сначала пойдет к Иринке один, а под вечер они вместе зайдут к Горьке.

Но пока он топтался, мама вспомнила, что надо сходить за хлебом.

— Сбегай, Журка, это недолго. А то я с обедом не управлюсь...

Не спорить же. Он побежал, помахивая легкой плетеной сумкой и прыгая через тени тополей. Тени были теперь курчавые — на обрезанных сучьях дрожали от ветерка молодые, но частые листья. А Журкина тонкорукая и тонконогая тень была быстрая, ловкая, нетерпеливая. Иногда она даже обгоняла Журку, а когда он высоко подпрыгивал, отрывалась и улетала к заборам.

Журка вдруг понял, что ему ни капельки не грустно. Может быть, потому, что утро было очень солнечное и синее. А может быть, оттого, что если бежишь вот так наперегонки с тенью, то печальные мысли не могут за тобой угнаться. Да и надо ли сильно грустить? Конечно, плохо, что Иринка уезжает, но дружба-то не кончается. И они еще тысячу раз встретятся. И будет еще много хороших дней.

К маленькой булочной на углу Парковой и Красноармейской Журка подошел совсем веселый. Там как раз подъехал фургон, и продавщицы принимали лотки с батонами и караваями. Но эта задержка не испортила Журке настроения. Он посидел на штакетнике перед магазином (солнце жарило плечи), дождался, когда станут торговать, купил батон и половинку украинского хлеба, а на сдачу — посыпанный сахарной пудрой рогалик. Чтобы сжевать по дороге домой.

Вернулся он через полчаса.

Но как много значат иногда полчаса!

Журка не стал звонить, открыл дверь своим ключом. Поставил сумку в кухне, шагнул в свою комнату... и увидел себя. Как в зеркале. Но это было не зеркало, потому что рядом с ним, с Журкой, стоящим на доске качелей, сидела Иринка. Это была картина «Летний день».

Она стояла на тахте, прислоненная к стеллажу.

Зачем она здесь? Резкая тревога сразу обожгла Журку. Вошла мама. Журка глянул на нее с нетерпением: что случилось? Мама сказала как-то виновато:

— Иринка заезжала со своим папой. У них что-то изменилось, они улетают прямо сейчас.

— Что изменилось, почему? — беспомощно спросил Журка.

— Я не знаю точно, они очень торопились... Игорь Дмитриевич получил какое-то письмо, ему завтра надо быть во Владимире. Поэтому они сейчас самолетом до Москвы, а там по железной дороге до Владимира, это недалеко... А Вера Вячеславовна поедет завтра поездом, с вещами...

«Ему надо скорее, а Иринке-то зачем? — думал Журка. — А, ну, конечно, они с матерью не захотели отпускать отца одного. У него сердце и вообще... И чего меня понесло ни раньше, ни позже в булочную?» Эти мысли проскакивали какими-то равнодушными серыми строчками, будто думал кто-то другой. А Журка... Он стремительно тонул в прихлынувшей тоске. Неужели это он совсем недавно скакал по улице, беззаботный и почти веселый? Сейчас не было ничего, кроме едкой тоски и обиды на дикую несправедливость. Почему все так нелепо? Почему именно в эти полчаса? Зачем кому-то понадобилось отнимать у него и у Иринки этот последний день?

— Они очень жалели, что тебя нет, — сказала мама. — Но ждать было нельзя, они торопились, на такси заехали... А картину подарили нам на память. Такая прелесть, верно?

— Ну при чем здесь прелесть? — с болью откликнулся Журка. — Я же ничего не успел...

Мама поняла.

— Что же делать, Журавушка...

Что делать? Самолет улетает не сразу. Сначала регистрация билетов, потом очередь у выхода на поле. Журка летал, знает! Если уговорить маму схватить на улице такси... Но разве схватишь его здесь, далеко от центра, да еще в выходной день? Это если только счастливый случай...

Но делать что-то надо. Журка чувствовал с нарастающим отчаянием, что, если не скажет Иринке хотя бы несколько

слов, если не отдаст ленточку с надписью «Виндроуз» и книгу, если не махнет вслед самолету, что-то очень надломится в жизни.

А может быть, все же можно успеть? Может быть, если...

В это время очень громко затарахтел звонок. «Они вернулись!» — радостно понял Журка и кинулся к двери. Но это была не Иринка и не Игорь Дмитриевич. Это был отец.

Он мельком взглянул на Журку и озабоченно сказал маме:

— Ты мне, Юля, собери что-нибудь поесть, дай с собой. Обедать не приедет, в середине дня начнем со склада материалы в лагерь возить, будет не до того...

— В выходной работаете, да еще без обеда, — укоризненно отозвалась мама.

— Воскресник же. Лагерь-то надо сдать к каникулам. Все родители там работают. Юрий вон тоже небось запросится отдыхать...

«Никуда я не запрошусь», — подумал Журка. И вдруг сказал:

— Папа...

Видно, как-то по-особому сказал. Отец вздрогнул и посмотрел на него.

— Папа... Иринка уехала, — с тоской сказал Журка, почти забыв про все, что было. — Я не успел попрощаться, они на самолете... Папа, если на машине, то можно успеть в аэропорт!.. Папочка...

Отец мигнул, по мускулам его лица словно прошла короткая рябь. Потом лицо затвердело, и отец глуховато сказал:

— Давай.

...И вот гудящий тяжелый грузовик летит по исполинскому асфальтовому кольцу. Это не самая короткая дорога, через город ближе, но там светофоры, пробки, а здесь можно до поворота к аэропорту мчать на предельной скорости. И эта нетерпеливая скорость воеет в моторе, звенит в каждой нервной струнке у Журки.

Дорога пошла по широкой дамбе. Слева громадами белых кварталов, стеклянными цехами и тонкими трубами начал поворачиваться, будто на гигантском блюде, «Сельмаш». Справа зазеленели луга, очерченные по горизонту кромкой

леса. Оттуда, из-за синей кромки, взлетел и круто пошел в небо необыкновенно большой «Ту-134».

Но это еще не тот самолет, который увезет Иринку, не тот. Журка успеет. Вон как мчится под радиатор серое полотно асфальта! Вон как прочно лежат на руле отцовские руки. Они сразу и четко дали машине самый верный, самый рассчитанный курс.

У отца резкий профиль, спокойный, но не отрывающийся от дороги взгляд. Не поворачиваясь к Журке, отец сказал:

— Ничего, Юрик, успеем. Точно успеем.

Тревожные Журкины жилки слегка ослабели. Раз отец сказал, можно верить. Он же пилот, а автомобильных дорог.

Только бы ничего не случилось...

— Папа, а за нами, по-моему, милиция на мотоцикле, я в зеркальце заметил.

— Едут. Ну и что?

— Тебя не остановят за превышение?

— А нету никакого превышения, идем как надо... Да и ребята на мотоцикле знакомые.

— А тогда нельзя чуточку скорее?

— Нельзя. Да и не надо, все будет нормально.

Хорошо, если нормально. Если успеют. Потому что в таких случаях успевают не всегда. А случаев таких в жизни множество. Он слышал про них, читал, смотрел в кино. Про то, как один друг уезжает, а другой отчаянно старается догнать его, потому что это очень важно для них обоих. И вот человек рвется по летящей навстречу дороге, скачет на коне, летит на самолете, несется под штормовым парусом, мчится в машине, стараясь напряжением всех мускулов и нервов добавить скорости мотору. Скорее, скорее, ско...

Молния ударила горизонтально — черной свистнувшей полосой. И в короткий-короткий миг после этого Журка успел подумать о многом: «Что это?.. Какая аккуратная дыра в середине стекла. И какие мелкие трещинки вокруг дыры... А небо в ней гораздо синее, чем за стеклом... Это выстрел? Теперь не успеет, папа не поедет с разбитым стеклом...»

Журка рывком повернулся к отцу. Тот одной рукой держал руль, а другую прижимал к лицу, и между пальцами набухали красные капли.

— Папа!

— Ничего, ничего, Юрик, сейчас...

Машина замедлила ход и осторожно встала у края дамбы.

— Папа!

— Ничего, Юрик, глаза целы...

Он оторвал от лица ладонь, и лицо это было незнакомым — в алых пятнах и черных трещинках, из которых, пульсируя, выталкивались тонкие красные струйки. Но Журка растерялся лишь на миг. Все равно это было папино лицо. Журка заплакал — не от страха, а от жалости, рванул из-под ремешка рубашку, выхватил из кармана бритвочку.

— Папа, я сейчас, я перебинтую...

Лезвие оказалось тупым, Журка суетливо кромсал им подол рубашки.

— Да что ты, не надо, аптечка есть...

Журка оторвал застежку на коричневой сумке с красным крестиком, выхватил перевязочный пакет, дернул, как надо, нитку (на «Зарнице» учили), размотал марлевую ленту.

— Папочка, больно? Я сейчас...

В эту секунду распахнулась дверца, в кабину сунулся молодой черноусый милиционер.

— Журавин, Саша! Живой?.. А ну, давай... — Он выхватил у Журки бинт, начал быстро и очень ловко обматывать отцу голову. — Ничего, тут недалеко, в Колпакове, медпункт... Вот гады, из-под насыпи, из кустов бросили. Нас-то не видели, мы левее ехали...

Завязав бинт, милиционер выглянул из кабины и крикнул кому-то:

— Здесь нормально, давай за теми!

У отца остались незакрытыми только глаза и рот. Сквозь марлю проступали веснушками красные пятнышки.

— Больно? — шепотом спросил Журка.

— Да чепуха, щиплет слегка... Вот беда, не получилось у нас. Не догнали твою подружку...

— Да ладно, папа...

Все теперь отодвинулось: Иринка, аэропорт. Не было уже ни тоски, ни жгучего нетерпения, был только страх за отца. Иринке он напишет, объяснит, лишь бы с папой ничего страшного...

Милиционер потянулся к заднему стеклу. Оно было затянато проволочной сеткой, а в ней застрял серый камень. Круглый, размером с небольшое яблоко. Сержант покачал его на ладони, хмуро сказал:

— Вот такой подарочек. Немного бы в сторону — и заказывай по кому-то из вас поминки.

Журка рукавом резко вытер слезы и спросил с тихой яростью:

— Зачем его бросили?

— А черт их знает! Шпана проклятая... Давай, Саша, я сяду за руль.

— Да я сам могу...

— Какое там «сам». Давай.

Отец придвинулся к Журке. Журкины пальцы были в крови. Он вытер их о полуобрезанный подол, комком затолкал его под ремень, взял отца двумя руками за локоть, прижался к нему плечом. Автомобиль завыл, выбираясь на проезжую часть. Журка неловко покачнулся, ухватил отца покрепче, напряженно глянул на его забинтованное лицо. Опять спросил с тревогой:

— Тебе больно?

Отец помолчал, как-то странно дернул плечами, сказал с хрипотцой:

— Чушь какая, разве это боль... Юрик, сынок, ты меня прости.

— Что? — не понял Журка и опять испугался. Отец так редко говорил «сынок». Может, это от потери крови, от слабости?

— Папа...

— Ничего, Юрик, ничего, родной. Переживем... Все переживем... Да?

ВАЛЕРИК

Порезы оказались неопасными, но каждый день отец ходил на перевязки. Глядя на его забинтованное лицо, Журка сказал однажды:

— Ты похож на марсианина.

Отец почему-то очень обрадовался, ответил весело и не-впопад:

— А стекло уже заменили... Ничего, мы еще поездим!

Один раз к отцу приходил незнакомый мужчина — оказалось, что из милиции. Когда он ушел, отец сказал:

— Вот уж не думал! Нашли ведь тех «гранатометчиков», догнали.

— Да?! — зло обрадовался Журка. — А кто они?

— Кто... Пацаны, конечно. Вроде тебя.

— Почему это вроде меня? — сразу ошетинился Журка.

— Ну, я про года говорю. Такие же по возрасту. Чего ты как динамит...

— Мама говорит: весь в тебя, — усмехнулся Журка. — Папа... а что им будет? Этим ребятам...

Отец пожал плечами.

— Откуда я знаю? Что заработали, то и будет... — И ушел опять в поликлинику.

А Журка побежал на репетицию.

Репетиции «Сказки о Золушке» шли одна за другой, потому что предстоял еще один спектакль. И очень важный. Вероника Григорьевна с таинственным видом говорила, что ожидается какой-то сюрприз. Все выпытывали: какой? И она сообщила наконец, что, «кажется», пьесу будут снимать для детской телепередачи «Сигнал горниста».

— Ой, мамочка, — шепотом сказала «новая Золушка» — Лида Синявина. Она была неплохая Золушка. Если по правде говорить, она играла, пожалуй, не хуже Иринки. Только сильно волновалась. Если на репетиции она сбивалась от волнения, Журка терпеливо ждал и подсказывал. И ни капельки на нее не сердился. Потому что это было бы глупо и по-свински. Лидка же не виновата, что Иринка уехала.

И сейчас, когда она перепугалась, Журка сказал ей:

— Не бойся, это же будет съемка. Если что не получится, переснимут, вот и все...

Но сам он ощутил какое-то беспокойство. Его не очень-то обрадовало участие в телепередаче.

— Конечно, вся пьеса в передачу не влезет, — разъяснила Вероника Григорьевна. — Только самые интересные эпизоды. Но все равно! Представляете, охламоны вы мои нена-

глядные, как это здорово! Вся область вас увидит на экране! Школу свою прославите... Но и ответственность какая!

Журка прислушался к своей тревоге. Нет, его не пугала ответственность. Тут что-то другое. Кажется, дело все же в Иринке. В том, что не она будет Золушкой.

По всей справедливости должна была играть Золушку она. Именно для передачи. Назло всему, что случилось! Если одна передача принесла ей столько несчастий, пускай другая будет ее победой!

Но это было невозможно... Ощущение такой невозможности, все эти беспокойные мысли очень мешали Журке на репетиции. Он даже начал злиться на Лидку. Вероника Григорьевна сказала:

— Журавин, да что с тобой сегодня? Ну-ка, соберись, голубчик.

Он вздохнул и постарался «собраться»...

В субботу провели генеральную репетицию. Ради такого дела «артистов» освободили от уроков. Вероника Григорьевна доказала директорше Нине Семеновне, что репетировать надо на свежую голову, с утра.

Пришла незнакомая женщина — в джинсах и замшевой куртке, высокая, с красивым лицом, с резким нарисованным ртом и короткой прической. Звали ее Эмма Львовна. Оказалось, что она с телевидения.

Эмма Львовна весело, но решительно вмешивалась в репетицию, громкими хлопками ладоней останавливала игру на сцене, что-то проверяла по часам, делала пометки в блокноте. Оробевшая Вероника Григорьевна кивала и со всем соглашалась.

Впрочем, ребятам Эмма Львовна понравилась. Благодаря ее напору и быстроте репетиция закончилась уже в половине двенадцатого. Полагалось идти на два последних урока, но Вероника Григорьевна переглянулась с Эммой Львовной, подмигнула ребятам и сказала:

— Так и быть, разбегайтесь и отдыхайте до понедельника. Ответственность мы берем на себя.

«Актеры» громким шепотом сказали «ура» и дунули по домам.

Когда Журка вернулся из школы, дома никого не было.

Мама, несмотря на субботу, ушла в машбюро: ее попросили перепечатать срочную работу. Отец, видимо, был в поликлинике.

День стоял совсем летний, жаркий, воздух в комнатах перегрелся. Журка с наслаждением распахнул все окна, вытаскивал из холодильника бутылку молока, глотнул из горлышка (вот мама-то не видит!), смочил в ванной нажаренную солнцем макушку и начал торопливо переодеваться: они с Горькой договорились пойти на двенадцать тридцать в кино.

Кто-то нерешительно, сбивчиво позвонил. Явно не Горька. Журка торопливо заправил в шорты подол желтой рубашки (мама ее уже починила) и открыл дверь.

За дверью стояли незнакомые люди: пожилая, почти старая женщина и темноволосый мальчишка с сумрачными глазами волчонка. Сразу, в одну секунду, Журка ощутил, что веет от них какой-то бедой. Женщина, переминаясь, проговорила:

— Ты, мальчик, извини... Журавин здесь живет?

— Да, это я, — почти с испугом сказал Журка. — То есть мы все Журавины. А что?

— Значит, папа твой... — пробормотала женщина. И вдруг дернула мальчика за плечо: — Вот, привела, чтоб прощения просил! За камень за свой дурацкий! Он ведь бросил-то! Теперь, если папа твой не простит, совсем худо...

Плечо у мальчишки мотнулось, и он опустил голову.

Журка смотрел на него и на женщину с удивлением и растерянностью.

Неужели этот парнишка в самом деле бросил камень? И зачем они пришли?

— У, паразит, — жалобно сказала женщина мальчику, а у Журки заискивающе спросила: — Папочка-то дома?

Журка внутри себя застонал от мучительной неловкости и хмуро сказал:

— Нет. Наверно, он на перевязке...

— Вот беда опять. Что же делать-то?..

— Ну, вы проходите, — пробормотал Журка. — Он скоро придет.

— Да чего же проходить-то, если... — начала растерянно женщина и как-то машинально шагнула в прихожую. Дерну-

ла мальчика за собой. Он худыми, какими-то ломкими ногами переступил порог и опять замер, не поднимая головы.

В полутемной прихожей не было окон, и Журка включил яркую лампочку. Женщина растерянно мигнула. Журка увидел ее тоскливые, беспомощные глаза, дряблые щеки, маленький жалобный подбородок и понял вдруг, что это лицо ему знакомо. Но откуда и почему, не вспомнил. Они встретились глазами, и Журка торопливо перевел взгляд на мальчишку.

Тот казался чуть младше Журки. По виду — класса из четвертого. Тощий, с большими ушами, торчащими из-под прямых черных прядок. Волосы упали вперед, лица не разглядеть. Он был в новых сандалетках, голубых носочках, в летнем синем костюмчике с олимпийскими колечками на кармашке. Новый этот костюмчик сидел на мальчишке неловко и твердо, торчал острыми углами — как спичечный коробок, наткнутый косо на длинную лучинку. Кое-где на жесткой материи заметны были слежавшиеся складки. И Журка вдруг догадался, что в эту нарядную, поспешно купленную одежду мальчишку засунули специально: чтобы он казался более приличным, более воспитанным. Даже более маленьким. Это, мол, не хулиган, а ребенок, который случайно совершил нехороший поступок.

Волчонка одели в костюмчик смиренного зайчика. Журка снисходительно усмехнулся этой мысли, но злости к «волчонку» не почувствовал. Появилась только какая-то смесь обиды и пренебрежительной жалости. И еще болезненное любопытство: каково ему сейчас?

Журка представил себя на месте «волчонка» и зябко шевельнул плечами: лучше не думать про такое...

— Вы заходите, — стесненно сказал он. — Посидите...

— Да чего ж... — опять проговорила женщина, однако нагнулась, чтобы расстегнуть туфли.

— Не надо, — поспешно остановил ее Журка. — Что у нас, музей, что ли... Вы идите в комнату и садитесь. Папа скоро...

В комнате он отодвинул от стола два стула. Женщина села, опустила с головы на плечи косынку, разгладила на коленях слишком яркое цветастое платье. Вдохнула. Мальчик не сел. Встал рядом с ней, сбоку от стула. Все такой же: с

опущенной головой и неподвижный. Только пальцы его суетливо мяли и дергали края штанишек. Женщина сильно хлопнула его по руке. Потом громко, будто здесь было много людей, проговорила:

— Родила его на свою голову! На старости-то лет! Маюсь вот теперь... У мальчика тоже проси прощения, бандит! Ты ведь и его мог прибить!

«Волчонок» быстро облизал губы, приоткрыл рот, судорожно глянул из-под волос на Журку. У него были какие-то ошестинившиеся и в то же время умоляющие глаза.

— Не надо у меня ничего просить! — почти крикнул Журка. — Вы... посидите. А я пойду. У меня уроки...

Он ушел в свою комнату, сел к секретеру, открыл первую попавшуюся книжку — учебник истории. Посидел над ним, не зная, что делать. Подумал: «Хоть бы скорее папа пришел...» Потом не выдержал, оглянулся.

В открытую дверь женщину не было видно — только краешек стула с цветастым платьем. А мальчишка был виден весь. И они опять встретились глазами.

Это был взгляд чуточку дольше, чем первый. И Журка почувствовал, как страшно, мучительно стыдно и тоскливо сейчас «волчонку».

«Если бы знал, ни за что бы небось не кинул», — подумал про него Журка.

А зачем кидал?

В самом деле, зачем?

Что его толкнуло схватить булыжник и швырнуть в стекло летящей машины? Ведь ни Журка, ни отец никогда-никогда и ничего-ничего не сделали ему плохого.

Зачем?

Да, это, оказывается, был главный вопрос. Он сразу же засел в Журке твердым колючим кубиком.

Если бы понять: почему был брошен камень? Журке теперь казалось, что жить тогда стало бы проще и легче. Может быть, мальчишка не так уж виноват? И Журка однажды схватил кусок щебня и хотел швырнуть в машину. Правда, вслед, а не навстречу, но мог бы и навстречу. От жгучей боли, от обиды, от злости на весь мир. Что он тогда понимал?

Люди, которые мчались в том «Запорожце», наверняка

не хотели обрызгать Журку. Наверно, и не заметили его. Может быть, спешили по важному делу. Но в тот яростный миг Журка считал себя правым. Это хоть как-то можно понять.

А «волчонок»? Может, и с ним было что-то похожее? Журка опять уткнулся в учебник, не видя ни букв, ни картинок. И тут услышал:

— Мальчик... Наверно, мы потом придем, попозже. Не хорошо так сидеть-то... Мы пока по магазинам ходим, а через часик опять зайдем...

Журка вышел в большую комнату.

— Ну... как хотите. Я скажу папе...

— Ты уж скажи, а мы придем еще раз... Вот не простит тебя его папа, в колонию попадешь, дурак, или в школу специальную... Пошли давай! — Она сильно дернула сына.

— Пойдите, — неожиданно для себя сказал Журка. — Вы его оставьте... Здесь оставьте.

— А... как? Зачем? — растерялась она.

— Идите в магазины, а он пока пускай здесь... Папа придет, они и поговорят.

— Без меня?

— Ну, не вы же камень кидали, — чуть усмехнулся Журка. — Он кидал, он пусть и отвечает.

— Да что он скажет-то? Одно знает: в пол упрется глазами — и ни гугу.

— Ну, ничего. Может, не упрется...

— А будет папа с ним с одним-то разговаривать?

— Будет. Даже лучше, если с одним, — схитрил Журка. — А то скажет: мама пришла заступаться...

Мать взглянула на мальчишка:

— Оставайся, я через час приду.... Да проси прощения как следует! Слышишь?

— Слышу, — как неживой, прошептал «волчонок». Это было первое, что он сказал здесь.

Журка запер за матерью мальчишки дверь и вернулся в комнату. «Волчонок» все так же понуро стоял у опустевшего стула.

— Сядь, — насупленно сказал Журка.

Тот сразу сел — будто ноги подломились. Сдвинул колени. Вцепился в них пальцами с мелкими бородавками и

грязными ногтями. Стал смотреть перед собой. И Журка увидел, что это вовсе не волчонок, а мальчишка, совсем сломленный бедой. Беспомощный и покорный.

Журка ощутил полную власть над этим пацаненком. Его можно было поставить на колени, можно было отлупить, и он бы не стал сопротивляться. На миг такое всесилие сладко обрадовало Журку. Но если один всемогущ — другой полностью беспомощен. А ужас такой беспомощности Журка когда-то сам испытал. Он вздрогнул. Нет, не хотел он для этого мальчишки ни боли, ни унижения. Он только хотел понять...

— Знаешь, зачем я тебя оставил? — спросил Журка.

Мальчик отрицательно мотнул головой.

— А ты подумай! — с прорвавшейся злостью крикнул Журка.

Мальчик помолчал и спросил совсем тихо:

— Бить?

Журку опять передернуло — от стыда и обиды.

— Ну на кой черт мне тебя бить? — резко проговорил он. — Мне только надо знать: зачем ты кидал камень в машину? Скажи!

Мальчик повернул голову и посмотрел на Журку — более долго, чем раньше. У него были очень темные глаза, а вокруг них лежала тень. Может быть, это от природы, а может быть, от какой-то болезни. Или от долгих слез. Глаза смотрели издали, из тоскливой глубины.

— Я не знаю... — прошептал мальчик, и Журка заметил, как под его жесткой, стоящей коробом рубашкой беспомощно шевельнулось плечо.

— Что ты не знаешь?

Мальчик так стиснул коленки, что побелели ногти. Но он не отвел глаз и повторил более громко, с усталостью и отчаянием:

— Ну, я правда не знаю. Все спрашивают: «Почему, почему?» — а я кинул, и все... Просто...

У него оказался неожиданный голос, вовсе не подходящий для такого мальчишки. Низковатый, с хрипотцой, будто от легкой простуды. Таким голосом говорил бы, наверно, плюшевый медвежонок, если бы научился человеческому языку...

Задрезжал в прихожей звонок. «Папа», — решил Жур-

ка, но не обрадовался. Ему хотелось окончить разговор один на один.

Пришел не отец, а Горька. А Журка совсем забыл, что они договорились насчет кино!

— Идем? — спросил Горька.

Журка сказал, поморщившись:

— Не могу я сейчас. Тут у меня сидит один... «Диверсанта» привели, который в машину камень пустил.

— Да ну-у?! — удивился и, кажется, обрадовался Горька. — Можно посмотреть?

Не дожидаясь ответа, он шагнул в комнату и весело уставился на мальчишка.

— Правда, что ли? Этот мелкий гвоздик? — спросил он (хотя сам был лишь чуть-чуть побольше «диверсанта»).

Журка сумрачно кивнул. Горька, все усмехаясь и не отрывая глаз от мальчишки, обошел его по широкой дуге. Тот сначала робко следил за ним, потом съежился и опять опустил голову.

— Ну и что теперь? — спросил Горька у Журки.

Журка пожал плечами:

— Я почему знаю? Отца ждет, объясняться будет... А я пока хотел добиться, зачем он кидал. Понимаешь, причину из него вытянуть!

— Тебе не все ли равно, что ли? — сказал Горька.

Журка мотнул головой. Ему было не все равно. Он хотел знать, как рождаются черные молнии, которые в одну секунду могут обрушить на людей всякое горе.

Мальчишка опять поднял глаза и вдруг сказал хрипловатым своим голосом:

— Они все кидали и не попали... Потом Репа говорит мне: «Кидай». Я кинул и попал. Потом побежали...

— Вы что, в партизан играли? — деловито спросил Горька.

— Ага...

— Идиоты! — почти со слезами крикнул Журка. — Это же не игра! В машинах-то настоящие люди! Вы об этом думали?

— Не-а... — прошептал мальчишка.

— Но ты хоть о чем-то думал?

— Чтобы в стекло попасть. Чтобы зазвенело...

— Дать бы тебе, чтобы зазвенело, — беспомощно прого-

ворил Журка. И понял, что больше спрашивать не о чем. Но вспомнил опять, как замахивался камнем сам, и снова спросил: — А может, ты злился на кого-то, когда кидал?

— Не...

— Да не тяни ты его за душу, — вдруг серьезно сказал Горька. — Ни черта он не соображал тогда.

— Совсем? Так не бывает.

— Бывает. Я, когда бутылку у магазина тащил, разве о чем-нибудь думал? Сейчас, как вспомню, сам удивляюсь...

— Сравнил... — сердито отозвался Журка. И обратился к мальчишке с новой догадкой: — Репа этот... и кто там еще, они тебя насильно заставляли кидать? Отлупить грозились?

Мальчик мотнул головой:

— Не... Они со мной всегда по-хорошему. Заступались...

— «Заступались»... — опять вмешался Горька. — А сейчас, наверно, чистенькие сидят: «Мы ни при чем».

— Они сказали, что не кидали, только я...

— А ты что сказал? — спросил Журка.

— Что... Не они же разбили, а я...

Наступило молчание — длинное и неловкое. Потом Горька ненатурально зевнул и попросил:

— Дай чего-нибудь пожевать, я дома перекусить не успел.

— Пошли! — обрадовался Журка и повел Горьку на кухню. Дал ему хлеба, холодную котлету и стакан компота. Потом оглянулся на дверь: показалось, что в комнате раздался длинный всхлип. Журка торопливо вернулся к мальчишке. Тот сидел, как и раньше, и тоскливые глаза его были сухими. Только дышал чаще. И совсем неожиданно для себя Журка спросил:

— Есть хочешь?

Мальчик быстро и даже испуганно мотнул головой:

— Не...

— Да пойдем, не бойся, — сказал Журка.

— Не... — повторил мальчик. Суетливо поскреб по полу острыми краями новых сандалеток, коротко вздохнул и спросил, глядя в сторону: — А он меня простит?

— Кто?

— Ну... папа твой...

«Да нужен ты ему...» — чуть не сказал Журка. В самом деле, не будет же отец сводить счеты с этим и так задавленным бедой мальчишкой. А если сперва и вскипит, если заговорит, что «таких с детства учить надо», — Журка скажет: «Папа, отпусти его. Ты же видишь, как ему плохо...» Отец послушает. Журка знал, что сейчас отец согласится на его любую просьбу.

«Не бойся», — хотел сказать Журка. И в эту секунду опять позвонили. И опять мальчишка сжался на стуле.

Однако и сейчас это был не отец. Вернулась мать «диверсанта». Она очень огорчилась, когда узнала, что отца еще нет.

— Вот же невезенье какое... А мне к трем часам на работу надо, я в домоуправление подрядилась по субботам полы мыть...

— Ну, так вы идите. А его оставьте, — опять посоветовал Журка.

— Одного-то...

— А что, он дорогу домой не найдет?

— Да найдет... Тут еще одна забота. У него талон к зубному врачу на два часа. А он один, паразит, ни за что не пойдет, сбежит. Он их боится, врачей-то этих, пуще милиции...

Журке не хотелось так сразу расставаться со своим несчастным гостем, он продолжал испытывать к нему странное чувство. Смесь жалости и любопытства. Но самым главным было ощущение нерешенной загадки. И эту загадку понять без мальчишки было невозможно.

— А в какую поликлинику талон? У вас, на «Сельмаше»?

— Да нет, в городскую. В нашей-то нету детского кабинета...

— Это недалеко, — сказал Журка. — Если хотите, мы его сводим. — Он оглянулся на Горьку, который независимо стоял в дверях кухни и пальцами вытаскивал из стакана компотные ягоды. А вдруг Горька скажет: «На фиг нам это надо?» Но тот бросил в рот сливу и кивнул.

— Вот ведь... — опять нерешительно заговорила женщина. — Сколько хлопот вам... — Она вдруг повысила голос, чтобы сын в комнате слышал ее. — Он вон чего натворил, окаянный, а вы с ним возитесь! Наоборот бы надо!

— Да вы не бойтесь, наоборот не будет, — почти испу-

ганно отозвался Журка. — Вы думаете, мы его обидеть хотим?

— Да что ты! Я же вижу, что вы по-хорошему... Мальчик, может, ты поговоришь с папой-то? Чтобы он не очень сердился. А?

Журку опять скрутило от неловкости.

— Да ладно... вы не волнуйтесь, — пробормотал он, стараясь не смотреть в дряблкое, жалостливое лицо. И с непонятной тревогой подумал опять, что лицо это где-то видел.

Отца так и не дождался и в половине второго повели «пленника» в больницу. Мальчишка понуро шагал между Горькой и Журкой и молчал. Недалеко от поликлиники Горька сурово сказал:

— Не вздумай драпать.

Мальчишка отозвался тихо и немного удивленно:

— Куда я... — И при этом глянул не на Горьку, а на Журку.

Журка спросил осторожно:

— Дергать будут или сверлить?

— Сверлить...

— Это хуже, — вроде бы с сочувствием заметил Горька. — Мне два раза сверлили, дак я над креслом подлетал и опуститься не мог, будто космонавт в невесомости.

Журка поморщился и глянул на него с укором. Горька вдруг жестко сказал:

— Ничего. Это все же не так больно, как стекла в лицо.

«Перестань!» — хотел крикнуть Журка. И не крикнул. В Горькиной суровости была правда, никуда от этого не денешься. И не за что кричать на него. Журка почувствовал себя виноватым, будто сам оказался на месте «диверсанта». И опустил голову. А когда поднял, увидел отца.

Тот шел навстречу. Бинты с лица у него были сняты, но на лбу и на щеках белело много марлевых наклеек.

— Папа... — растерянно сказал Журка, будто его застали врасплох.

Отец улыбнулся, и белые наклейки зашевелились.

— Вы, гвардия, куда маршируете?

— Да... — сбивчиво начал Журка, — вот его... к зубному врачу провожаем, чтобы веселее было.

Он локтем ощутил, как дрогнул и боязливо напрягся ря-

дом «пленник». Краем глаза увидел Горькину усмешку. И топливо, чтобы Горька не сунулся в разговор, спросил у отца:

— Ты почему так долго у врача был?

— Очередь к хирургу. И возились со мной порядочно... Домой скоро придешь?

— А вот с зубом дела закончим и придем.

— Ну, давайте, — добродушно сказал отец. — Зуб — дело серьезное.

Когда разошлись. Горька небрежно сказал мальчишке:

— Хорошо ты разукусил дяденьку. Видел?

Журка думал, что мальчишка промолчит, но тот негромко ответил:

— Видел...

И это, кажется, смутило Горьку.

Перед белой дверью с табличкой «Детский стоматолог» никого не было. Из кабинета доносились еле слышное позвякивание и тихий голос. Эти звуки лишь подчеркивали неприятную тишину, которая висела в коридоре. У Журки шевельнулась совсем не героическая мысль: как все-таки хорошо, что не ему идти за эту белую дверь.

В большое окно безудержно рвался поток солнца. Со всем летнего, горячего. Лучи нагревали желтый пол и широкую клеенчатую скамейку. Журка, Горька и совсем поникший «пленник» присели. Клеенка была горячая, будто под скамейкой пряталась печка, но мальчишка зябко ежился и потирал ноги: на них, как от холода, высыпали пупырышки.

Дверь открылась. Из кабинета, держась за щеку, вышла девчонка с мокрыми глазами и, не взглянув на ребят, топливо пошла по коридору.

— Да-а... Там, видать, не курорт... — сказал Горька.

Мальчишка молча вцепился в края скамейки.

Из-за двери показалась пожилая женщина в халате и козынке: видно, медсестра. Весело удивилась:

— Ого! Сразу три богатыря! Кто первый?

— Да нет, один только, — отозвался Горька. — Вот этот. А мы конвоируем, чтобы не убежал.

Медсестра быстро наклонилась над мальчишкой, легонько взяла его за локоть. Сказала серьезно и ласково:

— А зачем убегать? Ничего страшного у нас нет. Пойдем, не бойся, мальчик. И не слушай их...

Мальчишка рывком поднялся. На ломких своих ногах покорно шагнул к двери и там, у порога, беспомощно оглянулся на Журку. Дверь за ним закрылась.

С минуту Журка и Горька сидели молча, будто ждали чего-то. Потом Горька бесцветным голосом проговорил:

— Сейчас завопит.

И тут Журка не выдержал:

— Ну зачем ты так?!

— Как? — не удивившись этому крику, спросил Горька.

— Ну вот так! Издеваешься!

— А ты его жалеешь...

— Ну и что?! — запальчиво сказал Журка. И повторил тихо, уже по-другому: — Да. Ну и что?

Горька помолчал и ровно проговорил, глядя на дверь:

— А я жалею тебя.

— За что?

— А если бы камень тебе в лоб? Если бы черепушка пополам?

— Но он же не попал... Он же не знал про меня. Он вообще не думал!

— Вот потому и гад, что не думал...

— Но ты же сам говорил... Ты сам его оправдывал! Когда про бутылку...

— Оправдывал? — Горька усмехнулся. — Я просто объяснил. И про него, и про себя.

— Не трогай ты его, он сейчас беззащитный.

— Мы все беззащитные, — откликнулся Горька.

— Почему? — удивился Журка.

— А нет, что ли? Что хотят с нами, то и делают. Захотели — погладили, захотели — пинка дали...

«Опять с отцом не поладил», — догадался Журка и сказал:

— Если тебе плохо, на других-то зачем кидаться...

— А вот я такой, — усмехнулся Горька, и глаза его сумрачно блеснули из-под медной челки.

— Какой «такой»?

— А вот такой. Подлый, — безжалостно сказал Горька.

— Ты чего ерунду-то городишь?

— Ерунду так ерунду. Значит, дурак... — как-то неохотно отозвался Горька. — Тебе-то что?

— Как это «что»?

— Ну, я тебе кто? Брат, бабушка, мать родная?

— Я думал, ты мне друг, — тихо сказал Журка.

— Я? Да ну-у... — Горька засмеялся с какой-то ненастоящей легкостью. — Это Ирка у тебя друг. А я так, сбоку припека...

— Не мели чушь! — крикнул Журка. Крикнул, пожалуй, слишком громко, потому что в Горькиных словах была кое-какая правда.

— Да нет, не чушь, — вздохнул Горька. — Она тебе, наверное, уже письмо написала...

— Ну... написала. А что такого?

— А мне сроду не напишет... У тебя и портрет висит: ты да она.

— У нее тоже висит: она, я да ты. Втроем.

— Ну да. Я там шутком нарисован.

— Горька... Ну ты чего? — виновато сказал Журка. — Это же пьеса такая. Ну играл бы принца, кто тебе не давал? Ты же мог...

— В пьесе-то мог...

Журка сказал осторожно:

— Иринка уехала, мы остались двое. Неужели нам теперь ссориться?

— Разве мы ссоримся? — будто бы удивился Горька. И вдруг спросил: — А ты мою фотографию повесил бы? Как Ромкину?

— Зачем? — испуганно спросил Журка.

— Ну, если бы... я, как Ромка...

— С тобой сегодня что? Заболел или не выспался?

— Ты не вертись, ты скажи, — усмехнулся Горька и опять блеснул глазами из-под медных волос.

Журка помолчал и проговорил неохотно:

— Я не хочу... про такое. Знаешь, Горька, я немного верю в приметы. Поэтому лучше не надо...

— Надо. Не вертись, — заупрямился Горька. — Я, может, тоже верю. И мне как раз надо. Только честно.

Журка украдкой сложил в замок пальцы, чтобы не случилось беды, и честно сказал:

— Да, повесил бы. А ты как думал...

Горька вроде отмяк немного. Что-то хотел сказать, но открылась дверь, и вышла медсестра. Спросила у Журки:

— Как зовут братишку-то? Мне надо карточку заполнить, а он с открытым ртом сидит и только гыкает.

— Братишку? — растерялся Журка. — Я не знаю... Он не братишка.

— Мы с ним случайно, — разъяснил Горька. — Просто нас попросили покараулить, чтобы не сбежал.

— Странно... А он сказал, что который в желтой рубашке, тот брат. Значит, не поняла... А как зовут-то вашего приятеля?

Журка с Горькой переглянулись. Журка виновато пожал плечами.

— Ну и ну! — неласково сказала медсестра и скрылась.

Все это перебило прежний разговор Журки и Горьки. Теперь они сидели потупившись и молча. Журка запоздало расцепил пальцы.

Минуты через три медсестра вывела мальчишку. Сказала ему:

— Видишь, ничего страшного. А послезавтра будет совсем пустяк. Пломбу заменим, вот и все. Приходи к девяти... — Она глянула на Журку и сухо сообщила: — Между прочим, его зовут Валерик.

На крыльце Журка спросил у Валерика. Спросил не сердито, а даже смущенно:

— Ты почему сказал, что я твой брат?

— Я не говорил, — пробормотал Валерик.

— Ну да, не говорил. Она же сказала...

— Она меня спросила: «Там твои друзья сидят?» А у меня же рот открыт был, а за щекой вата...

— Ну и что?

— Я говорю: «Ых...» Ну, значит, «нет». А она опять: «Может, там твой братишка есть?» Я опять сказал «ых». Она, наверно, подумала, что это «да»... Потом опять говорит: «Это который в желтой рубашке?» А я опять...

Он впервые сказал подряд несколько фраз. И вдруг будто испугался такого многословия — замолчал.

— А ты опять: «Ых», — закончил за него Горька. И снисходительно разъяснил: — Это она тебе зубы заговаривала, чтобы ты кресло не промочил со страха... Штанишки сухие?

Журка наградил Горьку злым взглядом и больше не смотрел на него. Стал смотреть сбоку на Валерика. Тот опять шел понурый и покорный — готовый вынести все, что ему приготовлено. Он был похож на печального Буратино, только без колпачка и длинного носа.

Журка все отчетливее чувствовал, что «молния» родилась не в руке этого мальчишки. Она родилась где-то раньше. Потому что по Валерику она тоже ударила. Журка не смог бы объяснить эту мысль словами, но он будто видел, как в воздухе вспыхивает черная звезда и одним лучом врывается в стекло машины, а другим валит навзничь мальчику в синей жесткой рубашке (хотя тогда Валерик, наверно, был одет не так).

— Слушай, а ведь не ты бросил камень, — уверенно сказал Журка.

— Я... — откликнулся Валерик. — Если бы не я, тогда я бы не признался... — Он помолчал и вдруг сказал с тем же долгим всхлипом, который Журка слышал в комнате: — Стекло на машине, оно выпуклое... За ним людей не видать совсем, только все в нем отражается. Все мелькает, как кино в телевизоре. Я и кинул. Я не знал, что опасно...

— Врешь ты все, — резко сказал Горька. — Все ты знал. Парни заставили, вот и кинул. И еще кинешь, если заставят.

Валерик мотнул головой:

— Нет... Они даже и не заставят. Я с ними больше не хожу...

— Куда ты денешься? — насмешливо проговорил Горька. — Позовут — и пойдешь. А не пойдешь — они тебе так вломят, что зубной кабинет после этого раем покажется.

Журка впервые увидел, как у Валерика упрямо и пренебрежительно сжался рот.

— Ну и пусть вломят. Я этого не боюсь.

— Какой храбрый! — усмехнулся Горька. — А зуб сверлить боялся, аж весь побелел.

Валерик не обратил внимания на насмешку. Он сказал с непонятной нарастающей доверчивостью:

— Это потому, что там нельзя зубы сжимать. Сидишь, а рот открытый... А если зубы сжать, я тогда терпеливый. Мамка вчера вон как отлупила... за это... Я и то молчал.

Горька возразил:

— Мать сильно лупить не будет. Она всегда жалеет.

— Да? — тихо сказал Валерик. Он остановился, быстро оглянулся и неловко поднял подол своей твердой рубашки. На боку у него, пересекая тонкие проступившие ребра, синели припухшие длинные следы ударов. Журку будто хлестнули по глазам. И затошнило.

— Она жалеет, конечно. Потом, — хмуро объяснил Валерик. — «Сыночек, сыночек...» А сперва, если разозлится, то себя не помнит. У нее нервы...

Горька грубовато сказал:

— А чего молчал-то? Наоборот, надо было орать. Кто-нибудь заступился бы.

— Не, — серьезно возразил Валерик. — Тогда бы соседи услышали. А они на мамку и так сердятся. Они на нее письмо писали, что пьет и меня обижает... Чтобы меня у нее отобрали в интернат. А если отберут, она куда без меня?.. Да она теперь совсем редко пьет, а они писали, чтобы нашу комнату себе забрать...

Дальше пошли молча. Как раньше: по сторонам Журка и Горька, а между ними мальчишка в синей рубашке с латунными пуговками и цветными колечками на кармашке. Только это был уже не «волчонок», не «диверсант» и не «пленник», а Валерка...

На старинном здании банка висели большие часы. Горька увидал их и будто споткнулся:

— Ой-ей! Братцы! Мне же к маме на работу забежать надо! — Он поспешно зашагал вперед и вдруг оглянулся на Журку. Сказал скованно: — Я, может, вечером зайду. Можно?

— Да ты что спрашиваешь! — обрадовался Журка.

— Может, ночевать останусь. Ладно?

— Да, конечно! Ты обязательно приходи!

— Ладно. Пока! — И он, стуча полуботинками, побежал к остановке, где как раз шипел и дергал дверцами автобус...

Автобус увез Горьку, а Журка подумал, что Горькина мать сегодня не на работе. Суббота. И уехал Горька потому, что с ним что-то не так. А может быть, просто не захотел больше обижать Валерика? Или подумал, что Журку с Валериком надо оставить одних? Зачем? Чтобы он, Журка, мог принять какое-то решение?

Троллейбусная остановка была рядом с автобусной. Журка спросил у Валерика:

— Деньги у тебя есть?

— Зачем?

— На дорогу.

— У меня талоны есть... — Валерик потянулся к синему кармашку с колечками.

— Ну и хорошо. Садись на «шестерку» и кати домой.

Валерик широко открыл глаза — не черные, а темно-темно-коричневые. Шепотом спросил:

— А как... твой папа?

— Ну зачем ты моему папе? — со вздохом сказал Журка. — Ты что, всерьез думаешь, что он будет на тебя в суд подавать?

Валерик низко опустил голову и проговорил:

— Правда не будет?.. Мама за стекло уже деньги заплатила... И за лечение может, если надо...

— Вон идет «шестерка», садись, — сказал Журка. Троллейбус распахнул двери, но оттуда сердито донеслось:

— Дрынк!

Валерик будто обрадовался:

— Мне на этом нельзя.

— Подождем.

Валерик переступил тонкими ногами и опять спросил нерешительно:

— А он правда... он мне... ничего?

Журка подумал.

— Ты где живешь?

— Я? На «Сельмаше».

— Адрес какой?

— Я... Механизаторов, четыре. Квартира два.

— Ну и ладно. Если чего, я тебя найду... Да не бойся...

Только не вздумай связываться опять с этим Репой и с другими дураками. А то снова вляпаешься.

— Не... я не буду, — сказал Валерик.

Потом он уехал в тяжелом пузатом троллейбусе, а Журка пошел домой. С облегчением, но в то же время с досадливым чувством, будто недоделал что-то важное. А что — не знал.

ОПЫТ РАЗГОВОРА С ОТКРЫТЫМ РТОМ

— Это ты, Журавель? — спросил отец из кухни, когда Журка вернулся. Журка заулыбался: чуть ли не впервые в жизни он услышал от папы свое журавлиное прозвище. Не слишком точное, правда, но разве в этом дело?

— Угу, — откликнулся он и остановился в дверях кухни. Отец, нагнувшись над раковиной, мыл тарелки: видимо, он только что пообедал.

Журка несколько секунд смотрел на отцовскую спину. Потом весело сказал:

— Ты удобно стоишь...

— Чего?

— Ничего-ничего. Так и стой, — засмеялся Журка. И с разбега прыгнул отцу на спину. Тот крикнул, тряхнул плечами, но Журка вцепился прочно.

— Ты что, обалдуй! Чуть тарелку не грохнул, — запоздало закричал отец. — Вот мама бы дала нам... Ну-ка слазь!

— Не-а... — отозвался Журка. — Ты меня лучше прокати.

— Ю-рий...

— Ну что «Юрий»? Почти двенадцать лет Юрий. А ты прокати, ты меня давно не катал. Все равно не слезу.

— Орясина, — проворчал отец, и Журка понял, что он старается не улыбаться. — Тебя уже на прицепе возить надо...

Потом отец покорно вздохнул, подкинул Журку на спину и ухватил под коленки. Журка взвизгнул — пальцы были мокрые и холодные. Отец тяжелыми шагами грузчика понес его через квартиру. Посреди большой комнаты Журка вдруг сказал:

— Постой, папа... — И прямо в ухо отцу прошептал: — Помнишь мальчика, который сегодня с нами был?.. Папа, это он бросил камень в машину.

Широкая спина затвердела. Журка медленно съехал с нее, встал перед отцом и, глядя ему в грудь, перебирая пуговицы на его рубашке, рассказал все, что было. Потом поднял глаза.

— Я, папа, сказал ему, чтобы ехал домой, не дрожал больше. Он и так намутился.

Отец хмыкнул, потирая украшенный заплаткой подбородок. Сказал растерянно:

— Вот ведь, надо же... А с виду такой цыпленок.

— А он такой и есть, — отозвался Журка. — Просто все у него получилось как-то... будто все против него.

— Ну и ладно, что уехал, — задумчиво сказал отец. — Я с ним как бы стал говорить? Это дело тонкое... педагогическое. Только у меня вот какая мысль...

— Какая? — встревожился Журка.

— Может, ему лучше было бы, если бы его от матери забрали? Если она с ним... так вот обращается.

— Не знаю, папа... — нерешительно проговорил Журка. В самом деле, откуда он мог знать? — Папа, он же ее любит. Если его заберут, она совсем... А он будет думать: как она там без него? Что у него будет за жизнь — каждый день в тоске...

— А сейчас у него хорошая жизнь?

— Ну, нет, конечно... Но все-таки не один. — Журка опустил глаза и, подавив смущение, признался: — Я бы без мамы не смог...

Отец моргнул, неловко улыбнулся, шевельнул губами, словно хотел спросить: «А без меня?»

Журка молча ткнул лбом ему в грудь.

Маленький Максимка боком сидел на трехколесном велосипеде и насупленно поглядывал на подходившего Журку.

— Почему Федота не пхинес?

— В дхугой хаз...

— А ты не дхазнись...

— Не буду, — согласился Журка. — А ты чего сердитый?

— Жизнь такая, — меланхолично откликнулся Максим. — Одни непхиятности... В велосипеде тохмозов нет. На дом наехал, колготину похвал. Видишь, дыкка... — Он дернул коленкой.

— Чепуха, — утешил Журка.

— Тебе чепуха, а мне от мамы влетит.

— Не влетит, пойдем.

Лидия Сергеевна обрадовалась Журке и Максима ругать за «дыхку» не стала.

— А Валерий как раз фотокарточки гляncует, которые на вашем спектакле снимал, — сообщила она. — Иди посмотри. По-моему, неплохо получилось.

Но Валерий Михайлович сидел, запершись, в ванной и попросил Журку подождать. А то следом за ним проникнет в ванную некая личность, а здесь провод у глянцевателя не изолирован...

— «Некую личность» я пойду поить молоком, — сказала Лидия Сергеевна. — Журка, а может быть, и ты хочешь?

— Ой, правда хочу! — сознался Журка. — Я сегодня пообедать позабыл. Столько было дел.

Лидия Сергеевна дала ему, кроме молока, макароны с сыром и поинтересовалась:

— Что за дела?

— Всякие разные, — вздохнул Журка. Подналег на макароны и стал рассказывать по порядку: про утреннюю репетицию и Эмму Львовну с телевидения; про Валерика и его мать; про то, как ходил в поликлинику. Только про смутный разговор с Горькой и про неясное беспокойство, которое осталось после Валерика, рассказывать не стал. Он вовсе не хотел что-то скрывать от Лидии Сергеевны, но не знал, как объяснить ей свою тревогу... Зато он охотно и весело рассказывал про последний разговор с отцом.

— Ну вот... Значит, совсем помирились с папой? — тихонько спросила Лидия Сергеевна.

— Угу... — смущенно сказал Журка. И вдруг пришло к нему громадное облегчение. Только сейчас. Словно именно в эту минуту растаяла, испарилась тяжелая ледяная корка, которая привычной холодной тяжестью давила на него столько месяцев подряд. Он сам поразился этой неожиданной и небывалой легкости. Удивленно и обрадованно глянул на Лидию Сергеевну.

Она поняла его радость, улыбнулась навстречу, ласково сказала:

— Ну и славно... Все теперь будет хорошо.

Но в ее голосе Журка уловил усталость. Лидия Сергеевна, видимо, догадалась об этом. Качнула головой, провела по лицу ладонями, виновато призналась:

— Ох, и устала я, Журка...

— А почему? Что случилось? — Он быстро повернулся к ней вместе с табуреткой.

— Да ничего особенного. Просто сессия на носу, зачеты пошли, а я в этом семестре закрутилась с хозяйством, лекций напропускала. Теперь столько учить приходится, просвета не видно... Ох, уйду я, Журка, на заочное.

— Куда? — испугался он.

— На заочное отделение. Чтобы работать в школе, а в институте только экзамены сдавать и контрольные работы.

— Но тогда еще труднее будет, — рассудительно заметил Журка.

— Труднее... и легче. Я, Журка, по школе скучаю. Ты рассказываешь про все ваши дела в классе, а я так бы и побегала туда. Понимаешь, я как будто в чем-то виновата...

— В чем? — удивился Журка.

— Трудно объяснить... Наверно, у меня такой нелепый характер. Все кажется, будто я ребят бросила.

— Кого? Нас? Но ведь все равно же...

— Да нет, вообще ребят... Ну, вот будто война идет, а я в тылу сижу. Вроде бы делом занята, да не самым главным... Хотя это, конечно, очень громкое сравнение...

— Ведь не война же... — осторожно возразил Журка.

Лидия Сергеевна сказала негромко:

— Война, Журка... За таких вот, как этот Валерик, про которого ты рассказывал... Я, знаешь, о чем подумала? Был бы он в моем классе, я бы его никакой беде не отдала.

«А ведь точно!» — понял Журка. И тревога за Валерку опять кольнула его. Журка сказал:

— Тогда идите на это... на, заочное...

— Ох, Журавлик... Думаешь, так просто? Знаешь, сколько забот прибавится! И работа, и сессии, и... вон эта личность беспризорником растет... Я на курсе заикнулась было про заочное отделение, а все подруги в один голос: «Ты с ума сошла! Учись, пока есть возможность, успеешь еще ярмо на

шею надеть! Муж зарабатывает, чего тебе...» В общем, кажется, убедили. Почти...

— Если «почти», значит, не убедили, — заметил Журка. — Лидия Сергеевна, вы их не слушайте.

— Но если разобраться, они же правильно рассуждают.

— Ага! — откликнулся Журка. — «Правильно»... Лидия Сергеевна, у меня дедушкино письмо есть, последнее. Он там знает что написал? «Если тебе все-все, со всех сторон, будут говорить правильные слова, а ты хоть самую капельку будешь знать, что надо делать по-своему, так и делай...»

— Да... Но, Журка, посуди сам. Тогда могут сказать: «Значит, мы все глупые, а ты один умный? Разве ты не можешь ошибаться?»

Журка подумал.

— Можно проверить, — сказал он. — Можно тысячу раз себя спросить: «Ты не ошибся? Ты не ошибся?» И если уж видишь, что нет, тогда все...

— Да... а если все же ошибся, только сам этого не понял? Людям-то ведь тоже надо верить...

— Ну... — растерянно сказал Журка. Не привык он вести такие споры и не мог найти нужных слов. И на помощь пришел Валерий Михайлович. Он появился в дверях и весело вмешался в разговор:

— А себе, между прочим, тоже надо верить... Вспомни-ка, дорогая Лидия Сергеевна, позапрошлый год. Как тебя завуч, директорша, вожатая и родительский комитет убеждали, что в пионеры надо принимать сперва лучших, а ты уперлась: «Они у меня все лучшие!»

— Точно! — обрадовался Журка. — Вам тогда говорили, что вы педагогику не знаете. Мы про эти разговоры тоже слышали!

Лидия Сергеевна рассмеялась:

— Сдаюсь... Эх, вы, рыцари, двое на одну слабую, замученную женщину!.. Ну-ка брысь все из кухни, я буду мыть посуду.

В комнате Валерий Михайлович дал Журке пачку теплых от глянцевателя фотографий. Журка сел на корточки и разложил их на полу. Сопящий от любопытства Максим пристроился, конечно, рядом.

...И словно опять зашумела, заиграла вокруг Журки сказка о Золушке. И зазвенел испуганный голос Иринки:

— Что же мне теперь делать?

— А что? — удивился принц.

— Куда я в таких лохмотьях...

— Подумаешь! Пошли танцевать «Рыжую лошадь»!

— Меня засмеют...

— Пусть только попробуют! Я же рядом с тобой. Я за тебя всегда буду заступаться... если хочешь...

— Я... хочу... Ой, смотрите, ребята, а башмачки не рассыпались, остались...

Журка стал медленно раскладывать фотографии. «Эти — для ребят, эти — мне, эти — Иринке пошлю. Эти — Горьке...»

Только обрадуется ли Горька? Увидит себя в костюме шута и опять что-нибудь скажет.

И беспокойство снова вернулось к Журке. Как все-таки непросто устроена жизнь...

Как-то получилось, что от Лидии Сергеевны Журка снова попал в школу. На странную молчаливую репетицию, где все двигались, но ничего не говорили. Как в балете без музыки. Золушка была непонятно кто — Лида, или Иринка, или совсем незнакомая девочка. Журка старался подойти к ней поближе, но все время оказывалась на пути Эмма Львовна, которая играла лесную ведьму...

Потом все исчезли, и Журка понял, что уже очень поздно, давно пора домой, мама беспокоится. К тому же в опустевшей темной школе стало тихо и страшновато. А если честно сказать — совсем жутко.

Задохнувшись от этого непонятного страха, Журка промчался по коридорам и выскочил на улицу. Сердце стrelяло короткими очередями...

Вечер был светлый. Тихий и мягкий. Журка торопливо пошел к дому. Прохожие удивленно оглядывались на него. И Журка вдруг понял, что идет по городу в костюме принца. Забыл переодеться.

Вернуться? В пустую школу, в ее жуткую тишину? Журка боязливо оглянулся. Но школы уже не было видно, а была вокруг многолюдная улица — наполовину знакомая, а наполовину странная, будто сказочная. Журка быстро пошел

мимо освещенных окон, и люди провожали его молчаливыми взглядами. Даже манекены из витрин удивленно следили за ним.

Мучаясь от этих неотрывных взглядов, от неловкости за свой театральный костюм, Журка свернул в переулок и понял, что оказался недалеко от парка.

«Вот и хорошо, — подумал он, — сейчас пробегу через кусты, потом через мост, а там рядом дом».

До ворот было далеко, и Журка подошел к решетчатой изгороди, чтобы найти лазейку. И увидел, что это не парковая решетка. Изгородь была сделана из дырчатых железных полос. Как там... где он спас Федота...

Страх опять накрыл Журку, и стало ясно, что не надо пробираться туда, за решетку. И совсем там не парк... Но лазейка открылась сама собой, и Журка полез в нее — сквозь страх, сквозь густую колючую траву и кусты. Не хотел, а лез...

Потом он выбрался на пригорок и оглянулся. Нет, кругом был все-таки парк. Только очень пустой и тихий. Смутно темнели замершие лодки качелей, подымалось над черными деревьями страшно громадное колесо обозрения.

Было темно и по-прежнему жутко. «Хоть бы огонек какой...» — подумал Журка.

И тогда среди спиц колеса разгорелось большое светлое пятно, превратилось в ясный круг. Это была, кажется, луна, только очень яркая. Почти как солнце, но с голубоватым светом. И Журка понял, что теперь совсем не страшно. И что не стоило прятаться, потому что на нем был не костюм принца, а простая школьная форма. А от придворной одежды у него только шпага.

Журка вынул эту шпагу — не от страха, а на всякий случай — и стал спускаться с пригорка. И чем дальше он шел, тем яснее понимал, что оказался в парке не из-за косых взглядов прохожих. Он здесь, чтобы встретиться наконец с Ромкой.

Ромка был где-то совсем близко. Где? Почему не идет навстречу? Журка побежал. Свернул на боковую дорожку, выскочил на лужайку позади киоска. Здесь валялись пустые фанерные ящики...

Ромка стоял на краю лужайки. Он был какой-то стран-

ный, понурый, одетый в зимнее пальто и шапку. И на Журку не смотрел. Будто дремал стоя. Журка подбежал, тряхнул его.

— Ромка! Ты чего такой! Почему так закутался?

Ромка вздрогнул, поднял глаза. Обрадовался, но сказал с мягким упреком:

— Конечно... Я тебя сколько жду. С самой зимы.

«Ой! — подумал Журка — Почему же так получилось?»

Но Ромка уже улыбался, как всегда. Он сбросил с плеч пальто, размотал шарф, скинул в траву шапку. Теперь он был в такой же, как Журка, форме. Но тут же он снял и школьную курточку и остался в знакомой желтой рубашке с черной ленточкой. Только на ленточке было вышито сейчас не «Windrose», а просто «Ромка».

— Ну, пойдем куда-нибудь, — сказал Ромка и протянул Журке руки. Как тогда, при знакомстве у школы. Журка взял его пальцы и... увидел на них несколько маленьких круглых бородавок. Он замер. Он вдруг ясно понял, что если поднимет взгляд, то увидит не желтую рубашку с черной ленточкой, а синюю — с цветными колечками на кармане. И темные, смотрящие из пугливой глубины глаза...

Он все же сделал усилие, посмотрел. Нет, это был по-прежнему Ромка, такой же, как и раньше. Только теперь без улыбки. Медленно и задумчиво Ромка спросил:

— Ты отправил Иринке фотоснимки?

— Нет еще...

— А Горька...

— Что Горька? — с неожиданной тревогой отозвался Журка.

— Ты повесил его фотографию рядом с моей?

— Зачем?

Ромка сказал уклончиво:

— Ну... он же просил.

— Нет... Он не просил... Он не так... — с непонятым страхом забормотал Журка. А Ромка глянул потемневшими глазами и озабоченно проговорил:

— Странно, что он не пришел к тебе вечером. Он обещал. Даже хотел остаться ночевать...

«А ведь правда!» — ахнул Журка, вспомнив, как целый вечер ждал Горьку.

«Но ведь я еще не был дома!»

«Нет, был. А Горьки не было...»

Журка быстро сжал на прощание Ромкины пальцы с маленькими бородавками, мельком успел все же заметить синюю рубашку с колечками и, скрутив себе нервы, разорвал сон.

...Светило в окно солнечное утро. Но остатки сна еще стучали в Журке редкими тревожными ударами. И страх не проходил. Потому что в самом деле Горька вчера вечером не пришел, хотя и обещал...

Журка взглянул на будильник: было около шести. Он вскочил, уперся ладонями в стену, посмотрел на Ромкин портрет. Сказал с упреком:

— Ты чего снишься так по-дурачки?

Но Ромка улыбался ясно и открыто. Это был настоящий Ромка, не из тревожного сна. Он ничего не знал про Горьку...

Журка торопливо оделся, махнул из окна на тополь, спустился по стволу. Май — это еще не лето. Утро было безоблачное, но зябкое, и Журку сразу заколотил озноб. Особенно когда пришлось бежать через пустырь. Там всюду разрослись лопухи, и сейчас они были в ледяной росе.

Дрожа от холода и тревоги, Журка примчался к Горькиному дому, встал на цыпочки, заглянул в полутемную комнату.

Напротив у стены стоял диванчик, и на диванчике Журка различил закутанный в одеяло ком. Из одеяла торчала нога. Ком зашевелился, нога торопливо спряталась, будто Журкин взгляд пошекотал ее. Журка засмеялся от облегчения и шагом, уже не боясь мокрых лопухов, двинулся домой. По тополю и через окно он забрался к себе в комнату. Там он опять улегся в постель и проспал до половины девятого...

Проснувшись, он уже знал, что будет делать. Нужно увидеть Валерика. Зачем? Журка не мог себе объяснить, чувствовал только, что надо. Хотелось. Он почему-то стеснялся этого желания, но понимал, что не успокоится, пока не встретится с Валериком.

После завтрака Журка взял с гвоздя тонкую пластиковую сумку с рекламой сигарет «Мальборо» и побежал на троллейбусную остановку.

Первый троллейбус был, конечно, «дрынка». Журка огрел его по корме свернутой в трубку сумкой. Он нервни-

чал. Ему казалось, что он может куда-то опоздать. Но тут подошла другая «шестерка».

Журка ехал и удивлялся, какой громадный город. Через полчаса потянулись улицы, где он еще никогда не бывал. Мелькнуло здание с колоннами, из-за которого уходила в высоту решетчатая телевышка, и Журка с холодком волнения подумал о завтрашнем спектакле. Но это будет завтра. А сегодня... Журке казалось, что сегодня тоже случится что-то необычное.

Хорошее?

Или опять «молния»?

На «Сельмаш» приехали через час. Журка вышел на конечной остановке и растерянно оглянулся. Здесь все равно что в другом городе. Куда идти, где искать Валеркин дом?

Над широкой площадью поднимались шестнадцатиэтажные разноцветные дома. Из боковой улицы выкатил звенящий трамвай, и Журка от удивления приоткрыл рот: в центре трамваев не было, и он даже не знал, что они водятся в этом городе...

Журка ошутил на себе чьи-то взгляды. У киоска «Союзпечати» стояли три парня лет по четырнадцати и непонятно смотрели на Журку. Он сразу вспомнил рассказы о здешних ребятах, об их любимой поговорке: «К нам не суйся — мы сельмашевские». И правда, в этих парнях было что-то подозрительное. Вроде как в компании Капрала.

Журка коротко вздохнул, шелкнул себя по колену сумкой и с екнувшим сердцем пошел прямо к ребятам. Сказал, глядя в лицо самому высокому:

— Мне на улице Механизаторов надо. Это далеко?

Парни оказались ничего. С усмешкой, но толково объяснили, что «пойдешь вон в ту арку, а там протопаешь квартал и вертай налево».

Журка так и сделал.

За площадью дома были пониже, а улица Механизаторов оказалась совсем тихой: с лужайками, палисадниками и деревянными штакетниками вдоль узких тротуаров.

Поглядывая на номера, Журка шагал мимо двухэтажных домов и неожиданно вышел на пустырь.

Пустырь был почти такой же, как у них на Парковой.

Так же росли лопухи и валялись бетонные блоки. Среди лопухов и блоков гоняли мяч ребята. Совсем маленькие, класса из первого или второго. Они играли «в одни ворота». Штангами ворот служили два ржавых ведра. Между ведрами стоял мальчишка в широкой кепке, громадных перчатках и рыжем обвисшем свитере, из-под которого еле виднелись смятые в гармошку шортики.

Журка обрадовался. Потому что не надо было искать дом номер четыре и квартиру номер два. Потому что мальчишка был Валерик.

Журка подошел сзади и негромко сказал:

— Эй...

Валерик оглянулся. Испугался. Опустил руки, уронил с них перчатки. И Журка сразу понял, о чем он думает и чего боится. Журка сам вчера сказал: «Если чего, я к тебе приду...»

— Да все в порядке, — торопливо проговорил он. — Я к тебе так, по пустяковому делу. — Он развернул сумку. — Вот. Это вы вчера оставили?

Валерик, не понимая, смотрел то на сумку, то Журке в лицо.

— Я думал, это вы вчера забыли, — повторил Журка. — Вот и привез...

В глазах Валерика смешались радость и недоверие. Он чуть улыбнулся, тут же испугался своей улыбки и спросил:

— Ты из-за этой сумки?.. Нарочно приехал?

Журка небрежно сказал:

— Ну, а что делать? Сумка лежит под вешалкой, я подумал, что ваша.

— Не... — прошептал Валерик и опять нерешительно улыбнулся. А Журка подумал с запоздалым страхом: «Вдруг бы сказал: наша? Тогда что?» Тогда ясно стало бы, что совести у Валерки нет и знаться с ним больше нечего. И сумку пришлось бы отдать, чтобы не выглядеть дураком. И от мамы бы влетело, эта сумка ей нравилась.

Но Валерик мотнул головой и снова сказал:

— Не... не наша.

Потом в глазах его опять метнулось опасение. И тогда Журка проговорил:

— С отцом все нормально, ты не бойся. Я к тебе не ради того случая ехал.

Валерка глубоко передохнул, опустил глаза и вдруг тихо сказал:

— Ну и не ради сумки...

Эти слова застали Журку врасплох. Он понял, что сейчас начнет что-то доказывать, бормотать какие-то глупости. И тогда, сердито мотнув головой, он сказал:

— Да. У меня к тебе один вопрос. Ну-ка, давай сядем. Вон там.

Валерик послушно пошел к бетонному блоку, сел, с беспокойством глядя на Журку. Малыши перестали гонять мяч и подошли пестрой стайкой.

— Подождите, — остановил их Валерик негромко, но по-командирски. Они остановились в десяти шагах.

А Журка встал перед Валериком.

— Я насчет зубов, — объяснил он.

Валерик удивленно заморгал.

— Покажи, пожалуйста, какой тебе зуб сверлили, — попросил Журка.

Валерик широко раскрыл рот и ткнул туда пальцем.

Журка присел и сделал вид, что внимательно разглядывает. Потом спросил:

— Сейчас не болит?.. Постой, не закрывай рот, так скажи. Не болит?

— Ых, — сказал Валерик, чуть мотнув головой. Это было явное «нет».

— Завтра опять к врачу?

— Ыхы, — согласился Валерик.

— «Ыхы» — это значит «да»? — уточнил Журка.

Валерик кивнул.

Журка выпрямился, коротко вздохнул, набираясь решимости, и сказал в упор:

— А теперь ответь. Вчера, когда тебя медсестра про меня спрашивала, брат я или нет, ты что сказал? «Ых» или «ыхы»?

Журка никогда не думал, что люди могут так сильно и стремительно краснеть. Валерик уронил голову, его щеки, уши и шея под черными нечесаными прядками сразу сделались вишневыми. Та же вишневая краска пошла по рукам,

докатилась до ногтей. И наконец выступила даже на немых коленках. Словно желая их спрятать, Валерка вцепился в них изо всех сил. Как вчера, дома у Журки. Ногти побелели.

Журка взял Валерика за кисти рук, мягко, но решительно приподнял. Пальцы разжались, и на коленях остались от них белые пятнышки. Валерик не сопротивлялся, но и голову не поднимал. Журка сказал:

— А я знаю, как вывести бородавки...

— Как? — шепотом спросил Валерик. Краска на его ушах немного посветлела.

— А помнишь, как Том Соьер и Гек Финн их сводили?

— Кто? — бормотнул Валерик.

— Ты что, не читал про Тома Соьера?

— А, читал... Нам в классе читали, — вспомнил Валерик и наконец поднял лицо, стыдливо посмотрел на Журку. В глазах у Валерика была мольба: «Ты только больше не спрашивай меня про брата, ладно?»

«Не буду», — глазами пообещал Журка и сказал:

— Читали, а не помнишь...

— Нет, я помню, — откликнулся Валерик. — Это с кошкой на кладбище... Это же все не по правде.

— Что не по правде? Том Соьер?

— Да нет. Про бородавки...

— А ты бы пошел на кладбище ночью?

Валерик улыбнулся слабо, но уже без опаски. Сказал доверчиво:

— Не... Это страшно...

— А я ходил. Ну так, чтобы себя проверить, — сказал Журка. Он вовсе не хвастался. Просто чувствовал, что надо продолжить разговор. Хоть о чем, лишь бы говорить. — Я ходил, и кошка там была. Только не дохлая. Вернее, кот. Его какие-то гады к кресту привязали... Теперь он у нас живет... Это в Картинске было, там кладбище недалеко от нашей улицы. Но оно не страшное, старое, вроде парка. Так что ничего особенного...

Валерик слушал, уже не пряча глаз. Потом сказал, сочувствуя Журке:

— Все-таки страшно... Все-таки это не парк.

— Ну, конечно, не парк, в парке веселее, — согласился Журка. — А ты в парке часто бываешь?

— В каком?

— В каком! В центральном, конечно. Там, где всякие аттракционы.

— Не... Я только два раза, давно. Он же далеко.

— Не так уж далеко. Сел на «шестерку» и доехал без пересадок.

— Я знаю. Одному неохота...

— Ну... — сказал Журка, будто переступая черту. — Если хочешь, поехали вместе.

Валерик удивился, весь как-то вскинулся, недоверчиво помолчал и спросил:

— Когда?

— Хоть сию минуту, — стараясь говорить небрежно, отозвался Журка.

— Давай! — с торопливой готовностью сказал Валерик. Схватил с травы перчатки, задрал на животе свитер, сунул перчатки под резинку на поясе и опять опустил подол. Смешно получилось, будто под свитером надулся большой живот. Журка засмеялся:

— Ты что, так пойдешь? В этом малахае и с таким пузом?

— Ой, правда, — виновато сказал Валерик. Скинул в траву кепку, сдернул через голову свитер, бросил перчатки. Окликнул одного из малышей:

— Толька, я больше не играю. Надевай это все, если хочешь. Вставай за меня.

Бойкий веснушчатый Толька охотно забрал вратарское снаряжение, а Валерик робко спросил Журку:

— Так можно?

Он остался в белой майке с рукавами, на которой оранжевой и черной краской была напечатана улыбающаяся рожица тигренка. Она полиняла от многих стирок, но все равно выглядела задорно, по-боевому.

— В самый раз. Поехали, — сказал Журка. И спохватился: — Подожди. Ты зайди домой, маме скажи, что поехал...

— Мамы нет, она еще не скоро придет, — чуть насупившись, объяснил Валерик. — Она к тете Лене поехала, чтоб

насчет обмена комнаты договориться. Нам с этими соседями не житье...

Журку смутила его взрослая озабоченность. Но Валерик уже думал о другом. Он смотрел на Журку преданно, нетерпеливо и с беспокойством: «Ты не передумал?» И вдруг сказал:

— Может, ты думаешь, у меня денег нет? У меня полтинник есть. Вот... — Он неловко полез пальцами в плоский кармашек у пояса.

— У меня тоже есть, — весело откликнулся Журка. — На карусель хватит. У тебя голова на каруселях не кружится?

— Не-е...

НЕ БОЙСЯ ГРОМА...

Писать большие письма Журка не любил. Потому что рука не успевала за мыслями — все, что пишешь, получалось коротко и сбивчиво. Хорошо бы придумать машинку, которая читает мысли и сразу печатает их на бумагу. Тогда получилось бы вот что:

«Ришка, здравствуй!

Это уже второе мое письмо. В первом я послал ленточку «Windrose» и рассказал, как мы с папой мчались в аэропорт и вдруг — камень. От тебя письмо я тоже получил, но ты, когда его писала, мое первое письмо не получила. А теперь, наврное, получила и снова напишешь. Да?

...Ришка, я про того Валерку, который бросил камень. Я его должен был ненавидеть, а злости у меня не появилось. Почему-то даже наоборот... Понимаешь, Ришка, он беспомощный. И он на меня так смотрел, будто я для него последняя защита... В общем, я на другой день его разыскал и повез с собой в парк. Ну, в те места, где мы с тобой играли в прошлом году... Там теперь еще один новый аттракцион «Спутник на орбите». А на железной дороге вагончики новые, разноцветные, а на них всякие звери нарисованы... Ришка, а во Владимире хороший парк? Там у вас в городе, говорят, кремль старинный на холме, красивый... Может, и правда приедь. Мы там везде полазим, ладно?

...Я опять про Валерку. Сперва он какой-то боязливый был, а потом сделался... ну, обыкновенный. Даже веселый.

Мы с ним в парке чуть ли не до вечера проболтались, все деньги на карусели и на мороженое извели. А есть-то, знаешь, как захотелось! Я ему говорю: «Пойдем к нам, пообедаем. Не бойся!» Ну, а он, конечно, уперся. Да и я бы на его месте тоже... Тогда я, знаешь, что сделал? Повел его к Лидии Сергеевне. Чуть не силой затащил. А она обрадовалась. С Валеркой так же, как со мной, стала разговаривать. Будто давно его знает. Начала нас обедом кормить. Валерка опять будто заморозился, но потом ничего, оттаял. А тут еще Максимка с улицы пришел, начал меня и его вопросами донимать. С ним не заскучаешь, с Максимкой, ты же знаешь. Болтал, болтал, а потом мне говорит:

«Ты мне котенка подар-ри скор-рее» (он на днях «р» начал выговаривать, старается теперь). Я говорю:

«Какого котенка?»

«Ну, Федот же когда-нибудь выр-родит котенков».

Мы с Лидией Сергеевной поглядели друг на друга и надуться начали, чтобы хохот удержать. Потом я говорю:

«Ладно, если выродит, подарю».

А сам думаю: «Найду где-нибудь и принесу».

«Только р-рыжего».

«Рыжего трудно. Федот-то серый, а дети всегда на родителей похожи».

Он думал, думал и, знаешь, что придумал?

«А давай, — говорит, — покрасим его желтой краской. А когда котенок уже будет, мы его опять отмоем».

Знаешь, Ришка, мы все чуть не взорвались от хохота. Даже Валерка... Он, между прочим, так хорошо смеется, весело, когда не боится. У него даже голос теперь немного другой стал, чище как-то.

Мы тогда долго сидели у Лидии Сергеевны, потому что начался дождь с грозой. В эти дни у нас частые грозы. Мама боится и вздрагивает, а я люблю, когда грохает. Потому что гром — это не страшно, это уже после молнии. Если слышишь, как гремит, значит, молния ударила мимо... А какая у вас погода? У нас, если нет грозы, то тепло и солнечно. И от этого хорошее настроение.

...Ришка, только одно плохо: Горька на меня опять надулся. Кажется, сильно. Потому что я целый день был в пар-

ке с Валеркой, а Горька меня ждал, ждал... Но, понимаешь, нельзя было, чтобы Горька и Валерка вместе... Пока нельзя. Валерка его боится. Вернее, стесняется как-то... Я Горьке вечером хотел объяснить: «Понимаешь, так получилось, ты не обижайся...» А он: «Я и не обижаюсь, насильно мил не будешь». И пошел домой.

Вот это меня сегодня сильно грызет.

А еще грызет что-то непонятное из-за сегодняшней съемки для телепередачи. Да нет, я не боюсь, что плохо сыграю, и даже не волнуюсь, только кажется, что может что-то случиться. Вот этого боюсь, сам не знаю почему... Но ничего, это я переборю. И опять на всякий случай надену под майку свой старый пионерский галстук...»

Из-за съемки во всех классах отменили последние уроки (вот была радость в школе!). Учителя быстро отправили ребят по домам. Хорошо, что погода теплая, — в раздевалке никакой суеты. Среди учеников нашлись несознательные личности, которые пытались укрыться в разных классах и кабинетах: им хотелось потом просочиться в зал и поглазеть на телекамеры и операторов. Однако этих нарушителей быстро выловили и проводили к выходу. Им осталось разглядывать громадный серебристый фургон с буквами «TV» и два автобуса, которые стояли у школьного крыльца. От фургона и автобусов тянулись к школьным окнам толстые резиновые кабели.

А в школе стало пусто и гулко, как в каникулы. Только в зале возились у больших глазастых телекамер и многочисленных светильников молодые бородатые дядьки, а в раздевалке спортзала натягивали на себя театральные костюмы участники спектакля. Да в учительской переговаривались учителя — одни остались по делу, другие — из любопытства (их-то не выгонишь, как ребят)...

Журка украдкой поправил под футболкой галстук и торопливо натянул через голову узкую бархатную курточку с пышными рукавчиками у плеч и широким кружевным воротником. Подошел к молчаливому Горьке, сказал тихонько: — Застегни, пожалуйста...

Это означало: «Горька, не сердись на меня. Я нисколько не хотел тебя обижать. Я же не виноват, что так получается...»

Горька неторопливо и старательно затянул у Журки под воротником застежку-молнию. И ничего не сказал.

— Спасибо, — подождав, проговорил Журка.

Горька, наверно, не слышал. Он уже влезал в клетчатый комбинезон дежурного шута.

«Ну и пусть! — с резкой досадой подумал Журка. — В чем я виноват?»

Он кинул на плечи плащ и, позванивая шпорами, пошел из раздевалки. Почувствовал, что Горька смотрит вслед, но оглядываться не стал.

По звонким пустым лестницам Журка поднялся в зал. Здесь то зажигались, то гасли жгучие белые рефлекторы. На сцене стояла декорация комнаты принца. За кулисами басовито вякали электрогитары и подавала голос флейта. Журки на тревога почти угасла. Стало расти привычное праздничное волнение, как всегда перед спектаклем.

Два бородатых оператора о чем-то негромко спорили с третьим, курчавым и темноволосым. Он держал в руках большой аппарат, видимо, кинокамеру. Что-то нервно говорил, качая камерой в сторону сцены. Потом отвернулся и, прихрамывая, отошел. Встретился взглядом с Журкой и вдруг улыбнулся. Незаметно, одними глазами, но так по-хорошему. Журка тоже улыбнулся и спросил:

— У вас кинокамера?

— Совершенно верно, ваше высочество, — отозвался курчавый оператор.

— А говорили, что будут на магнитную пленку снимать.

— Правильно, в основном на магнитную. А я на всякий случай, для подстраховки. И кое-какие детали снять надо...

— А-а... — сказал Журка и подумал: «Что бы еще спросить?» Ему не хотелось обрывать разговор. А оператор попросил:

— Слушай, ты не мог бы узнать у вашего начальства, есть у вас в школе электрик или нет? Осветители не могут подключиться, боятся все провода пожечь...

— Могу, — охотно сказал Журка. Вышел из зала и зашагал по пустому коридору к учительской.

Коридор был очень длинный. На желтых половицах ровно лежали прямоугольники солнца. Журке казалось, что идет

он долго-долго. И вдруг подумалось ему, что это не коридор, а улица в незнакомом городе, а свет падает на мостовую из окон домов. И стучат по деревянному тротуару каблуки, по званивают шпоры.

А впереди какая-то дверь, и что за ней — неизвестно.

И это было предчувствие опасности...

Журка тряхнул головой, постучал и открыл дверь учительской.

Там были Вероника Григорьевна, Маргарита Васильевна, несколько полупознакомых учителей, завуч Виктор Борисович, еще одна завуч, Алла Геннадьевна, и даже директор Нина Семеновна. А чуть в стороне, у тумбочки с телефоном, стояла Эмма Львовна — командир всей телепередачи. Она отчетливо и решительно говорила в телефонную трубку:

— ...Да, я еще в пятницу предупреждала, что должен быть запасной рулон! Хорошо, проверьте. Нет, это надо сделать сейчас же. И сразу позвоните сюда, прямо в школу. Пятдесят пять семьдесят ноль четыре. Нет, не Тихоновой, а Кергелен. Эмме Львовне Кергелен!

Она положила трубку, и Журке показалось, что сразу стало тихо-тихо.

Все смотрели на него.

— Ты что, Журавин? — спросила Маргарита Васильевна. — Хочешь сказать, что ребята уже готовы?

— Здравствуйте, — машинально сказал он.

— Здравствуй, здравствуй. Ну, в чем дело? Ты хочешь что-то спросить?

— Да — проговорил Журка. — Нет... Я хотел сказать, что там ищут электрика... Но теперь, кажется, все равно...

— Почему все равно? — встревожилась Вероника Григорьевна. — Юра, что случилось?

Журка посмотрел на Эмму Львовну. Она, как и все, держала Журку под вопросительным взглядом. Журка глубоко вздохнул. Сделалось зябко, и стала надвигаться тишина — сильнее прежней. Похожая на оглушительный звон. Сквозь этот звон Журка громко спросил:

— Ваша фамилия Кергелен?

— Да. А в чем дело?

Журка опять вздохнул и спросил тише и решительней:

— Это вы в январе были режиссер передачи «Подросток — заботы и тревоги»?

— Да, я... Я постоянный режиссер этого цикла. А все-таки, в чем дело?

Журка сказал устало, но твердо:

— Я не буду сниматься.

То, что было потом, Журка запомнил как отрывки. Яркие, но перемешанные.

Кажется, после своих слов он сразу повернулся и пошел из учительской. В раздевалку. Чтобы переодеться и поскорее уйти домой. На середине коридора его догнали Маргарита и Эмма Львовна.

— Журавин, стой! Это что за фокусы?

И он понял, что ничего не кончилось.

— Это не фокусы. Я не хочу сниматься с этой... с этим человеком. Из-за нее уехала Иринка.

— Как ты разговариваешь! Какая Иринка? Что за чушь!

— Это не чушь! Когда она в своей передаче Иринкиного отца... А он не виноват! Даже не разобрались! А теперь я должен сниматься, да?!

Видимо, они поняли наконец, в чем дело. Только неясно, когда поняли: сразу или потом, в зале... Как все оказались в зале, Журка не помнил. Помнил только яркие лампы и шум голосов. Он почему-то стоял на сцене, сзади его обступали восьмиклассники в форме королевских гвардейцев, а перед ним стояли Маргарита, Эмма Львовна, учителя. И говорили, говорили наперебой. О том, что он не имеет права срывать... О том, что сейчас не время разбираться в старых обидах... О том, что та передача не имеет никакого отношения к этой... О том, что Журавин должен успокоиться, взять себя в руки и помнить о чести школы...

Он слушал, не перебивая. Но когда все умолкали, ожидая ответа, он говорил:

— Нет.

— Что значит нет? Журавин! Кто тебе дал право решать? А ему никто не давал. Он сам решил. Он так и сказал:

— Я сам.

Тогда взорвался Виктор Борисович. Он подскочил, зато-

пал блестящими туфлями, замахал кулачками, визгливо закричал:

— Вылетишь из школы как пробка!

Журка закрыл глаза, но не шелохнулся. Что он еще мог? Только так стоять и не двигаться. От крика, от угроз, от этого злого напора, от резкого света, который горел неизвестно зачем, Журка ощутил себя совсем беспомощным. Страха не было, но подкатили слезы, и Журка загнал их внутрь крупными глотками. И когда загнал, стало легче.

— Не кричите на меня, — сказал он Виктору Борисовичу.

Тот задохнулся:

— Ах ты... Дерзец!

— Тихо, тихо, товарищи... — Это поднялась на сцену директор Нина Семеновна. — Виктор Борисович, не волнуйтесь, у вас сердце... И давайте разберемся по порядку. Я уже в курсе... Товарищи, выключите там ваши прожекторы...

Сразу стало хорошо-хорошо. И светлый день за окнами показался мягким и спокойным. И Нина Семеновна была тоже спокойная, добродушная, уверенная, что в ее школе не может быть никакого беспорядка и несправедливости. Журка передохнул.

Нина Семеновна присела на фанерный, расписанный бронзовыми завитушками диванчик. Оглядела всех. Гвардейцы-восьмиклассники отступили к самым кулисам. Там же растерянно топталась Лида Синявина в платье из мешковины и стоял сумрачный Горька.

— Товарищи, — укоризненно сказала Нина Семеновна. — Почему все, не разобравшись, накинулись на Юру Журавина? Разве у мальчика двенадцати лет не может быть своих принципов, своих убеждений? А если он в чем-то прав?

— Но, Нина Семеновна...

— Минуточку, Маргарита Васильевна. Журавин ваш ученик. Скажите, он был когда-нибудь злостным нарушителем дисциплины? Обманщиком? Трусом, ябедой, хулиганом?

— Нет... Правда, тот случай зимой...

— Я в курсе. В том случае Журавин действовал необдуманно, однако в этих действиях была своя правота. И свое благородство. Он защищал девочку. И сейчас... Сейчас Юра

тоже поступает искренне. И наша задача не кричать на него, а спокойно объяснить, в чем он ошибается... А может быть, Юра, ты понял уже сам?

— Нет, — сказал Журка, и опять в нем натянулись все нервы.

— Тогда послушай... Допустим, в той передаче Эммы Львовны были свои просчеты...

— Простите, товарищ директор, но о моих просчетах... — взвинченно перебила Эмма Львовна.

— Одну секунду. Я сказала «допустим». Но посуди сам, Журавин, разве режиссер Кергелен хотела кого-то сознательно обидеть? Зачем ей это было нужно?

— Ей нужны были выразительные кадры, — дерзко сказал Журка. Потому что в его памяти как бы размоталась вся лента передачи. И снова он увидел залитое слезами, измятое лицо женщины, услышал ее беспомощный голос: «Я же его люблю, он же сыночек мой...» И теперь он четко знал, что это было лицо Валеркиной матери...

— Ей кинокадры, а людям горе. Ни над кем, даже над виноватыми людьми, нельзя так издеваться, — уже совсем бесстрашно проговорил Журка.

— Журавин, Журавин, — изменившимся голосом произнесла Нина Семеновна. — Ты позволяешь себе лишнее.

— Тогда отпустите меня домой, — тихо попросил Журка.

— Домой — это невозможно. Ты смеешься? А спектакль? Ты должен сниматься, это твой долг. Понимаешь? Д о л г.

— Нет.

Виктор Борисович, Маргарита Васильевна и завуч Алла Геннадьевна качнулись к нему. Директор остановила их движением ладони.

— Журавин... Здесь собрались десять взрослых людей. Опытных, знающих свое дело и, уверяю тебе, неглупых. И все говорят тебе: «Юра, ты ошибаешься». Почему ты не можешь нам поверить? Почему ты, еще мальчик, считаешь, будто ты прав, а все взрослые не правы?

У Журки заболела голова, словно опять зажглись рефлекторы. И он сказал сквозь эту боль:

— Взрослые, конечно, всегда правы. Но я еще не взрослый. Зачем мне эта ваша правота?

— Я тебя не понимаю.

— Брандукова не стала бы сниматься, если бы узнала, кто режиссер. А я, значит, должен быть предателем?

— Но Брандукова уехала во Владимир. — вмешалась Маргарита Васильевна. — Она никогда не увидит этой передачи!

— Если не увидит, значит, можно? — сказал Журка. И услышал резкий короткий смех. Это зло и непонятно засмеялся у кулисы Горька.

— Но кто же виноват, что все так сложилось! — воскликнула Маргарита Васильевна. — Нельзя же из-за одного случая срывать общее дело! Теперь с Брандуковой все равно ничего не исправить! Что же делать?

Журка не знал, что надо делать. Но он точно знал, что делать не надо.

Не надо сниматься.

— Я пойду? — спросил у Нины Семеновны Журка.

— Никуда ты не пойдешь! — Она крикнула это уже без всякого добродушия. — Довольно комедий! Эмма Львовна, у вас все готово? Сейчас будем начинать!

— Нет, — сказал Журка. И увидел, как внизу у сцены ходит взад-вперед незнакомая седая дама (наверно, тоже с телестудии). Она ходила, держалась за виски и повторяла:

— Немыслимо. Немыслимо. Какой-то мальчишка... Это не позволяют себе заслуженные артисты...

— Наверно, он думает, что передача нужна мне, — с резкой насмешкой произнесла Эмма Львовна. — Да объясните вы ему, что передача нужна тысячам зрителей. Нужна вашей школе. Людям нужна! И объясните ему, что простаивает техника! Из-за него. Он знает, во сколько обходится минута простоя телевизионной аппаратуры? А если студия предъявит счет его родителям? Они же не расплатятся всю жизнь!

Голова перестала болеть, но слегка кружилась. И было все как во сне, когда снится бой и очень обидно, что ты в этом бою один и не сможешь победить. Но это был не сон. Журка сказал:

— Сам расплачусь, если надо.

— Вы посмотрите! — воскликнула завуч Алла Геннадьевна. — Какой миллионер! Ты что, наследство получил?

— Да, — сказал Журка и подумал, что пусть. Дедушка не обиделся бы за книги. Он же сам писал: надо делать по-своему, если считаешь, что прав.

Откуда-то издалека, из зала вдруг дошел до сцены спокойный и молодой голос:

— Зачем пугаете мальчишку? Кто его заставит платить? Он же не подписывал договор, чтобы сниматься...

Журка бросил взгляд в сторону телекамер и опять увидел курчавого оператора.

— А вас, Кошкарев, кто просил вмешиваться? — зло сказала Эмма Львовна. — Ваше дело — вспомогательная съемка.

— Если бы только это... — ответил оператор Кошкарев.

— Защитники нашлись... — бросила Эмма Львовна.

— Защитники не помогут, — сухо отозвалась Нина Семеновна. — Журавин должен понимать, что он срывает работу целой организации. Это как минимум стоит неудовлетворительной оценки по поведению за весь учебный год. И соотвествующей характеристики.

Журка вспомнил Димку Телегина и сказал:

— Впереди еще пять лет, исправлю.

— Но ты, дорогой мой, не исправишь другого! — вмешалась завуч Алла Геннадьевна, которая ведала внеклассной работой. — Тебя вышибут... да-да, именно вышибут из пионеров! — Очки ее, похожие на свадебную эмблему, торжественно засверкали.

— За что?! — крикнул Журка. — Что я сделал? Воровал или хулиганил? Или предал кого-нибудь? Просто сниматься не хочу!

— Вот за это и будешь исключен...

— А вот и не буду! Отряд не даст! А без отряда нельзя.

— Отряд проголосует, как нужно...

— А я галстук не отдам. Зубами вцеплюсь.

— Цепляйся, цепляйся. Доцепляешься... до колонии.

— Что вам от меня надо? — сказал им всем Журка. — Все равно я не буду сниматься. — И вдруг он заплакал. Неожиданно для себя. Все сильнее и сильнее. Неудержимо. Сел на диванчик, на котором недавно сидела Нина Семеновна. Прислонился щекой к покрашенному бронзовой пудрой подлокотнику.

Стало тихо-тихо. Журка слышал только свои всхлипы. Потом кто-то сказал чуть виновато:

— Ну вот, сам себя довел...

— Какая съемка, когда он в таком состоянии, — негромко и досадливо произнесла Эмма Львовна Кергелен.

И совсем тихо (наверно, думая, что Журка не слышит) возразила ей Маргарита:

— Да поймите вы, что дело не в передаче. В нем дело. Если мы его сейчас не сломаем, что будет потом? В шестом классе, в седьмом, в восьмом? То, что он делает, — неподчинение. Для школы это хуже хулиганства и воровства.

— Но вы его уже сломали, — пренебрежительно сказала Кергелен.

«Да? — подумал Журка. — Черта с два...»

Они решили, что если он плачет — значит, готов. Но слезы сами по себе, а он сам по себе. Он всхлипнул еще раз, встал, вытер ладонями мокрые щеки со следами бронзового порошка и упрямо спросил:

— Можно мне идти домой?

Нет, его не пустили домой. Виктор Борисович закричал, что надо немедленно вызвать родителей.

— Они на работе, — сказал Журка.

Алла Геннадьевна подвела Веронику Григорьевну.

— Посмотри ей в глаза! Посмотри, посмотри. Она писала пьесу, старалась. А ты... Вероника Григорьевна, скажите ему!

Посмотреть? Ладно! Журка вскинул залитые слезами глаза. Но Вероника Григорьевна смотрела в сторону.

— Оставьте мальчика, — сказала она. — Пусть он решает сам.

И пошла, такая усталая и грузная, что под ней прогибалась сцена.

— Ты бестолочь, Журавин, — шепнула Маргарита. — Ты знаешь, что с тобой сделают ее восьмиклассники?

Ее услышали. В молчаливой шеренге восьмиклассников прошлестел невнятный шепот. Потом оттуда сказали:

— Никто его не тронет.

Журка узнал: это был Егор Гладкой.

— Правильно! — подхватила Маргарита. — Потому что у вас есть благородство! А у него благородства ни на грош!

Из-за своего каприза он подводит телестудию, подводит школу, своих товарищей, которые пришли на съемку, как на праздник!.. За что ты им так мстишь, Журавин? В чем виновата вот она? — Маргарита ткнула в сторону Лиды Синявиной. — Вот он! — В сторону длинного девятиклассника Олега Ножкина, который играл короля. — Вот он! — В сторону Горьки. Горька хмуро усмехнулся.

— А я в чем виноват? — с отчаянием спросил Журка. — В том, что не хочу быть предателем?

— О господи! Да нет здесь никакого предательства! Ты его выдумал! Ясно? На самом деле его нет!

— Есть, — сказал Журка.

— Нет его, нет! — крикнула Маргарита, наливаясь помидорной краснотой.

— Иринка не стала бы сниматься. Я тоже не буду, я ее друг.

Снова откуда-то появилась Эмма Львовна.

— Мне эта передача не нужна! Но мы не можем сейчас тебе в угоду заменить режиссера.

— И не надо, — вдруг успокоившись, заявила Маргарита. — Журавин просто болен, оставим его. Вероника Григорьевна, вы говорили, что Валохин знает роль принца не хуже Журавина, верно? Вот и пусть играет. А без шута можно обойтись. Как вы считаете?

— Как хотите, — издалека сказала Вероника Григорьевна.

— Вот и прекрасно! Валохин, переодевайся!.. Или, может быть, Журавин не даст свой костюм?

— Да нет, пусть берет... — растерянно сказал Журка. И добавил пренебрежительно: — Пожалуйста. Если хочет...

Он посмотрел на Горьку мокрыми презрительными глазами... и сразу подавился стыдом, как горячей кашей. «Ты что? — взглядом спрашивал его Горька. — Ты забыл? Забыл, как вечерами читали книги о плаваниях и бурях? Как я учил тебя летать на веревке? Как ты бежал за моим отцом и кричал, что я не виноват? Как мы там, на баррикаде из ящиков, стояли плечом к плечу... Думаешь, ты один такой гордый, а остальные — тьфу!»

«Горька, я...»

«Ладно, подожди...»

Горька сложил на груди тонкие клетчатые руки и сказал со спокойным удивлением:

— Надо же... А меня и не спросили.

— А тебя и не спросят, — с угрожающей ласковостью разьяснила Маргарита. — Ты будешь делать, что скажут. Иначе живенько сообщим отцу, а он впишет тебе, что положено...

Журка повернулся к ней так, что отлетела шпора.

— Вы что... — с тихой яростью сказал он. — Вы...

Но Горька перебил его. Он ответил негромко и чуть лениво:

— Не впишет. Он от нас ушел.

«Правда?» — с удивлением и тревогой взглянул на него Журка.

«Правда».

Так вот почему Горька был в эти дни такой... Пришелся и по нему злой удар. А может, и не удар? Может, это лучше? Ведь Горька жил при отце в постоянном страхе... Но почему в страхе? Откуда берутся такие отцы? Как ни поверни — все равно горе.

И никакая машина не поможет, дурак он был, Журка. Думал: тысячи спутников над всей Землей, лучи, волны, пульта с миллионами сигнальных огоньков! Нажал кнопку — и отвел чье-то горе. А как отведешь, если горе делают сами люди? Если кому-то в радость чья-то боль? Если одни смеются, когда другие плачут? Тут все пульта задымят сгоревшими предохранителями, полопаются все сигнальные лампочки и спутники посыплются, как битые елочные игрушки...

— ...Журавин, ты слышишь?

— Что?

— В последний раз тебя спрашивают: ты всерьез намерен сорвать телезапись?

...И опять лица, лица. Трясутся налитые помидорным соком щеки Маргариты. Блестят очки Аллы Геннадьевны. Рот Виктора Борисовича то сжимается в крошечную розочку, то превращается в черную дыру. Криво изгибаются нарисованные губы Эммы Львовны Кергелен. Гневно возносятся на лоб тонкие брови Нины Семеновны.

— Журавин!..

— Журавин!..

— Журавин!..

То крик, то опять спокойные и убедительные слова. Такие правильные! Ведь в самом деле срывается передача, простаивает съемочная техника, обижена Вероника Григорьевна, чуть не плачет Лида Синявина — ей так хотелось увидеть себя на экране! И все из-за него, из-за Журки...

— Журавин, как ты не можешь понять...

Он может. Он все понимает. Под лавиной справедливых слов, под их громадной взрослой правотой сжимается в крошечный комок его собственная правота.

В комок? В маленький неразбиваемый кристалл с колючими углами и гранями.

— Жу-ра-вин!

— Да подождите! — отчаянно сказал он и прижал к лицу ладони. — Ну подождите, дайте подумать...

И сразу все замолчали. И в наступившей тишине было слышно только дыхание, а потом еще еле различимый свист. Кто-то про себя насвистывал в зале песенку. И Журка догадался, кто. И песенку вспомнил: про кораблик и дальние острова. Она звучала сквозь дыхание тех, кто ждал Журкиного ответа.

А чего они ждут? Когда он оторвет от лица ладони и скажет, что согласен? Они не знают, что он обманывает. Ни о чем он не думает, ничего не решает. Просто закрылся, чтобы хоть минуту отдохнуть от их напора, от угроз и уговоров, — от слов — таких верных и справедливых, что с ними невозможно спорить. Как он может спорить? Что он возразит этим людям, которые сильнее, умнее, старше?

Журка опустил руки, потрогал языком заросший рубчик на нижней губе и сказал:

— Нет.

* * *

Вот здесь бы и кончить повесть о Журавленке и его друзьях. Но не получается. Из-за одной мелочи. Когда Журку и Горьку все же отпустили (а вернее, гневно прогнали), оказа-

лось, что внизу, у спортзала, заперта раздевалка. Техничка тетя Лиза сердито сказала:

— Ничего не знаю. Не велено открывать. — И ушла, ворча и звеня ключами.

— Отомстили, — хмыкнул Горька.

— Глупо, — сказал Журка. — Думают, что ли, что мы обратно пойдем?

Он устало сел на скамейку у дверей. Журка тоже. В окнах стоял пасмурный свет, и это ничуть не удивило Журку. Столько времени продолжался этот бой там, наверху! Конечно, уже вечер...

Журка поставил перед собой шпагу, уперся щекой в рукоятку. Посмотрел на Горьку. Тот сидел, уронив руки между коленей, обтянутых шахматными штанинами.

— Правда, отец ушел? — спросил Журка.

— Правда. Три дня назад.

— Горька... Плохо, да?

— Не знаю... Мать изводится.

— Горька, ты... Ты меня прости.

— За что? — как-то необычно ласково спросил Горька.

— За все. За вчерашний день.

— Ой, да ладно тебе. Я же понимаю...

— С этим Валеркой... Видишь, он...

— Да понимаю я. Куда тебе деваться, раз он сказал про брата... Наверно, у каждого человека должен быть брат...

— Наверно, — сказал Журка и поднял голову.

И Горька поднял голову. И убрал с глаз медные пряди.

— Я про это не раз думал, — сказал Горька.

— Про брата? Чтобы у каждого?

— Да.

— Тогда давай, — сказал Журка. После того, что было в зале, после спора и упорства, слез и решительности он чувствовал, что надо теперь говорить без ложного смущения — честно и ясно. Такая пришла минута.

— Давай, — отозвался Горька, и глаза его посветлели.

— Давай. Чтобы ты и Валерка, и Ришка, и я... Это же можно!

— Можно.

— Это будет в тысячу раз лучше машины...

— Какой машины?

— Да так, это моя фантазия... Потом я расскажу.

— Ты расскажи...

— Вот пойдем домой — и расскажу.

— Ладно... А как пойдем? Не в этом же! — Горька дернул себя за пышную манжету на узком рукаве.

«Да, в самом деле, — подумал Журка. — Но, значит, надо идти к Маргарите, просить, чтобы открыли раздевалку...»

— Нет уж, туда я больше не пойду, — сумрачно сказал он.

— Я тоже...

— Лучше уж так идти домой... Нет, правда. Три квартала пробежать. Если кто удивится и спросит, скажем: из драмкружка. Что особенного? А форму и сумки потом отсюда заберем.

— Тебе-то хорошо, ты все-таки принц. А я в этом клоунском наряде... Всем людям на потеху... Лучше уж совсем голым.

— Придумаешь тоже...

— А чего? Никто и не удивится, наоборот, скажут: молодцы. Скинули одежду, чтоб не замочить, и лупят в трусах под дождем!

— Под каким дождем?

— Ты что, не видишь?

За окнами прошелся по листьям резкий ветер, закрутились на асфальте пыльные вихри. И Журка наконец понял, что совсем еще не вечер, а просто надвинулась грозовая туча.

Мигнул розовый свет, а через несколько секунд прокатился над школой рокочущий гул. И ударили по стеклам большие капли.

— Ура! — сказал Журка. — Погода за нас! Ну-ка, расстегни мне сзади воротник...

— Давай... Готово. Журка, а зачем у тебя галстук под майкой? Я еще утром заметил...

— Надо. На счастье.

Они скатали в тугие муфты свои придворные доспехи и выскочили в тамбур. Дождь с нарастающей силой бил по автобусам у крыльца, над серебристым фургоном висела белая водяная пыль.

— Ну, дает, — сказал Горька и зябко переступил тонкими ногами.

— Да ничего, прорвемся! Нам не страшен серый волк! Бежим?

— Ага! Раз, два...

— Нет, стой! Вот как трахнет гром — сразу рвем!

Гром трахнул немедленно. И они бросились под упругие безжалостные струи. Ой-ей-ей какие холодные!

Но это сперва холодные. А потом ничего. Только очень уж здорово хлещут.

Сквозь ливень, сквозь мгновенные розовые вспышки и грохот майской грозы Журка и Горька мчались вниз по Крутому переулку. Журка почти захлебывался ливнем. Скользкий асфальт больно бил по босым пяткам и вырывался из-под ног. Промокший галстук (Журка его так и не снял) прилип к телу. Было жутковато и весело.

— Журка, не отставай!

— Я лечу! Только очень скользко!

Их обгоняли бурливые ручьи. Вернее, это был уже один поток, несущийся по мостовой и тротуарам.

Внизу, недалеко от Парковой улицы, вода с ревом срывалась в черный провал — в широкую, сантиметров тридцать, щель, которая открылась на мостовой и как бы разрубила правую часть дороги.

— Во какая пасть! Водопады глотает! — на бегу крикнул Горька. И оглянулся: — Журка, ты что?

А Журка стоял. Вода бурлила у его щиколоток и уносила в гудящую пустоту. Журка сделал осторожный шаг — ближе к провалу. Пласт лопнувшего асфальта упруго закачался под ступнями.

— Ты что! — заорал подлетевший Горька. — Смоет! Или провалишься!

— А что там такое?

В это время огненная линия полоснула над крышами и трахнула так, что казалось, на секунду остановился дождь. А потом захлестал пуше прежнего. Черная пустота втягивала в себя потоки.

— Что там? — опять крикнул Журка.

— Черт его знает! Какой-то подземный канал открылся или труба! Канализация какая-нибудь!

— Нет! Там целое подземелье! Как это могло случиться? Под самой дорогой! Крепеж разрушило, что ли?

— Не знаю! Потом разберемся! — закричал Горька. Струи лупили его по худым плечам и по голове с облипшими волосами. — Бежим!

— Подожди! А может, это подземный ход с Маковой горы?

— Может быть! Бежим!

Но Журка стоял. Он-то был сыном шофера. Он знал, что случится, если на скользкой дороге врежется передними колесами в эту щель автомобиль.

— Машина может грохнуть!

— Да не грохнет! Здесь они не ходят!

— А если на улице Мира опять проезд зальет? Все машины сюда повернут!

— А что делать? — крикнул Горька и присел от громового удара.

— Беги в школу! Скажи кому-нибудь, чтобы позвонили в ГАИ. Егору скажи!

— Бежим вместе!

— Да нельзя вместе! Я сигналить буду, если поедут! Вот, галстуком! — Журка дернул на шее слипшийся галстук. — Беги, ты в кедах, а у меня ноги скользят!

Горька рванул навстречу потокам и ливню. И на середине переулка скрылся за водяной завесой.

Журка оглянулся. До этого момента он не чувствовал холода, он был как бы сам частью стремительного дождя. Но сейчас задрожал.

Над тротуаром на высоте второго этажа горело окно. Там, в доме, зажгли очень яркую лампу, и широкий квадратный луч пробивался сквозь сверкающую толщу ливневых струй. Он чуть наклонно шел над мостовой и рассеивался на другой стороне улицы.

Журка машинально встал под этот луч, будто здесь было теплее.

Видимо, над Крутым переулком был самый центр грозы. Молнии стреляли уже не розовым, а белым светом, и гром

трахал за ними сразу, без малейшей задержки. Журка пригнулся от взрывов электрического треска, но делал это машинально. Он знал, что грома бояться нечего...

После очередного удара он не услышал, а скорее угадал, что сверху надвигается машина. И правда, за стеною ливня забрезжили размытые пятна горящих фар, а чуть позже проступил квадратный силуэт автобуса или автофургона.

Теперь все пошло очень быстро. Журка бросил к ногам сверток с одеждой, наступил на него, чтобы не смыло, рывками растянул на шее узел, вскинул в кулаке галстук. Но ткань была темная от воды, струи прижали ее к руке.

«Не заметят, — понял Журка. — А если и заметят, ничего не поймут».

А когда поймут, будет поздно!

Если бы галстук — на свет!

Но луч шел высоко над головой — не достать, не допрыгнуть.

Журка нагнулся, выхватил из одежды шпагу. Ножны отлетели, и вода смыла их в провал. Журка намотал галстук на конец клинка, затянул узел, вскинул тонкий клинок над головой. Все равно не хватало высоты. Чуть-чуть! А тяжелый автомобиль шел, шел, шел, и его фары расцветали за стеклянной стеною ливня, как громадные подсолнухи.

Журка встал на цыпочки и яростно тянулся к лучу. Наконец то ли кто-то шевельнул в доме лампу, то ли сам Журка через силу рванулся по вертикали — луч коснулся галстука. Сырой клубок ткани налился неярким, но отчетливым багровым светом.

Теперь заметят! Если не смогут затормозить, то в крайнем случае отвернут. Лишь бы устоять, не упасть...

И он стоял, вытянувшись вверх, и каждая жилка стонала в нем, дрожа от яростной и нервной силы. Струи били по лицу, но он не закрывал глаз и смотрел на свой крошечный красный сигнал.

Опять вспыхнула над головой трескучая оглушительная звезда. Журка пригнулся и вытянулся вновь.

«Если ударит в клинок, я, наверно, не услышу грома», — подумал он. И стоял...

Молнии рубили ливневое пространство над соседними

крышами, и каждая могла пройти обжигающим ударом через тонкую сталь клинка и струны Журкиного тела.

Не ударит? Не попадет?

Может быть, нет.

На этот раз, наверно, нет...

Но впереди еще столько гроз...

И если вы увидите под ливнем и молниями Журавленка, пожалуйста, поспешите ему на помощь.

Поспешите, как спешили восьмиклассники, поднятые отчаянным Горькиным криком.

1981 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗВЕЗДЫ ПОД ДОЖДЕМ. <i>Маленькая повесть</i>	5
ВАЛЬКИНЫ ДРУЗЬЯ И ПАРУСА. <i>Повесть</i>	41
КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ БРАТА. <i>Повесть</i>	149
ЖУРАВЛЕНОК И МОЛНИИ. <i>Роман для ребят и взрослых</i> ...	309

Литературно-художественное издание

Крапивин Владислав Петрович ЗВЕЗДЫ ПОД ДОЖДЕМ

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор В. Мельник
Художественный редактор А. Сауков
Технический редактор О. Куликова
Компьютерная верстка А. Пучкова
Корректор Т. Павлова

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника В. Саватеева

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16,
многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12
(м. «Сухареvская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Подписано в печать 27.09.2005.
Формат 84x108^{1/32}. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 31,92.
Тираж 5000 экз. Заказ 8412.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru